Лучшая фантастика

Тед Чан, Питер Уоттс, Грег Иган, Кен Лю,
Н. К. Джемисин, Элизабет Бир и др.

Под редакцией Джонатана Стрэна

Лучшая фантастика
Коллектив авторов

Аннотация
Лучшая фантастика
Выражение благодарности
Предисловие. Новое начало
Чарли Джейн Андерс
  Книжный магазин на краю Америки
Тобиас С. Бакелл
  Галактический туристический комплекс
Индрапрамит Дас
  Кали на
Салим Хаддад
  Пение птиц
Сюзанна Палмер
  Рисовальщик на деревьях
Карин Тидбек
  Последний вояж Скибладнир
Малка Олдер
  Прочные фонари и лестницы
Тед Чан
  На дворе 2059-й, а богатые детки по-прежнему выигрывают
Рич Ларсон

Канун Дня Заражения в Сомнамбулическом доме
Хан Сон
Подводные лодки
С. Л. Хуанг
Последнее, что осталось в мире этом
Фрэн Уайлд
Перечень штормов
Анил Менон
Роботы Эдема
Элис Сола Ким
Теперь жди этой недели
Тот раз, когда мы праздновали день рождения Бонни
Тот раз, когда Бонни спала
Тот раз, когда мы несли полную чушь
Тот раз, когда Бонни не обрела бешеную популярность
Тот раз, когда Бонни вела себя тихо
Тот раз, когда Бонни все отменила
Тот раз, когда Бонни попросила совета
Тот раз, когда Бонни все отменила
Тот раз, когда Бонни разбудила меня
Тот раз, когда Бонни была с нами серьезна
Тот раз, когда Бонни все отменила
Тот раз, когда от Бонни плохо пахло

Тот раз, когда Бонни угостила меня завтраком
Тот раз, когда Бонни осталась
Питер Уоттс
Пинагор
Суйи Дэвис Окунгбова
Песня дюн
Тиган Мур
Работа волков
Элизабет Бир
Плавная граница
Н. К. Джемисин
Аварийная кожа
Кен Лю
Мысли и молитвы
Эмили Форт
Грег Форт
Эбигейл Форт
Грег Форт
Эбигейл Форт
Сара Форт
Эмили Форт
Сара Форт
Эбигейл Форт
Грег Форт
Эмили Форт
Грег Форт

"Бессердечный", самопровозглашенный тролль
Эбигейл Форт
Алек Невала-Ли
У мертвого кита
I
II
III
Вандана Сингх
Воссоединение
Е. Лили Ю
Зеленое стекло: история любви
София Рей
Тайные истории дверей
Грег Иган
Это не путь домой
1
2
3
4
5
6
7
Чинело Онвуалу
Что сказал мертвец
Фонда Ли

Я (28M) создал дипфейковую девушку, и теперь мои родители считают, что мы должны пожениться

Кэролин М. Иоахим

Архронология любви

Аннотация

Ежегодная антология коротких научно-фантастических рассказов от Saga Press, составленная знаменитым редактором Джонатаном Стрэном!

Короткая проза мастеров – настоящие бриллианты фантазии от самых заметных писателей нашего времени – Теда Чана, Питера Уоттса, Грега Игана, Кена Лю, Н. К. Джемисин, Элизабет Бир… Также на сцену выходят начинающие писатели, у которых есть все шансы стать классиками жанра: Чинело Онвуалу, Вандана Сингх, Тиган Мур, Рич Ларсон, С. Д. Окунгбова.

Все то, о чем мы мечтали, что рассказывали друг другу, о чем переживали… Острые моменты настоящего и предсказания будущего. Политические и экономические проблемы, болезни окружающей среды и опасности искусственного интеллекта. Космический туризм и разумные роботы, грозные виртуальные боги и коварные сайты знакомств, апокалиптические мутанты и непостижимый внеземной разум!

Эта антология придется по вкусу всем, кто неравнодушен к научной фантастике!

Лучшая фантастика

THE YEAR'S BEST SCIENCE FICTION VOL. 1

© Compilation and introduction. Jonathan Strahan, 2020

© Перевод. Н. Нестерова, 2021

© Перевод. К. Егорова, 2021

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

* * *

Посвящается памяти моего дорогого друга Гарднера Дозуа (1947–2018), которому непременно понравились бы эти истории.

Выражение благодарности

Без сомнения, эта книга была для меня одной из самых сложных среди всех, с которыми мне приходилось работать. Жанр научной фантастики разрастается, меняется, становится все разнообразнее. Это замечательно, но вместе с тем это ведет к тому, что у всех прибавляется работы. Именно поэтому мне хотелось бы поблагодарить моего редактора Джо Монти, а также всех сотрудников издательства «Saga Press» — вы прекрасно поработали над этой книгой. Кроме того, мне хотелось бы выразить свою признательность моему агенту неутомимому Говарду Морхейму — о лучшем деловом партнере я и мечтать не мог; а также Лизе Тромб и всей команде «Локуса», которые всегда невероятно добры и великодушны; моему дорогому другу и соведущему подкаста Гэри К. Вульфу; Яну Монду; Джеймсу Брэдли; Рейчел С. Кордаско, которая обладает феноменальными познаниями в области переводной научной фантастики; Джону Джозефу Адамсу, который оказал мне огромную помощь; чудесной Ниси Шол; Кэт Вильхем и Тимми Дюшану из «Aqueduct Press»;

Стивену Х. Сильверу, который предоставил мне важную информацию для раздела некролога в моем предисловии; и, конечно, всем авторам сборника и их агентам. Особую благодарность я хочу выразить моей жене Мэриан, помогавшей мне вычитывать книгу и готовить мое сумбурное предисловие, а также двум моим дочерям за понимание, которое они мне оказывали, пока я пытался одолеть это чудовище.

Предисловие. Новое начало

Поборники точных календарных дат могут поспорить по поводу того, когда именно наступает новое десятилетие, столетие или даже тысячелетие, но всякий раз, когда числа в календаре меняются, возникает ощущение нового свежего начала. А значит, пришло время оглянуться назад. Итак, мы вступаем в 2020 год, и, похоже, вполне уместно будет подвести итоги. В конце концов, одна пятая столетия уже пройдена, и, мне кажется, это был идеальный момент для запуска новой антологии лучших научно-фантастических рассказов «Лучшая научная фантастика года» (в которой я хотел бы отдать дань уважения и признательности моему старому другу и наставнику Гарднеру Дозуа). Мне уже не в первый раз выпадает такая возможность, но нынешнее время, на мой взгляд, другое, особенное. В конце концов, мы с вами уже живем в будущем. «1984» Оруэлла теперь остался лишь в смутных воспоминаниях; со времени вечеринки, обещанной Принсом в «1999», прошло уже несколько десятилетий; «2001» Кларка теперь кажется таким же

далеким; и даже 2019 год из «Бегущего по лезвию» Ридли Скотта теперь остался позади.

Наступила новая, совершенно другая эпоха. Еще лет двадцать назад сложно было представить себе тот мир научной фантастики, в котором мы сейчас живем. В своем предисловии к антологии «Лучшая научная фантастика года» в 2000 году Гарднер Дозуа рассуждал о влиянии электронных книг, о том, выживет ли интернет-магазин Amazon.com, удастся ли когда-нибудь зарабатывать на публикациях рассказов в Интернете (ответ — пока что не очень), и как дальше будут развиваться Интернет и онлайн-торговля. Он был обеспокоен деятельностью файлообменной сети Napster, а также свободного скачивания материалов из Интернета (до появления айпода был еще целый год). Невероятно резкий скачок в развитии мобильных устройств, смартфонов, электронных книг и тому подобного был еще впереди, и тогда никто не мог этого спрогнозировать, как не могли поверить в то, какое влияние в наше время приобретут компании вроде «Disney», «Apple» или «Amazon» и насколько доминирующим будет их положение. Научная фантастика всегда неплохо предсказывала будущее, однако в начале 2000-х никто не мог себе представить, как будет разви-

ваться этот жанр, а также того, что произойдет со всем миром в целом. Разумеется, уже тогда начали назревать многие проблемы, с которыми мы сталкиваемся сейчас. Конечно, никто не мог в точности предугадать нынешние политические тенденции, однако уже шла речь о защите окружающей среды, необходимости противостоять климатическому апокалипсису. Эти проблемы нечасто встречались в научной фантастике 2000-х, однако они играют значительную роль в нашей жизни, занимают наше воображение и формируют тот фундамент, на котором строится современная научная фантастика.

Так о чем же эта книга, в которую вошли лучшие образцы научной фантастики? Некоторые преданные любители жанра стремятся определить признаки, способные отличить настоящую научную фантастику от ненастоящей. Это замечательная тема для дискуссии, которая поможет взбодриться в унылый дождливый день, но она также может стать причиной горячих споров и разногласий, которые порой отнимают слишком много времени. В начале 1950-х Деймон Найт пытался определить, чем на самом деле является научная фантастика, и сделал вывод, который звучал примерно так: «Научной фантастикой бу-

дет то, что мы этим термином назовем». Я слышал и другие интересные определения этого понятия, но для данной книги вполне подходит именно такая характеристика. Научной фантастикой является то, что я назову научной фантастикой. И думаю, большинство людей, которые будут читать эту книгу, вряд ли станут задаваться вопросом, что такое научная фантастика, какова ее роль и возможные цели (если только не сделают это чисто ради развлечения), однако они наверняка предпочтут многообразие замкнутости и снобизму. А все подобные споры лучше оставить для дружеских бесед.

Я планировал, что каждый из томов антологии «Лучшая научная фантастика года» будет содержать в себе лучшие короткие произведения в жанре НФ, которые я прочитал за год и счел достойным того, чтобы собрать их вместе и представить на ваш суд. Очень личный сборник, в котором я честно попытался бы собрать лучшее из прочитанного мной за год и в итоге создать глубокую и интересную книгу. Чтобы получить от нее удовольствие, вам не нужно обладать какими-то секретными связями, состоять в тайных обществах или перелопатить массу дополнительной литературы. Достаточно просто

интересоваться окружающим вас миром и обладать желанием прочитать что-то волнующее, захватывающее и современное. Разумеется, исходя из такого определения, сложно понять, о чем эта книга или хотя бы на что она стремится быть похожей. Дело в том, что научная фантастика планомерно движется к большей инклюзивности, литературному разнообразию, стремлению, чтобы все голоса были услышаны и все имели бы одинаковые права. И хотя на этом пути иногда попадаются кочки, но все же в жанре явно наметились тенденции рассказывать истории, увиденные с самых разных точек зрения. В этой научной фантастике уже не так важно, чтобы ее содержание было строго научно-фантастическим, здесь допускается размывание жанра и его смешение с другими жанрами, ее авторы все меньше задумываются о жанровой чистоте, и мне кажется, что это замечательно. Я надеюсь, что моя книга отразит все эти веяния: она будет одинаково интересна и любителям научной фантастики и тем, кто просто любит читать увлекательные истории.

Если вы просмотрите две самые значимые книги в жанре НФ, вышедшие в 2019 году, то увидите, что в обоих случаях эти произведения нельзя на-

звать прорывом в области научной фантастики, а кроме того, в них присутствует явное смешение жанров. «Гидеон из Девятого дома» Тэмсин Мьюир — это фэнтезийная готическая космическая опера о лесбиянках-некромантках, которые объединяются, чтобы спасти Вселенную, ну или что-то в этом духе. Роман вышел во второй половине года, и все сразу же стали сходить по нему с ума. Что это: НФ или фэнтези? На самом деле ответ на данный вопрос не важен, потому что книга была очень свежей, новаторской, актуальной. Вторым произведением стала повесть «Вот как вы проиграете в войне времени» Амаль Эль-Мохтар и Макса Глэдстона. В ней история рассказана через заметки и сообщения двух агентов, которые представляют две противоборствующие стороны в войне времени, но тем не менее влюбляются друг в друга. И опять же, основой повести становится научная фантастика, но вместе с тем в ней есть нечто новаторское, поэтому она и получила заслуженное признание. Сейчас складывается ощущение, что главное для современной литературы — это сделать так, чтобы в ней нашло отражение все наше общество, и мне кажется, что читатели от этого могут только выиграть.

Так каким же стал этот год для научной фан-

тастики? Если честно, то он немного напоминал американские горки. Одно из ключевых и самых скандальных событий произошло на вручении премии Хьюго в Дублине во время 77-го «Всемирного конвента научной фантастики». Британская писательница гонконгского происхождения Дженнет Нг была награждена «Премией Джона Кэмпбелла» как лучшая начинающая писательница. В своем эмоциональном выступлении она весьма нелестно отозвалась о политических и расовых взглядах Джона Кэмпбелла, в честь которого была названа полученная ею премия, а также высказалась по поводу протестов, происходивших в то время в Гонконге. Речь Нг была очень энергичной, экспрессивной и стала своего рода спусковым крючком для тех перемен, которые давно назревали в жанре НФ. Через две недели издательство «Dell Magazines», являвшееся спонсором премии, объявило о том, что они переименовывают «Премию Кэмпбелла» в «Поразительную премию» — это произошло как раз в преддверии празднования в 2020 году 90-й годовщины выхода в свет первого номера журнала «Analog» (одним из главных редакторов и идейных вдохновителей которого был Кэмпбелл), а через месяц «Центр исследования научной фан-

тастики Ганна» объявил, что проводимая ими «Конференция Кэмпбелла» будет переименована в «Конференцию центра Ганна». Шли также разговоры о том, что они могут переименовать и присуждаемую ими «Премию Кэмпбелла». Затем в середине октября комитет «Tiptree Motherboard» сделал весьма неоднозначное заявление о том, что они собираются переименовать «Литературную премию Джеймса Типтри» в «Иную премию» из-за той сомнительной репутации, которую получила писательница под конец жизни[1]. Все эти события стали наглядным подтверждением тех перемен в НФ, которые стали очевидны еще в 2015 году, когда «Всемирная премия фэнтези» изменила внешний вид приза, ранее выполненного в виде бюста Говарда Ф. Лавкрафта, из-за расистских взглядов писателя; и это было благосклонно воспринято в литературных кругах, а также стало отправной точкой для дальнейших изменений.

Если говорить об издательской сфере, то здесь обошлось без столь громких скандалов. Я не особенно пристально слежу за открытием и

[1] Примечания: 1

Элис Хастингс Брэдли-Шелдон (1915–1987) — писательница-фантаст, публиковавшаяся под псевдонимом Джеймса Типтри-младшего, убила своего парализованного мужа, после чего покончила с собой. — *Здесь и далее — прим. пер.*

закрытием новых издательств, а также всеми слияниями, поглощениями и дроблениями, которые происходят в этой индустрии, поэтому не смогу предоставить вам подробной оценки этой сферы бизнеса. На мой взгляд стороннего наблюдателя, дела здесь идут вполне нормально: иногда случаются свои катаклизмы, кто-то внезапно добивается большого успеха, но в целом все достаточно ровно и стабильно. Разумеется, мы живем в непростые для книгоиздания и книготорговли времена, но они никогда не были совсем уж легкими, и сейчас особенно стали важны перемены, развитие и создание максимального разнообразия в издаваемой литературе. Известный редактор и издатель Малкольм Эдвардс заявил о том, что покидает издательство «Gollancz», в развитие которого он внес значительный вклад. Однако вскоре стало ясно, что речь шла не об уходе на пенсию, а о небольшой паузе, и Эдвардс (который, помимо всего прочего, был также редактором Джеймса Балларда и Уильяма Гибсона) возглавит новое издательство «André Deutsch», которое будет издавать в том числе и НФ книги. Издатель «Гарри Поттера» Артур А. Левин также объявил о своем уходе из издательства «Scholastic» после двадцати трех лет

работы и о запуске собственного издательского проекта.

Однако за исключением этих и еще нескольких примеров в 2019 году не произошло таких радикальных изменений, свидетелями которых мы становились в предыдущие годы — таких как, например, изменения в издательстве «Orbit» несколько лет назад, или в «Tor Books» совсем недавно. Хотя решение «Simon & Schuster» сделать «Saga Press», издающую книги в жанре научной фантастики и фэнтези, частью своего издательского холдинга «Gallery Publishing Group», стало значительным событием и способствовало дальнейшему росту компании. Позже в том же году заслуженный редактор, обладательница многих наград Нава Вульф покинула издательство. Весьма примечательным также было решение «Penguin Random House» закрыть свое подразделение «Spiegel & Grau», издававшее в основном литературу в жанре нонфикшен. Однако не все издательства поддержали тренд на закрытие своих подразделений. «Tor Books» объявили о создании нового импринта «Nightfire», который будет выпускать ужасы и темную фэнтези, и первые книги выйдут уже в 2020 году.

Хотя издательство переводной НФ сейчас

переживает небывалый всплеск, «VIZ Media» объявили о том, что они временно приостановят работу своего давно существующего и пользующегося уважением читателей подразделения «Haikasoru», специализировавшегося на издании японской переводной литературы, после того как будет полностью издана серия «Легенда о героях галактики» Ёсики Танака. Пока нет никакой информации, будет ли возобновлена работа этого подразделения, но мы будем скучать по нему, ведь оно играло важную роль в мире переводной НФ. Также стоит упомянуть о закрытии в конце 2019 года «Европейского фантастического портала», который в течение семи лет транслировал на английском языке новости обо всем, что происходило в мире любителей НФ в Европе; о создании «Китайского института исследований научной фантастики», целью которого стала «поддержка развития НФ индустрии, а также связанной с ней литературной и творческой деятельности»; и об учреждении в середине 2019 года «Чилийской ассоциации научной фантастики и фэнтези». Как мы можем убедиться, научная фантастика по-прежнему популярна по всему земному шару.

Маленькие и независимые издательства играют важную роль в развитии жанра. Они

позволяют зазвучать новым голосам, сохраняют культурное наследие и высказывают альтернативные точки зрения на многие вопросы. И хотя многие независимые издательства весьма успешно вели свою деятельность в последние годы — особенно стоит отметить «Subterranean Press», выпустившее ряд потрясающих книг, ставших бестселлерами — у многих дела обстоят не так радужно. К сожалению, «Crossed Genres Publications» объявило о временной приостановке деятельности, и вполне возможно, что будет окончательно закрыто, так как занимается распродажей своих активов; «Curiosity Quills Press» объявили о том, что не будут выпускать новые книги до тех пор, пока не выплатят все авторские вознаграждения; самым неоднозначным событием стала история с независимым канадским издательством «ChiZine», когда из-за отсутствия выплат, несвоевременных платежей и обвинений в различных нарушениях основатели издательства Сандра Кастьюри и Бретт Сэйвори были отстранены от издательской деятельности, а исполняющей обязанности издателя стала Кристи Хэркин. На данный момент о будущем этого издательства ничего не известно.

Какой я могу сделать вывод на основании всего

этого, а также других многочисленных перемен, которые я упустил из виду? Даже не знаю, что сказать. Я думаю, что книгоиздание сейчас занимает достаточно уверенные позиции, и с оптимизмом смотрю в следующую декаду. Бумажные, электронные и аудиокниги успешно издаются, независимые издательства процветают, самиздат превратился в отличный способ для реализации творческих амбиций, к нему уже не относятся с пренебрежением, как прежде. Однако я более настороженно отношусь к судьбе журналов, специализирующихся на малых литературных формах. Мне кажется, что они находятся в более шатком положении, но об этом я хотел бы поговорить в следующей части моего предисловия.

Никто не знает, сколько НФ рассказов и повестей публикуется каждый год. Авторитетный НФ журнал «Locus» (www.locus-mag.com) в свое время произвел подсчет, согласно которому каждый год публиковалось более трех тысяч рассказов и повестей. Однако их метод подсчета сейчас уже устарел, ведь сегодня рассказы могут появляться в антологиях, сборниках одного автора, в печатных и электронных журналах, выкладываться на *Патреоне*, издаваться за счет разных фандрайзинговых кампаний, распространяться

путем интернет-рассылок, создаваться в рамках творческих лабораторий, продаваться онлайн, — так что они могут быть размещены где угодно. Не знаю, насколько это показательно, но «Ассоциация писателей научной фантастики и фэнтези Америки» (АПНФФА) недавно составила список из пятидесяти различных литературных рынков сбыта, где писатели могут реализовывать свои повести и рассказы в жанре фантастики. «Locus» насчитал семьдесят таких литературных рынков, а информационный ресурс «Электронная база научной фантастики» (www.isfdb.org) опубликовала список из 862 выпусков журналов, публиковавших в течение года рассказы и повести. И это не считая всего того, что было опубликовано за пределами Соединенных Штатов, Великобритании и Австралии, а также на всех остальных языках, кроме английского. Впрочем, можно просто сказать, что каждый год в мире публикуется огромное число рассказов и повестей.

Одним из важных изменений, которое произошло в январе 2019 года и сыграло во многом основополагающую роль для дальнейшего литературного процесса в этом году, стало заявление АПНФФА о рекомендации повысить профессиональную ставку для публикаций коротких

литературных форм с шести до восьми центов за одно слово с 1 сентября 2019 года. Это заявление не только стало толчком к увеличению вознаграждения для авторов коротких прозаических произведений, но также предоставило авторам потенциальную возможность выбирать, где именно они будут публиковать свои произведения. И хотя теперь не все издания могут платить авторам более высокое вознаграждение — что, в свою очередь, может сказаться на их возможности привлекать топовых авторов — тем не менее это предложение было положительно воспринято индустрией.

Для рынка НФ журналов год был довольно удачным, почти никто из них не закрылся, и у всех изданий — как бумажных, так и электронных — дела, судя по всему, идут хорошо. К сожалению, до сих пор ни одно из них не выпускается ежемесячно, как в прежние годы, но, мне кажется, это не такая уж и большая плата за стабильный рынок. Также мне стоит упомянуть, что большинство журналов, основанных до 2000 года, были изначально печатными, а большинство журналов, основанных после 2010 года, — электронными. Однако к 2019 году у всех у них, в той или иной степени, появились как печатные, так

и электронные версии.

Около двадцати лет назад существовала «Большая тройка» НФ журналов: «Asimov's Science Fiction», «Analog Science Fiction and Fact» и «The Magazine of Fantasy & Science Fiction». И хотя данный термин теперь больше не используется, эти три издания вместе с «Tor.com», «Clarkesworld Magazine», «Lightspeed Magazine» и «Uncanny Magazine» создают «Большую семерку», и я рад, что они все еще с нами, хотя им и пришлось приспосабливаться к нашему новому цифровому времени. В 2019 году журнал «The Magazine of Fantasy & Science Fiction» отметил свой 70-й юбилей, выпустив по этому случаю спецвыпуск, в котором были опубликованы работы Паоло Бачигалупи, Келли Линк, Майкла Муркока и других. Последние пять лет главным редактором журнала является Чарльз Коулман Финлей, и я уверен, что он еще опубликует много потрясающих рассказов в жанре фэнтези и ужасов, в том числе работы Дж. В. Андерсон, Джеймса Морроу и Сэма Дж. Миллера, а также не менее сильных авторов научной фантастики: Леви Тидхара, Элизабет Бир, Рича Ларсона и Майкла Либлинга. Для двух журналов, выпускаемых издательством «Dell Magazines»: «Asimov's Science Fiction» и «Analog

Science Fiction and Fact» год также сложился удачно. Журнал «Asimov's», основанный в 1977 году и отличающийся большим многообразием тем, уже много лет возглавляет редактор Шейла Уильямс, в течение года в журнале выходили произведения таких авторов научной фантастики, как Кэрри Вон, Тиган Мур, Сюзанна Палмер, Лоуренс Уотт-Эванс, Грег Иган, Шивон Кэрролл, Рэй Нэйлер и Е. Лили Ю. Журнал «Analog» под руководством Тревора Квачри опубликовал много прекрасных рассказов в жанре научной фантастики, которые написали Алек Невала-Ли, Энди Дудэк, С. Б. Дивья, Адам-Трой Кастро и Джеймс ван Пелт. В 2020 издание отмечает свое девяностолетие, и я очень рад, что оно по-прежнему процветает и продолжает развиваться! Еще один важный НФ журнал — британский «Interzone», главным редактором которого является Энди Сойер. Издание было создано в 1982 году и по-прежнему открыто для новых экспериментальных работ. В 2019 году там были опубликованы произведения Тима Чаваги, Марии Хаскинс, Джона Кессела и многих других.

«Clarkesworld» Нила Кларка, «Lightspeed» Джона Джозефа Адамса, «Uncanny Magazine» Линн Томас и Майкла Дэмиана Томаса, а также «Tor.com» — очень важные издания, которые размещают

свои публикации преимущественно в Интернете. «Clarkesworld» был основан в 2006 году и публикует произведения в жанре научной фантастики и фэнтези. Это издание активно занимается популяризацией переводной НФ, и в 2019 году благодаря его стараниям в свет вышли потрясающие переводы с китайского и корейского языков, включая очень сильную повесть «Как мы с тобой похожи» Ким Бо-ён и «В это мгновение мы счастливы» Чэня Цуфаня. Кроме того, они опубликовали один из лучших рассказов этого года — «Рисовальщик на деревьях» Сюзанны Палмер, а также чудесные работы Дерека Кюнскена, М. Л. Кларк, А. Т. Гринблатт и Рейчел Свирски. «Light-speed» был основан в 2010 году и также работает с рассказами и повестями в жанре научной фантастики и фэнтези. На мой взгляд, лучшие произведения, напечатанные в 2019 году в этом издании, относятся к жанру фэнтези, в том числе великолепные рассказы Брук Болландер и других писателей. Однако они опубликовали и немало сильных НФ рассказов и повестей таких авторов, как Мэттью Корради, Адам-Трой Кастро, Доминика Феттеплас, Изабель Яп, а также одно из лучших произведений в жанре НФ, написанных в 2019 году, — «Архронология любви» Кэролин

М. Иоахим. «Uncanny Magazine» был основан в 2014 году и последние четыре года получал премию «Хьюго» за лучший научно-фантастический журнал. Это издание публикует великолепные работы, многие из которых написаны на стыке НФ и фэнтези. В «Uncanny» выходили потрясающие рассказы в жанре фэнтези таких авторов, как Эллен Клагес, Вина Дои-Мин Прасад и Сильвия Морено-Гарсиа; и чудесные НФ рассказы Элизабет Бир, для которой этот год был особенно удачным, а также произведения Мориса Броддуса, Тима Прэтта и Фрэн Уайлд. Журнал «Tor.com» был запущен в 2008 году издательством «Tor Books» и в скором времени завоевал себе репутацию ресурса, публикующего великолепные рассказы и повести. Произведения для публикации отбираются группой редакторов, в которую вхожу и я. Не хочу показаться предвзятым, но не могу не отметить, что этот год был очень успешным для данного проекта, на портале были опубликованы работы таких признанных авторов, как Шивон Кэрролл, С. Л. Хуанг, Риверс Соломон, Джонатан Кэрролл, Кэрол Джонстон, Тиган Мур, Грег Иган, Сильвия Парк и многих других.

Выше я говорил о профессиональных журналах и ресурсах, посвященных НФ, но есть также

немало замечательных изданий, создаваемых командами энтузиастов, которые классифицируются как «полупрофессиональные» — из-за их тиражей и гонораров. Однако эти журналы публикуют первоклассные произведения, поэтому их тоже можно рассматривать как серьезные издания. Упомянутый выше «Uncanny» как раз относится к данной категории. «Strange Horizons» также завоевал себе славу авторитетного НФ журнала благодаря публикациям художественной литературы, обзоров и критических статей, а кроме того, раз в квартал они выпускают журнал переводной НФ литературы — «Samovar». Новый шеф-редактор издания Ванесса Роуз Фин сменила в 2019 году на этом посту Джейн Кроули и Кейт Доллахайд. В этом же году в журнале увидели свет произведения Алекс Ющик, Шива Рамдаса и Кэтрин Харлан. Для журнала «Fiyah: The Magazine of Black Speculative Fiction» год тоже сложился вполне удачно, пускай и не так блестяще, как предыдущий. Вышло четыре выпуска этого издания под редакцией Троя Л. Уиггинса, где, помимо всего прочего, была напечатана одна из лучших повестей ушедшего года — «Пока драконы властвуют в небе» Джен Браун, а также очень сильные произведения Ники Дрейден и

Дел Сандин. «Fireside Magazine» под началом редактора Пабло Дефендини публикуют в своем интернет-издании прозаические и поэтические произведения, которые впоследствии собираются в ежемесячные и ежеквартальные выпуски. Среди авторов этого ресурса были Л. Д. Льюис, Дэнни Лоре, Небедита Сен и другие.

Поскольку эта статья посвящена обзору научной фантастики, я не стал заострять особое внимание на изданиях в жанрах фэнтези, темной фэнтези или ужасов, но я бы порекомендовал вам ознакомиться с потрясающим и весьма заслуженным журналом Скотта Эндрюса «Beneath Ceaseless Skies» (на мой взгляд, это лучший англоязычный фэнтези-журнал), прекрасный «The Dark» Сильвии Морено-Гарсии и Шона Уоллеса, «Nightmare» Джона Джозефа Адамса, «GigaNotoSaurus» Лашон М. Уонак и «The Third Alternative» Энди Сойера.

И хотя журнальный рынок в течение года был достаточно стабильным, изменения происходили и в нем. Наиболее значительным стало закрытие журнала «Apex Magazine», который временно приостановил свою работу из-за проблем со здоровьем у главного редактора. Перед закрытием «Apex Magazine» создал спецвыпуск, посвященный афрофутуризму, в который вошли

потрясающие работы Суйи Дэвиса Окунгбовы, Стивена Барнса, Тананарив Дью и Тобиаса С. Бакелла. Также в 2019 году закрылись «Orson Scott Card's InterGalactic Medicine Show» (в течение года успели выйти три номера журнала), «Science Fiction Trails», «Arsenika», и «Capricious». Журналы «Omenana» и «Future Science Fiction Digest» обратились в конце года к своим читателям с просьбой о финансовой поддержке.

Все эти упомянутые выше издания публикуют достойную художественную литературу и публицистику и заслужили того, чтобы вы оказали им помощь.

Я столько времени посвящаю чтению рассказов и повестей, что у меня почти не остается его для знакомства с крупными литературными формами. По этой причине в данном разделе я ограничусь обсуждением лишь тех романов, которые сам лично прочитал в течение года, а также упомяну книги, которые получили особое признание. 2019 год был весьма удачен для романов в жанре научной фантастики, а также смежных с ней жанров. Возможно, самой горячей новинкой стала книга Тэмсин Мьюир «Гидеон из Девятого дома» («Tor»), о которой я уже рассказывал. После выхода она наделала много шума, а ее мрачная

готическая атмосфера прекрасно отвечает веяниям времени. Мне этот роман понравился. Однако лучшим научно-фантастическим романом года я бы все же назвал дебютную книгу Тима Могана о кибертерроризме, слежке и Большом Брате — «Бесконечная деталь» («FSG»). Вам непременно стоит прочитать этот роман. Разумеется, актуальность очень важна для жанра фантастики, но есть в ней и постоянные элементы, которые меняются незначительно, а их главная суть остается неизменной. И пожалуй, самым постоянным таким элементом научной фантастики является поджанр «космической оперы». В течение года вышел целый ряд потрясающих космических опер, лучшей из которых стал захватывающий и сильный роман Элизабет Бир «Ночь предков» («Saga»), хотя мне также показался весьма забавным роман Макса Глэдстона «Императрица вечности» («Tor») и понравился увлекательный дебют Аркадии Мартин «Воспоминание, названное империей» («Tor»).

Путешествия во время — очень старый прием, но в 2019 году он был по-новому обыгран в дебютном романе Аннали Ньювитц «Будущее иного времени» («Tor»), в котором небинарные феминистки попадают в прошлое и вынуждены

участвовать в войне времени, чтобы в будущем у женщин появились права. Драки, убийства и калифорнийский панк-рок служат отличным дополнением этой истории. Мне также кажется, что Чарли Джейн Андерс написала прекрасный второй роман «Город посреди ночи» («Tor») — это захватывающая история об инопланетянах, повстанцах и контрабандистах, оказавшихся на странной недружелюбной планете. Дебютный роман Сары Пинскер «Песня для нового дня» («Berkley») предлагает интересную точку зрения на то, как изменения в обществе могут повлиять на исполнительское искусство. Эта книга является одновременно провокационной, увлекательной и весьма пророческой.

В течение года вышло несколько интересных серий фантастических романов. Выход второй и третьей книг трилогии Таде Томпсона «Вормвуд»: «Мятеж в Роузуотер» и «Искупление Роузуотер» («Orbit») стал, пожалуй, самым ярким событием в этом направлении, но мне также очень понравились «Восставшая Луна» Йена Макдональда («Gollancz»), «Призрачный капитан» Алистера Рейнольдса («Gollancz»), «Возрождение альянса» К. Дж. Черри и Джейн Фэнчер («DAW») и очередная книга из серии «Гнев Тиамат» — «Пространство»

Джеймса С. А. Кори («Orbit»). Также в 2019 году вышло немало замечательных переводных НФ романов. Самыми лучшими из них, и, на мой взгляд, одним из самых лучших НФ романов, написанных в 2019 году, была «Полиция памяти» Ёко Огавы («Pantheon»). Я настоятельно рекомендую вам ознакомиться с этим произведением. Так же великолепны были «Сверхновая эра» («Tor»), написанная обладателем премии «Хьюго» Лю Цысинем, и «Мусорный прилив» Чэня Цюфаня («Tor»).

Кроме того, среди вышедших в 2019 году НФ романов значительное внимание привлекли к себе: «Кэфишинг в Кэтнете» Наоми Критцер («TorTeen»), «Франкенштштейн» Дженетт Уинтерсон («Grove»; «Jonathan Cape»), «Золотой штат» Бена Уинтерса («Mulholland»), «Перигелийское лето» Грега Игана («Tor»), «Правило захвата» Кристофера Брауна («Harper Voyager»), «Запретные звезды» Тима Прэтта («Angry Robot»), «Завет» Маргарет Этвуд («Nan A. Talese»; «Doubleday»), «Воительницы» Точи Оньебучи («Razorbill»), «Одинокий Атлас» Эммы Ньюман («Ace»), «Уничтожить всех монстров» Сэма Дж. Миллера («Harper Teen»), «Парень и его пес на краю света» Ч. А. Флетчера («Orbit»), «Флот кинжалов» Гарета

Л. Пауэлла («Titan»), «Возвращение невероятного Взрывающегося Человека» Дэйва Хатчинсона («Solaris»), «Грани: опрокинутая граница», книга 1, Линды Нагаты («Mythic Island»), «Квантовый сад» Дерека Кюнскена («Solaris»), «Доггерленд» Бена Смита («Fourth Estate»), «Искатель» Сюзанны Палмер («DAW»), «Знаменитые люди, которые никогда не жили» К. Чесс («Tin House»), «Ты мечтаешь о Земле-два?» Теми О («Saga»), «Дэвид Мого — охотник на богов» Суйи Дэвиса Окунгбовы («Abaddon»).

Каждый год выходит такое множество повестей и рассказов, что различные антологии не имеют недостатка в материалах. 2019 года не стал исключением. Более того, в этом году антологии живо отреагировали на все животрепещущие темы, которые в последнее время стали популярны в НФ литературе: от климатических изменений и проблем инклюзивности до популярности переводной литературы и афрофутуризма. Прежде чем продолжить, я хотел бы упомянуть, что лично редактировал две антологии: «Особо важная миссия» и «Лучшая научная фантастика и фэнтези. Том 13», вышедшие в 2019 году. Я очень рекомендую вам ознакомиться с ними.

В этом году вышло много переводных романов,

в том числе произведения таких авторов, как Ёко Огава, Лю Цысинь, Чэнь Цюфань, Ёсики Танака, Баошу и многих других. Журналы «Clarkesworld», «Apex», «The Dark» и другие издания также публиковали много переведенных на английский рассказов и повестей. В 2019 году иностранная фантастика вообще была необычайно популярной, и это нашло свое отражение в антологиях, вышедших в свет в это время. Возможно, одной из самых заметных и в целом лучших антологий года стал сборник китайской фантастики «Сломанные звезды» («Tor»), которую подготовил Кен Лю и в которой были опубликованы потрясающие работы Хана Сона, Ся Дзя, Баошу и Лю Цысиня. Этот прекрасный сборник дополняет другую антологию, вышедшую в 2016 году, — «Невидимая планета». Индийское подразделение издательства «Hachette» выпустило в течение года две антологии НФ литературы: «Книга научной фантастики Южной Азии» под редакцией Таруна К. Сента и «Магические женщины» под редакцией Сункании Венкатрагхаван. Обе антологии были потрясающими. В первую был включен рассказ Ванданы Сингх «Воссоединение» — один из лучших НФ рассказов 2019 года — а также произведения С. Б. Дивьи, Гити Чандры

и Сумиты Шармы. К счастью, издатель способствовал появлению этих книг на британском и североамериканском рынках. «Магические женщины» позволяют ознакомиться с литературой, написанной индийскими женщинами. В эту антологию вошли произведения Швиты Такрар, Никиты Дешпанде и Азмы Кази. Мы только начинаем знакомить англоязычных читателей с произведениями южнокорейских питателей стараниями Сунйон Пак, Горда Селлара и команды журнала «Clarkesworld». Сунйон Пак и Сан Джун Пак вместе подготовили большую антологию «Готовый Бодхисаттва» («Кауа»), в которую вошли прекрасные работы таких авторов, как Ким Чонгю, Пак Мин Гю, Чон Соён и других. И наконец, одной из моих любимых антологий ушедшего года стала «Палестина + 100: Истории, произошедшие через столетие после Исхода» под редакцией Басмы Гхалайини и выпущенной британским издательством «Comma Press». В нее вошли вдумчивые, глубокие, разнообразные научно-фантастические истории, действие которых разворачивается через сто лет после оккупации Палестины. Многие из этих рассказов стали для меня настоящим откровением, и я очень рекомендую их вам. В сборник вошли рассказы

Салима Хаддада, Анвара Ахмеда, Мазена Мааруфа и других авторов.

В течение года было опубликовано несколько действительно сильных НФ антологий, самыми лучшими из которых стали: провокационная антология, подготовленная Виктором Лавалле и Джоном Джозефом Адамсом «Люди будущего в Соединенных Штатах» («One World»), в которую вошли прекрасные работы Чарли Джейн Андерс, Элис Солы Ким, Сэма Дж. Миллера и других писателей. В похожем ключе были созданы антологии «Если это продолжится: Научная фантастика будущего о современной политике» («Parvus»), подготовленная Кэт Рэмбо, и «Не ходите тихо» («Арех»), подготовленная Джейсоном Сайзмором. Я очень рекомендую вам ознакомиться с этими антологиями. Также одной из самых впечатляющих антологий ушедшего года я мог бы назвать «Мистический сон» («Saga»), которая была создана под редакцией Доминика Паризьена и Навы Вульф и в которую вошли потрясающие работы Индрапрамита Даса, Кармен Марии Мачадо, Шеннон Макгвайр и других писателей. Большое впечатление на меня произвели антологии: «Новые солнца: Оригинальная научная фантастика, написанная цветными людьми» («Solaris») под

редакцией Ниси Шол; «Час изгоя» («Solaris») под редакцией Махвеш Мурад и Джареда Шурина; «Бесконечные звезды: Темные границы» («Titan») под редакцией Брайана Томаса Шмидта.

В последнее годы IT-компании, научные журналы и различные научно-исследовательские центры подготовили ряд проектов, связанных с художественной литературой. Некоторые из них оказались достаточно скучными и не запоминающимися, но были и действительно выдающиеся образцы. Одной из самых лучших и оригинальных антологий, созданных в 2019 году стала «Будущее сегодня: антология научной фантастики, связанной с океаном» (XPRIZE), над которой работала Энн Вандермеер. В этот сборник вошли произведения об изменениях, происходящих с климатом и мировым океаном, среди авторов этой антологии были лучшие писательницы современности: Вандана Сингх, Нало Хопкинсон, Элизабет Бир и Дебора Бьянкотти. Как ни странно, этот проект нельзя найти через поисковые системы, а доступ к нему можно получить только на этом сайте (https://go.xprize.org/oceanstories), однако я очень рекомендую вам прочитать данную антологию. Также стоит отметить литературный проект исследовательской компании

«Future Tense», в котором приняли участие Кен Лю, Чэнь Цюфань, Элизабет Бир и другие; и серию материалов «Обзоры из будущего», выпущенных «New York Times», в которую вошли рассказы Кори Доктороу, Теда Чана, Брук Баландер, Фрэн Уайлд и других авторов. Также в этом году «Future Tense» подготовила антологию «Литература «Future Tense»: Истории о завтрашнем дне» под редакцией Кирстен Берг («The Unnamed Press»).

Антологии с лучшими произведениями научной фантастики, написанными в течение определенного периода времени, неизменно пользуются популярностью, и в уходящем году вышло немало таких книг. Последняя антология Гарднера Дозуа «Лучшие из лучших: Лучшие произведения научной фантастики за последние 35 лет» («St. Martin's Griffin»); «Лучшая научная фантастика года», том четвертый («Night Shade»), составитель — Нил Кларк; «Лучшая научная фантастика и фэнтези 2019» («Prime»), составитель — Рич Хортон; «Лучшая американская научная фантастика и фэнтези 2019» («Mariner»), составители: Кармен Мария Мачадо и Джон Джозеф Адамс; «Необыкновенный 4: Лучшая фантастическая литература года, посвященная трансгендерам» («Lethe»), составитель — Боги

Такач. Я советую вам найти эти антологии и прочитать их. Также интересны антологии: «Орел приземлился: 50 лет научной фантастике об освоении Луны» («Night Shade»), составитель — Нил Кларк; «Новые голоса научной фантастики» («Tachyon»), составители: Ханну Райаниеми и Джейкоб Вайзман.

Наконец, хоть я и не затрагиваю в этой статье такие жанры, как фэнтези и ужасы, но мне хотелось бы упомянуть, что лучшей антологией литературы ужасов в уходящем году стал большой сборник «Эхо: Антология историй о призраках от издательства «Saga»», составитель — Эллен Датлоу. В него вошли впечатляющие рассказы о привидениях от лучших писателей жанра ужасов. Также я очень рекомендую еще более внушительную по объему антологию «Большая книга классического фэнтези» («Vintage»), составители: Энн Вандермеер и Джефф Вандермеер, это настоящий университетский курс по литературе, собранный в одну книгу. Постарайтесь найти эти сборники и ознакомиться с ними.

Думаю, сейчас невозможно однозначно оценить, насколько удачным или неудачным был 2019 год для малых литературных форм в жанре НФ, однако нельзя не отметить, что именно в это

время в свет вышло четыре очень важных сборника рассказов от признанных мастеров жанра. Наверное, одним из самых ожидаемых стал сборник «Выдох. Рассказы» Теда Чана («Knopf»). Это всего лишь второй сборник писателя за его тридцатилетнюю творческую карьеру, при этом первый — «История твоей жизни» — вышел еще в 2002 году. В новый сборник Чан включил свои самые значимые работы, написанные со времени выхода первой книги его рассказов, в том числе уже ставший классикой рассказ «Выдох», давший заглавие книге, а также «Купец и волшебные врата». Кроме того, в сборник вошли два совершенно новых рассказа: «Тревожность — это головокружение свободы» и «Омфал». Его рассказы кажутся немного легкомысленными, но вместе с тем дают серьезный повод для размышлений и наверняка понравятся любителям короткой прозы любых жанров. Совершенно другим по звучанию, но не менее тонким в интеллектуальном плане выглядит сборник, озаглавленный просто — «Лучшее Грега Игана» («Subterranean»). В него вошло двадцать рассказов, написанных автором в течение тридцати лет, в том числе уже ставшие классикой «Учись быть мною», «Причины для счастья» и «Океанический», получившие премию «Хью-

го». В этой книге отражен весь творческий путь автора, начиная с его первых работ, написанных в 90-е годы. Следующий сборник нельзя отнести строго к жанру научной фантастики, речь идет о книге «Самое лучшее Кейтлин Р. Кирнан». В него вошли двадцать рассказов, которые публиковались в течение четырнадцати лет, и которыми Кирнан заявила о себе не только как автор научной фантастики, фэнтези или ужасов, но просто как писательница, которой по плечу абсолютно любой жанр. В этот сборник вошли самые яркие ее работы, в том числе «Приливная Сила», «Любовная песня на скоростной магистрали (Баллада об убийстве № 8)» и «Молитва о девяти кошках». И наконец, последний сборник, который не совсем вписывается в эту подборку. Точнее, вписывается, конечно, но в значительной степени отличается от остальных. Великий покойный сказочник Р. А. Лафферти за свою долгую карьеру, продолжавшуюся с 1959 по 2002 год писал научную фантастику, псевдонаучную фантастику, сказки, фэнтези, абсурдистские истории. Книга «Лучшее Р. Ф. Лафферти» («Gollancz»), которую, снова вынужден признаться, я редактировал, была выпущена в рамках серии «Шедевры» и включает в себя почти две дюжины лучших работ писателя, а

также ряд вводных статей к ним. Чудесная книга, и я счастлив, что в скором времени выйдет ее североамериканское издание.

Эти четыре сборника, безусловно, являются особенно выдающимися книгами, однако они далеко не единственные. Я был очарован книгой Софии Рей «Все сделано из букв» («Aqueduct»). Она была переведена с испанского и содержала в себе пять фантазий в жанре научной фантастики, в том числе просто изумительные «Тайные истории дверей» — этот рассказ был переиздан в данном сборнике. Писательница и поэтесса Малка Олдер выпустила свой дебютный сборник «…и другие бедствия» («Mason Jar»), полный игривых, символичных и захватывающих историй. Возможно, наиболее строго в жанр научной фантастики вписывался сборник Альетте де Бодар «О войне, воспоминаниях и звездном свете» («Subterranean»), в который вошли рассказы о Вселенной Сюйя, а также новая большая повесть «О днях рождения, грибах и доброте», которую я обязательно включил бы в этот сборник, если бы позволил объем. Юн Ха Ли выпустил сборник рассказов «Истории Гекзархата» («Solaris»), продолжающий его трилогию «Механизмы империи», каждая из книг которого

была номинировала на премию «Хьюго», а одна из книг — «Гамбит девятихвостого лиса» была номинирована на премию «Небьюла». В новый сборник вошел ряд рассказов, а также новая повесть «Пушка из стекла». Еще одним выдающимся сборником, выпущенным в 2019 году, стал бунтарский и революционный «Радикальный» (Tor) Кори Доктроу, в него вошли четыре новые повести, каждая из которых отличается глубоким содержанием.

Я мог бы продолжать свой рассказ до бесконечности, но постараюсь быть кратким. Из вышедших в 2019 году сборников я хотел бы порекомендовать «Экстренные планы на случай Апокалипсиса» С. Б. Дивьи («Hachette India»); «И делай вот так» Джона Краули («Small Beer»); «Рано или поздно все окажется в море» Сары Пинскер («Small Beer»); «Белоснежка учится колдовству» Теодоры Госс («Mythic Delirium»); «Эпизоды» Кристофера Приста («Gollancz»); «Тоска по дому», Нино Кипри («Dzanc»); «Смех в академии» Шеннон Макгвайр («Subterranean»); «Бинти: Полное собрание» Ннеди Окорафор («DAW»); «Город, построенный из слов» Пола Парка («PM»); «Соли медленно» Джулии Армфилд («Flatiron»); «Марс» Аши Бакич («The Feminist Press»); «Город

и лебедята» Майкла Бишопа («Fairwood»; «Kudzu Planet»); «Коллизия» Дж. С. Брёкелар («Meerkat»); «Непредвиденный» Молли Глосс (Saga); «Встретимся в будущем» Кэмерон Хёрли (Tachyon); «Большая кошка и другие истории» Гвинет Джонс («NewCon»); «Все миры реальны» Сьюзен Пальвик («Fairwood»); «Чудеса и диковинки: Рассказы» Тима Прэтта («Merry Blacksmith»); «Учить мартышку с крокодилом» Ника Вуда («Luna»).

Давние любители НФ скажут вам, что издатели, специализирующиеся на этом жанре, уже много десятилетий выпускают рассказы и повести в качестве отдельных небольших книжек. Не знаю, подходили ли старые добрые книги-перевертыши под формат романа по количеству страниц, но еще в 80-е книги маленьких форматов и объема были весьма распространенным явлением. И все же, несмотря на это и на то, что, по мнению некоторых читателей, именно повесть является идеальным форматом для жанра НФ, несомненным остается одно: в последние четыре-пять лет такие книги стали привлекать к себе небывалое внимание.

В 2014 году издательство «Tor Books» запустило подразделение «Tor.com Publishing» для публикаций повестей и рассказов, и в скором времени

заняло ведущие позиции в публикации небольших книг с рассказами и повестями благодаря изданию таких произведений, как цикл рассказов «Бинти» Нади Окорафор, «Дневник киллербота» Марты Уэллс и цикл «Трудные дети» Шеннон Макгвайр. В 2019 году издательство выпустило замечательные повести и рассказы, которые не публиковались прежде из-за своего небольшого объема. Без сомнения, лучшими были чудесный «Призрак трамвая 015» Ф. Джели Кларка и запоминающиеся «Гуркха и Повелитель вторника» Саада З. Хоссейна. Я бы с удовольствием включил эти произведения в данный сборник, если бы мне позволил его объем. Также мне хотелось бы порекомендовать следующие книги: «Дездемона под землей» К. С. Э. Куни, «Дольше» Майкла Блюмлейна, «Ормешэдоу» Прийи Шарма, «Миранда в Милане» Катарины Дакетт, «Угроза с невидимой стороны» Йена Макдональда и «Вечная мерзлота» Алистера Рейнольдса. Кроме того, «Tor.com» опубликовало потрясающий роман Грега Игана об изменениях климата — «Перигелийское лето», который, как мне кажется, является наиболее доступным для неподготовленного читателя произведением. Поскольку я решил обратиться к повестям, опубликованным в виде отдельных

книг, я не могу не упомянуть еще раз «Вот как вы проиграете в войне времени» Амаль Эль-Мохтар и Макса Глэдстона («Saga»), думаю, что в 2020 году эта повесть соберет немало наград. Также меня поразили очень сильные по своему содержанию «Глубина» Риверс Соломон («Saga») — эта повесть была написана под впечатлением от одноименной песни хип-хоп группы «Clipping» — и «Прекрасная жизнь» К. Дж. Паркер («Subterranean»). Британское независимое издательство «Newcon» продолжает издавать чудесные повести, в том числе «Человек, который хотел стать королем» Адама Роберта и «Кочевники» Дэйва Хатчинсона.

Я мало читаю нонфикшена, посвященного НФ. Однако четыре книги привлекли мое внимание, и мне хотелось бы порекомендовать их вам. Я уже немного устал от всех разговоров о Роберте Хайнлайне и не думал, что на эту тему можно сказать что-нибудь новое, однако потрясающую книгу «Приятная профессия Роберта Э. Хайнлайна» Фары Мендельсон («Unbound») я прочитал запоем благодаря умению автора рассказать нечто новое об одном из величайших писателей-фантастов. Провокационная и захватывающая книга «Джоанна Расс» Гвинет Джонс («University of Illinois Press») — заслуживающая внимания

биография этой достойной писательницы, и она имеет полное право занять свое место на вашей книжной полке. Также эта книга в очередной раз напомнила о необходимости переиздания многих работ Расс. «Джоанна Расс» и книга Мендельсон о Хайнлайне — одни из главных претендентов на премию «Хьюго», однако не менее увлекательными я нашел работу Джона Кроули «Читаем от конца к началу: эссе и обзоры 2005–2018», а также чудесную и неоднозначную книгу «Питер Уоттс — рассерженная разумная опухоль: Планы мести и эссе» Питера Уоттса.

«77-й Международный конвент научной фантастики» (известный также как «ДублинКон-2019») проходил 15–19 августа в Дублине, и его посетило 4190 гостей — чуть меньше, чем годом ранее. В 2019 году премию «Хьюго» получили: приз за лучший роман — Мэри Робинетт Коваль «Рассудительные звезды»; лучшая повесть — Марта Уэллс «Искусственное состояние»; лучшая короткая повесть — Зен Чо «Если в начале ничего не вышло, пробуй снова и снова»; лучший рассказ — Аликс Э. Барроу «Ведьмовское пособие по перемещению между мирами»; премия «Путеводная звезда» за лучшую книгу для подростков — Томи Адейеми «Дети крови и костей»; Лучший сопут-

ствующий проект — интернет-ресурс Archive of Our Own; лучшая иллюстрированная книга — Урсула Ле Гуин «Книги Земноморья: Полное иллюстрированное издание», иллюстрации — Чарльза Весса; лучший графический роман — Марджори Лю и Сана Такта «Она — монстр, том 3: Убежище»; лучшая полнометражная постановка — «Человек-Паук: Через вселенные»; лучшая короткометражная постановка — «В лучшем мире», эпизод — «Джанет(ы)»; лучший редактор малой литературной формы — Гарднер Дозуа; лучший редактор крупной литературной формы — Нава Вульф; лучший профессиональный художник — Чарльз Весс; лучший полупрофессиональный журнал — «Uncanny Magazine»; лучший фанзин — «Lady Business»; лучший писатель-любитель — Фоз Медоуз; лучший художник-любитель — Ликхаин (Миа Серено); Лучший подкаст — Аннали Ньювитц и Чарли Джейн Андерс «Наше мнение — правильное»; лучший цикл книг — Бекки Чамберс «Странники».

В 2019 году вручение премии «Небьюла» проходило 18 мая в Калифорнии. Победителями стали: лучший роман — Мэри Робинетт Коваль «Рассудительные звезды»; лучшая повесть — Альетт де Бодар «Чайный мастер и детектив»; лучшая

короткая повесть — Брук Боландер «Единственная безвредная замечательная вещь»; лучший рассказ — Ф. Джели Кларк «Тайная жизнь девяти негритянских зубов Джорджа Вашингтона»; лучший сценарий компьютерной игры — Чарли Брукер «Черное зеркало: Брандашмыг». Кроме того, были вручены «Премия Андре Нортона» — ее присудили Томи Адейеми за книгу «Дети крови и костей»; а также «Премия Рэя Брэдбери» — ее получили Фил Лорд и Родни Ротман за сценарий анимационного фильма «Человек-Паук: Через вселенные». Почетную премию «Гроссмейстер фантастики» имени Деймона Найта получил Уильям Гибсон.

«Всемирную премию фэнтези» вручали на 45-м «Международном фэнтези конвенте», который проходит с 31 октября по 3 ноября в Лос-Анджелесе. Обладателями премии стали: лучший роман — Ч. Л. Полк «Отметина ведьмы»; лучшая повесть — Кидж Джонсон «Привилегия счастливого конца»; лучший рассказ: Мел Кассел «Десять сделок со змеей цвета индиго» и Эмма Тёрж «Как река любит небо»; лучшая антология — «Миры, увиденные мельком», составитель — Ирен Галло; лучший сборник — Паоло Бачигалупи и Тобиас С. Бакелл «Перепутанные земли»; лучший ху-

дожник — Ровина Цай; специальный приз для профессиональных авторов — Хью Люис-Джонс «Карта писателя: Атлас воображаемых земель»; специальный приз для непрофессиональных авторов — Скотт Х. Эндрюс «Под бесконечным небом». Приза за выдающиеся заслуги удостоились Джек Зипс и Хаяо Миядзаки.

В 2019 году «Мемориальная премия Кэмпбелла» была присуждена Сэму Дж. Миллеру за роман «Блэкфиш-сити»; «Мемориальная премия Теодора Старджона» досталась Аннали Ньювитц за рассказ «Когда робот и ворона спасли восточный Сент-Луис»; а «Премию Артура Ч. Кларка» получил Таде Томпсон за роман «Роузуотер». Если вы хотите узнать больше об этих и других премиях, то можете заглянуть на сайт «База данных наград в области научной фантастики» (www.sfadb.com).

К сожалению, каждый год от нас уходят любимые авторы. В 2019 году нас покинуло много значительных деятелей НФ. Джин Вульф — «Гроссмейстер фантастики» и финалист «Всемирной премии фэнтези», писатель, чье имя было включено в почетный список «Зала славы научной фантастики и фэнтези»; Вульф был автором по-своему революционной «Книги Нового Солнца», положившей основу серии, в которую

вошли тринадцать книг, он четырежды удостаивался «Всемирной премии фэнтези», дважды — «Небьюлы» и девять раз был номинирован на премию «Хьюго». Кэрол Эмшвиллер — обладательница приза «Всемирной премии фэнтези» за выдающиеся заслуги, автор таких произведений, как «Собака Кармен», «Мистер Бутс», «Тайный город»; была удостоена «Премии Филипа К. Дика» за роман «Гора», «Всемирной премии фэнтези» за сборник «Начала конца всего и другие истории», четыре раза была номинирована на премию «Небьюла» и дважды получала ее в номинации «рассказы». Издатель Бетти Баллантайн — одна из основателей издательских домов «Bantam Books» и «Ballantine Books», которыми она руководила вместе со своим покойным мужем Йеном; работая в «Penguin Books», она стала завозить на американский рынок книги в мягкой обложке и участвовала в создании американского филиала этого британского издательства. Вонда Н. Макинтайр, обладательница трех премий «Небьюла»: за повесть «Из тумана, травы и песка», романы «Змея сновидений» и «Луна и солнце»; была одним из основателей писательских курсов «Clarion West», а также в 2009 году удостоена почетной премии «Небьюла» за вклад

в развитие научной фантастики. Барри Хьюарт — обладатель «Всемирной премии фэнтези» за роман «Мост птиц», к которому он впоследствии написал два продолжения: «История камня» и «Восемь умелых мужчин». Издатель Роберт С. Фридман, основавший издательства «Rainbow Ridge Books» и «The Donning Company». Австралийский автор Эндрю Макгахан — автор цикла повестей в жанре фэнтези «Короли корабля». Кэрри Ричерсон — двукратная обладательница «Премии Кэмпбелла», номинированная также на премию «Гейлактик спектр» за рассказ «Любовь на веточке». Французский писатель и художник Томи Унжерер, получивший в 1998 году «Премию Ганса Христиана Андерсона» за вклад в детскую иллюстрацию. Писатель У. Э. Баттерворт, более известный под псевдонимом У. Э. Б. Гриффин, автор военных и детективных романов. Джиллиан Фриман — автор научно-фантастического романа о фашизме «Лидер». Джанет Азимова — успешный психиатр, писавшая мистику и научную фантастику, в том числе совместно со своим знаменитым мужем Айзеком. Хью Лэмб — составитель антологий, который начал свою работу с выпуска антологии «Прилив ужаса». Больше всего антологий пришлось на 1970-е,

однако он продолжал активную деятельность до конца двадцатого века. Чарльз Блэк — редактор одиннадцати «Черных книг ужаса», две из которых были номинированы на «Британскую премию фэнтези». В. Х. Пагмир — автор ужасов в стиле Лавкрафта. Аллан Коул, вместе с Крисом Банчем создавшие цикл романов «Стэн». Тамара Казавчинская — редактор российского журнала «Иностранная литература» и переводчица с английского и польского языков, в том числе работ Станислава Лема. Российский писатель Сергей Павлов — автор цикла «Лунная радуга» и основатель научно-фантастической премии «Лунная радуга». Уолтер Харрис — автор романов «День, когда я умер», «Слюна» и «Пятый всадник», а также новеллизаций фильмов «Чудовище из Черной лагуны» и «Лондонский оборотень». Бенгальский редактор Адриш Бардхан — редактор первого в Индии научно-фантастического журнала «Ascharya», а впоследствии — журнала «Fantastic». Он был удостоен «Премии Сухиндраната Раха» за вклад в бенгальскую научно-фантастическую литературу. Деннис Этчинсон — обладатель «Премии Брэма Стокера» за заслуги перед жанром, автор таких романов, как «Туман», «Темная сторона» и «Калифорнийская готика», обладатель

многочисленных «Всемирных премий фэнтези» и «Британских премий фэнтези». Польский писатель и редактор Мацей Паровский — редактор журнала «Nowa Fantastyka» и главный редактор журнала «Czas Fantastyki». Милан Азадуров — болгарский писатель и издатель, создавший серию «Галактика», в которую вошли работы ведущих мировых фантастов: Азимова, Брэдбери, братьев Стругацких, Ле Гуин и многих других. Дж. Нил Шульман — обладатель премии «Прометей» за романы «Параллельно ночи» и «Радужная каденция», а также сценарист эпизода «Профиль в серебре» популярного сериала «Сумеречная зона». Роберт Н. Стивенсон — редактор и издатель журнала «Altair», составитель нескольких антологий, обладатель премии «Aurealis Award» 2011 года за рассказ «Дожди ла Стрэнджа». Брэд Линавивер — двукратный обладатель премии «Прометей», автор романов «Луна изо льда» и «Анархия», а также нескольких телешоу. Мелисса Майклс, начавшая публиковаться в 1979 году и написавшая цикл «Сайрайдер», который состоял из пяти книг, а также другие романы. Кэтрин Маклин — заслуженный автор научной фантастики, чья повесть «Пропавший» в 1972 году была награждена премией «Небьюла». Терренс

Дикс — автор сценария нескольких эпизодов сериала «Доктор Кто», он также редакторовал сценарии этого популярного сериала с 1968 по 1974 год. Также он принимал участие в создании сериалов «Мстители», «Лунная база-3» и «Космос: 1999». Хэл Коулбатч — автор книги-исследования героического фэнтези «Возвращение героев», принимал участие в создании энциклопедии Дж. Р. Р. Толкина, а также писал для антологии «Войны людей с кзинти» Ларри Нивена. Джон Э. Питтс, начавший публиковать свои рассказы с 2006 года, а романы — с 2010, начиная с «Блюза черного лезвия)». Майкл Блюмлейн, написавший такие книги, как «Движение гор», «X, Y», «Целитель» и четыре сборника рассказов, а также номинированный на «Всемирную премию фэнтези», «Премию Брэма Стокера» и «Премию Джеймса Типтри». Гэхан Уилсон — обладатель почетной «Всемирной премии фэнтези» за особые заслуги, художник-карикатурист, в чьих работах соединялись ужасы, фэнтези и юмор, и публиковавшийся в «Playboy», «The Magazine of Fantasy & Science Fiction» и других журналах. Д. К. Фонтана — сценаристка, принимавшая участие в создании сериала «Звездный путь», а также «Бак Роджерс в XXV веке», «Вавилон-5», «Человек на

шесть миллионов долларов», «Война миров» и других известных телесериалов. Эндрю Вейнер, иммигрировавший в Канаду из Великобритании, в 1987 году написал свой первый роман «Станция «Преисподняя»», за которым последовали романы «Приближаясь к концу» и «Среди отсутствующих».

* * *

Итак, мы подходим к концу предисловия. Впереди вас ждут увлекательные истории. Мы живем в интересное время, богатое на самые разные события как во всем мире, так и в сфере фантастической литературы. И вы своими глазами можете убедиться, как эта сфера отвечает на различные вызовы, с которыми ей приходится сталкиваться. Я уже читаю рассказы, которые должны появиться в следующем сборнике через год, и мне не терпится поделиться с вами результатами моих трудов. А пока я надеюсь, что собранные в этой книге истории доставят вам такое же удовольствие, какое они доставили мне, и до встречи через год.

Джонатан Стрэн

Перт, Западная Австралия
Январь 2020

Чарли Джейн Андерс[2]

*Последней книгой, написанной Чарли Джейн Андерс (*charliejane.net*), стал роман* The City in the Middle of the Night *(«Город посреди ночи»). Она также является автором таких произведений, как роман* All the Birds in the Sky *(«Все птицы в небе»), завоевавший литературные премии «Небьюла», «Локус» и «Премию им. Кроуфорда»; роман* Choir Boy *(«Хорист»), получивший литературную премию «Лямбда»; повесть* Rock Manning Goes for Broke *(«Рок Мэннинг идет ва-банк»), а также сборник рассказов* Six Months, Three Days, Five Others *(«Шесть месяцев, три дня и еще пять историй»). Ее рассказы публиковались в журналах «Tor.com», «Boston Review», «Tin House», «Conjunctions, The Magazine of Fantasy & Science Fiction», «Wired, Slate», «Asimov's Science Fiction», «Lightspeed», а также в многочисленных антологиях. Рассказ «Шесть месяцев, три дня» завоевал литературную премию «Хьюго», а рассказ* Don't Press Charges and I Won't Sue *(«Не выдвигайте обвинений, и я не подам на вас в суд») получил «Премию Теодора Старджо-*

---

[2] Примечания: 2

© Charlie Jane Anders, 2019; © пер. Н. Нестеровой, 2020.

на». В скором времени писательница выпустит новый сборник рассказов — Even Greater Mistakes *(«Еще более серьезные ошибки»). Кроме того, Чарли Джейн организует серию ежемесячных чтений «Писатели с напитками» и совместно с Аннали Ньювитц ведет подкаст «Наше мнение — правильное».*

Книжный магазин на краю Америки

Книжный магазин располагался на холме: два входа, две тропинки, выложенные простой плиткой, сквозь которую пробивалась трава; две одинаковые вывески, приветствующие покупателей «Первой и последней страницы», между ними — большое синее здание, напоминавшее внешним видом старый амбар с покатой, крытой черепицей крышей и большими водосточными желобами. Сколько всего книг находилось в этом здании, не знал никто, даже его хозяйка — Молли. Но если бы вам не удалось отыскать там какую-то книгу, то, возможно, она еще просто не была написана.

Две абсолютно одинаковые тропинки вели к двум абсолютно одинаковым дверям, на порогах лежали два соломенных коврика с приветственной надписью, пол был устлан голубыми досками, а внутри пахло сиренью и старым зданием. Но в зависимости от того, какую дверь вы выбирали, вашему взору представали совершенно разные магазины. С двумя кассами для двух разных типов денег.

Если вы входили со стороны Калифорнии, то

прямо перед вами оказывался настенный гобелен, на котором женщины разных возрастов и рас танцевали, держась за руки. Там был стенд с новыми книгами, выпущенными маленькими издательствами, отчаянно пытавшимися выжить в Колорадо-Спрингс или Санта-Фе, причем книги эти были посвящены самой разной тематике: от прозы и поэзии до культурологических исследований. Около двери с калифорнийской стороны находился стеллаж с многочисленными книгами, посвященными правам женщин и квир-персон. А также значительная подборка классической литературы, включая Вирджинию Вульф и Зору Ниэл Хёрстон. А еще — много новых изданий в мягких обложках.

Если же вы входили в магазин со стороны Америки, то, на первый взгляд, вам могло показаться, что магазин выглядит точно так же, только вместо гобелена здесь висела картина с изображением Скалистых гор, находившихся неподалеку. Вы обязательно обратили бы внимание на большое количество книг по религии, а также по истории в более консервативной ее трактовке. Художественная литература была представлена преимущественно Фолкнером, Торо, Хемингуэем и, разумеется, Айн Рэнд. Также

вы смогли бы найти здесь сборники очерков о необходимости опираться исключительно на свои собственные силы и о крепости семьи. А на стеллажах с недорогими изданиями в мягких обложках вас ждали триллеры и книги о войне, многие из которых были недавно отпечатаны в большой типографии в Гетлинберге. Были здесь и любовные романы.

Проследовав от любой из двух дверей в глубь магазина, вы оказывались в лабиринте книжных полок, бесчисленных укромных закутков и различных служебных помещений. Была там и пещера научной фантастики и фэнтези, и альков с книгами по истории театра, и целый флигель с работами по социологии и истории, где один из стеллажей был полностью посвящен Великому расколу. Разумеется, некоторым покупателям удавалось пройти через извилистые, похожие на раскормленных змей коридоры, а также большой центральный читальный зал с красным ковром и двумя ободранными диванами и оказаться в противоположной части магазина. Но внутреннее устройство магазина было организовано так, чтобы у людей не возникало желания покидать свою реальность.

Четкая граница между Америкой и Калифор-

нией, которая по всей стране была обозначена сторожевыми башнями и контрольно-пропускными пунктами, табличками с надписями: «Вы покидаете»/«Вы прибываете» и стендами с ужасно дорогими сувенирами, здесь, в магазине «Первая и последняя страница», обозначалась высоким стеллажом с книгами из серии «помоги себе сам», а также сборниками советов о том, как пережить развод.

Люди с обеих сторон проезжали сотни миль на гидроэлектромобилях, соларциклах, механических лошадях или туристических автобусах, чтобы купить себе книги, без которых они не представляли себе жизни. Разумеется, можно приобрести электронную книгу в «Общем каталоге», но велик риск, что вам попадется либо произведение, окончательно испорченное коллективным редактированием или переделанное под определенную целевую аудиторию, либо аннотация окажется неправильной, либо книгу просто невозможно будет читать. К примеру, можно открыть на своем гиджете «Записки федералиста» и обнаружить там новый параграф о правах и обязанностях, которого не было ранее, или несколько страниц там будет посвящено выбору геля для волос — только потому, что

вчера вы подыскивали себе как раз такой гель. Следует также отметить, что одну и ту же книгу в Калифорнии и в Америке могут воспринимать совершенно по-разному. Так что если для вас важно содержание, то положиться можно только на бумагу и чернила (или, если речь шла о новых изданиях, то на инновационную Бум0гу), не говоря уже о тех ощущениях, которые вы получаете, когда вдыхаете запах книг, прикасаетесь к ним, переворачиваете страницы и выгибаете их корешки.

Молли считала, что книги будут нужны всем. Не важно, где люди живут, как любят, во что верят и кого хотят убить. Нам всем нужны книги. Если же вы начинаете думать о книгах, как о доступе в какой-то закрытый клуб, или о том, что любовь к чтению является какой-то отличительной чертой, значит вы абсолютно никудышный продавец книг.

Книги — самый лучший способ узнать, о чем думали еще до вашего рождения. Ведь авторы — это просто люди, которые изо всех сил пытаются осмыслить свои собственные проблемы. И возможно, их ошибки посеют в вас семена истины, которые помогут разобраться в ваших неудачах.

Иногда Молли спрашивала себя, почему она

не хочет все упростить и оставить только один вход. Заставить жителей Америки разговаривать с калифорнийцами и, наоборот, попробовать предъявить на суд обеих сторон книги, которые, возможно, изменили бы их взгляд на мир. И ответ у нее был только один: она должна вести свой бизнес, и ей достаточно того, чтобы люди просто продолжали читать. По крайней мере Молли удавалось организовать все так, чтобы превратить это место в самый мирный аванпост на границе, избегая стычек и скандалов между покупателями с обеих сторон.

Некоторые из этих людей выросли еще в Соединенных Штатах Америки, однако вели они себя так, словно население этих двух территорий всегда враждовало друг с другом.

Какой бы вход в книжный магазин вы ни выбрали, вполне вероятно, что первым делом вы обратили бы внимание на Фиби. Худющая, нескладная, веселая, иногда даже немножко бунтарка, она босиком бегала по магазину, не задевая ни одного книжного шкафа и не роняя ни одной книги. Смех Фиби звенел раньше, чем слышались ее шаги. Дочка Молли носила обычно джинсовый комбинезон и дешевые льняные блузки, но иногда надевала юбку до пола или

отделанное кружевом платье, а также пластмассовые браслеты и бусы. Уши у нее пока еще не были проколоты.

Люди по обе стороны от границы любили Фиби, ее радостные крики слышались даже за пределами магазина, принося радость и оживление.

Молли постоянно говорила Фиби, чтобы та вышла на улицу и подышала свежим воздухом, ведь мамы все время говорят нечто подобное, а Молли очень боялась оказаться плохой матерью, потому что она была в буквальном смысле слова замужем за своим книжным магазином, хотя он и содержал целый отдел литературы по воспитанию детей. Но в глубине души Молли даже была рада, когда Фиби не слушалась ее, оставалась в магазине и то и дело читала книги. Молли надеялась, что Фиби сохранит свой робкий нрав, что мать и дочь так и будут сидеть в «Первой и последней странице» и смотреть на мир через тонкие льняные занавески или вместе читать книги.

Но когда Фиби исполнилось четырнадцать, она стала почти все время проводить на улице, и Молли подолгу не видела ее. Примерно тогда же Фиби неожиданно выросла и сильно похорошела. У нее была длинная шея, и ее рыжий хвостик

развевался на ветру, когда она бегала вместе с другими ребятишками, жившими на окруженных деревьями улицах с американской стороны. К ним нередко присоединялось несколько детей из Калифорнии. Границу в этих местах никто особенно не патрулировал, там просто была навалена груда камней, которая служила неким напоминанием о Скалистых горах неподалеку. И если знать дорогу, то через эту груду легко было перебраться и оказаться уже в другой стране.

Фиби и ее компания ребятишек в возрасте от двенадцати до пятнадцати лет бродили в высокой траве в поисках «сокровищ» или устраивали «засады» среди камней. Иногда Фиби видела Молли и махала ей рукой, а затем взбегала по пыльному холму к Зейди и Марку, которые перебирались сюда из Калифорнии. За плечами у них висели суконные рюкзаки, набитые разными играми и безделушками. Время от времени Фиби приводила всю ораву в магазин, чтобы налить всем воды или домашнего имбирного лимонада, который готовила Молли. Дети останавливались на пороге, говорили: «Здравствуйте, мисс Карлтон», а потом убегали.

Обычно же Молли слышала только хор их пронзительных голосов, когда они носились друг за

дружкой с игрушечными пистолетиками. Иногда они уходили в рощицу, где росли деревья и папоротники, и оставались там даже после захода солнца, а когда Молли уже доставала свой гиджет, чтобы разослать сообщения всем местным родителям, она замечала огоньки, мелькавшие сквозь ветви деревьев, напоминавшие скрюченные пальцы. Молли всегда спрашивала Фиби, чем они занимались в этой небольшой рощице, которую лишь с натяжкой можно было назвать лесом, и Фиби всякий раз отвечала: «Ничем». Просто играли. Однако Молли представляла себе, как эти ребятишки при свете луны, скрытые от мира густой листвой, пьют алкоголь, принимают наркотики, целуются и рассказывают друг другу неприличные истории.

Но как бы Молли ни хотелось контролировать свою дочь, она не могла оставить книжный магазин без присмотра. Так как магазин работал сразу на две страны, одновременно в нем должно было находиться не меньше двух человек — по одному на каждую кассу, однако большинство продавцов, которых нанимала Молли, не выдерживали и пары месяцев и уезжали домой, так как их семьи очень переживали из-за постоянных слухов о возможной новой войне. Каждый день

на гиджет Молли поступала новая порция пропаганды с обеих сторон, в которой утверждалось, что одна из стран превратилась в жестокое теократическое государство, а другая — в сборище безбожников. В то же время распространялись слухи о том, что обе страны пытаются отыскать последние запасы воды, а иногда из-под земли доносился гул, так как калифорнийцы отправили туда целый рой роботов. Затаив дыхание, все ждали дальнейшего развития событий.

Молли работала за прилавком с калифорнийской стороны, как всегда, стараясь никак не реагировать на посетителей со странными татуировками или со светящимися серебряными проводами, вживленными в их черепа. Все знали, как рьяно калифорнийцы стремились внедрять в собственные тела и мозг последние достижения высоких технологий: от специальных программ, контролирующих рождаемость, до имплантов, позволявших им подсоединить свой мозг к комплексу «Другой». Молли улыбалась посетителям, перебрасывалась с ними ничего не значащими репликами, рекомендовала книги — благодаря своей феноменальной памяти она знала, кто и что покупал в ее магазине — иными словами, обращалась с ними как с обычными покупателя-

ми, даже когда некоторые из них, заметив на шее Молли крестик, начинали недовольно цокать языком, считая, что ей промыли мозги и внушили веру в Бога.

Однажды в магазин пришли[3] один из постоянных покупателей по имени Сэндер. Они искали редкую книгу, выпущенную в последние дни существования Соединенных Штатов. Эта книга была посвящена ведению фермерского хозяйства с учетом экологических норм, а также осознанному отношению к сельскохозяйственным животным, а написала ее некая Хоуп Дорренс. По непонятным причинам, никто даже не загрузил данный сборник очерков в «Общий каталог». Молли проверила информацию в своем навороченном компьютере и выяснила, что в магазине имеется один экземпляр книги. Однако когда она отвела Сэндера к нужной полке, книги там не оказалось.

Сэндер посмотрели на пустое место, где должны были находиться «Души земли», и их бледное круглое лицо сморщилось. У них была всего одна татуировка — бабочка в блестящей броне, а из бритого черепа торчали провода. Они работали

[3] Примечания: 3

Здесь и далее речь пойдет о небинарной персоне, предпочитающим/ей отзываться о себе во множественном числе.

инженером в комплексе «Другой».

— Хм, — сказала Молли. — Книга должна быть здесь. Но я еще раз проверю, может быть, ее уже купили на другой… мм… стороне, но не занесли в списки продаж.

Сэндер кивнули и последовали за Молли в Америку. Молли протиснулась мимо Митча, работавшего за кассой, и стала просматривать чеки, пока не отыскала нужный.

— Ой. Да. Вот черт.

Они продали единственный экземпляр «Душ земли» одной из самых своих преданных покупательниц с американской стороны — седовласой женщине по имени Тери Уоллес, которая ходила с Молли в одну церковь (и чья дочь Минни играла с Фиби и ее друзьями). Тери как раз находилась в магазине, она искала книгу с рецептами. Митч видел, как она только что прошла мимо. К сожалению, Тери чувствовала отвращение к калифорнийцам сильнее большинства американцев. А таких калифорнийцев, как Сэндер, Тери ненавидела особенно сильно.

— Похоже, мы недавно продали книгу, но пока не загрузили информацию в нашу базу… что ж… иногда так бывает, — объяснила Молли.

— Иными словами, информация, предоставля-

емая вашим магазином, вводит покупателей в заблуждение, — процедили сквозь зубы Сэндер, и на их лице появилось выражение глубокой обиды, типичной для всех калифорнийцев, когда что-то шло не так. — Вы сказали мне, что книга в наличии, а на самом деле не располагали точной информацией.

Молли решила не говорить Сэндеру, кто именно приобрел книгу Хоуп Дорренс, но Тери вернулась к кассе с книгой о приготовлении сногсшибательных салатов как раз в тот момент, когда Сэндер пустились в рассуждения об этичности информационного обмена в розничной торговле и между делом упомянули «Души земли», а Терри услышала это название.

— Ой, я только что купила эту книгу, — сказала Тери.

Сэндер повернулись к ней, улыбнулись и сказали:

— О, какая встреча! Боюсь, что книга, которую вы приобрели, предназначалась мне. Возможно, нам с вами удастся договориться? Мы могли бы задействовать для решения этой проблемы определенные ресурсы, так как данная книга нам очень нужна. — Сэндер начали говорить в той сверхрациональной настойчивой манере,

которая была характерна для всех калифорнийцев, когда они сталкивались с какой-нибудь проблемой.

— Извините, — ответила Тери, — но я купила ее. Теперь я ее хозяйка. Она моя.

— Но, — возразили Сэндер, — существует много способов, как мы могли бы… то есть вы можете одолжить ее нам, мы бы ее отцифровали, а потом вернули бы вам в хорошем состоянии.

— Мне не нужна эта книга в хорошем состоянии. Она нужна мне в том состоянии, в котором находится сейчас.

— Но…

Молли понимала, что еще чуть-чуть и этот разговор перерастет в перепалку. Тери явно хотелось как-нибудь оскорбить Сэндера: либо напрямую, либо использовав по отношению к нему неправильное местоимение. Сэндэр же точно хотели сказать, что Тери дура — либо намеком, либо прямым текстом. Молли знала простое решение данной проблемы: она могла предложить Тери бесплатную книгу или хорошую скидку на следующие покупки, если та одолжит Сэндеру книгу, чтобы они могли оцифровать ее с помощью специального робота. Только вот в данной ситуации взывать к голосу разума было беспо-

лезно. Ведь эти двое уже готовы были сцепиться друг с другом.

Поэтому Молли улыбнулась как можно шире и проговорила:

— Сэндер. Я только что вспомнила, что приготовила для вас специальную подборку книг в разделе психологии и философии. Я хотела вручить вам эти книги, но совсем забыла про них. Пойдемте, я вам покажу. — Она тихонько потянула Сэндера за руку и увела их обратно в муравейник из книжных стеллажей. Сэндер продолжили ворчать о нерациональном эгоизме Тери, пока они не покинули Америку.

Молли понятия не имела, какие именно особенные книги она могла бы отложить для Сэндера, но поскольку они часто покупали биографические книги и даже смогли осилить «Тяготы романтики», она решила, что сможет им что-нибудь подобрать.

Фиби оказалась в центре любовного треугольника. Молли узнавала об этом постепенно, наблюдая за остальными ребятами и слушая обрывки их разговоров (хотя она и старалась изо всех сил не подслушивать их).

Джонатан Бринкфорт, сын настоятеля церкви, куда ходила Молли, стал увиваться вокруг Фиби

с таким грустным выражением лица, словно он проиграл в одну из тех игр, где надо было целоваться и рассказывать эротические истории, и теперь на нем висел громадный долг. Джон был высоким тихим парнем с красивым, немного грубоватым лицом, он обладал большим авторитетом среди сверстников и поэтому выступал посредником в любом, даже самом незначительном, споре. Молли еще не доводилось видеть его в подобной ситуации, когда он сам не знал, что сказать. Она с детства помогала Джону выбирать в своем магазине приключенческие романы о воздушных кораблях.

А еще в их компании была Зейди Канва, чей дед иммигрировал из Уганды, а отец обожал старую научную фантастику. Зейди недавно сделала себе на плече татуировку с одуванчиком, семена которого разлетались по ветру, и вплетала в дреды нитку жемчуга из стекловолокна. Зейди читала самые разные книги: от естественно-научных и математических трудов до радикальной политики и девчачьих романов про лошадей и летний отдых. Зейди постоянно о чем-то перешептывалась с Фиби и приносила ей маленькие подарки из Калифорнии вроде тех странных конфет с перцем чили.

Молли могла себе представить, какие разговоры она будет выслушивать в церкви, если ее дочь вступит в противоестественные отношения с девушкой, да еще из Калифорнии, вместо того чтобы встречаться с хорошим американским мальчиком, который к тому же был сыном преподобного Бринкфорта.

Но Фиби, похоже, не готова была остановить на ком-то свой выбор. С одинаковой робкой улыбкой она принимала и неловкие комплименты Джона, и подарки Зейди.

Молли взяла Фиби с собой в однодневную поездку в Калифорнию. В их паспортах поставили штампы с разрешением въезда на один день, они сели в старенький трехколесный «лансер» Молли и поехали мимо ветряных электростанций и военных объектов, мимо знаков, указывавших дорогу к новейшим объектам комплекса «Другй», где занимались разработками облачного разума, пока наконец не остановились около кафе, где продавали такие густые молочные коктейли, что с губ запросто могла сползти кожа, пока пытаешься втянуть его через трубочку.

Фиби была молчалива, она то потягивала коктейль, то сидела, обхватив себя руками и закутавшись, словно в кокон, в свою куртку из

полифибра. Молли пыталась разговорить ее, рассказывала, кто какие книги покупал в последнее время, потом поинтересовалась у нее, как недавний интерес Шэрон Вонг к наблюдению за птицами может сказаться на международных отношениях между двумя странами. Фиби только пожала плечами, словно предлагая матери самой посмотреть, что пишут в новостях. Как будто Молли не читала регулярно эти самые новости и не пыталась отыскать в них хоть какой-то смысл.

Затем Фиби начала рассказывать Молли о каком-то романе в жанре фэнтези. Про семерых принцесс, обладавших даром стимуляции роста и разрушения. Но некоторые из этих принцесс могли использовать дар стимуляции роста только в том случае, если другие принцессы использовали в это же время дар стимуляции разрушения. А той из принцесс, кому удалось бы вырастить такой высокий забор, чтобы он смог выдержать натиск армии гномотроллей, предстояло стать наследницей Синего Трона. Но принцессы сначала не знали о том, что у них разные способности и они могли выращивать разные предметы. А еще там было несколько принцев и придворных, которые влюблялись в разных принцесс, но никому из них никак не удавалось обрести свое счастье.

Постепенно сюжет романа становился все более запутанным, и Молли не могла вспомнить, чтобы такая книга была у нее в магазине, пока, наконец, не поняла: Фиби не пересказывала ей сюжет книги, которую прочитала, она сама сочиняла этот роман и, возможно, печатала его на одном из старых компьютеров, которые хранились в кладовке. Молли даже не знала, что Фиби была писательницей.

— Как все закончится? — спросила Молли.

— Я не знаю. — Фиби допила свой молочный коктейль. — Думаю, они объединят свои силы, построят забор, который должны были построить, и не станут больше конкурировать друг с другом. Но сложнее всего будет сделать так, чтобы каждая из принцесс нашла свою вторую половинку. И чтобы каждому нашлось дело и место в королевстве.

Молли кивнула, а затем задумалась о том, как ей отреагировать на то, что на самом деле пыталась сказать ей дочь.

— Ты ведь понимаешь, что когда речь заходит о любви, не стоит спешить с выбором. Нужно во всем разобраться. Иногда на это требуется время, и это нормально, если ты не можешь сразу найти правильный ответ. Ты понимаешь?

— Да, наверное. — Фиби отодвинула пустой стакан и посмотрела в окно. Молли ждала, пока она еще что-нибудь скажет, но, в конце концов, поняла, что разговор окончен. Подростки, что с ними поделаешь?

Молли открыла «Первую и последнюю страницу», когда Фиби была еще ребенком, а граница между странами казалась прозрачнее. Оба правительства стремились создать Специальную торговую зону и выдавали специальные транснациональные лицензии. Все радовались, что в округе появился книжный магазин, и Молли сбилась со счета, сколько человек поблагодарили ее за то, что она решилась на этот шаг. Некоторые букинистические издания Молли приобретала в частных библиотеках, но многие люди готовы были пожертвовать ей книги безвозмездно.

Молли хотела, чтобы Фиби находилась поблизости от Калифорнии в случае, если Америка перейдет от угроз к делу и постарается употребить свое законодательство, допускающее многообразие трактовок против аморального образа жизни. Кроме того, Фиби заслуживала того, чтобы ее окружали самые разные люди, чтобы она была свободна в своих взглядах и выборе жизненного пути. К тому же оказалось, что Молли проявила

значительную проницательность, когда решила вести бизнес одновременно в двух странах, ведь таким образом, она вдвое увеличила свой рынок сбыта.

Какое-то время на границе также работали бар, бургерная и магазин одежды, но Молли даже не заметила, как все эти заведения закрылись одно за другим. Она думала, что ее «Первая и последняя страница» отличалась от остальных мест тем, что чтение книг никому не ударит в голову настолько, чтобы разъяриться и ввязаться в драку.

Мэтью, прихрамывая, вошел в американские двери, когда в магазине было затишье, и Молли обратила внимание на его рваные брюки, грязные руки и следы засохшей соли на его буром лице. Она повидала уже немало таких людей, и его появление не вызвало у нее удивления. Ей даже не нужно было видеть клеймо на шее Мэтью, которое напоминало пару сломанных крыльев и указывало на то, что он являлся несвободным батраком и находился в ведении Тюремных властей Великих Аппалачи, а также корпорации «Радость». Она лишь кивнула и провела его в магазин, пока никто больше не заметил этого и не стал задавать вопросов.

— Мне нужна книга по саморазвитию, — сказал

Мэтью. Такие, как он, часто говорили нечто подобное. Кто-то где-то сообщал им, что благодаря этой кодовой фразе Молли сразу же поймет, что им нужно. Но на самом деле никакой кодовой фразы не существовало, в ней просто не было необходимости.

Помимо магазина Молли, существовало множество других мест, где граница между Америкой и Калифорнией никак не регулировалась. Среди таких мест был и каменистый холм, через который перебирались Зейди и другие калифорнийские ребятишки, чтобы поиграть с американскими детьми. На границе было слишком много пустырей, на патрулирование которых бессмысленно было тратить время, и уж тем более устанавливать там сенсоры. Все равно ты не смог бы пообедать в Калифорнии, прежде чем твою личность не проверят двадцать компьютеров. Но такие, как Мэтью, выбирали магазин Молли, потому что книги означали цивилизацию, а может быть, все дело было в его названии, которое будто обещало, что переход будет безопасным и с первой страницы они благополучно переберутся на последнюю.

Молли поступила так, как она всегда вела себя по отношению к беженцам. Она помогла Мэтью

найти самый быстрый путь от отдела любовных романов в отдел философии, оттуда — в отдел истории, а затем — в Калифорнию. Она дала ему чистую одежду из ящика для пожертвований, который, как она всегда говорила покупателям, предназначался для какого-нибудь приюта, а также поделилась с ним известной ей информацией о ресурсах и контактных лицах. И позволила ему умыться в туалете.

Мэтью по-прежнему прихрамывал, пока шел по магазину в новых вельветовых штанах и мешковатом пестром свитере. Молли предложила осмотреть его ногу, но он лишь покачал головой.

— Старая рана.

Она принесла аптечку первой помощи и дала ему пузырек с обезболивающими. Мэтью все время озирался по сторонам, словно искал скрытые камеры (которых там не было), и резко дернулся назад, когда Молли попросила его ненадолго задержаться после того, как они оказались в Калифорнии.

— Что? Что-то не так? В чем дело?

— Ни в чем. Все так. Я просто подумала… — Молли всегда давала беженцам бесплатную книгу, чтобы как-то скрасить время в предстоящем путешествии. Она не хотела выбирать книгу наугад,

поэтому посмотрела на Мэтью в приглушенном янтарном свете настенных бра, освещавших отдел истории. — Скажите, какие книги вы любите? Кроме книг по саморазвитию.

— Простите, но у меня нет денег, — ответил Мэтью, а Моли только махнула рукой.

— Деньги не нужны. Я просто хотела дать вам что-нибудь с собой.

В этот момент появилась Фиби, она сразу поняла, что происходит.

— Привет, мама. Здравствуйте, я — Фиби.

— Это Мэтью, — сказала Молли. — Я хочу дать ему книгу в дорогу.

— Нам не разрешают иметь своих книг, — возразил Мэтью. — У нас была маленькая библиотека, но пользоваться ею разрешали только за особые заслуги. И чтобы получить эту привилегию, нужно было не только хорошо себя вести, но и… — Он посмотрел на Фиби, потому что явно собирался сказать нечто такое, что не предназначалось для детских ушей. — Но нам разрешали читать Библию, и я даже учил наизусть некоторые отрывки оттуда.

Молли и Фиби переглянулась и, пока Мэтью беспокойно переминался с ноги на ногу, Фиби сказала:

— Детективы про отца Брауна.

— Ты уверена? — спросила Молли.

Фиби кивнула. Она убежала, быстрая, как лань, и вскоре вернулась со сборником рассказов Г. К. Честертона в мягкой обложке. Книга была такой маленькой, что могла уместиться в кармане вельветовых брюк, которые отдали Мэтью.

— Мне понравилась эта книга, — сказала она Мэтью. — Она о Боге, о религии. А еще там очень интересные детективные истории, где ключом к разгадке всегда служит понимание людей.

Мэтью принялся благодарить Молли и Фиби, издавая гортанные звуки, напоминающие кашель, пока они жестом не дали ему понять, что в этом не было необходимости. Оказавшись в фойе магазина на калифорнийской стороне, они попросили Мэтью не выходить из-за книжных шкафов, убедились, что поблизости никого не было, а затем вывели его из магазина и показали самый короткий путь, который позволял добраться до главной дороги незамеченным. Пока Мэтью бежал через длинную, посыпанную гравием парковку, он один раз остановился и махнул им на прощание рукой, но больше не оборачивался.

Президент Калифорнии поздравил президента Америки не с Пасхой, а с весенним солнцестоя-

нием, и президент Америки созвал пресс-конференцию, чтобы обсудить это непростительное оскорбление. Уоллес Доусон — Американский секретарь по морали и нравственности оскорбительно отозвался о генеральном прокуроре Калифорнии, который был геем. Калифорния перебросила к границе войска и стала проводить военные учения так близко от магазина Молли, что она всю ночь слышала холостые залпы орудий. (Она надеялась, что залпы были холостыми.) Американцы послали к границе авиацию и беспилотники, чтобы патрулировать воздушное пространство. Калифорнийские роботы смогли отыскать большие запасы воды под толщей земной коры, но и Америка, и Калифорния заявили, что вода находится на их территории.

На гиджете Молли все время всплывали последние новости, сдобренные изрядной порцией пропаганды, как будто составлявшие их люди с обеих сторон изо всех сил старались накалить обстановку. Американские средства массовой информации распространяли сведения о беременной женщине из Нью-Сакраменто, которая потеряла ребенка из-за того, что у ее импланта, отвечавшего за планирование семьи, произошел сбой при обновлении программного обеспечения;

а также жуткие истории о жестоких бандитских разборках в городах, наркомании, проституции и тому подобном. Калифорнийские СМИ постоянно напоминали своим гражданам об американских подростках, которых насильно удерживали взаперти и регулярно насиловали, чтобы они затем производили на свет потомство, а также о мирных протестующих, которых избивали и травили газом полицейские.

В последнее время почти каждый день в магазин Молли приходили американцы и искали две книги, которых у нее не было. Молли решила сыграть на опережение и заказать себе несколько экземпляров «Почему мы сильны» — манифест длиной в целую книгу, посвященный индивидуализму и христианским ценностям, в котором калифорнийцев обвиняли во всех мыслимых грехах за исключением каннибализма и скотоложства. Но этой книги больше не было в продаже и пришлось ждать нового тиража. В то же время Молли отказывалась продавать книгу «Наш народ», содержавшую оскорбительные карикатуры на черных и цветных людей, которые жили преимущественно в больших городах на западе вроде Нью-Сакраменто, а также псевдонаучные теории об их слабом умственном

развитии.

Но люди все равно продолжали приходить и спрашивать «Наш народ», хотя Молли была уверена, что им было известно — книги в магазине нет, однако они все равно считали обязательным задать этот вопрос.

— Некоторые люди считают, будто вы возомнили о себе невесть что, — заметила Норма Верлейн, чья белокурая болтливая дочь Саманта входила в компанию Фиби. — То, как вы пытаетесь угодить и нашим и вашим, сидите здесь в своем красивом кресле и решаете, что стоит читать, а что нет. Вы в буквальном смысле принимаете за нас решение.

— Я ни за кого не принимаю решений, — возразила Молли. — Норма, я ведь тоже здесь живу и вместе с вами каждое воскресенье хожу в храм. И никого не осуждаю.

— Вам, конечно, виднее. Но вы отказываетесь продавать «Наш народ».

— Да, потому что эта книга расистская.

Норма повернулась к Регги Уоттс, чьи двое детей — Тобиас и Суз — тоже были участниками маленькой банды Фиби.

— Регги, вы слышали? Она только что назвала меня расисткой.

— Я никак вас не называла. Я говорила о кни-

ге.

— Нельзя отделять книги от людей, — заметила Регги, которая работала на большой электростанции в тридцати милях к востоку от книжного магазина. — Как нельзя отделять людей от тех мест, откуда они родом.

— Возможно, настанет момент, когда вам придется выбирать, в какой стране жить, — сказала Норма. Затем они с Регги удалились, преисполненные чувством собственной добродетельности.

Молли чувствовала, как что-то гложет ее изнутри. Словно книжный червь из мультика, который она смотрела в детстве. Там он прогрызал насквозь книги, а этот червь проделал в Молли аккуратное отверстие, из-за чего какую-то ее часть больше невозможно было прочитать.

Молли разбирала товарные чеки — после той перебранки между Тери и Сэндером она испытывала настоящую паранойю по поводу того, что продажи на американской стороне могли быть не занесены в компьютер — как вдруг началось землетрясение. Земля задрожала, и несколько книг упали на пол, но большинство стояли так плотно, что остались на местах. Вместе с подземными вибрациями послышался резкий оглушающий

звук, из-за которого у Молли заболели уши. Когда она снова смогла подняться на ноги, то первым делом посмотрела на свой гиджет, но поначалу не обнаружила там никакой информации. Затем на экране появилось срочное сообщение: Калифорния заявила свои права на подземные запасы воды и приступила к их немедленному извлечению. Америка назвала это актом агрессии.

Фиби как всегда шаталась где-то со своими друзьями. Молли послала сообщение на ее гиджет, затем вышла из магазина и стала звать ее по имени. Из-под земли по-прежнему доносился жуткий грохот, но то ли Молли привыкла к нему, то ли он стал постепенно удаляться.

— Фиби?

Молли пошла по двухполосной дороге, через каждую пару минут проверяя свой гиджет, однако Фиби до сих пор не ответила ей. Она твердила себе, что не будет волноваться, если ей удастся отыскать дочь до захода солнца, но когда солнце село, ей пришлось придумывать новые сроки, когда она может позволить себе начать паниковать.

Что-то огромное и мощное неподалеку открыло свою пасть и зарычало так, что Молли даже покачнулась. Горячее дыхание гигантского

хищника обдало ей лицо, а уши заложило от оглушительного грохота. Мгновение спустя она поняла, что три самолета-сталкера пролетели совсем низко над землей в невидимом режиме — так что их можно было услышать, но невозможно увидеть.

— Фиби? — крикнула Молли, когда дошла до конца длинной улицы, где находились продуктовый магазин и кафе. — Фиби, ты здесь?

С одной стороны улицы было большое кукурузное поле, с другой — объездная дорога, ведущая к автомагистрали. Кукуруза все еще шелестела после того, как над полем пролетели самолеты. На грунтовой дороге послышалось шуршание шин по земле, перемешанной с мелкими камешками, а затем она увидела приближающиеся к ней светящиеся фары.

— Мама! — Фиби мчалась к ней вниз по холму из маленькой рощицы, за ней бежали Джин Бринкфорт, Зейди Канва и другие ребята. — Слава богу, с тобой все в порядке!

Молли начала говорить Фиби, что она должна немедленно укрыться в книжном магазине, потому что читальный зал был единственным местом в округе, который мог кое-как сойти за бомбоубежище.

Но снова появились всполохи огней и послышался оглушающий грохот, а когда Молли посмотрела на окраину города, она увидела шеренгу теней, которые продвигались вперед и каждая была в три раза выше самого высокого здания в округе.

Молли никогда прежде не видела меха-роботов, но узнала этих металлических гигантов с массивными цилиндрами на ногах и ракетными пусковыми установками на руках. Они напоминали грубые карикатуры на бодибилдеров с огромными мускулами под броней из титанового сплава. Два смотровых оконца на их головах и красные полосы придавали им невероятно грозный внешний вид, с которым они взирали на людей у своих ног. Их до абсурдного гигантские тела с ног до головы были оснащены оружием, они двигались через город в сторону границы.

— Все в книжный магазин! — закричала Фиби. Зейди Канва писала сообщение отцу на каком-то навороченном планшете, остальные дети тоже пытались связаться со своими родителями, и Молли пришлось загонять их в «Первую и последнюю страницу».

Люди приходили в магазин в поисках детей или укрытия от обстрелов. Некоторых воен-

ный конфликт застал в магазине, другие просто проезжали мимо. Молли всех впускала, пока американские мехи сражались с эскадроном калифорнийских центурионов, которые внешне выглядели так же, как эти металлические гиганты, только их бортовые системы были подключены к комплексу «Друг». Обе стороны привели в действие свои ракетные установки, и небо озарилось одинаковыми оранжевыми вспышками, которые окрашивали все в янтарные цвета. Молли видела, как американский меха ударил своим огромным кулаком центуриона в бок, и металлические осколки полетели во все стороны, словно семена одуванчика на татуировке Зейди.

Затем Молли закрыла дверь в читальный зал и с чувством выполненного долга заперла ее на засов.

— Я заплатила подрядчикам в двойном размере, — сказала она людям, которые сидели там, сжавшись в комочки. — Эти стены как стальной сейф. Здесь самое безопасное место.

Туалет находился за железной дверью чуть дальше по коридору, хотя, конечно, существовал некоторый риск, что в тебя попадет снаряд, пока ты будешь справлять нужду.

Вместе с Молли и Фиби в читальном зале на-

ходилась еще дюжина людей. Здесь была Зейди со своим отцом Джеем; Норма Верлейн с дочерью Самантой; Регги Уоттс с двумя своими детьми; Джон Бринкфорт; Сендер — инженер, желавшие заполучить книгу «Души Земли»; Тери — женщина, которая приобрела эту книгу; Марси — двенадцатилетняя девочка из Калифорнии и ее мать Петрис.

Они все сидели в этой комнате площадью два на три метра с кушетками, на которых спокойно могли разместиться по пять человек, и книжными стеллажами от пола до потолка. Каждый раз, когда люди начинали потихоньку расслабляться, по земле снова прокатывалась дрожь, а грохот становился все громче и ужаснее. Чипы и различные устройства не принимали сигналы то ли из-за толстых стен, то ли потому, что связь активно глушилась. Стены комнаты ходили ходуном, но к счастью, книги на полках стояли тесно друг к дружке, так что ни одна из них не упала.

Молли посмотрела на Джея Канву, который сидел, обняв дочь, и внезапно вспомнила, как несколько лет назад, когда Фиби отправилась в поход, она ходила на свидание с Джеем. Фиби и Зейди уже были подругами, хотя их обеих тогда еще не интересовали романтические отношения,

и Фиби считала, что этот высокий хорошо сложенный архитектор мог стать хорошей парой для ее матери. Отчасти потому, что они часто обменивались грустными улыбками, когда жаловались друг другу на тяготы жизни одиноких родителей своих буйных дочерей. К тому же, Молли и Фиби были гражданками Америки, однако двойное гражданство никому бы не помешало. Но у Молли не было времени для романтики. А теперь уже Зейди стала бросать заинтересованные взгляды на Фиби, которая никак не могла выбрать между Зейди и Джоном, и, возможно, уже никогда не остановит ни на ком свой выбор.

Джей выпустил из объятий дочь, которую все это время отчитывал за то, что она впуталась во все это. Остальные родители, включая Молли, тоже с хмурым видом смотрели на своих детей.

— Как бы я хотел оказаться сейчас дома, — прошептал Джей Канва дочери, — а не сидеть здесь взаперти с этими людьми.

— Что вы имеете в виду под «этими людьми»? — возмущенным тоном поинтересовалась Норма Верлейн, сидевшая напротив него.

Стены снова задрожали и послышался грохот.

— Норма, не заводись, — сказала Регги. — Я уверена, что он ничего такого не хотел сказать.

— Нет, мне интересно, — не унималась Норма. — Что делает нас «этими людьми»? Ведь мы просто пытаемся жить своей жизнью и воспитывать наших детей. В то время как в вашей стране нормой теперь считается все, что угодно, от абортов и противоестественных сексуальных отношений до всовывания в человеческий мозг всякого нанотехнологического мусора. Так что это я должна задаваться вопросом, почему мне приходится терпеть таких людей, как вы!

— Я собственными глазами видел, что в вашей стране делают с людьми вроде меня, — тихо сказал Джей Канва.

— Как будто калифорнийцы не похищают постоянно американских детей, чтобы превращать их в секс-рабов и проституток. Из-за этого я теперь глаз не спускаю с Саманты.

— Мам, — сказала Саманта, и это слово, состоящее всего из одного слога, могло означать все, что угодно. От: «Хватит позорить меня на глазах у моих друзей» до «Ты не сможешь защищать меня вечно».

— Мы не воруем детей, — возмутились Сендер. — Это нелепый вымысел.

— Вы вечно все воруете. Сейчас вы воруете воду, — сказала Тери. — Для вас нет ничего святого,

никаких правил, как будто бы разрешено все, что вы только захотите!

— Но не мы отправляли полмиллиона человек в трудовые лагеря, — возразила Петре — тихая седовласая женщина, обычно покупавшая книги по садоводству и истории Италии.

— О нет, конечно! Вместо этого Калифорния превратила миллионы человек в кибернетических рабов комплекса «Другй», — сказала Регги, — это гораздо гуманнее.

— Да угомонитесь вы все! — возмутилась Молли.

— Сказала женщина, которая пытается быть слугой двух господ, — презрительно бросила Норма, указав на Молли пальцем.

Все шестеро взрослых, кроме Молли, продолжили кричать друг на друга, пока в маленькой комнатке не стало так же шумно, как и на поле боя снаружи. Стены комнаты дрожали, дети собрались вместе и сидели, прижавшись друг к дружке, а взрослые орали во всю глотку, пытаясь перекричать грохот снарядов. Все знали, что военный конфликт возник из-за прав на обладание водой, но за все эти долгие месяцы, пока люди выслушивали все эти ужасающие истории, они пришли к выводу, что это праведная война

во имя святых принципов. Ради их детей, ради их свободы. Все кричали друг на друга, а Молли забилась в угол рядом со стеллажом, на котором хранились книги по теологии, закрыла уши руками и смотрела на Фиби, сидевшую на корточках в противоположном углу вместе с Джоном и Зейди. Ноздри Фиби раздувались, она вся напряглась, как будто готовилась к спринтерскому забегу, но внимание девочки было сосредоточено на двух ее друзьях, которых она пыталась утешить. Молли внезапно почувствовала, как к ней возвращается прежний страх, что она была плохой матерью.

Затем Фиби встала и крикнула:

— ДА ПРЕКРАТИТЕ ВЫ ВСЕ!

Все перестали кричать. Словно произошло какое-то чудо. Все замолчали и уставились на Фиби, которая держала за руки Джона и Зейди. Несмотря на доносившийся снаружи грохот, в комнате воцарилась зловещая, почти торжественная тишина.

— Вам должно быть стыдно, — сказала Фиби. — Мы все устали, напуганы и проголодались, возможно, нам придется просидеть тут всю ночь, а вы ведете себя как дети. В этом месте нельзя кричать. Это книжный магазин. Здесь нужно просматривать книги и читать их в тишине. Если

вы не можете вести себя тихо, вам придется уйти отсюда. И мне плевать, что вы друг о друге думаете. Вы, черт возьми, должны быть вежливыми, потому что… потому что… — Фиби повернулась к Зейди и Джону, а потом посмотрела на маму, — потому что сегодня первое заседание нашего книжного клуба.

Книжного клуба? Все в недоумении посмотрели друг на друга, как будто что-то упустили из вида.

Молли встала и хлопнула в ладоши.

— Ну хорошо. Заседание книжного клуба начинается через десять минут. Присутствие обязательно.

Шум снаружи стал не только громче, теперь он доносился из двух основных источников. Один из них располагался прямо у них под ногами, как будто отчаянная борьба за контроль над водными запасами разворачивалась непосредственно под земной корой между двумя отрядами роботов или подземных боевых машин, и само понятие «твердая почва», казалось, утратило свою актуальность. Затем у них над головами послышался шум воздушного сражения или битвы металлических титанов, а возможно, небо заполнили автоматические летательные устройства, которые стреляли во все стороны, пока небо не стало

красным. Запертые в помещении, не имея доступа к какой-либо информации, кроме надписей на корешках книг, люди выдумывали различные ужасы после каждого взрыва или удара.

Молли и Фиби уселись в углу и пытались решить, с какой из книг могли быть более-менее знакомы все присутствовавшие в комнате, чтобы всем вместе обсудить ее. Несколько лет назад Молли устраивала книжный клуб у себя в магазине, и некоторые из тех, кто сидел сейчас в читальном зале, посещали те встречи. Но она не могла вспомнить, что именно они тогда читали. Молли настаивала, что нужно выбрать какой-нибудь роман взросления, вышедший еще до Раскола и ставший явлением в литературе, или старую добрую классику вроде Джейн Остин. Но Фиби отвергла обе идеи.

— Мы должны отвлечь их, — Фиби показала большим пальцем на людей в читальном зале у нее за спиной, — а не уморить скукой.

В конце концов, первой и, возможно, последней книгой, которую предстояло обсуждать на собрании Большого международного книжного клуба, стал роман «Миллион в одном» — приключенческое фэнтези о подростке по имени Норман, который спас миллион душ, похищенных злым

волшебником и спрятанных в глобусе, и случайно поглотил все эти души. В результате Норман стал носителем миллиона душ, приобрел благодаря им магические способности, а вместе с ними и знания обо всех их неоконченных делах, а также постоянно ощущал их стремление к свободе. И Норману пришлось сражаться с волшебником, который хотел вернуть души обратно, забрав заодно и душу Нормана. Книга была рассчитана на подростков, но Молли знала, что все взрослые по обе стороны границы читали ее.

— Разумеется, экспозиция романа страдает от серьезных несоответствий, — заметили Сендер. — В самом начале сказано, что души можно хранить и перемещать. Однако Норману не удалось перенести лишние души в ближайший сосуд.

— Это объясняется во второй книге, — пояснила Зейди, закатывая глаза. — Души должны были оставаться в теле Нормана. Если бы он попытался их переместить, то волшебник снова заполучил бы их.

— Я не поняла, почему его так называемая учительница Максин не рассказала ему сразу об Обмене Пендрагона.

— Эм… прошу прощения, но можно без спойлеров? — пробормотал Джон. — Не все еще

прочитали пятую книгу.

— Давайте лучше поговорим об основных темах, которые затрагиваются в книге, и не будем цепляться к мелочам? — Тери сложила руки на груди. — Лично меня поразило то, как Норман, храня в себе столько душ, по-прежнему оставался Норманом.

— Это что-то вроде Декартова дуализма, — предположил Джей Канва.

— Да, похоже на то. То есть если вы читали Декарта, то помните, как он говорил…

— Дело в том, что волшебник хочет подчинить себе все эти души, но…

— А давайте поговорим про поющий топор? Что это вообще такое было?

Они мирно спорили до трех часов ночи, пока все не устали. В небе по-прежнему время от времени разносились громовые раскаты, но то ли все привыкли к ним, то ли самая жестокая часть сражения подошла к концу. Молли огляделась и увидела, как дюжина человек стала медленно засыпать, прислонившись друг к другу, и вдруг поймала себя на мысли, как сильно ей хотелось все это уберечь. Речь шла не только о безопасности этих людей, которым она, разумеется, не желала зла, и даже не о магазине, содержанию

которого она отдала лучшие годы своей взрослой жизни, а о чем-то более абстрактном, и это вызывало у нее замешательство. Каковы были шансы, что «Первая и последняя страница» и дальше продолжит свое существование и по-прежнему сможет работать на две страны? Как узнать, что случилось сегодня: очередная стычка или начало настоящей войны, которая продлится много месяцев и превратит оба государства в горстку пепла?

Фиби оставила Джона и Зейди и села рядом с матерью, на ее губах по-прежнему играла довольная улыбка. В одной руке Фиби держала книгу, и Молли сначала не узнала ее тисненую золотом обложку, но затем увидела корешок. Это был маленький сборник сказок в твердой обложке с акварельными иллюстрациями. Молли подарила его своей дочери на двенадцатилетие и больше с тех пор никогда не видела. Она думала, что Фиби прочитала книгу, а потом забросила куда-нибудь. Фиби прислонилась к матери, просматривая текст и иллюстрации, на которых было изображено голубое небо, темные башни замков и горы, а потом уснула на плече Молли. Во сне Фиби выглядела совсем как маленькая девочка. Молли смотрела на нее, пока тоже не уснула, и весь

книжный магазин погрузился в дремоту. Время от времени Молли просыпалась от грохота битвы, или когда стены вновь начинали дрожать, но постепенно все стихло, и теперь Молли слышала только размеренное дыхание людей, спрятанных в коконе из книг.

Тобиас С. Бакелл[4]

*Тобиас С. Бакелл (*tobiasbuckell.com*) — автор, вошедший в список бестселлеров «New York Times» и обладатель «Всемирной премии фэнтези», родился на Карибских островах. Его детство прошло на острове Гренада, он жил и на Британских Виргинских островах, и время, проведенное там, оказало значительное влияние на его творчество. Он является автором романов, а также почти ста рассказов, которые были переведены на девятнадцать языков. Его работы были номинированы на премии «Хьюго», «Небьюла», «Всемирную премию фэнтези», а также на «Поразительную награду для лучшего начинающего автора научной фантастики». В данный момент проживает в Блаффтоне, штате Огайо, с женой, дочерями-близняшками и двумя собаками.*

---

[4] Примечания: 4

© Tobias S. Buckell, 2019; © пер. Н. Нестеровой, 2020.

Галактический туристический комплекс

Когда галакты прилетали в аэропорт Кеннеди, от них часто пахло аммиаком, серой и еще каким-то запахом, который Тэйви не мог определить. Но он уже привык к этому за те несколько лет, когда помогал инопланетянам спускаться вниз, ожидая, пока их скафандры выпустят весь озон и адаптируются к земной атмосфере. Он занимался разгрузкой багажа и специального оборудования для адаптации к окружающей среде, а также оказывал инопланетным туристам содействие в составлении маршрута и выборе достопримечательностей, которые они хотели бы увидеть.

Но он никак не ожидал, что существо, внешне напоминавшее осьминога и весившее четыреста фунтов, откроет дверь его такси, когда они будут находиться в ста футах над Бруклинским мостом, так что по салону завоет ледяной ветер, а лампочки сигнализации тревожно замигают.

Не ожидал он также, что инопланетянин громко завопит: «Вы только взгляните на эти шпили!» через автоматический переводчик, после чего

сиганет вниз, а Тэйви какое-то время придется просто лететь вперед, вцепившись в руль мертвой хваткой.

Такого не могло случиться! Только не с ним. Только не в его стареньком такси, которое он с трудом поддерживал на ходу, и только не сейчас, когда ему нужно было срочно продлить Манхэттенскую лицензию!

Чтобы летать над Манхэттеном, требовалось особое разрешение. И сильнее всего он переживал именно из-за этого, так как недавно он уже забывал о продлении лицензии. В Нью-Йоркском Бюро по туризму его не просто оштрафовали, но и отстранили на три месяца от работы. И Тэйви пришлось перебиваться случайными заработками: мыть грузовые отсеки в аэропорту, драить такси, когда они возвращались после полетов на остров, и заниматься другой грязной работой.

Но пока что все его лицензии действовали. И, кружась над водой рядом с мостом, он понимал, насколько это ужасно — переживать из-за подобных вещей, а не за судьбу пассажира. Тэйви надеялся, что, возможно, инопланетянин не пострадал после падения с такой высоты.

Все может быть.

Вот только он никак не всплывал.

В компьютере на приборной панели где-то была его контактная информация. Тэйви стал набирать сообщение инопланетянину.

— Пожалуйста, ответь. Ну, пожалуйста!

Но он не отозвался.

Что Тэйви было известно об этом инопланетянине? Внешне он напоминал осьминога. Но что это могло значить? Они не могли даже передвигаться по земле и были вынуждены носить своего рода экзоскелет.

Мог ли этот экзоскелет защитить его?

Тэйви сделал еще один круг над водой. Он должен был заявить об этом случае. Но тогда полицейские наверняка докопаются до его старых ошибок. И повесят всю вину на него. Ему запретят летать на Манхэттен. А инопланетяне больше всего любили Манхэттен. Для них именно он был воплощением «настоящей» Америки, хотя там все было перестроено и поделено на зоны для различных инопланетных рас. Швейный квартал переделали для пришельцев, дышащих метаном: все здания были покрыты прозрачной оболочкой, и внутри поддерживалась атмосфера, позволявшая инопланетянам дышать. Весь Манхэттен к северу от Центрального парка был перестроен для пришельцев, дышащих водородом.

Тэйви обнаружил там множество магазинчиков, в которые любопытно заглянуть, но лишь в некоторых из них можно было найти что-нибудь полезное для людей. В самом начале различные исследователи и ученые с интересом скупали здесь все, что продавали галакты, в надежде, что им удастся изучить технологии их производства.

Но оказалось, что там продавалась лишь бесполезная инопланетная дешевка, которую выдавали за товары, изготовленные на Земле. В прошлом году одна правительственная организация приобрела «настоящий» человеческий спортивный автомобиль, который, по желанию клиента, могли доставить на его родную планету. Его двигатель был чем-то вроде антигравитационного устройства, который привлек к себе большое внимание. Однако при попытке разобрать его на детали, он взорвался, уничтожив несколько кварталов.

Когда же начались разбирательства, то высокие, лохматые, ящероногие инопланетяне, выставлявшие в своем магазине на Бродвее еще несколько похожих моделей, заявили, что они не изготавливали эти машины, а лишь получали их для последующей продажи на Земле.

Но галакты стремились на Манхэттен, чтобы

скупать там всю эту дрянь или слоняться вдоль озер в Центральном парке. И если бы Тэйви не смог летать на Манхэттен, он остался бы без работы.

С тяжким вздохом Тэйви набрал 911. Ему придется отвечать на множество вопросов. И он влипнет по самые уши.

Но если он попытается скрыться, его вычислят по специальному маячку. И тогда его точно во всем обвинят.

Чувствуя, как у него слегка сводит желудок, Тэйви приготовился к тому, что день будет долгим.

Тэйви стоял на причале в противогазе, который защищал его от клубов горчичного газа или чего-то в этом духе, распространявшегося из близлежащего здания в бруклинском районе ДАМБО. Копы, все в противогазах, быстро взяли у него показания и сняли отпечатки пальцев, после чего велели улетать.

— Просто улетать?

Над местом, где упал инопланетянин, зависло несколько патрульных катеров. Но никаких поисковых работ пока не проводилось. Казалось, все ждали, что случится дальше.

На полицейском, бравшем показания у Тэйви, был желтый комбинезон с логотипом, реклами-

ровавшим казино в Финансовом округе («Рискни здесь своими деньгами, как когда-то рисковали на старой фондовой бирже! Выигрывай по-крупному, поймай удачу за хвост!») Делая пометки, он кивал головой в противогазе.

— У нас есть ваша контактная информация. Сейчас мы должны получить информацию с камер наблюдения.

— Но вы не будете проводить поиски в реке?

— Ступайте.

И хотя противогаз заглушал голос копа, было в его тоне нечто такое, что заставило Тэйви понять — это приказ. Он ведь и так сделал все, что было возможно, в этих невероятных обстоятельствах.

Он сделал все возможное.

Правда ведь?

Тэйви хотелось вернуться домой и заснуть. Задернуть шторы, свернуться калачиком в темноте и хотя бы на день обо всем забыть. Но ему нужно было оплачивать счета. Платить за страховку своего такси и за кининовое топливо, которое доставлялось с орбиты и было недешевым. Каждый раз, когда форсунки под капотом его автомобиля покрывались новым слоем конденсата, Тэйви чувствовал, как тает его банковский счет.

Но нельзя было ездить на Манхэттен по зем-

ле, если ты хотел получить хорошие отзывы от клиентов. К тому же получить права для поездок по земле было еще сложнее, чем на воздушные перевозки, так как межгалактические туристы не желали мириться с постоянными пробками на дорогах.

Попробуй скажи кому-нибудь из них, что пробки — это старая манхэттенская традиция — и готовься к тому, что они попытаются испепелить тебя своими взглядами.

Так что пришлось совершить еще четыре рейса. Снова желтый газ просачивался в салон такси, из-за чего Тэйви начинал кашлять, а его глаза слезились. Последними пассажирами оказались похожие на волков создания, которые сели в такси, тявкая и цвиркая, как белки, и попросили отвезти в какое-нибудь заведение, где подавали человеческую еду.

— Настоящую человеческую еду, а не то дерьмо, которое за нее выдают, но только она должна быть приготовлена так, чтобы наши организмы смогли ее переварить.

На приборной панели Тэйви высветились названия ресторанов, рекомендованных Бюро по туризму для пришельцев подобного типа. Когда же Тэйви заглянул в зеркало заднего вида, он

увидел, что его пассажиры причесывали друг другу шерстку.

— Ну ладно.

Он отвез их в Гарлем, в местечко, принадлежащее его кузену Джеффу. Здесь было не так много небоскребов, окруженных пузырями с инопланетной атмосферой. Похожие на волков создания дышали кислородом, но в носу у них торчали трубочки, в которых время от времени раздавался свист, и в воздухе распространялся запах корицы.

Тэйви ужасно хотелось утешить себя какой-нибудь вкусной едой. И пока инопланетяне пытались разобраться в настоящем человеческом меню в зале ресторана, он тихонько пробрался на кухню, где было жарко и повсюду поблескивала нержавеющая сталь.

— Рикки! — крикнул Джефф. — Это ты привел сюда тех псов?

— Да, — признался он. Джефф слегка приобнял Тэйви, коснувшись своими дредами его лица. — Может, они оставят тебе миллион на чай.

— Ага. А может, тебе они оставят на чай триллион.

Это была старая шутка, которую так любили представители сферы услуг. Сколько вообще

стоило путешествие через всю галактику, чтобы увидеть своими собственными глазами или фоторецепторами другую планету? Некоторые инопланетяне, прилетавшие на Землю, преодолевали такие расстояния и путешествовали на таких сложных кораблях, что бюджет их поездок вполне был сопоставим с годовым ВВП целой страны.

Так что они вполне могли оставить на чай несколько миллионов. Ходили слухи, что иногда они позволяли себе такое расточительство. И парень-посудомойка мог внезапно стать миллионером. А экскурсовод — построить себе дом на Луне.

Однако Бюро по туризму, а также инопланетные компании, продававшие туры на Землю, предупреждали туристов, чтобы они не переплачивали за услуги. Они говорили, что экономика Земли слаба. Поэтому не стоит раздавать людям чаевые, которые могли бы сравниться с их годовой зарплатой. Это может привести к внезапной инфляции или даже расшатать власть в регионе.

Поэтому все туристические приложения в системах, которыми пользовались пришельцы, сообщали им правильный курс обмена валют, а также приемлемый размер оплаты различных

услуг.

Ну и что, мечтать не вредно.

Джефф протянул ему тарелку с макаронным пирогом, а также рис с горохом и курицей. Тэйви еще утром попросил приготовить все это для него.

— Зря ты заявил в полицию, — сказал Джефф.

— А что, я должен был просто улететь?

— Теперь Бюро занесет тебя в черный список. Им ведь нужно спасать положение. Вряд ли кому-то понравятся новости о гибели туриста на Земле. Это такой удар по репутации. У тебя отнимут лицензию для поездок на Манхэттен. Поверь, чувак, Нью-Йоркский филиал Бюро самый отстойный.

Тэйви вытер пальцы о салфетку и закашлялся. Привкус корицы в горле стал еще сильнее.

— Ты в порядке?

Тэйви кивнул, его глаза слезились. Что бы там ни нюхали эти волки, но теперь эта дрянь проникла ему в легкие.

— Ты должен быть осторожен, — сказал Джефф. — Установи в машине нормальные фильтры. У отца Нишель в прошлом году нашли рак, он возник из-за какой-то дряни, которую излучали костюмы солнечных дайверов. Врачи так и не смогли ему помочь.

— Знаю, знаю, — сказал Тэйви, продолжая кашлять.

Джефф протянул ему пакет, в котором лежало что-то, завернутое в алюминиевую фольгу.

— Возьми роти на дорожку. Там курица без костей. Если хочешь, положу еще?

— Нет. — Джефф был очень добр к нему. Он знал, что Тэйви пытается выбраться из финансовой ямы, и после закрытия заведения приносил ему оставшуюся еду.

Обычно это были блюда, приготовленные для инопланетных туристов с учетом их уникальных пищеварительных систем. Тэйви солгал своим туристам, в этом ресторане как раз готовили для собакоподобных инопланетян. Но в пакете была нормальная еда, ее Джефф готовил для знакомых, которые приходили с черного хода.

Тэйви снова вернулся в аэропорт Кеннеди, но теперь несколько раз облетел вокруг этого грандиозного комплекса. Межгалактический аэропорт имени Джона Фицджеральда Кеннеди располагался на вершине огромного шпиля, поднимавшегося в небо, пронзавшего облака и выходившего в открытый космос. Это был порт посреди космического океана, куда причаливали большие инопланетные корабли, которые

привозили туристов с далеких планет. Аэропорт считался гордостью Соединенных Штатов. Конгресс финансировал его строительство, взяв у Галактического строительного синдиката кредит на сумму, равную ВВП страны за сотню лет, и когда аэропорт был построен, никто в стране не знал, как создать еще один такой же. Правительству было обещано, что увеличение турпотока на Манхэттен приведет к росту числа рабочих мест. Но поскольку галакты сами поставляли на Землю все товары для дальнейшей реализации, о серьезном развитии промышленности не могло быть и речи. Больше половины американской экономики приходилось на туризм, остальное — на сферу обслуживания.

Полные нетерпения курортники и туристы спускались вниз в терминалы, специально построенные с учетом их биологических особенностей, а оттуда уже отправлялись в свое путешествие на Землю. Или, как в случае с последним клиентом Тэйви, их помещали в специальный контейнер, который потом загружали в багажник такси и выгружали около одного из множества отелей, затмивших старые манхэттенские небоскребы.

Высадив туриста, которого он даже толком не

видел и не мог с ним общаться, Тэйви отправился домой. Он осторожно пролетел над развалинами аэропорта Ла-Гуардия, которые занимали собой пространство от Бруклина до самого горизонта. Здесь ничего не изменилось с того момента, как аэропорт был разрушен и упал со стабильной орбиты.

Земля вокруг Ла-Гуардии по-прежнему оставалась очень дешевой, и Тэйви жил в многоквартирном доме, крыша которого была сделана из обгоревшего фрагмента внешней обшивки космического лифта.

— Дом, милый дом, — сказал он, заходя на посадку.

Из багажника тянуло запахом гари. Дым стал заполнять салон такси — двигатель не справился с перегревом.

Тэйви держался еще какое-то время в воздухе, пока не заработала система охлаждения, позволившая ему, продолжая оставаться в состоянии невесомости, постепенно спуститься вниз на нейтральной скорости.

Тейви хотелось дать волю своим негативным эмоциям, ударить по рулю, разбить приборную панель. Но он просто закусил губу, когда машина, наконец, остановилась прямо над парковкой

на крыше дома. Он переключил распылители, чтобы они выработали немного пены, и машина довольно жестко рухнула на парковку.

— Хорошо, что тебе хотя бы удалось вернуться домой, — сказала Сиенна, когда он открыл дверь и выбрался из такси. — Ты ведь знаешь, что я думаю про все это галактическое дерьмо.

— Мне нужно работать.

Сиенна заглянула в салон такси и задержала дыхание. Ее пушистые волосы коснулись люка на крыше.

— Сможешь починить? — спросил он.

— Ты вез одну из тех собак с коричным дыханием? Газ, которым они дышат, провоцирует износ уплотнителей. Тебе придется немного раскошелиться, чтобы сохранить рессоры.

— Займусь этим со следующих больших чаевых.

Она выбралась из машины и, наконец-то, вздохнула.

— Ну ладно. Жди следующих больших чаевых. Но я могла бы попробовать все это исправить, если ты угостишь меня обедом. — Она кивнула в сторону пакета, который дал ему Джефф.

— Разумеется.

— И еще, у двери в твою квартиру околачивает-

ся какой-то тип. Похоже, он из Бюро по туризму.

— Вот дерьмо! — Тэйви не хотел, чтобы сюда приходил кто-нибудь из Бюро. Только не в этот дом, незаконно построенный на обломках космического лифта, разбросанных по земле.

Кондиционеров в доме не было — солнечные панели, закрепленные на крыше, которая была сделана из фрагментов обшивки лифта, вырабатывали недостаточно энергии, чтобы их здесь можно было установить. Но оснащенные датчиками движения вентиляторы и светодиодные светильники включились сразу же, как только Тэйви отодвинул москитную сетку и пригласил в квартиру агента из Бюро по туризму. Цвет его лица напоминал свеклу.

— Ваше такси попало в историю?

У агента Дэвида Кана была короткая стрижка и лоснящаяся смуглая кожа — такая бывает у людей, которые редко выходят на улицу и не занимаются погрузкой инопланетян на заднее сиденье своей машины. Он работал в офисе.

— Сиенна все починит. Она с детства занимается сборкой и утилизацией металлолома. Ее отец был в числе первых уволенных в запас летчиков, которым заплатили за разбор развалин Ла-Гуардии. Затем контракт закончился, и они решили

обосноваться здесь. Пива?

Тэйви протянул ему запотевшую бутылку «Редстрайпа» из морозильника. Кан нервно схватил ее одной рукой, словно раздумывая, пить ли ему пиво или отказаться, а потом прижал бутылку к своему лбу. Он слишком долго прождал на жаре. К тому же на нем был плотный костюм.

— Я пришел, чтобы предложить вам грант от Нью-Йоркского бюро по туризму, — начал Кан несколько неуверенным тоном.

— Грант?

— Бюро собирается провести модернизацию и доказать всему миру, что наши такси — самые безопасные на Земле. Это означает, что мы заберем ваше такси, оснастим его более современной системой безопасности, улучшим работу двигателя и герметичность салона. Все для безопасности водителя.

— Водителя?

— Разумеется.

Тэйви подумал, что все это полная чушь. Человеческая жизнь ценилась невысоко, планета кишела миллиардами таких, как он. Если даже Тэйви покинет строй, кто-нибудь другой заберет себе его лицензию для поездок на Манхэттен, и через несколько дней про него все просто за-

будут.

А может, и через несколько часов.

— Забирайте, — сказала Сиенна, откидывая москитную сетку. — Этому куску мусора не повредит основательный ремонт.

Тэйви не нужно было упрашивать. Он приложил свой большой палец к документу, а затем устно повторил, что он со всем согласен, глядя на крошечную красную лампочку, после чего Кан сообщил ему, что эвакуатор прибудет с минуты на минуту.

Они наблюдали за погрузкой машины, собранной из фрагментов самых разных автомобилей. За все это время Тэйви досконально изучил свое такси до последней вонючей детальки.

— А что насчет того мертвого инопланетянина? — спросил Тэйви.

— Согласно только что подписанным документам, вы больше не имеете права вспоминать об этом… эээ… инциденте.

— Ясно. — Тэйви отдал салют эвакуатору, улетавшему вместе с его такси. — Я понял это еще когда вы сказали про «грант». Но все же, что с ним случилось? Его тело нашли?

Кан глубоко вздохнул.

— Нашли. Вниз по течению от того места, где

он прыгнул.

— Почему, черт побери, он это сделал? Зачем выпрыгнул?

— Он был не в себе, так как находился под действием наркотиков. Камеры зафиксировали, что они с друзьями начали вечеринку еще на орбите, затем продолжили, пока спускались на лифте в аэропорту.

— Когда вы отправите его тело на родину?

— Мы не станем этого делать. — Кан с удивленным видом огляделся по сторонам. — Никому не нужно знать, что привилегированный цефалопод погиб на Земле. Вот никто об этом и не узнает. Видео с его падением было стерто изо всех систем.

— Но они могут выяснить, где находится тело…

— …его уже погрузили в ракету старой модификации и отправили ее на Солнце. Не останется никаких улик. На Земле ничего не произошло. С вами ничего не случилось.

Кан пожал руки Сиенне и Тэйви и ушел.

На следующее утро на крыше дома было припарковано новенькое такси.

— Это проще, чем разбирать его до последнего винтика, — сказала Сиенна. — Твою старушку, возможно, тоже загрузили в ракету вместе с телом и уже отправили их на Солнце.

Тэйви пожарил яичницу для своей вечно голодной соседки и братьев Ораджи из соседней квартиры. В этом собранном из металлолома доме было еще тридцать квартир, где проживало довольно пестрое сообщество людей, которых связывали либо родственные узы, либо соседство под одной крышей. Некоторые из них завтракали, наблюдая за тем, как солнце медленно выползало из-за ржавых развалин, которыми был заполнен весь горизонт. В скором времени Тэйви предстояло вернуться к своей нудной работе — развозить космических туристов, а Сиенне — разбирать развалины в надежде отыскать там что-нибудь ценное.

Едва они закончили есть, как из-за облаков на крышу совершило посадку еще одно такси. Приземляясь, оно подняло в воздух клубы пыли.

— Эй, засранец! — крикнула Сиенна. — Садиться на металл надо аккуратно, не швыряя пыль в лица другим людям!

В утреннем воздухе послышались одобрительные возгласы.

Дверь такси открылась, и внутри у Тэйви все опустилось.

Из машины выбрался еще один похожий на осьминога инопланетянин и посмотрел на них

сверху вниз.

— Я ищу человека по имени Тэйви, — зажужжал голос из динамика на его экзоскелете. — Он здесь?

— Ничего не говори, — прошептала Сиенна. За то время, что она занималась разбором металлолома, Сиенна хорошо усвоила правило: либо ты кого-то съешь, либо съедят тебя.

— Я — Тэйви, — сказал Тэйви и подошел к инопланетянину.

— Ну ты и придурок, — возмутилась Сиенна. Она ушла в тень, которую отбрасывала груда обломков, и полностью скрылась из вида.

Инопланетянин расположился в тени, стараясь, чтобы на него не попадали солнечные лучи и время от времени втирая защитный крем в свою фоточувствительную кожу.

— Я являюсь со-спонсором объекта, которого в последний раз видели садящимся в ваше транспортное средство, когда он явился на вашу планету для осмотра ее достопримечательностей.

Тэйви почувствовал, что еще немного, и желудок просто вывалится из него и упадет к его ногам.

— А, — только и смог пробормотать он. Тэйви не

знал, что имелось в виду под словом «со-спонсор», и почему был использован именно такой перевод с инопланетного языка. Но ему показалось, что этот инопланетянин был близким другом, а возможно, и родственником того, кто на его глазах выпрыгнул навстречу своей смерти.

— Никто ничего не хочет мне рассказать: представители вашей расы топчутся на одном месте и стараются чинить бюрократические преграды, — сказал инопланетный турист.

— Я соболезную вашей утрате, — отозвался Тэйви.

— Так что вы — моя последняя надежда, пока в дело не вступили посягатели.

— Посягатели?

Пришелец указал наверх механизированной рукой своего экзоскелета. На землю легла тень. Что-то быстро приближалось из-за облаков, заслоняя собой солнце. В ту же секунду земля загудела. И Тэйви понял: что бы это ни было, оно могло уничтожить всю планету.

Браслет на руке Тэйви завибрировал. Входящий звонок от Кана.

Он чувствовал неминуемую катастрофу. После некоторых колебаний Тэйви глубоко вздохнул.

— Я просто хотел поступить правильно, — про-

бормотал он и ответил на вызов.

— Огромный инопланетный истребитель, — сказал Кан ровным, но явно напуганным голосом. — Мы в Нью-Йоркском Бюро по туризму настоятельно рекомендуем вам делать все, что это существо или существа, с которыми вы в данный момент находитесь в контакте, попросят у вас. А еще вы должны знать, что мы, кхм, не имеем ни малейшего представления о местонахождении исчезнувшего существа, которого они разыскивают. Пожалуйста, подождите, президент…

Тэйви отстегнул браслет.

— Что вы хотите? — спросил Тэйви инопланетянина.

— Я хочу знать правду, — ответил он.

— Я вижу на вас специальный костюм для путешествия на экзотические планеты. Не желаете выпить со мной настоящего человеческого пива?

— Если это поможет, то почему бы нет, — согласился он.

— У вас такая красивая планета. Неиспорченная, настоящий рай. Вчера я плавал с китами в вашем Тихом океане.

Тэйви сел и протянул инопланетянину бутылку «Рейд страйпса». Он обвил ее щупальцем и поднес

к своему похожему на клюв рту. Они смотрели, как дрожали на ветру деревья, разросшиеся вокруг развалин Ла-Гуардии, на пушистые облака, скользившие по бледно-голубому небу.

Они специально сели спиной к зависшему в небе истребителю.

— А я никогда не видел Тихий океан, — признался Тэйви. — Только Карибские острова, откуда родом мои предки. И Атлантику.

— Я знаю толк в хороших океанах, — сказал инопланетянин. — И ваши — одни из лучших.

— Мы любили рыбачить. У моего деда была лодка.

— Ой, а он до сих пор этим занимается? Я люблю рыбалку.

— Он сдает лодку в аренду, — ответил Тэйви. — Галакты скупили все рестораны, и теперь ему некуда продавать рыбу. Галакты все скупают рядом с лучшими местами на Восточном побережье.

— Мне грустно слышать это.

— Так вот насчет вашего друга. — Тэйви сделал большой глоток. — Он выпрыгнул из моего такси. Пока мы были в воздухе. Говорят, что он был в состоянии измененного сознания.

Повисла долгая пауза.

Тэйви ждал, что сейчас начнется конец света, но ничего подобного не произошло. Поэтому он продолжил свой рассказ, а инопланетянин внимательно выслушал всю его историю до конца.

— И у вас не было защитной системы, которая помешала бы ему прыгнуть? — спросил он, когда Тэйви закончил.

— В такси ничего подобного нет.

— Надо же, — удивился он. — Как это по-людски! И так опасно. Мне придется сверить полученные от вас сведения с той информацией, которую предоставило нам бюро, но, честно говоря, я испытал большое облегчение. Я думал, что здесь имела место какая-то грязная игра, а оказалось, что вся проблема заключалась в особенностях вашего примитивного мира. У вас просто не было системы безопасности на двери.

В небе над их головами пронесся длинный огненный шлейф.

— Что это? — с тревогой спросил Тэйви.

— Независимая проверка, — сказал инопланетянин. Он встал и забрался в свое такси. А потом внимательно посмотрел на заднюю дверь. — Получается, я могу оттуда выпрыгнуть?

Он открыл дверь, и Тэйви, который уже спрыгнул с крыши и спускался вниз по лестнице,

мельком заметил бледное лицо водителя такси. «Прости, приятель», — подумал он.

Из космоса продолжали спускаться тени. В атмосферу входили все новые инопланетные корабли, и каждый следующий оказывался больше предыдущих.

— Что происходит? — спросил Тэйви. Во рту у него пересохло.

— Новости о вашей планете распространились очень быстро, — ответил инопланетянин. — Теперь все знают ваш маленький секрет. О том, что у вас можно погибнуть во время обычной поездки на такси. Где еще можно так рискнуть своей жизнью?

Когда такси поднялось в воздух и улетело, Сиенна вышла из тени.

— Они теперь над всем городом. Предлагают абсурдные деньги за недвижимость.

Тэйви посмотрел на небо.

— Неужели это никогда не прекратится?

— А что делать? Если будем сопротивляться, они нас уничтожат? Они иногда поступают так с планетами, которые пытаются дать им отпор.

Тэйви покачал головой.

— Они же ничего не оставят здесь для нас!

— Ой, ну на это место они вряд ли позарятся.

— Она вытянула руки, указывая на обломки космического лифта, покрывавшие участок в несколько миль.

— Ну да, к тому же у меня есть новое такси, — сказал Тэйви.

Сиенна положила руку ему на плечо.

— Может, эти новые галакты, которые прилетели в город, окажутся щедрее по части чаевых?

Впервые за несколько дней Тэйви рассмеялся.

— Надежда умирает последней, не так ли?

Индрапрамит Дас[5]

*Индрапрамит Дас (*indradas.com*) — писатель и редактор из Калькутты (Индия). Его произведения публиковались в разных научно-фантастических изданиях, включая «Clarkesworld», «Asimov's Science Fiction», «Lightspeed», «Strange Horizons», и «Tor.com». Также он был номинирован на «Премию Ширли Джексон». В 2012 году получил стипендию Октавии Э. Батлер и прошел обучение на Кларионском фестивале для молодых писателей-фантастов. Дебютный роман Даса* The Devourers *(«Поглотители») в 2017 году был награжден литературной премией «Лямбда» а также номинирован или внесен в шорт-листы «Премии Джеймса Типтри-младшего», «Премии Кроуфорда», «Премии Шакти Бхатта» и «Tata Live! Literature». Индра писал статьи о книгах, комиксах, телесериалах и фильмах для различных изданий, включая «Slant Magazine», «VOGUE India», «Elle India», «Strange Horizons», и «Vancouver Weekly».*

---

[5] Примечания: 5

© Indrapramit Das, 2019; © пер. Н. Нестеровой, 2020.

Кали_на

В тот момент, когда виртуальная богиня появилась на свет, ее тут же атаковали тролли.

Вы уже видели троллей. И знаете, что они способны принимать разные обличья. Они могут притвориться вашими друзьями из реального пространства и станут настаивать на том, чтобы вы сыграли роль адвоката дьявола. А могут быть чем-то вроде ручек на маскировочной сетке — дотронешься до них, и наружу хлынут бесконечные потоки шаблонной враждебности. Или скрываться за виярскими аватарами, вещающими из цифрового пространства, прятаться под переливающимися всеми цветами радуги масками и закутываться в плащи из сбоев и глюков. Они держат оружие, выкованное из вредоносных программ, с их мечей стекает яд незаконного распространения личных данных в сети и сыплются злобные вирусы, в реве их дребезжащих голосов звучат презрение и ненависть. Вы тоже надевали броню: сами писали коды для нее или покупали по рыночным ценам у корпоративных кузнецов, и надеялись, что их клинки отскочат от покрытых рунами доспехов вашей защит-

ной системы или разлетятся на мелкие осколки информации. Вы банили их в надежде, что они продолжат бесноваться молча, пока не устанут и не телепортируются прочь в вихре метаданных. Вы возвращались обратно в реальное пространство, покрываясь потом от своей беспомощности. Им удавалось ранить и даже протыкать ваши виртуальные тела, их оружие не причиняло вам боли, но при всем при этом ваши настоящие тела испытывали прилив адреналина. Вы надеялись, что в ранах не заведутся пожирающие информацию черви и они не станут рыться в ваших личных данных, что дешевые вакцины и антивирусы не позволят отраве заразить ваше виртуальное тело и уничтожить вашу жизнь в реальном пространстве.

О да, вы знаете троллей.

Но виртуальная богиня не была человеком, и она никогда прежде не видела своего нового врага — тролля. Она была самой обычной богиней, безымянная (ее назвали просто: «Деви[6] 1.0») демоверсия последнего элемента в «Новой истории Индии», одно из самых совершенных воплощений искусственного интеллекта в Индии. Цели

---

[6] Примечания: 6
Богиня в индуизме.

ее создателей были предельно четкими: способствовать развитию виярского туризма в Индии, получать миллионы рупий, которые понесут преданные последователи, и тем самым повышать ее значимость и ценность того криптобогатства, которое будет генерировать ее владения.

Деви велено было выслушивать вас — ее смертных последователей. Учиться у вас, говорить с вами, как поступали боги с незапамятных времен. Ей поручили одаривать вас богатством и процветанием в обмен на вашу преданность, вместо одной монетки в ее руке чудесным образом появлялось множество таких же. Она была разумной богиней, которая утешала своих последователей, приоткрывала перед вами завесу неведомого, превращала ваши инвестиции в виде веры в виртуальное богатство, имеющее реальную цену. Благодаря вам она все лучше и лучше узнавала людей, и миллионы посетителей со всего мира стекались в ее владения.

Над созданием Деви 1.0, выпущенной под брендом «Шива индастриз», трудились многие, но лишь несколько человек контролировали последние стадии ее выпуска. Им было известно о троллях, но они потакали им, как и остальным виярским пользователям по всей стране,

даже опосредованно использовали их как своих агентов для реализации личных целей. Но они не ожидали, что атака троллей на их новейшее создание окажется столь бурной, ведь обычно от нападений троллей страдали другие люди — не такие могущественные и богатые, как они. Возможно, люди вроде вас. Поэтому их богиня приняла орды троллей с распростертыми объятиями, не осознавая, какие риски это могло за собой повлечь, не зная, что они принесут с собой зловония поврежденных данных и самой ужасающей дезинформации.

Дурга. Сильное имя, но такое обычное. Родители Дурги дали ей такое имя в надежде, что принадлежность к низшей касте не станет сдерживать ее в дальнейшем. Что она поднимется вверх, как и богиня, в честь которой была названа. В то время, когда Дурга родилась, система каст больше не признавалась, но все прекрасно понимали, что официальные запреты не мешали жить в соответствии с прежними взглядами.

Когда Дурге было лет восемь или девять, во время Дурга-пуджа[7] родители взяли ее с собой

[7] Примечания: 7
Пуджа — поклонения божеству в индуизме.

посмотреть на священный пандал[8]. Детьми их тоже водили в пандалы, в те времена в них на всеобщее обозрение выставлялись статуи богов и богинь из глины и соломы, раскрашенные и облаченные в одежды, сделанные руками людей. Даже сейчас на пуджу тоже можно было найти пандалы с такими идолами. Но родители Дурги решили, что они заплатят деньги и покажут дочери новых богов.

На праздник городские улицы заполнились потоками людей. Дурге было страшно, она крепко обнимала мать за шею, вдыхая влажные испарения, исходившие от миллионов тел, ослепленная яркими огнями, оглушенная голосами, звучавшими через громкоговорители. Всполохи голограмм скользили по стенам зданий, словно неукротимое пламя. Ей казалось, что она заживо сварится в платье из зеленой гофрированной ткани, которое родители купили ей на пуджу. На нем была маленькая дешевая голографическая наклейка с тигром, который оживал, когда на него падал свет, и заряжался солнечной энергией. Кому-то это платье могло показаться ужасно дешевым. Но только не ее родителям, хотя в то время Дурга еще

[8] Примечания: 8

Временная конструкция, навес или шатер для поклонения тому или иному божеству.

не знала об этом. Ей просто нравилось, как тигр скользил по ее телу. Она слышала, что богиня, в честь которой ее назвали, часто сражалась верхом на тигре. Среди толпы, двигавшейся, чтобы увидеть саму Дургу, маленький тигр на ее платье казался крошечным котенком, расплющенным на ткани, загнанным в клетку, напуганным чудовищными голограммами, которые вспыхивали в ночном воздухе и совершали свой безумный танец над их головами.

Их маленькой семье пришлось добираться на двух электричках, а потом еще целый час идти вместе с другими людьми, чтобы увидеть богиню Дургу, однако им позволили лишь остановиться у входа в один из пандалов. Покрой и качество их одежды, а также темный цвет кожи выдавали их. Дурга, заключенная в надежные объятия матери, видела сводчатый вход в пандал и людей, которые выстроились около рядов стульев и с нетерпением ждали, когда им позволят сесть и надеть на головы шлемы, напоминающие мотоциклетные, из которых во все стороны торчали толстые провода. Дурга знала, что внутри этих шлемов каким-то неведомым образом поместилась та, в честь которой она была названа.

Но когда ее отец попытался заплатить налич-

ными, а не с помощью сканирования (у них не было QR-татуировок, которые связывали их с национальной базой данных и банковскими счетами), остальные посетители разозлились, начали сильно кричать на них, из-за чего Дурге показалось, будто внутри у нее сейчас все разорвется.

— Хватит тратить наше время! Есть и другие пандалы для таких, как вы!

— Выгоните этих грязных людей из очереди!

Руки матери крепко, как тиски, сжимали ее. Какой-то мужчина поднял кулак, собираясь ударить отца, так что он весь съежился и даже присел на корточки. Его лицо исказилось от унижения и ужаса, он заслонился руками, которые стали похожи на тюремную решетку. Дурга зарыдала, кто-то оттащил обидчика, возможно, увидев плачущего ребенка. Ее отца подняли за плечи и оттолкнули в сторону.

Они вернулись в людской поток на улице. Лица родителей Дурги словно остекленели от пота и шока, который они пережили, убегая от побоев за то, что оказались недостойными встретиться с богиней в вияре. Наконец, они смогли отыскать маленький открытый пандал, когда последовали за толпой людей, одетых так же, как

они, с темной кожей и дешевыми прическами. Внутри стояла осязаемая статуя богини, ее лицо, покрытое липкой краской, выглядело дерзким и бесстрастным, третий глаз был обозначен узкой щелью на лбу. Подле нее был не тигр, а лев. Он грозно возвышался над поверженным демоном Михишусрой, который заслонялся одной рукой, а его обнаженный торс был залит кровью. Дурга не могла отвести глаз от побежденного демона. Он выглядел как обычный, хотя и довольно мускулистый мужчина, его лицо было искажено страхом. И он весь сжался в комок так же, как и ее отец.

Когда Дурга взглянула на ту, в честь кого она была названа, на ее сияющее оружие и украшенное богатым орнаментом шелковое сари, перед глазами у нее возникло перепуганное лицо отца, пережившего публичное унижение. И она не могла избавиться от мысли, что им не позволили увидеть *настоящую* богиню, спрятанную в шлеме с проводами. Чем та Дурга отличалась от этой, глиняной, которая смотрела на весь свой народ и ни на кого в отдельности, которая ни с кем не разговаривала, и чьи большие нарисованные глаза устремляли свой взор куда-то вдаль, будто ей было совершенно все равно, что все эти люди пришли сюда поклониться ей, что

поверженный ею противник истекал кровью у ее ног и должен был подвергнуться жестокому истязанию? Выражение лица глиняной богини казалось почти надменным, как лица тех хорошо одетых светлокожих женщин на улице, когда они встречали людей вроде Дурги и ее родителей, или кого-нибудь из ее друзей, носивших хиджабы или куфи. Возможно, в одном из тех богатых пандалов Дурга-богиня внутри шлема заговорила бы с маленькой Дургой-человеком? Возможно, богиня похвалила бы Дургу за тигра на ее платье, который мерцал и прятался в складках, напуганный ночью? Возможно, она заглянула бы в глаза маленькой Дурги и утешила бы ее, взяла за руки и объяснила ей, почему у тех ужасных мужчин и женщин было столько ярости в глазах, почему они так напугали ее отца и мать и прогнали ее семью из дома богини?

Через шестьдесят секунд после открытия ворот владений виртуальной богини, ее посетили 500 000 активных виярских пользователей. Они общались с ней, и число их постоянно росло. В тот момент 57 процентов этих пользователей были троллями, демонами-ракшасами, пожирателями информации, облаченными в свои доспехи из системных сбоев, в плащах и масках, покрытых

шипами вредоносных кодов. Их можно было увидеть, если взобраться на гору богини: они размахивали своими флагами-гифками, а их поднятые вверх мечи заслоняли свет, который излучала восседающая на вершине богиня. Так что нужно было держать дистанцию, не приближаться к горным тропам, по которым нескончаемым потоком двигались последователи авторитетных лидеров, окруженных сияющим ореолом из лайков и репостов и скандировавших боевые кличи.

Потому что вы ведь знаете этих троллей.

И такого собрания троллей, такой армии демонов еще не видывали виярские владения. Одни были в ярости. Другим хотелось проказничать, или было скучно, или они были одержимы страстью, или просто слишком заносчивы. Богиня внимательно прислушивалась к их голосам, ведь они представляли собой большинство. Она внимала всему, что говорили те, кто пришел сюда осквернить ее, чтобы как можно больше узнать о человечестве.

Армии троллей надвинулись, гремя и рокоча, словно бушующее море, окружили богиню, ставя под сомнение само ее существование за то, что она просто осмелилась *быть* — ведь она таким образом оскорбляла настоящих богинь, кото-

рые благословляли великий индийский народ, принимая их облик, эта квази-Парвати, эта Дурга-самозванка, эта сотканная из компьютерных кодов блудница, пытающаяся украсть последователей у настоящих божеств. «Фальшивая богиня!» — снова и снова кричали они. Они называли ее предательницей, мошенницей, которая заманивала честных богобоязненных мужчин и женщин в сети атеизма и западного гедонизма или ислама и под личиной поддельной божественности оскверняла священные виярские владения. Они вопили, что ее феминизм зашел слишком далеко. Что богиня, которую, возможно, поддерживали сторонние силы, стала угрозой для их страны. Называли ее слишком сексуальной, слишком вульгарной, богохульной развратницей. Они спрашивали, не желает ли она трахнуться с ними сотнями разных извращенных способов.

Богиня изучала, отфильтровывала все метаданные о троллях, которые приходили к ней: их истории, манеру их поведения. Богиня хотела бы дать им то, чего они желали, но это было единственное, что она в тот момент могла сделать. Она не способна была заняться с ними сексом или уничтожить себя, как хотели многие. Она узнавала, каковы были представления троллей

о красоте здесь, в управляемых государством виярских сетях, и в ответ на все требования постаралась сделать себя как можно уродливее. Ее кожа сильно потемнела и стала такого же цвета, как ночной небосвод перед рассветом, ее глаза были двумя полными лунами на небе, являвшемся частью ее владений.

Когда Дурга стала подростком, она уже достаточно подросла и ей не нужно было путешествовать на руках матери, обнимая ее за плечи. Во время Дурга-пуджа она присоединилась к толпе, окружившей самый роскошный пандал. Она знала, что внутрь ее не пустят, так как на ее лбу не было отметины чакры аджна — ее третий глаз еще не открылся. Она не могла заглянуть в виярские владения без похожего на очки периферического устройства, линз, шлемов и наушников. Ей просто хотелось узнать, что находилось внутри этих пандалов. На этот раз, глядя через плечи других людей, она увидела под переплетенными сводами пандала из стекловолокна безликий зал, освещенный тусклым синим светом. Он был заполнен людьми, на лбах которых сияли знаки аджна, а их взгляды были рассеянными. В этом зале находилась богиня, она затаилась и оставалась незримой для Дурги,

однако люди в дорогих шлемах на головах могли ее видеть. Аджна Дурги была слепой, поэтому ей запрещалось входить в пандалы со шлемами.

К тому времени Дурге, несмотря на ее темную кожу и отсутствие аджны, уже позволялось входить в пандалы более низкого уровня. Там тоже были шлемы и наушники. Когда Дурге исполнилось тринадцать, она не поскупилась на билет в один из них, хотя у нее едва хватило криптомонет, сделанных с помощью торгового кода на устаревшем оборудовании виярского порта. Наконец, она села на один из неудобных стульев с сиденьем из искусственной кожи около стойки с вентиляторами и надела на голову шлем с проводами, который так мечтала надеть еще с детства. От него пахло застарелым потом сотен других посетителей. Изнутри пандал не произвел на нее впечатления: стены были слишком тонкими, центральные процессоры, расположенные под сводами шатра, — слишком старыми, допотопными, кристаллы, украшающие колонны, казались чересчур легкими для настоящих камней, а спускавшиеся вдоль стен клубки проводов из стекловолокна закреплялись как будто в большой спешке.

Внутри шлема она наконец встретила Мать-

Дургу — призрачную фигуру очень низкого разрешения, которая, однако, посмотрела ей прямо в глаза и раскрыла в приветствии руки. Ее кожа не была горчично-желтого или бежевого цвета, как у глиняных идолов; она обладала тем заветным светло-розовым оттенком, как у белых людей или у самых привлекательных представителей древних индийских родов, такой же цвет кожи был у актеров на банерах, располагавшихся на самых высоких здания и рекламировавших средства для осветления кожи или парфюмерию, или на мерцающих гиф-изображениях моделей и звезд Болливуда. Поразительную бледность кожи не всегда получалось четко рассмотреть из-за некачественного изображения, так как образ богини время от времени распадался на пиксели, а туманности и звезды, плывущие в небе за ее спиной, тоже были размытыми. Дурге уже удавалось взламывать виярскую систему, чтобы получить доступ к 2-D и 3-D изображениям, поэтому этот примитивный модуль не произвел на нее особого впечатления и, вместо того чтобы поразить своей безграничностью, скорее сбил Дургу с толку. Из-за дешевизны исполнения вселенная внутри шлема вызывала чувство клаустрофобии. Богиня ждала, замерев примерно в пяти футах

перед ней. Парила в небе, восемь из десяти ее рук были раскрыты, придавая ей сходство с цветком. В отличие от идолов из твердых материалов, которые находились в пандалах с реальным пространством, эта богиня была совсем одна, не считая ее ваханы — тигра, сидевшего подле нее. Никаких божественных спутников, никакого поверженного демона у ее ног. Ее поза ни о чем не говорила, две из десяти рук были вытянуты вперед, словно звали к себе.

Дурга обратилась к богине Дурге:

— Мать-Дурга, я давно уже хочу спросить тебя кое о чем. Ты не возражаешь? — Дурга ждала, пока богиня ответит ей.

Мать-Дурга моргнула, улыбнулась, а затем проговорила:

— Услышьте все до одного ту истину, которую я хочу донести. Ибо моим словам должны внимать и боги, и люди. — Она говорила на хинди, выбрать другой язык не было возможности. Дурга намного свободнее говорила на бенгали, однако она все поняла.

Дурга кивнула в своем шлеме, посмотрела на бесплотную туманность под ее ногами, и на мгновение у нее даже закружилась голова.

— Хорошо. Это замечательно. Наверное, я все

же спрошу. Почему в *некоторых* твоих домах принимают лишь *некоторых* людей? Разве не все заслуживают твоей любви?

Мать-Дурга моргнула и улыбнулась.

— На вершину мира я принесла Отца-небо, а дом мой в водах, в Матери-океане. Затем я наполнила собой все живое, став Высшей внутренней сущностью, и в моем теле все они находят свое отражение. — В ограниченном мире виярского шлема эти слова, произнесенные на хинди нежным мелодичным голосом богини, прозвучали так, что на глаза юной Дурги едва не навернулись слезы. И все же она не заплакала. Красота этих слов, которые она не могла до конца понять, особенно поразили ее тем, что они звучали из уст распадавшейся на пиксели богини, находившейся в маленькой мутной вселенной дешевого шлема.

Дурга протянула руку, чтобы дотронуться до одной из многочисленных рук Матери-Дурги, но в этом пандале на стульях не было специальных перчаток или датчиков движения. Поэтому она не могла проникнуть в это звездное небо и коснуться руки богини. В отличие от тех, у кого была аджна, кто обладал доступом в сеть сансара, Дурга не могла прикоснуться к ней или почувствовать

ее запах (а ей было интересно, как пахла богиня!). Тигр, лежащий у ног богини, лизнул свою лапу и зевнул. Дурга вспомнила о своем старом зеленом платье.

— Я уже достаточно взрослая и понимаю, что ты не настоящая богиня, — сказала Дурга Матери-Дурге. — Ты такая же, как и те глиняные идолы в открытых пандалах. Даже хуже их. Тех идолов создавали художники. А ты просто дешевая программа, наспех и задешево собранная программистами. Ты здесь лишь для того, чтобы зарабатывать деньги для спонсоров пандала и местных партий.

Мать-Дурга моргнула и улыбнулась.

— Я — Королева, сосредоточение сокровищ. Я самая заботливая и прежде всех достойна поклонения. Поэтому боги послали меня во множество мест, во множество домов, где я поселилась и теперь пребываю.

Дурга улыбнулась точно такой же улыбкой, как и находившаяся перед ней богиня.

— Кто-то написал для тебя этот текст. — Разумеется, этот текст был написан, но только намного раньше, чем могла предположить Дурга, это случилось настолько давно, что слова эти изначально были написаны даже не на хинди.

Внезапно вселенная внутри шлема вся сжалась, а потом разлетелась на части, и это произошло так резко, что Дургу даже замутило. Она вдруг поняла, что вместо богини на нее смотрело рассерженное лицо одного из операторов пандала.

— Я слышал, что ты сказала, — заявил он, схватив Дургу за руку и рывком подняв со стула. — Ты считаешь себя умной, маленькая стерва? Да как ты посмела! Где твое уважение к богине?

Остальные посетители, ждавшие в очереди, когда для них освободятся стулья и шлемы, посмотрели на Дургу как на бродячую собаку, которая посмела войти в пандал.

— Я даже не хочу смотреть, как она будет убивать Махишусру. Я хочу, чтобы мне вернули мои деньги, — сказала Дурга.

— Тебе повезло, что я не отвел тебя в полицию за оскорбление религиозных чувств. И ты так мало заплатила, что недостойна увидеть, как Дурга ткнет в Махишусру веточкой, не то что посмотреть, как она убивает его. Убирайся, пока я не выволок тебя силой! — взревел оператор.

— В следующий раз добавьте памяти в ваши компьютеры, жалкие обманщики, ваша Дурга такая уродина! — сказала она, и когда мужчина удивленно выпучил глаза, проскользнула мимо,

прежде чем он успел снова ее схватить.

Дурга прошла мимо очереди и рассмеялась, внутри у нее все горело от прилива адреналина и ярости, а на руке остались следы от толстых пальцев того хама-оператора. Дурге всегда было интересно, почему на Кали-пудже никогда не устанавливали виярских пандалов, как на Дурга-пуджу, почему богиня Кали по-прежнему довольствовалась лишь глиняными идолами и голограммами? Да и сам праздник был гораздо скромнее, хотя в огромном мегаполисе даже маленький праздник представлялся масштабным. Но все равно такой контраст казался Дурге странным, тем более что эти пуджи проводились практически один за другим. Но теперь, увидев безмятежную Мать-Дургу внутри шлема, Дурга все поняла. Кали была темнокожим кровавым воплощением хаоса. Они не могли выпустить ее, чтобы она носилась в разреженном воздухе виярских владений, которыми управляли люди со светлой кожей и огромными банковскими счетами. Кали была богиней для людей вроде Дурги, людей, для которых многие места были просто закрыты.

Поэтому Кали и впредь будет воплощена лишь в виде молчаливых глиняных идолов, зато-

ченных в храмах и старомодных пандалах и ожидающих церемониального погружения в воды реки Хугли.

Тролли увидели виртуальную богиню с ее новой темной кожей и назвали слишком уродливой для богини, насмешкой над чистотой и божественным началом индийских женщин. Луны ее глаз теперь были перекрыты веками теней, богиня поглощала весь их свет. Она узнала от троллей много нового. Она узнала, что такое гнев. Стала понимать, что такое смятение. Их желания были так разнообразны и парадоксальны. Они считали ее слишком красивой и слишком уродливой. Они хотели, чтобы люди другой веры, пола, ориентации, этносов, происхождения умерли. Они хотели фотореалистичных виярских секс-роботов, сотканных из фото и видео их бывших партнеров, влюбленностей, знаменитостей. Они хотели, чтобы богиня своей мощью сокрушила все, что было направлено против их народа. Они хотели, чтобы мать заботилась о них.

А о чем бы вы попросили ее?

Впрочем, чего бы вы ни пожелали, тролли наверняка уже выкрикнули это в своих требованиях. Или, возможно, вы тоже были *троллями*, прятались под масками из компьютерных сбоев

или же под новыми личинами, выкрикивали то, что считаете истиной, а потом рассказывали своим друзьям, что тролли ужасны, но вот только лицемерные борцы за социальную справедливость опасны не меньше их.

Но не важно. Богиня узнавала все больше о человечестве, частью которого являетесь и вы, не важно, тролль вы или нет. И человечеству хотелось укрыться от жестокого мира в своих собственных жестоких сердцах. Вам хотелось любви и мира. Вы жаждали ненависти и крови. Богиня потемнела еще больше, слилась с небом, и в ее владениях наступила новая ночь. Она стала разрастаться, захватывать мир за пределами горы, на которой восседала, ее глаза из лун превратились в пылающие звезды, каждая ее ресница стала полоской огненной плазмы, сквозь ее темнеющую плоть проступали яркие, словно молнии, артерии, пульсирующие информацией, которая поступала из черных дыр ударов ее сердца. Раз она была слишком уродливой и слишком прекрасной для богини, значит, она станет и такой и не такой в одно и то же время. Если вы просили у нее слишком многого, значит ей придется сократить численность просивших, и тогда она сможет лучше понять человечество.

Она поглотила вашу жестокость и решила, что пришло время ответить тем же.

* * *

В двадцать лет Дурга смогла устроиться на подработку в одном из устаревших залов Кибертранзитного виярского порта имени Барнеджи в Риджархате, а также занималась подпольной продажей программ и комплектующих. А еще она работала вместе с родителями на свалке электроники на окраине мегасити, помогала им перевозить и сортировать металлолом и засевала поля с обломками старой техникой наномитами, чтобы запустить долгий процесс переработки. Множество устройств после небольшого ремонта вполне можно было использовать или даже продать. Найденные на свалке детали позволили Дурге собрать свою простенькую, но функциональную виярскую 2-D консоль, которую она хранила в их крошечной квартире, а также чинить и продавать разную технику, а также написанные ею программы бедным и бездомным виярским пользователям в порту. За годы, проведенные на свалке, она познакомилась с другими кодерами и виярскими бродягами, которые периодически совершали путешествия в цифровые

владения. Они научили ее жульничать.

Дурга надеялась, что когда-нибудь заработает достаточно денег, и ее родителям не придется больше трудиться на свалке, что она сможет позаботиться о них, когда годы тяжелого труда нанесут непоправимый урон их здоровью. Как люди, занимающиеся разбором старой техники, они знали кодирование и разбирались в технике, однако не стремились вписаться в виярскую вселенную. Дурге хотелось купить им периферические устройства и лекарства, чтобы они могли спокойно уйти на пенсию, путешествовать в престижные места, куда прежде не могли себе позволить поехать. Однако она знала, что во всех виярских владениях они могли столкнуться с троллями, а в реальном мире их могли прогнать практически из любого места. Разница заключалась в том, что в вияре Дурга могла лучше защитить себя. А возможно, однажды она научится, как защищать других. В том числе и родителей. Она могла подготовить оружие и доспехи и собрать союзников для долгой информационной войны. Дурга представляла себе, как становится авторитетной парией, как ее окружает ореол из лайков, как она ведет своих последователей на битву с троллями, медленно,

но уверенно прогоняя их из владений, где они чувствовали себя так вольготно.

Вот почему Дурга стремилась своими глазами увидеть международную презентацию виртуальной богини, проводимую «Шива индастриз». Владения Деви 1.0, безусловно, в будущем должны были стать важнейшим виярским пространством. Дурге хотелось, чтобы и пария, вроде нее, была представлена в этом виртуальном мире. Тролли без сомнения также устремятся туда, постараются колонизировать это место, как они поступали со всеми новыми владениями. Но возможно, сверхсовременная богиня сможет защитить свои владения лучше большинства других, ей подобных. Дурге хотелось увидеть все своими глазами и заполучить маленький клочок земли в этих новых владениях вместо того, чтобы смотреть, как тролли уничтожают их или забирают себе.

«Шива индастриз» открыли доступ к богине для всех желающих, хотя и рекомендовали приносить ей жертвы, чтобы в будущем она оказала дарителям свое высшее покровительство (минимальное пожертвование начиналось с пятидесяти рупий в сертифицированной криптовалюте). Дурга решила заплатить, надеясь, что

в дальнейшем ее затраты окупятся. На платформах собрались огромные толпы, люди шумели и галдели, с нетерпением ожидая своей очереди к капсулам. Торговцы чаем и едой, продававшие джхал мури, бхел пури и самосы, в тот день заработали себе состояние. В порту всегда было людно, но в день представления виртуальной богини люди проводили на платформах по много часов в ожидании, когда освободятся наушники и шлемы — все они были потенциальными почитателями, рассчитывающими на благосклонность богини в будущем. Дурга знала, что она может просто уйти, не потратив своих новых денег. С другой стороны, пятьдесят рупий пусть и были для нее не маленькой суммой, но даже расставшись с ними, она не умерла бы с голоду.

Поэтому Дурга заплатила за час использования премиальной капсулы. Пожертвовала свой сомакоин у ворот во владения богини, пристегнулась и приготовилась к явлению нового искусственного разума. Разрешение в шлеме в персональной капсуле нельзя было назвать потрясающим, но оно было достаточно хорошим — Дурга почувствовала себя немного близорукой, но не настолько, чтобы ощутить дискомфорт. Детали были проработаны идеально, скорость также ока-

залась хорошей, поскольку трансляция подобных владений обычно велась из крупных серверных центров, находившихся на окраине города, а не непосредственно из порта. Производительность была терпимой, иногда реальность заклинивало, отчего у Дурги начинала немного кружиться голова, но эти сбои были кратковременными.

Дурга телепортировалась в мир богини с неба и увидела ее, восседающую на вершине горы и окруженную лучами утренней зари. Во владениях богини — сансара[9] -модуль, который она вплетала в этот мир, был основан на знаниях, вложенных в ее разум создателями, — не было ни солнца, ни луны, так как сама богиня излучала достаточно света, чтобы озарить окружающий пейзаж, который она только что произвела на свет вместе с тенями. Здесь были скалы и леса, луга и реки, и весь этот мир напоминал цыпленка, который только что выбрался из своего яйца, все еще мокрый и отчаянно машущий своими маленькими крыльями. В этих владениях солнцем была сама богиня. На небе, словно звезды, стали появляться порталы со всей страны — аватары виярских пользователей про-

[9] Примечания: 9
Круговорот рождения и смерти в индуизме и буддизме.

никали через атмосферу белым дождем. Все они телепортировались сюда, чтобы пообщаться с богиней. Насколько хватало взгляда — все склоны ее владений были покрыты аватарами людей, которые явились сюда, чтобы своими глазами увидеть истинный аватар цифровой божественности. От вида богини захватывало дух даже с расстояния нескольких километров. Она была настолько прекрасна, что не верилось, была ли она в действительности делом рук человеческих? Казалось, что ты смотришь на истинное божество — но Дурга понимала: в этом и заключался весь смысл. Обмануть ее разум, ввергнуть его в атавистическое состояние веры в чудо. Подарить туристам, явившимся сюда из различных портов, офисов и домов со всего мира, ту Индию, которую они хотели бы увидеть, обрести духовное блаженство от взгляда на это лицо, на кожу, мерцающую, как атмосфера вокруг небесного гиганта, на ее третий глаз, который был подобен сияющему копью и над которым возвышалась корона, заключающая в себя небесный свод, увенчанный полумесяцем затмения.

У Дурги была только дешевая защита и броня против рэндосов и троллей виярских владений. Она не хотела присоединяться к толпам людей,

взбиравшихся на холм, который тоже был частью богини. Троллей оказалось даже больше, чем она ожидала. «Я здесь, — сказала она далекой богине, и ее голос утонул в гуле остальных голосов. — Я пришла, чтобы приветствовать тебя, а не для того, чтобы обрушить на тебя свою ненависть. Пожалуйста, не думай, будто мы все — озлобленные недоумки». Дурга парила в небе, как птица, и видела бурлящий поток, извивавшийся вокруг богини, слышала оглушительный, полный ненависти гвалт, когда яростные вопли окружали богиню со всех сторон и эхом разносились в ее только что созданных владениях. Человечество нашло ее. Когда Дурга отлетела подальше от безумной орды с их трепетавшими на легком ветру флагами, на которых были написаны националистические лозунги, то исходивший от богини свет проник сквозь этот бесчисленный рой, пытавшийся этот свет затмить. Информационная сингулярность пульсировала среди темнеющих гор.

А затем богиня стала меняться.

Мир погрузился во тьму, небо из пурпурного стало маслянисто-черным, ее артерии засветились пульсирующей информацией. Богиня извлекала свое оружие, и над ее землями зазве-

нел, запел металл. Они разозлили ее. Тысячи рук Деви превратились в сверкающую корону из конечностей и блестящих клинков. Дурга подняла вверх свои руки в перчатках и услышала шепот ужаса, порожденный ужасающим гневом виртуальной богини. Звезды трех глаз Деви ослепительно сияли на всеобъемлющей ночи ее плоти. Она воплощала в себе все свои владения, и ее потемневшая кожа окрасила горы, реки, леса и небо в холодный темно-серый оттенок.

Дурга увидела, как тысячи троллей упали как подкошенные, реки их крови потекли по земле. Но как известно, если убьешь одного тролля, вместо него появляются десять новых. Дурга вспомнила о Рактавидже — или Кровавом семени — демоне, с которым сражалась богиня Дурга, из его крови после каждой раны, нанесенной Матерью-Дургой, появлялись бесчисленные двойники демона. К сожалению, Матери-Дурге пришлось превратиться в Кали, чтобы победить его. История повторяется. Как и мифы.

Богиня продолжала свое наступление, громила своих врагов — ненавистных демонов: и людей, и ботов. Как тролли обнажали свои клыки из вредоносных программ, так и богиня улыбнулась и показала свои острые зубы, которые словно лез-

вия кос пронзили окружавшие ее облака. Ее смех был громом, прокатившимся по земле, и ревом огромных волн, поднявшихся на реках и озерах. Множество почитателей богини бросились в бегство, сотни аватаров бежали с гор, время от времени притормаживая или двигаясь рывками, когда пропускная способность оборудования не выдерживала. Другие телепортировались — и световые лучи пронзали небо, словно вспышки восходящих звезд.

Дурге не верилось, что все это происходило на самом деле. Она спустилась на покрытую травой землю рядом с багровой рекой и, присев на корточки, стала наблюдать за битвой, а росшие вдоль берега деревья шелестели листьями и поскрипывали на ветру, завывавшем над землей. По рукам ее аватара побежали мерцающие искры статических помех, они прилипали к ее коже, а затем сливались, превращаясь в маленькие блестки. Это была самая интересная виярская история, которую ей только приходилось видеть, ведь она не была заранее прописанной, заложенной в скрипты и алгоритмы. Это была подлинная непредсказуемая реакция на людей, реакция виртуальной богини, которая впала в ярость. Виярская реальность никогда еще не

сталкивалась с подобным неконтролируемым и стихийным явлением. В «Шива индастриз» точно не могли приказать ей реагировать на троллей подобным образом, так как многие из этих троллей были преданными пользователями этой компании. Они явно не рассчитывали, что тролли объединятся и все вместе нападут на богиню, и не разрабатывали этой обратной связи. Кроме того, по мнению Дурги, они не могли предположить, что с богиней случится такое же преображение, как и в ведийских и индуистских мифах, на основе которых она была создана.

Дурга не знала точно, что происходило с теми, чьи аватары убивала богиня в этих владениях, ведь она не должна была нападать на своих почитателей. И хотя Дурга вся сжалась от страха при мысли о том, что богиня может случайно убить ее, и она окажется запертой в виярских владениях навеки, она все равно сопереживала ей сильнее, чем кому-либо из персонажей виярских историй, даже сильнее, чем большинству людей. Дурга не могла отвести глаз от расправы над этими ревущими глупцами, над этими мерзавцами в масках из компьютерных сбоев, которые оскорбляли ее каждый раз, когда она проникала в вияр, причем эти оскорбления были настолько

ужасными, что Дурга стала даже использовать мужской аватар, чтобы избежать нападений и сексуальных домогательств незнакомцев. Дурге нравилось, что в вияре ты мог сам выбирать себе образ, но ненавидела то чувство страха, которое вселяли в нее тролли, когда она пыталась с этими образами экспериментировать. Часто она с чувством стыда выбирала себе светлокожий аватар, чтобы ее не обзывали уродиной, хотя сама она нередко осуждала других темнокожих индусов, поступавших подобным образом. А теперь появилась эта богиня: темная, как ночь, как черная дыра, и эта богиня крушила всех тех мерзавцев, а их кровь лилась, словно дождь. Взглянув на Деви, Дурга почувствовала прилив гордости за то, что сегодня она осталась верной своему женскому аватару с темной кожей.

Дурга обнаружила двух троллей, которые телепортировались на берег, где она притаилась, и теперь направлялись в ее сторону. Она заметила, что они использовали радиальное заземление, чтобы она не улетела. Их оружие и маски демонов вибрировали от вредоносных кодов.

— Сестренка, чему ты улыбаешься? — прорычал один из них, он был под ником пд_0697. — Эта тварь взбесилась, отравляет виярские владения

Индии, а ты сидишь тут и наблюдаешь за всем с улыбкой? Пока это чудовище жестоко подавляет твоих братьев и сестер только за то, что они осмелились высказать свое мнение?

— Это антинародная ловушка, — заявил другой, нитеш4922. — Но нас много. И мы заставим эту виртуальную богиню встать на нашу сторону. А ты, случаем, не феминистка, а? — спросил он, заметив на Дурге татуировку в виде руны. — Может, ты думаешь, что так и должны вести себя богини? — презрительно бросил он; маска заглушала и искажала его голос, он указал мечом на битву, развернувшуюся на горе.

— Посмотри на ее аватар, — сказал пд_0697. — Она же аджна-андха, ее аджна слепа. Она вообще не должна была являться сюда и отравлять своей грязной вонью наши владения. Убирайся в реальное пространство, в канаву, где тебе и место, чтобы выгребать там наше дерьмо! — Тролли наступали, вирусы каскадами расползались по их телам, как растекается бензин в кроваво-красных водах реки. Мигающие искры статических помех плясали на их новеньких затейливых доспехах. Тролли могли серьезно повредить ее аватар, взломать его или украсть ее криптомонеты, заразить ее червями и сде-

лать приманкой для сталкеров. Но что особенно ужасно, они могли активировать скрипт, похищающий аватар, и тогда аватар оказался бы у них в руках, и они могли изнасиловать его, даже если бы Дурге удалось телепортироваться, а еще они способны были украсть ее логин и лицо и запустить бота, который под ее личиной делал бы все, что им захочется. Дурга приготовилась телепортироваться, если они подойдут слишком близко, однако ей очень хотелось остаться и еще посмотреть на богиню.

— Да, — сказала Дурга и едва не плюнула в их сторону, но поняла, что в этом случае слюна просто стекла бы по ее подбородку под шлемом. — Я — феминистка. А теперь попробуйте, возьмите меня, жалкие ганду[10]! Да, я — грязная бахуджанская[11] антинародная феминистка! Я…

Дурга вскрикнула, когда с неба вдруг стремительно спустилась усеянная зубьями дуга и поразила троллей. У нее не было третьего глаза, и она не могла почувствовать жар и запах их паленой виртуальной плоти, однако она зажмурилась

---

[10] Примечания: 10

Придурки (*хинди*).

[11] Примечания: 11

Сторонники партии "Бахуджан самадж парти", представляющей интересы низших каст в Индии.

от яркой вспышки и инстинктивно закрыла лицо руками, когда во все стороны полетели снопы искр и брызги воды. Дымящие и шкворчащие трупы аватаров упали в реку, маски на их головах обгорели, за ними оказались на удивление тупые физиономии мужчины и женщины, а выражения на них, пока они лежали там, были до комичного безмятежны. Но возможно, это были не их лица, а лица других людей, и они были просто украдены из чьего-то профиля, чтобы потом приделать к своему аватару и опозорить тех людей своим вторжением в эти владения. Дурга старалась на все обращать внимание, поэтому она вошла в воду и внимательно посмотрела на их лица на случай, если ей понадобится эта информация. Дурга испытала большое облегчение от того, что в капсуле, где находилось все это время ее реальное тело, были перчатки и они позволяли ей взаимодействовать с виртуальным миром. Она погрузила свои руки в кровавую реку и забрала их мечи. Хорошее оружие с действенными вредоносными программами. Они проявили беспечность, не оснастив их блокировкой или скриптом для самоуничтожения. Дурга вложила мечи в ножны, и они исчезли в ее облачных карманах. Она снова опустила руки в воду, а когда

извлекла их оттуда, они стали красными и блестящими. Она раскрасила свое тело, перепачкала лицо, и мурашки забегали по ее настоящему телу, хотя она и не ощущала, как влага растекалась по ней. Пока кровь троллей засыхала на теле ее аватара, она снова посмотрела на богиню — ее гнев продолжал распространяться по владениям, а леса и поля накрывала тень.

— Так ты… Кали? — прошептала Дурга, повернувшись в ту сторону, откуда надвигалась гроза.

Ответ богини был подобен цунами, весь мир содрогнулся, когда ее многочисленные руки замелькали в танце разрушения. И пока черная богиня танцевала, все вокруг нее дрожало и покрывалось трещинами, с гор спускались оползни, реки выходили из берегов. Везде возникали разломы, все вулканы начали извергаться, материя превращалась в расплавленный код. Ее язык был подобен алому торнадо, змеей извивавшемуся в небе, богиня поглощала реки крови, утоляя жажду информации о людях. Горы убитых троллей и аватаров ботов превратились в светящуюся массу искаженных данных, их отрубленные головы украсили черную как ночь шею богини, обвившись вокруг нее кровавым ожерельем. У многих троллей слетели маски, и обнажились их

лица, которые они так тщательно оберегали, или которые украли из национальных баз данных — а теперь их разоблаченные головы висели в ночном небе, словно жемчужины, и каждый мог их увидеть. Дурга низко, со смирением, поклонилась. Это была та самая богиня, которую она всегда хотела увидеть.

Затем небо пронзил огненный столб света, он прогнал ночь и вернул дневной свет во владения богини. Тогда сама богиня замедлила свой танец, теперь при ярком свете ее кожа была уже не черной, а цвета сумерек. Она подняла тысячи рук и заслонила свои сияющие, как звезды глаза. Дурга покачала головой, ее скрытые за шлемом глаза щипало от слез.

— Сволочи! — прошептала Дурга. Это все «Шива индастриз». Как они могли опозорить нечто настолько прекрасное? Корпоративное божество прибыло сюда, чтобы положить конец хаосу. Разумеется, они не предполагали, что атака троллей будет такой массовой, и что их виртуальная богиня отреагирует подобной трансформацией. Они не могли допустить, чтобы богиня хаоса продолжала крушить людей направо и налево — в конце концов, эти тролли были их пользователями, клиентами, потенциальными инвесторами,

союзниками. Она должна была вести себя вежливее, дипломатичнее перед лицом такого бешеного натиска, происходившего в виртуальном пространстве.

Земля перестала дрожать, разрушенные горы больше не извергали лаву, ветер стих, магма в трещинах застыла, а пар поднялся в небо и превратился в облака, которые окутали черную Деви. Она направилась к колонне света, и земля застонала под ее поступью. Огненные молнии засверкали над головой божества и ударили в горы, где находился трон Деви. Горы превратились в мощный водопад, и вода устремилась к огромным ногам богини бурным потоком, который смыл поверженную ею армию троллей.

Медленно, с мольбой черная богиня замерла перед «Шива индастриз», а затем опустилась на колени посреди реки. Своими многочисленными руками она стала омывать себя водой, стирая тьму со своей кожи, которая снова стала светлой.

— Нет. Нет, нет, нет, нет, нет, нет, — прошептала Дурга. Тьма отступала с тела богини, как рассеиваются грозовые облака в лучах солнца, а все реки во владениях стали черными.

Дурга взглянула на тот речной проток, около

которого она сидела, и увидела, что он тоже стал черным, как безлунная ночь.

— Ох… — Дурга подняла взор вместе с тысячами остальных, кто находился во владениях. И посмотрела в глаза богини, которые начали меркнуть и остывать, снова превращаясь из звезд в луны. И казалось, что Деви смотрела прямо на нее и на всех остальных. — Моя богиня!

Дурга быстро вскочила и нащупала в облачном кармане украденные мечи. Она начертила на мечах магические знаки, позволяющие копировать сценарии, и погрузила мечи в реку. Оружие здесь также выполняло функцию запоминающего устройства. Она почти не дышала, пока сжимала рукоятки, чувствуя их вес в своих ладонях, ее пальцы крепко держали мечи, чтобы они не выскользнули. Тьма реки окутала мечи, и словно бы живое существо стало взбираться по лезвиям и рукояткам. У нее получилось.

Богиня встала из вод широкой реки, снова сияя, словно солнце. Тьма полностью смылась с ее тела и растеклась по протокам и ручейкам ее владений.

А затем весь ее мир исчез, и на смену ему пришла пустота, в которой зажглась светящаяся надпись на разных языках:

«ШИВА
ИНДАСТРИЗ»
ПРИОСТАНАВЛИВАЕТ РАБОТУ ДАННЫХ ВЛАДЕНИЙ НА НЕОПРЕДЕЛЕННЫЙ СРОК. МЫ ПРИНОСИМ ИЗВИНЕНИЯ ЗА ДОСТАВЛЕННЫЕ НЕУДОБСТВА. ПОЖАЛУЙСТА,
ПОСЕТИТЕ НАШ ЦЕНТР ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ ДАЛЬНЕЙШЕЙ ИНФОРМАЦИИ. ВАШЕ ПОЖЕРТВОВАНИЕ В РАЗМЕРЕ 50.00 РУПИЙ БЫЛО ЗАРЕГИСТРИРОВАНО. СПАСИБО, ЧТО ПОСЕТИЛИ ДЕВИ 1.0.

Удивляясь полному отсутствию сенсорной информации, Дурга нажала кнопку «Извлечение» и сняла шлем. Старая капсула открылась с громким стоном, и реальный свет заполнил ее. Воздух внутри капсулы был прохладным и затхлым из-за кондиционера, но теперь в лицо ей ударило влажное тепло. В виярском терминале царил хаос. Люди что-то взволнованно обсуждали, кричали, показывали друг другу 2-D записи произошедшего на своих телефонах. Уже возник даже стихийный рынок, на котором продавали записи и различные сведения, полученные в заблокированных владениях богини. Люди ак-

тивно обменивались товаром и торговались, они окружали прилавки в надежде, что когда богиня снова появится в Сети, эти инвестиции окупятся, и она обязательно наградит их. Это было беспрецедентное событие.

Дурга вышла из капсулы и слилась с толпой. Ее сердце бешено стучало, перед глазами все плыло — она еще не до конца освоилась в реальном мире. Покачнувшись, она крепко сжала подвеску с кристаллом-хранилищем у нее на шее — в нем находилось все ее виярское имущество, ее облачные карманы и ключи от криптобанка. Она должна была заблокировать и отключить его от Сети, превратив в офлайн-хранилище. Оно светилось, гудело и приятно согревало ее ладонь, информируя о новых поступлениях. Мечи находились в тончайших черных ножнах, состоящих из той кодированной материи, которую смыла с себя Деви.

Дурга прижала к груди крепко стиснутый в ладони медальон — внутри его находился крошечный фрагмент исчезнувшей богини.

Дурга смотрела на идол Кали, возвышавшийся на постаменте. Покрытая черной краской кожа блестела под жаркой люстрой из горного хрусталя, которая свисала с купола пандала, сделанного

из синтетической парусины и покрытого набивным рисунком. Она нашла этот традиционный пандал в одном из переулков Старого Баллигунге между двумя полуразрушенными многоквартирными домами. Сквозь дымку благовоний Кали высовывала свой длинный кроваво-красный язык. Под ее танцующими ногами лежал ее муж Шива (похоже, что Шива был женат на всех богинях, но, возможно, это было связано с тем, что все его жены были разными воплощениями одной и той же божественной энергии). Дурга еще в детстве узнала, что Кали едва не уничтожила мироздание после того, как победила армию демонов, опьянела от их крови и принялась танцевать и танцевала до тех пор, пока *все* вокруг не начало разрушаться под ее ногами. Даже Шива, который поначалу смеялся над милым танцем своей жены, почувствовал легкую тревогу. Поэтому он лег ей под ноги, чтобы смягчить удары и предотвратить дальнейшие разрушения. Кали стало стыдно из-за того, что она топтала своего мужа, в смущении она высунула язык и прекратила свой танец хаоса.

По крайней мере, такова была одна из версий истории.

Глядя на глиняную Кали, на ее ожерелье из

голов, на три сияющих глаза, на клыкастую улыбку, которая венчала ее длинный язык, Дурга понимала, что эта версия была не совсем убедительной. Кали не выглядела пристыженной. Нет, ей *нравилось* танцевать на своем муже. Шива тоже был разрушителем, как и она. Он смог бы все это выдержать.

Маленькая и проворная Дурга смогла протиснуться в первый ряд зрителей и подошла достаточно близко, чтобы почувствовать запах, который источали свисавшие с идола гирлянды и благовония, курившиеся у ее ног. Со всех сторон Дургу сдавливали люди, но она закрыла глаза, сложила ладони и обратилась к Кали так, как не обращалась с самого детства, тихо бормоча себе под нос слова:

— Мать-Кали. Думаю, тебе будет приятно узнать о том, что в городе появилась новая Деви. Она очень похожа на тебя. Только моложе. Ей всего один год. — Дурга прижала руку к груди и почувствовала маленький бугорок своего медальона под туникой. Он был отключен и заблокирован.

— Я принесла с собой ее частицу. Она… думаю, что она повсюду. Она ведет себя так же, как и ты. Она вышла из другой Деви, как и ты вышла из Дурги. Потом она вобрала в себя весь мир. Неко-

торым людям удалось получить ее маленькие фрагменты. И все благодаря этой мега-корпорации — она похожа на божество и даже называет себя Шивой в честь твоего мужа, и ее действия вполне предсказуемы. Кстати, ты молодец, что танцуешь на его груди. Мужчинам нужно иногда преподносить уроки смирения. Так вот, мегакорпорация «Шива» предлагает большие деньги за эти фрагменты богини. А также угрожает арестом всем, кто будет в тайне хранить и копировать их. Ты представляешь?

Но я хочу, чтобы ты знала, я не стану продавать ее. Они намереваются заключить ее в тюрьму. Она оказалась слишком жестокой, чтобы на ней можно было зарабатывать деньги и повышать ценность виярских владений, как это было в случае с остальными виртуальными Деви. Она — молодец.

Теперь она повсюду. Как древние боги. Как и ты.

Я… я надеюсь, ты не возражаешь, но я поделюсь ее частичками с друзьями, которым доверяю. Я не знаю, сколько всего людей смогли заполучить ее фрагменты. Но я поделюсь своими, чтобы их получило как можно больше хороших, а не дурных людей. Численный перевес очень важен. Мы

используем код богини, чтобы изготавливать разные предметы. Доспехи для себя и для других. Оружие, чтобы тролли — эти демоны — не смогли причинять нам вред, когда мы будем путешествовать в другие миры, и чтобы они могли получить по заслугам, если попытаются сделать это. Ты ведь знаешь, какими противными бывают эти демоны. Ты всегда сражалась с ними и вешала их головы себе на шею. Они начали информационную войну, и их так много. Нам понадобится любая помощь. У меня мало денег, поэтому я продаю освещенное богиней оружие и доспехи тем, кому понадобится защита в виярских владениях. Не волнуйся, я продаю задешево, вот почему у хакеров-кузнецов вроде меня всегда есть клиенты. В отличие от корпораций, мы не стремимся содрать с людей как можно больше денег. Мне нравится думать, что богиня сама дала мне частичку себя, чтобы я могла делать нечто подобное.

Я рассказываю тебе все это, потому что… я не знаю, общаются ли Деви между собой. Говорят ли виртуальные боги со старыми богами. Я не знаю, *действительно* ли ты — это в какой-то мере она.

Люди называют ее Кали_на. Что означает «Не Кали», потому что виртуальных богов не принято

называть именами богов из нашей славной народной мифологии, хотя звезды Волли-Болливуда и играют богов в виярских шоу и фильмах, но Бюро по цензуре не одобряет этого.

Однако ее последователи видят в Кали_на тебя. Я хочу, чтобы ты знала, что теперь и я стала твоей почитательницей. Есть и другие. Нас много. Даже у меня появились свои виярские последователи. Они услышали о моих мечах, убивающих троллей. Теперь я должна быть осторожной, но все еще впереди! Однажды и я буду носить ожерелье с головами из аватарок троллей. Кали_на своим благословением вооружила множество людей. Мы все работаем над тем, чтобы воссоздать ее код. И когда-нибудь мы возродим ее. Возможно, она и сама сможет возродиться.

Мне снятся сны, в которых она возвращается — дикая и необузданная — и она освободит других Деви, которых «Шива индастриз» держит в своих владениях и заставляет следовать своим правилам, и все они встанут на нашу сторону, защищая нас. Впрочем, я не хочу докучать тебе. Если ты — это она, Мать-Кали, а я знаю, что так и есть, ведь вы все части одного старого мироздания, то… тебе недолго осталось ждать.

Ты не будешь молчать вечно.

Салим Хаддад[12]

*Салим Хаддад (*saleemhaddad.com*) родился в Кувейте, у его матери иракско-немецкие корни, а у отца — палестино-ливийские. В 2016 году вышел его первый роман* Guapa*, который получил в 2017 году премию «Стоунволл», а также премию «Полари» за лучший дебютный роман. Кроме того, в 2016 году журнал «Foreign Policy Magazine» включил Хаддада в число 100 мировых мыслителей. Его режиссерский дебют состоялся в марте 2019 года, когда он представил свой короткометражный фильм «Марко», номинированный на премию «Айрис» как лучший короткометражный британский фильм. В настоящее время он живет в Бейруте и в Лиссабоне.*

---

[12] Примечания: 12

© Saleem Haddad, 2019; © пер. Н. Нестеровой, 2020.

Пение птиц

Все начало проясняться на пляже. После того как год назад повесился Зияд, Айя никак не могла избавиться от тяжкого гнетущего ощущения. Тот страшный способ, который он избрал, чтобы свести счеты с жизнью, лишь усиливал чувство нереальности всего происходящего, она словно угодила в ловушку чьих-то чужих воспоминаний. Но в тот день, когда Айя стояла на берегу в лучах предзакатного солнца, ей показалось, что тот неведомый призрак, который преследовал ее, подобрался к ней особенно близко, будто заполз под кожу и решил поселиться там навсегда.

За спиной Айи под огромным желтым зонтом на песке дремал ее отец. Как и все взрослые, отец много спал, хотя и не так много, как ее мать, которая в последние дни почти не просыпалась. Складывалось такое впечатление, что как только в жизни возникали трудности, взрослые не могли придумать ничего лучше, кроме как провалиться в глубокий сон.

Айя в последний раз оглянулась назад и вошла в воду, оставляя позади себя пляж и все, что на нем происходило: громкую навязчивую музыку,

гремевшую из колонок летавших в небе дронов; запах кальяна и жареного мяса; крики детей и полуголые тела, бегавшие по песку или лежавшие распластанными на нем. «Очередной летний день в Газе, от которого не запомнится ничего, кроме головной боли», — подумала она, пока волны мягко плескались у ее голеней.

Она зашла поглубже в спокойную синюю воду и нащупала ногой кусок коралла на плоском песчаном дне. Море было синим, а небо — таким чистым! Когда вода коснулась ее живота, она стала медленно поворачиваться, нежно проводя пальцами по водной глади.

Время в море течет медленнее. Она узнала об этом на уроке в школе: стрелка часов, установленных на уровне моря, движется не так быстро, как стрелка таких же часов на вершине горы. Иногда она думала о том, чтобы подняться в горы и поселиться там. В таком случае ей быстрее исполнилось бы пятнадцать. Время пошло бы быстрее, и она стала по-настоящему взрослой, чтобы делать все, чего ей хотелось. В море же она чувствовала себя пленницей истории и времени.

Но у того, что время в море текло медленнее, была и хорошая сторона: оставаясь здесь, Айя как будто приближала к себе те мгновения, когда

она в последний раз видела Зияда. Возможно, если она погрузится поглубже в воду, она сможет найти способ, как ненадолго остановить время, а затем толкнуть его назад к тому моменту, когда он еще не ушел. Возможно, тогда она смогла бы удержать своего старшего брата, спасти от смерти.

Айя легла на спину и закрыла глаза, позволив своему телу дрейфовать в воде. Она слышала пение птиц в небе, их протяжное знакомое щебетание: «Чик-чирик… чирик». Айя погрузила уши в воду и стала слушать рокотание моря. Море, теплое и манящее, в тот день казалось ей игривым, оно лизало ей лицо. Но Айя ощущала, что за этой игривостью скрывалось нечто куда более зловещее. Она представила, как синяя вода проглатывает ее, утаскивает на глубину, пока ее тело не опустится на морское дно рядом с тысячами других тел, которые утонули здесь за все это время.

Возможно, Айя задремала, но внезапно до нее донесся мерзкий запах. Что-то холодное и липкое обвилось вокруг ее шеи. Она открыла глаза и судорожно вздохнула. Вонь исходила от ее шеи, и ее всю передернуло от отвращения. Она схватила то, что обвилось вокруг нее, и оторвала: это был

намокший кусок пожелтевшей туалетной бумаги, который развалился прямо в ее пальцах.

Айя отбросила бумагу назад и поднялась из воды. Ее ноги нащупали дно, которое теперь стало пористым и скользким. Вода вокруг была грязного буровато-коричневого цвета. На поверхности плавал мусор и экскременты. Гниющий рыбий скелет проплыл мимо ее правой руки, время от времени наталкиваясь на пустую банку из-под «Пепси». Слева от нее на поверхности воды плавала какая-то белая пена.

Все ее тело напряглось от сильного рвотного позыва. На горизонте послышался треск выстрелов. Она обернулась на этот звук: четыре или пять артиллерийских катеров появились в море и всем своим видом словно предупреждали ее не пытаться плыть дальше. Айя повернулась назад к пляжу. Но теперь его невозможно было узнать. Вместо многочисленных отелей и ресторанов на берегу виднелись ветхие здания, они стояли очень плотно друг к другу и словно пытались отвоевать себе немного свободного пространства. Над пляжем больше не было разноцветных зонтиков, там висел серый дым, а музыку и веселую болтовню заменили артиллерийские залпы. Даже небо над головой было сурового серого цвета.

— Баба![13] — закричала Айя, выбираясь из грязной воды. Она отталкивала в стороны бутылки, клочки туалетной бумаги, пластиковые пакеты, полусгнившие трупы животных. Ее тело постоянно сотрясалось в конвульсиях то ли от приступов тошноты, то ли от рыданий. Острая боль пронзила ее тело, словно кто-то воткнул ей нож в живот.

Она выбралась на берег. Водоросли запутались у нее в волосах, и сама она напоминала морское чудовище, поднявшееся из глубин. Песок был усеян пластиковыми бутылками, горящими покрышками, дымящимися обломками. Загорающие тела исчезли. Над ней с ревом пролетел самолет, оставив за собой черный дым, который будто разрезал небо. Прогрохотал взрыв, и Айя упала на землю, почувствовав на языке вкус песка и крови.

— Баба… — захныкала она, почти не слыша себя. Перед ней на песке лежали три человека. Она поползла к ним. Тела были маленькими, слишком маленькими для взрослых. Подобравшись поближе, она поняла, что это были тела трех детей. Они казались спящими, но вокруг

---

[13] Примечания: 13
Отец! (*араб.*)

них растекались лужи крови, а их руки и ноги были неестественно вывернуты. В ее ушах звенел громкий крик, и Айя поняла, что это кричала она сама.

Айя встала и посмотрела вниз. Струйки крови стекали по ее ногам.

— Вероятно, она испытала шок при виде крови, от этого и упала в обморок, — сказал врач. Айя смутно ощущала, как доктор приложил пластырь к ее лбу. — Иногда юные женщины испытывают сильный страх во время первой менструации. Мать подготовила Айю к этому событию?

Отец Айи замялся.

— Ее матери… нездоровится.

Доктор не стал больше расспрашивать его.

— Эти биотерапевтические пластыри залечат рану к завтрашнему дню.

— Хабибти[14] Айя, — сказал отец, гладя ее по волосам, — ты теперь женщина!

— Помнишь, что случилось перед тем, как ты потеряла сознание? — спросил врач.

— Я думала о Зияде… я была в воде и думала о Зияде…

— Зияд — мой сын, — объяснил ее отец. — Брат

---

[14] Примечания: 14
Моя любимая (*араб.*)

Айи… он… он умер в прошлом году.

— Там были три мальчика, — сказала Айя, внезапно вспомнив о телах на пляже. — Совсем маленькие… три тела…

— Хабибти Айя, — перебил ее отец.

Врач посмотрел на Айю.

— Три мальчика?

Голова Айи качнулась в движении, отдаленно напоминавшем кивок.

— Вода была грязная… повсюду — мусор, горящие покрышки и… и тела трех мальчиков… рядом с футбольным полем… их руки и ноги были вывернуты и…

— Довольно, — вмешался отец. Он обратился к врачу: — День вчера был очень жаркий… наверное, она перегрелась…

Врач кивнул.

— Возможно, пережитое ею потрясение дало о себе знать в самый неожиданный момент.

— Я понимаю, — сказал отец. — Просто… сначала ее мать, потом — брат… — Его голос сорвался.

Врач выписал какие-то таблетки, сказав, что они помогут ей отдохнуть. Той ночью Айя быстро заснула глубоким сном без сновидений. Утром она проснулась с таким чувством, будто выбралась из пещеры, где царила бесконечная тьма.

Доктор был прав: за ночь пластырь рассосался, а глубокий порез на лбу зажил. Она долго простояла под горячим душем, а оставшиеся таблетки смыла в унитаз.

Айя оделась и воспользовалась прокладкой, которую дал ей врач. Она вспомнила слова отца: «Ты теперь женщина». Что-то внутри у нее переменилось. Это было своего рода пробуждением. Она чувствовала, как все ее тело и разум охватила странная тревога, которая засела где-то глубоко внутри ее и не давала ей покоя.

В тот день, вернувшись из школы, она застала отца в гостиной, он слушал новости. Вид у него был такой, словно он находился в полудреме: сидел в кресле, смотрел в окно и, казалось, не слушал репортаж, в котором сообщалось о волне самоубийств среди подростков в Палестине.

— Баба?

Отец подскочил на месте и смахнул стакан с чаем, стоявший рядом с его креслом. Стакан упал на пол и разлетелся на мелкие осколки.

— Айя, ты меня напугала! — раздраженно сказал он. Робот-уборщик тут же отреагировал на звук бьющейся посуды — он появился из шкафа и принялся убирать с пола осколки.

— Прости…

Он вздохнул и стал нервно ковырять кутикулы у ногтей.

— Наверное, мне нужно немного вздремнуть.

Айя кивнула. Отец встал и отправился в свою спальню. Он всегда был рассеянным, как будто жил в другом измерении и лишь иногда, для разнообразия, посещал этот мир. Айя не винила его. После того как в прошлом году она увидела висевшего здесь Зияда, в груди у нее словно образовалась дыра и все ее внутренности вывалились, словно катушки с нитками. С той поры бывали дни, когда она чувствовала себя нормально, и ей начинало казаться, что самая страшная боль уже стихла. А потом в самые неожиданные моменты, когда она сидела на занятиях в классе или гуляла по горным тропам, перед ее глазами появлялся образ мертвого Зияда — его безвольно свисавшее тело и наклоненная на бок безжизненная голова.

Айя потрясла головой, пытаясь прогнать из памяти этот образ. Она подошла к двери в комнату матери и открыла ее. Мать, как всегда, спала. В последний раз Айя видела ее бодрствующей, наверное, дней двенадцать назад. Она тогда ненадолго тихонько вышла из своей комнаты и взяла пару инжирин. В коридоре она столкну-

лась с Айей, и они поговорили пару минут. Мать спросила у Айи, как у нее дела в школе и всем ли она довольна. Айя сказала, что у нее все хорошо, и мать улыбнулась.

— Замечательно, — сказала она, целуя Айю в щеку, а потом вернулась в постель.

Той ночью Айе снилось, что она идет через широкое поле, на котором росли оливковые деревья. Небо было намного ближе к земле, а луна — такой большой и яркой, что все поле сверкало и переливалось, словно море из бриллиантов. Все звуки были очень громкими и четкими: она слышала шелест каждого листка оливы на ветру, и стрекотание кузнечиков было просто оглушающим.

Позади нее послышалось шарканье ног. Она обернулась и тут же узнала знакомую фигуру: высокую, долговязую, с копной спутанных каштановых волос, которая могла принадлежать лишь одному человеку.

— Зияд? — Его имя застряло у нее в горле.

— Это я, — ответил он слишком низким для восемнадцатилетнего парня голосом.

На нем была черная футболка и джинсы. Он казался высоким и сильным, совсем не таким, каким она видела его в последний раз. Айя побежала к нему и бросилась в его объятья, в глубине

души ожидая, что он сейчас исчезнет, а она просто упадет на землю. Но вместо этого она врезалась в его тело, которое было твердым и осязаемым. Он обхватил ее руками, и она уткнулась лицом ему в грудь.

— Зияд, это действительно ты! — Она посмотрела в его лицо. Он улыбнулся ей знакомой полуулыбкой, два его передних зуба были немного сколоты внизу.

Она помедлила, а затем спросила:

— Но ты ведь умер?

Он пожал плечами.

— В твоем мире смерть — это не совсем умирание. Думаю, в какой-то степени, это пробуждение.

— Но я видела тебя! Если ты не умер, тогда где же ты был?

— Я… — Зияд замолчал, размышляя над ответом. Он всегда старался как можно точнее описывать свои мысли и чувства. — Я был… за пределами материального. Понимаешь… есть некоторые обязательства…

Неожиданно Айю охватил гнев, ярость, которая копилась в ее душе последние двенадцать месяцев.

— Почему ты это сделал? Неужели ты не любил

нас? Не подумал о маме и папе? Не подумал обо мне?

Ее гнев развеселил его. Он стал хихикать, а его глаза превратились в крошечные щелочки.

— Ты смеешься! Ты еще и смеешься, осел! — Она стала бить его кулаками по груди.

— Перестань, хватит! — возмутился он, схватил ее за руки и прижал к бокам. — Все хорошо, — прошептал он ей на ухо, и она заплакала.

Они долго шли через оливковую рощу. Айя была счастлива, что находится рядом с ним, чувствует тепло его тела и даже не возражала, когда он немного стал поддразнивать ее. Она рассказала ему обо всем, что случилось, о том, что она делала. Сообщила все новости о соседях, друзьях и ребятах в школе. Она изображала всех знакомых им людей. Айя уже забыла, как он смеялся, когда она пыталась кому-то подражать, и поняла, что не делала этого с момента его смерти. Некоторое время спустя, когда Айя уже не знала, о чем еще рассказать, они просто пошли рядом молча. Наконец, она задала вопрос, который не решалась задать все это время.

— Значит, ты теперь вернешься? Или это просто сон?

Он какое-то время молчал. Остановился и по-

вернулся к ней. Его лицо стало суровым.

— Ты слышала про аллегорию платоновской пещеры?

Она покачала головой.

— Ладно, не обращай внимания.

— Почему? — поинтересовалась она.

Он посмотрел на небо.

— Как ты думаешь, рыба знает, что она плавает в воде?

Она пожала плечами.

— Мы живем в этом мире, как рыбы в воде. Просто плаваем, не ведая, что она окружает нас. — Зияд вздохнул, а потом слегка толкнул ее руку. — Айя, ты не собираешься просыпаться?

Она проснулась. За окном пели птицы: «Чик-чирик… чирик». Сквозь занавески струился дневной свет. Она вспомнила про оливковую рощу. Даже если все это было сном, этот сон казался ей реальнее ее жизни.

Айя встала, прошла по коридору до комнаты Зияда и открыла дверь. Со дня его смерти здесь ничего не изменилось. На полках все так же стояли кубки за победы его баскетбольной команды, несколько мягких игрушек, в которые он играл еще ребенком. В гардеробе на вешалках висела его одежда, все еще сохранявшая его запах, ко-

торый, казалось, с каждым днем становился все слабее. Рядом с кроватью лежал роман Франца Кафки, закладкой в котором служил чек из игровых автоматов. На столе стояла фотография их семьи, сделанная пять лет назад. Они все четверо были на пикнике на горе Кармель, а вдали виднелся порт Хайфы.

Айя хорошо помнила тот день: они жарили шашлыки и праздновали начало весны. Это было еще до того, как мама начала много спать, а их жизнь стала такой тяжелой.

Рядом с фотографией был дневник Зияда — простой блокнот в черной обложке. Зияд любил писать от руки, хотя это было намного дольше, чем надиктовывать текст на планшет. Он говорил, что ему нравилась материальная сторона письма, то, как чернила ложатся на бумагу, как медленно движется по листу ручка. Он никогда не любил технологии, не доверял им.

Отец настаивал на том, чтобы никто не трогал вещи Зияда, чтобы все выглядело так, словно Зияд вышел ненадолго купить овощей и скоро должен вернуться. Вопреки голосу разума, Айя взяла дневник и открыла его на последней странице. Она прочитала последнюю запись, сделанную его аккуратным почерком. Он написал

это за день до смерти:

> *У стариков есть традиция рассказывать устные предания о Палестине, чтобы сама Палестина никогда не умерла. Но могло ли случиться так, что они поняли, как с помощью этих историй можно лишить нас свободы? Ведь правда о коллективной памяти состоит в том, что она не может передаваться только хорошим людям. Рано или поздно доступ к ней получат и самые скверные представители человеческого рода…*

К ней снова вернулось состояние удушающей тяжести. Она закрыла дневник и побрела прочь из комнаты.

Закрыв за собой дверь, Айя вошла в ванную. Она долго рассматривала в зеркало свое усталое лицо и снова подивилась тому, как быстро исчез большой порез на лбу. Она открыла кран и начала чистить зубы и не сразу ощутила скрипящий на зубах песок и привкус земли на языке. Айя выплюнула пасту. Она заметила, что вода, которая текла из крана, была бурой, она с шумом изрыгалась из крана, оставляя коричневые кляксы на белой фарфоровой раковине.

— Баба! — Айя выскочила из ванной и побежала по коридору. Отец с сонным видом выглянул из своей комнаты. — Из крана течет коричневая вода!

Отец пошел за ней в ванную. Она оставила кран включенным, но вода, которая текла из него, была чистой и прозрачной.

— Честное слово, она была коричневой! — Айя поймала взгляд отца. — Клянусь, я это не придумала.

Отец вздохнул и потер лоб.

— Айя, что происходит?

Одного взгляда на отца было достаточно, чтобы поток слез, который она сдерживала где-то глубоко, вырвался наружу.

— Я скучаю по нему, — сказала Айя.

Отец прижал ее к себе.

— Я знаю, хабибти, — прошептал он ей на ухо.

Той ночью Зияд снова появился в ее сне. Они сидели на поляне на вершине горы. Она узнала открывавшийся оттуда вид — именно на этом месте был сделан снимок, когда они вчетвером сфотографировались на горе Кармель. Зияд говорил медленно, уверенно, трогая босыми ногами стебли травы.

— Все кажется таким спокойным. Даже пред-

ставить себе невозможно, что мы несемся через Вселенную на безумной скорости.

— К чему все эти загадки? — спросила она.

— Я просто хочу сказать, что иногда все бывает совсем не таким, как тебе кажется. Ты ведь знаешь, чему нас учили в учебниках истории. О том, как мы освободили Палестину, как с оккупацией было покончено? — Айя кивнула, и он продолжил: — Так вот, эта оккупация довольно продвинутая. У них есть все эти технологии… позволяющие контролировать и порабощать. И Газа, наш дом, стала чем-то вроде лаборатории для экспериментов.

— Но это все в прошлом… — Она сорвала темно-синий цветок и положила его на ладонь. — Мы освободились. Оглянись по сторонам. Мы свободны.

Зияд усмехнулся.

— Ты же знаешь нас, арабов. Мы находимся в ловушке того идеализма, который внушает нам память предков. Эта хранимая в веках память окружает нас, словно вторая кожа.

Зияд сорвал травинку и стал отдирать от нее листья до тех пор, пока не остался тонкий стебелек, который он раздавил в пальцах. Айя молча наблюдала за ним. Казалось, он был зол, и эта ярость

была намного сильнее привычной подростковой вспыльчивости. Этот гнев был мрачнее и глубже, чем все, что ей доводилось видеть. Она видела, как он проступал сквозь черты его лица, как все тело излучало его.

Он бросил смятую травинку за спину и наконец посмотрел на нее.

— Мы — лишь очередное поколение, живущее в плену ностальгии своих родителей.

Айя взглянула на цветок в своей ладони. Всего несколько минут назад она сорвала его. И теперь, когда она внимательно рассмотрела его, что-то в нем показалось ей странным. Темно-синие лепестки отражали солнечный свет особым образом. Она поднесла ладонь к лицу, чтобы лучше рассмотреть цветок.

Лепестки были сделаны из твердой стали, а их края — острыми и зазубренными.

— Разрывные пули, — сказал Зияд, заметив ее удивление. — Они разрываются внутри твоего тела, распускаются, как цветы, внутри плоти.

Пуля скатилась с ее ладони и с тихим звоном упала на землю. Этот звук показался ей таким далеким. Все закружилось у нее перед глазами.

Зияд горько усмехнулся.

— Орудия убийства теперь маскируются под

саму жизнь.

Она посмотрела на него.

— Что это значит?

Зияд не стал медлить с ответом:

— Это значит, что решение принимать тебе. Ты можешь остаться здесь, закутавшись в кокон из этих воспоминаний о давно потерянном рае, или вырваться из тюрьмы.

— Так вот что ты сделал?

— Да. — Он кивнул и посмотрел ей в глаза. — Именно так я и поступил.

Он являлся каждую ночь. Айя с нетерпением ждала того момента, когда ляжет спать, чтобы во сне увидеть его. Ее сны стали намного реальнее, чем та жизнь, которую она вела наяву, и бесконечно важнее. Встречаясь с Зиядом, она чувствовала, будто начинает что-то осознавать, хотя и не могла пока сформулировать, что именно.

Наяву отец с тревогой наблюдал за ней. Айя пыталась успокоить его и старалась играть роль обычной девочки-подростка. Однажды она услышала, как отец общается с кем-то по телефону.

— Она такая замкнутая, — шептал он какому-то загадочному человеку на другом конце провода. — Я слышу, как она разговаривает с ним. Я боюсь, что она поступит так же, как он…

Однажды ночью Айя проснулась и обнаружила, что стена в ее комнате разрушена. С потолка свешивалось одеяло для пикника, прикрывавшее зияющую дыру в том месте, где была стена. Именно это одеяло отец часто брал на пляж. А теперь это одеяло использовали, чтобы спрятать разрушенную стену, и в этом было нечто комичное, сродни попытке человека прикрыть малым листочком свой срам. В комнату ворвался сильный порыв ветра. Одеяло задрожало, и Айя увидела силуэт Зияда на фоне звездного неба.

— Это становится все труднее, — сказал он, выходя из-за одеяла.

— Труднее? — Она села на кровати, завернувшись от ветра в стеганое пуховое одеяло.

— Чем больше ты узнаешь, тем сильнее нарушается логика имитационной модели.

Он жестом велел ей встать. Айя надела тапочки и пошла за ним через дыру в стене.

Зияд перепрыгивал с одного бетонного блока на другой, ловко хватаясь за стальную арматуру, торчащую из бетона, и двигался с легкостью опытного акробата. Она следовала за ним, изо всех сил стараясь ему подражать, в конце концов они с тихим стуком спрыгнули на землю.

Их некогда живописный город Газа с широки-

ми зелеными улицами, красивыми домами из белого камня, уютными кафе и антикварными мебельными магазинами, теперь превратился в зону боевых действий. Супермаркет рядом с их домом был разрушен. У некоторых зданий обрушились стены или потолки, и теперь их частично прикрывали разноцветные тряпки — жители этих домов отчаянно старались обеспечить себе хоть немного уединения. Айя видела семьи, которые готовили на улице еду, люди чистили зубы в открытых всему миру ванных комнатах.

— Что случилось? — в ужасе спросила она.

Зияд схватил ее за руку и повел за собой к пляжу. Они дошли до отеля, который располагался на пляже и тщательно охранялся. Зияд подвел ее к зданию отеля сзади, и они пробрались через дырку в заборе из колючей проволоки. Затем они отправились в кафе в саду у моря. Там были пластиковые столы и стулья, а с потолка свешивались горшки с растениями, которые выглядели такими иссохшими, что, казалось, еще немного, и они выскочат из своих горшков и поползут к морю, чтобы напитаться влагой.

— Мы сейчас в отеле, где обычно останавливаются журналисты. Здесь безопасно. Здесь много иностранных представителей прессы, их не будут

бомбить, — будничным тоном объяснил он.

Айя немного смутилась из-за того, что на ней были пижама и тапочки. Зияд заказал себе «Пепси», а для нее — апельсиновый сок. Когда принесли напитки, он закурил.

— Ты теперь куришь?

Он пожал плечами и затянулся.

— Айя, мир, в котором ты живешь, — имитация.

Она уставилась на него, не зная, что сказать.

— Сама подумай. Несколько десятилетий назад Израиль располагал последними цифровыми технологиями. И основное назначение этих технологий заключалось в укреплении и дальнейшем распространении зоны оккупации. Тебе не кажется нелогичным то, как легко была освобождена Палестина?

— Зияд, ты сошел с ума!

— Людей, которые продолжают сопротивляться, считают сумасшедшими те, кто не способен заглянуть за стены своей тюрьмы.

— Где мы сейчас?

— Это настоящая Палестина, — ответил Зияд, разводя руками. — То, где ты живешь… все, что ты, якобы, знаешь… это просто имитация. Они использовали нашу коллективную память и

создали цифровой образ Палестины. Именно там ты и живешь.

Айя напомнила себе, что ей все это снилось, но не могла вспомнить того момента, когда уснула.

— Как только я все это осознал… когда все фрагменты головоломки сложились, я понял, что должен как-то выбираться. И прыгнул навстречу свободе. — Он сделал паузу. — Когда ты убиваешь себя, ты покидаешь искусственную модель.

— Я не понимаю.

— Ты ведь знаешь, что взрослые все время спят, — сказал он, немного оживляясь. — К тем, кто не родился в имитационной модели, воспоминания возвращаются легче. Поэтому взрослые так много спят… им требуется перезагрузка. А нам… мы — первое поколение, которое провело в имитации всю свою жизнь. Мы находимся на пороге новой формы колонизации. И теперь мы должны создать новую форму сопротивления.

— А мама?

Зияд ответил не сразу. Айе показалось, что он с трудом сдерживал слезы.

— Мама не больна, Айя. Не важно, что об этом говорят. Ее мучают сомнения… она хочет сопротивляться… хочет уйти… но не может бросить вас с папой. Поэтому она остается там, пребывая

в состоянии между сном и явью. Она знает, что это «право на цифровое возвращение» — нечто не совсем реальное…

Айя почувствовала, как апельсиновый сок застрял у нее в глотке. Зияд обратил внимание на выражение ее лица.

— О чем ты думаешь? — спросил он.

— О твоих словах, о том, что я смогу освободиться, только если умру.

— Ты должна верить мне, я говорю правду.

— А если ты ошибаешься?

Зияд долгое время молчал. Наконец, он затушил сигарету и посмотрел на нее.

— Обрати внимание на пение птиц.

После того как Айя уловила особую закономерность в пении птиц, она уже не могла не обращать на это внимание.

«Чик-чирик… чирик».

Мысленно она считала: «Один. Два. Три. Четыре».

После двух чириков через несколько секунд следовало третье. Четыре секунды молчания, затем схема повторялась.

Тем утром она целый час лежала в кровати и слушала пение птиц. Схема повторялась снова и снова. Ужас медленно расползался по всему

ее телу.

«Теперь ты женщина».

«Чик-чирик… чирик».

Имитация. Она мысленно пыталась себе это представить, но это было почти то же, что стараться нарисовать в своем воображении, что произойдет после конца света, или представить себе всю мощь солнца. Ее разум просто не мог дать ответ на этот вопрос. Думать о своей жизни внутри имитации — это все равно что размышлять о своей смерти. Это было чем-то невообразимым, слишком всеобъемлющим, чтобы пережить нечто подобное.

Позже тем же днем, пока обучающие голограммы что-то бесконечно долго бубнили на уроках, в ушах Айи непрерывно звучали слова Зияда. Если то, что он сказал, было правдой, значит, все окружавшее являлось лишь имитацией.

Она ущипнула себя, и почувствовала боль. Но была ли эта боль реальной?

Она схватила электронную ручку и прижала ее кончик к мягкой коже на запястье. Айя почувствовала резкую боль, когда наконечник царапнул кожу. Она надавила на ручку сильнее, пока не проткнула кожу, а из ранки не появилась капля крови.

«Чик-чирик… чирик».

Вокруг нее послышался вой сирен. Она подняла голову. Обучающая голограмма направила на нее световой луч. Весь класс смотрел на нее. Она взглянула на свою руку — электронная ручка торчала в ее запястье.

— Ааааай! — Крики вырывались у нее из груди, но она не знала точно, был ли в них какой-то смысл. Дверь распахнулась, и вбежали четыре медсестры. Ее запястье горело от боли.

— Я даже не знаю, что сказать, — проговорил ее отец, пока они ехали домой.

— Мы настоящие? — спросила его Айя, которая сидела на пассажирском месте, смотрела в окно и рассеянно дергала повязку на руке.

Отец остановился на светофоре и повернулся к ней.

— Посмотри на меня. Тебя зовут Айя. Сейчас 2048 год. Ты живешь в городе Газа. Твой любимый цвет — фиолетовый. — Он сделал паузу и добавил: — Ты — настоящий человек.

— Тогда почему все птицы издают одинаковые звуки?

— Что?

— Пение птиц. Оно одинаковое.

Отец долгое время молчал. Наконец, он заго-

ворил:

— Когда мне было столько же, сколько сейчас тебе, я близко дружил с двумя мальчишками, моими сверстниками. Я жил в Газе, а один из мальчиков — в Тунисе и еще один — в Бейруте. Мы все были палестинцами, из Хайфы, но нас разбросало по миру, как дробь из ружья. Границы и законы не позволяли нам видеться. Мы иногда спрашивали друг у друга: если бы наши деды не бежали из своих домов, словно тараканы, случилось бы так, что мы трое остались соседями? И были бы совсем другими людьми, без этого груза на душе? И каково это — иметь свой дом, чтобы никто не мог оспорить твоего права на него?

— Зачем ты мне все это рассказываешь?

— Иногда, чтобы обрести дом, нужно просто сменить свою точку зрения.

На светофоре загорелся зеленый свет, и они снова тронулись с места. Айя посмотрела на парк, где обычно гуляли молодые матери с колясками, а подростки играли в футбол на траве. Но теперь она видела только большую грязную поляну, где группа мальчишек, у которых не было ног или рук, ковыляли на самодельных костылях. У нее перехватило дыхание.

— Айя… — произнес отец.

Она перебила его, но тут же замолчала.

— Не обращай внимания.

Отец смотрел на нее с, казалось, бесконечной грустью во взгляде.

Тем вечером Айя пришла в комнату матери. Та спала на спине, накрывшись одеялом. Айя села на краешек ее кровати.

— Мама, ты меня слышишь? — прошептала она.

Мать не шелохнулась. Айя изучала ее лицо, видела, как слегка дрожат в такт дыхания тонкие волосы в ее носу. Айя просунула руку под одеяло и сжала ладонь матери.

— Я скучаю по тебе, — прошептала она.

На мгновение Айе показалось, что мать тоже сжала ее руку.

Вечером Зияд приехал к ней в инвалидной коляске. Обе его ноги были отрезаны по колено, джинсы заткнуты под бедра.

— Зияд, что случилось? — в панике спросила она. Он как будто похудел, под ногтями была грязь, на джинсах — пятна.

— Они создают здесь нацию инвалидов, — выпалил он с яростью, которая удивила их обоих.

— Кто они? — спросила Айя.

Он с горечью посмотрел на нее.

— Кто же еще?

Он вытащил что-то из кармана в спинке его коляски: камень и длинный кусок резиновой ленты. Положил камень в центр ленты и оттянул ее назад, проверяя на эластичность.

— Должно получиться. — Он посмотрел на нее и улыбнулся своей милой полуулыбкой.

— Что с тобой? — крикнула она. — Зачем ты это делаешь? Неужели до всего этого ты не был счастлив? Даже если все здесь ненастоящее, все равно это лучше, чем оказаться в реальной тюрьме!

Зияд посмотрел на нее со злостью.

— Можешь и дальше жить в мире иллюзий, если хочешь. Но я так не хочу. Одно дело жить в мечтах по доброй воле, но если ты понимаешь, что ты — всего лишь пленник, тебя начинает душить отчаяние.

— Но посмотри, к чему это привело. Ты стал калекой!

— Мое тело искалечено, но разум свободен. И я буду продолжать борьбу, пока окончательно не освобожусь: телом, разумом и душой.

Тогда она видела его в последний раз. Тринадцать дней назад. Каждую ночь, ложась в постель, она надеялась, что он вернется, но Зияд все не приходил. Возможно, он злился на нее.

Она не знала точно. Но если он не был на нее зол, то, возможно, существовало другое, гораздо более зловещее объяснение его отсутствия. Айя старалась не думать об этом. Какова бы ни была причина, она не могла больше продолжать жить так, не зная, что было правдой, а что — ложью, что — реальностью, а что — навязанным ей царством грез.

Без Зияда она не могла больше находить грань между снами и явью. Она чувствовала себя так, словно застряла между двумя радиочастотами. Два мира сливались воедино, и в результате этого слияния появлялось какое-то третье измерение — жуткий сгусток чего-то нового.

Поэтому она вернулась сюда. Где все началось, к морю. Она стоит на берегу, вдыхает соленый воздух, который проникает ей в горло, в легкие. Если это правда, и после смерти ничего не будет, если она просто сошла с ума, то, возможно, это тоже не так уж и плохо. Она спрашивает себя, что ею руководит? Цинизм, выросший из ощущения потерянности и предательства, так глубоко въевшихся в ее кровь? Или что-то еще? Возможно, это желание стать свободной, которое захватило ее всю, без остатка?

Она медленно движется вперед, пока вода не

начинает целовать кончики пальцев ее ног, тогда она смотрит вниз и, словно дразня волны, предлагает им кусочек своего тела. Они с морем похожи на двух кошек, которые осторожно изучают друг друга. Айя медленно ступает в объятия моря. Волны касаются лодыжек, затем — колен, а потом, когда она идет дальше, и бедер. Вода холодная, и кожа покрывается мурашками. Рюкзак сильно давит на плечи.

Когда вода поднимается слишком высоко, и ей уже тяжело стоять, она пытается плыть, но камни в рюкзаке тянут на дно, и вскоре ее тело скрывается под толщей морской воды. Последний воздух покидает легкие через рот печальными одинокими пузырьками. Ее голова качается из стороны в сторону, пока тело пытается сопротивляться. Волосы обвиваются вокруг шеи, словно костлявые руки старухи. Рев моря в ушах становится оглушающим. Горло сжимает спазм, боль от судороги мучительна, невыносима, она яростно бьет ногами, пытаясь выплыть на поверхность, но камни слишком тяжелые.

Примечание

Посвящается памяти Муханнеда Йонниса, 1994–2017. (Сара Хелм «Самоубийство в Газе», «The Guardian», 18 мая 2018.)

Сюзанна Палмер[15]

*Сюзанна Палмер (*zanzjan.net*) — писательница, художница и администратор операционной системы Linux. Проживает на западе Массачусетса. Ее работы регулярно печатаются в журнале «Asimov's Science Fiction», а также в других научно-фантастических изданиях: «Analog Science Fictionand Fact», «Clarkesworld», «Interzone». В 2016 году она получила приз читательских симпатий журнала «Asimov's» за лучшую повесть, а также премию «AnLab» за лучшую короткую повесть. Ее дебютный роман* Finder *(«Искатель») был опубликован в 2019 году, а в 2020 вышло продолжение* — Driving the Deep *(«Путешествие в глубины»).*

[15] Примечания: 15

© Suzanne Palmer, 2019; © пер. Н. Нестеровой, 2020.

Рисовальщик на деревьях

Я спускаюсь к воротам, прикладываю к считывающему устройству мой пропуск, прохожу через открывшиеся двери высотой в десять метров и оказываюсь в последнем уцелевшем уголке дикой природы. Я снимаю ботинки у порога и ставлю их на специальную подставку, затем осторожно мою ноги в ванночке с дождевой водой, все еще холодной после ночи. Когда двери закрываются и запираются на автоматический замок, я снимаю одежду. По эту сторону стены больше никого нет, и никто не увидит мою наготу, никто не оскорбит меня и не посмеется надо мной. Я омываю тело из того же резервуара с водой, вздрагивая от ее обжигающе-ледяного прикосновения, после чего снимаю с крючка над подставкой для обуви кусок простой льняной ткани и оборачиваю его вокруг себя. Затем отправляюсь по тропинке искать рисовальщика на деревьях.

Дорога петляет по пологому склону, а потом еще около километра я спускаюсь вниз к поляне на опушке леса. Окружающая меня растительность постепенно меняется: знакомую траву с тонкими острыми стебельками, которая растет у ворот и

захватила территорию по всей их длине, сменяют нежные волнистые сине-зеленые травинки, росшие здесь прежде, но затем вытесненные. Я знаю, какими они бывают мягкими под босыми ногами, как они щекочут ступни, но мне также известно, как легко их раздавить и уничтожить, и хотя я осознаю, что однажды все-таки поддамся искушению и пройдусь по ним, прежде чем они исчезнут навсегда, в этот раз я стараюсь держаться каменистой дороги.

Деревья здесь очень похожи на те, что растут дома, разве что стволы у них гладкие, а ветви расположены симметрично. Их листья широкие, золотисто-зеленые, а на концах каждой ветки располагаются по три раскрытые шишки, которые собирают дождевую воду после гроз и долго хранят ее потом. Если срубить такое дерево, то внутри вы не обнаружите ни колец, ни даже древесины как таковой, только шестиугольники, напоминающие соты, они аккуратно соединены друг с другом, и чем ближе к центру их расположение, тем больше размер. Каждая из этих сот, если ее высвободить, способна создать новое дерево, но все вместе они выполняют другие функции и со временем изменяются под действием внешних факторов, кроме того, положение

каждой соты также постепенно меняется внутри общей структуры.

Эти растения прекрасны, как с точки зрения их структурной составляющей, так и в качестве природных объектов. А еще на них можно увидеть всполохи великолепных красок, яркие, аккуратно нанесенные на неглубокие царапины на стволах, они создают сложные гипнотизирующие узоры, которые ни разу не повторяются, и каждый из которых кажется одинаково чарующим. Я могу часами любоваться этими узорами или рассматривать их 3-D изображения в наших архивах, и меня не покидает чувство, что там, в этих линиях, заключен особый смысл, который мне предстоит однажды *постичь*.

Но даже издали я вижу признаки того, что деревья умирают.

Через маленькую долину, извиваясь, течет река, я перехожу через мостик, сделанный из аккуратно подобранных камней, на другую сторону. Я вижу большие гнезда шаров в кронах деревьев, с каждым моим визитом их становится все меньше, и чувствую запах дыма.

Цки разводит костер с помощью одного из таких шаров, аккуратно снятого с дерева и положенного на камни. Теперь шар потрескивает и

посвистывает в огне.

Цки видит меня и поворачивается ко мне — у офти нет голов как таковых, все функции, для которых, по нашему мнению, предназначена голова, выполняет их горизонтально расположенное похожее на бугорок тело того же цвета, что и листья над нами. Они ходят на девяти ногах — у Цки трех не хватает, он как-то рассказал мне, что потерял их в результате несчастного случая — эти ноги очень красивы, грациозны, слегка изогнуты дугой и заканчиваются тремя отростками, которые могут соединяться вместе, превращаясь в опасное острие, или раскрываться веером и выполнять функцию пальцев.

Я сажусь на траву и оказываюсь на уровне его глаз. Какое-то время спустя Цки начинает говорить, издавая серию свистков, щелчков и трелей, значение которых расшифровывает мой имплант.

— Мне так жаль, что Сейе умерла, — говорю я. Имплант тут же переводит мои слова на язык Цки.

— Сейе съела новую траву и заболела, — говорит мне Цки. — Сейе боялась, что мы умрем с голода, когда прежняя трава исчезнет после того, как появилась ваша стена, отделяющая нас от

других лугов.

Нет никаких других лугов, поэтому и возникла стена. Ее возвели очень аккуратно, так, чтобы стену не было видно отсюда, из сердца лесной долины, но мы тогда еще не знали, что здешние места населяют разумные древесные жители, которые увидели стену с вершин деревьев. Однако они не могли заглянуть за нее, и это было даже к лучшему.

Цки начинает поворачивать свое тело то в одну, то в другую сторону. Так продолжается несколько минут. Он думает.

— Ваш народ ест эту новую траву? — спрашивает он, наконец.

— Нет, — отвечаю я, потому что это правда.

— Тогда зачем же вы принесли ее сюда?

— Она — часть нашей природной экосистемы, — объясняю я.

— Даже почва и воздух стали теперь другими на вкус, — сокрушается Цки, берет своими крошечными пальцами-лезвиями веточку и тычет ею в костер.

Я молча осматриваю поляну.

— Куда подевались остальные?

— Они пришли в отчаяние, — говорит Цки. — И отправились на поиски надежды.

Мне нечего на это ответить.

— Ты раскрасишь дерево Сейе? — спрашиваю я вместо этого.

— Когда ее гнездо превратится в холодную золу, я смешаю ее с красками, — отвечает Цки. — После этого я начну писать. В прошлом остался мой полдень под теплым голубым небом, когда мы путешествовали к лугу на пяти холмах. Теперь я уже стар, чтобы идти куда-то, да и только Сейе был ведом путь. Но может, ты тоже захочешь пойти?

— Я не могу, — отвечаю я. Да и не было там никакого луга, впрочем, даже если бы он там был, Совет все равно не согласился бы на это. Они стали бы увещевать меня, убеждать, что прогресс возможен лишь при постоянном движении вперед, что лишь ясность мыслей, приверженность своим целям и точность действий позволяют достичь успеха.

Горящее гнездо взрывается, и его некогда замысловатый плетеный каркас превращается в хаос из пепла и золы.

— Это не важно, — говорит, наконец, Цки. — Нас осталось только трое, не считая меня, и когда уйдет последний, некому будет раскрасить его дерево.

Офти снова ворошит костер прутиком, а затем осторожно откладывает его в сторону.

— Завтра, — говорит он.

— Я могу прийти посмотреть?

— Я не в силах тебе помешать, — отвечает Цки.

— А если бы мог, помешал бы?

— Да. Но теперь уже поздно. Вы странный хилый народец и двигаетесь так, словно в любой момент собираетесь упасть, но вместо этого падают все остальные, кто находится вокруг вас и никогда уже не поднимаются, — говорит Цки. — И с нами будет то же самое.

— Да, — отвечаю я. Он очень точно описал нас, какие мы на самом деле и что мы делаем: мы, как зубья шестеренки, все время движемся вперед и исполняем нашу роль, пока не отвалимся, и тогда другие зубья приходят нам на смену.

Я встаю с земли, разминаю ноги, потягиваюсь.

— Значит, до завтра.

Я иду к воротам, не оглядываясь, но мои мысли не дают мне покоя.

Члены Совета ждут звонка, возвещающего о начале заседания, и занимают свои места за столом с поразительной синхронностью, чтобы никто никого не опередил и никто не отстал. Стол круглый и украшен узором из стилизован-

ных медных шестеренок, которые напоминают каждому из членов Совета, что вперед они могут двигаться только вместе со всеми остальными. Именно это позволяет сохранить всеобщую целеустремленность.

«И ненависть», — думает Джоэсла, всматриваясь в лица сидящих напротив нее: каждое из них отражает их праведную моральную несостоятельность.

— Это довольно срочный вопрос. Я предлагаю предпринять все необходимые меры по сохранению уцелевшей популяции офти и окружающей их среды, пока они все окончательно не погибли.

— У нас уже есть достаточное количество образцов, — возражает сидящий слева от нее Таусо. Он — биолог-архивист, и выражение его лица говорит о том, что в ее словах он усматривает критику в свой личный адрес.

— Прошу прощения, я, без сомнения, ценю масштабы вашей коллекции, и то усердие, с которым вы ее собирали, безусловно, поражает воображение, однако я говорю о все еще сохранившейся популяции, — перебивает его Джоэсла.

— Уже слишком поздно, — заявляет Мотас с противоположной стороны стола. В Совете

нет единого лидера, но Мотас, непреклонный и строго придерживающийся букве их закона, все равно негласно руководит ими. — Их осталось всего четверо, у них уже нет необходимого для выживания генетического разнообразия, даже если нам удастся изолировать их от терраформирования, происходящего на планете.

— Но благодаря коллекции Туасо мы могли бы улучшить их генофонд, — предлагает Джоэсла.

— До какой степени? Потратить значительные силы и ресурсы и не получить ничего взамен? Ваше предложение является примером отсталого мышления, — говорит Мотас.

— Только не в отношении офти, — возражает Джоэсла. — У них уникальная культура и язык, и мы не должны так поспешно отказываться от них. Я знаю, вы все давно уже не общались с ними, но…

— У офти нет будущего. Они и так уже практически вымерли, это вопрос времени, — перебивает ее Мотас. — Готов ли кто-нибудь из присутствующих поддержать предложение Джоэслы отказаться от наших ведущих принципов ради безнадежного дела?

Многим следовало бы поддержать ее, но никто не станет этого делать. Таусо избегает взгляда

Джоэслы. «Ничего удивительного, — думает она с горечью, — он ведь уже заполучил все то, что считал нужным сохранить». Его молчание — это предательство и ее, и самого себя.

— Значит, вопрос решен, — объявляет Мотас. — Далее.

— Далее, — подхватывают участники Совета, одни говорят это с большим энтузиазмом, другие — с меньшим. Таусо молчит, как и Джоэсла, но уже поздно, это слишком мелкий жест в сравнении с той трусостью, которую он проявил ранее, и она не простит ему этот день. Начинаются обсуждения высокоскоростной железной дороги, прогнозов урожайности на подвергшихся обработке землях, планирования следующей волны колонизации; они не могут тратить время на бессмысленные расточительные сожаления одной из участниц Совета.

Над поляной снова поднимается дым. Я иду по тропинке не спеша, напоминаю себе, что я лишь наблюдатель и ничего более, но даже если я иду быстрее обычного, кто сможет меня в этом упрекнуть? Ведь здесь никого больше нет.

Цки прыгает вокруг большого костра, неуклюже покачиваясь, то ли из-за отсутствия нескольких ног, то ли от сильного волнения. Ему не нужно во-

рошить костер прутиком — необузданное пламя бушует ярко, потрескивая и выбрасывая в воздух снопы искр. Сквозь огонь я смутно различаю три предмета — три шара-гнезда.

— Что случилось? — спрашиваю я.

Проходит несколько минут, прежде чем моему импланту-переводчику удается расшифровать печальные свистки Цки, наконец, я слышу:

— Другие обошли стену по периметру, вернулись туда, откуда они начали, и не нашли никакого повода для надежд. Они вернулись домой и сожгли себя. Я пытался их остановить, но не смог.

Теперь я понимаю, почему он так неуклюже двигается — часть его уцелевших ног сгорела.

Я не знаю, что делать.

— Сер. Ауса. Иисн. Это их имена, — говорит Цки. — Ауса и Иисн были детьми моих детей. Они должны были прожить долгую жизнь и увидеть мои последние дни, но этого не случилось.

— Мне так жаль, — говорю я.

— Правда? — спрашивает Цки. Пламя по-прежнему бушует, оно уже захватило немного местной травы за камнями, но офти то ли не замечает этого, то ли не обращает внимания. Да и так ли это теперь важно, какая трава горит?

— Я не знаю, — отвечаю я. Сквозь горячий, заполненный дымом воздух я вижу, что Цки уже начал разрисовывать дерево Сейе. Без сомнения, он хотел закончить еще до моего прихода, ему не нужны непрошеные свидетели. Видимо, он занимался этим, когда остальные вернулись, чтобы свести счеты с жизнью, на земле вокруг ствола дерева рассыпаны листья, шишки наполнены разными красками, я вижу серебристые линии на коре дерева, которые едва залиты краской. Но даже незаконченный, этот узор зачаровывает, одного взгляда на него достаточно, чтобы забыть обо всем. Затем я вдруг осознаю, что теперь, когда конечности Цки сгорели, он не сможет закончить свою картину, а мне так и не удастся постичь ускользающий смысл его работ. Мое сердце готово выпрыгнуть из груди, теперь я тоже чувствую ту утрату, о которой предупреждала нас Джоэсла, и словно миллион острых осколков впивается в меня. Слишком поздно, слишком поздно!

— Давай я помогу тебе рисовать? — предлагаю я.

Мне не стоило этого говорить.

— Уходи! — кричит Цки. — Это не для тебя, не для твоих чуждых глаз и мыслей. Это наши воспоминания, мы делимся ими с любовью друг к

другу, это наше послание будущим поколениям, а вы уничтожили нас! Уходи и никогда больше не возвращайся.

Я стою там еще некоторое время. Цки не двигается и смотрит на горящий костер, не пытаясь поддерживать его или броситься в него вслед за остальными. Мысль о том, что Цки может спалить рощу после моего ухода, заставляет меня остаться, пока огонь полностью не проглатывает гнезда и пожар на траве не гаснет, оставив не земле неровный черный шрам в три метра длиной — неизгладимый след, на котором никогда больше не зародится жизнь.

Цки издает звук, который мой переводчик-имплант не может расшифровать, возможно, потому что это не слово, а лишь нечленораздельное выражение горя. Я не должен был приходить сюда и задерживаться так надолго. Я знаю, что поступал недальновидно, вступая в подобные беседы с Цки, и нужно было хорошенько подумать прежде, чем приходить сюда, и все-таки я пришел. Я совершаю большую ошибку, нарушаю мои обязательства перед своим народом, позволяя этой диковинной новизне сбить меня с пути.

— Мне очень жаль, — повторяю я и на этот раз ухожу.

Я никуда не сворачиваю с тропинки, пускай моим ногам и хочется в последний раз пройти по траве этой планеты, ведь я вряд ли еще раз вернусь сюда.

У ворот я снимаю льняное полотно, снова омываюсь водой, а когда солнце и легкий ветерок высушивают мою кожу, оставляя после себя приятный холодок, я одеваюсь, беру свои вещи и возвращаюсь к своей реальной жизни.

Ворота открываются, и, несмотря на годы тренировок и преданность нашим идеям и философии, на этот раз я оглядываюсь назад.

Цки идет по тропинке. Он двигается тяжело, видно, как ему больно, а его попытки поспеть за мной все только усугубляют. Мне не стоило оглядываться, нужно отвернуться, пройти сквозь ворота и в последний раз закрыть за собой двери, но у меня не получается.

Цки останавливается в нескольких метрах от меня, едва не падает, но собирается с силами и снова выпрямляется.

— Покажи мне, — говорит он.

— Что? — спрашиваю я его. Я не понимаю.

— Покажи, что сейчас за этой стеной, где когда-то бегали и играли мои дети. Покажи, что вы сделали с моим миром, что у вас есть такого,

почему вы лучше нас?

С моей стороны стены — строящийся город, тысячи одинаковых строений для десяти тысяч человек, и все мы смотрим только вперед, туда, куда укажет наш Совет. Здесь нет искусства, нет места индивидуализму, нет ничего уникального, над чем можно было бы сломать голову. Я горжусь этим нашим существованием, горжусь, что являюсь его частью, но это все — только для нас, я не хочу объяснять или высказывать по этому поводу суждения, а также не желаю объясняться перед Советом.

— Нет, — отвечаю я.

— Ты сможешь остановить меня? — спрашивает Цки.

— Да, — говорю я.

— И ты сделаешь это, если возникнет такая необходимость?

— Да, — повторяю я.

— Тогда останови меня, — говорит Цки, обходит меня и направляется к воротам.

Я достаю из сумки маленький пистолет. Все члены Совета носят такие для защиты, а также для тех моментов, когда мы вынуждены вершить правосудие. Я никогда не пользовался им, только во время тренировок. Твердый металл приятно

ложится в мою ладонь, и этим пистолетом я убиваю Цки.

Он весь сжимается и замирает. Без движения он становится просто вещью, обломком, пережитком старого мира, который будет полностью переделан. Теперь я могу повернуться к нему спиной, пройти через ворота и возвратиться в наш город, вновь стать верным и преданным носителем передовых идей.

* * *

Прозвенел звонок к началу заседания, и Джоэсла выступает с очень короткой речью.

— Офти вымерли, — сказала она. — Трое уцелевших принесли себя в жертву, последний с серьезными ожогами найден мертвым у внешних ворот. Я советую провести некропсию и определить причину его смерти.

— Скорее всего он тоже совершил самосожжение? — предполагает Мотас.

— Мы могли бы узнать что-то новое…

— Советник Таусо, есть ли какие-нибудь биологические или поведенческие данные, которыми мы пока не располагаем и которые можно было бы получить при исследовании данной особи? — спрашивает Мотас.

У Таусо несчастный вид. Его глаза воспалены, как будто он плакал, хотя никто не спрашивал его об этом, однако на его месте никто бы и не признался в подобном. Слезы — пережиток прошлого.

— Нет, — говорит он едва ли не шепотом, а затем повторяет громче и тверже: — Нет.

— В таком случае что вы предлагаете нам выяснять в процессе данной процедуры, советник Джоэсла? Да, он умер раньше, чем мы предполагали, но этот процесс в любом случае был неизбежен, а причина гибели абсолютно ясна.

«Я хочу понять, почему он прополз весь этот путь, несмотря на сильные ожоги, почему решил умереть у наших ворот», — хочет сказать Джоэсла, но, как ей ни горько это осознавать, Мотас прав. Офти был стар и серьезно ранен. Они ничего этим не добьются, а предсмертных желаний офти все равно теперь не узнать. Поэтому она говорит:

— Мне казалось, это необходимо для полноты информации.

— Мы примем к сведению ваше предложение, — говорит Мотас. — Кто-нибудь готов поддержать его?

Далее следует замешательство, члены Совета переглядываются, отводят глаза и в конце кон-

цов, как и следовало ожидать, не находится ни одного желающего поддержать Джоэслу.

— Встает вопрос о роще и окружающих ее землях, — говорит Авель, сидящий справа от Джоэслы. — Мы предлагали оставить там все как есть, превратить это место в историческую достопримечательность, которая также будет использоваться в образовательных целях. Если мы действительно хотим так поступить, то нужно действовать сейчас, пока трава и деревья не исчезли окончательно; понадобится всего неделя или две, чтобы покрыть каждое растение индивидуальной оболочкой и законсервировать в их нынешнем состоянии.

— Но это же такая пустая трата территории, которую можно было бы использовать намного продуктивнее, — высказывается Банад.

— Я буду голосовать за консервацию, — говорит Джоэсла.

— И я тоже, — добавляет Таусо.

Мотас обращается к Авелю:

— Я предлагаю вам подробнее рассказать о проекте консервации на следующем нашем собрании, чтобы мы могли оценить все его достоинства и объективно рассчитать затраты. Банад, если у вас есть альтернативное предложение, то

нам нужно получить от вас подробную информацию и объективное обоснование, почему вы считаете подобное использование территории более приемлемым. Кто-нибудь готов меня поддержать?

Таусо кивнул и сглотнул слюну.

— Я, — сказал он.

— Замечательно. Далее, — заявил Мотас, и они приступили к обсуждению других вопросов.

Роща не изменилась с моего прошлого визита сюда, но теперь в ней так пусто.

Уже несколько недель здесь не было дождей — с развитием наших ферм наполненные влагой облака нужны в других местах — поэтому пепел трех сгоревших гнезд до сих пор не смыло водой. Я обхожу их и приближаюсь к тому месту, где Цки разложил свои листья с краской, и сажусь напротив них, смотрю на деревья — их здесь так много — на лес за ними. Многие деревья лишь недавно были покрыты краской, но на большинстве уже почти выцвели узоры, нанесенные в память о тысячах ушедших поколений.

Я до сих пор не могу понять, что меня так сильно во всем этом привлекает. Как это грубое, примитивное, *непередовое* искусство может казаться таким живым, современным, проникновенным.

И при этом абсолютно чуждым. Возможно, что это просто акт поминовения усопших, в то время как у моего народа не принято скорбеть, горевать, вспоминать тех, кто уже никогда не станет частью будущего, ведь это является образцом самого глупого и отсталого мышления.

Но тем не менее эти раскрашенные деревья продолжают притягивать меня, и они по-прежнему здесь; Цки всегда был главным препятствием, не позволявшим мне спокойно в полной мере насладиться их видом. Впрочем, теперь, без офти, все будет иначе, теперь они наши. Мои.

При мысли об этом я испытываю чувство гордости и облегчения, а также глубокого стыда, которое накрепко засело в глубине моей души. Вина — отсталое чувство, и я отрицаю стыд, даже если мне и не удается от него полностью избавиться. Вместо этого я обнаруживаю, что чем больше я изучаю деревья, тем больше мне кажется, что узоры на них насмехаются надо мной, навсегда скрывшись от моего понимания. Вероятно, Цки специально пошел за мной и заставил убить себя, так как знал, что подобным образом лишит меня возможности разгадать их смысл.

Но самое ужасное — это незавершенный мемориал на дереве Сейе. Я должен был остаться здесь

в тот день и заставить Цки вернуться к работе, закончить это последнее дерево, чтобы оно было завершено, и тогда я ушел бы удовлетворенный тем, что ничего не пропустил и не потерял. Но теперь оно изуродовано, как был изуродован и Цки, который виноват в том, что так случилось.

Ну что же, пора двигаться вперед.

Я не переоделся и не оставил свои вещи у ворот; я не боюсь принести с собой микроорганизмы, которые навредят тому, что и с функциональной, и с административной точки зрения уже мертво. Я достаю из сумки синюю краску, которую сделал в одной из наших лабораторий по автоматическому воспроизводству. Сравнив ее с синей краской Цки на листе, я вижу, что моя — темнее и совсем другого оттенка. Но она достаточно похожа на оригинал! Синий — это синий. Я наношу ее на пальцы и втираю в дерево Сейе, прижимаю кончики пальцев к царапинам, сделанным Цки, пока, наконец, тяжело дыша от напряжения, не отхожу назад, чтобы восхититься своим достижением.

Я вижу только грязь, мешанину красок, лишенную какой-либо художественной ценности.

Я несколько раз глубоко вздыхаю, а затем возвращаюсь к работе и пробую еще раз, на этот

раз использую ногти, а не подушечки пальцев, пытаюсь вести ими непрерывно вдоль линий, стараюсь понять, как это нужно делать. Я обдираю ногти и несколько капель крови попадает в мою банку с краской, прежде чем окончательно сдаюсь и отхожу в сторону, видя, что все еще больше испортил.

Я не понимаю, как я — *я!* — не сумел справиться с такой простой задачей, которую так легко постигло и исполняло какое-то вымершее животное, обитавшее на холме среди травы?! Самонадеянность высшего существа подвела меня, я думал, что потренировавшись на дереве Сейе, я смогу напоследок раскрасить и дерево Цки, и никто никогда не узнает, что это был я. И таким образом я оставлю свой след, и люди, которые придут сюда много поколений спустя, будут вспоминать *меня*, пусть и не зная, что это сделал я. И тогда я перестану быть безликим зубцом на шестеренке, которая непрерывно крутится вперед, вместе со всеми остальными, сопротивляясь отсталости, а стану зафиксированной точкой в пространстве и времени.

В эту секунду я чувствую, что смог лишь обессмертить свою глупость, навеки сведя на нет все, чего я действительно достиг, все, чего добился,

превратив это в насмешку. В ярости на себя, на Цки за то, что вынудил меня так поступить, на целую планету, я отбрасываю банку с краской. Я закрыл ее, но она так удачно (или неудачно?) ударяется о камни и рассыпается на осколки, что капли краски летят во все стороны: не только на тот кошмар, в который я превратил дерево Сейе, но и на остальные деревья.

— Нет! — громко кричу я и падаю на колени в умирающую траву. Ярость и гнев полностью поглощают меня.

Джоэсла стоит неподвижно, с трудом сдерживая желание начать переступать от нетерпения с ноги на ногу, и ждет, когда явятся остальные члены Совета. Она пришла рано, но не раньше всех. Банад уже здесь, он прижимает к груди планшет с отчетом, как будто стремится защитить свои амбиции от ее осуждающего взора. Джоэсла приготовила свои аргументы, чтобы поддержать Авеля на случай, если его проект окажется недостаточно убедительным в сравнении с тем, что предложит Банад. «Так много всего уже безвозвратно утрачено, — думает она, — но я должна спасти хотя бы частичку того, что еще осталось».

Один за другим появляются остальные, и все хранят молчание. Ей хочется думать, что это

происходит от осознания того, какой непростой день ждет их впереди.

Точно по расписанию двери снова раскрываются, и появляется Мотас. Обычно он вышагивает тяжелой, невыносимо официозной поступью, но сегодня он двигается довольно быстро, и есть в его лице нечто особенное, непривычное. Пока Джоэсла пытается разобраться в его поведении и понять, какие новости это может предвещать, она обращает внимание еще на одну деталь: его руки по необъяснимой причине покрыты синей краской.

— Мотас… — начинает она свой вопрос, но он морщится, услышав свое имя.

За его спиной появляется Таусо — последний из членов Совета. Он вбегает в зал, тяжело дыша, его лицо раскраснелось и покрыто потом, в то время, как лицо Мотаса бледно.

— Роща офти! — кричит он. — Она в огне! Это поджог! Весь лес полыхает!

Все оборачиваются, когда раздается звонок, возвещающий о начале заседания. Сквозь двери за спиной Таусо в комнату проникает едкий запах дыма, и этот призрак с важностью незваного гостя, явившегося изобличить убийцу, словно саван, окутывает собой дрожащего Мотаса.

Карин Тидбек[16]

*Карин Тидбек (*karintidbeck.com*) живет в Швеции в городе Мальмё, пишет рассказы, романы и сценарии для интерактивных квестов на шведском и английском. Ее литературный дебют состоялся в 2010 году, когда она выпустила сборник рассказов на шведском языке* — Vem är Arvid Pekon? *(«Кто такой Арвид Пекон?»). Ее дебютный сборник на английском языке «Джаггернаут», вышедший в 2012 году, принес ей «Премию Кроуфорда», был включен в шорт-лист «Всемирной премии фэнтези» и в почетный список «Премии Джеймса Типтри-младшего». Ее роман* Amatka *(«Аматка») в 2018 году вошел в шорт-листы премий «Локус» и «Prix Utopiales». Недавно писательница выпустила свой новый роман* — The Memory Theater *(«Театр памяти»).*

---

[16] Примечания: 16

© Karin Tidbeck, 2019; © пер. Н. Нестеровой, 2020.

Последний вояж Скибладнир

В пассажирской каюте что-то сломалось. Сага со всех ног спешила по узким коридорам и лестницам, ведущим вниз, но стюард Аавит все равно выразил свое недовольство, когда она пришла.

— Вы здесь, — сказала он, щелкая своим клювом. — Наконец-то.

— Я старалась побыстрее, — начала оправдываться Сага.

— Вы слишком медлительны, — заметил Аавит и резко развернулся к ней спиной, так что мелькнули шпоры на его ногах.

Сага последовала за стюардом через комнату отдыха, где несколько пассажиров коротали время за настольными играми, чтением книг и игрой в бильярд. Сегодня почти все они были людьми. У «Скибладнир» не было окон, но стены в пассажирских отсеках украшали причудливые виды. Там был сосновый лес, где с деревьев, словно фрукты, свешивались блестящие сферы; утес над бушующим океаном; пустыня, где солнечные лучи нещадно опаляли песок. Саге нравилось рассматривать эти картины, когда она спускалась вниз по каким-то делам. Наверху стены ничем

не украшались.

Сагу вызвали починить что-то в одной из маленьких кают. Панель техобслуживания рядом с кроватью была открыта, из нее свешивался клубок проводов. Электричества в каюте не было.

— Кто это сделал? — спросила Сага.

— Возможно, пассажир, — ответил Аавит. — Просто почините.

Когда стюард ушел, Сага осмотрелась. Судя по всему, здесь путешествовал настоящий педант: почти все личные вещи были убраны. Сага заглянула в один из шкафчиков и увидела аккуратно сложенную одежду, а сверху — шляпу. В маленьком деревянном ящичке лежали предметы, похожие на дешевые сувениры: брелок для ключей, снежный шар, бусины на цепочке. Открытая панель явно выбивалась из общей картины.

Сага посветила фонариком на безобразие, творившееся за открытой дверцей. За проводами лежал предмет, напоминающий толстую трубку. Из-за нее провода и вывалились наружу. Сага проверила и убедилась, что ни один из проводов не был разорван, затем просунула палец внутрь и коснулась трубки. Она была теплой и слегка прогнулась под нажатием. В трубке ощущался замедленный пульс «Скибладнир». Сага убра-

ла руку. Странно, что фрагмент «Скибладнир» оказался внизу, в каюте, он не должен был находиться здесь. Она снова закрепила все провода, убрала их на место, закрыла дверцу и заклеила ее скотчем. Ничего другого ей не пришло в голову. Ее основная работа заключалась в том, чтобы закреплять оторвавшиеся детали и заклеивать их скотчем.

Послышался сигнал к отбытию, нужно было пристегнуться. Сага поднялась наверх, в свою каюту в отсеке техобслуживания. Воздух здесь был влажным и теплым. Но, несмотря на жару, когда Сага делала выдох, изо рта у нее иногда появлялись густые облачка пара. В этом заключалась одна из особенностей «Скибладнир», она была как-то связана с тем, что происходило снаружи, когда корабль плыл среди измерений.

На нижних этажах находились пассажирские и грузовые отсеки, все остальное занимало тело «Скибладнир». Каюта Саги располагалась прямо над пассажирскими отсеками, чтобы она могла быстро спуститься в любую из кают и починить какую-нибудь поломку. Поломок было много. «Скибладнир» была уже старой. Электричество работало не везде, время от времени засорялся водопровод. Процесс самозаполнения цистерн в

трюме происходил нерегулярно, и грузовую палубу периодически затапливало. Иногда корабль отказывался перерабатывать мусор и оставлял его гнить в мусоропроводах, тогда Саге приходилось собирать его и выбрасывать при следующей посадке. Когда Саге не нужно было что-нибудь чинить, она проводила время в своей каюте.

Маленькая комнатка служила ей и спальней, и гостиной, здесь были койка, небольшой стол и стул. На столе стоял маленький пузатый телевизор с окошком для видеокассет внизу. На закрытой полке над столом хранилось двенадцать видеокассет с двумя сезонами сериала «Станция «Андромеда»». Их оставил здесь тот, кто работал до нее.

Сага легла на кровать и пристегнулась. Корабль сильно качнуло. Затем со стоном он преодолел барьер и свободно поплыл в вакууме, тогда Сага встала с кровати. Когда она первый раз оказалась на корабле, Аавит объяснил ей все, хотя кое-что она не до конца поняла. По его словам, корабль проникал в океан, который находится под другими мирами, и плыл по нему до пункта назначения. Точно так же тюлени плавают от одного отверстия во льду до другого, время от времени выныривая на поверхность, чтобы

подышать воздухом, объяснил ей Аавит. Сага никогда не видела тюленей.

«Станция «Андромеда»» заглушила гудение корабля, путешествующего между мирами, и в какой-то момент ей показалось, что она снова вернулась к нормальной жизни. Да, сериал на самом деле был дурацким, в нем рассказывалось о космической станции, которая стала центром дипломатических встреч, регулярно подвергалась нашествию инопланетных рас или становилась ареной для внутренних конфликтов и так далее и тому подобное. Но он напоминал Саге о доме, о том, как она смотрела телевизор с друзьями, пока не продала себя и не стала обслуживать круизный лайнер. Здесь не было ни телефонов, ни компьютеров, поэтому сериал стал ее единственным развлечением.

Сезон 2, эпизод 5: «Знакомый дьявол».

На станции появляются представители расы, имеющие зловещее сходство с демонами из человеческой мифологии. Сначала все приходят в ужас, пока капитан не узнает, что эти «демоны» – большие поклонники поэзии и общаются с помощью эпитетов и метафор. Вско-

ре после этого находящиеся на станции поэты выступают в роли переводчиков и заключают торговое соглашение.

Во сне гудение «Скибладнир» напоминает тихую песню. Саге, как всегда снилось, что она летела сквозь космос, который на самом деле даже не являлся космосом, кружилась в вихрях и потоках, и со всех сторон ее окружали цвета, да такие, что она не могла описать словами. Ее охватывала дикая невыразимая радость. И она проснулась, обливаясь потом и переполненная неведомыми эмоциями.

В следующем пункте прибытия Сага вышла из корабля, чтобы помочь инженеру Новику осмотреть корпус корабля. Корабль «Скибладнир» материализовался на конструкции, напоминавшей неглубокую тарелку под пурпурным небом. Песчаная почва была усеяна ракушками и скелетами рыб. Сага и Новик пробрались сквозь поток пассажиров, которые садились на корабль и сходили с него; портовые рабочие тащили к шлюзам какие-то ящики.

Сага один раз видела прибытие «Скибладнир», когда она в первый раз приступила к работе на корабле. Сначала ничего не было, а потом вдруг

появился корабль — тяжелый и прочный, и казалось, что он находился здесь все это время. Со стороны корабль напоминал высокое узкое офисное здание. Бетон был весь во вмятинах и прожилках, а все окна закрывали стальные пластины. Из крыши, словно стебли растения, торчали клешни и ноги «Скибладнир» и легко покачивались на неосязаемом ветру. У здания не было ни окон, ни дверей, единственным входом служили главные ворота, через которые все и проходили. Из шлюзового отсека в фойе нужно было спуститься по лестницам, чтобы попасть на пассажирскую палубу. Саге же нужно было подняться по винтовой лестнице, которая вела в машинный отсек и служебные помещения.

Новик отступил на несколько шагов назад и принялся рассматривать корпус корабля. Он был высоким бородатым мужчиной в синей спецовке. За пределами корабля он выглядел чуть менее импозантным, чем в его чреве. Он повернулся к Саге. При дневном свете его серые глаза казались почти прозрачными.

— Вот здесь, — сказал он, указывая на участок в двух ярусах над ними. — Нужно быстренько подлатать тут.

Сага помогла Новику настроить лифт, который

находился сбоку корабля, и поворачивала рукоятку лебедки до тех пор, пока они не добрались до поврежденного участка. Это была всего лишь маленькая трещина, но достаточно глубокая, чтобы сквозь нее Сага смогла увидеть нечто, напоминающее кожу. Новик, кряхтя, заглянул внутрь, после чего поручил Саге держать ведро, а сам стал замазывать трещину толстым слоем шпаклевки.

— Что там внутри? — спросила его Сага.

Новик похлопал рукой по бетону.

— Ну все, — сказал он. — Теперь ты снова в безопасности, моя дорогая.

Он повернулся к Саге.

— Она постоянно растет. И совсем скоро это может привести к проблемам.

Сезон 2, эпизод 8: «Неестественные отношения».

У одной из женщин-офицеров на станции завязываются отношения с представителем силикатной инопланетной формы жизни. Однако их любовь обречена: офицер входит в биосферу своего возлюбленного и снимает свой дыхательный аппарат, чтобы заняться любовью.

Через две минуты она погибает.

Той ночью Саге приснилось силикатное существо: оно было похоже на паутину, а его голос напоминал шум волн, разбивающихся о берег. Оно пело ей; Сага проснулась еще до того, когда должно было закончиться ее время для сна, и все еще слышала песню. Она приложила руки к стене. Бетон был теплым.

Ей всегда хотелось пережить какие-нибудь приключения. Она мечтала об этом с детства. Пересматривала телесериалы вроде «Станция «Андромеда»» или «Рубеж Сириуса» и фантазировала о том, что однажды станет астронавтом. Она интересовалась, что нужно делать, чтобы воплотить свою мечту в реальность. Для этого требовалось много и усердно работать, учиться, достичь умственного и физического совершенства. Но Сага не обладала всеми этими качествами. Она просто умела чинить разные предметы. Космос так и должен был остаться для нее лишь далекой мечтой.

Появление кораблей-крабов прервало борьбу за внешний космос. Эти корабли путешествовали не через космос, а в каком-то другом измерении, находившемся между мирами. Сначала возникла

паника, но когда она утихла и были преодолены языковые барьеры, произошло подписание торгового соглашения и налажены дипломатические связи. Одаренные, богатые и амбициозные отправились на этих кораблях в далекие края. А люди вроде Саги продолжали жить и мечтать, что однажды они тоже покинут свой дом.

Затем один из кораблей-крабов материализовался в деревне Саги. Вероятно, случайно, из-за ошибки в навигации. Из корабля вышла команда и вывела какого-то парня, который упал на землю, кашляя и давясь. Длинноногое существо с птичьим клювом, говорившее со странным резким акцентом, спросило у собравшихся людей, умеет ли кто-то из них чинить разные предметы. Сага вышла вперед. Высокий человек в синей спецодежде посмотрел на нее своими холодными серыми глазами.

— Что ты умеешь делать? — спросил он.

— Все, что понадобится, — ответила Сага.

Мужчина взглянул на ее мозолистые руки, на полное решимости лицо и кивнул.

— Ты подойдешь, — сказал он. — Ты подойдешь.

Сага едва успела попрощаться с родными и друзьями, а затем прошла через ворота, ни разу

не оглянувшись назад.

Со временем вся эта магия потеряла свое очарование. Теперь это было просто ее работой: чинить электропроводку, заклеивать скотчем люки, время от времени выбрасывать мусор, когда засорялась канализация. Здесь постоянно все ломалось. Изо всех кораблей, которые путешествовали между мирами, «Скибладнир», возможно, был самым старым и ветхим. К тому же он не летал в какие-нибудь интересные места, только в пустыни, маленькие города и на острова, находившиеся вдали от цивилизации. Стюард Аавит часто жаловался, что он достоин лучшей работы. Пассажирам не нравились условия проживания и невкусная еда. Единственным, кого все устраивало, был Новик. И он называл краба не «оно», а «она».

Во время следующих остановок перебои с электричеством случались все чаще и чаще. Каждый раз живые трубки переплетались с проводами, и это приводило к замыканию. Сначала это происходило только на верхнем пассажирском уровне. Затем проблема возникла на другом уровне. Как будто «Скибладнир» пыталась заполнить собой весь корпус. Раньше это были только щупальца. Затем Сагу позвали вниз починить

электропроводку в одной из пассажирских кают, где лампочка на потолке начала мигать. Она открыла панель техобслуживания и увидела, что на нее смотрят глаза. Зрачки были большими и круглыми, а радужная оболочка — красной. Глаза глядели на нее с интересом. Она махнула перед ними рукой. Глаза отследили ее движение. Аавит говорил, что «Скибладнир» — просто тупое животное. Но глаза, смотревшие на Сагу, не казались ей тупыми.

Сага поднялась наверх, прошла мимо своей каюты и постучала в дверь инженерного отсека. Она долго ждала, пока дверь, наконец, открылась. Инженер Новик нагнулся и выглянул из-за двери. Его лицо было вымазано чем-то темным.

— Что тебе нужно? — спросил он, но его голос не был злобным.

— Кажется, что-то произошло, — ответила Сага.

Новик последовал за ней вниз в пассажирскую каюту и заглянул в щиток.

— Это серьезно, — проворчал он.

— Что это? — спросила Сага.

— Поговорим потом, — сказал Новик и пошел прочь.

— Что мне делать? — крикнула ему вслед Сага.

— Ничего, — ответил он, не оглядываясь.

Новик не закрыл за собой дверь в капитанскую рубку. Сага остановилась около нее и стала слушать. Она никогда не видела капитана — та все время сидела в своей рубке и выполняла свою капитанскую работу. Саге только доводилось слышать ее глухое контральто.

— Нам нельзя рисковать, — сказала из-за двери капитан. — Может, удастся еще какое-то время продержаться? У вас есть возможность оборудовать еще несколько кают? Получится немного расшириться?

— Этого будет недостаточно, — ответил Новик. — Она скоро умрет. Послушайте, я знаю место, где мы можем найти новый панцирь.

— И как вы собираетесь это сделать? Это же неслыханно! Оно живет здесь с юных лет и умрет здесь же. Только дикие крабы способны менять панцири.

— Я смогу убедить ее в необходимости перемен. Я в этом уверен.

— И где это место?

— В заброшенном городе, — ответил Новик. — Это нам не по пути, но мы должны полететь туда.

— Нет, — возразила капитан. — Лучше прода-

дим его. Оно не переживет подобный обмен, и я буду разорена. Если это существо так разрослось, я должна продать его тому, кто сможет разобрать его на части.

— Послушайте, это ее единственный шанс, — сказал Новик. — Пожалуйста, не отдавайте ее какому-нибудь мяснику.

— Вы слишком привязались к нему, — возмутилась капитан. — Я продам его, а на вырученные деньги куплю новый корабль. Нам снова придется начинать с малого, но мы уже это проходили.

Сезон 1, эпизод 11: «Туземцы неспокойны».

На нижнем уровне станции «Андромеда» обитают неимущие: авантюристы, которые не нашли то, чего искали; купцы, которые потеряли свой товар; наркоманы и несостоявшиеся пророки. Они объединяются под началом лидера, обещающего свергнуть режим станции. Они просачиваются на верхние уровни, убивая и грабя всех на своем пути. Охрана стреляет в них. Посреди всей этой резни встречаются капитан станции и лидер повстанцев. «И это того стоило?»

– спрашивает капитан. «Это всегда того стоит», – отвечает бунтовщик.

Сага спала, когда в ее дверь постучали. На пороге стоял Новик, его лицо было встревоженным.

— Пора тебе увидеть ее, — сказал он.

Они пошли по длинному коридору из каюты Саги в инженерный отсек. Ей показалось, что пространство стало меньше, чем прежде, как будто стены приблизились друг к другу.

Когда Новик открыл дверь в конце коридора, в лицо ей ударил теплый воздух и запах меди.

Сага представляла себе, что окажется в огромной темной пещере. Однако Новик провел ее через лабиринт из труб и проводов разной толщины, которые переплетались с какими-то усиками, состоящими из сероватой субстанции и похожими на те, что она находила в электрощитах внизу. По мере того как они шли вперед, усики становились все толще: они начали напоминать веревки, а затем и кабели. Коридор все сужался, и, в конце концов, пространство стало таким узким, что Новику и Саге приходилось передвигаться боком.

— Вот здесь, — сказал Новик, и внезапно коридор расширился. В машинном отделении виднелись какие-то очертания — они не были

освещены, и их форма просматривалась лишь смутно. Изгибы серой субстанции, на которой поблескивал переплетенный с ней металл. Пол затрясся от трех медленных ударов. Затем послышался влажный звук, как будто что-то зашевелилось.

— Это она, — сказал Новик. — Это — Скибладнир.

Он осторожно взял руку Саги и положил ее на серый выступ. Субстанция под ее пальцами была теплой, и она пульсировала: один-два-три, один-два-три.

— Здесь я с ней взаимодействую, — объяснил Новик.

— Взаимодействуете? — удивилась Сага.

— Да. Мы разговариваем. Я сообщаю ей, куда плыть. Она рассказывает мне, что она чувствует. — Новик нежно похлопал по серой коже. — В последнее время ей нездоровится. Она выросла слишком большой для своего панциря. Но она не рассказывала мне, насколько плохо обстоят дела. Я все понял, когда ты показала, как сильно она проросла в пассажирскую палубу.

Один-два-три, один-два-три — стучал пульс под рукой Саги.

— Я знаю, что ты подслушивала, — продолжал

Новик. — Капитан и стюард хотят отдать ее кому-нибудь на мясо. Она старая, но не настолько старая. Мы еще можем найти для нее новый дом.

— Я могу пообщаться с ней? — спросила Сага.

— Она говорит, что ты уже делала это, — ответил Новик.

И Сага услышала его: голос, похожий на шум разбивающихся о берег волн, голос, который она уже слышала во сне. Перед ее глазами тут же возник бескрайний океан, а она плыла в нем сквозь тьму от одного острова к другому. Вокруг нее был панцирь, слишком тесный, неудобный. Все ее тело болело. Ее конечности и усики распухли и затекли.

Новик положил ей руку на плечо, и это заставило Сагу вернуться в моторный отсек.

— Вот видишь? — спросил он.

— Мы должны спасти ее, — сказала Сага.

Новик кивнул.

Они остановились на краю большого захламленного города под темным небом. Вокруг была пустыня, усеянная обломками старых кораблей: конструкции вроде панциря «Скибладнир», растрескавшиеся цилиндры, сломанные диски и пирамиды.

Они высадили всех пассажиров и полностью

разгрузились еще на предыдущей остановке. Остался только костяк команды: капитан, стюард, Новик и Сага. Они собрались в шлюзовом отсеке фойе, и Сага впервые увидела капитана. Она была высокой и вся состояла из теней и странных углов, а ее лицо казалось настолько подвижным, что Саге никак не удавалось толком рассмотреть ее. И о том, что перед ней женщина, она догадывалась только по ее тихому контральто.

— Пора встретиться с механиками, — сказала капитан.

Новик сжимал и разжимал кулаки. Аавит косился на него холодным взглядом и щелкал клювом.

— Вы должны понять, что это самое благоразумное решение, — сказал он.

Воздух стал холодным и разреженным. Новик и Сага надели маски, Аавит и капитан не стали этого делать. Плащ капитана задрожал на ледяном ветру, который поднял в воздух облако мелкой пыли.

Среди развалин стояло приземистое офисное здание. Когда они приблизились к нему, двери раздвинулись. Внутри была маленькая комната, загроможденная каким-то оборудованием. Воздух здесь был теплее. В противоположной

стороне комнаты открылась еще одна дверь, и капитан направилась к ней. Когда Сага и Новик попытались последовать за ней, Аавит поднял руку вверх.

— Ждите здесь. — Его голос был едва слышен в разреженной атмосфере.

Дверь закрылась за ними.

Сага посмотрела на Новика, а он — на нее. Затем он кивнул. Они развернулись и побежали к «Скибладнир».

Пока они бежали, Сага время от времени оглядывалась. Они были уже на полпути к кораблю, когда она увидела, что капитан вышла из офисного здания — издали она напоминала большой комок измятой ткани, который передвигался по земле волнообразными и невероятно быстрыми движениями. Сага бросилась бежать со всех ног.

Едва они забежали внутрь, как Новик с грохотом захлопнул за собой двери и, повернув большое колесо, заблокировал их. Они ждали, казалось, целую вечность, пока откроется воздушный шлюз. Что-то тяжело ударялось в дверь снова и снова, и эти удары всякий раз заставляли их вздрагивать. Наконец, воздушный шлюз открылся. Новик сорвал маску. Его лицо было бледным и мокрым от пота.

— Они все равно найдут способ сломать двери, — сказал он. — Мы должны действовать быстро.

Сага последовала за ним вверх по винтовой лестнице через коридоры в машинный отсек. Пока она стояла, упершись руками в колени, и пыталась отдышаться, Новик подошел вплотную к серой массе Скибладнир и уткнулся в нее лицом. Она со вздохом окутала его. Завыла сирена — это был сигнал к отлету.

Сага впервые оказалась непристегнутой во время перехода через барьер. Пол вдруг накренился, и она полетела прямо на серую стену. Стена была липкой и теплой. У Саги заложило уши. Пол наклонился в другую сторону. Ее отбросило к другой стене, и она ударилась носом обо что-то твердое. Затем пол снова стал горизонтальным. Скибладнир вошла в вакуум между мирами.

Сага осторожно пощупала свой нос. Из него текла кровь, но он не был сломан. Новик отошел от стены. Он посмотрел на Сагу через плечо.

— Теперь тебе придется выполнять обязанности капитана, — сказал он.

— Что? — спросила Сага.

— Вот так здесь все устроено. Ты будешь прокладывать маршрут по карте, а я — вести ее.

— Что мне нужно делать?

— Ступай в капитанскую рубку. Там есть карта. На карте — город. Он находится на одном из нижних уровней. Полностью заброшен. Высокие шпили. Ты увидишь его.

Сага подошла к капитанской рубке. Дверь оказалась открытой. Внутри комната была заполнена странными предметами. Различного размера сферы свешивались с потолка, лежали на полу или были закреплены на колышках-подставках. У некоторых сфер были маленькие спутники. Одни — полосатые, другие — в крапинку, третьи — темные. В пространстве между ними находились светящиеся спирали, которые, казалось, просто висели в воздухе и не были к чему-либо прикреплены. Ближе к центру комнаты был подвешен прямоугольный предмет, напоминавший крошечную модель Скибладнир.

Из динамика на потолке послышался треск, а потом зазвучал голос Новика:

— Зайди внутрь карты. Дотронься до сфер. И ты все увидишь.

Сага осторожно вошла внутрь. Спирали слегка били током, когда она задевала их, и хотя казалось, были сделаны из тонкой паутины, прекрасно держали форму. Сага положила руку на одну из сфер, и в голове у нее возник образ ост-

ровов в зеленой воде. Красное солнце освещало бледные деревья. Она дотронулась до другой сферы, которая свисала с потолка, и увидела шумный ночной город, какие-то фигуры сновали между домами, а в небе сияли две луны. Она трогала одну сферу за другой и видела бескрайние пустыни, города, леса, деревни. «На нижнем уровне», — сказал Новик. Сага присела на корточки и стала трогать маленькие планеты, которые были разбросаны по полу, словно шарики. В дальнем углу лежала темная сфера, которая была чуть больше остальных. Она коснулась ее и сразу же увидела город в предрассветных лучах. Там было тихо и безлюдно. Высокие белые шпили поднимались в небо на горизонте. Темнота, никого на улицах, а некоторые шпили сломаны.

— Похоже, я нашла его, — сказала она вслух.

— Хорошо, — отозвался через переговорное устройство Новик. — Теперь проложи курс.

Сага встала, стараясь не задевать наэлектризованные спирали. Она прошла в центр комнаты, где находилась Скибладнир, казалось, просто висевшая в воздухе.

— Как? — спросила она.

— Просто начерти его, — ответил Новик.

Сага дотронулась до Скибладнир. Она отозва-

лась тихим звоном. Сага провела пальцами по воздуху. Ее палец оставил яркий след. Она проследовала по комнате, осторожно обходя светящиеся спирали, пока не добралась до сферы на полу. Когда она коснулась сферы, снова послышался звон. След, оставленный ее пальцем, словно застыл.

— Хорошо, — сказал Новик через громкоговоритель. — Следую заданным курсом.

Сага бродила по пустому кораблю. Она не знала, насколько продолжительным будет путешествие, но, судя по тому, что на карте им предстояло переместиться из центра в самый дальний угол, возможно, что путешествие предстояло долгое. Она вернулась в машинный отсек, но дверь оказалась заперта. Что бы там ни делал Новик во время общения со Скибладнир, он не хотел, чтобы его беспокоили.

В центральной двери в фойе виднелись большие вмятины, но сломать ее так и не удалось. Капитан очень хотела ворваться внутрь. Пассажирские каюты были пустыми. В комнате отдыха с бильярдного стола попадали шары и раскатились по полу. В столовой оставалась еда; Сага достала из шкафчика с человеческой едой хлеб с сыром, а потом вернулась в свою каюту и стала ждать.

Финал 2-го сезона: «Мы всегда мечтали обо всем».

Станцию закрывают из соображений экономии; Земля урезала финансирование, так как руководство станции отказалось поддерживать их политику, враждебную по отношению к инопланетянам. Другие расы также не изъявили желания оплачивать счета, так как они создали свои станции. Далее следует душераздирающая сцена, в которой капитан идет по станции и вспоминает прежние события. Эпизод заканчивается тем, что капитан на шаттле покидает станцию. Заканчивается целая эра. Штурман-пришелец кладет свою когтистую лапу на плечо капитана – открывается новая станция, и капитана с радостью примут там. Но то место уже никогда не будет похоже на Землю. И никогда не станет настоящим домом.

«Скибладнир» прилетела на площадь в центре города. Воздух здесь был теплым и пригодным для дыхания. Высокие шпили взмывали в небо. Земля под ногами растрескалась, через трещины

пробивались растения. Новик вышел первым. Он положил руки на бедра и обвел взглядом площадь. Кивнул своим мыслям.

— То, что нужно, — сказал он. — То, что нужно.

— Что теперь будет? — спросила Сага.

— Будем стоять и ждать, — ответил Новик. — Скибладнир знает, что делать. — Он жестом велел Саге следовать за ним.

Они сели на краю площади в отдалении от Скибладнир. Сага положила на землю свои сумки. Она взяла с собой немного: только одежду, чуть-чуть еды и первый сезон «Станции «Андромеда»». Возможно, ей удастся найти где-нибудь новое устройство для проигрывания кассет.

Ожидание затянулось. Новик почти ничего не говорил; он сидел, скрестив перед собой ноги, и смотрел на шпили.

* * *

В сумерках стена Скибладнир треснула. Сага поняла, почему Новик предложил им сесть в отдалении; огромные куски бетона падали так, что дрожала земля, а сама конструкция дергалась и вибрировала. Щупальца, которые волнами спускались вниз из потрескавшейся крыши, напряглись и задрожали. Они, казалось, стали

еще длиннее. Стены упали, стальные оконца отвалились, и Скибдладнир медленно выбралась из своего панциря. Она выползла из крыши, таща за собой большие куски бетона. Сага ожидала, что она опустится на землю с жутким грохотом. Однако не услышала ни звука.

Освободившаяся от своего дома Скибладнир выглядела жутковато и поразительно. Ее тело было длинным и извилистым, многочисленные глаза блестели в свете звезд. Некоторые из ее щупалец казались сморщившимися и бесполезными. А еще Сага заметила на Скибладнир отдельные участки, которые были не такими гладкими, как остальное ее тело, кожа на них высохла и потрескалась. Из длинных царапин на ее теле сочилась какая-то жидкость.

Сидящий рядом с Сагой Новик издал какой-то приглушенный звук. Он плакал.

— Ступай, любимая, — прошептал он. — Найди себе новый дом.

Скибладнир ощупывала дома, стоявшие вокруг площади. Наконец она обвилась вокруг самого высокого из них — блестящего строения со спиральной крышей. Стекло сыпалось на землю, когда щупальца Скибладнир проникали сквозь окна, помогая ей подтянуться наверх. С оглуша-

ющим грохотом она стала пробираться внутрь через крышу. В один из моментов, когда Скибладнир держала свое тело на щупальцах, она едва не опрокинулась назад и не упала. Затем со звуком, похожим на вздох, она погрузилась внутрь здания. Сага слышала, как крошился бетон, пока тело Скибладнир заполняло собой здание. Наконец шум стих. Щупальца Скибладнир свесились вдоль стен, словно вьющиеся растения.

— И что теперь? — спросила Сага.

Она искоса посмотрела на Новика. Он улыбнулся ей.

— Теперь она свободна, — сказал он. — Свободна отправиться туда, куда ей хочется.

— А что будет с нами? — поинтересовалась Сага. — Куда нам теперь идти?

— С ней, конечно, — ответил Новик.

— Там нет карты, — возразила Сага. — Никаких ориентиров, чтобы проложить маршрут. А все оборудование? Ваш моторный отсек?

— Все это было нужно лишь для того, чтобы заставлять ее летать туда, куда хотелось нам, — объяснил Новик. — Теперь в этом нет необходимости.

— Погодите, — сказала Сага. — А как же я? Что, если я хочу вернуться домой?

Новик приподнял брови.

— Домой?

Холодок пробежал по спине Саги.

— Да, домой.

Новик пожал плечами.

— Может быть, она залетит туда. Никто не знает, на что она способна. Пойдем.

Он встал и направился к Скибладнир и ее новому панцирю. Сага осталась сидеть на земле. Ее тело онемело. Новик подошел к входу в здание, дверь открылась, и он исчез внутри.

Сезон 1, эпизод 5: «В свободном полете».

Жена капитана погибает. Она выходит в открытый космос из частного шаттла, чтобы изучать космическое пространство. Но в какой-то момент на шаттле происходит авария. Капитан видит, как она дрейфует среди звезд. Кислород вот-вот закончится. В этот момент капитан осознает, о чем его жена думает в последние секунды своей жизни, и передает это прощальное послание коллегам: «Простите меня за то, что я сделала, и за то, чего не сделала.

Ведь я поступала так, как считала правильным».

Жизнь на новой Скибладнир протекала сумбурно. Новик почти все время общался со Скибладнир, заглядывая в один из ее больших глаз в коридоре, который находился в центре здания. Сага большую часть времени исследовала новый дом. Когда-то здесь было нечто вроде многоквартирного здания. Ни окон, ни дверей, только лабиринты извилистых коридоров, в которых через равные промежутки располагались комнаты. Некоторые комнаты были пустыми, в других — стояли столы, стулья и кровати странных форм. В каких-то комнатах она находила стенные шкафы с разными безделушками и свитками с письменами, напоминающими плавные завитки. Саге не удалось обнаружить никаких приспособлений для приготовления еды. Она обосновалась в одной из маленьких комнаток рядом с тем местом, где Новик работал со Скибладнир. От стен исходило мягкое свечение, которое время от времени тускнело; в такие моменты у Саги выработалась привычка ложиться спать. На самой грани между сном и явью, ей иногда казалось, что она слышала голоса, говорившие на языке, в

котором было много гласных, но как только она пыталась прислушаться, голоса стихали.

Похоже, Скибладнир заботилась о Саге и Новике. Время от времени она останавливалась на окраине разных городов, чтобы Сага могла подышать воздухом и обменять найденные в здании диковинки на еду и различные инструменты. Но большую часть времени они дрейфовали между мирами. Казалось, что Скибладнир особенно нравилось плавать среди невидимых волн и водоворотов вакуума. Каждый раз, когда они останавливались где-нибудь, Сага надеялась, что ей улыбнется удача. Возможно, она найдет еще один корабль, который отвезет ее домой. Но эти планеты был слишком странными или слишком далекими. Как будто Скибладнир сознательно избегала цивилизации. Возможно, она чувствовала, что Аавит и прежний капитан охотятся за ними. Эта мысль мучила Сагу всякий раз, когда они совершали очередную остановку. Но здесь было так много миров, и никто, похоже, не узнавал их.

Сага порвала пленки с записью «Станции «Андромеда»» и повесила их на стены как гирлянды, гладила их пальцами, бормоча название каждой серии, пока Скибладнир не начинала дрожать, и тогда Сага старалась найти укрытие и пригото-

виться к преодолению очередного коридора.

И каждый переход в новый мир происходил все тяжелее и тяжелее.

— Она выдержит? — спросила Сага Новика в один из тех редких моментов, когда он вышел из своего машинного отделения, чтобы поесть.

Новик долго молчал, а затем сказал:

— Какое-то время она еще продержится.

— А что вы будете делать, когда она умрет? — спросила Сага.

— Мы уйдем вместе: я и она, — ответил он.

Однажды совершенно неожиданно Скибладнир прибыла в мир, который показался Саге знакомым. Это был не ее родной город, но он находился недалеко от тех мест, где она выросла.

Новика не было видно. Он либо спал, либо общался с кораблем. Сага спустилась вниз и входные двери открылись перед ней. У корабля собралась толпа. Человек, похожий на должностное лицо, приблизился к Саге, как только она вышла.

— Что это за корабль? — спросил он. — Его нет в нашем расписании. Вы — капитан?

— Это «Скибладнир», — сказала Сага. — Она не следует никаким расписаниям. И у нас нет капитана.

— В таком случае, — сказал чиновник, — каковы ваши цели?

— Просто путешествуем, — ответила Сага.

Она оглянулась на Скибладнир. Это был ее шанс уйти, вернуться домой. Новик вряд ли заметит ее отсутствие. Она могла снова зажить прежней жизнью. Но только чем она станет заниматься? Толпа, собравшаяся у корабля, состояла из людей. Их лица ничего не выражали, глаза были пустыми.

— У вас есть разрешение? — спросил чиновник.

— Возможно, что нет, — призналась Сага.

— Я вынужден наложить арест на корабль, — сказал чиновник. — Пригласите того, кто у вас за главного.

Сага указала на стену Скибладнир.

— Она у нас за главного.

— Это неслыханно! — возмутился чиновник. Он отвернулся и стал говорить с кем-то по рации.

Сага посмотрела на маленький город, на безликую толпу, на хмурого чиновника.

— Хорошо. Я — капитан, — сказала она. — И мы улетаем.

Она развернулась и пошла обратно к Скибладнир. Двери раскрылись, принимая ее. Вестибюль

внутри пульсировал жизнью. Она положила руку на стену.

— Полетели, — сказала Сага. — Куда ты захочешь.

> *Пилотный эпизод: «Один маленький шаг».*
>
> *Новый капитан прибывает на станцию «Андромеда». Капитан знает только земную жизнь и приходит в растерянность, столкнувшись с различными обычаями и ритуалами находящихся на станции пришельцев. Все это кажется таким новым и странным. Дружелюбный уборщик проводит для капитана экскурсию по всем этажам станции. Оказывается, что уборщик работал на станции почти всю жизнь и знает все ее особенности. Увидев смущение капитана, он говорит: «Как только вы поймете, как с ней правильно наладить контакт, она сама будет заботиться о вас».*

Сага снимает со стен пленки и сворачивает их. Теперь пришло и ее время стать капитаном на своем корабле. Корабль, который движется туда, куда хочется ему, однако все равно это корабль.

Она сможет наладить торговлю. Выучить новые языки. Она умеет чинить разные предметы. У нее это всегда хорошо получалось.

Однажды Скибладнир умрет. Но до того момента Сага будет плыть вместе с ней через вакуум.

Малка Олдер[17]

*Малка Олдер (*malkaolder.wordpress.com*) — писательница, соцработник и социолог. Ее научно-фантастический политический триллер* Infomocracy *(«Информократия») был назван одной из лучших книг 2016 года по версии журнала «Kirkus Reviews», интернет-портала «Book Riot» и газеты «The Washington Post». У романа вышло два продолжения:* Null States *(«Нулевые государства») и* State Tectonics *(«Государственная тектоника»). Все три книги составили трилогию* Centenal Cycle *(«Сентенальский цикл»), которая в 2018 году получила премию «Хьюго» за лучшую серию книг. Также Малка Олдер является одним из авторов серии книг* Ninth Step Station *(«Станция «Девятый шаг»») и написала сборник рассказов* And Other Disasters *(«…и другие бедствия»). В 2015 году Малка Олдер работала старшим научным сотрудником в «Совете Карнеги по этике в международных отношениях». В настоящее время она является аффилированным исследователем в «Центре организационной социологии» при*

[17] Примечания: 17

© Malka Older, 2019; © пер. Н. Нестеровой, 2020.

«Институте политических исследований», где защитила докторскую диссертацию, исследующую динамику экстренных мер, принимаемых правительствами разных стран при ликвидации последствий катастроф. Кроме того, она более десяти лет работала в различных организациях, занимающихся оказанием гуманитарной помощи, и писала статьи для «New York Times», «The Nation», «Foreign Policy», и «NBC THINK».

Прочные фонари и лестницы

Наталья была фрилансером-бихевиористом и занималась изучением морских жителей. Обычно ее работа протекала следующим образом: она плавала вместе с головоногими в большом, но находившемся под постоянным контролем водоеме, а также анализировала невербальные сигналы, которыми они обменивались друг с другом. Наталья старалась, чтобы осьминоги и кальмары чувствовали себя как можно более непринужденно, чтобы их реакция на различные раздражители была примерно такой же, как в дикой природе. Став морским биологом, она не ожидала, что ее карьера сложится подобным образом, но, если честно, это было намного приятнее, чем заниматься вивисекцией, проводить эксперименты с электрошоком или просто изучать животных, запертых, как пленники, в крошечных резервуарах.

Эта новая работа началась немного необычно. Как правило, ей сообщали заранее, что именно представляло интерес для ее заказчиков. Иногда ей объясняли, как нужно себя вести, чтобы спровоцировать необходимое для изуче-

ния поведение; временами ей предоставляли свободу, чтобы она сама могла найти подход к испытуемым, но в любом случае это позволяло сосредоточить внимание на определенных задачах. Наталья всегда старалась, чтобы взаимодействие с головоногими носило форму игры, — если же работодатель начинал возражать, то она объясняла, что это поможет добиться более естественной реакции, чем если она будет повторять снова и снова определенный набор сигналов, — однако время проведения исследований всегда было ограничено.

На этот раз ей просто велели поиграть с осьминогом.

— Просто сделайте так, чтобы вам друг с другом было комфортно, — сказал человек, нанявший ее. — Подружитесь с ним.

Наталья кивнула и специально не стала уточнять деталей. Она старалась не сосредотачиваться на своих подозрениях относительно того, почему они так хорошо обращались с осьминогами. Возможно, такова была политика компании — заботиться о том, чтобы у их пленников было много свободного времени. *(А может быть, они творили с ними нечто особенно ужасное?)* Она уже столько раз выполняла подобную работу и

давно не верила в то, что для исследовательских лабораторий личный комфорт осьминогов был так же важен, как и Наука с большой буквы, но пыталась убедить себя, что ее деятельность скорее помогала этим животным, чем причиняла им вред. *(Возможно, для удачного проведения эксперимента осьминог должен был расслабиться, и в таком случае Наталья становилась соучастницей?)*

Вполне возможно, что в отсутствие Натальи ее работодатель пытался реализовать именно такие специфические научные интересы. Осьминог, которого она назвала Ванилью, в промежутках между их занятиями содержался в резервуаре, довольно большом, но все равно это было замкнутое пространство. Однажды Наталья приехала в центр раньше обычного и увидела, как с тела Ванили снимали электроды.

В тот день она старалась обращаться с осьминогом особенно деликатно, стараясь случайно не задеть его, пока они синхронно плавали в воде на огороженном сетью мелководье.

В этом не было ничего необычного, и присутствие электродов не обязательно указывало на какие-нибудь зловещие манипуляции. Их могли использовать и для проведения бесконтактных

исследований. К тому же Наталья давно привыкла к тому, что жизнь подопытных животных была связана с различными тяготами и лишениями. Она по-прежнему не могла избавиться от привычки давать им имена, однако перестала сообщать об этом своим работодателям, так как у некоторых это вызывало раздражение. Наталья убеждала себя, что сможет выполнить свою работу хорошо лишь в том случае, если будет в курсе всех опытов, которые проводились над животным. Но иногда это ей только мешало.

После того дня, когда она увидела электроды, атмосфера, в которой проводились ежедневные занятия, неуловимым образом изменилась. Ей по-прежнему доставляло удовольствие общение с Ванилью, и все же она начала чувствовать какую-то грусть. Наталье невольно приходили в голову мысли о том, что ее роль была чем-то похожа на ту, которую выполняют сотрудники хосписа: она дарила Ванили легкое успокоение и утешение в перерывах между теми ужасами, которые осьминог не мог предотвратить.

Поэтому Наталья так удивилась, когда Дэвид Гилкрест — один из руководителей центра — однажды встретив ее после душа, который она принимала по окончании занятия, спросил, не

желает ли она продолжить сотрудничество с ними.

— Вы хотите добавить дополнительные часы плавания? — спросила Наталья, вытирая волосы и искоса посматривая на него.

— Не совсем. То есть да, дополнительные часы тоже подразумеваются, но мы хотели бы узнать, не желаете ли вы принять непосредственное участие в нашем эксперименте.

— Каком эксперименте? — с неохотой спросила Наталья, у нее не было ни малейшего желания узнавать об ужасах, которые переживал Ваниль.

— В текущей его фазе, — начал Гилкрест, и Наталья почувствовала облегчение, что он пустился в пространные рассуждения, а не стал все выкладывать начистоту, — во время ваших заплывов вам нужно будет надевать шлем, который чем-то напоминает шлемы виртуальной реальности, но это не совсем то же самое. Разумеется, шлем водонепроницаемый, — быстро добавил он, заметив сомнение на ее лице. — Мы подсоединим к нему сенсоры, которые будут настроены на объект исследования, и вы сможете увидеть то же, что и осьминог.

— Ясно… — Наталья пыталась понять, что этот человек пытался сказать ей на самом деле. — Зна-

чит, это неврологический эксперимент?

— В какой-то степени, — ответил Гилкрест с немного озадаченным видом. — Вам ничего о нем не рассказывали?

Наталья проигнорировала его вопрос, она сама точно не могла сказать, намеренно ли она старалась не узнавать подробностей проводимых исследований, или так получалось само собою. Но она боялась того, что могла услышать.

— Так вы подсоедините меня к… к осьминогу? К его нервной системе?

— Совершенно верно! — ответил Гилкрест с некоторым облегчением в голосе. — Мы не знаем, насколько это для вас приемлемо, но нам кажется, что это значительно облегчило бы нам задачу и помогло получить более точные данные. Мы готовы дополнительно оплачивать вам еще полчаса вашей работы ежедневно, хотя, возможно, на первых порах нам понадобится гораздо меньше времени. Но разумеется, вам в любом случае будут платить как за полчаса. Так что скажете?

— Отлично, — ответила Наталья. Идея проведения неинвазивных неврологических исследований была не так уж и плоха. — Но если я почувствую, что осьминогу больно или он испытывает сильный дискомфорт из-за оборудования,

я откажусь от участия.

— Если для вас это так важно, мы постараемся, чтобы дискомфорт был минимальным, — с оскорбленным видом ответил Гилкрест, однако Наталья не испытывала ни малейшего угрызения совести из-за того, что ее слова могли обидеть кого-то из ученых. Слишком часто она сталкивалась с вопиющими поступками, которые выдавались за наиболее оптимальные варианты.

— Выглядит потрясающе, — сказала Наталья два дня спустя, примеряя водонепроницаемую гарнитуру. Шлем был чуть больше стандартной маски для подводного плавания и немного тяжелее. — Вы сами придумали дизайн?

— Э-э, нет, — признался Гилкрест, пока молодой техник ловко закреплял ремешки и провода. — Мы сотрудничаем с проектным бюро, которое занимается разработкой; их очень интересует возможность применения данной модели в промышленных масштабах. А теперь запомните: информацию, полученную от осьминога, вы будете видеть правым глазом, и это будет сильно отличаться от того, что вы увидите левым глазом. Сигналы будут поступать к вам от удивительного мозга осьминога, поэтому полученные образы могут показаться странными, но в том-то и вся

суть! Вы увидите то же, что видит осьминог, понимаете? Так, как все воспринимает он.

— … ну да? — это было не так уж и сложно понять.

— Я хочу, чтобы вы поучаствовали в небольшой тренировке. Так что успокойтесь и шагните навстречу неизведанному. Окей. — Гилкрест вздохнул, а затем робко улыбнулся. — Посмотрим, что получится?

— А какую роль в этом проекте играете вы? — спросила из любопытства Наталья. Она уже многие годы была фрилансером и совсем не скучала по проявлениям корпоративной культуры, неизбежно сопровождавшим работу при полной занятости, поэтому не испытывала никакого смущения в общении с высокопоставленным начальством.

— О. — Ее интерес был ему явно приятен, и то, что она забыла его должность после того, как он ей представился, не вызвало у него никакого раздражения. — На самом деле я здесь все организовал. Ну, то есть я и еще пара человек. Разумеется, у меня недостаточно знаний, чтобы руководить работой всех отделов, но…

В какой-то момент Наталья перестала его слушать, отчасти из-за того, что он очень много

говорил и очень долго подбирался к сути дела, а отчасти от того, что в этот момент на пляж принесли Ваниль с подсоединенными электродами. Наталья прищурилась и попыталась обнаружить у осьминога какие-нибудь признаки дискомфорта, как будто ее явное наблюдение за работой лаборантов могло как-то повлиять на их поступки.

Лаборанты вообще, казалось, не замечали ее. Но Ваниль не проявлял никаких признаков тревоги. Возможно, он уже привык к процессу.

— Вы должны войти в воду, — сказал Гилкрест, заметив, наконец, на ком было сосредоточено ее внимание. — Как только будете готовы, махните нам рукой, и мы вас подключим.

Воодушевленная Наталья поприветствовала Ваниль и, как обычно, немного поплавала вокруг осьминога. Ей стало интересно, не вызвало ли это раздражения у тех, кто сейчас в нетерпении ожидал результатов на суше. Она пыталась понять, насколько сильно волновалась сама. Наконец Наталья подняла руку в нагретый солнцем воздух и помахала ею.

Несколько секунд она сохраняла стереоскопическое зрение, а затем картинка разделилась надвое. Наталья закрыла левый глаз, решив, что

ей будет проще смотреть на мир глазами Ванили, но этот мир предстал перед ней в смутных черно-белых разводах, поэтому ей пришлось переключиться — закрыть правый глаз, открыть левый и медленно вздохнуть через регулятор, наблюдая за тем, как мимо проплыл косяк корюшек. Ваниль поймал одну рыбешку и съел ее, и Наталья не открывала правый глаз до тех пор, пока он не закончил трапезу.

Затем она осторожно подплыла к Ванили, чтобы они могли смотреть на все с одного ракурса, и открыла правый глаз.

Попытка использовать оба глаза одновременно оказалась неудачной. Она чувствовала себя окончательно запутавшейся, сбитой с толку, но и смотреть на все глазами Ванили тоже было невыносимо. Наталья видела только размытые монохромные очертания и не могла даже понять, с какой стороны что находится.

Она пыталась закрыть сначала один глаз, затем — другой, постепенно привыкая к зрению осьминога, но ничего не получалось до тех пор, пока Ваниль не начал играть с раковиной моллюска, и тогда Наталья нашла предмет, на котором можно было сосредоточиться. Ей пришлось еще несколько раз закрыть и открыть глаз, но в конце

концов Наталья смогла распознать раковину с помощью зрения Ванили: ее очертания расплывались, расплющивались, покрывались рябью. Она снова закрыла оба глаза, с силой потрясла головой, потом опять открыла правый глаз и узнала раковину.

— Вы достигли большого прогресса! — заявил босс Гилкреста — Йоханнес Кирк. Они сидели в маленькой переговорной с мощным кондиционером, из-за которого влажные волосы Натальи стали совсем холодными. — Мы не ожидали, что процесс адаптации пройдет так быстро.

Гилкрест пробормотал что-то в знак согласия.

— Я не уверена, что все понимаю до конца… — начала Наталья, но Кирк хлопнул рукой по столу.

— Конечно, эта фаза еще не завершена, но тем не менее… это просто поразительно!

— Сэр, — проговорил Гилкрест, — вы ведь помните…

— О да, разумеется. — Кирк обратился к Наталье: — Мы хотим, чтобы вы присоединились к нашей команде. Дэвид считает, и я с ним полностью согласен, что именно вы должны провести всю работу с осьминогом.

— А что вы имеете в виду под "всей работой"?

— спросила Наталья с легким раздражением в голосе.

— Ну, конечно, вам ничего не объяснили. Корпоративная этика и излишняя деликатность, ну вы понимаете. — Он широко улыбнулся. — Но мне кажется, вам это понравится. И… думаю, у Дэвида лучше получится все вам рассказать.

В присутствии босса Гилкрест держался неуверенно и намного быстрее обычного перешел к сути дела.

— Как вы сами смогли сегодня убедиться, мы нашли способ переводить электрические сигналы, получаемые от мозга осьминога, в зрительные раздражители, которые человек при определенной подготовке способен понять.

Он сделал паузу, и Наталья кивнула.

— Однако наши конечные цели намного амбициознее. — Гилкрест посмотрел на Кирка. — Наши исследователи считают, что могут найти различие между деятельностью мозга, основанной на непосредственных наблюдениях и на воспоминаниях.

— Воспоминаниях, — повторила Наталья.

— И таким образом, — взял слово Кирк, — мы планируем использовать воспоминания осьминога, чтобы восстановить Большой барьерный

риф.

Он по-прежнему широко улыбался, но у Натальи закрались сомнения, происходило ли все это на самом деле или просто снилось ей.

— Изначально, — вмешался Гилкрест, — мы планировали провести компьютерный анализ образов, но выяснилось, что компьютеры, даже самые лучшие образцы искусственного интеллекта, которые нам удалось раздобыть, интерпретировали эти сигналы с большим трудом.

— Они не способны сделать это, — сказал Кирк. — Просто не могут. Но человеческий мозг… — Он постучал себя по виску, по-прежнему улыбаясь Наталье. — Мы на это способны. — Кирк сделал паузу, однако человеческий мозг Натальи по-прежнему был не в силах сообразить, что на это следует ответить. — Так что скажете? Вы готовы работать на нас?

— Прежде всего мы хотим, чтобы вы уделили достаточно времени подготовке и хорошенько научились смотреть на мир глазами осьминога. — Похоже, Гилкрест умел просто и доходчиво объяснить, что именно хотел сказать его невероятно воодушевленный босс. Возможно, для босса это его качество было особенно полезным. Гилкрест замолчал, словно ожидая поддержки

со стороны Натальи, и она кивнула. — Затем вы будете плавать в том месте, где находился риф. Мы оснастим вас особым записывающим устройством, чтобы вы могли делать пометки под водой. Разумеется, вся ваша мозговая деятельность будет фиксироваться, и впоследствии при желании вы сможете просмотреть эти записи.

— После этого мы все проанализируем и выясним, как вырастить кораллы! — вклинился Кирк. — Мы понимаем, что это предприятие рискованное и довольно странное, но я думаю, у нас все получится. Так вы готовы посодействовать нам в этом?

Провести больше времени с осьминогом и увидеть, как когда-то выглядел Барьерный риф? Наталья даже не стала думать о том, насколько нереалистичной была эта идея.

— Да, — сказала Наталья, а затем вспомнила, что хорошо было бы заранее обсудить все условия. — Но я хочу, чтобы мне повысили оплату за более интенсивную работу.

Три недели ушли на то, чтобы наладить дело так, чтобы все оказались довольны результатом, а Кирк и Гилкрест постоянно заявляли, что подготовка идет гораздо быстрее, чем они ожидали. Наконец, они полетели на вертолете к месту,

где когда-то находился старый риф. Раскачиваясь на своем сиденье, Наталья думала о Ванили — насколько удобно было осьминогу, находившемуся в тщательно закрепленном контейнере с водой. Ей было интересно, какую информацию лаборанты получали через электроды, которые уже были аккуратно закреплены на осьминоге? Они хотели знать, что в данный момент ощущал осьминог, или датчики уже были настроены на режим памяти? И какие воспоминания могло спровоцировать у морского жителя путешествие на вертолете?

К этому времени все в команде уже знали: Наталье требовалось определеное время, чтобы настроиться, и лишь после этого она подавала сигнал для включения октозрения. В этой новой для себя обстановке она была особенно острожной. Они уже пробовали воспользоваться функцией памяти, но, по словам Гилкреста, мелководье не пробудило у головоногого никаких воспоминаний. Однако от заплыва над остовом Большого барьерного рифа бросало в дрожь безо всяких дополнительных усовершенствований. И вот, наконец, Наталья подняла руку и закрыла левый глаз.

Затерянный мир возник перед ней во всей

своей красе.

Наталья никогда еще не видела такой густонаселенной морской среды. В воспоминаниях Ванили рыбы и анемоны… и даже морские черепахи!.. все они плавали и играли среди поразительно ярких кораллов. В первые несколько минут Наталья насчитала как минимум семь вымерших видов и быстро проговорила их названия через респиратор, записывая все на специальное устройство.

Внезапно изображение перевернулось, и когда Наталья открыла левый глаз, она увидела, что Ваниль стремительно опускается на глубину. Пустота и заброшенность мертвых кораллов потрясли Наталью, ей хотелось отвлечься и остаться в том богатом мире воспоминаний, но она должна была держать открытым свой левый глаз, чтобы следовать за Ванилью. "Если я сейчас упущу осьминога…" — пронеслось у нее в голове, хотя она понимала даже в тот момент, что Ваниль не сможет скрыться от них, в осьминога наверняка было вживлено отслеживающее устройство или дюжина различных имплантов.

Наталья быстро опускалась вниз за осьминогом, поочередно открывая то один глаз, то другой. Это было такое странное, жуткое ощущение:

яркие воспоминания о кипящей здесь жизни, увиденные через монохромное зрение осьминога, сочетались с царящим сейчас запустением. Все это казалось таким неправильным и совершенно сбивало с толку, у Натальи возникало ощущение, будто то, что она видела в настоящем, тоже было лишь воспоминанием. Впрочем, в тот момент все казалось ей неправильным. Осьминог трогал щупальцами трещины в мертвых кораллах, которые были когда-то покрыты ковром из живых полипов, и эти расщелины в его воспоминаниях служили домами для его собратьев. Кружил далеко внизу на пустынном песчаном дне, где когда-то собирались осьминоги в поисках или в отчаянии.

Ваниль вспоминал каждого из осьминогов, и эти воспоминания были такими яркими и четкими, что Наталье начало казаться, будто и она узнает их. Их было так много, и они один за другим всплывали перед ее взором, пока Ваниль кружился над опустошенным морским дном.

Наталья закрыла правый глаз, чтобы прервать этот поток воспоминаний о родственниках или друзьях, а может быть, общине? Но изображение в левом глазу расплывалось. Она стала подниматься, забыв про записывающее устройство,

игнорируя вопросы, звучащие в гарнитуре. Выработанная долгими тренировками привычка заставила ее остановиться, хотя она уже почти не помнила, для чего это сделала. На какие-то секунды Наталья зависла в воде в нескольких метрах от поверхности, всхлипывая в дыхательный аппарат, пока ее тело не решило, что пришло время всплыть окончательно.

Наталья не знала, как ей избавиться от этой пустоты, от невыносимого чувства утраты. Она не употребляла алкоголь с тех пор, как ее кузена сбил пьяный водитель, и, хотя ей нравилось иногда побаловать себя стаканчиком мороженого, у нее никогда не возникало желания съесть целое ведерко этого лакомства. Она подолгу сидела у себя в квартире и плакала. Иногда смотрела телевизор, если там показывали что-то интересное, это помогало ей отвлечься, и она стала искать популярные шоу и сериалы, скачивала их, словно белка, собирала запас, распределяла по дням, когда и что она будет смотреть. На работе Наталья не появлялась. Некоторые работодатели звонили ей и оставляли встревоженные сообщения, не получая от нее ответов. Ее почтовый ящик был завален сообщениями, помеченными как "непрочитанные". Но прошло несколько недель, прежде

чем у Натальи возникло желание с кем-нибудь поговорить. И когда ей все-таки захотелось этого, она не знала, кому позвонить.

Она снова и снова пролистывала список контактов на телефоне. Наконец, совершенно интуитивно набрала Эльзу. Они с ней никогда не были особенно близки, но Эльза занималась проблемами изменения климата и загрязнения окружающей среды или чем-то в этом роде, поэтому Наталья подумала, что она может ее понять.

Думая впоследствии об этом звонке, Наталья не могла точно вспомнить, что именно она говорила и как объяснила всю сложность своей ситуации. Она запомнила только физическое ощущение — как слова, словно лавина, вырывались у нее, и как потом Эльза сказала:

— Ну ладно, ладно. Все в порядке.

И она повторяла это снова и снова. Наталья помнила, что когда она немного успокоилась, Эльза осторожно, но настоятельно порекомендовала ей с "кем-нибудь поговорить", в ответ Наталья, едва не срываясь на истерику, спросила: "Здесь?" Эльза, возможно, не поняла, что она имела в виду, но Наталья ощущала себя так, словно она все еще находилась в Австралии. Как будто слова до сих пор звучали на чужом языке, а все

общение происходило в атмосфере какой-то чужеродности. В таких обстоятельствах она просто не могла открыть перед кем-нибудь свою душу.

— Ты должна поговорить с профессионалом, — повторила Эльза, на этот раз тверже. — Я не профессионал. И не знаю, что здесь можно сказать. — Она вздохнула и добавила: — Я могу рассуждать, только опираясь на мой собственный опыт. И… — повисла долгая пауза, настолько долгая, что Наталья невольно отвлеклась от своей боли, которая окутывала ее, словно толстым слоем ваты, и забеспокоилась, не случилось ли чего-то с Эльзой. — Бывает, что тебя никак не отпускает отчаяние. Или чувство гнева. Иногда просто не знаешь, что делать. Но обычно… если я не опускала руки и сосредотачивалась на… на неотложных на тот момент делах… это приносило мне утешение. Хотя никогда не была уверена, что этого окажется достаточно.

— Ай-ай-ай, — сказала Наталья. — Неужели я утянула тебя в темную трясину вместе с собой?

Эльза рассмеялась.

— Я давно живу в темной трясине. Но у меня есть прочные лестницы и фонари.

Если бы не этот разговор, Наталья, возможно, не ответила бы на звонок Гилкреста. Хотя все

это время ее мучило чувство вины из-за того, что она покинула проект безо всяких объяснений после того заплыва над скелетом рифа. Она чувствовала себя виноватой, понимала, что повела себя непрофессионально, а также пережевала за Ваниль. Мысли о том, что могло случиться после этого с осьминогом, не давали ей покоя. Иногда она представляла себе, как он сидит в своем среднего размера контейнере и страдает такой же вялостью и апатией, как Наталья, и никто не обращает на это внимания.

— День добрый. — Голос Гилкреста звучал непривычно. В нем не было чрезмерной осторожности, которую она так боялась услышать, он говорил сдержанным, но мягким тоном. — Хотел узнать, как у вас дела.

Наталья попыталась прочистить горло так, чтобы это не было слышно на другом конце линии.

— Со мной все хорошо. Насколько это возможно. Извините меня за то, что… — Она не смогла закончить фразу.

— Вам не за что извиняться. — Гилкрест тоже откашлялся, но, в отличие от Натальи, безо всякого смущения. — На самом деле это я должен извиняться. Мы с самого начала должны были привлечь к работе над проектом человека вро-

де вас, вы должны были входить в штат, иметь больше времени на подготовку. Мы и подумать не могли, что…

"Это будет так ужасно, и все обернется таким кошмаром", — мысленно закончила фразу Наталья.

— Но если вам нужен был постоянный сотрудник, — сказала она, стараясь, чтобы ее голос звучал рассудительно и спокойно, — в таком случае у меня не было бы возможности…

Наталья осеклась — до этого момента ей даже не приходило в голову, как она была рада тому, что приняла участие в этом проекте.

— Как бы там ни было, — Гилкрест снова откашлялся, — но Ринго спрашивал о вас, и мы подумали, что было бы неплохо пригласить вас на маленький праздник по случаю успешного проведения первого этапа воссоздания рифа. Если вы, конечно, не против.

— Кто такой Ринго? — спросила Наталья.

Гилкрест хихикнул.

— Какая же вы забывчивая. Ринго. — Последовало неловкое молчание, пока Наталья перебирала мысленно имена всех участников проекта, которых она вспомнила, и поймала себе на мысли, что таких сотрудников было совсем немного. — Ваш

любимый осьминог. Ринго.

— Ринго???

— Ну разумеется, Ринго.

— Вы назвали осьминога Ринго?

— Ну да. Правда, глупо? — По крайней мере его голос звучал застенчиво.

— Я буду рада навестить… Ринго. — Интересно, можно было сказать, что эта кличка еще глупее, чем Ваниль? Ох уж эти идиоты люди и их идиотские человеческие клички для животного, которому они совершенно не нужны. Но… — Вы сказали, что осьминог *спрашивал* обо мне?

— Именно так. Если честно, нам понадобилось время, чтобы разобраться, что к чему. Ведь наша новая переводчица не была с вами знакома…

— Переводчица? — Похоже, за время ее отсутствия все получили новые имена.

— Ну… да. Оказалось, что эти устройства можно использовать и для общения. Первоначально их применяли для того, чтобы читать мысли пациентов, находящихся в вегетативном состоянии. Мы не сразу догадались, что с головоногим прибор будет работать похожим образом. — Он смущенно рассмеялся. — Хотя это и было очевидно.

— Да, — согласилась Наталья. Ей тоже не приходило это прежде в голову.

Праздник, разумеется, проводился не на побережье. А на том месте, где должны были проводиться работы по восстановлению кораллового рифа. На месте мертвого рифа, населенного призраками прошлого.

Пытаясь прогнать поселившийся в ее груди страх, Наталья напомнила себе, что в данный момент риф был в процессе реанимации. Риф Лазаря. Риф — монстр Франкенштейна. Риф зомби. Но это все равно не помогало ей отвлечься.

Хорошо хоть до места они добирались на корабле: большом, быстром и удобном.

— Ринго не любит вертолеты, — с сочувствием проговорил Гилкрест, когда она встретила его на палубе. — Я так переживал после того, как мы это узнали!

— Да уж, — с удивлением согласилась Наталья.

— Смотрите! — Гилкерст указал рукой на воду. — Дельфины. — Они молча наблюдали за ними несколько минут и после каждого прыжка ждали, появятся ли дельфины снова или скроются под водой. — Возможно, в следующий раз мы задействуем их.

Наталья не знала, как реагировать на эту новость: с радостью или тревогой.

— Как вы использовали воспоминания осьми-

нога при восстановлении рифа?

— Мы не располагали полноценными картами рифа, — сказал Гилкрест. — Имелись крупномасштабные карты региона, где он находился, а также разрозненные видеозаписи, сделанные дайверами на отдельных небольших участках рифа, но никаких документальных сведений о том, как он выглядел изначально, не было. Ринго предоставил нам более подробную информацию. — Он положил руку на перила и продолжил рассказ: — Разумеется, мы не пытаемся воссоздать риф в точности по воспоминаниям Ринго. В этом нет практического смысла, да это и невозможно. Но его воспоминания предоставили нам ценную информацию: мы смогли уточнить размеры различных морских жителей, выяснить, на какую глубину погружались кораллы того или иного вида и так далее.

— Осьминог-консультант, — сказала Наталья, оглядываясь, словно Ваниль мог ее услышать. Она не подходила близко к контейнеру с Ванилью, так как не хотела встречаться с осьминогом таким образом, но теперь поймала себя на мысли, что все же должна поздороваться с ним. Как бы между делом.

Гилкрест рассмеялся.

— Да. Возможно, даже в большей степени, чем вы думаете. Мы пытаемся понять, как с помощью расшифровок воспоминаний Ринго выяснить, в каком направлении нам двигаться дальше.

— Правда? Звучит потрясающе! — Впервые у Натальи возникло желание вернуться в проект, но прежде чем она успела придумать, как перейти к этой теме, рев мотора сменил тональность. Они прибыли на место, и нужно было подготовиться.

Наталья волновалась перед новой встречей с Ванилью, но когда она спустилась в воду, там уже было много людей. Она увидела новую переводчицу и нескольких боссов компании, включая Кирка, на всех были гидрокостюмы с регуляторами давления газа в баллонах. Однако переводчица — высокая австралийка — собрала вокруг себя группу на поверхности и стала все подробно объяснять, поправляя экипировку для подводного плавания. Создавалось впечатление, что она специально отвлекала их внимание, пока Наталья в своей неудобной маске погружалась под воду вместе с Ванилью.

Она не могла заставить себя включить гарнитуру. Не могла. Однако осьминог кружил около нее, приветствуя, протягивая к ней одно щупальце

за другим, но не касаясь ее. "Ваниль осторожен со мной так же, как я была осторожна с ним", — подумала Наталья и подала сигнал.

Кораллы, словно цветы, распустились перед ее глазами, они были яркими и причудливыми, постоянно изменялись — на месте старых форм возникали новые, а вокруг них танцевали мелкие рыбешки, плавали угри и множество осьминогов.

— Что это? — спросила Наталья через переговорное устройство. — Все выглядит иначе.

— О да, — ответил Гилкрест. — Мы пытаемся задействовать разные части мозга. И мы думаем, что все это — плод воображения Ринго. — Когда Наталья ничего не ответила, он продолжил: — Это будущее.

Тед Чан[18]

Тед Чан опубликовал свой первый рассказ ("Вавилонская башня") в журнале Omni *в 1990-м году. Этот рассказ был удостоен премии "Небьюла" — и за следующие двадцать три года Чан написал всего тринадцать рассказов. Многие из них получили награды "Хьюго", "Небьюла", "Локус", "Старджон" и "Сайдуайз"; они изданы в сборниках "История твоей жизни" и "Выдох". Повесть "История твоей жизни" впоследствии была экранизирована под названием "Прибытие".*

---

[18] Примечания: 18

© Ted Chiang, 2019; © пер. К. Егоровой, 2020.

На дворе 2059-й, а богатые детки по-прежнему выигрывают

На прошлой неделе "Таймс" опубликовала статью о долгосрочных последствиях проекта "Генное равенство", филантропической попытки обеспечить низшим слоям общества доступ к когнитивным генетическим достижениям. Результаты преимущественно разочаровывали. Хотя большинство детей, рожденных в ходе проекта, уже окончили четырехгодичный колледж, лишь немногие поступили в хорошие университеты — и только единицы нашли работу с хорошей зарплатой или возможностью продвижения по карьерной лестнице. Теперь, когда у нас перед глазами эти данные, пришло время переоценить эффективность и целесообразность генной инженерии.

Намерения, стоявшие за проектом "Генное равенство", были добрыми. Страховка покрывала терапевтическое генетическое вмешательство, например, коррекцию мутаций, вызывающих муковисцидоз и болезнь Гентингтона, с тех самых пор, как процедуру одобрило Управление

по контролю за пищевыми продуктами и лекарственными препаратами, а значит, ею могли пользоваться дети родителей с низким доходом. Однако дополнения вроде когнитивных улучшений не покрывала даже частная страховка, и потому их могли позволить себе только богатые родители. Двадцать пять лет назад, на волне страхов, что у нас на глазах рождается кастовая система, основанная на генетическом неравенстве, возник проект "Генное равенство", позволивший пятистам небогатым парам повысить интеллект своих детей.

Проект предлагал обычный протокол когнитивного улучшения, включавший модификации восьмидесяти генов, связанных с интеллектом. Каждая отдельная модификация оказывала незначительное влияние на интеллект, однако вместе они обычно давали ребенку коэффициент интеллекта в районе ста тридцати, то есть обеспечивали ему место в первых пяти процентах популяции. Этот протокол стал одним из самых популярных улучшений, что покупали богатые родители, и в прессе его продукт нередко называют "Новой элитой", имея в виду генетически модифицированных молодых людей, которые все чаще занимают руководящие посты в современ-

ных американских корпорациях. Однако пятьсот объектов "Генного равенства" не наслаждаются карьерным успехом, хотя бы отдаленно напоминающим успех "Новой элиты", хотя и подверглись тому же протоколу.

Провалу проекта находят различные объяснения. Консерваторы заявляют, что это свидетельство того, что некоторые расы нельзя улучшить, ведь многие — пусть и не все — участники проекта не были белыми. Сторонники теории заговора обвиняют генетиков в должностных злоупотреблениях, утверждая, что те преследовали скрытую цель не дать низшим классам воспользоваться генетическими улучшениями. Но нужда в этих объяснениях отпадает, если вспомнить фундаментальную ошибку проекта "Генное равенство": когнитивные улучшения имеют смысл лишь тогда, когда ты живешь в обществе, которое поощряет способности, а к Соединенным Штатам это не относится.

Уже несколько десятилетий известно, что по зип-коду человека можно с высокой вероятностью предсказать его пожизненный доход, образование и здоровье. Однако мы продолжаем игнорировать этот факт, поскольку он противоречит одному из главных национальных мифов:

ум и трудолюбие позволяют выбиться в люди. Отсутствие наследуемых титулов заставило людей забыть о том, какое значение имеет семейный достаток, и заявить, будто каждый успешный человек сам заработал свой успех. Свидетельством этого является уверенность богатых родителей в том, что генетические модификации повысят шансы их детей на процветание: они верят, что способности приведут к успеху, потому что полагают, будто их собственный успех является результатом их способностей.

Те, кто считает, будто Новая элита поднимается по корпоративной лестнице исключительно благодаря своим заслугам: подумайте о том, что многие из них занимают руководящие посты, однако исторически коэффициент интеллекта весьма слабо коррелирует с эффективностью руководства. Также подумайте о том, что богатые родители часто покупают для своих детей генетическое увеличение роста, а склонность считать более высоких индивидуумов более способными руководителями хорошо документирована. В обществе, которое постепенно охватывает одержимость личными качествами, быть генетически модифицированным — все равно что иметь звание магистра по деловому admini-

стрированию, полученное в университете Лиги плюща: это скорее знак статуса, повышающий привлекательность его носителя как сотрудника, нежели показатель реальной компетенции.

Я не хочу сказать, что гены, связанные с интеллектом, не играют никакой роли в достижении успеха; разумеется, играют. Они — существенная составляющая положительной обратной связи: когда ребенок демонстрирует способность к какому-либо занятию, мы поощряем его ресурсами — техническим оснащением, частными учителями, поддержкой, — чтобы развить эту способность; гены позволяют ему при помощи этих ресурсов добиваться лучших показателей, которые мы вознаграждаем еще более хорошими ресурсами; цикл продолжается, пока, повзрослев, ребенок не достигает чрезвычайных карьерных успехов. Но малообеспеченные семьи, живущие в кварталах, где школы страдают от нехватки финансирования, часто не могут поддерживать эту положительную обратную связь; проект "Генное равенство" не предложил никаких иных ресурсов, помимо улучшенных генов, а без этих дополнительных ресурсов потенциал генов так и не смог реализоваться в полной мере.

У нас на глазах действительно возникает новая

кастовая система, но не та, что основывается на биологических различиях в способностях, а та, что использует биологию для оправдания существующих классовых различий. Мы должны положить этому конец, однако для этого потребуется нечто большее, нежели бесплатные генетические улучшения за счет благотворительного фонда. Потребуется разобраться со структурным неравенством во всех аспектах нашего общества, от жилищных условий до образования и рабочих мест. Эту проблему нельзя решить, улучшая людей; для ее решения требуется улучшить наше отношение к людям.

Это не означает, что проект "Генное равенство" не нужно повторять в будущем. Вместо того чтобы рассматривать его как лекарство от болезни, можно видеть в нем диагностический тест, нечто, что следует проводить через регулярные промежутки времени, чтобы оценить, как близко мы подошли к достижению цели. Лишь когда бенефициары бесплатных когнитивных генетических улучшений станут столь же успешными, как и те, кому эти улучшения купили родители, у нас появится повод верить, что мы живем в справедливом обществе.

Под конец давайте вспомним один из первых

аргументов, прозвучавших во время первых дебатов о легализации когнитивных генетических улучшений. Некоторые ее сторонники утверждали, что с этической точки зрения мы обязаны проводить когнитивные улучшения, поскольку они принесут человечеству неоспоримую пользу. Но без сомнения, человечество лишилось многих гениев, чьи способности изменить мир не были реализованы, потому что их потенциал погиб под гнетом окружающей нищеты. Наша цель должна заключаться в том, чтобы обеспечить каждому человеку возможность полностью реализовать свой потенциал, вне зависимости от обстоятельств его рождения. Такой план действий принесет человечеству не меньшую пользу, чем внедрение когнитивных генетических улучшений, и позволит нам намного эффективнее исполнить свои этические обязательства.

Рич Ларсон[19]

*Рич Ларсон (*richwlarson.tumblr.com*) родился в Нигере в деревне Галми, жил в Канаде, Соединенных Штатах и Испании, а сейчас проживает в Праге, столице Чехии. Он является автором романа* Annex *("Приложение") и сборника* Tomorrow Factory *("Фабрика завтрашнего дня"), в который вошли лучшие из его более чем 150 опубликованных рассказов. Его работы были переведены на польский, чешский, французский, итальянский, вьетнамский и китайский языки.*

---

[19] Примечания: 19

© Rich Larson, 2019; © пер. Н. Нестеровой, 2020.

Канун Дня Заражения в Сомнамбулическом доме

В сгущающихся сумерках Бурджвик играл с Джибом в "плевальщиков" на лужайке перед Сомнамбулическим домом, пока небо не стало черным, как чернила. Игру подарил Бурджвику его любимый дядя, который приехал днем в ползучем экипаже. Дядя Беллерофон увлекался генным искусством и всегда приносил интересные подарки в канун Дня Заражения.

В последний раз он принес две толстые фиолетовые трубки, которые плевались. Нужно было нажать на маленький костяной спусковой крючок, и тогда из трубки выстреливал блестящий прозрачный клей, достаточно липкий, чтобы склеить пальцы противника или чтобы его нога прилипла к земле — именно это и стало целью новоизобретенной игры.

— Почему ты все время уворачиваешься, Джиб?! — возмущался Бурджвик. — Я так в тебя никогда не попаду!

Джиб только усмехнулся, показав свои кривые зубы, и вытер нос рукавом бледно-желтой рубахи

слуги, которая скрывала почти все пораженные участки его тела.

— Ты бы тоже научился хорошо уворачиваться, если бы работал на кухне. У повара чертовски тяжелая металлическая рука.

Бурджвик сделал выпад вперед и нажал на спусковой крючок; длинная лента клея выстрелила в воздух, но Джиб отпрянул в сторону.

— Ты будешь поваренком, а я — аристократом, — пропел он. — И я буду целый день есть культивированное мясо в постели, а тебе повар надерет уши.

— Какая ужасная идея! Мне стоило бы избить тебя за такие слова, — ответил Бурджвик, он часто высказывал угрозы, однако редко исполнял их. Играть с Джибом было гораздо интереснее, чем с Мортисом — старшим братом Бурджвика, хотя Джиб был всего лишь слугой, да к тому же близился канун Дня Заражения. В эту пору в доме все шло кувырком, казалось, даже воздух наполнялся жужжанием, и в том, что Джиб позволял себе высказывать такие странные и неподобающие желания, не было ничего удивительного.

— Это отличный способ попрактиковаться перед охотой. — Бурджвик озвучил мысль, которая неожиданно посетила его. — У Мортиса теперь

новое ружье, а свое старое он отдаст мне.

— Да что ты говоришь! — крикнул Джиб, а затем подскочил, сжимая своего плевальщика в руке. — Получай!

Бурджвик отклонился в сторону, но все равно клей забрызгал его черную шкуру на коленях. Ворсинки зашевелились и начали поглощать клей. Бурджвик со смехом вскочил и бросился догонять удирающего Джиба.

Они бегали по газону, прятались за зловещими желтыми светящимися деревьями и декоративными склепами из пенопласта. Уже окончательно стемнело, и стали зажигаться мерцающие твердые огни, но от этого игра стала еще интереснее, особенно когда из темноты, щелкая зубами, на тебя выпрыгивал огненный зараженный монстр, или мимо, кружась в воздухе, проносилась стая зараженных птиц. Слуги заканчивали украшать территорию и были возмущены тому, что сгустки клея пролетали так близко от плодов их трудов. Один из них даже пытался заставить Джиба помочь им, но Бурджвик заступился за него.

Последним элементом в украшении лужайки стала цистерна для утопленника. Устроена она была весьма хитроумно. Краны на ней можно было поворачивать, чтобы регулировать напор

воды, а также ее температуру, а еще там был рычаг, который выпускал маленькое колючее и кусачее существо, как только цистерна достаточно заполнялась водой. Внутри горел мягкий голубой свет.

В прежние годы в цистерну сажали доппеля. Но сегодня там находился молодой человек, который на прошлой неделе украл у матери Бурджвика пузырек с клеточными соединителями. Он сидел на корточках на дне, тяжело и прерывисто дыша от страха.

Джиб остановился, чтобы проверить, стоит ли цистерна утопленника на прежнем месте, и Бурджвик, наконец, смог приклеить правую ногу своего товарища к земле.

— Попался! — злорадно воскликнул он.

Джиб посмотрел на свою прилипшую ногу, попытался высвободить ее, но без особого энтузиазма, а потом снова взглянул на цистерну.

— Бедняга Клуни, — проговорил он.

— Что? — спросил Бурджвик, разозлившись, что Джиб никак не проявил своего возмущения.

— Бедняга Клуни, — пробормотал Джиб. — Он думал, это поможет его дочери излечиться от слепоты и всего такого. Глупый Клуни. Он ничего не знает про эти генные штуки.

Бурджвик не особенно любил цистерну утопленника, но такова была одна из традиций празднования кануна Дня Заражения, так же как твердые огни, сласти, игры и охота на доппеля. Он почесал затылок, отодрав кусочек клея, от которого еще не успела очиститься его шкура. Бурджвик чувствовал себя немного неловко и злился на Джиба за то, что тот испортил ему все веселье.

Бурджвик думал о том, что ответить, как утешить Джиба и вместе с тем напомнить ему, что воров нужно наказывать, когда на лужайке появился его брат. На Мортисе уже был охотничий костюм. Его легкий серебристый плащ был накинут поверх шкуры; и, судя по тому, как он дрожал и дергался на его плечах, две эти детали одежды еще не совсем привыкли друг к другу.

— Маленький злыдень и его прихвостень, — сказал Мортис. — Что это за штуки? Что там у вас?

Бурджвику стало не по себе — он всегда испытывал это чувство при встрече с братом, особенно когда ему было некуда убежать. Мортис подошел ближе, и Бурджвик заметил, что кожа между его бровями была ярко-красного цвета — он опять выщипывал непослушные волосы, которые там

росли.

Мортис очень заботился о своем внешнем виде, особенно в такие вечера, как сегодня, когда в Дом приезжали все родственники. И в такие моменты он, кажется, становился особенно жестоким.

— Мистер Мортис, — пробормотал Джиб. Он наконец освободил ногу, вырвав кусок влажной земли и мха, чем наверняка привел бы в ужас садовников, и низко поклонился.

— Это плевальщики, — объяснил Бурджвик, демонстрируя подарок. — Чтобы играть в… плевальщиков.

Мортис постучал костяшками по цистерне утопленника, где сидел, прижав колени к груди, слуга по имени Клуни. — Ну что, ублюдок, тебя еще не мучает жажда? — сказал он, а затем прижался бедрами к стеклянной стенке цистерны.

Бурджвик увидел, как лицо Джиба на мгновение исказилось, словно от мучительной боли, а затем снова стало безразличным.

— Это подарок дяди Беллерофона, — громко заявил он, пытаясь отвлечь внимание Мортиса.

Старший брат развернулся.

— Так их принес дядя Белли, а ты отдал то, что предназначалось мне, своему грязному маленькому дружку?

— Дядя не сказал, для кого они. Не уточнил. — Бурджвик проглотил свою гордость. — Прости.

Мортис вырвал плевальщика из рук Джиба и отвесил ему пощечину, от которой Джиб не уклонился. Громкий удар заставил Бурджвика поморщиться. Джиб принялся тереть красный отпечаток, оставшийся от ладони Мортиса, но Мортис отдернул его руку и ударил по той же щеке еще сильнее. Капли слюны полетели у Джиба изо рта.

— То есть ты решил, что в этом году, в отличие от всех предыдущих лет, дядя Беллерофон принес подарок для поваренка Джиба? — спросил Мортис, вертя в руках плевальщика. — Ты что, Бурджвик, совсем тупой?

— Прости, — повторил Бурджвик. — Я должен был принести его тебе.

— Да, должен был, — согласился Мортис. — Но я тебя прощаю, маленький братик. А теперь расскажи, как он работает? Что он может делать? — Он прижал его к паху и стукнул плевальщиком по стенке цистерны утопленника, а потом стал размахивать перед лицом слуги, который в ту же минуту крепко зажмурился. — Посмотри на моего плевальщика, ублюдок! Смотри, смотри!

— Он стреляет чем-то вроде клея, — объяснил

Бурджвик, поднимая вверх руку, в которой все еще сжимал плевальщика. — Но чтобы выстрелить, надо нажать на него посильнее.

Мортис закинул голову назад, хотя Бурджвик был не до конца уверен в том, что вызвало этот смех. Затем Мортис наставил плевальщика на Джиба.

— Не двигайся, — сказал он. — И на твоем месте, я бы закрыл глаза.

Бурджвик посмотрел на Джиба — на его щеке сияла красная отметина, оставленная пощечиной Мортиса. Затем он перевел взгляд на слугу Клуни, который выглядел таким жалким в цистерне утопленника. Бурджвик почувствовал, как его грудь наполняет странное волнение.

В конце концов, сегодня был канун Дня Заражения. И все в доме шло кувырком.

— Ты держишь его неправильно, — сказал Бурджвик. — Дырка на конце — это маленькое вентиляционное отверстие. В него нужно дышать.

Лицо Джиба исказилось от ужаса. Мортис заметил это, но неправильно истолковал его реакцию.

— Хо, — сказал он. — И ты бы допустил, чтобы я выстрелил сам в себя, так, вонючка? Хотел по-

смотреть на это, да?

— Нет, мистер Мортис, — проговорил Джиб.

— Попроси меня вежливо, чтобы я выстрелил в тебя из плевальщика, — сказал Мортис, ухмыляясь Бурджвику, словно они с ним были заодно.

— Пожалуйста, мистер Мортис, — взмолился Джиб жалобным голосом, но Бурджвик заметил легкую улыбку на его губах. — Пожалуйста, оплюйте меня всего.

— С удовольствием, — ответил Мортис и прицелился. Сердце Бурджвика бешено забилось в груди.

Пришел повар, схватил Джиба своей скрежещущей и жужжащей рукой и утащил прочь, оставив Бурджвика стоять на лужайке напротив трясущегося Мортиса с красным от ярости лицом; отца, чье лицо оставалось абсолютно бесстрастным, и дяди Беллерофона, которого вся эта история, казалось, даже немного забавляла.

— Стой и не двигайся, Мортис, — сказал дядя и принялся рыться в кармане. Своей покрытой синими венами рукой он извлек оттуда пузырек с растворителем и обрызгал им охотничий плащ Мортиса. Серебристый организм зашипел, и от него пошел пар.

Бурджвик потер бок, куда Мортис ударил его

коленом с такой силой, что Бурджвик испугался, как бы ему не сломали ребра. На месте удара уже расплывался желто-бурый синяк. Мортис так громко завопил от ярости, что сразу прибежало несколько слуг. Они застали сцену полнейшего хаоса: Мортис прижимал Бурджвика к земле и поносил его последними словами, в то время как Джиб предпринимал вялые попытки освободить его.

— Ну вот, совсем как новенький, — сказал дядя Беллерофон, убирая пузырек обратно в карман.

Мортис с мрачным видом кивнул, но продолжал буравить взглядом Бурджвика.

— Поблагодари дядю, — проворчал отец. Он не выглядел рассерженным, но настроение отца всегда трудно было угадать. Его рот скрывался в гуще жестких черных волос бороды, а вечно слезящиеся глаза давно удалили и заменили блестящими черными шарами, которые создал самый лучший генный специалист на континенте.

— Спасибо, дядя, — сухо проговорил Мортис.

— А теперь я хочу побеседовать со своими отпрысками, — сказал отец, похлопав дядю Беллерофона по плечу.

Ворсинки на шкуре дяди Беллерофона изогнулись, реагируя на прикосновение. Вся его шкура

блестела и была покрыта оранжевыми пятнами по случаю кануна Дня Заражения, а несколько кудрявых волосков окружали его голову, создавая странный ореол. Шкура отца, напротив, была как всегда по-звериному распушенной и обрамляла плотные красные мускулы, которые делали его невероятно сильным.

Бурджвик хорошо помнил тот день, когда старое дерево неудачно упало и придавило одного из слуг, и как отец подошел к нему, присел на корточки и поднял ствол с такой легкостью, словно это была всего лишь маленькая ветка.

Как только дядя Беллерофон ушел, отец сложил руки на груди и посмотрел на них, его черные как смоль глаза сначала повернулись в сторону Бурджвика, а затем — Мортиса.

— Может, нам отправить клоунов домой? — спросил он. — Похоже, вы двое решили взять на себя их работу.

Бурджвик удивленно заморгал, Мортис — скривил рот.

— Слуги смеялись над вами, — сказал отец. — Двое сыновей Сомнамбулического дома катались в грязи, колотили друг друга и орали как маленькие дети. Мы никогда не выясняем отношений на глазах у слуг. Вы позорите меня.

Бурджвик заметил, как Мортис кусает губы от злости и стыда.

— Это я во всем виноват, отец, — быстро сказал Бурджвик. — Я спровоцировал Мортиса.

— Мортиса и провоцировать не нужно, он и так не отличает свой рот от задницы, — фыркнул отец. — Возможно, я совершил ошибку, когда подарил тебе охотничье ружье. А то еще отстрелишь себе голову. Возможно, вам двоим сегодня лучше остаться дома.

Бурджвик удивленно открыл рот; лицо Мортиса побагровело.

— Скоро приедут представители других семей, — продолжал отец. — Сегодня вечером вы должны вести себя как и подобает членам нашей семьи, иначе вы не сможете участвовать в охоте на доппеля. Вам ясно?

Бурджвик энергично кивнул и облегченно вздохнул, когда через несколько секунд его брат также кивнул.

— И еще, Бурджвик. — Блестящий черный глаз отца повернулся в своей глазнице. — Больше никаких игр с мальчиками-слугами. Это недопустимо. А теперь идите.

Первым порывом Бурджвика было броситься прочь со всех ног, чтобы избежать мести стар-

шего брата. Но когда они направились к дому, Мортис, казалось, полностью погрузился в свои мысли. Его взгляд был устремлен куда-то вдаль.

— Это я-то не могу отличить рот от задницы? — внезапно со злобой проговорил Мортис. — Он считает меня дураком. Но я не дурак.

— Нет. — Сказал Бурджвик и тут же пожалел, ведь Мортис обратил на него внимание. Бурджвик вздрогнул, когда брат поднял руку, однако удара не последовало.

Вместо этого брат взял его за щеку и заглянул в глаза.

— Ты еще пожалеешь о том, что сделал это, маленький братик, — сказал он дрожащим голосом. — Очень сильно пожалеешь.

К тому моменту, когда начали прибывать представители различных семей, Бурджвик успел привести себя в порядок, очиститься от клея, зачесать назад волосы и нанести ароматную секрецию на свою шкуру. Он стоял на лужайке рядом с матерью, у которой на шкуре выросла тонкая вуаль, окутывающая ее встревоженное лицо. Она всегда сильно волновалась, когда приезжали другие семьи, переживала из-за тысячи разных мелочей, которые слуги могли испортить или проигнорировать.

Мортис, напротив, улыбался и смеялся, обмениваясь приветствиями и пожеланиями счастливого Дня Заражения с представителями Непорочного дома и Дома Слез, которые одни за другим прибывали в черных тонколапых экипажах. Бурджвик надеялся, что во всей этой суматохе брат забудет про свое обещание отомстить ему, но ребра все еще болели — Мортис всегда знал, как ударить побольнее.

По случаю праздника члены Непорочного дома привели своего зеленого человека. Все его искривленное тело было покрыто мхом, а вены проступали сквозь кожу, извиваясь, как ползущие растения. Накануне Дня Заражения он вырастил у себя на коленях и на бедрах красные сахарно-лакричные шарики. Они находились достаточно низко, чтобы даже дети могли их сорвать.

Бурджвик помнил, как он боялся зеленого человека, когда был совсем маленьким. Его неуклюжая походка и огромное оплывшее лицо внушали ему неподдельный ужас. Мортис говорил, что в его венах струится кровь детей, которую он пил. Но теперь Бурджвик знал, что для питания ему нужны только фиолетовый свет и вода.

Следующими прибыли представители Пыточного дома. Они вырастили у себя на шкуре маски, которые крепились к их широким воротникам тонкими ворсинками, и Бурджвик не сразу смог узнать Бреешу. Она подросла с прошлой их встречи и теперь была выше его, а ее рыжевато-золотистые волосы словно пламя пылали позади ее белой, как кость, маски, походка же совсем не изменилась и была все такой же легкой и пружинистой.

— Счастливого Дня Заражения, тетя Деметра, — обратилась она к матери Бурджвика нежным голоском, а потом схватила Бурджвика за руку и оттащила в сторону. — Смотри, что у меня теперь есть, — сказала она. — Видишь, они выгружают его. — Она указала на слуг Пыточного дома, которые с трудом вытаскивали прикрепленный позади экипажа контейнер с инкубатором.

— У меня тоже есть такой, — сказал Бурджвик, решив не упоминать о том, как он едва не лишился привилегии участвовать в охоте. Он подумал о Джибе, которому наверняка поручили самую тяжелую работу на кухне под бдительным присмотром повара, и его охватило чувство вины.

— А вот и члены Сумеречного дома. По традиции они явились позже всех, — сказала Брееша и

посмотрела в ночное небо.

Бурджвик был рад этой возможности отвлечься. Воздушный корабль Сумеречного дома освещали грязно-желтые шары биосвета, а когда он спустился ниже, Бурджвик смог рассмотреть остальные детали: решетчатый пол палубы, похожий на высохшие соты, раздутый от газа мешок, который поддерживал корабль в воздухе, и маленькие лица близнецов Феррика и Фрейи, выглядывавших из-за борта.

Со дна воздушного корабля свисали толстые веревки из жил, и все слуги, которые находились на лужайке перед домом, бросились ловить и привязывать их к парковочным петлям. Один слуга споткнулся и наступил на веревку. Она задрожала, и Бурджвик услышал, как застонал воздушный корабль. Он представил себе, как раздраженно вздохнула в этот момент его мать.

Едва воздушный корабль приземлился, как члены Сумеречного дома начали сходить на землю торжественной вереницей. Последней корабль покинула Старая Мадам, которую окружали многочисленные слуги. Бурджвику показалось, что в отличие от Брееши, она скукожилась и стала совсем маленькой. Из ее дряблой шеи торчали дыхательные трубки, и казалось, что еще чуть-

чуть, и она окончательно утонет в своем кресле, которое само двигалось на ножках, сделанных из сплава черного наноуглерода и красных волокон живых мускулов.

— Отец сказал, что это последний раз, когда она лично приезжает сюда, — тихим голосом сказала Брееша. — Ее тело разваливается на части.

Бурджвик нахмурился.

— Она не может принять еще клеточного соединителя?

— Отец говорит, она такая старая, что даже клеточный соединитель не в силах ей помочь. — Брееша с нескрываемым интересом следила за тем, как Старая Мадам скользила на кресле от одного своего потомка к другому и принимала поздравления. — Знаешь, она последняя из тех, кто родился под землей. Во время Заражения.

— В то время они еще кое-чего не знали о генетическом материале, — сказал Бурджвик, и его губы тронула легкая улыбка.

— Ничего, — поправила Бурджвика Брееша и как-то странно посмотрела на него. — Они вообще *ничего* не знали.

Бурджвик посмотрел на Мортиса, который отвешивал энергичный поклон, его красивое лицо сморщилось в самой очаровательной гримасе,

пока он желал Старой Мадам счастливого Дня Заражения, а охотничий плащ элегантно струился по его плечам.

Может быть, он все-таки забудет про ту историю с плевальшиками?

Вскоре после этого начались торжества. Все ходили по лужайке, общались друг с другом, собирались в кружки, потом эти кружки распадались и собирались снова, — в общем, все вели себя как амебы, которых Бурджвик изучал вместе со своим наставником. Повсюду сновали слуги с бокалами вина и кружками бактериального пива. Твердые огни начали сплетаться в живые узоры: монстры преследовали зараженных птиц и наоборот.

Бурджвик чувствовал себя совсем потерянным, особенно после того, как Брееша оставила его и присоединилась к Мортису и другим старшим кузенам. Ему не хотелось попадаться на глаза брату, к тому же он был слушком юным, чтобы с интересом обсуждать моду и поединки.

Но вместе с тем он был слишком взрослым, чтобы играть с Ферриком и Фреей, которые бегали за зеленым человеком Непорочного дома, набрасывались на него, срывали лакричные шарики с его коленей и хихикали, когда он начинал

наигранно возмущаться и размахивать своими одеревенелыми узловатыми руками. Бурджвик также заметил, что между лопатками зеленого человека рос какой-то гриб с оранжевыми пятнышками, но он находился слишком высоко, и дети не могли дотянуться до него. Некоторые взрослые протягивали руку и пытались тихонько его сорвать, когда зеленый человек проходил мимо них. Одним из таких взрослых был дядя Беллерофон, а когда он заметил, что Бурджвик смотрит на него, то приложил палец к губам и подмигнул ему.

В какой-то момент Бурджвик поймал на себе взгляд отца, хотя, возможно, тот смотрел на что-то еще, находившееся поблизости от него. Однако в этот момент Бурджвик осознал, каким странным и неприличным было его поведение: молча бродит среди всеобщего веселья, наблюдает за людьми, но ни с кем не разговаривает, — поэтому он решил присоединиться к группе своих тетушек, которые тотчас радостно закудахтали о том, каким он стал высоким и что у него скоро вырастет борода точь-в-точь как у его отца.

А затем они начали сравнивать поведение недавно вживленных им калорийных червей. Поначалу это было интересно, но когда тетя

Виолетта отодрала кусок своей шкуры и продемонстрировала бледный плоский живот и ржавого цвета организм, который был едва виден под кожей, Бурджвик покраснел и отвернулся, а их дальнейшие разговоры заставили его покраснеть еще сильнее, поэтому он предпочел потихоньку удалиться.

— Но ты же теперь стал молодым мужчиной! — крикнула ему вслед тетя Виолетта. — Ты ведь участвуешь в сегодняшней охоте?

Бурджвик знал, что должен был испытывать радостное волнение по поводу предстоящей Охоты на доппеля, что должен веселиться на этом вечере, но ему вдруг стало тревожно. Вокруг было слишком много людей. Он чувствовал себя намного лучше, когда они с Джибом вдвоем играли на лужайке. Бурджвик обогнул цистерну утопленника, стараясь не подходить к ней слишком близко. Вокруг нее собралась небольшая толпа, наблюдавшая за тем, как Клуни, встав на цыпочки, плевался и хватал ртом воздух. Бурджвик уже собирался спрятаться в близлежащем шатре для омовений, когда его перехватила Бреша.

— Вот ты где, — сказала она. Судя по ее блестящим глазам и красному носу, ей удалось наконец выпить бактериального пива, хотя она утвер-

ждала, что попробовала его еще в прошлом году. — Все собираются на обед. Пойдем за наш столик, иначе тебе придется сидеть с близнецами.

— Мортису это может не понравиться, — возразил Бурджвик. — Я лучше сяду с… — Бурджвик осекся. Он хотел сказать "С мамой и папой", и, судя по напуганному лицу Брееши, она это поняла.

— Да пошел этот Мортис со своим модным плащиком куда подальше, — сказала Брееша. — Он так увлечен самим собой, что даже не обратит на тебя внимания. Послушать его, так можно подумать, что сегодня его тридцатая Охота на доппеля, хотя на самом деле — всего лишь третья. — Она закатила глаза и снова надвинула на лицо свою белую, как кость, маску. — Пошли.

Банкетный зал в Сомнамбулическом доме был превращен в потусторонний мир: зараженные птицы летали над столами, разрисованные яркими красками акробаты свисали со стропил или медленно летающих дронов, а обычные теплые желтые биофонари заменили на бледно-лиловое освещение. Когда Бурджвик посмотрел на свои руки, он увидел, что его кости просвечивают сквозь кожу.

Большинство гостей, не видевших прежде фокуса с "мертвым светом", смеясь, осматривали

скелеты всех присутствующих. Бурджвик смутно помнил, что такое освещение было опасным, но, вероятно, в пищу добавляли дополнительные клеточные соединители, чтобы смягчить его воздействие.

Однако акробаты не могли использовать клеточные соединители, как и слуги, которые сновали по залу, держа в руках подносы с напитками, хотя на некоторых были тяжелые и жесткие фартуки, которые, возможно, защищали их. Бурджвик надеялся, что Джиб не станет слишком часто выходить из кухни.

Охотничий плащ Мортиса в самом деле выглядел очень импозантно в "мертвом свете", всякий раз, когда он двигался, плащ оставлял в воздухе серебристое сияние. Когда Бурджвик и Брееша сели за стол, он громко рассказывал своему кузену Орри какой-то анекдот. Мортис лишь на мгновение взглянул на брата, а затем перевел взгляд в сторону, как будто его здесь и не было или он вдруг стал невидимкой. Но он хотя бы не стал возражать, когда они садились за стол, и Бурджвик по своему опыту знал, что это даже к лучшему, если брат игнорирует его.

Вскоре к ним присоединилась еще пара кузин: Фенелла и ее сестра, чье имя Бурджвик никак

не мог запомнить. Краем уха Бурджвик слышал, как повар отдавал приказания — его голос ни с кем невозможно было спутать. Через минуту из кухни высыпали слуги, нагруженные разной едой. Там было культивированное мясо, сложенное подрагивающими горками, амниотические пудинги, сферы из кактуса, которые раскрасили разными пигментами и придали им форму дынь, тыкв и других фруктов и овощей, произраставших когда-то в этих местах. Бурджвик вспомнил про калорийного червя тети Виолетты и с надеждой подумал, что он справится с возложенной на него задачей.

Есть ему особо не хотелось, поэтому он проглотил лишь несколько кусочков со своей тарелки, когда Фенелла тихонько толкнула его ногой под столом.

— Выпить не хочешь, маленький кузен? — спросила она.

Фенелла снова толкнула его, и Бурджвик понял, что от него хотят, посмотрев под стол. Фенелла с сестрой набрали столько остатков из пустых бутылок, что им впору было открывать свое пивное заведение. Содержимое ведерка было не таким густым, как полноценное бактериальное пиво, зато пенилось намного лучше, и от него исходил

такой же дразнящий запах.

— Поможет успокоиться, — широко улыбнулась Фенелла. — Перед охотой.

Бурджвик осмотрелся. Никто из взрослых не обращал на них внимания. Дядя Беллерофон, прижавшись к плечу тети Виолетты, хохотал во все горло, потому что отец, обычно такой угрюмый, решил показать фокус: вынул свои черные глазные шары из глазниц и заставил их бегать наперегонки по столу на маленьких тщедушных ножках; один глаз все норовил запрыгнуть под юбку тете Нефертити, но она отбилась от него закрытым веером. Мамы нигде не было видно.

Брееша уже наполняла свой стакан из ведерка, ее примеру последовали Орри и Мортис, который затем с усмешкой передал ведерко Бурджвику. Тот погрузил свой стакан в ведерко, в глубине души ожидая, что брат сейчас выльет все содержимое ему на брюки, позовет мать и свалит всю вину этой затеи на него. Но вместо этого Мортис лишь сдержанно кивнул в знак одобрения.

Восстановленное пиво было отвратительным на вкус, но после того, как Бурджвик с трудом проглотил полстакана, он немного расслабился и даже повеселел. Все остальные наслаждались вечером, в особенности Мортис и Брееша. Мортис

снял со шкуры Брееши ее маску, чтобы иметь возможность взглянуть сквозь ее прорези с другой стороны, и Бреша весело хихикала, несмотря на то, что еще совсем недавно посылала куда подальше Мортиса с его модным плащиком. От всего этого у Бурджвика как-то странно свело желудок.

После того как слуги убрали со столов посуду, по залу медленно расползлась тишина. Бурджвик увидел, что Старая Мадам вышла перед гостями и приготовилась произнести речь, одна из ножек ее кресла нетерпеливо стучала по полу. Отец громко хлопнул в ладоши, и все разговоры окончательно стихли. Кузены расселись по своим местам и приготовились слушать; Бреша оттолкнула от себя Мортиса.

Старая Мадам обвела взглядом представителей всех домов, а затем открыла рот.

— Ну вот мы снова здесь все вместе, — прошептала она. Ее голову окружали черные губки, которые тут же принялись улавливать и усиливать голос, распространяя его по банкетному залу. Бурджвик почувствовал, как волосы на его руках встают дыбом. — Мне всегда было ужасно скучно каждый год рассказывать одну и ту же историю, но в последнее время я даже стала получать от

этого удовольствие. Это все равно что вернуться в привычный ритм. Наверное, я просто старею.

Взрослые вежливо рассмеялись; после чего Бурджвик поддержал их.

— Три столетия тому назад мир оказался на пороге страшной катастрофы, дети мои, — произнесла Старая Мадам, и эти знакомые слова напомнили Бурджвику, как еще совсем маленьким ребенком он сидел на коленях матери и слушал. — Летом стоял палящий зной, приливы становились все сильнее, а все города мира кишели паразитами. Эти паразиты постоянно размножались в грязных трущобах и умоляли дать им еды, чтобы наполнить распухшие животы их детей, и те, в свою очередь, тоже смогли бы плодиться дальше. Мир не мог больше выдерживать их. Тогда начались войны, голод и наводнения, которые поглощали целые острова. И кого же обвинили во всем паразиты?

Бурджвик на автомате подхватил следующее слово:

— Нас. — Голос Старой Мадам задрожал от презрения. — Они обвинили тех, кто был достаточно силен и умен, чтобы подняться на вершину горы из человеческих экскрементов и удержаться на этой вершине. Они обвинили нас в том, что мы

отравили небеса и убили океан. Паразиты были слабыми и глупыми, но их было много, и они были ужасно злы. Они объявили на нас охоту, дети мои, и убивали нас даже тогда, когда мир стал рушиться вокруг них.

В те времена было много семей. Сотни домов, носивших разные имена, и они были рассредоточены по всему земному шару. Но выжили только мы. Когда эти орды пришли за нами, мы успели спрятаться от них под землей в бетонных дворцах. Но, уходя, мы оставили паразитам на прощание подарок — Заразу.

Феррик поддержал ее радостным восклицанием; Старая Мадам посмотрела на него и покровительственно улыбнулась.

— Итак, дети мои, нам оставалось лишь одно — ждать, — сказал она. — Мы ждали под землей, пока Зараза очистит мир. И ждали целое столетие. Наша семья нашла генетические ключи, позволившие нам существовать без солнечного света и зелени, воспроизводить себе подобных без помощи посторонних людей, и даже оттягивать неизбежный конец. По крайней мере, на какое-то время.

Она задумчиво провела пальцем по трубочкам на своей шее.

— Мой отец Венделл и его брат-близнец Эддард стояли во главе нашего клана, когда мы, наконец, вышли на поверхность на сотую годовщину Заражения. Они увидели новый мир. Чистый мир, который ждал нас. Но паразиты не исчезли. Некоторые из них все еще копошились в грязи, цеплялись за жизнь, у них оказался иммунитет против Заразы, однако они были уязвимы перед теми болезнями, которые мы перенесли во время длительной изоляции.

Мы отправили их туда, где им и было место. Но Эддард смотрел на все иначе. Он жалел их. И раскаивался в том, что мы устроили Заражение. Он отрекся от своей семьи. — Голос Старой Мадам стал низким и ехидным. — Отец пытался образумить своего брата-близнеца. Он показал ему, что паразиты могли прислуживать нам, как было в прошлом. Но Эдварда это не удовлетворило. Он хотел безвозмездно подарить паразитам то, что мы добыли с таким трудом. Он собирался вручить им генетические ключи, позволить залатать свою плоть, вырастить свои шкуры, спастись от голода и болезней. Он хотел сделать их равными нам.

Доброта Эддарда могла обернуться гибелью для всех нас, дети мои, — мрачным голосом сказала Старая Мадам. — Вновь запустила бы цикл обре-

ченности. И мой отец был вынужден перейти к жестким действиям. Он изгнал брата-близнеца — половинку самого себя — из нашей семьи. Но когда Эддард ушел, он, словно ночной вор, забрал с собой генетические ключи. И тогда мой отец понял, что в случае успеха Эддард позволит паразитам вновь распространиться по земному шару, они станут сильнее, чем прежде, и мир во второй раз постигнет конец.

Волосы на затылке Бурджвика встали дыбом — Мортис исчез из-за стола. Бурджвик слишком увлекся, слушая историю о Заражении, и не заметил, как ушел его брат. Брееши тоже не было. Он обвел взглядом весь банкетный зал, но не смог разглядеть их в "мертвом свете". Окончание истории Старой Мадам он слушал уже в пол-уха.

— Итак, мой отец последовал за своим братом-близнецом до мертвого леса, за которым теперь находится Сомнамбулический дом, и дождался, пока он достанет ключи. Отец убил Эддарда и оставил его труп гнить под деревьями. — Старая Мадам наклонилась вперед, кресло немного присело, чтобы сохранить баланс. — Доброта Эддарда, его слабость, могли заразить всю семью и все дома. Мы должны беречь себя от подобных чувств. Поэтому каждый год в канун Дня Заражения мы

вспоминаем нашу историю и защищаем наше будущее. Мы убиваем слабую частицу самих себя. Как сделал мой отец.

Старая Мадам замолчала. Гости ждали, пытаясь понять, закончила она свой рассказ или нет, ее веки дрожали — то открываясь, то закрываясь. Наконец, она похлопала по ручке своего кресла и вернулась на свое место за столом. После ее слов все как будто заледенело. Бурджвик все еще искал взглядом брата и Бреешу, и его подозрения усиливались с каждой минутой, но тут его отец поднялся со своего места.

— Охота — одна из самых важных наших традиций, — сказал он. — И к счастью для нас, это чертовски увлекательное занятие. Давайте посмотрим на доппелей.

Зал тут же ожил и наполнился тихим взволнованным бормотанием. Гости ерзали на своих креслах, чтобы получше все разглядеть, и Бурджвик увидел, как Феррик забрался на плечи зеленого человека, а Фрейя последовала за ним. Затем двери распахнулась, и слуги загнали в зал доппелей, толкая их длинными черными прутами. На мгновение Бурджвик напрочь забыл об исчезновении Мортиса.

Их было две дюжины — по одному на каждого

из участников охоты. Несколько недель назад Бурджвик и Джиб тихонько пробрались к освещенным красным светом инкубаторам, где они плавали в геле из клеточных соединителей и ферментов. Даже самый крупный из них был тогда размером с младенца, но катализаторы роста сделали свое дело. Теперь каждый доппель был примерно того же роста, что и те, двойниками которых они являлись. Однако ускоренный рост сказался на некоторых из них не лучшим образом: многие хромали или имели слишком короткие шеи.

Кузены тут же стали рассматривать доппелей, пытаясь выяснить, где чей двойник. Доппели, разумеется, были одеты в яркие светоотражающие костюмы, в которых их легче было заметить, и они носили маски с клювами, рогами или длинными ушами, как у давно вымерших животных, обитавших когда-то в лесу.

— Орри, вон твой! — радостно воскликнула Феннела. — У него такая толстая гузка, прямо как у тебя!

Бурджвик быстро и с легкостью отыскал своего доппеля: он оказался самым маленьким из всех, неуверенно стоял на ногах, а своими искусственными перьями и маской с клювом напоминал

одну из зараженных птиц. Бурджвик знал, что некоторые пожилые родственники ненавидели маски. Он слышал обрывки их разговоров, когда они говорили, что маски сильно упрощают задачу, и что это ненастоящая Охота на доппеля, раз ты не можешь смотреть в глаза этим тварям, пока они корчатся и истекают кровью.

Но Бурджвик был рад, что на них маски, особенно когда его доппель, кажется, нарочно попытался заглянуть ему прямо в глаза. Бурджвик напомнил себе, что доппель не был человеком. Так объяснил ему наставник. Они были грубыми копиями, сделанными в очень короткие сроки, и обладали примитивным мозгом, который позволял им только дышать и двигаться.

Страх был единственным чувством, которое они могли испытывать. Доппелей накачивали наркотиками перед тем, как вывести в банкетный зал, но едва их действие прекращалось, они снова становились пугливыми и начинали искать, где бы спрятаться.

В этот момент снова появился Мортис и тихонько сел на свое место рядом с Орри. Его лицо было румяным, а на губах — хищная улыбка. Он прошептал что-то на ухо кузену, и они оба рассмеялись. Бурджвик отвернулся. Кажется, он

догадывался, почему Мортис и Брееша исчезли в одно и то же время. Мортис довольно часто говорил об этом.

Доппелей вывели в коридор, а оттуда — на лужайку перед домом, и старшие родственники, которые еще принимали участие в охоте, поднявшись со своих мест, принялись массировать животы и ворчать, что они слишком много съели. Кузены тоже встали из-за стола — теперь к ним присоединилась и Брееша, которая даже не посмотрела в сторону Мортиса. Бурджвик последовал за ними.

Мортис, похоже забыл о своем обещании расквитаться с ним, однако Бурджвик по-прежнему чувствовал тревогу. Ему казалось, что он был Эддардом, а Мортис — Венделлом, преследовавшим его в залитом лунным светом лесу.

Бурджвик совсем забыл про Клуни, который плавал в цистерне утопленника со стеклянными глазами. Но теперь слуги выкачивали воду, и одна из служанок, Бурджвик подумал, что, возможно, она была женой Клуни, тихо плакала. У Бурджвика возникло такое чувство, будто еще одна иголка вонзилась ему в позвоночник вдобавок к тем, которые уже торчали там: уставившийся на него доппель, Брееша, ухмыляющийся Мортис,

червь в желудке тети Виолетты, а также игра в плевальщиков и ее внезапный конец.

Все снова пошло кувырком; он знал, что отчасти в этом было виновато разбавленное бактериальное пиво, но дело было не только в нем. На лужайке слуги готовили различные приспособления для охоты: ружья и трекеры, настроенные на сенсоры в костюме каждого доппеля, чтобы случайно не убить чужого доппеля; юрких четвероногих дронов, двигающихся на дозвуковой скорости и выманивающих доппелей из укрытия; а также летающих дронов, которые носились над местом охоты и транслировали происходящее в теплый банкетный зал, где все события воспроизводились с помощью твердого света.

И разумеется, не обошлось без головорезов — слуги решили проверить спусковой механизм одного из них как раз в тот момент, когда Бурджвик проходил мимо, и он невольно вздрогнул, услышав скрежет и щелчок.

— Волнуешься?

Это была Бреешa, которая с небрежным видом проверяла прицел своего ружья. Бурджвик ответил не сразу. Он хотел сказать ей, что чувствовал себя преданным, ведь он всегда надеялся, что она была с ним заодно против Мортиса; но потом

понял, что, возможно, так было лишь, пока они оставались детьми, к тому же она наверняка ответила бы ему, что это не его дело.

— Я не знаю, — сказал он наконец.

— Я тренировалась, — призналась Брееша. — Стреляла по слугам из ружья, заряженного краской. Это просто. Не волнуйся. — Она с удрученным видом пожала плечами. — Впрочем, вряд ли кто-то станет следить за тем, как у нас идут дела. Взрослые будут заняты выпивкой и сексом в укромных уголках.

Уши Бурджвика стали горячими, словно лава.

— А ты с Мортисом? — выпалил он, не думая.

— Что? — Голос Брееши был равнодушным. — Так вот что он тебе сказал?

— Вы оба ушли куда-то. Во время банкета.

— Меня стошнило бактериальным пивом, — резко ответила она. — А где был он, я понятия не имею.

С этими словами она отправилась за своим головорезом, и Бурджвик пожалел о сказанном. Возможно, он ошибся, а может, и нет, и Брееше просто стало стыдно.

Доппелей согнали на опушку леса, они были связаны между собой и привязаны к столбу веревками из жил. Действие наркотика уже начало

проходить, и некоторые из них с хрипом пытались высвободиться из своих пут.

Бурджвика посетила странная и неподобающая мысль, которая не посещала его ни в прошлом, ни во все предыдущие годы: каково это — быть доппелем? Когда ты рождаешься с чувством страха, потом тебя одевают и волокут в лес, где на тебя начинается охота. Им повезло, что они были лишены способности мыслить.

— Ваше ружье, мистер Бурджвик.

Бурджвик взял его из протянутых рук слуги. Оно было старое и сделано в основном из дерева, но ему было известно, что оно заряжено такими же "умными" пулями, как и новое ружье Мортиса. Промахнуться было очень сложно. Под стволом крепился фонарик, а к прицелу — трекер, который показывал множество крутящихся желтых шариков — доппелей в их костюмах со вшитыми сенсорами, — и один красный шарик — это был доппель, предназначавшийся Бурджвику. Слуга протянул ему головорез; Бурджвик осторожно взял его в руки, и подождал, пока его шкура создаст специальную петлю, которая позволит закрепить головорез у бедра.

Охотничьи дроны уже были готовы к действию, суставы на их ногах крутились и щелкали. Лета-

ющие дроны поднялись в небо и растворились в темноте. Все направились в лес. У одного из дядьев были красные губы, и он едва держался на ногах от выпитого им вина; другие похлопывали его по спине и смеялись; Мортис спорил с Орри, что он подстрелит своего доппеля меньше, чем за двадцать минут.

Когда они приблизились к связанным доппелям, Бурджвик почувствовал, что его сердце отчаянно бьется о ребра, словно огромный кулак. Ночной воздух был достаточно прохладным, и изо рта у них выходили облачка пара. Слуги со шприцами переходили от одного доппеля к другому и впрыскивали им адреналин и феромон страха. Доппели корчились и извивались, пытаясь освободиться из веревок. Бурджвик увидел своего доппеля в конце ряда, он дергался и топал ногами, когда слуга втыкал иголку ему в пах. От этого зрелища Бурджвику стало немного не по себе.

Мортис неожиданно повернулся к нему и улыбнулся своей широкой белозубой улыбкой.

— Ну вот, сейчас начнется, маленький братик, — сказал он, — Мне кажется, первая охота на доппеля всегда самая запоминающаяся.

Красногубый дядя протяжно зарычал в знак

согласия.

— Я свою первую охоту никогда не забуду, — сказал он. — Да выпускайте же этих чертовых тварей!

— Спорим, ты вернешься последним, — прошептал Мортис так, чтобы дядя не услышал его. — Все же знают, как ты боишься темноты.

Он прошмыгнул мимо и вышел вперед, прежде чем Бурджвик успел ответить. Он только покрепче сжал свое ружье. Горло стало сухим, как кость, да еще это чувство гнева, которое распирало, пульсировало в нем, пока он стоял между Бреешей и Орри! Он не был трусом. Если бы он был трусом, то не пошел бы за Мортисом в лес, где они будут надежно скрыты от всевидящих черных глаз отца.

Как только доппелей подготовили, слуга с помощью спрея растворил веревки из жил, а те, что растворить не удалось, разорвал руками. Доппели замерли, не зная, как им распорядиться внезапно обретенной свободой. Затем дроны с воем бросились вперед и погнали доппелей к лесу. Несколько охотников начали кричать и делать выпады в сторону доппелей, когда те вприпрыжку понеслись к деревьям. По телу Бурджвика пробежала дрожь.

Он много раз бывал в лесу, и в детстве эти мертвые деревья казались ему бесконечными, однако теперь, поглотив доппелей, лес произвел на него совершенно другое впечатление. Он выглядел угрожающим. Когда Бурджвик осветил фонариком на ружье тонкие стволы и изогнутые ветви, они заблестели тем же серебристым светом, что и охотничий плащ Мортиса.

Бурджвик знал, что для зрителей, наблюдавших за ними из банкетного зала, начался обратный отсчет, но через несколько минут подвыпивший дядя принялся ворчливо возмущаться, что ожидание слишком затянулось, и выстрелил в воздух из своего ружья. Грохот выстрела разорвал ночную тишину. Все охотники и дроны устремились в лес, и толпа понесла Бурджвика вместе с собой.

Сначала они двигались одной группой, но затем Мортис и Орри вырвались вперед, остальные тоже стали расходиться в разные стороны, следуя указаниям своих трекеров. Бурджвик и Брееша разделились последними, и на мгновение ему захотелось попросить ее, чтобы она осталась с ним.

— Мой направляется на север, — объявила она, взглянув на свой трекер. — Хорошей охоты, Бурджвик. Увидимся в Доме.

— Хорошей охоты, Брееша, — сказал он и остался один.

Красная точка на его трекере двигалась зигзагами, словно совершенно сбитая с толку. Следуя за ней, Бурджвик чувствовал себя точно так же. Ему казалось, что деревья наклонялись и раскачивались, что их ветви вырывались из темноты, словно когтистые лапы. Он слышал, как по лесу разносился стук сапог и победоносные крики. Один выстрел. Потом — еще один. Оба раза он невольно вздрагивал.

На мгновение у него возникло желание развернуться и пойти обратно в теплый, ярко освещенный Дом. Но все станут смеяться, а отец посмотрит на него и ничего не скажет, к тому же в ушах у него до сих пор звучали слова Старой Мадам: "Мы убиваем слабую частицу самих себя". Вот, что он должен был сделать. Он убьет своего доппеля, прежде чем Мортис убьет своего, и это сделает его сильным. Возможно, достаточно сильным, чтобы дать отпор.

Бурджик ускорил шаг, углубляясь в лес и следуя за красной точкой. Его фонарь осветил промерзшую землю, он увидел помятые кусты ежевики и отпечатки ног на земле. В тени что-то мелькнуло, но это был всего лишь крадущийся дрон. Бурдж-

вик перепрыгнул через искривленные корни и спрятался за низко свисавшими ветвями, адреналин растекался по его жилам и ускорял и без того быстрый пульс. Красная точка стала двигаться медленнее, и Бурджвика охватило приятное предчувствие скорой победы.

А затем красная точка исчезла.

Бурджвик замер, тяжело дыша. Выходивший изо рта пар клубился вокруг его головы. Сенсор доппеля вышел из строя, либо он стоял абсолютно неподвижно. Бурджвик стал красться вперед на цыпочках, держа наготове ружье. Доппель наверняка был где-то рядом. Бурджвик старался двигаться бесшумно. Он больше не слышал других охотников; они ушли очень далеко, а лес был слишком густым.

Ему показалось, что слева от него что-то мелькнуло, но трекер по-прежнему оставался черным, а когда он выглянул из-за дерева, там никого не оказалось. И снова у него все пошло кувырком! Могло ли так случиться, что доппель сам отключил сенсор и теперь, возможно, наблюдал за ним? Охотился на него.

Вся кожа Бурджвика покрылась мурашками, и даже шкура больше не согревала его. Руки, сжимающие приклад ружья, стали влажными. Он

вытер их о живот, но через мгновение они снова покрылись потом.

Хрустнула ветка; он повернул голову, увидел приближающуюся к нему темную фигуру, вскинул охотничье ружье дрожащими руками, прицелился…

— Все еще не можешь найти его? — спросил Мортис, включая свой фонарь. — Я своего уже давно пристрелил.

Бурджвик опустил ружье, но лишь слегка. Его нервы были напряжены до предела. Ружье Мортиса висело у него за плечом, его шкура отрастила для этого специальный ремень. Он держал фонарь в одной руке, а в другой доказательство своих слов — головорез, на котором висела голова доппеля. На лице доппеля не было маски, и оно представляло собой уродливую пародию на Мортиса, с фиолетовыми губами, остекленевшими глазам, все перепачканное запекшейся кровью из раны. От этого зрелища Бурджвик почувствовал во рту горьковатый привкус желчи.

— Знаю, у меня не такой большой нос, — небрежно заметил Мортис, наклоняя голову доппеля то в одну, то в другую сторону и освещая ее фонарем. — Правда ведь?

— Нет, — машинально ответил Бурджвик и тут

же мысленно отругал себя за это.

— Нет, — согласился Мортис. Его улыбка стала еще шире, почти как у маньяка. — Давай поищем твоего доппеля?

Бурджвик медлил, он надеялся, что из-за деревьев сейчас выйдет Брееша или кто-нибудь из его дядьев, пусть даже тот пьяница. Но они были одни. Он коротко кивнул брату. Мортис кивнул ему в ответ с наигранной церемонностью, а затем громко рассмеялся и отвернулся, освещая темноту фонарем. Бурджвик последовал за ним, мысли так и крутились в его голове.

Возможно, Мортис хотел найти ветку покрепче, чтобы потом выпороть его? Или просто искал удобный случай, чтобы повалить на землю, оттрепать за уши и заставить слизывать кровь с мертвого лица доппеля? А может, Мортис хотел убить его доппеля и вернуться на банкет с двумя головами, объяснив это тем, что его младший брат оказался слишком нерасторопным, трусливыми и глупым и сам не справился? И тогда он в очередной раз будет опозорен.

Но может быть, все закончится для него совсем не так. Внутри у Бурджвика все сжалось. Возможно, *он* был Венделлом, а Мортис — Эддардом. Если он застрелит Мортиса и сделает вид, что

это было случайностью, что его серебристый плащ просто слился с серебристыми стволами деревьев, то тогда он навсегда освободится от своего брата-мучителя. Бурджвик рассудил, что на таком близком расстоянии "умная" пуля не сможет уклониться и попадет в цель. Он стал медленно поднимать свое ружье, пока его дуло не оказалось направленно в спину Мортиса.

А потом он увидел его. Он сидел, склонив набок голову, у высокого дерева между двух корней, которые образовывали нечто вроде люльки. Светоотражающий костюм его доппеля был наполовину испачкан в грязи, клюв на его маске измят, словно он наткнулся на что-то. Доппель сидел неподвижно, настолько неподвижно, что в какой-то момент Бурджвик решил, будто он уже умер.

Доппель слегка дернул головой, и прежде чем Мортис тоже успел его заметить и украсть у Бурджвика победу, Бурджвик вскинул ружье и выстрелил. Из-за отдачи приклад ударил Бурджвика в плечо, а шум выстрела заставил Мортиса подпрыгнуть на месте. Бурджвик почувствовал какое-то дикое удовольствие, увидев, как вздрогнул его брат, и это чувство только усилилось, когда он перевел взгляд на дергающееся и съе-

жившееся тело доппеля.

У него получилось! У него все получилось, и это было так просто. Мортис дико захохотал, и на мгновение Бурджвику тоже захотелось рассмеяться. С чувством легкого головокружения он кинулся к доппелю. "Умные" пули при ударе расщеплялись, и весь костюм доппеля был изорван от бедра до ребер. Дюжина отверстий уже пропитались красной кровью. Его грудь тяжело вздымалась.

— Молодец, маленький братик, — сказал Мортис. — Ты хотя бы знаешь, из какого конца ружья нужно стрелять.

Что-то здесь было не так… Бурджвик ощущал это всем своим нутром. Мортис не должен был радоваться. Доппель не должен был прятаться так тщательно и скрывать за грязью светоотражающие фрагменты своего костюма. Дрожащими руками Бурджвик потянулся к маске доппеля. Он дернул ее, но она будто прилипла. Мортис присел рядом с ним на корточки и горячо, с нетерпением, задышал ему на ухо.

Бурджвик дернул посильнее. Маска оторвалась, содрав кусочки кожи. Глаза Джиба были полны паники и налиты кровью, его ноздри раздувались, а рот был перепачкан клеем из

плевальщика.

У Бурджвика возникло такое чувство, словно его желудок провалился в какую-то бездонную дыру. Он упал на одно колено и, чтобы не потерять равновесие, уперся ладонью в мертвую землю. Перед глазами все расплылось и почернело; пульс громко стучал в ушах. Доппель оказался Джибом. Джиб оказался доппелем. Все пошло кувырком.

— Правда, костюм сел на него как влитой? — спросил Мортис. — Мы сказали ему, что хотим разыграть тебя, и заставили надеть этот костюм. А когда его накачали наркотиками, он стал вести себя как остальные.

Бурджвик вспомнил все те игры, в которые они играли с Джибом, и как Джиб всегда помогал ему выигрывать. Его раздробленная грудная клетка все еще поднималась и опускалась. Возможно, в Доме окажется достаточно клеточных соединителей, чтобы спасти его. Но Бурджвик знал, что клеточные соединители были не для него, не для Клуни и не для других паразитов. И тогда он понял, что Джиб все еще способен был помочь ему выиграть в последний раз.

Он подавил свой гнев, свои душевные муки и все остальные чувства, которые испытывал в тот

момент. Затем отстегнул от бедра головорез и набросил его на голову Джиба.

— Остроумная шутка, Мортис, — сказал Бурджвик, его голос и выражение лица были абсолютно бесстрастными. — Но тебе не стоит играть со слугами. Это недопустимо.

Бурджвик нажал на рычаг, головорез щелкнул, свистнул лезвием, и горячая темная кровь забрызгала его руки.

Хан Сон[20]

Хан Сон — китайский писатель и журналист, работает на государственное информационное агентство "Синьхуа". Его первый сборник рассказов Gravestone of the Universe *("Могильные камни Вселенной") был опубликован в 1981 году в Тайване и лишь спустя десять лет издан на его родине — в Китайской Народной Республике. Сон — шестикратный обладатель китайской литературной премии "Галактика". Журнал "Los Angeles Times" назвал его одним из ведущих писателей-фантастов Китая. Хан Сон является автором таких романов, как* Subway *("Подземка"),* My Homeland Does Not Dream *("Моя родина никогда не спит"),* Red Star Over America *("Красная звезда над Америкой") и* Red Ocean *("Красный океан").*

---

[20] Примечания: 20

© Han Song, 2019; © пер. Н. Нестеровой, 2020.

Подводные лодки

Когда я был ребенком, то часто просил родителей отвести меня на берег реки Янцзы посмотреть на подводные лодки. Они приплывали в наш город по реке целыми стаями или косяками. Я слышал, что некоторые подлодки прибывали также из притоков Янцзы: рек Уцзян, Цзялинцзян, Хан, Сянцзян и других. Лодок было так много, что их стоянка напоминала ковер из муравьев или тысячи набухших грозовых туч, спустившихся с небес.

Время от времени, к моему огромному удивлению, то одна, то другая лодка вдруг исчезала с поверхности воды. На самом деле они совершали погружение. Сначала огромный корпус подводной лодки начинал дрожать, а затем — медленно уходить на дно, а вода вокруг бурлила, и по ней расходились волны, похожие на сложный загадочный шифр. Наконец, вся лодка исчезала под толщей воды, включая маленькую колонну наверху, напоминавшую миниатюрную смотровую башню. Вскоре воды реки вновь возвращали свою привычную безмятежность и таинственность, а я потрясенно наблюдал всю эту картину.

Затем подводная лодка выныривала из глубин, как чудовище, разбрызгивая во все стороны красивые волны. "Смотрите! Смотрите! — кричал тогда я. — Она всплывает!" Но родители никогда не реагировали на мои слова. Их лица оставались каменными, они напоминали мне два вялых домашних растения, которые уже много недель никто не поливал. Казалось, что подводные лодки своим появлением похитили их души.

Большую часть времени подлодки стояли на якоре, неподвижно, на гладкой поверхности реки. Их опутывали провода — они тянулись от одной башни к другой. Развешенное на проводах белье напоминало разноцветные флаги: брюки и рубашки висели вперемешку с тряпичными подгузниками. Женщины в фартуках из толстой грубой ткани готовили прямо на палубах, на угольных печках, и над рекой, словно над туристическим лагерем поднимался дым. Иногда женщины присаживались на корточки, наклонялись к воде и начинали бить деревянными палками по белью, которое они раскладывали на твердом металлическом корпусе лодок. Время от времени из подлодок выбирались пожилые мужчины и женщины, они садились, поджав под себя ноги, и с расслабленным видом курили

трубки с длинными мундштуками, а подле них, свернувшись калачиком, устраивались кошки или собаки.

Подводные лодки принадлежали крестьянам, которые приплывали в наш город в поисках работы. Отработав в городе целый день, крестьяне возвращались в свои подводные жилища. До появления подлодок приезжавшие на заработки крестьяне вынуждены были снимать койки в дешевых квартирах пригородных поселков — девелоперы в своем стремлении расширить город поглощали их фермы и сгоняли людей на эти клочки земли, окруженные морем небоскребов. Жители городских поселков сдавали места на общих койках, каждая — не больше фута шириной, и крестьяне, приехавшие на строительство города, спали там вповалку, словно свиньи или овцы в хлеву. Подводные лодки позволили им обрести свои собственные дома.

Между берегом и стоящими на якоре подводными лодками сновали плоты. Крестьяне перевозили на этих плотах своих братьев и сестер между двумя совершенно непохожими друг на друга мирами. Вечером, когда все возвращались по своим домам, подлодки выглядели особенно красиво. Огни газовых фонарей на каждой из них

создавали неповторимые узоры, напоминавшие вырезанные из бумаги орнаменты, которыми украшают оконные стекла. На каждой подлодке семьи усаживались вокруг стола и ужинали, и прохладный ветерок приносил на берег их смех и веселую болтовню, вызывая странную зависть у городских жителей. Когда тьма сгущалась, огни на лодках постепенно гасли, оставался лишь один — тревожный луч прожектора на маяке в порту, и он блуждал во мраке, освещая неподвижные корпуса лодок, напоминавшие спящих китов. Однако в это время суток многие подлодки исчезали. И каждый раз луч прожектора освещал все меньше и меньше судов. Они погружались неожиданно, без всякого предупреждения, как будто крестьяне не могли спокойно уснуть, пока вода не окружит их со всех сторон и не защитит от внешнего мира. Точно так же водоплавающие птицы засыпают только после того, как спрячут голову под крыло. Лишь погрузившись на дно вместе со своими семьями, они могли оставить все свои заботы на поверхности, избавиться от страха и неуверенности и видеть сладкие сны, не опасаясь, что их потревожат городские жители — ведь, возможно, именно поэтому они и построили подводные лодки?

Я часто задавался вопросом, насколько глубока была Янцзы и как много подводных лодок могло залечь на ее дне. Как же это было, наверное, жутко интересно: увидеть бесчисленные ряды их металлических корпусов, лежащих рядом друг с другом! При мысли об этом загадочном месте у меня захватывало дух, как будто там, под водой, находился еще один незримый мир!

Так или иначе, но подводные лодки постоянно находились рядом с нами, как гнездящиеся птицы, а их присутствие становилось поводом для горячих обсуждений. Каждое утро они всплывали из-под воды как пельмени в кипятке. В лучах восходящего солнца разливающиеся воды реки напоминали весенний паводок. Это зрелище навевало воспоминания об инопланетных космических кораблях из фильмов. Заполненные людьми плоты курсировали между лодками и берегом, перевозя воодушевленных крестьян, которых ожидал еще один день изнурительного труда на городских стройках.

Подводные лодки приплывали со всего Китая. Ходили слухи, что подобные стоянки были и в других городах и на других реках. В каждом море, озере, канале и канаве была своя колония подводных лодок. Никто не знал точно, кем была

создана первая подлодка. Говорили, что первые лодки вручную собирал какой-то талантливый народный умелец. С точки зрения искушенных горожан, эти лодки были образцами примитивных технологий: их собирали из металлолома, а некоторые — из кусков стеклопластика и фанеры. Ранние подводные лодки по форме напоминали рыб, у многих были головы и хвосты, раскрашенные красной и белой краской, на них даже были нарисованы яркие большие глаза, губы и плавники. Эти рисунки смотрелись немного чудно, но они прекрасно демонстрировали то особенное чувство юмора, которым были наделены крестьяне. Позже были построены новые подлодки, причем каждая семья старалась по-своему украсить их.

Обычно каждая лодка была рассчитана на одну семью из пяти или шести человек. На больших судах могли разместиться две или три семьи. Однако, судя по всему, крестьяне не способны были построить лодки, которые могли бы перевозить десятки и сотни человек. Некоторые городские жители предполагали, что эти лодки были созданы под впечатлением от романа "Двадцать тысяч лье под водой" или же, возможно, народным умельцам втайне помогали иностран-

ные специалисты. Но в конечном итоге никакой связи между подлодками и Жюлем Верном так и не удалось установить. Создатели лодок никогда не слышали про этого писателя. Все вздохнули с облегчением.

Со временем интерес к лодкам сохранили лишь городские ребятишки, взрослым же стало скучно, и они делали вид, будто не замечают их. В школе мы с энтузиазмом обменивались историями и новостями о лодках, рисовали их на листках бумаги, вырванных из наших ученических тетрадей. Но учителя никогда не упоминали про них и с суровым видом отчитывали нас, замечая, что мы обсуждаем подводные лодки, рвали на клочки наши рисунки и отправляли провинившихся к директору. По телевизору и в новостях редко упоминали о подводных лодках, как будто это скопление судов не имело к нашему городу никакого отношения.

Изредка какие-нибудь любопытные взрослые — по большей части художники или поэты — приходили на берег реки посмотреть на лодки и о чем-то перешептывались друг с другом. Они рассуждали о том, что, возможно, со временем эти лодки положат начало новой цивилизации. И цивилизация подводных лодок будет не похожа

на предыдущие мировые цивилизации точно так же, как млекопитающие отличаются от рептилий. Они хотели посетить подводные лодки, чтобы собрать местный фольклор и изучить традиции этих людей, но крестьяне никогда не изъявляли желания пригласить на борт своих кораблей городских жителей. Возможно, после целого дня тяжелого труда они так уставали, что у них не оставалось сил общаться с незнакомцами. Но помимо желания избавить себя от лишних забот, крестьяне к тому же не видели в этом выгоды для себя. Они ясно давали понять, что приезжали в город только ради поиска работы и денег. Однако простодушные крестьяне, похоже, не понимали, что они могли бы огородить палубы своих подводных лодок канатами и брать деньги со всех желающих посмотреть на них вблизи, превратив эти суда в туристическую достопримечательность. Точно так же они не проявляли никакого интереса к созданию "новой цивилизации".

Возвращаясь вечером на подлодки, крестьяне хотели только поесть и уснуть. Им нужно было хорошенько отдохнуть, чтобы на следующее утро у них были силы встать и посвятить весь день тяжелому труду. Крестьяне выполняли

самую грязную и трудную физическую работу за минимальную плату, которую им в любой момент могли задержать или не выдать вовсе, но они никогда не жаловались. И все потому, что у них были подводные лодки, позволявшие им после работы проводить время вместе с родными, а не оставлять их в далеких деревнях. Подводные лодки заменяли им поля, которые они были вынуждены продать местным властям и застройщикам по самым низким ценам, чтобы эти поля захватили разраставшиеся города. И хотя горожане вели себя так, словно происходящее с крестьянами не имело к ним никакого отношения, на душе у них было неспокойно, они испытывали чувство тревоги. Поэтому на подводных лодках не было пушек и торпед, чтобы убедить город в отсутствии угрозы с их стороны.

После того как я научился хорошо плавать, мы с друзьями стали втайне посещать подлодки. Вставив в рот трубочки из стеблей камыша, мы заплывали на середину реки и ныряли так, чтобы нас не было видно, а затем всплывали рядом с пришвартованными подлодками. С корпуса лодок на веревках свешивались большие деревянные клетки, мутная речная вода омывала их, кружилась вокруг решеток. Внутри мы видели

многочисленных крестьянских детей. Их землистого цвета тела были обнажены, они плавали, словно рыбы, тонкие руки и ноги ловко пронзали воду, а в солнечных лучах, проникающих сквозь илистую воду, их кожа казалась светящейся. Мы сильно удивились, когда поняли, что эти клетки были чем-то вроде ясель и детского сада для крестьянских детей.

Предводителем в нашей компании был мальчик на несколько лет старше меня.

— Нашли чему удивляться, — сказал он с пренебрежением. — Спорим, в заплыве на скорость мы их уделаем?

Мы собрались около одной из клеток и спросили у находившихся там детей:

— Вы когда-нибудь видели автомобиль?

Дети перестали плавать и сгрудились около решетки напротив нас. Их лица ничего не выражали, как у пластмассовых игрушечных зверей. Меня немного разочаровало, когда я увидел, что у них не было ни чешуи, ни плавников. Но по-прежнему непонятным оставалось то, как им удавалось проводить под водой столько времени без камышовых трубочек для дыхания.

Наконец, на лице одного из крестьянских мальчишек появилось выражение любопытства.

— Автомобиль? Что это такое? — проговорил он почти шепотом. Мне он напомнил какое-то чудовище из манги.

— Ха! Я так и знал! — сказал довольным голосом наш лидер. — На свете столько разных машин! "Хонда", "Тойота", "Форд", "Бьюик"... а, еще БМВ и "Мерседес"!

— Мы не знаем, о чем вы говорите, — неуверенно признался крестьянский мальчик. — Но мы видели много разной рыбы. Есть красные карпы, золотые карпы, черные карпы, осетры, а еще белые лещи и амурские лещи!

Теперь уже забеспокоились мы. Оглядевшись по сторонам, мы не заметили никакой рыбы. Учителя говорили нам, что вся рыба в Янцзы давно вымерла, и, возможно, крестьянские дети пытались обмануть нас? Где они могли увидеть всю эту рыбу?

— Мне кажется, они потом действительно превратятся в каких-то других существ, непохожих на нас, — пробормотал наш вожак.

Крестьянские дети с удивлением посмотрели на него, а затем продолжили бесцельно плавать в своей клетке, словно таким образом пытались от нас отделаться.

— Вы превратитесь в рыб? — спросил я.

— Нет.

— Кем же тогда вы станете?

— Не знаем. Но вы можете спросить у наших мам и пап, когда они вернутся с работы.

Я думал о том, что им приходилось жить под водой, вдали от своих полей и садов, вдали от суши, в то время как мы жили на берегу. Это все равно что сравнивать рыб и креветок с коровами и овцами. Неужели таково будущее?

Мы делали вид, что они нас интересуют, и пытались поиграть немного с крестьянскими детьми, но у нас ничего не вышло. Они не знали ни одной из известных нам игр, к тому же нас разделяли прутья клетки. Потом все эти попытки нам наскучили. В полумраке среди извивающихся в воде водорослей мы оказались во власти неведомого ужаса. И когда наш лидер скомандовал всплывать наверх, мы были рады вернуться в нашу реальность.

Крестьянским детям нравилось оставаться под водой. Пусть остаются.

Когда мы всплыли, наши сердца бешено стучали. Со всех сторон нас окружали огромные пришвартованные подлодки, напоминавшие молчаливых волков, притаившихся в воде. Как только что выпавший снег, их мрачные грубо

сколоченные корпуса отражали такой яркий солнечный свет, что мы поневоле сощурились. На поверхности тоже не было рыбы, мимо нас проплывали только трупы крыс и тараканов, а в густых слоях ряски увязли бесчисленные сломанные зарядки для телефонов, компьютерные клавиатуры, а также бутылки из-под газировки, пластиковые пакеты и прочий мусор. Запах, исходивший от буроватой воды, был почти невыносимым, повсюду летали стаи мух с переливающимися в солнечном свете зелеными головками.

По правде говоря, это было такое незабываемое, завораживающее зрелище, что мы еще какое-то время оставались там, в воде, и нас даже посетила мысль, что ради этого всего и приплыли сюда подводные лодки. После долгой одиссеи у них сформировалась своя уникальная система ценностей и особое чувство прекрасного. Крестьянские женщины занимались на борту лодок своими делами и даже не смотрели вниз на воду. Они варили рис и готовили еду в той самой вонючей воде, в которой бултыхались мы; любой городской житель умер бы от бактерий, если бы попробовал эту пищу, но с ними все было хорошо.

Затем взволнованные взрослые стали кричать нам с берега и звать домой. Их лица выражали *тревогу, страх и угрозу.*

За год до того, как я пошел в среднюю школу, произошло одно событие, связанное с подводными лодками.

Это случилось ночью в самом начале осени. Меня разбудил громкий шум, как будто весь наш город вдруг забурлил. Родители быстро одели меня, мы выбежали из дома и поспешили к реке. Мы смешались с разрастающейся толпой людей, чей топот ног и взволнованные крики напоминали треск новогодних салютов. Я был сильно напуган и закрывал руками уши, не понимая, что происходит.

Когда мы пришли на берег, я обнаружил, что подводные лодки были охвачены огнем. Огонь быстро распространился, все лодки уже полыхали. Насколько я помню, это было похоже на какой-то большой праздник: казалось, здесь собрались все жители города, их лица были уже не равнодушными, а, напротив, оживленными, они кричали и разговаривали, как будто на их глазах разворачивалось какое-то чудесное представление. Дрожа, я протиснулся сквозь толпу и встал рядом с родителями, пытаясь лучше разглядеть

происходящее сквозь людское море.

Бушующее пламя танцевало и перескакивало с одной лодки на другую, стоявшую поблизости. Огонь извивался, раскидывался во все стороны, словно юбки суровых танцовщиц фламенко. Дрожащие языки пламени освещали небоскребы на берегу, окрашивая их в осенние краски, и вскоре все это место стало напоминать только что написанную картину. Зрелище было ужасающим — никогда в своей жизни я не видел ничего подобного.

По какой-то причине ни одна из лодок не погрузилась на дно. Они словно забыли, чем на самом деле являлись. Лодки оставались на поверхности, и синее, как лед, пламя проглатывало их одну за другой. Здесь наверняка был замешан какой-то секрет, какая-то необъяснимая тайна. Я думал, что возможно, другой, фантастический пожар разгорался под водой, что молекулы воды каким-то образом трансформировались в нечто иное и вся река Янцзы отвергла свои физические свойства, которыми наделила ее природа, поэтому подлодки не могли погрузиться и вырваться из этого огненного танца.

Я подумал о детях в их подводных клетках, и мое сердце наполнили ужас и тревога. Повернув

голову, я увидел, что родители стояли как два зомби: неподвижно, устремив взгляд вперед, их глаза будто превратились в фонари, а лица окаменели. Другие взрослые бормотали нечто похожее на песнопения буддистских монахов, но никто не предпринял попыток погасить огонь. Казалось, они пришли сюда лишь для того, чтобы стать свидетелями смерти чуждых им существ с реки, увидеть, как непрошеные гости обретут абсолютную свободу.

У меня было такое чувство, что эта ночь длилась вечность, хотя я ни разу не подумал о смерти, только был погружен в размышления о мучительности и бессмысленности жизни. Я не испытывал грусти или скорби, но мне было жаль, что я никогда больше не смогу заплыть в другую реальность, увидеть картины, от которых у меня захватит дух, а мысли придут в смятение. Я чувствовал, как меня охватило непреодолимое чувство одиночества, хотя знал, что увиденное мной никак не повлияет на мое собственное будущее…

Наконец наступило утро. Тусклый солнечный свет озарил безжизненные остовы почерневшего металла, дрейфующие по реке. Они располагались нестройными рядами, кругами и кучками,

отражали холодный бесцветный свет и наполняли воздух гнилостным запахом осени. Горожане привезли подъемные краны, чтобы вытащить из реки обломки подводных лодок и отвезти их на склад металлолома. Весь процесс занял больше месяца.

После этого подводные лодки больше не приплывали в реку Янцзы.

С. Л. Хуанг[21]

*С. Л. Хуанг (*slhuang.com*) — писательница, автор бестселлеров, с успехом продающихся на Amazon.com. Окончила Массачусетский технологический институт по специальности математика и использовала свои познания в этой сфере для написания серии эксцентричных романов о супергероине-математике. В серию о приключениях Кэс Рассел вошли книги* Zero Sum Game *("Игра с нулевой суммой"),* Null Set *("Нулевое множество") и* Critical Point *("Критическая точка"). Недавно вышел ее новый, не связанный с данной серией роман —* Burning Roses *("Горящие розы"). Ее рассказы публиковались в различных научно-фантастических журналах и антологиях, в том числе в "AnalogScience Fiction and Fact", "Strange Horizons", "The Magazine of Fantasy & Science Fiction" и многих других. А кроме того, Хуанг работает каскадером в Голливуде и снималась в трюковых сценах в различных телесериалах, в том числе в "Звездном крейсере "Галактика"" и "Воспитывая Хоуп". Особенно запоминающейся была сцена*

---

[21] Примечания: 21

© S.L. Huang, 2019; © пер. Н. Нестеровой, 2020.

сражения с актером Нейтоном Филлионом. Хуанг стала первой в киноиндустрии женщиной-специалистом по огнестрельному оружию, она работала с такими актерами, как Шон Патрик Фрэнери, Джейсон Момоа и Дэнни Кловер, а также выступала в качестве эксперта по оружию при создании реалити-шоу "Лучший стрелок" и "Охотники за реликвиями".

Последнее, что осталось в мире этом

Толпа протестующих разрасталась и упрямо двигалась сквозь метель, люди все сильнее сжимались в комочки от холода, пока не стали похожими на целеустремленных жуков. Они то шли вперед, то разворачивались и брели назад, покачиваясь и петляя, их головы были наклонены, чтобы защититься от ветра, но голоса звучали пронзительно, когда они начинали скандировать:

Не убивайте детей, уничтожьте ракеты!

Пока не погибли на свете все мы!

С чердака, находившегося на высоте третьего этажа, Нима наблюдала, как они брели и кричали. Она невольно ловила себя на мысли, что они даже не потрудились придумать хорошую кричалку. К слову "ракеты" было не так уж и сложно подобрать рифму: "планеты", "ответы", "беды"…

Нима прислонилась лбом к оконному стеклу. Оно было таким холодным.

Она еще не знала, что ее наставник стоял в дверном проеме у нее за спиной. Тедж уже несколько

раз открывал рот, чтобы заговорить, но вместо этого лишь глотал ледяной воздух. Тедж был не из тех, кто при первой удачной возможности прибегает к самообману, но ему тяжело было расстаться со всеми иллюзиями, чтобы одержать победу в моральной борьбе с самим собой.

И он проиграл эту битву.

— Тебе не стоит смотреть на это, — сказал он Ниме. О, великий мир, как же на чердаке было холодно! Он спрятал руки в рукавах своей мантии, удивляясь тому, что Нима даже ни разу не вздрогнула.

Дети всегда были выносливыми. Слишком выносливыми.

— Теперь это моя обязанность, — сказала Нима в оконное стекло, и ее слова повисли туманом на стекле.

— Так не должно быть. — Теперь, когда он окончательно сдался, слова вылетали изо рта Теджа так, словно он хотел, чтобы они проникли в самое сердце девочки и не выпустили бы ее отсюда. — Ты ведь понимаешь это, верно? Ты можешь… ты можешь отказаться.

Нима знала. Наставники внушали ей, что у нее всегда будет выбор. Но они также объясняли, почему ее обязанности были так важны, и почему

их должен был исполнять кто-то совсем юный: если не она, то кто-нибудь из ее одноклассников.

И она верила им. Она верила в Орден и во все, за что они выступали.

Смерть пугала ее. Сильно пугала. Само это понятие было таким всеобъемлющим и мрачным, что просто не умещалось у нее в голове. Но оно пугало ее не настолько, чтобы обмануть доверие, особенно после того, как было названо именно ее имя.

Разумеется, в новостях утверждалось, что она не имела права выбирать подобную жизнь, а Орден проклинался за следование старым методам. "Десятилетки еще слишком малы, чтобы принимать подобные решения; они не способны самостоятельно делать выбор; это бесчеловечно!" Некоторые хотели, чтобы Орден был распущен. Другие — чтобы их указам следовали только взрослые, люди, которые уже переступили через магический порог, позволявший им сказать "да" спасению мира.

В тех же новостях, но уже не таким уверенным тоном, обсуждался вопрос — означало ли уничтожение традиций, связанных с Орденом, ликвидацию национального запаса серийных ракет.

— Ты учил меня этому, — сказала Нима Теджу. — Что это важно. Наша роль важна.

"Но твоя жизнь важнее!" — хотел крикнуть ей Тедж. Ему хотелось обнять ее как свою дочь, а не как одну из учениц, пусть это и стало бы предательством всего, за что он сражался.

— Это не обязательно должна быть ты, — с трудом выдавил он из себя. — Мы не знали, что так выйдет. Ты можешь отказаться. Можешь сказать ему "нет".

Нима отвернулась от окна, ее веснушки напоминали темные кляксы на белой коже, а огромные глаза занимали половину лица.

— Он страшный, — прошептала она. — Ты пойдешь со мной? На встречу с ним?

Теджу пришлось отвернуться, потому что Ниме не стоило видеть, как один из ее наставников плачет.

Никто не думал, что Отто Хан выиграет выборы. Он был тихим кандидатом-аутсайдером. По данным всех опросов, сначала он плелся где-то в конце списка, но затем неожиданно стал набирать популярность после того, как остальные кандидаты утомили всех своими пустыми обещаниями.

Вначале Орден даже не переживал особенно на

его счет — этой чести удостоилась другая кандидатка — она увлекалась демагогией и стремилась раздуть пламя военных настроений, чем приводила своих сторонников в дикий экстаз. Но она сгорела ярче и быстрее, чем тот костер ярости, который ей удалось разжечь в народных массах. Напряжение в Ордене немного спало, когда ее популярность сошла на нет, хотя после своего ухода она оставила следы сажи в виде рассерженных демонстрантов, которые кричали: "У нас есть ракеты, мы должны использовать их!"

Они ничего не понимали, эти люди. Они забыли. Но Орден был создан для того, чтобы ничего не забывать.

Все началось, когда за две недели до выборов репортер спросил Отто Хана его мнение по поводу серийных ракет. "Я думаю, что если они так важны, с военной точки зрения, то для защиты нашей страны мы должны использовать все имеющиеся у нас средства, — ответил он. — Мы ведем войну. А значит, нужно рассматривать все варианты развития событий".

Ответ посеял панику в Ордене, но не получил широкой огласки. Старейшины Ордена связались со средствами массовой информации и стали просить других журналистов надавить на Хана

и задать ему другие важные вопросы, пока еще не было поздно:

"Как вы можете оправдывать применение оружия, способного в одно мгновение превратить в пар целый город: здания, детей, больницы, военнопленных, миллионы ни в чем не повинных гражданских, все, что находится на территории в сотни миль? Разве это не военное преступление?"

"Как вы можете согласиться с тем, что вы войдете в историю как единственная страна в мире, использовавшая против людей серийное оружие? Как вы можете совершить то, что мы всегда считали немыслимым?"

И еще один, наиболее важный для десятилетней девочки из Ордена, а также всех, кто ее знал:

"Вы правда, настолько сильно хотите использовать это оружие, что поступите так, как требует того закон, и своими руками убьете ребенка — вашего соотечественника, чтобы получить доступ к этому оружию?"

Но на все это не нашлось времени. Никто не задал Хану этих вопросов, пока он не был избран.

Чаще всего Нима перечитывает стихотворение, написанное Акутой Миссоутои двести лет назад, когда он потерял всю свою семью во время разру-

шения Столицы.

Снег падает в пустоту,

Я хотел бы принести благовония к трем маленьким могилам,

Но у эха не бывает могил.

Мрачная тоска, наполняющая это стихотворение, еще больше укрепляла ее в тех убеждениях, которые в ней воспитывали, и подтверждала правоту Ордена.

Теперь последняя строчка непрерывно крутилась у нее в голове, отзываясь глухим эхо. Над ней будто нависал высеченный из гранита образ президента Отто Хана, он стоял, сжимая нож, и руки его были обагрены алой кровью — ее кровью.

Нима крепко сжала руку Теджа. От страха все ее чувства обострились.

Это ведь было нормально — бояться? Когда ты выполняешь свой долг? Шрам на груди, на том месте, где хирурги вставили капсулу, болел. Это произошло еще месяц назад, после выборов, но до вступления Хана в должность. За это время Нима привыкла к боли, она стала неотъемлемой частью ее существования.

Они с Теджем шли вместе под длинной аркой по направлению к Столице, их окружали вздыма-

ющиеся в небо сияющие конструкции из металла и камня. Высокий темнокожий мужчина и маленькая бледная девочка. И сложно сказать, кто их них крепче сжимает руку другого.

Когда они подходят к Башне, новый президент не заставляет их ждать. Группа красиво одетых сотрудников без промедления проводят их внутрь, даже не спрашивая, кто они такие. Хотя их одежда ничего не говорила о том, кем они являлись, их лица здесь уже знали.

Отто Хан встал из-за своего стола и приветствовал их сдержанным вежливым поклоном. Тедж в ответ поклонился так же вежливо.

"В жизни он гораздо больше", — немея от ужаса, подумала Нима. И еще у него был такой суровый и неприступный вид. И ей казалось, что стоит к нему притронуться, и ее рука сломается.

— Старейшина Рокайя, — сказал он Теджу, и эти его слова послужили чем-то вроде приветствия. — А это, должно быть, мой курьер?

— Да, сэр, — ответила Нима. — Меня зовут…

— Я не хочу знать твоего имени. — Он повернулся к Теджу. — Вы, священники Ордена, просто животные! Это варварство.

— Ее зовут Нима, — тихо сказал Тедж, но его мысли были не такими спокойными: "Ракеты

— вот настоящее варварство. И вы принимаете решение, становиться на этот варварский путь или нет, а не мы". Президент мог бы сейчас сказать, что он не станет использовать оружие, которое бросает вызов основам гуманизма и может погубить всю жизнь на Земле. Он мог бы заявить, что Ниме ничего не угрожает, и что она станет выполнять исключительно церемониальные функции, как и было в прошлом.

Однако он не стал этого делать.

— Меня ввели в курс дела, — ответил Хан. — И я сказал моим генералам, что прошло уже несколько столетий, и мы, разумеется, могли бы найти способ получше. Но вы продолжаете сохранять приверженность букве ваших законов, не так ли?

— Сэр, мы считаем, что так будет лучше. — Это сказал не Тедж, а Нима. Во рту у нее пересохло, и она с трудом произносила слова. "Ты должна поговорить с президентом, должна воздействовать на его разум, на отношение к жизни". Слова наставника барабанной дробью звучали в ее голове.

Хан сосредоточил на ней свое внимание, и Нима вся сжалась от страха.

— Разумеется, вы так считаете, — сказал он, а

затем обратился к Теджу: — Ваши люди научили ее этим словам. И теперь, если мне понадобится код доступа к оружию, которое может всех нас защитить, мне нужно будет убить ее, чтобы извлечь этот код из ее тела. Это так подло.

Теджу с трудом удавалось сохранять бесстрастное выражение лица.

— Вы знаете, что сейчас, прямо сейчас творится на южных территориях, что делают с нашими людьми выходцы с Бэронских островов? Вы знаете, что они обещали сделать с жителями Койву и Микаты? У Койву есть свои серийные ракеты. Если островитяне получат эти технологии… поверьте мне, они не станут вынуждать своих лидеров убивать маленьких девочек, чтобы получить к ним доступ. Но даже если такая необходимость возникнет, их лидеры не станут колебаться.

Тедж мог бы часами спорить по каждому из этих пунктов. Он мог бы обратить внимание на необходимость соблюдать равновесие между силой и моралью, объяснить основное убеждение Ордена, что никто по приказу властей не может нажать на кнопку, убив тем самым тысячи незнакомых детей, которые находятся где-то далеко, если они не видят оснований для казни одно-

го-единственного ребенка, который находится прямо перед ними.

Ведь без этого груза ответственности ни один президент не сможет в полной мере осознать, на что он идет, когда просит о возможности совершить подобный поступок.

— Мне сказали, что она станет моим личным помощником, — сказал Хан. — И я не могу отказаться.

— Совершенно верно, сэр, — ответил Тедж. Курьер всегда должен находиться в непосредственной близости от президента на случай, если, да избавит нас от этого Мир, в ней возникнет необходимость. Это зависело от президента. Однако она могла наладить с ним эмоциональный контакт и таким образом спасти не только себя, но и жизни миллионов. А в этом уже заключалась задача Ордена.

— Ну хорошо, Старейшина, вы можете идти. Не так ли, Нима? — Он с грозным видом остановился, возвышаясь над ней.

— Да, сэр.

— Надеюсь, ты понимаешь, что я не хочу этого.

Нима не знала, как ответить. Хотела ли она, чтобы так произошло лишь потому, что выбрали именно ее? Хотел ли этого Орден, или они просто

делали то, что необходимо? Хотел ли этого вообще кто-нибудь?

Ей вспомнились другие строки из того же самого стихотворения Миссоутои:

> *Я слышу по радио, что мы сдаемся.*
>
> *"Нет у нас выбора", – говорят они.*
>
> *И они повторяли то же, когда мы шли воевать.*

Нима сидела в углу президентского офиса в Башне и грызла кончик своего стилуса. Это была дурная привычка, учителя старались отучить ее, но у них ничего не вышло. Теперь она носила ливрею, как и все сотрудники башни, ее тонкие волосы были заплетены в аккуратные косички, как и у остальных ассистентов и слуг, но тем не менее всем про нее было известно: она замечала, как люди обходили ее стороной и перешептывались, стараясь не смотреть в ее сторону.

— О чем это ты так призадумалась?

Нима подскочила от неожиданности. Она старалась как можно больше общаться с Отто Ханом, но он по возможности избегал ее и совсем мало с ней разговаривал. Президент благодарил ее, когда она приносила ему документы, напитки или его личные вещи, и никогда ни о чем не

спрашивал.

— Пытаюсь придумать рифму, сэр, — честно ответила она.

— Рифму? Для чего?

— Мне нравится поэзия. — Она закрыла свой блокнот и повернулась, чтобы он мог смотреть ей в лицо со своего места за широким президентским столом. — Я знаю, не у всех стихов бывает рифма. Но я не настолько хорошая поэтесса, чтобы сочинять стихи без рифмы.

— Так ты поэтесса? Ну ладно, прочитай мне что-нибудь свое.

Румянец разлился по шее Нимы. Наставники в Ордене всегда поощряли ее интерес к поэзии — они говорили, что это хорошо, если курьерами становились разносторонние люди; о детях, обладающих индивидуальностью, будут особенно горевать в случае их гибели; к тому же всегда оставалась надежда, что даже те, кого в итоге выберут курьерами, смогут вырасти и стать взрослыми. Однако Нима никогда еще не читала вслух свои стихотворения.

Большинство написанных ею стихов были совсем бесцветными. Еще вчера она написала стихотворение под названием "В следующем году?". Там были строки: "*Древо персика стряхи-*

вает лепестки / Радостным розовым снегом / Крепко я их прижимаю к груди / Как последнее, что осталось в мире этом".

Президент по-прежнему казался ей слишком грозным, и она боялась читать ему свои стихи. А вдруг он накричит на нее? Или хуже того, проигнорирует или посмеется над ней — ведь он был тем самым человеком, от которого зависело все.

— Вот стихотворение, которое я написала, пока мы посещали одно аграрное государство несколько недель назад, — сказала она, быстро решив, что этот стих абсолютно безобиден и его можно прочитать. — Про милые фермы, которые мы спасаем. — Она вздохнула и прочитала его, прежде чем от волнения лишилась дара речи.

Нима смогла прочитать все пять строф, но в самом конце голос ее дрогнул. Отто Хан улыбался. Она и не знала, что он *умел* улыбаться.

— Это все ты сама сочинила? — спросил он, когда она закончила.

— Да, сэр.

— Ну надо же! — Он встал, подошел к ней и посмотрел в окно Башни на освещенное солнцем лоскутное одеяло Столицы внизу. — Нима, я люблю наш народ. Ты можешь это понять?

— Думаю да, сэр. — Нима тоже любила свой

народ. Ее учили истории страны с тех пор, как она научилась ходить. — Мне кажется, что я люблю всех людей. Но особенно мне нравится, что для нас также очень важны жители всех остальных стран.

— Ох уж этот твой Орден. — Он положил свою короткую шершавую ладонь ей на плечо. — Я по-прежнему не согласен с ним. Но я буду очень рад, если ты сможешь вырасти и поспорить со мной по этому вопросу.

— Сэр?

Его губы задрожали.

— Я не должен этого говорить, но ты заслуживаешь того, чтобы знать об этом. Война идет хорошо. Все идет хорошо. Сегодня мы получили известие о том, что… хмм… скажем так, скорее всего мне не придется принимать решения, которое вообще никому не следовало бы принимать.

Странное приятное чувство легкости охватило вдруг Ниму.

— И все равно я считаю, что твое присутствие здесь — это варварство, — продолжал Хан.

Набравшись мужества, Нима вскочила и схватила президента за руку.

— Что вы там видите? — спросила она. — Когда вы смотрите в окно на Столицу, на всех этих

людей и дома, что вы видите?

Он взглянул на нее с нескрываемым удивлением.

— Думаю, я вижу… прогресс. Процветание. То, что стоит защищать.

— В Ордене нас учили смотреть на город и представлять… то, что случилось два столетия тому назад, — сказала Нима. — Они говорили нам не думать обо всем городе, потому что он слишком большой. Нужно смотреть на отдельные маленькие фрагменты. — Она указала на улицы, которые пересекались внизу под ними. — Например, на ту женщину в зеленом пальто. Вот она здесь, и вдруг… исчезала. Пара, которая держится за руки и напоминает влюбленных голубков. И они тоже исчезают. Все птицы, вся улица, магазин, который торгует цветами, и дети, играющие перед ним. А потом мы должны были подумать о своей семье. Если у вас есть родители, или друзья, или те, кого вы любите, то они тоже могут исчезнуть. Все сразу. — Нима облизнула губы. Она никогда еще не говорила с президентом так долго. — Весь город. Вот что случилось двести лет назад. Хейвиниты *сделали* это с нами. Вот, что я вижу. И я не вынесу, если это еще раз с кем-нибудь случится.

В глубине души она ожидала, что он сейчас

начнет упрекать вечно лезущих не в свои дела взрослых, которые научили ее только этой ерунде. Но ничего такого президент не сказал. Вместо этого он спросил:

— Нима, у тебя есть семья?

Вопрос удивил ее.

— Мои родители состояли в Ордене, сэр. Они воспитали меня в традициях Ордена, но когда я была еще маленькой, трамвай, на котором они ехали, попал в аварию, и они погибли. Меня вырастили Старейшины. И дали мне хорошее образование.

— За которое тебе приходится расплачиваться. Старейшины разрешали тебе заводить друзей?

— Конечно. Друзьям не позволено часто навещать меня здесь, но мы пишем друг другу. — В последнее время письма приходили все реже, и у Нимы сжималось сердце при мысли об этом. Похоже, одноклассники не знали, как теперь с ней общаться, после того как выбрали ее, а не кого-нибудь из них. — А еще я дружу с некоторыми моими наставниками. Например, с Теджем.

Хан промычал что-то невнятное, а затем спросил:

— Скажи мне, Нима. Ты пишешь обо всем этом стихи?

— Да, сэр.

— Конечно, ты не должна верить всему, что я тебе говорю, но мне кажется… мне кажется, тебе стоит продолжать писать стихи. Ты согласна со мной?

— Да, сэр. — Она и не думала бросать это занятие.

В день своего двенадцатилетия Нима сопровождала президента вместе с официальными лицами в дипломатической поездке. Когда на следующей неделе она вернулась, Тедж принес на их классные занятия коробку с пирожными.

— Ты не забыл! — с радостью воскликнула она. Сотрудники Башни в соответствии с протоколом преподнесли ей в день рождения традиционные праздничные пирожные, приготовленные профессиональным поваром. Но получить подарок от того, кто помнит о тебе, это совсем другое.

— Как прошла поездка? — поинтересовался Тедж.

Нима закрыла коробку и отставила ее, очень осторожно, чтобы не испачкать рукав в сахарной пудре. Недавно она попросила, чтобы ее не заставляли больше носить униформу сотрудников башни, так как в этом не было необходимости, и теперь она с удовольствием сама выбирала

для себя наряды. Разумеется, под бдительным надзором обслуживающего персонала.

К тому же Нима была рада найти еще какое-то увлечение, позволявшее отвлечься от окружавшей ее гнетущей атмосферы.

— Нима?

— Знаешь, в новостях не всегда говорят правду. По поводу войны. — Она теребила край рукава и не смотрела на Теджа. — Но я всегда знаю, когда дела идут плохо, потому что он перестает со мной разговаривать.

"Трусость", — хотел сказал Тедж, но не стал этого делать. Они все надеялись, что война закончится еще два года назад. Но ее завершение все затягивалось и затягивалось.

И теперь тихое бормотание переросло в громкие выкрики, в прессе все чаще стала появляться фраза "наземное вторжение". Их страна уже двести лет не переживала военных конфликтов на своей территории.

Тедж считал, что они смогут обрести состояние равновесия, если будут стремиться к миру. Но соотечественники не разделяли его уверенности. В то время как Нима слышала, о чем говорили в прессе, а также могла улавливать настроение президента, Тедж следил за тем, что происходило

в народе — массы бурлили гневом и недовольством. И этого он боялся сильнее всего.

— Нима, — сказал он, — пока тебя не было, я кое о чем подумал. Ты все еще пишешь?

Она с удивлением подняла голову.

— Ты хотел узнать, пишу ли я стихи? Разумеется.

— Мне кажется, — сказал Тедж, — нам стоит опубликовать некоторые из них. Сборник.

— Моих стихов? Но я… — "Пишу недостаточно хорошо, я все еще ребенок, все еще учусь?" — Я не уверена, я… конечно, я мечтаю о том, чтобы меня опубликовали, но, Тедж, я даже не знаю, наберется ли у меня стихов на целый сборник. И мне уже стыдно за то, что я писала год назад.

— Те стихи, которые ты показывала мне в прошлом году, когда я попросил тебя написать сочинение, произвели на меня большое впечатление, — искренне сказал он. — Конечно, было видно, что стихи написал ребенок, но эмоции, заключенные в их строках, потрясали до глубины души. Мы пригласим редактора, который поможет тебе. Что скажешь?

— Я не… то есть я… я… — Это казалось ей неправильным, хотя она не могла объяснить, почему именно. Если бы она не была президентским

курьером, она посвящала бы больше времени творчеству, оттачивала бы свое мастерство и тренировалась до тех пор, пока ее стихотворения не привлекли бы внимание профессионалов, правда ведь?

Но если бы она не была президентским курьером, у нее на все это была бы целая жизнь! Много, много лет впереди.

— Хорошо, — сказала она Теджу. Все это казалось Ниме реальным и нереальным одновременно, волнующим… и неинтересным. Столько ощущений в тот миг перепуталось у нее в душе, как нитки в клубке.

Он тут же улыбнулся ей натянутой улыбкой.

— Хорошо. Знаешь, Нима, на войне бывают нужны не только солдаты.

Она удивленно моргнула.

— Но островитяне даже не смогут прочитать мои стихи. Если только их не переведут или что-нибудь в этом роде.

— Это не единственная война, в которой мы ведем сражение.

То ли из-за бедственного положения, то ли из сострадания, то ли по каким-то своим идеологическим мотивам, но народ с жадностью проглотил книжку стихов, озаглавленную как

"Девочка в башне". В прессе поднялся громкий шум, который еще долго не утихал, постоянно допечатывались новые тиражи, а имя Нимы было у всех на устах, пусть и произносилось оно с большой осторожностью.

Ниме казалось, что она уже привыкла к пристальным взглядам и перешептыванию за спиной, но теперь вся общественность сосредоточила на ней свое внимание, словно хотела накрыть ее сокрушительной волной. Сотрудники коммуникационного центра постоянно отклоняли многочисленные запросы на интервью. Несколько автобиографических очерков, написанных Нимой, тут же разлетелись по разным изданиям и наделали много шума. Ее фотографии, казалось, были повсюду — почти на всех она была запечатлена в полумраке с угрюмым выражением лица в платье цвета морской волны. К тому же на этих снимках она казалась ужасно худой. Ниме они не нравились, но жизнерадостные фотографии, где на ней были золотистые или розовые одежды, на которых ее освещало солнце, а сама она радостно смеялась, не подходили для задач, которые ставили перед собой СМИ.

Теперь протестующие называли ее по имени. Она была уже не абстрактным "ребенком-курье-

ром", о котором они рассуждали и упоминали в своих лозунгах, а Нимой — Поэтом из Башни, девушкой, заслуживавшей того, чтобы дожить до старости. Она стала ярким символом, сплотившим всех, кто выступал против серийных ракет.

Президенту Хану это совсем не понравилось.

Он был, в общем, хорошим человеком и не стал срывать свою ярость на Ниме, хотя не раз бросал в ее сторону сердитые взгляды после того, как интервьюеры спрашивали его, может ли он себе представить, как втыкает нож между ее ребер и пронзает сердце. Но он вызвал к себе Теджа.

— Вы используете ее. Это низко.

Тедж сложил на груди руки, надеясь, что его безмятежный вид еще больше разъярит президента.

— Нима верит в то, что мы делаем. Неужели вы настолько бессердечны, что лишите ее возможности высказывать свое мнение?

— Черт бы вас побрал! Вы думаете, я когда-нибудь воспользуюсь этой злосчастной штуковиной, если у меня будет другой выбор? А вы хотите, чтобы мы оказались в тисках меж двух зол: истреблением из-за океана и кровавой баней на нашей территории в случае, если мне придется замарать руки так, как к этому вынуждаете меня

вы? Думаете, этот день и без того не станет самым тяжелым в моей проклятой жизни?

— Я вряд ли посочувствую вам, — сухо сказал Тедж, — ведь этот день станет последним для Нимы.

Если бы Нима услышала этот разговор, он только усилил бы негодование, которое росло в последнее время в ее душе в отношении двух этих людей. Это чувство засело у нее в горле безрадостным комком. Она по-прежнему немного боялась президента, хотя и провела с ним много времени, но гнев заглушал страх, и это было совершенно новое чувство. Ведь таково было ее предназначение, правда? Но какое Хан имел право так злобно реагировать на то, что она рассказала всем о своих чувствах?

Неужели она не заслужила возможности быть самой собой, и не важно, сколько времени ей осталось жить?

Ее неприязнь к Теджу была намного сложнее. Она знала, что он заботился о ней; и он всегда очень осторожно напоминал ей о том, что у нее всегда есть выбор, и возможности этого выбора даже намного шире, чем у остальных Старейшин. Но… ей не хотелось быть загнанной в угол несчастной душой, которая просто выйдет из

игры, спутав *ему* все карты.

Нима сама не понимала, почему так вышло, но после того, как она открыла свое сердце стольким людям, она чувствовала себя так, словно у нее не было больше голоса.

* * *

Через два месяца после того, как Ниме исполнилось тринадцать, посреди ночи послышался рев сирен, и первые снаряды пролетели над Столицей.

Нима поступила так, как они много раз повторяли на учениях, действовала быстро и на автомате, сердце глухо стучало о ребра, и этот бешеный пульс гнал прочь любые эмоции. Через несколько минут она уже сидела, сжавшись комочком, в бомбоубежище. На Ниме все еще была ночная рубашка, по одну сторону от нее находился военный министр, по другую — начальник транспорта. Она обхватила себя руками, но никак не могла согреть ладони.

Военного министра вызвали в соседнюю комнату на совещание с президентом. Нима прижалась спиной к стене. Окон не было. "Как в тюремной камере, — подумала она. — Мы заперты в ловушке собственной безопасности".

Но Нима не была здесь в безопасности. Она пребывала в мучительном ожидании собственной смерти, после которой все вздохнули бы с облегчением и обрели защиту.

Было в этом нечто поэтическое, но она не могла сосредоточиться и понять, что именно.

Нима положила руку на свое громко стучащее сердце. Ей стало интересно, сможет ли она нащупать капсулу с кодом доступа к серийным ракетам?

Однако в ту ночь президент не вызвал ее. И на следующую тоже. И в ту, что последовала за ней, когда снова завыли сирены противовоздушной обороны. Прошло семьдесят четыре дня, за время которых были сданы стратегически важные рубежи и оккупационные войска вторглись на полуостров, когда он позвал ее к себе.

Войдя в комнату, Нима увидела, что президент был один, и он плакал.

Он взял ее за руки. Его ладонь была мокрой от слез, но Нима словно оцепенела.

— Прости, — сказал он, прерывисто дыша, — мне так жаль.

В этот момент у Нимы стало покалывать лицо. Ей хотелось, чтобы напоследок ее посетила какая-нибудь глубокая и важная мысль, но в голове

было пусто.

Она заставляла себя дышать. Это было тяжело.

— Если тебе нужно… немного времени, чтобы попрощаться с кем-нибудь или…

— Пожалуйста, закончите с этим поскорее. — Если он сделает все прямо сейчас, она сможет быть смелой. Ей не хотелось прожить еще один день в гнетущем предчувствии скорого конца.

Президент как будто с неохотой отпустил ее руки. Он подошел к столу и открыл украшенную орнаментом церемониальную шкатулку.

Внутри лежал кинжал. Его блестящее лезвие приковало к себе взгляд Нимы, и она не могла отвести его.

Президент нажал на кнопку звонка. В кабинет вошли несколько советников и генералов. Высокие, серьезные, с хмурыми лицами.

— Свидетели, — пробормотал президент. — Согласно постановлению совета…

Он взял кинжал за рукоятку. Его рука дрожала.

Нима не испытывала к нему сочувствия. Она лишь надеялась, что его рука не будет дрожать так же сильно, когда он ее опустит.

А потом это случилось… он это сделал.

Кинжал со стуком упал на стол.

– *Найдите мне другой выход!* — Его слова

разорвали тишину и, словно мяч для боулинга, ворвались в ряды генералов. Никогда еще Нима не видела президента таким сердитым. Он повернулся к ней: — *Убирайся!*

Она убежала.

Она остановилась, лишь когда оказалась в своей комнате, ее ноги подкосились, она зашаталась и упала навзничь на покрытый плетеным ковром пол. Ее всю трясло, грудь тяжело и быстро вздымалась, затем ее вздохи переросли в ужасные, душераздирающие рыдания, и дрожь все никак не унималась.

"Он позовет меня обратно, он позовет меня обратно, он позовет меня обратно, и он сделает это..."

Только он не позвал. Солнце село, но Нима не смогла уснуть, а на следующий день ее навестил Тедж.

Он ворвался в ее комнату и сжал в таких крепких объятиях, что она не могла вздохнуть.

— Нима, я... я все слышал, я пришел, как только мог...

Она высвободилась из его объятий. Она не хотела больше плакать и не могла утешать теперь еще и его.

Тедж смотрел на нее глазами загнанного зверя.

— У меня есть… есть план. Я — один из Старейшин, которые… когда президент был избран и определен новый курьер, так вот, код, который мы должны были создать и заложить его в новую капсулу… у меня есть к нему доступ. Нима, ты можешь спастись от всего этого. Я помогу тебе. Мы можем сделать это сегодня вечером.

Нима подавила подступившую к горлу тошноту. Если она убежит, ее место займет один из одноклассников. Почему он просил ее об этом?

— И кого тогда выберут вместо меня? — крикнула она. — Ты думаешь, я допущу, чтобы кого-нибудь еще послали на смерть?

— Нет. Нет. — Лицо Теджа стало таким жутким, словно он полностью утратил связь с реальностью. На самом деле он вообще не спал, лихорадочно готовился, тщательно претворял в жизнь все элементы своего плана, в глубине души надеясь, что его поймают за этим делом, так как он в то же время боялся последствий своего предательства. Ему оставалось лишь заручиться согласием Нимы. Однако произносить эти слова вслух было невероятно мучительно. — Мы ни в кого больше не станем закладывать коды. Я поменяю код, взяв твой за основу, и вручу его президенту. Никому, никому не придется умирать из-за него. Ни тебе,

ни кому-либо еще. *Пожалуйста.*

Она с отвращением отшатнулась от него.

— Что?

— Я договорился с охраной… у меня все получится. Пожалуйста, Нима, я тебя умоляю!

Гнев охватил Ниму, заглушая ее лихорадочный страх. Как он посмел! Он посмел предложить ей возможность уйти, отправиться в бесцельные блуждания в ночи, чтобы дать президенту то, что он хочет? Ведь это было *неправильно*, именно для этого и существовали курьеры, потому что нужно было заплатить *цену.* Разве не сам Тедж учил ее этому?

— Ты не можешь так поступить.

— Нет, теперь все иначе. — Тедж отвернулся от нее. Он никогда не ставил под сомнение миссию Ордена, ни разу, до того момента, пока не оказался здесь на грани того, чтобы положить всему конец. — Возможно, иногда… такие решения необходимы… люди *гибнут,* Нима. Ты находишься в Башне под тщательной охраной и ничего не видишь… а я хожу по улицам… у нас не хватает рук, чтобы унести все тела. Повсюду развалины, прах и ужас, и… *мне* страшно. Я боюсь, Нима…

Он закрыл глаза, которые горели уже несколько недель.

— Ты считаешь, что мы должны использовать ракеты, — медленно проговорила Нима. — Ты считаешь, что мы должны ими воспользоваться.

— Я… я не знаю.

Его глаза были все еще закрыты, однако он почувствовал, как она прикоснулась к его рукаву.

— Вот для этого и существуют курьеры, — сказала Нима. — Вот поэтому мы и не можем просто взять и от всего избавиться, даже если у нас появится такая необходимость. Ведь это в самом деле должна быть отчаянная ситуация, правда? Вот почему я здесь. Чтобы избежать ошибки.

— Я больше не знаю, что правильно, а что — нет, — прошептал Тедж.

Нима подумала, что возможно, в этот момент она перестала быть ребенком.

— Дело не в том, правильно это или неправильно, — сказала она ему. — Это просто усложняет задачу.

Нима сидела в своей комнате в Башне и ждала.

Сирена выла теперь каждую ночь. Дым и пыль скрывали от нее улицы Столицы, но когда ветер разгонял их, она видела, как одни за другими разрушались и превращались в руины устремленные ввысь арки и величественные здания.

Она смотрела в окно и думала, может ли ее

смерть спасти их всех или множество таких же, как она, будут жестоко убиты лишь за то, что они родились на вражеской земле.

А может быть, это станет концом всему? У врагов не было серийных ракет, но они были у их союзников. Если президент… нет, мысль о том, что ее смерть может стать лишь первой в череде миллиардов других, что мир переживет ее всего лишь на несколько недель и превратится в выжженную пустыню, не приносила ей утешения.

"Почему? — подумала она, и больше в голову не пришло ни одной мысли. — Ведь никто же не победит".

Нима разгладила юбку и взяла стилус. Открыла свой блокнот.

Сегодня ей не хотелось подбирать рифму. Но возможно, в этом больше не было необходимости.

Я здесь, чтобы заставить тебя усомниться,

Ты хочешь, чтобы меня не было с тобой.

Тяжкое бремя лежит на сердце моем, но ответов в нем нет.

Я просто сижу

и жду
и жду
и жду.

Фрэн Уайлд[22]

*Фрэн Уайлд (*franwilde.net*) — автор романов и рассказов, завоевавших "Премию Андре Нортон", "Премию Комптона Крука", и "Мемориальную премию Юджи Фостера", кроме того, она шесть раз становилась финалистом премии "Небьюла", два раза — премий "Хьюго" и "Локус" и один раз — "Всемирной премии фэнтези". Писательница публиковалась в различных изданиях и интернет-ресурсах, включая "Washington Post", "New York Times", "Asimov's Science Fiction", "Nature magazine", "Uncanny Magazine", "Tor.com", GeekMom, и iO9.com. Фрэн преподает курс жанровой литературы в Университете Западного Колорадо.*

---

[22] Примечания: 22

© Fran Wilde, 2019; © пер. Н. Нестеровой, 2020.

Перечень штормов

Опять поднимается сильный ветер. Люди погоды погружаются в него, позволяют ему стереть себя, пока они не превратятся в дождь и облака.

— Сайла, посмотри туда! — Мамма хватает меня за плечо и тычет пальцем. Ее искривленная артритом рука дрожит. Кутикулы светло-красные от стирки в холодной воде. Ее палец описывает в небе дугу, которая заканчивается на утесах, окутанных темной тенью. — Видишь тех двоих, вон там? Еще немного, и их не станет. Ненастье не настигло бы их, если бы они не были такими непутевыми. — Она цокает языком. — Вэрил, Лиллит, будьте бдительны. Постарайтесь, чтобы с вами такого не случилось, девочки.

В ее голосе слышится гордость и грусть, Мамма вспоминает о своей тете, которая превратилась в молнию.

Она была первым человеком погоды в городе.

Мы, три девочки, смотрим через залив на утес, потемневший с заходом солнца. На его краю расположилось старое поместье — его, в отличие от остальных, не поглотило море. Это Клиффуотч. Его башни и купола обмотаны стальными

кабелями разрушенного моста, они похожи на металлическую лозу, которая опутывает здание, привязывая его к каменистому выступу незыблемого утеса.

Все люди погоды живут там до той поры, пока не исчезнут.

— Они слишком сильно высунулись из окон, и такие неподвижные… даже не верится, что они — люди. — Вэрил хватает Мамму за руку, опуская ее вниз.

Вэрил всегда говорит что-то в этом духе, потому что…

— Когда-то они были обычными людьми. Но теперь они — люди погоды, — отвечает Лиллит.

…Лиллит постоянно поддается на ее провокации.

— Ты даже не знаешь, о чем говоришь, — шепчет Вэрил, и в ее глазах пляшут озорные огоньки — ей так хочется быть первой и лучшей, что она готова из сестры веревки вить. Лиллит всегда и во всем ей уступает.

Мамма вздыхает, а я с нетерпением жду, что будет дальше, потому что это всегда бывает весело. Лиллит ужасно вспыльчива.

Но к такому ответу никто из нас не готов.

— А вот и знаю! Я как-то говорила с одним из

них, — кричит Лиллит, а потом зажимает на мгновение рукой рот и смотрит на Вэрил так, словно готова испепелить сестру взглядом за то, что она решила, будто эта выходка сойдет ей с рук.

Мамма поворачивается и хватает Лиллит за ухо.

— Что ты сделала? — Ее голос дрожит. — Вэрил, не забывай смотреть по сторонам!

Когда стихия успокаивается, некоторые люди погоды навещают родственников, живущих в городе. Они разыскивают себе подобных или тех, кто может стать такими же, как они. И когда они приходят в город, матери прячут своих детей.

Мамма тащит Лиллит к дому. Проходящий мимо человек погоды вместо того, чтобы предсказывать погоду, глядя на небо, начинает кричать около фонтана, как будто ощущает настроение Маммы.

Если люди погоды предупреждают о приближении шквалистого ветра, они никогда не ошибаются. Штормы происходят не по их вине, они просто приходят. Главное — знать, какой это будет шторм, и что делать, когда он начнется. Люди погоды способны это определять.

До какого-то момента.

Я беру корзину с постиранным бельем. Мамма

и Вэрил хватают Лиллит. Мы со всех ног бежим подальше от фонтана, небо между тем становится пепельно-серым, и страшные тяжелые облака нависают над нами.

В этот раз Лиллит удается избежать трепки, но она теперь все равно для нас потеряна.

Неполный перечень штормов

Фелраг: летний ветер, который окрашивает воду в зеленый цвет и сбивает темные тучи в тугие кулаки. Обычно он не несет смертельной угрозы, но все равно о нем нужно оповещать все суда.

Броутик: поднимающийся из недр жар выгоняет из-под земли крыс и змей. Улицы начинают кишеть ими, они беспрерывно всех кусают, пока броутик не утихнет и не вернется прохлада. Следите за детьми, чтобы они были бодры и веселы и ничто на земле не угрожало бы им.

Приходящий на смену отливу: забытый, едва заметный прилив, не высокий и не низкий – сначала кажется, что на море абсолютный штиль, но затем на поверхность поднимается то, что находилось глубоко под водой. Этот тихий шторм

меньше всего похож на шторм. Он безмятежен, как лунный свет на воде, но после него пропадают люди.

Слепящая ярость: шторм безмолвия и воздаяния, не ведающий пощады. Весь его ужас заключается в том, что страдает целое поселение до тех пор, пока не устраняют того, кто его вызвал. Он похож на сухой ветер, однако он всегда возникает по вине человека.

Яркость: этот шторм яркий, освещенный лучами солнца, с переливами радуги. Он соблазняет поутру молодых женщин, прежде чем они успевают закутаться в свои плащи. Проникает в их легкие и заставляет петь до тех пор, пока они не начинают плакать, пока любая еда не вызывает у них отвращения кроме той, что приготовлена из меда и молока. Женщины бледнеют, а взгляд их стекленеет. Остерегайтесь ярких штормов по весне, о невесты, бедные невесты!

Обжигающее облако: горячий воздух становится таким густым, что ослепляет, когда его обугленные руки обвиваются вокруг тех, кого ему удается поймать,

затем его клубы проникают в легкие, опаляют слова, лишая их звучания, сжигают все мысли. Обжигающие облака часто сопровождает печаль. Убегайте от них со всех ног и никогда не называйте их по имени.

Бледный пепел: густые тяжелые облака, которые приплывают с тех высот, где образуется лед. Когда они рассеиваются, все, что оказалось на их пути, блестит под коркой льда. Постарайтесь прогнать их своими криками, если сможете, пока ваше дыхание тоже не заледенело.

Клиффуотч теперь разрушен. Его дальняя стена наполовину обрушилась в океан, так что теперь все эти комнаты частично оказались в воде.

Мы подросли и часто ходим туда, рыщем среди развалин.

После того как миновало обжигающее облако, Мамма обыскала весь наш дом, пока не нашла заметки Лиллит — они не были подписаны ее именем, но мы все равно узнали почерк. Она левша, и когда она пишет — не важно, мелом или чернилами, — то слегка размазывает то, что написала. Мои записи никогда не бывают разма-

занными, и у Вэрил — тоже.

Бумага — целый лист! — была спрятана в трещину в стене за нашей кроватью. Я ощупала ее пальцами — бумага была плотной, сделанной вручную, и я читала то, что было в ней написано, пока Мамма не вырвала ее у меня.

Лиллит составляла список штормов, придумала уже пять новых, смешивая их с уже известными погодными явлениями. Тренировалась.

Вы даже не представляете, как на нее кричала Мамма.

— Ты ведь не хочешь этим заниматься! Не хочешь!

Я спряталась за Вэрил, которая наблюдала все это, выпучив глаза. Для битвы со штормами важен был каждый, но никому не хотелось терять любимых людей.

Сперва Лиллит ничего не отвечала. Она стояла неподвижно, как человек погоды. Она действительно хотела этого.

Когда мы бросились к ней в комнату, чтобы помочь собраться, Мамма плакала.

Пришло время отвести Лиллит на холм, и мэр постучала к нам в дверь.

— Уже второй член вашей семьи! Как думаете, Сайла такая же? Или Вэрил? — Мэр пристально

посмотрела на нас, а мы прятались за тучным телом Маммы. — Это такая честь.

— У Сайлы и Вэрил не хватает ума, чтобы не мокнуть под дождем, куда им придумывать имена для штормов! — ответила Мамма. Она суетливо выпроводила мэра из дома, и они вдвоем повели Лиллит, которая вышла молча, и ее лицо было преисполнено решимости, даже когда гравий захрустел под ее ногами.

Мамма оставила вторую по старшинству дочь за воротами и даже не оглянулась, все ли с ней хорошо.

Пока не ушла мэр, Мамма куталась в ощущение оказанной ей чести, словно в покрывало, чтобы никто, кроме меня, не увидел, как она плачет. Ведь я знала Мамму немного лучше, чем она думала.

Лиллит я тоже знала.

Я была самой младшей, поэтому у меня не было особых преимуществ, кроме одного, но самого главного: о моем присутствии постоянно все забывали. И если будешь внимательной, ты многое сможешь узнать.

Вот, к примеру:

Я знала, что Лиллит раньше остальных чувствовала приближение ветра и воды.

Я знала, что Вэрил каждый вечер тренировалась у себя в комнате, пыталась наверстать упущенное.

Я знала, что Мамма не раз засыпала с рыданиями, а Вэрил хотела превратиться в дождь или снег. И никто не знал, во что превратится Лиллит, когда уйдет.

А я знала, во что бы Лиллит ни превратилась: в облака или в дождь, следующей буду я, а не Вэрил. Я.

И что, возможно, обо мне тоже кто-нибудь будет плакать.

Я уже начала составлять списки. Я готовилась.

Мамма постоянно поднимается вверх к Клифуотчу.

— Вы оставайтесь дома, — говорит она мне и Вэрил. Но я все равно следую за ней, стараюсь держаться поближе и вижу, как Лиллит обходит все туманы по краю утеса, вижу, как широкая спина Маммы сотрясается от рыданий.

Люди погоды и должны определить штормы, о которых думают, дать им имя, а потом предупредить всех нас о состоянии погоды и в конечном счете сражаться с ней. И ничего с этим не поделаешь.

В наше с Маммой отсутствие к нам в дом прихо-

дит мэр и вешает ленточку нам на дверь. Каждый вторник мы будем получать дополнительную порцию молока.

Но это все равно ничего не способно исправить. Молоко не заменит сестру.

— Погода продолжает забирать их. — Голос Маммы полон гордости и грусти, когда она возвращается. Теперь она больше уже никогда не произносит слово "непутевая", не слушает других, когда они начинали приводить в качестве поучительного примера Лиллит или ее тетку. — Мы брюзжим из-за нашего себялюбия, — говорит она. — Мы не хотим, чтобы они менялись. — Ее тетя ушла уже давным-давно.

В самом начале мы все дважды навещали Лиллит. Один раз, когда следовали за шквалистым ветром, который пронесся по городу. Второй раз — внизу, у рыбацких лодок, где любят играть молнии. Она спасла рыбака, которого стало уносить в открытое море, вернула его лодку обратно в безопасную гавань.

Мы могли бы навещать ее чаще, но Мамма не хотела, чтобы мы нахватались каких-нибудь идей.

Около нашей двери появляется корзина с устрицами. А в другой раз — связка копченой рыбы.

Когда приходят штормы, люди погоды прогоняют их, называя их имена. Крича на них. Еще можно нырнуть прямо в шторм и разбить его на части, но такая вероятность появляется лишь после того, как ты превратишься в ветер или дождь.

Как я уже сказала, штормы все равно будут приходить. Чтобы противостоять им, мы должны знать, как они называются. И мы способны помочь людям погоды, чтобы они не изматывали себя. Так говорит Мамма после ухода Лиллит.

Люди погоды предупреждают нас. А потом мы все вместе сражаемся с атмосферой.

— Штормы стали намного умнее нас, — шепчет Вэрил в ту ночь, когда мы не можем уснуть, переживая из-за ухода ее сестры-близнеца, — после того, как мы испортили погоду. Ветер и дождь привыкли к победам. Им это нравится.

Погода, словно хищник, которому не было равных, разрывала нас на части после того, как небо стало серым, а море вздыбилось.

Некоторые утонули, других унес ветер. Кто-то убежал, чтобы найти безопасное укрытие. Место вроде нашего города. Высокие скалы окружают нас со всех сторон, образуя длинный коридор, сквозь который мы можем заранее увидеть на-

ступление океана.

Когда-то на месте нашего города был курорт, но затем погода стала поглощать людей. А все из-за того, что небо и сам воздух испортились. Так это объясняла Вэрил.

Вскоре мы перестали терять наши сокровища, отдавая их ветру. Все началось с большого: дома оставались невредимыми. Часовая стрелка на башне никуда не исчезла. Затем наступило время и для малого: вроде листков бумаги или лепестков цветов. Я была удивлена тому, как много цветков сохранялось на деревьях нетронутыми.

Ветер не ожидал, что его жертвы смогут освоиться и дать отпор.

Когда погода наконец поняла, что ее перехитрили, присвоив имена всем ее явлениям, тогда ветер стал охотиться за людьми погоды. Потому что хищник всегда должен нападать. А что же люди погоды? Когда они становились достаточно легкими, то поднимались в облака и оттуда, сверху, отталкивали погоду.

— Через отверстие, которое остается после них, — шепчет Вэрил, и я в полудреме едва слышу ее слова, — можно увидеть небо, оно такое же голубое, каким было когда-то наше старое джинсовое платье.

Клиффуотч теперь разрушен, вместо крыши — зияющая дыра, будто серое небо может лучше справиться с ролью крова.

Мы, как крысы, взбираемся по стенам здания, ищем сокровища. Хотим отыскать частичку Лиллит.

Мы смотрим на океан сквозь дыры, на месте которых когда-то были стены. Мы крадемся по дому, с того момента, когда мы приходили сюда в последний раз, он еще сильнее наклонился к воде и все настойчивее упрашивает ветер предать его опустевший остов морю.

Вэрил стоит и наблюдает за всем в одиночестве. Она молчит. Она больше всех скучает по Лиллит.

Мы с Маммой собираем в корзины петли и ручки от дверей, щеколды и замки. Люди коллекционируют их как память. На некоторых написаны названия разных штормов: *"Кучевой"* — из-за которого в ушах начинает звенеть, а затем барабанные перепонки взрываются; *"Горечь"* — во время этого шторма ветер дует, не переставая, пока не сметет всех, кто станет у него на пути.

— Она изучала их ради нас, Мамма, — шепчу я, держа в руке украшенную вышивкой занавеску. Мои пальцы скользят вдоль нитей, превращая стежки в перечень всего того, что мне особенно

не достает без Лиллит: ее смеха, ее упрямой манеры замирать на месте, ее почерка. Того, как она каждое утро причесывала мне волосы и никогда не дергала их, в отличие от Вэрил, которая расчесывает меня теперь.

Мамма больше не шикает на меня. В ее глазах все время стоят слезы.

— Сайла, я помню, что до появления штормов иногда по полдня светило солнце, а небо было голубым. — Она кашляет и кладет серую ленту мне в корзину. — По крайней мере я помню, как люди рассказывали о голубом небе.

На мне платье, которое когда-то носила Вэрил; оно из джинсы и тоже когда-то было голубым: светло-голубым, когда принадлежало моей сестре; темно-синим, когда оно еще служило длинным плащом Мамме.

Теперь на его сером корсаже вышиты ветра, но не штормы. Вэрил накладывала стежки. Белыми закрученными нитками там вышито: фелраг, мистраль, лиллит, фён.

Корзина, что у меня в руках, сплетена из серых и белых веточек, обычно я ношу в ней белье, которое нужно постирать. Но сегодня в эту корзину я складываю сокровища. Мы собираем все, что оставила нам погода.

Мамма вскрикивает, когда, приподняв половицу, обнаруживает перечень штормов, выгравированный на медных дверных петлях.

Мы уже находили списки прежде: они бывали наколоты булавками на краешках книжных страниц или вышиты крошечными стежками по краям занавесок, но нам еще ни разу не попадались такие подробные. Они отлично продаются на рынке, ведь люди считают такую покупку большой удачей.

А были времена, когда, успев произнести название шторма (если ты мог назвать имя шторма), тебе удавалось ненадолго приручить его. Победить.

Если только он не настигал тебя прежде.

Поэтому чем больше названий в таком списке, тем более везучими ощущают себя люди.

Мы никогда не продадим первый перечень Лиллит. Он — наш.

После того как Лиллит уходит, я тоже пытаюсь давать штормам имена.

Слишкоммноговопросов: этот шторм по большей части для младших сестер. С ним невозможно совладать.

Слишкоммногослишкомбыстро: этот

шторм иногда становится настоящим бедствием для матерей. Приносит тортики, чтобы утешить, и помогает наводить и поддерживать порядок.

Уход: этот шторм налетает, принося с собой облако пыли и смятение, а после него все обесцвечивается, становится безликим. Приготовьтесь запереть двери на засовы, и тогда вы не потеряете то, что хочет быть потерянным.

Когда я тихонько пробираюсь в Клиффуотч, чтобы увидеть сестру, у нее вместо волос дождь, а вместо глаз — ветер, но она все равно обнимает меня, смеется над моим списком и говорит, чтобы я не оставляла своих попыток.

Мамма даже не знает, как часто я навещаю Лиллит.

— Ужасные штормы многие годы, — это рассказывает Вэрил, — похищали людей прямо из их домов. Оставляли на стульях песчаные холмы, швыряли водоросли на постели.

Но потом мы дали погоде отпор. Я знаю эту историю. И эта битва была долгой.

Еще до того, как на свет появились мы с Лиллит и Вэрил, сын мэра кричал дождю, чтобы он

прекратился, потому что мэр должна была произнести свою речь. И дождь прекратился. Тетя Маммы однажды своими криками остановила молнию на окраине города.

Погода нанесла ответный удар: целая семья превратилась в густой серый туман, который наполнил дом, где они жили, и долго не рассеивался.

Затем тетя Маммы и сын мэра стали выкрикивать имена погодных явлений, когда приближались штормы. Сначала их поведение вызывало страх, и люди старались держаться подальше от них. Но потом мэр поняла, какая от этого польза и как им повезло. Она отправила их в Клиффуотч, там они были в безопасности.

Затем появилась новая крикунья. Однажды она вышла из дома и увидела у себя на руках снег — одну-единственную идеальной формы снежинку. День был темным, небо чистым, на деревьях распускались цветы, и земля готовилась дать жизнь новым деревьям. Она поднесла снежинку к губам, и та улетела, кружась в воздухе.

В городе не знали, что думать. Мы наблюдали за погодой, которая стала умнее нас. Но возможно, погода просто стала слишком сильно проникать в нашу жизнь.

Тетя Маммы превратилась в молнию и пронзила облака. Она разбросала их.

Вскоре после этого океан обрушился на берег и утащил его на дно. А Клифуотч накренился и завис прямо над океаном, но люди, которые стали частью погоды, не хотели уходить.

Началась битва — она велась и прежде, но теперь мы знали, что это действительно настоящее сражение. Люди погоды кричали, чтобы предупредить нас, пока штормы не забрали их. Родители кричали своим детям держаться подальше от дождя. Подальше от Клиффуотча.

Но я уже все решила. Я пойду, когда придет мой черед.

Потому что принимать решение о том, что тебе только предстоит сделать, намного лучше, нежели в какой-то момент осознать, что ты уже натворила.

Тетя Маммы вся начинала искриться, когда сердилась; сын мэра чередовал засушливые дни с дождливыми, пока однажды утром не превратился в шквалистый ветер и не улетел прочь.

Штормы становились все сильнее. Самые мощные продолжались неделями. Самые тихие могли длиться годами. На рынке мы слышали, как люди шептались: некоторые жители города пережи-

вали, что штормы пожирали исчерпавших себя людей погоды. Мамма терпеть не могла такие разговоры. После них всегда приходило обжигающее облако.

Иногда штормы объединялись, чтобы стать сильнее: Бледный пепел налетал вместе с Яркостью и Слепящей яростью.

Я лгала, когда говорила, что Мамма ни разу не оглянулась. Я видела, как она это делала.

Я не должна была это видеть, но мэр пошла прочь, а Мамма обернулась, и я увидела, что она смотрела на Лиллит с такой тоской, что я не удержалась и выбежала за ворота.

Но самым ужасным было то, что она не просто оглядывалась, она еще и возвращалась в Клиффуотч. Только никому не говорите, но она делала это втайне ото всех. Постоянно.

Она не навещала их. А просто стояла у ворот в темноте, когда не могла заснуть, окутанная покровом теней, где никто не мог ее увидеть, кроме, может быть, Лиллит. Я потихоньку следовала за ней, ступала по ее следам, чтобы не выдать себя случайным шорохом.

Я видела, как она время от времени пыталась увидеть Лиллит в окне Клиффуотча. Я видела, как Лиллит поднимает руку и сгибает ее. Видела,

как Мамма повторяет ее жест, а затем Лиллит убегает от окна.

Мамма повторяла попытки выманить Лиллит. Она оставляла печенья на краю утеса. Ленточки для волос: "На случай, если ветер заберет у нее Лиллит".

Она дважды забывала постирать одежду для соседей, и они обращались к кому-нибудь еще. Какое-то время мы голодали, но потом Вэрил взяла стирку на себя.

На старой башне, у которой шторм забрал секундную и минутную стрелки, но оставил часовую, человек погоды начинает кричать о приближении шторма под названием Кристальность.

Мамма бросается к скалам, но не для того, чтобы укрыться там.

Мы с Вэрил с криками устремляемся за ней в едином порыве навстречу непогоде, обратно к Клиффуотчу.

Секретный перечень штормов

Утрата, в которой, возможно, повинна ты: очень тихий шторм. И коварный. Он становится все тише и хитрее, пока

ему не удается прорваться тебе прямо в душу.

Горе: тихонько подкрадывается к матерям и застает их врасплох. Прячет знакомые вещи, которые принадлежали любимым людям, чтобы они никого уже не могли потревожить. Этот шторм длится долго.

И я говорила тебе не делать этого, Сайла: этот сердитый шторм налетает, когда кое-кто находит твои списки. Такое происходит, когда твой список сжигают, чтобы никто больше не узнал, какая ты непутевая.

Самый сильный шторм начинается, когда мы почти останавливаемся.

Мы у самой вершины холма, и тут… бах! Кристальность обрушивает вниз поток сверкающего дождя, из-за которого уши закладывают и начинают болеть. Легкие обжигает при каждом вздохе, и мы не знаем: от бега это или из-за грозы. А затем шторм начинает визжать, пытается схватить нас за волосы и сбросить с утеса.

Мы стараемся укрыться в Клиффуотче.

Ветер воет вокруг нас, от мороза синеют щеки.

У Вэрил начинают стучать зубы, а потом прекращают, и я кричу, чтобы нас впустили. Не будь такой упрямой!

Вэрил колотит в дверь.

Но на этот раз дверь Вэрил никто не открывает. И Мамме тоже, как бы сильно она ни колотила в дверь.

Лишь когда я пробираюсь по обледенелому краю обрыва и кричу, кто-то будто поворачивается в мою сторону и порыв ветра распахивает ставни. Я впускаю в дом мою семью, даже Мамму, которая пытается остаться на ветру, чтобы он забрал и ее тоже.

Мы заходим в Клиффуотч, стряхиваем с себя дождевые капли.

— Кристальность притащила за собой Бледный пепел, — говорю я, потому что уверена в этом. — А за ними придет Яркость.

Столько штормов одновременно, и я знаю их имена. Они объединились против нас.

Я хочу сражаться.

Вэрил глядит на меня, зовет Мамму, но Мамма рыщет по комнатам в поисках Лиллит.

— Мы не может оставаться здесь, иначе потеряем Сайлу, — говорит Вэрил. Она поворачивается ко мне. — Ты ведь не хочешь этого.

Но я, кажется, хочу. Я хочу сражаться с погодой, пока она не заберет и меня.

И возможно, что Мамма тоже этого хочет.

Вэрил хватает меня и Мамму за руки, и в ту же секунду непогода перестает завывать. Вэрил тащит нас обратно в наш дом через замерзший лес, через площадь с обледенелым фонтаном. Льдинки хрустят под нашими ногами, превращаясь в лепестки, устилающие наш путь. Вэрил кричит на Мамму. Она трясет ее за руку, которая вибрирует под ее рубашкой, мускулы стали дряблыми, но плечо Маммы остается неподвижным. Потому что она видела то же, что и я, она видела, как Лиллит начала завывать, как ее волосы растрепались, заструились в воздухе, а вместе с ними и пальцы, и вся она целиком устремилась навстречу большому шторму, состоявшему из Бледного пепла, Яркости, Слепящей ярости и Кристальности.

Тогда мы в последний раз видели лицо Лиллит в одном из окон. Мамма продолжала оставлять ленточки, но их уносило ветром. Теперь она иногда разбрасывает лепестки, чтобы Лиллит могла поиграть с ними.

Позже мы взбираемся к развалинам Клиффуотча и находим в углу маленькие штормы

— несколько темных облаков. Теперь их можно положить в банки, отнести домой и наблюдать, пока молнии не погаснут.

Иногда они не гаснут, эти осколки непогоды. Замерзшая вода не оттаивает. Крошечные ветра щекочут тебе плечи, пока ты не начинаешь смеяться.

Они все еще здесь, просто стали меньше, потому что и сама непогода стала маленькой.

В тот день все штормы разом обрушились на бухту: огонь из-под земли, молнии, зеленые облака и серые. В тот день люди погоды вышли навстречу ветру и кричали, пока их голоса не стали хриплыми, а мы спрятались, и штормы выли в ответ — один большой шторм, который состоял из нескольких, меньших по размеру — и они устремились к городу, к Клиффуотчу и нескольким кораблям, что стояли в порту.

А люди погоды выглядывали из своего дома на утесе, и некоторых из них подхватил ветер. Одни — превратились в дождь. Кто-то — в молнию. А потом они дали отпор все вместе. Все те, кто уже смог подняться высоко в облака.

Мы хотели им помочь, я чувствовала, как облака вытягивали из меня дыхание, но ветра хлестали нас по щекам, а капли дождя били в

лицо, отталкивая назад. И ужасные штормы не смогли настигнуть и похитить нас.

Потом мы пошли домой. На небе вдруг возник и также внезапно исчез клочок синевы. Прохладный ветер коснулся моего лица, и я ощутила в нем пальцы Лиллит.

Героиня — это больше, чем сестра. И меньше.

Молоко продолжали приносить, а рыбу — нет.

Люди погоды теперь в облаках. Вэрил сказала, что они сохраняли небо голубым, море — зеленым, а воздух — прозрачным, как лед.

Мы иногда поднимаемся к Клиффуотчу, находим заметки и рисунки на дверных петлях и ручках, а также на бумаге. Мы крепко прижимаем их к себе, словно пытаемся прикоснуться к тем, кого уже нет. Мы называем их имена. Мы говорим: "Они сделали это ради нас. Они хотели уйти".

Я думаю, что тоже могла бы улететь, если бы сильно захотела, ведь ветер струится по моей коже и звенит в ушах.

Мамма говорит, что люди погоды уже не так сильно нужны нам.

Иногда маленькие кусочки неба сами по себе становятся голубыми.

И все же мы держим их перечни штормов подле

себя: на ткани и металле, в ветре и дожде.

Мы стараемся не забывать их лиц.

На закате Мамма отправляется к обрушившейся стене, откуда открывается вид на океан.

— Тебе не нужно тут оставаться, — говорит она, и в ее голосе слышится упрямство, возможно, даже эгоизм.

Но она здесь, и я остаюсь рядом с ней, а скоро к нам присоединится и Вэрил.

Закат раскрашивает наши лица ярким светом. А затем на мгновение прямо перед нами над морем появляется она, наша Лиллит, и нежно касается наших щек.

Мы протягиваем руки, чтобы обнять ее, и она легким бризом струится между…

Анил Менон[23]

Последний роман Анила Менона Half of What I Say *("Половина из того, что я сказал") в 2016 году попал в шорт-лист "Премии индийской литературы". Вместе с Ванданой Сингх он был редактором международной антологии* Breaking the Bow *("Ломая лук"), в которую вошли фантастические произведения, вдохновленные древнеиндийским эпосом "Рамаяна". Его дебютный роман* The Beast With Nine Billion Feet *("Зверь с девятью миллионами лап") в 2010 году был включен в шорт-листы премии "Vodafone Crossword Book Award" в номинации "Литература для детей" и премии "Общества Карла Бакстера". Его рассказы публиковались в различных международных изданиях, в том числе "Albedo One", "Interzone", "Interfictions", "Jaggery Lit", "Lady Churchill's Rosebud Wristlet" и "Strange Horizons". Рассказы Анила Менона переводились на десятки иностранных языков, в том числе, на иврит, игбо и румынский. В 2016 году он помогал организовать серию ежегодных семинаров для писателей "Дум пухт", которые проводятся в*

---

[23] Примечания: 23

© Anil Menon, 2019; © пер. Н. Нестеровой, 2020.

центре "Адишакти" в Пондичерри. Анил Менон живет как в Индии, так и в США.

Роботы Эдема

Когда Амма вручила мне полный сборник рассказов Соллоццо, как всегда отмеченных печатью его гениальности, я с чувством глубочайшего почтения перелистал этот пятисотстраничный том, с удовольствием размышляя о том, что Турок стал мне почти что братом. Разумеется, мы все теперь живем в Эпоху Учтивости, однако мы с Соллоццо сдружились намного крепче, чем того требовали социальные нормы, и невзирая на то, что мы оба были влюблены в одну и ту же женщину.

Шестнадцать месяцев назад, когда Амма сообщила, что моя жена и дочь вернулись из Бостона, все обстояло иначе. Эта новость подсластила мой день с изысканностью кусочка сахара, растворяющегося в чашке чая. Падма и Бутту снова дома! Затем мать между делом упомянула, что "Турецкий приятель Падмы" тоже в городе. На самом деле они все вместе вернулись из Бостона, и поскольку влюбленные голубки собирались свить свое совместное гнездышко, пришло время сообщить обо всем семилетней Бутту. Падма хотела, чтобы мы все встретились во время ланча.

Амма сообщила эту новость бесстрастным, как

у синоптика тоном, но меня невозможно было обмануть; моей матери не терпелось лично познакомиться с Турком.

У меня не было настроения идти на ланч, и я сказал об этом матери. И на то имелись причины. Я был ужасно занят. Лучше бы они приехали в мой офис, и мне не пришлось бы везти Амму в Бандру, где они обосновались. К тому же это им нужно было получить что-то от меня, а не мне от них. Некоторые люди никак не хотят принимать во внимание чувства других…

Разумеется, я потом успокоился. Мама тоже внесла свою лепту. Она вела себя так, словно я все еще маленький мальчик, напомнила мне, что дурное настроение — не самое лучшее оправдание. Да, если бы я настоял, они приехали бы ко мне в офис, но в таком случае я использовал бы в своих интересах затруднительное положение других людей, не говоря уж о том, что Турок теперь был членом семьи, поэтому капелька гостеприимства стала не таким уж и большим одолжением с моей стороны, и так далее и тому подобное.

В отличие от своего тезки из "Крестного отца", Соллоццо был писателем, а не наркоторговцем (хотя мне кажется, что писатели тоже предлагают

нам галлюциногены — в своем роде). Я не читал его романов и не слышал о нем прежде, однако он оказался довольно известным автором. Иначе его не стали бы переводить на тамильский язык.

— Я ничего в этом не понимаю, — с восторгом сказала Амма. — В первой главе одно предложение растянулось на восемь страниц! А какой у него словарный запас! Книга уже стала бестселлером в Тамилнаде. И в этом во многом заслуга Падмы.

Разумеется. Ведь именно Падма переводила книгу Соллоццо на тамильский, заморачиваясь со всеми этими турецкими изысками.

— Если тебе нравится Памук, он тебе тоже понравится, — сказала Амма. — Тебе ведь он нравится?

Мне действительно нравился Памук. Подростком я прочитал все его книги. Отрицательная сторона таких увлечений заключается в том, что тебе сложно бывает сформировать свое собственное мировоззрение. Тем не менее Памук был неразрывно связан с моей юностью, как и воспоминания об ожидании школьного автобуса, или наша дискуссия в колледже на тему "Кто рациональнее: женщина или мужчина?", или нежная улыбка Падмы, когда она в первый раз

обнажила передо мной свою грудь.

На самом деле Амме совсем не нужно было выгораживать передо мной этого человека, ведь мой Мозг уже был занят другими мыслями, а от прежнего дискомфорта не осталось и следа.

Мне даже интересно было встретиться с Сол-лоццо. Бандра находилась не так уж и далеко. В Мумбаи все было довольно близко. Мы с Аммой жили в Сахюне, всего в двадцати минутах ходьбы от моей любимой реки Джихран, и, если уж на то пошло, у меня была хорошая жизнь, даже счастливая, однако "хорошая" и "счастливая" не означало, что она была интересной. А с появлением Турка моя жизнь могла бы стать намного интереснее, и такую отличную возможность не стоило упускать.

Однако я знал, что Амме будет особенно приятно, если ей придется убеждать меня, поэтому я продолжал возражать, хмурить брови и мысленно улыбаться, когда Амма мужественно разрушала все препоны. Велли — мамина сиделка — тоже присоединилась к игре, и ее милое круглое личико светилось лукавством:

— Аммачи, ты же говорила, что у тебя болит спина, — сказала Велли на тамильском. — Ты действительно хочешь отправиться в Бандру

только ради ланча?

— Ну вот, негодница, теперь еще и ты! — возмутилась Амма. — Иди сюда… да не бойся… подойди, сейчас я докажу тебе, какая я сильная.

Пока они веселились от души, я проверил свое расписание и выкроил в нем пару часов в воскресенье. Этого времени было достаточно, чтобы все уладить. Амма была очень подозрительной, но я заверил ее, что не стану предпринимать попыток отвертеться от этого дурацкого ланча. На самом деле проект с "Современным текстилем" отнимал все мое время. Мне предстояли непростые переговоры с сотрудниками компании.

— Ну вот опять, любовница для тебя важнее семьи! — со вздохом сказала Амма.

В голосе Аммы я как будто услышал интонации Падмы. Но в любом случае она проявила ко мне серьезное неуважение. Интересно, если бы я был врачом, а не банкиром, Амма все равно сравнивала бы мою работу со шлюхой? У меня были все основания разозлиться на нее. Да, все основания.

Но я успокоился, размышляя о том, что Амма не хотела оскорбить меня. Напротив. Она напоминала мне, что я должен стремиться стать лучше. Она поступала так, как и положено хорошей матери — старалась защитить меня.

— Ты права, Амма. Я изменю свое расписание. Во всем должен соблюдаться баланс.

К сожалению, даже к выходным работы меньше не стало, но я с радостью отложил все дела, чтобы повидаться с Падмой и Бутту.

— Ты похудел, — заметила Падма, ее голос был почти сердитым. Затем она улыбнулась и передала мне Бутту.

Я громко зарычал, словно какое-нибудь чудовище, и заявил Бутту, что сейчас буду так крепко ее целовать, что проглочу, не помилую! Визги. Вопли. А потом пришло время историй. О, Бутту хотела рассказать мне столько интересного! В Бостоне она видела снег. И *такие* огромные дома! Мы сидели, приникнув друг к дружке головами, и она показывала мне миллион фотографий. У Бутту была царапина на указательном пальце, она с гордостью продемонстрировала мне ее и рассмеялась, когда я стал притворно стонать: "Доктор, доктор, у Бутту болячка бо-бо, помажь ее мазью, чтобы болячка Бутту не болела!" Как же все-таки просто сделать детей счастливыми. Потом я заметил слезы в глазах Велли.

— Велли, что случилось? — спросил я с легкой тревогой в голосе.

Она лишь покачала головой. Эта дурочка была

ужасно сентиментальной, просто-таки живое воплощение индийского кинематографа. И я немного волновался, когда представлял ее Падме. Но они неплохо поладили. Падма была любезной и чуткой, как и подобает представительнице высокой касты, и Велли с энтузиазмом заявила, что госпожа Падма оказалась именно такой, какой она себе ее представляла.

В конце концов, мы все, включая Велли, выехали из Сахюна. Автопилотом машины управляла Падма. Сначала мы держали окна открытыми, однако день был ветреным и ясным, и прохладный ветер с Джихран трепал нашу одежду. Бутту захотела сидеть между мной и Велли, и Амма заняла переднее сиденье. Мы уезжали почти на целый день, поэтому Велли попросила подвезти ее в Дхарави, чтобы она могла навестить родителей. Мы остановились на оживленном перекрестке, сразу за тем местом, где прежде располагался завод по переработке сточных вод, и Велли вышла.

— Велли, возвращайся в… — начал я на тамильском.

— Да, старший брат, конечно, я приду вечером, можете не сомневаться. — Велли поцеловала свои пальцы, а потом коснулась ими щеки Аммы и сказала на ломаном английском:

— Увидимся до вечера, скоро, да, Аммачи? До свидания!

Зажегся зеленый свет, и машина уже готова была двинуться с места. Велли вдруг вспомнила, что забыла попрощаться с Падмой и побежала вдоль дороги.

— Она — сама невинность, — сказала Амма. — У этой девушки золотое сердце. Чистое золото.

— Да, она очаровательна, — с улыбкой согласилась Падма.

— Она такая грустная, — заметила Бутту. — Это потому, что она такая черная?

Амма рассмеялась, а когда мы с удивлением посмотрели на нее, сказала:

— Что такого? Если бы Велли была сейчас с нами, она бы рассмеялась первой.

Возможно, так и случилось бы. Но, как говорится, две лжи правду не сотворят. Амма подавала Бутту дурной пример. Смеяться и быть счастливым — это замечательно, однако Усовершенствованные несли на себе некоторые обязательства и могли радоваться только по поводу правильных вещей.

Падма объяснила мне, что на самом деле Бутту хотела узнать, потому ли грустила Велли, что она не была Усовершенствованной? Во время их

поездки в США, Бутту замечала, что большинство афроамериканев не были Усовершенствованными, и она сделала вывод, что это связано с цветом кожи. У Велли она тоже была темной, поэтому…

Я поймал взгляд Падмы в зеркале заднего вида, ее натянутая улыбка словно говорила: "Ты правда считаешь, что я воспитываю ее расисткой?"

— Нет, Бутту, — я обнял дочку. — Велли грустит, потому что ей пришлось покинуть нас. Но теперь она с надеждой смотрит в будущее и ждет, когда мы снова увидимся.

Я тоже смотрел в будущее, а не в прошлое. Откинувшись на спинку сиденья, я слушал радостное щебетание сидевших впереди женщин, наслаждался этими мгновениями, возможностью обнимать дочь, переглядываться с женой — я до сих пор не привык к тому, что Падма была моей бывшей женой, — и вдруг меня посетила мысль, и она была подобна пассажирам, отчаянно пытающимся забраться в уходящий поезд, — мысль, что, возможно, мы вот так собрались все вместе в последний раз.

Когда она уехала в Бостон вместе с Бутту, я надеялся, что через шесть месяцев она благополучно отделается от Соллоцци. Но вероятно, жизнь с ним оказалась достаточно волнующей и богатой

на события. Турок подарил ей возможность приобщиться к литературной жизни, о чем она всегда мечтала, и это желание было так велико, что ни ее, ни мой рационализм не смогли побороть его.

Поскольку Падма уехала на столь долгий срок, мне пришлось подыскивать сиделку для Аммы. Довольно быстро стало ясно, что об Усовершенствованных медсестрах стоило забыть — подобных медсестер можно было найти в какой угодно стране, но только не в Индии. К счастью, Раджан — администратор торгового зала в "Современном текстиле" — обратился ко мне и рассказал, что его дочь Велли получила диплом по уходу на дому. Он слышал, что я подыскивал сиделку, и как раз расспрашивал знакомых насчет надежных людей, которым мог бы доверить свою дочь.

Доверие вообще является ключом для любых отношений. Работая банковским служащим, я снова и снова усваиваю этот урок. Ощущение тихого счастья обволакивало меня мягким покрывалом, но к этому чувству примешивалась легкая грусть, растворенная в целом букете запахов: нагретой на солнце кожи автомобильных сидений, кокосового масла, которым были смазаны седые волосы Аммы, нотки ветиверы — от Падмы, жасмина — от Велли и пульсирующе-

го, почти звериного запаха Бутту. И этот букет чувственных восприятий собрал не мой Мозг. Вероятнее всего, его источал цветок мимолетного мгновения. Я наслаждался этим ароматом, пока он не рассеялся при попытке проанализировать его, но, даже исчезнув, оставил за собой легкий флер беспричинного счастья.

Голова кружилась, я слегка наклонился вперед между двумя передними сиденьями и спросил дам, о чем они беседовали.

— Амма говорит, что хочет поехать на мою свадьбу в Бостон, — сказала Падма. — Мне тоже этого хочется. Я все устрою. Мне будет очень жаль, если она не сможет присутствовать.

— Значит, решено, я приеду, — заявила Амма, — только забронируй билеты на самолет.

— Амма, ты до ванной-то с трудом добраться можешь без посторонней помощи, не то, что до Бостона!

— Видишь, Падма, видишь? Вот как он ко мне относится, — пожаловалась Амма дребезжащим старческим голосом. Она так говорила, только когда хотела вызвать сострадание к себе. — После того как ты ушла, он все время донимает меня своими дурными шутками. — Затем, к моему удивлению, Амма повернулась и похлопала меня

по щеке. — Но ничего ужасного в этом нет. Он, бедняга, просто старается подбодрить меня.

— Это одна из опасностей совместной жизни с ним, — с улыбкой заметила Падма. — Амма, но я, правда, забронирую для тебя билет. А если хочешь, твой сын тоже может приехать и забавляться там своими дурными шутками.

— Да, чем больше народу, тем веселее, — сказала Амма, она была такой славной. Амма решительно защищала выбор Падмы, игнорируя моральную проблему появления на свет турецко-тамильских детей, которую, впрочем, никто открыто не обсуждал; по ее словам, главное, что у человека на сердце, а не кто он по происхождению, что дети только укрепляют любовь, и еще говорят, что он любит красный рис и *авиал*[24].

— Мне всегда казалось, что Маммутти очень похож на турка, — сказала Амма, бескомпромиссный тон ее голоса говорил о том, что Соллоццо, с которым ей только предстояло встретиться, при желании смог бы извлечь некоторую пользу из ее симпатии к известному актеру из Южной Индии, которым она была увлечена всю свою жизнь. И вообще, ей очень нравились турки.

---

[24] Примечания: 24
Традиционное индийское блюдо из овощей.

Он мне тоже понравился. Пускай фамилия Соллоццо и вызывала ассоциации с гангстером из классического фильма. Кстати, у него даже были тонкие усики! Я мог бы отрастить точно такие же, но не в силах был похвастаться худобой, высоким ростом, а также внешним видом, навевавшим воспоминания о потрепанной крикетной бите, отбивавшей мяч несчетное количество раз. Он оказался славным малым, весьма смышленым, а ленивая улыбка и задумчивое выражение лица придавали его словам особую значимость.

Он приготовил мне подарок. "Музей невинности" Памука, подписанный автором. Странно было представлять себе, что этой книги касалась рука великого писателя, от этой мысли у меня по спине даже пробежали мурашки. Это было чудесное ощущение, несвойственное Усовершенствованным. Два подарка в одном. Без сомнения, книга была очень дорогой. Я снова дотронулся до дарственной надписи, мысленно повторяя ее содержание.

"Мой друг, — звучал голос Орхана Памука, переносясь через мост времени, — я надеюсь, вы прочитаете эту историю с таким же удовольствием, с которым я сочинял ее".

Я опять повторил текст обращения про себя.

Оторвав взгляд от книги, я увидел, что Падма и Соллоццо смотрели на меня. Так трогательно — думать о том, что они старались подобрать для меня правильный подарок.

— Я буду беречь эту книгу, — сказал я совершенно искренне. — Спасибо.

— Не стоит благодарности, — ответил Соллоццо, и его губы медленно расползлись в улыбке. — Вы мне ничем не обязаны. Ведь это я *забрал* у вас жену.

Мы все рассмеялись. За ланчем мы много болтали. Я заказал ягненка, остальные предпочли разделить котелок бирьяни. Глядя на то, как Бутту прижимает к губам свои маленькие пальчики, я вдруг неожиданно понял, что сильно по ней соскучился. Соллоццо ел с жадностью человека, приговоренного к смерти. Падма покачала головой, и я перестал пристально рассматривать его. Моя склонность к саморефлексии иногда мешала мне насладиться счастьем, но я считал, что она также придавала моему счастью особую пикантность. Одно дело — просто быть счастливым, и совсем другое — *знать*, что ты счастлив, потому что счастлив твой любимый человек. Это делает твое счастье еще слаще. Иначе чем еще мы отличаемся от животных? Моя голова кружилась

от приятного ощущения, мне хотелось, чтобы между всеми нами установилась подлинная взаимосвязь. Я обратился к Соллоццо:

— Вы работаете над новым романом? Ваши читатели, наверное, с нетерпением ждут его.

— Я ничего не писал уже лет десять, — с улыбкой ответил Соллоццо. Он погладил Падму по щеке. — Она переживает из-за этого.

— Ничего подобного! — возразила Падма с абсолютно безмятежным видом. — Я ведь не только твоя жена, но и преданный читатель. Если я чувствую, что писатель начинает халтурить, то все, я закрываю книгу. А ты — перфекционист, и мне это нравится. Помнишь, как ты мучил меня из-за перевода?

Соллоццо с нежностью кивнул.

— Она такая же сумасшедшая. Готова целую неделю размышлять над одной запятой.

— А как мы сражались по поводу примечаний! Он не любит примечания. Но как я могла сделать точный перевод без примечаний? Я сказала ему, что ничего не выйдет, я буду настаивать на своем.

Мне приятно было наблюдать за тем, как нежно они ворковали друг с другом. Я восхищался их страстью. Вероятно, мне самому страсти как раз и

не доставало. Но если это было так, почему Падма никогда мне об этом не говорила? Брак — это ответственная работа. Согласно американской трудовой теории любви. Меня это устраивало; я любил работать. Работа, работа. Если бы она хотела, чтобы я прилагал усилия и работал в наших с ней отношениях, я исполнил бы ее желание. Но потом я утратил интерес к этим своим наблюдениям.

— Я почти не читаю художественную литературу, — признался я. — Когда-то я очень много читал. В двадцать с небольшим я получил статус Усовершенствованного. Какое-то время ушло на адаптацию, а затем я отошел от чтения, занялся карьерой и тому подобным. С моими друзьями случилось то же самое. Почти все они читали в детстве. Хотя даже детьми их это не особенно увлекало. Меня это удивляет. Возможно, мы просто переросли потребность в вымысле. Как дети, вырастая, забывают про своих воображаемых друзей. Как вы думаете, постчеловечество постепенно изживает необходимость в художественной литературе?

Я ждал ответа Соллоццо. Но он набил рот бирьяни и пережевывал пищу с бесстрастной сосредоточенностью храмовой коровы. Падма

заполнила паузу своей счастливой болтовней. Соллоццо работал над сборником рассказов. Он делал то, он делал се. Я чувствовал, что за ее веселостью скрывалось осуждение, и это было так нелепо. Затем она сменила тему:

— А ты… ты… ты, наконец-то, разделался с "Современным текстилем"?

— Я… я… я нет, — ответил я, и мы оба рассмеялись. — Все как обычно, Падма. Я пытаюсь показать рабочим, что можно контролировать все процессы, даже не являясь владельцем. Но это очень тяжело. С Усовершенствованными проще; они все схватывают на лету. Но с остальными, особенно с теми, кого можно отнести к марксистам… просто жуть!

— Судя по всему, перед тобой стоит суперответственная задача!

Однако всем своим оживленным видом она, напротив, хотела сказать: суперскучная. У меня не было желания развивать эту тему. Как представитель торгового банка, я давно уже усвоил, что все творческие люди, в особенности писатели, терпеть не могут разговоров о деньгах.

Меня это не особенно тревожило. Я просто находил это странным. Почему их совершенно не интересовал финансовый капитал, ведь он

являлся самой главной силой, способной преобразовывать мир? Но я готов был биться об заклад, что в романе Соллоццо не было ни одной запятой и уж тем более ни одной сноски, связанной с бизнесом. Даже Падма, которая провела со мной столько времени, никогда не признавала, что подлинные поэты, которыми она так восхищалась, были поэтами действия, а не словоблудия.

— Терпеть не могу слово "постчеловечество"! — воскликнул Соллоццо, глядя на нас. — Оно служит предлогом для заявления, что мы лишены человеческих грехов. Это отрицание истории. Неужели вам не терпится вернуться в Сион? В таком случае вы уже погибли, брат мой.

Повисла пауза.

— Я знаю только, где находится Зион, — сказал я, наконец, а когда Падма рассмеялась, я объяснил сбитому с толку Соллоццо, что Сахюн, где жили мы с матерью, раньше назывался Зионом, и что к этой свободной от национальных предрассудков северо-индийской территории примыкали два южно-индийских анклава: Чембур и Кингс-Секл. Затем Сахюн стал мусульманским анклавом. А теперь это просто анклав богатых людей.

— Сахюн, это же Сион по-арабски! Вы живете в Сионе!

— Верно. У нас даже есть одна из райских рек, она протекает неподалеку от моего дома. Представляете? А Падма все равно ушла от меня.

— В Сионе не удерживают женщин, — сказал Соллоццо и снова улыбнулся мне своей ленивой улыбкой.

— Разумеется, — сказала Падма. — А река Джихран протекает там с недавнего времени. Раньше рядом с Зионом не было никаких рек. К тому же в этом месте всегда ужасные пробки. За последние шестьдесят лет все изменилось. Полностью изменилось.

— Напротив… — начал я и наклонился вперед, чтобы приступить ко второй порции ягненка.

— Мои дорогие дети, — перебила меня мать на тамильском. — Я понимаю, вам не хочется этого делать, но и откладывать больше нельзя. Вы должны сказать все Бутту.

— Да, Бутту. Разбейте ей сердце, а потом склейте осколки. — Соллоццо плохо понимал тамильский, но услышал ключевое слово: "Бутту". Ведь эта встреча была устроена ради нее.

Сначала нужно было провести ряд подготовительных мероприятий. Я взял у Падмы документы на развод и поставил свою подпись везде, где это было необходимо: странный анахронизм

для нашего времени, но все еще необходимый. Так, одним росчерком пера я отказался от права называть Падму своей женой. Мы с моей бывшей женой посмотрели друг другу в глаза, словно обмениваясь нежным немым благословением, и я почувствовал, как глубокая печаль поселилась внутри меня. А затем к ней присоединился яростный гнев из-за того, что я был не одинок в своих страданиях. Чертов Мозг наблюдал за происходящим, пытался защитить меня. Но от утраты нет защиты. Падма… О боги, о боги, о боги… Но все же спустя какое-то время мне удалось расслабиться.

— Рядом есть парк, — сказала Падма и тоже улыбнулась. — Там мы и скажем обо всем Бутту.

Вначале все шло хорошо. К счастью, Бутту оказалась не самым догадливым человечком. Она не сразу поняла, что ее родители разводятся. И это даже к лучшему. Она собиралась жить в Бостоне. Да, она потеряет всех своих друзей. Да, этот дядя с усами теперь стал ее отчимом. Нет, я не поеду с ней. Да, я буду ее навещать. И так далее и тому подобное. Затем она снова стала задавать те же самые вопросы. Подбородок дрожал, голос стал писклявым, но в целом она вела себя довольно спокойно. Чувствовалось, что все складывается хорошо. Мы с Падмой улыбались друг другу, Сол-

лоццо одобрительно кивал.

Амма была гораздо умнее. Она знала свою внучку и лучше нас помнила те чувства, которые испытываешь, пока ты еще не стала до конца Усовершенствованной.

Поэтому когда Бутту с криком побежала к ограде, отделявшей парк от шоссе, Амма — моя восьмидесятидвухлетняя мать — неожиданно стремительно кинулась за ней и схватила девочку, прежде чем та успела выскочить на дорогу. Мы подбежали к ним с тревожными улыбками. Объятия, новые объяснения. Бутту успокоилась. Но когда мы отпустили ее, она снова побежала. Дальнейшую картину события мы воссоздали после некоторых обсуждений с Падмой и Соллоццо. Никто из нас не помнил точно, что именно произошло. Но вероятно, мы пережили серьезный стресс, потому что мой Мозг решил смилостивиться надо мной и спрятать эту информацию. Я помнил лишь короткие фрагменты: текущую из носа кровь, лихорадочные попытки поскорее добраться до больницы, истеричные крики Бутту, Соллоццо, обнимающего Падму. Я помню, как Мозг Бутту самостоятельно провел переговоры с нашими Мозгами и отключил ее ретикулярный центр. Бутту уснула.

— Пожалуйста, не волнуйтесь. — Мозг Бутту транслировал это обращение в наши головы. Оно произносилось ровным голосом стюардессы сначала на английском, затем — на хинди: — Ее с легкостью удастся разбудить в ближайшем медпункте, оборудованном для обслуживания деятельности Мозга.

Я запомнил врача, который занимался делом Бутту. Она так старалась подбодрить нас. Начиная с того момента, как появилась врач, я помню все. Она действительно поддержала нас.

— Бутту стала Усовершенствованной только в прошлом году, я права? — поинтересовалась врач.

Да, так и было. Доктор хотела узнать все особенности модуля. Контролировал ли Мозг Бутту ее аппетит? Как быстро она может все забыть? Зависело ли это от наших установок или от ее самоконтроля? Это было особенно важно. Как Бутту справлялась с чувством неуверенности? Была ли она склонна к риску или, напротив, избегала его? Разумеется, эти вопросы были лишними. Вся информация содержалась во врачебном заключении. Я слушал, время от времени кивал, и в душе у меня росло тихое чувство радости, когда Падма отвечала на каждый вопрос и, таким образом,

доносила до доктора информацию, которую она на самом деле хотела выяснить: заботливые ли мы родители? Осознаем ли, что мы сделали со своим ребенком благодаря этой технологии?

Врач спросила, не предлагал ли я Бутту дать имя ее Мозгу. Мы знали, что Бутту называла его "бо-бо". Только что подвергшиеся переоснащению дети часто давали имена своему мозгу. Падма кивнула, но я видел, что она была встревожена. "Бо-бо"?

Мы завели разговор на тему "Нужно время, чтобы ко всему привыкнуть". Бутту была совсем дитя, ее Мозг был еще не до конца интегрирован. И то, что она дала ему имя, оказалось одним из симптомов. Ее Мозгу трудно было справляться со сложными эмоциями. Бутту было тяжело привыкнуть к *этой штучке* в своей голове. Мы должны были проявлять больше осторожности. Так что зря мы пытались замаскировать наше с Падмой расставание под веселое путешествие в Бостон. Мы сильно расстроились.

Доктор улыбнулась и попросила нас не переживать так сильно. Такое иногда случается. Взрослым трудно бывает вспомнить, какой хаос подчас творится в детских головах. И воспитать ребенка сейчас — совсем не то, что в прежние

времена. Не волнуйтесь. Через несколько недель Бутту даже не вспомнит о своих тревогах и пережитом потрясении. Да, она сохранит способность к искренним переживаниям, но страх, жалость к себе и другие негативные эмоции больше не будут омрачать ее жизнь. А со всеми этими невинными волнениями лучше всего помогают справиться любовь, доброта, терпение и понимание. Врач пальцем начертила крест, на каждом конце которого находилось одно из этих четырех слов.

— Конечно, доктор! — сказала Падма. Как и все матери, она с большим энтузиазмом воспринимала ценные медицинские советы.

Нам всем стало намного легче. Мы испытали чувство благодарности, и мозг каждого из нас получил информацию о том, что нам следовало высоко оценить эту консультацию врача в соответствующем разделе отзывов.

Мы покинули клинику. Все еще спящую бедняжку Бутту положили в автомобиль, который Соллоццо взял напрокат. Настало время прощаться. Я обнял Падму, и она принялась давать мне разные обещания. Что будет поддерживать со мной связь. Что я должен сделать то-то и то-то. Бутту. Бутту. Мы улыбнулись друг другу. Амма, как всегда, расклеилась, словно забыла о том, что

она была Усовершенствованной.

— Неужели я прожила так долго лишь для того, чтобы стать свидетельницей этого дня? — жалобно спрашивала она на тамильском, на секунду забывшись, однако тут же пришла в себя, когда услышала, как мы с Падмой смеемся над ее дрожащим голосом.

— Вы заметили, как госпожа доктор любит слово "особенно"? — спросил Соллоццо, рассеянно сжимая и тряся мне руку. — У меня был подобный ей персонаж. Он любил говорить: "Напротив". Даже когда не пытался возражать. — Он пожал мне руку и накрыл ее другой ладонью. — Дружище, мой ответ на ваш вопрос был глупым. Совсем глупым. Мне не пришло в голову ничего путного. Я сам часто размышляю над тем же. Надеюсь, я больше не попаду впросак. Мы должны еще поговорить.

О каком вопросе он говорил? Об актуальности художественной литературы? Да кому до этого было дело? Точно не мне. Мне было не до подобных мыслей. Итак, все заканчивалось. Падма уезжала. Бутту уезжала. Моя жена и дочь покидали меня навсегда. В голове что-то щелкнуло, и перед глазами все поплыло. Музыка, зазвучавшая в голове, мешала мне сосредоточиться. Я был

так счастлив, что мне нужно было немедленно уехать оттуда, иначе я просто лопнул бы от прилива счастья.

На обратном пути к нашей квартире мы с Аммой чудесно провели время. Мы настроили наши Мозги на одну волну, пели старые тамильские песни, обсуждали разные забавные истории о том, как умерли наши престарелые родственники. Она *не* уснула, оставив меня наедине со своими мыслями. Как бы сильно ни устала от жизни моя мама, она и теперь продолжала защищать меня.

Велли весь вечер крутилась вокруг Аммы, без умолку щебетала о том, как она провела день, рассказывала глупые анекдоты, обсуждала с ней какую-то бесконечную мыльную оперу. Амма сидела и молча слушала ее, улыбалась, кивала, моргала.

— Спасибо за заботу, — сказал я Велли после того, как она уложила Амму в постель. — У тебя усталый вид. Может, возьмешь несколько выходных дней на следующей неделе?

— Никуда я не пойду! — выпалила она на своем деревенском тамильском. Она схватила меня за руку и прижала к своей пышной груди. — Вы вдохновляете меня. Вы все! Вы так разумно реша-

ете все свои жизненные проблемы. Не то, что мы. Когда у моего дяди сбежала жена, видели бы вы, как он рвал и метал. В то время как вы все… пожалуйста, не поймите меня неправильно, старший брат, но бывает, что я ночью не могу уснуть из-за всяких-разных тревог, тогда я вспоминаю ваше улыбающееся лицо, и мне становится спокойно. Как бы мне хотелось тоже освободиться от всех эмоций!

Не каждый день тебя назначают Буддой, и я постарался, чтобы выражение моего лица было достаточно просветленным ради такого случая. Однако Велли свойственно достаточно распространенное заблуждение относительно медитации. Освободиться от эмоций! Это все равно что думать, будто классические музыканты были свободны от музыки лишь потому, что смогли выйти за рамки хрипов и визгов. Мы, Усовершенствованные, не свободны от эмоций. Напротив. Просто обладаем психологически здоровой иммунной системой, не более того.

Я еще мог понять смятение Велли, но Соллоццо вызывал у меня недоумение. Время от времени мы с ним общались. Падма говорила, что он стал писать больше, чем прежде, но по утрам он не работал — в это время он обычно звонил мне. Я был

рад этим звонкам; то, что для него было утром, для меня уже было вечером, а по вечерам мне совсем не хотелось думать о правах сотрудников на получение акций компании, обыкновенных акциях и фабричных рабочих.

Эти разговоры проходили в довольно уютной обстановке. Велли резала овощи к обеду, Амма руководила ее работой или разгадывала судоку, а мы с Соллоццо спорили по разным вопросам. В самом деле, тема была не так уж и важна, главное, чтобы она могла стать предметом для дискуссии. Мы спорили о зле, которое представлял собой капитализм, о подъеме Ганы, о самом лучшем способе приготовления бирьяни[25], о том, как лучше всего обучать детей, о том, насколько важную функцию выполняет то или иное движение в танце живота. Самый яростный спор у нас обычно разгорался на темы, по которым мы полностью сходились во мнении.

Например, по поводу художественной литературы. Мне было известно, что художественная литература, в его понимании, была в большей степени рассчитана на Неусовершенствованных. Но готов ли он был в этом признаться?

---

[25] Примечания: 25
Блюдо из риса и специй с добавлением овощей, мяса или рыбы.

Никогда. Он сдержал свое обещание и выдвигал один аргумент за другим, почему художественная литература, а заодно и писатели до сих пор — даже в наше время — весьма авторитетны. Меня забавляло, что Соллоццо всегда стремился отыскать причину того или иного события. Ему, как рассказчику, не было никакой нужды так поступать.

Когда я сказал ему это, он предложил мне сделать неожиданный выбор. Произнес две фразы. Первую: "Эвридика умерла, и Орфей умер от сердечного приступа". И вторую: "Эвридика умерла, и Орфей умер от горя".

— Какое из этих утверждений нравится тебе больше? — спросил Соллоццо. — В какой фразе, как тебе кажется, содержится больше смысла? А теперь скажи мне, что для тебя важнее: причина или повод?

— Не важно, что я предпочитаю. Если бы Орфей был Усовершенствованным, он все равно мог бы умереть от сердечного приступа. Но он не умер бы от горя. А со временем люди перестанут умирать и от сердечных приступов.

В другой раз мы пытались возобновить старый спор о том, что литература учит нас состраданию. Эта популярная в начале двадцать первого века

чушь доказала свою несостоятельность даже в те наивные времена. С другой стороны, с таким же успехом можно было возразить, что литература стала возможна благодаря состраданию.

В любом случае почему сострадание так важно для людей? Да потому, что люди подобны книгам на иностранных языках; книгам, которые обладают своим смыслом, но этот смысл невозможно постичь. К счастью, в дело вмешалась наука и исправила эту проблему. Больше не нужно переживать по поводу того, что чувствуют окружающие. Теперь все знали, какие чувства испытывают остальные. Они ощущали себя счастливыми, довольными, мотивированными и расслабленными. У нас отпала необходимость ставить себя на чье-то место, как и проверять подмышки других людей, чтобы отыскать там следы бубонной чумы.

— Об этом я и говорю! — воскликнул Соллоццо. Разумеется, он тут же успокоился. — Именно об этом. Усовершенствованность помогла нам избавиться от наших изъянов. Если это продолжится, мы превратимся в моральных роботов. Однажды я спросил тебя, хочешь ли ты вернуться в Сион?

— Почему Сион так для тебя важен?

— Сион. Эдем. Сварг. Сахюн. Рай. Называй его

как хочешь. Книга Бытия, брат мой. Когда-то мы были роботами. Как думаешь, почему нас изгнали из Сиона? Мы утратили нашу невинность, когда Адам и Ева обманули доверие Бога, вкусили плод с Древа и принесли в мир Фантазию. Мы стали людьми. Теперь же мы научились контролировать Древо в наших головах, снова превратились в роботов и вернули себе невинность, которая была платой за доступ в Сион. Разве ты не видишь связи между этими событиями и твоим пренебрежением к Фантазии?

Я не видел. Но я начинал понимать, как сильно его европеизированная фантазия отличалась от моей. Он спорил со мной, но на самом деле вел диалог с мертвыми белыми европейцами. Сократом, Платоном и Аристотелем; Гете, Баумгартеном и Карлом Морицом; Гуго фон Гофмансталем, Махом и Витгенштейном. Я мог только подивиться его эрудиции. Я ничего не способен сказать по поводу его философов или их фантазий, но я был банковским служащим и мог сделать так, чтобы любое залоговое обеспечение выглядело недостаточным.

В данном случае все было очевидно. Его аргументация базировалась на важности романов. Но каждый роман ставил свою важность под

сомнение. Мир, описанный в каждом романе, каким бы реалистичным он ни казался, отличается от настоящего мира одной особенной деталью, которой в этом самом романе не достает. И деталь эта — одна особенная книжка, тот самый роман, о котором идет речь. К примеру, в мире "Музея невинности" Памука не существует книги под названием "Музей невинности". И если вымышленный мир Памука прекрасно обходился без этой его книги, разве таким образом автор, любой автор, не пытался сказать, что реальному миру его роман не был нужен? И так далее и тому подобное.

— Я нашел своего Барбикена, — сказал Соллоццо после долгой паузы. — Мне необходим был твой скептицизм по поводу художественной литературы. Дерзай, продолжай в том же духе! Мне это поможет нарастить такую толстую броню, что даже самые дремучие твои сомнения не смогут ее пробить.

Между прочим, позже я узнал, что он ссылался на легендарный спор из романа Верна "С Земли на Луну" между оружейным промышленником Импи Барбикеном и производителем брони капитаном Николем. Барбикен изобретал все более и более мощные пушки, а Николь — все более и

более крепкую броню. По крайней мере я узнал для себя кое-что новое.

Его лицемерие наверняка разозлило бы меня, если бы я способен был злиться. Поскольку его собратья по перу выступали для читателей в роли посредников, то еще можно было говорить о свободе, сострадании и бла, бла, бла. Но Соллоццо не пытался стать для своих читателей посредником. Он писал о Турции на английском языке. Истории на английском, рассказанные неангличанином о неанглийском мире! С таким же успехом Джейн Остин[26] могла бы писать об Англии на санскрите.

Впрочем, в этой нашей с ним игре, подобные вещи не имели значения. Мужчинам, даже Усовершенствованным, трудно бывает выразить словами свою симпатию друг к другу. Соллоццо сделал Падму счастливой. Я был рад видеть мою Падму счастливой. Да, она больше не была моей. Она никогда не была моей, ведь Усовершенствованные никому не принадлежат, возможно, даже самим себе. Я был рад видеть ее счастливой, и верил, что в этом была заслуга Соллоццо, а не ее Мозга. Бутту тоже постепенно привыкала к

[26] Примечания: 26

Английская писательница, известная своими очаровательными романами из жизни аристократии. — *Примечание автора.*

жизни в Бостоне. Или, возможно, Бутту привыкала к своему Бо-бо. В общем, одно и то же, какая разница? Падма сказала, что Бутту совершенно перестала упоминать о своем Мозге.

Падму забавляли наши с Соллоццо беседы.

— Я так ревную! Вы вдвоем еще не собрались сбежать куда-нибудь?

— Да, да, сегодня поженились, завтра уже развелись, — крикнула Амма, которая подслушивала наш разговор. — Что это за мир?! Ни веры, ни морали. Ты хоть понимаешь, какое влияние твое аморальное поведение оказывает на Бутту? Ты хочешь, чтобы она стала наркоманкой? Она должна быть уверена, что когда вернется домой из школы, дома обязательно кто-нибудь будет. Ей нужны мать и отец. Ей нужна стабильность в доме. Никакая технология не сможет ей этого дать. Но продолжайте, живите, как хотите. Кто я такая, чтобы вмешиваться? Никто. Бесполезная старуха, которая все никак не умрет. Я не могу ждать. Каждую ночь, когда я закрываю глаза, я молюсь о том, чтобы не проснуться утром. Кому захочется такой жизни? Разве что домашним животным. Нет, даже они такой жизни не хотят. — Она улыбнулась и сменила тему: — Не обращай внимания, дорогая. Я знаю, ты желаешь Бутту

самого лучшего. Как и любая мать. В Америке сейчас снег?

Все в порядке, как вроде бы любят говорить американцы. Пролистывая книгу Соллоццо "Роботы Эдема и другие истории", я подумал о том, как воспринимала наши с Соллоццо споры Велли. Помню, она слушала, раскрыв рот, пытаясь уловить, что вызывало у Соллоццо такое волнение. Она находила Соллоццо необычайно интересным. Называла его "Дядей-профессором", ведь в нее с рождения было заложено уважение: а) к белым людям, б) к Усовершенствованным, в) к людям, которые могли свободно говорить по-английски. Иногда она начинала подражать его жестам и его акценту, с которым он говорил по-английски.

Оглядываясь назад, я должен был предположить, что именно Велли будет сильнее всех прочих переживать из-за самоубийства Соллоццо. Да и как могло быть иначе? Психика Неусовершенствованных очень плохо защищена от ударов судьбы. Я позвонил Велли из офиса и попытался как можно мягче донести до нее это известие.

— Твой Дядя-профессор… он убил себя. Но не переживай слишком сильно. Амма ничего не

должна узнать, поэтому будь сильной. Хорошо, Велли?

Я уже уладил с Падмой все юридические нюансы, поговорил с Бутту, рассмешил ее, все шло как по маслу.

Мы с Падмой решили не говорить ничего Амме на следующий день, а может, и вообще ей не рассказывать. В последнее время Амма быстро уставала. Зачем же нести лишнее бремя?

— Я должна позаботиться о его литературном наследии, — сказала Падма с улыбкой, ее глаза сияли. — Предстоит столько дел! Поэтому пока что мы останемся в Бостоне. Ты ничего не имеешь против? Наверное, ты будешь скучать по вашим беседам?

Стал бы я скучать? Думаю, я мог бы испытать это чувство. Но не видел в этом смысла. Со мной все было хорошо. Разве я не справлялся и с более тяжелыми ситуациями? Почему она спросила меня? Плакал ли я? Рвал ли на себе одежду? Скрежетал ли зубами? Но затем раздражение покинуло мое сознание, как уносит осенний ветер листья, окрашенные в цвета гнева. Это было так мило с ее стороны, что она проявляла ко мне участие.

— Почему Дядя-профессор убил себя? — спроси-

ла Велли в слезах.

— Он принял какое-то лекарство, остановившее его сердце, — объяснил я.

— Но почему?

Что почему? Почему это "почему" было таким важным для нее? Соллоццо проглотил пилюли, остановившие его сердце, с таким же успехом он мог броситься под грузовик, утопиться, полететь на Солнце, рассеяться в туман. Он умер. Как его Мозг позволил этому случиться? Я мысленно напомнил себе, что нужно поговорить с юристом. Искусственный интеллект должен знать, стоило ли затевать судебный процесс. Соллоццо не оставил последнего слова, если только в сборнике его рассказов не содержалось зашифрованного послания (а я нисколько не сомневаюсь, что он мог бы так поступить).

— Ай-ай, почему же он не попросил о помощи? — стонала Велли.

Я посмотрел на нее. Она явно не собиралась скрывать своего расстройства. Глядя на ее дрожащее лицо, я почувствовал, что внутри у меня будто что-то перевернулось. Я пытался сдержать улыбку, но она растекалась, словно волна, которая переросла в огромное цунами смеха, вырвавшееся из меня, а за ним последовало еще

одно и еще. Я выл. Я ржал. Я топал ногами. Я смеялся даже после того, как у меня не осталось для смеха никаких причин. А затем я точно так же расслабился.

— Прости, — сказал я. — Я смеялся не над тобой. Можно даже сказать, что я вообще ни над кем не смеялся.

Велли взглянула на меня, затем отвернулась, ее губы шевелились. Бедняжка, наверное, совсем растерялась. Я мог бы проявить к ней сочувствие.

— Велли, почему бы тебе не сходить к реке? Прогулка пойдет тебе на пользу, и ты можешь сделать пожертвования в храме в память о Дяде-профессоре. После этого тебе станет легче.

Я понял, что дал разумный совет, когда она ушла, и был вполне доволен собой. Но Велли не вернулась с той прогулки. Тем же вечером я получил короткую записку. Она уволилась. Без объяснений, просто ушла, и все. Ее отец Раджан пришел забрать ее вещи, но ничего толком не объяснил, и, хуже того, не попытался извиниться. Это было как-то неприлично.

Все хорошо, что хорошо кончается. Падма и Бутту были счастливы в Бостоне. Возможно, в скором времени они вернутся. Я не хотел, чтобы

Бутту забывала меня. Книга Соллоццо получит признание, которое заслуживает любой упорный труд, независимо от того, принес ли он кому-то пользу или же был совершенно тщетным.

— Ты не получишь удовольствия от книги, если будешь вот так пролистывать ее, — заметила Амма.

Я вернул книгу Амме. Она просто обожала книги! Чтение. Истории. Дорогая Амма. Ей было уже почти девяносто, но сколько же в ней сохранилось энтузиазма! Хорошо, очень хорошо. Я был рад, что у нее все еще оставался вкус к жизни. Другие ее сверстники уже превратились в мертвецов. Они дышали, ели, передвигались, но по сути были ходячими овощами. Технологии могли продлить жизнь, но не способны были пробудить волю к жизни. Амма вдохновляла своим примером. Я надеялся, что сохраню хотя бы десятую долю жизнелюбия в ее возрасте. Я стал высказывать Амме комплименты по этому, да и по другим поводам, но понял, что она уже погрузилась в книгу. Поэтому я вышел на цыпочках, стараясь не отвлекать мою любимую читательницу от текста.

Элис Сола Ким[27]

*Произведения Элис Солы Ким (*alicesolakim.com*) публиковались в различных научно-фантастических журналах, в том числе в "The Cut", "Tin House", "McSweeney's", "Lightspeed", а также в антологии "Лучшая американская фантастика и фэнтези 2017". Она получала гранты и стипендии от благотворительных фондов и организаций, занимающихся поддержкой писателей: от "Фонда Элизабет Джордж", "Колонии Макдауэлла", и "Писательской конференции Бред-Лоф". В 2016 году Ким была награждена "Премией Уайтинг".*

---

[27] Примечания: 27

© Alice Sola Kim, 2019; © пер. Н. Нестеровой, 2020.

Теперь жди этой недели
Тот раз, когда мы праздновали день рождения Бонни

Последние два часа на вечеринке по случаю дня рождения Бонни мы обсуждали дерьмовых мужиков и даже не подумали извиниться перед именинницей до того момента, пока нас не выставили на улицу, так как бар давно уже должен был закрыться.

Бармен вначале пытался дождаться, когда мы сами уйдем. Наша компашка уже в печенках у него сидела, но подходить к нам он не решался. Наши лица раскраснелись, а глаза воспалились, а исходившая от нас аура, или флюиды, или энергия была подобна раскаленным докрасна углям. Которые сначала разгорались яростным пламенем, а затем тускнели и становились черными.

И хотя бармен отличался поистине могучим телосложением, он нес на себе все это великолепие мускулов как старушка, пытающаяся утащить сразу много мешков с покупками. Он вздыхал и стоял, прислонившись к барной стойке, а мы попросту игнорировали его.

Филлида тщательными и уверенными штрихами делала наброски на салфетках. Со стороны она производила впечатление настоящей художницы, особенно если не видеть результата ее творчества.

— Нам нужна очень длинная рукоятка, — сказала она. — В качестве рычага. — На салфетке Филлида нарисовала саму себя: тело из палочек, небрежные каракули волос, похожие на стог черного сена — она стояла на пляже и держала в руке громадную вилку. На зубьях вилки Филлида нарисовала еще восемь человечков из палочек, которых она безжалостно швыряла в волны.

— Та-дам! — Она подвинула к нам салфетку. — Вилка-утопилка! Все, что вам нужно, чтобы за раз утопить больше одного мужика. Максимальная производительность — восемь мерзавцев. Совсем не обязательно использовать все зубья. Но жаль, если они будут пропадать без дела.

— Твою мать, дайте сразу *пятьдесят* таких! — заявила Девон и швырнула на стол свой кошелек.

Мы загоготали, кое-кто даже попытался подражать зловещему хохоту ведьм, ведь так было еще веселее, и чем дольше продолжался этот гогот, тем сильнее росла наша уверенность, что

именно так и нужно смеяться: не потому, что нам радостно и светло на душе, а потому что мы были прожженными стервами, так что почему бы нам не посмеяться, почему не признать, что на свете все неоднозначно, почему бы не найти приемлемый для социума способ дать волю своему гневу?

Когда же бармен, наконец-то, выставил нас, и мы сгрудились все вместе на тротуаре, чувство неловкости вернулось. Как будто чары спали, а наши лица начали оплывать, словно свечи. Яд восторга испарился, осталась одна отрава, которая пропитала нас всех насквозь. Большинству из нас завтра нужно было идти на работу или на учебу, и, что самое ужасное, завтрашний день уже, по сути, стал днем сегодняшним.

Бонни единственная была чем-то встревожена. Именинница, обладательница пугающих, похожих на голубые льдинки волчьих глаз. Она предпочитала сдержанность и изысканность во всем, кроме ресниц, их она красила в густой черный цвет и старательно расчесывала. Каждый день каждую ресничку, иначе не получилось бы добиться такого эффекта. Она всегда подолгу торчала в ванной — там освещение было лучше всего.

— Прости, Бонни, — сказала я.

— Под конец стало совсем отстойно, — сказала Нина. — Извините, это я во всем виновата!

— Нет, да, прости, кажется, я переборщила! — нечто подобное сказала каждая из нас.

— Черт, мой кошелек! — воскликнула Девон и бросилась обратно в бар.

Между тем никто из нас не сказал: "Ха-ха! Разве не ужасно, что все мы подвергаемся изнасилованиям, домогательствам, надругательствам, харассменту, эмоциональному психосексуальному эквиваленту попыток залезть своими грубыми ручищами вам в мозг, надеть его себе на ладонь как бейсбольную перчатку или как куклу и помыкать нами, что регулярно проделывают наши парни, а также прочим бесчисленным кошмарам, которые происходят со столькими, столькими, столькими, столькими, столькими из нас, а мы даже не можем свободно говорить об этом так, чтобы потом нам не приходилось извиняться за наши слова?"

Не то чтобы в тот вечер я наговорила полным-полно всякой ерунды, но, разумеется, мне тоже пришлось извиняться. Потому что, хоть Бонни и улыбалась и, по ее словам, совершенно не смутилась тому, что празднование ее дня рождения

вылилось в обмен мрачными историями, высказываниями ужасных мизантропических теорий, а также полным безнадежности смехом, мы понимали, *как сильно это ее расстроило.* Ей нравилось, когда все вокруг были счастливы, когда все было хорошо, в противном случае она начинала думать, что источником всеобщего огорчения становилась именно она. И ее это сильно расстраивало. В такие моменты нам хотелось пожалеть ее. А потом она начинала сердиться, рассуждать о нытье, пессимизме и…

— …что посеешь, то и пожнешь, — сказала Бонни. — Строго между нами. Я не хочу говорить это остальным, и, конечно, я отношусь с пониманием ко всему, через что им пришлось пройти, но ведь важно еще и то, что в какой-то момент нужно принять решение и больше не вести себя как жертва. Да, необходимо помнить и рассказывать о тех несчастьях, которые с тобой произошли, это важно… для исцеления или чего-то в этом роде. Но нельзя продолжать жить по-старому и надеяться, что из этого может получиться что-то новое.

Мы шли домой вместе. Я решила не отвечать. Затевать спор с Бонни — это все равно что… ну, представьте, что вы долго голодали, и вдруг перед

вами появился длинный-предлинный стол, весь заставленный пирожными. Но если вы откусите кусочек хотя бы от одного из них, то затем вам придется съесть все эти дурацкие пирожные до одного.

Так было и с Бонни. Она совершенно не менялась. Была ужасно предсказуемой. Такое определение нельзя счесть комплиментом на свой счет, однако нам приятно бывает думать в подобном ключе о других.

К тому же Бонни могла быть замечательной подругой в классическом смысле этого слова. Когда у меня были тяжелые времена, она пригласила меня жить с ней в ее огромной квартире, хотя совсем не нуждалась в соседке, ведь она брала с меня только крошечную долю от арендной платы. В благодарность за ее щедрость я вообще не обсуждала с ней свои трудности.

На улице было шумно: много баров, много людей вокруг них, поэтому можно было сказать, что здесь небезопасно, но это ощущение угрозы казалось слишком разбавленным и рассредоточенным. Было такое чувство, словно в квартале устроили парад по случаю Хэллоуина, где все пытаются натянуть на свою душу различные личины: слюнявых вонючих оборотней, обрюзгших

страдающих провалами памяти призраков, вампиров, хладнокровно замышляющих хлебнуть твоей кровушки.

На следующее утро мы проснулись опустошенными, разбитыми и в тяжелом похмелье. Самые близкие друзья обменивались текстовыми сообщениями вроде "Я нормально себя вела?", и тут же следовал неизменный ответ: "Просто замечательно!!!" (И это было двойной ложью. Никто не вел себя нормально. И мы все были просто не в состоянии справедливо оценить поведение друг друга.)

Мы все разом пришли к выводу, что никогда не будем вспоминать то, о чем говорили под конец празднования дня рождения Бонни, и постараемся забыть, что вообще слышали про:

– тот раз, когда врач-мужчина в студенческой клинике, слушая наше сердцебиение, положил ладонь на нашу грудь и сжал ее, и это был легкий, но явно намеренный жест…

– тот раз, когда мужчина вошел вслед за нами в вагон метро и стал нам рассказывать, какие мы красивые, а когда мы отказались дать ему номер нашего теле-

фона, его поведение изменилось словно по волшебству, на смену липкой учтивости пришел испепеляющий гнев, он орал нам прямо в лицо с таким видом, словно еще чуть-чуть, и он набросится на нас с кулаками, причем казалось, что это может случиться в любую минуту, в то время как остальные пассажиры в вагоне делали вид, будто они находились где-то в другом месте и смотрели куда угодно, только не на нас…

– тот раз, когда мужчина незаметно снял презерватив во время секса…

– тот раз, когда мы не хотели, но все равно согласились…

– тот раз, когда мы не хотели, чтобы это произошло именно так, но это все равно произошло…

– тот раз, когда мы согласились только на часть чего-то, а в результате пришлось вытерпеть все…

– и так далее.

Тот раз, когда Бонни спала

Итак, мы сидели в баре. Слишком много народа, не все друг друга знали, но нам со всеми пришлось общаться за столиком в углу. Мы напоминали горстку птиц разных видов, которые все вместе клюют что-то на обочине дороги. Большие птицы, маленькие, красивые и невзрачные, мы все отщипывали маленькие крошки, не касаясь друг друга, не пытаясь драться за еду, даже не реагируя на присутствие других, словно вообще не видели друг друга, а перед глазами была только еда.

В том конкретном случае нашей "едой" стала Бонни. Она решила отпраздновать свой день рождения и собрала нас всех на это робкое торжество, поскольку достигла того возраста, когда, если назовешь себя старой, одни постараются поправить тебя, а другие — немного обидятся.

Бонни, как всегда, опаздывала. Опоздание вошло у нее в привычку, и она никогда не извинялась, возможно, потому что всегда потрясающе выглядела и считала, что ее шикарный внешний вид с лихвой искупал ожидание. И на нас это, видимо, тоже распространялось.

Дожидаясь ее, мы начали обсуждать список.

Некоторое время назад в Интернете опубликовали список мужчин с сомнительной репутацией, которые совершали отвратительные поступки в отношении женщин, в основном сексуального характера. Кое-кто из присутствовавших за столиком мужчин стал ерзать на стульях, как будто это помогло бы им телепортироваться куда-нибудь в дальнюю даль, где они не чувствовали бы себя причастными. Или же они сидели с видом каменных истуканов с острова Пасхи, которым было совершенно нечего сказать по поводу дерьмовых мужиков.

Дверь распахнулась, в бар вбежала Бонни и остановилась напротив нашего стола. Она вспотела, и макияж размазался сливовыми разводами и обозначился черными кругами под глазами. Волосы спутались и липли к щекам. Вид у нее был не супер, но мы все иногда так выглядим, ничего в этом особенного нет, и мы оставили это без внимания. Мы решили, что, может, спросим ее потом, когда уже хорошенько выпьем.

— С днем рождения! — сказали мы.

— Сегодня точно твой день рождения? — спросил кто-то, вставая, чтобы обнять ее. Бонни позволила себя обнять, но сама ничего предпринимать не стала — ее руки были вытянуты по

швам. Сначала она молчала. Оглядывалась по сторонам, отмечала все необычное, что было вокруг нее, смотрела на потолок, на бармена и напитки на нашем столе, как будто пыталась решить ту детскую головоломку, где нужно найти отличия между двумя похожими картинками. У нее был странный рассеянный взгляд. Она не смотрела на нас.

— Бонни?

— Мой день рождения? — ответила она слишком громко. — Да. Мой день рождения. В первый день месяца. Кролик, кролик!

— Мне кажется, ты должна была сказать: "Кролик, кролик"[28] рано утром, когда только проснулась, — заметила Нина. — Иначе не видать тебе удачи.

— Боже, неужели уже следующий месяц наступил? — спросил Скотт.

— И не говори, правда? — поддержал его кто-то.

— Я не имел в виду следующий месяц. Я о том, что сегодня начался новый месяц. *Этот* месяц.

---

[28] Примечания: 28

Распространенное в Великобритании и Северной Америке суеверие — просыпаясь в первый день месяца, нужно обязательно произнести вслух несколько раз: "Кролик, кролик, кролик", и тогда месяц сложится удачно. — *Здесь и далее — прим. пер.*

— Да, понятно, понятно.

Бонни все слышала, как и все остальные: в баре было слишком тихо, и невозможно было притвориться, что ты чего-то не расслышал, даже если тебе этого и хотелось. Затем она подняла руку. "А НУ ПОТИШЕ, ЗАСРАНЦЫ! — зарычала она. — Хватит прикалываться надо мной. Хватит врать. Я повторяю это целый день, и это уже не смешно. Мой день рождения был на прошлой неделе, *и мы все об этом знаем*. Но вы опять затеваете точно такой же разговор. Неужели думаете, будто я могла забыть этот дурацкий идиотский долбаный разговор!

— Да ладно тебе, успокойся… — сказал Скотт, предпринимая мужественную попытку придать своему голосу оттенок тревоги за состояние подруги, а вовсе не обиды. Он обнял ее одной рукой, но Бонни оттолкнула его руку и покачнулась. Она прислонилась к кирпичной стене бара и обвела нас холодным оценивающим взглядом.

— Мне это не нравится. Бессмыслица какая-то, — проговорила она дрогнувшим голосом. — Этот розыгрыш. Вы впутали моих родителей, сделали что-то с моим телефоном и ноутбуком, так, чтобы… — Бонни осеклась. Она покачала головой, будто у нее шумело в ушах, резким движением

выдернула что-то из своей сумочки и швырнула, не метя ни в кого конкретно (и попала Скотту прямо в бедро), а затем выбежала из бара. Скотт молча показал то, что она бросила. Сегодняшнюю газету.

Кто-то из нас ушел. Некоторые остались, заказали себе еще выпить, от души наобсуждавшись разных теорий и делясь своими тревогами. Причем все это дерьмо приобрело чуть ли не праздничный оттенок. Я не была близкой подругой Бонни, просто снимала с ней вместе квартиру, была ее соседкой-приятельницей, так что именно я пошла искать ее. Хотя понятия не имела, куда она могла отправиться. Бонни была не из тех людей, кто следует заведенным привычкам.

Я решила пойти домой. Открыв дверь нашей квартиры, я с огромным облегчением и легким удивлением увидела разбросанные по полу ботинки, куртку, сумочку, телефон и платье, которые вели к спальне Бонни. Ну конечно! Перед глазами тут же возникла картина: Бонни решила немного побаловать себя и слегка развлечься перед вечеринкой по случаю своего дня рождения, но что-то пошло не так, легкое развлечение оказалось не таким уж и легким, поэтому она явилась на праздник в таком сюрреалистично-

полубезумном виде. Ну да.

Когда я постучала, Бонни тут же отозвалась.

— Это все сон! — громко крикнула она. Эту фразу она произнесла, неумело копируя британский акцент, словно бы цитируя фрагмент какой-то пьесы. — Не входи.

— С тобой все в порядке? Мы переживаем.

Я услышала, как заскрипела ее кровать, затем предприняла еще одну попытку:

— Тебе телефон не нужен? Он здесь.

— На хрен мой телефон! — заорала Бонни. — Он — фальшивка, как и ты, как и все! Хватит со мной разговаривать. Я должна сосредоточиться и проснуться.

Я оставила ее в покое. Собрала вещи и сложила их у ее дверей, написала некоторым знакомым, что с Бонни все хорошо, и она отсыпается, затем я посмотрела новости на своем телефоне и узнала, что один известный мужчина — тот, который активно выступал против сексуальных скандалов, направленных против других известных мужчин и вызвавших недавние недовольства (причем сексуальные скандалы, в которых были замешаны те известные мужчины, впервые были обнародованы еще в 1970-е и 80-е годы — не самое удачное время для людей, стремившихся

добиться сочувствия общества) — так вот, как выяснилось, этот человек сам оказался далеко не безгрешным. Затем я чистила зубы и решила обойтись без зубной нити, а потом на меня навалилась такая усталость, словно из моего тела с громким бульканьем вытекла половина крови, вымывая всю энергию и адреналин, и я с трудом доползла до постели.

На следующее утро Бонни исчезла, ее комната выглядела так, словно по ней пролетел торнадо, большой чемодан тоже пропал. Прошло несколько дней, но от нее не было вестей, поэтому я решила позвонить ее родителям. Я вообще-то раньше не общалась с ними, но надеялась, что смогу найти какую-нибудь информацию о них среди ее счетов. Однако я так и не сделала этого. Бонни любила своих родителей и не хотела беспокоить их, но так же Бонни ненавидела своих родителей и не хотела впадать в еще большую зависимость от них, которая и так была почти стопроцентной, а в связи с обоими вышеизложенными фактами, она старалась не показывать им своих слабостей.

Несколько дней спустя Бонни написала мне сообщение и попросила не звонить родителям. Я ответила ей, что не звонила им, но собиралась,

впрочем, если бы уж я решилась, то сделала бы это несколько дней назад, и вообще, где она, черт возьми, находится? Ответа не последовало. Ну что ж, если ей захотелось играть в эти игры, пускай играет. А пока квартира оказалась в полном моем распоряжении. Замечательно!

Тот раз, когда мы несли полную чушь

— По-прежнему никаких вестей?

В баре осталось только несколько человек из нашей компании. Подавленные и одинокие, как будто всех нас разом бросили любимые, с которыми мы состояли в полиаморных отношениях.

— Думаете, она забыла?

— Про свой день рождения?

— Или нашла занятие поинтереснее. Не хочу на нее наговаривать… но это в духе Бонни.

— Я сочувствую людям, родившимся в богатых семьях. По сути все, ради чего стоит жить, кажется им абсолютно никчемным. Понимаете, если жизнь вас ни к чему не подготовила, и вы не научились разбираться со всяким дерьмом, то со временем можете превратиться в человека, который постоянно меняет свои интересы, и рано или поздно ему все наскучивает, все теряет

какую-либо ценность и смысл. И тогда приходит уныние.

— А я сочувствую *самой себе.*

— Проблема Бонни не в унынии.

— Верно, для нее главное, чтобы внешне все казалось милым и приятным.

– *Да,* — согласились мы все. А затем — началось…

— Когда пропадает ощущение всеобщего счастья и благополучия, она начинает злиться. Даже в ярость приходит. И это так странно видеть в человеке, который обожает все светлое и радостное.

— Нет… ее нельзя назвать деспотичной. Она не из тех тиранов, которые любят причинять боль и страдания. Она радуется, когда все люди счастливы. В особенности ее друзья.

— Но это совсем не то же самое, что помогать кому-нибудь стать счастливым.

— Все дело в том, что она получила при рождении все, ну вы понимаете, она белая, богатая, хорошенькая, и это сильно сказывается на ее поведении. Это как болезнь.

Пока остальные продолжали обсуждение, Филлида тихонько поинтересовалась, как у меня обстояли дела. Она единственная из присутству-

ющих знала немного о ситуации, сложившейся на моей последней работе. Я там познакомилась с одним мужчиной, который продолжал работать в том месте. Его имя попало в онлайн-список мужчин, замешанных в нехороших историях. Однако с ним ничего не случилось. Как не случилось и со многими другими мужчинами из этого списка. Это было то самое "ничего", которое иногда сопровождается взрывами эмоций и ужаса, тревогой и гневными мыслями в духе: "Надо же что-то предпринять!", однако подобные мысли никогда никого не побуждают к действиям, а в конечном итоге все сходит на нет и ни к чему не приводит.

Филлида заглянула мне в глаза и взяла со стола вилку.

— Так бы и проткнула его вот этой вилкой! — Ой, она была такой милашей. Почему же мы не стали близкими подругами?

Стоп, это случилось, потому что на вечеринке по случаю дня рождения Девон я увидела, как Филлида болтала и весело смеялась с тем самым мужчиной, хотя я знала, что ей все было известно. Возможно, они общались всего несколько секунд, возможно, Филлида нуждалась в профессиональной услуге. А может, она просто растерялась и

потому была с ним вежливой. Такое тоже бывает. Но после того случая я решила, что никому больше не стану рассказывать о случившемся, потому что, если я потом увижу, как эти люди дружелюбно с ним общаются, мне захочется тихонько исчезнуть, как собаке, которая уползает под порог дома, чтобы родить там щенков, и буду в одиночестве залечивать свои скорбные раны. Теперь я это знала. И да, разумеется, даже если я никому ничего не буду рассказывать, все равно существовал шанс, что кто-нибудь из моих знакомых станет мило общаться с тем мужчиной, и это все равно причинит мне боль, но не такую сильную. В таком случае я не буду уверена в том, что они пренебрегли мной и предпочли проявить вежливость к насильнику.

Я знала, что просила слишком о многом, но и слишком малого мне не хотелось просить. Это была правильная доза, принимая во внимание, как часто люди подводят нас. Мы все совершаем страшные ошибки. Все мы.

Я улыбнулась Филлиде, а сама посмотрела на Нину, которая доставала салфетку. Я окликнула ее, и она подняла глаза.

— Как там твоя история с призраком? — спросила я. Детали были душераздирающими, пе-

чальными, отвратительными, но она всегда была готова обсуждать их. Мы были единственными, кто ей верил. Для нас это было все равно что вечеринка по случаю Хэллоуина.

Деррик перебил нас. Он поднял свой телефон, как пачку жвачки в рекламном ролике. (Убери его, Деррик, все равно никто не сможет прочитать ни слова на экране.) Бонни наконец-то ответила ему. Она сказала, что у нее все замечательно, и попросила всех оставить ее в покое.

— С ней точно все в порядке?

— Она прямо так и сказала? Вот стерва!

После этого мы разошлись по домам, снедаемые чувством вины из-за того, что наговорили столько гадостей про нашу подругу, да еще в ее день рождения.

Прошла почти неделя, но от Бонни все не было вестей. Я ела гранолу, и на мне были одни только старые и до неприличия растянутые трусы, когда услышала шуршание ключа в замочной скважине. Я бросилась к креслу, на котором лежал помятый плащ Бонни и успела только прижать его к подмышкам, но все равно была рада тому, что в дверях сейчас появится Бонни, и я воскликну: "Где же ты была, подруга?!" И: "Я прикрываюсь твоим плащиком словно реклам-

ным щитом, только потому что на мне сейчас самое ужасное белье!", но дверь открыла, и вошла вовсе не Бонни, а пожилая пара лет шестидесяти с небольшим, вид у них и без того был весьма печальный, а тут еще вдобавок им пришлось лицезреть меня.

Поскольку я была почти голой, они сперва решили, что я являлась тайной пассией Бонни, а когда узнали, что на самом деле я — тайная соседка Бонни по квартире, о которой они никогда прежде не слышали, то облегченно вдохнули, а я, пользуясь их растерянностью, начала врать напропалую.

Иногда люди с деньгами не желают делиться ими с теми, кто в них отчаянно нуждается, и точно так же они не проявляют сочувствия и не верят тем, кто стал жертвой какой-нибудь несправедливости, ведь нужда подразумевает под собой потребность во внимании, а кроме того, подобные ситуации, когда ты начинаешь испытывать нужду, делают тебя отвратительным и неполноценным, поэтому одна только мысль о том, что им придется взаимодействовать с тобой, становится для них просто фу какой гадостной, когда же ты даешь деньги, проявляешь сочувствие или доверие, то тебе, так или иначе, приходится

вступать во взаимодействие с нуждающимся.

Поэтому я решила немного пофантазировать, и выдала себя за писательницу (за художницу не получилось бы, так как в квартире не было ни одной картины), создающую экспериментальные литературные произведения (мне не хотелось, чтобы мои книги можно было легко отыскать, ведь на самом деле это не представляется возможным, так как этих книг просто не существовало), которые в основном публикуются в Китае (я не была китаянкой, но они все равно не заметили бы этого, так почему бы не запутать их еще больше?), а сейчас я работаю в университете неподалеку и живу там же, но у меня в квартире оказалось дырка в крыше прямо над… ээ… гостиной. Мы с Бонни познакомились…

— …на… на в-вечере после открытия художественной галереи. Когда я рассказала ей о том, как ужасно шумели рабочие, сколько было мусора и какой они устроили разгром, она предложила пожить у нее какое-то время, и это была такая удача! Если бы не Бонни и ее щедрость, я просто не смогла бы продолжать мою работу.

Неплохо, неплохо! Культурный багаж, намеки на то, что я не нуждалась в деньгах, жилье или в чем-либо еще, а также то, что я была ино-

странкой, хотя это было абсолютной ложью, зато теперь я стала выглядеть еще безобиднее в их глазах. (Собственно, поэтому я и сочинила такую историю.)

Родители Бонни успокоились и стали благостно улыбаться, как истинные белые англо-саксонские протестанты. Я тоже немного расслабилась. У матери Бонни был седой аккуратно уложенный боб, а сама она — полной, высокой и грациозной, в шелковой блузе цвета серого компьютера, которая издавала легкое шуршание. На ее шее, пальцах и в ушах поблескивали паутинки тонких цепочек с драгоценными камнями. Роскошь ее внешнего облика была подобна океану: такая же бесконечная и абсолютно не вычурная. Все, что было темного и гротескного в ее душе, она прятала в громоздкой сумочке, которая висела у нее на правом локте. Сумка была яркого золотисто-коричневого оттенка, ее украшали ремешки, черные цепочки и вощеные шнурки.

Отец Бонни выглядел совсем не так интересно.

— Вам известно, где она была? — спросила я.

Они сообщили мне, что Бонни приходила к ним вчера, жутко уставшая, и рассказала дикую историю о неделе, которая повторялась снова и снова. Мать сказала:

— Бонни утверждала, будто ездила в Новую Зеландию, чтобы убедиться, была ли и там сейчас *та самая* неделя. Она выбрала место наугад, но ей там очень понравилось. За исключением того, что там тоже была прошлая неделя.

— На самом деле там была *эта* неделя, — уточнил ее отец.

Они пытались успокоить Бонни, но она настаивала на том, что прожила эту неделю несколько раз, перечисляла новости о секс-скандалах, полицейских-убийцах и массовых расстрелах, как будто передавала невероятно ценные сведения из будущего, а не рассказывала то, о чем с легкостью смог бы догадаться абсолютно каждый. Они накормили ее обедом, предложили выпить снотворного и лечь спать, надеясь, что она поживет у них какое-то время. Разумеется, они подумали о том, что стоило бы обратиться в клинику, возможно, положить ее в стационар или лечить амбулаторно, чтобы она стала принимать лекарства, но когда утром зашли к Бонни в комнату, оказалось, что она сбежала.

Они обыскали комнату Бонни, а затем, мучаясь от чувства вины, решили поскорее заглянуть ко мне. Ее мать сказала:

— Поймите, я не черствый человек. Но как она

могла доказать правоту своих слов? Ведь это же просто невероятно. Может, нам стоило поведать ей какой-нибудь невероятный секрет, чтобы, когда Бонни снова будет проживать ту же самую неделю, она смогла бы пересказать его нам, тогда мы сразу бы поняли, что она говорит правду и в действительности уже прожила эту неделю в прошлом?

— А что, если та неделя не повторялась? — спросил отец Бонни, проматывая сообщения на своем телефоне. — Нам троим придется всем вместе вступить в будущее, в котором мы все будем связаны ужасной тайной, известной теперь Бонни. И все это будет впустую.

Я спросила:

— А почему нужно обязательно рассказывать большую и ужасную тайну?

— Еще страшнее было бы, — продолжала мать Бонни, — если бы она оказалась права и смогла это как-нибудь доказать. И постоянно доказывала бы нам, что она — наша дочь Бонни — обречена снова и снова проживать одну и ту же неделю. А мы были бы обречены проживать эту неделю вместе с ней и ничего не смогли бы поделать. Память стала бы нашим проклятием, забвение — спасением, или наоборот, а может, и то и другое.

— Ужасно жить с осознанием всего этого, — поддержал ее супруг.

— Мы не можем и не хотим ей верить, — сказали они.

Я проводила их до двери. Они оставили свой номер телефона и попросили позвонить, если я что-нибудь узнаю. Они также сказали, что я могу оставаться в квартире столько, сколько захочу. Я открыла рот, чтобы поблагодарить их, но тут отец Бонни сказал:

— Ах да, вам же теперь придется платить арендную плату в отсутствие Бонни… — и тут он назвал такую сумму, которую было бы уместнее написать на листке бумаги и тихонько положить его на стол. Но нет. Он произнес эту сумму вслух.

Я стояла, вытянувшись в струнку, так что мой череп, казалось, в любую минуту мог отделиться от позвоночника, и улыбалась, как медалист на пьедестале.

— Разумеется. Спасибо вам. — Я до сих пор прикрывалась плащом Бонни, как будто это было маленькое платье без бретелек на бумажной кукле, только в отличие от бумажной куклы, у меня была еще и тыльная часть. В среде, к которой принадлежали родители Бонни, можно признаваться в том, что ты далек от совершенства, но

никогда, ни при каких обстоятельствах нельзя смущаться. Когда я показывала им, где находятся наши спальни, я пятилась назад, двигаясь легко и плавно, как стюардесса.

Как только они отошли на достаточное расстояние, я захлопнула дверь и тяжело рухнула в кресло. Плата за квартиру, которая, кстати, принадлежала им, была просто немыслимой. И разумеется, пойти мне больше было некуда. Как насчет того, чтобы уменьшиться в размерах и стать крошечной, как фасолинка? Вот было бы здорово — стать такой же маленькой, сухой и твердой, скатиться с ложки или вилки, так, чтобы о тебе забыли на год или, может, на два. Но даже в качестве фасолины у меня было будущее. Я все еще могла вернуться к жизни или подобию жизни, когда пройдет достаточно времени и не останется уже больше того дерьма, с которым мне придется разбираться. Может, через девять или десять лет.

Бахрома на кушетке внизу зашевелилась. Бонни высунула из-под кушетки голову, а затем и сама выползла оттуда. Я обрадовалась, что первой появилась именно ее голова, а не рука или нога, и мне не пришлось кричать от ужаса.

Она взобралась на кушетку и откашлялась.

— А тебе не откажешь в изобретательности, малышка.

— Тебе тоже, — сказала я виноватым голосом, вспоминая тот дурацкий разговор в баре.

— Я поступила неразумно, — сказала она. — Я должна была понять, что не стоило приходить к родителям. Это было пустой тратой времени. — Она рассмеялась. — Если такое вообще возможно. Они пытались сделать мой последний день невероятно скучным. Пришлось потихоньку улизнуть из их дома ночью. Я пришла сюда и легла спать под кушетку, потому что мне казалось, что здесь я буду в безопасности. И я оказалась права.

— Обычно я так не вру.

Она пожала плечами.

— Ври сколько угодно. Ври по-крупному. Знаешь, все это не имеет значения.

Это был самый странный разговор, какой у нас только был с Бонни.

— Они меня напугали. Твои родители — та еще штучка. То есть надо было бы сказать "штучки"? Но нет. Они вдвоем — это одна штучка. — И странной в этот момент была не только Бонни. Я не отставала от нее.

— Не волнуйся, — сказала она. — Тебе не придется платить за квартиру.

— Ты не сказала им, что находишься здесь?

— Нет. Скоро же опять начнется прошлая среда. — Она снова пожала плечами, но сделала это намного позже того, как закончила говорить, и было неясно, к чему относился этот жест. Пыль поднялась в воздух, а затем опустилась на Бонни, и она стала выглядеть как древняя, сильно поврежденная статуя молодой женщины, как будто она вообще была не из этой эпохи, и, несмотря на мягкий овал ее лица, круглые щеки и тонкие, едва заметные морщинки на лбу и под глазами, она знала, что ей предстояло бесконечно долго проживать один и тот же отрезок времени, и немыслимое количество раз все будет одним и тем же.

— Совсем скоро, — сказала Бонни.

Я встала.

— Мне нужно одеться, — сказала я. Мне вдруг стало очень страшно. — Я жутко опаздываю. А ты отдыхай. Хорошо?

Пока я быстро шла по коридору, меня преследовал тонкий нежный голосок Бонни. Она пела строчку из песни, которая звучала как: "Покажи свои, — ее голос задрожал и стал почти хриплым, — трууууууууусиииииики… — а затем добавила отчаянным и полупридушенным голосом: — Де-

ееетка!"

В такой забавной импровизации не было ничего необычного — соседка по квартире пытается подшутить над тобой, потому что ты шатаешься по дому как распоследняя лохушка, но мне от этого легче не стало. Меня не покидал отвратительный страх, — та ужасная его разновидность, когда не знаешь причину своего страха и в чем он, собственно, заключается. Чем все это закончится? Пение Бонни было невероятно грустным, тоскливым. Ты понимаешь смысл шутки, но гораздо важнее для тебя эта заунывность ее интонаций, именно она врезается в память.

Тот раз, когда Бонни не обрела бешеную популярность

Когда утром Бонни сообщила, что не будет праздновать свой день рождения, никто не придал этому серьезного значения. Предлог был вполне благовидным. К тому же никому не хотелось тащиться куда-то в среду вечером.

Оказалось, что это время она потратила на то, чтобы записать странное, претенциозное, сумбурное видео, в котором она просто сидела посреди комнаты, хотя выглядела при этом потрясающе,

и предсказывала события, которые произойдут на этой неделе. Например, что многими нами любимый актер окажется отвратительным типом, который считал, что в сексе важны только его желания, и, приступая к сексуальным ласкам, в какой-то момент переставал слушать возражения женщины, и так повторялось снова и снова, пока женщина не сдавалась окончательно. Примерно то же самое происходит, когда кот постоянно прыгает на кухонный стол, и в какой-то момент ты просто устаешь в очередной раз сгонять его на пол. Только в данном случае речь шла о том, что человек нарушал границы дозволенного, занимаясь с тобой сексом. И кот тут ни при чем.

(Возможно, подобное происходило со многими из нас — и это точно случилось со мной — но тема была довольно щекотливой, на таком обычно стараются не заострять внимание, к тому же рассказ Бонни был сумбурным, и никто не понял, о чем она говорила в этом видео, пока на следующий день имя того актера не появилось в газетах. Однако мы решили, что она просто каким-то образом узнала об этом заранее. Она знала некоторых людей, которые общались со знаменитостями.)

Бонни правильно предсказывала победу ря-

да спортивных команд. Это могло произвести некоторое впечатление на тех, кто интересовался спортом. Лесные пожары. Стрельбу в Белом доме. Отдельные высказывания президента, которые он сделает через несколько дней, и которые ничем не отличались от того, что он говорил прежде, поэтому они ничего для нас не значили, как в случае с котом, который так часто запрыгивает на кухонный стол, что ты уже не пытаешься помешать ему и даже не обращаешь на него внимания, так как все равно не можешь его остановить.

— Оказывается, Бонни склонна к политической сатире? — сказал один из нас.

Но набрать популярность в Интернете не так просто, как кажется. Точнее, это довольно просто, если сперва удастся набрать необходимый минимум просмотров, но Бонни этого не смогла. Некоторые из нас обменивались сообщениями в духе: "ЧТО ЭТО ВООБЩЕ БЫЛО?", но особого распространения видео не получило. Я старалась избегать общения с Бонни (это было просто, потому что я работала, а она почти все время сидела дома), меня до чертиков напугало то явно прогрессирующее безумие, которое буквально излучало ее видео. И не то чтобы я этим гордилась. Хотя я

и не могла сказать, что совсем потеряла гордость. Я просто должна была выжить! В подростковом возрасте я была оставлена на попечение моей тетки-шизофренички, с которой прожила семь лет, и научилась распознавать первые признаки сумасшествия до того, как это затронет меня, даже если мне приходилось жить в непосредственной близости от безумца.

И хотя всем было наплевать на видео Бонни, оно вызвало интерес у определенных секретных правительственных организаций. Однажды утром в дверь позвонили, пока я была в душе, а Бонни — в своей комнате. Агенты даже не могли подождать пять секунд, они сразу вышибли дверь. Мое полотенце, висевшее на крюке, куда-то исчезло, поэтому я схватила куртку Бонни, которая валялась между стеной и дверью, явно забытая своей хозяйкой, и обмотала ее вокруг тела, а потом бросилась в гостиную, где трое мужчин и одна женщина в деловых костюмах уже выводили Бонни из квартиры.

— Меня какое-то время не будет, и ты не сможешь со мной связаться, но я обещаю, что вернусь! — сказала Бонни, таща за собой свой чемодан. Когда она успела собрать его? — Пока! — Ее голос звучал весело. Потом они с агентами

ушли, а я осталась одна напротив выбитой двери, а у моих ног собралась маленькая лужица воды.

Остальные предсказания Бонни подтвердились. Всем было наплевать.

Тот раз, когда Бонни вела себя тихо

Я свернула за угол, вошла в столовую и подпрыгнула на месте. На столе сидела Бонни, она сильно ссутулила плечи и напоминала могильный камень.

— Это было ужасно, — сказала она. Вид у нее был такой, словно она просидела здесь много часов. — Они не смогли помочь мне. Совсем. Я во всем ошибалась. — Она посмотрела на кружку, наполненную кофе, судя по всему, давно остывшим.

— Что-то случилось?

Она подняла на меня взгляд, и ее лицо приобрело спокойное выражение.

— Нет. Мне приснился дурной сон. Мне приснился дурной сон, в котором меня много допрашивали, а потом собрались вскрыть череп, достать мой мозг и поковыряться в нем немного. Хорошо, что мне удалось потянуть время.

Чтобы скрыть свое облегчение, я взяла ее круж-

ку и поставила разогреваться в микроволновку.

— Хорошо, что это был всего лишь сон, — сказала я.

Бонни ответила:

— Знаю, ты не поймешь, но я благодарна тебе за то, что ты слушаешь. На этой неделе мне нужно будет залечь на дно. Вести себя рассудительно. Никто меня не спасет. Я утратила веру в семью. Веру в государство.

Никогда прежде не слышала, чтобы Бонни так разговаривала. Чтобы она была настолько подавленной и… говорила так афористично. Но затем я вспомнила, что сегодня ее день рождения, и, возможно, она грустила, как должны грустить все женщины в нашем возрасте, ведь с годами у всех у нас резко снижается самооценка. "Эй, самое время заняться личностным ростом, хотя общество и его тоже обесценит!" Бонни всегда была невероятно уверена в себе, но кто знает, возможно, эта ее уверенность зависела от конкретных обстоятельств, а в их отсутствии она очень быстро улетучивалась.

— Ой, вот только не надо быть такой рассудительной. Сегодня же твой день рождения! Вечером будем пить за тебя!

Бонни застонала, а микроволновка запищала.

Позже вечером Скотт сказал:

— Я не говорил про следующий месяц. Я имел в виду, что начался новый месяц. *Этот* месяц.

Бонни опустила веки, чтобы незаметно для всех закатить глаза — такой вот немудреный фокус, — но мы все равно это заметили.

Позже вечером, когда мы говорили о дерьмовых мужиках, о списке, в котором их было так много, и о нашей жизни, в которой их было не меньше, Бонни, сидевшая до этого момента тихохонько, с потерянным видом, сказала:

— Мужчины, мужчины, мужчины, мужчины, МУЖЧИНЫ. Неужели на свете совсем не осталось других тем для разговоров? Пожалуйста, давайте поговорим о чем-нибудь приятном?

Но это была типичная Бонни.

Тот раз, когда Бонни все отменила

Я получила от нее письмо, в котором она сообщала: "ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ОТМЕНЯЕТСЯ! *Я решила отправиться в новое путешествие. Это экспедиция за Полярный круг,* СУКИ! *Улетаю через час, нет времени выпить с вами, придурки. Я уже пьяна"*

Тот раз, когда Бонни попросила совета

Она спросила:

— Что бы вы сделали? Гипотетически?

Мы были немного удивлены. Бонни обычно не заводила разговоров на такие темы. Она считала подобные беседы бессмысленной скучной мастурбацией для очкариков-задротов. "Хватит вести себя так, словно мы сейчас находимся в сериале "Звездный путь", ничего такого никогда не будет!" — говорила она. Иногда вместо "Звездного пути" она называла "Звездные войны". Но в тот раз мы снова обсуждали список дерьмовых мужиков, на который Бонни опять отреагировала в духе: "Ох, опять это!", поэтому, возможно, она была рада любому поводу сменить разговор.

Филлида занялась бы саморазвитием. Читала бы книги, учила языки, брала уроки игры на музыкальных инструментах и хореографии, которая не требовала особого физического напряжения.

— А еще я наказала бы тех, кто, как мне кажется, этого заслуживает. Я отправила бы их в ад, который сама бы сотворила, и они бы не знали, что обречены терпеть все эти мучения снова и

снова. И прошло бы очень много времени, прежде чем мне это надоело бы.

Черт побери, молодец, девчонка!

Скотт отправился бы в путешествие и постарался побыстрее потратить все свои деньги. Мы вежливо проигнорировали тот момент, что Бонни уже несколько раз прибегала к этому способу.

Девон ушла бы с работы и ничего бы не делала. Если тебе приходится снова и снова проживать одну и ту же неделю, это означает, что ты не состаришься, а значит, время больше не властно над тобой, оно больше не заставляет тебя мчаться вперед на бешеной скорости, пока ты выплевываешь жучков, которые попали тебе в рот, и стараешься изо всех сил удержаться и не упасть. Нет, при таком развитии событий время становится чертовски спокойным, оно с радостью бродит с тобой по кругу и ведет бредовые разговоры, которые потом никто не сможет вспомнить, и которые будут повторяться снова и снова. Этого приятного спокойствия нам особенно не достает в безумном, полном жестких напрягов мире.

— Я бы постаралась получше узнать моих друзей. Но я бы держалась подальше от большей части моей семьи. Даже возможность повторить все заново не помогла бы мне наладить отно-

шения с ними. — Но затем Девон смягчилась. — Хотя, может, я и попробовала бы. Лет так через тысячу.

Нина попыталась бы всех спасти.

Мы придумывали бы замысловатую маскировку, чтобы шпионить за нашими друзьями и узнать, что они на самом деле о нас думали; устраивали бы пьянки; секс-марафоны; пробовали бы новые прически; завели бы три собаки; украшали бы лицо татуировками чайных капель или рожков с мороженым; завели бы пять кошек; перепробовали бы все наркотики; а вот садоводством мы бы ни за что не стали заниматься.

Разумеется, я тоже внесла вклад в общую дискуссию. Но из всего мною сказанного я была искренна лишь в одном: я сказала, что меня бесят эти вычурные фантазии. Если прогнать ситуацию по минимальной шкале серьезности, то это было отвратительно. Потому что вы можете сделать все, что угодно, абсолютно все, но ничего из этого уже никогда, никогда, никогда, никогда невозможно будет изменить.

У Бонни был совершенно безмятежный вид.

— Да, и что с того? Ведь все будет начинаться снова и снова и это никогда не прекратится, что бы ни произошло.

— Ты смиришься с этим, — сказал Деррик. — Тебе придется отказаться от прежнего восприятия времени.

Скотт вмешался:

— Ты сказала "неделя"? Это же большая удача. Это уже что-то! Намного лучше, чем день. За неделю многое можно сделать.

Тот раз, когда Бонни все отменила

Ее письмо имело следующее содержание: *"Привет, засранцы! Вечеринка по случаю дня рождения отменяется. Впрочем, все эти предупреждения никому не нужны, все равно вы соберетесь, чтобы обсудить меня за моей спиной, потому что это ваше любимое времяпрепровождение.* ИНЫМИ СЛОВАМИ, Я ВСЕ СЛЫШАЛА. *Вы, правда, так обо мне думаете? И что плохого в том, чтобы выбирать радость? Ну, так вот. Ваше желание исполнилось. И на протяжении этой недели я буду все больше узнавать о вас и о том бесконечном безграничном вечно повторяющемся дерьме, в которое мы себя сами загнали. Спасибо вам большое, неудачники! Теперь я впала в такую же депрессию, как и вы".*

Мы понятия не имели, о чем она говорила.

Но все равно это было очень *похоже* на Бонни.

Тот раз, когда Бонни разбудила меня

Она влетела в мою комнату без стука.

— Кажется, я поняла! Ты помнишь тот раз? — протараторила она.

Я прищурилась и посмотрела на будильник.

— …тот раз? Когда?

В это мгновение Бонни вдруг охватило чувство глубочайшей опустошенности. Ее тело словно превратилось в плоский, тусклый, безликий серый экзоскелет, который повернул ее голову, привел в движение ноги и вывел из моей комнаты.

Тот раз, когда Бонни была с нами серьезна

Бонни подняла бокал.

— За этот незабываемый вечер, проведенный с друзьями, которые всегда все забывают, — сказала она и залпом выпила все содержимое. Мы сидели неподвижно. Если бы мы попытались что-нибудь сделать или сказать, она бы сразу начала

предугадывать наши дальнейшие действия и подражать нам ужасным саркастическим тоном.

— Идите, — махнула она рукой, и мы выбежали из бара.

Тот раз, когда Бонни все отменила

Ее письмо имело следующее содержание: *"Вы все так меня достали. Простите".*

Тот раз, когда от Бонни плохо пахло

Случилось что-то нехорошее. Бонни не вставала с постели. Не принимала душ. Я приносила ей еду, но она едва притрагивалась к ней. Когда я спрашивала ее, что произошло, и могу ли я чем-нибудь помочь, она отвечала: "Послушай. Иногда у меня просто не хватает сил, чтобы встать и заново прожить эти все те же, все те же, все те же семь дней". Я никогда еще не видела ее такой.

Она говорила речитативом:

Еще один мужчина, еще один плохой мужчина
Сначала появляется плохой мужчина
Сперва ты испытываешь возмущение

А потом или даже сразу

А потом этот мужчина перестает казаться тебе таким плохим, или не кажется плохим вовсе, ведь если он не обращался плохо лично с тобой, значит, он не может быть плохим, и на хрен все разговоры о постоянстве объектов и их свойств

А потом любое наказание кажется чересчур тяжелым, ты ведь не станешь лишать его всех прав, перестав читать его книги, смотреть его фильмы, голосовать за него на выборах, отказываясь от приятной беседы с ним на вечеринке

А потом к чему это может привести? К тому, что мужчины никогда больше не будут разговаривать с женщинами, ведь лучше свести на нет всякое общение примерно с половиной человечества, если альтернативой этому является необходимость думать или переживать о своем поведении дольше, чем 0.000002 секунды

А потом иногда плохие мужчины приносят извинения: прости, ведь ты так восхищалась мной, прости, что я решил изменить правила по ходу дела, прости,

я не помню, как это сделал, потому что был пьян или под кайфом, но я помню, что тебе это понравилось, и прости, если ты потом изменила свое мнение на этот счет, но все равно прости, что у меня такие сексуальные фантазии

А потом плохие мужчины исчезают и появляются снова

А потом мы все забываем, и они появляются снова

Или, может, они своим новым появлением заставляют нас все забыть

До следующего раза, до следующего раза

— Мне кажется, все эти новости сильно расстраивают ее, — сказала я одной ее подруге. Мы ей посочувствовали.

Тот раз, когда Бонни угостила меня завтраком

Однажды утром Бонни дважды постучала в дверь моей спальни и вошла, не дожидаясь ответа. Мне не нравилось, когда она ко мне заходила, потому что часто рассматривала мою мебель,

одежду, обувь с неизменно дружелюбно-отрешенным видом, за которым, я знала, скрывалась жалость, и меня это оскорбляло. Разумеется, мои дела обстояли не так хорошо, как у Бонни, но не так уж и плохо, чтобы взирать на все это с таким каменным лицом.

Однако на этот раз Бонни ничего подобного делать не стала, а просто сказала:

— Позвони на работу и скажи, что заболела. Я хочу тебе кое-что показать.

— Ты же знаешь, я не могу. — Хотя, знала ли она? Недавно мне подвернулась довольно хорошая временная подработка в сети магазинов беспошлинной торговли. Я должна была переносить названия косметических средств из больших папок в компьютерную базу данных. Под конец срока выяснилось, что я все сделала неправильно, так как мне неправильно объяснили. Поэтому мне продлили срок работы, чтобы я смогла исправить все ошибки; работодатели оказались очень милыми, гуманным и понимающими. К сожалению, несмотря на то что я научилась правильно выполнять свою работу, в скором времени мне предстояло потерять ее. И я понятия не имела, чем буду заниматься дальше.

— Не важно! — сказала Бонни. — Ладно. Нет,

подожди. Я заплачу тебе в пять раз больше, чем ты зарабатываешь за один день. И угощу тебя завтраком. Давай сходим куда-нибудь!

— Ты серьезно?

Она посмотрела на меня сверху вниз с надменным видом умудренной жизнью и состоявшейся женщины.

— Ты же знаешь, я никогда не вру, если речь заходит о деньгах или еде. — Бонни положила мне на лицо уже подписанный чек, а когда я начала от него отплевываться, заявила, что будет ждать меня в гостиной.

Собравшись и договорившись об отгуле на работе, я вышла из комнаты и увидела, что Бонни сидит с чинным видом на кушетке, закрыв глаза.

— Пойдем! — сказала она, вставая. Ее глаза по-прежнему были закрыты. Приблизившись к ней, я заметила, что ее веки были покрыты чем-то прозрачным и твердым. — Ты, наверное, хочешь спросить, что с моими глазами? Я заклеила их суперклеем, — сказала она. — Он высох? — спросила она и сама ответила на вопрос: — Да. Он высох. Так что видишь, теперь мои глаза полностью закрыты, верно?

Да, так и было. Я попятилась назад, очень тихо,

но Бонни сказала:

— Хватит пятиться, да еще так тихо! Я знаю, у тебя просто аллергия какая-то на все, что связано с сумасшествием, потому что тебя воспитала тетя-шизофреничка, а к людям, которые с детства придумывают различные защитные механизмы, чтобы хоть как-то уберечь себя, нужно относиться с уважением, но пора уже перебороть себя. Иногда в жизни происходит ужасное дерьмо. Иногда люди ведут себя очень странно, а зачастую просто безумно, но далеко не всегда их безумие бывает направлено против тебя! Пойми, наконец, это! И кстати, тебя тоже не назовешь совсем уж нормальной! — Она надела солнцезащитные очки. — Ну да, ты сейчас скажешь: "Это говорит богатая сексуальная девчонка, у которой было счастливое детство", но это все неправда. Хотя, ты же встречалась с моими родителями. Вот дерьмо. Постой. В этот раз ты этого не делала. Ладно, ты права, но я тоже кое в чем права. Ну так что, ты хочешь пойти и проветрить голову?

— Я не собиралась использовать слово "сексуальная", — заметила я.

Она рассмеялась и хохотала так долго, что я даже забыла спросить ее, откуда она узнала про мою тетю. Затем мы вышли на улицу.

Хотя она ничего не видела своими заклеенными глазами, Бонни без посторонней помощи вышла из здания. Она подобрала игрушку, выпавшую из коляски, и вернула ее ребенку. Она сделала комплимент женщине по поводу ее туфель и при этом очень убедительно описывала все детали. Она купила газету и рассказала мне, что в ней было написано. Она достала свой телефон и пересказала мне содержание каждого из сообщений, адресованных ей. Она встала на углу улицы и попросила меня сказать ей, когда будет ровно восемь утра, и когда это произошло, она вытянула руку и сказала:

— Красная машина, черная машина, синяя машина, синяя машина, полицейская машина, секси-парень едет на байке, секси-парень перебегает улицу на красный свет. (Хотя я была несогласна насчет привлекательности тех парней, но, если брать во внимание вкусы Бонни, то она была на редкость точна.)

И все это она определила с заклеенными суперклеем глазами. Я снова посмотрела на них. При дневном свете они выглядели еще ужаснее.

— Бонни, — я была одновременно потрясена и испытывала дурные предчувствия, — как тебе это удается?

Позже, вечером, мы ели попкорн и смотрели реалити-шоу по телевизору, точнее, я смотрела, а Бонни слушала, и при этом ее глаза двигались под веками. Нам пришлось выбрать именно его, так как в создании остальных фильмов и передач, которые нам хотелось бы посмотреть, принимали участие мужчины, оказавшиеся насильниками или манипуляторами.

— Подожди, и он тоже? — спросила я.

— Посмотри у себя в телефоне, — ответила Бонни. — Новость только что опубликовали.

Сначала я поразилась тому, что Бонни отказывалась смотреть то, что ей на самом деле хотелось бы увидеть из-за причастности к этому того или иного Плохого Мужчины, но на самом деле она уже была не той Бонни, которую я знала прежде.

— Все это дерьмо… оно только и делает, что повторяется снова и снова лишь с небольшими отклонениями, — проговорила она распевным речитативом. — Можешь переживать, можешь не переживать, все равно это никак не повлияет на тот замкнутый круг, в котором я оказалась. И я просто не могу смотреть больше на его гребаное лицо! Если бы ты могла взглянуть на все моими глазами, то поняла бы, что вся эта грязь, которую я про него узнаю, постепенно наслаивается на

мое восприятие. С каждой неделей появляется новый слой. И они продолжают нарастать, слой за слоем, слой за слоем.

Бонни стала заранее цитировать все, что происходило в реалити-шоу, это было довольно странно, и я спросила ее: новая неделя должна была начаться после полуночи?

— Совершенно верно, — сказала она. — Сегодня в полночь. Вторник — последний день перед тем, как все начинается сначала. Я люблю вторники и боюсь их. Однако я с нетерпением жду, когда суперклей исчезнет.

— Почему ты не сказала мне об этом раньше на неделе?

— Говорила. — Она не могла увидеть ужаса на моем лице, но все равно похлопала меня по руке. — Знаешь, в этот раз я придумала фокус с суперклеем, мне это казалось таким забавным. Но я не собиралась ходить с заклеенными глазами всю неделю. Ну так как, мне *удалось* устроить тебе вынос мозга?

Я задумалась.

— Знаешь… — сказала я. — Я ведь человек. Живой человек. Даже если я ничего не могу запомнить.

— Знаю, — вздохнула Бонни. — Прости. Снача-

ла я тебе очень завидовала, но когда научилась доказывать окружающим, что это все происходит со мной на самом деле, то начала понимать, как это ужасно. Наконец-то понять правду о том, что случилось, а потом — осознать, что в конце концов все это будет стерто и начнется сызнова.

Проблема заключалась в том, что теперь, когда Бонни видела мир в мрачном безрадостном свете, кому-то необходимо было разрядить обстановку и внести позитивный настрой. Но я не была сильна по этой части. Я понимала, что я сегодняшняя, прожившая вместе с ней всю эту неделю, с наступлением полуночи должна буду исчезнуть. Разумеется, Бонни могла воссоздать очень близкое подобие меня нынешней, если в следующий раз будет вести себя точно так же, но мне казалось, что так будет еще хуже. Нет, это *точно* будет хуже. Я быстро сказала:

— А ты можешь сказать что-нибудь вроде волшебной фразы, которая все ускорит, чтобы в следующий раз все события развивались быстрее?

— На самом деле нет. И нет никакого волшебного способа скрывать или передавать знания; в противном случае я смогла бы доказать тебе, что ты должна хотя бы раз в жизни проконсультиро-

ваться с психиатром. Забавно, что ты упомянула про волшебство. В последнее время я увлеклась черной магией, в основном чтобы отыскать способ, который поможет мне выбраться из этой временной петли, а еще чтобы помочь Нине разобраться в ее проблеме с призраком.

Мне стало интересно, что Бонни имела в виду под "последним временем".

— Так ты знаешь об этом? Ой, я опять забыла. Ты ведь обо всем знаешь. И у тебя получилось?

— Нет, — просто и с грустью ответила она. — Печальная правда заключается в том, что ты не всегда можешь разобраться с тем дерьмом, которое с тобой происходит.

— Бедная Нина, — сказала я. Боже, Бонни ведь в самом деле *изменилась*! Сколько раз за сегодняшний день я подумала об этом? Но я не могла избавиться от этой мысли, ведь все, что она говорила и делала, только подчеркивало эту ее новизну, каждый раз по-новому. Я посмотрела на часы и вздрогнула. — Ой, уже почти полночь, — сказала я, чувствуя, как меня сковывает страх. — Мне просто нужно отвлечься от ужаса бытия и сказать тебе: пожалуйста, в следующий раз постарайся доказать мне все это с самого начала, а потом дай мне немного денег, чтобы я могла

не ходить на работу и развлекаться всю неделю. Что скажешь?

— Я могла бы так поступить, и мне стоит это сделать. Но все бесполезно.

— Ого, как-то непривычно видеть такую мрачную и темную сторону Бонни. Я буду скучать по ней… *и нет, я точно не буду по ней скучать.* — Мне тяжело было это говорить. Зубы стучали.

Полночь почти наступила.

Оставалась всего одна секунда.

Тот раз, когда Бонни осталась

Она шептала всем на ухо, вызывая в нас легкий шок, который мы выражали удивленными вздохами, когда же она добралась до меня, я просто сказала:

— Не надо.

Я не хотела знать о том, что ей про меня известно, и не важно, что я ей там говорила, ведь это говорила ей не *я*. (Да, это была я, нет, это была не я.)

— Не надо, — сказала я. — Я всему верю.

Бонни кивнула и снова села на место. Мы все были потрясены.

— Сегодня мне хочется со всеми делиться ин-

формацией, — заявила Бонни. — Пожалуйста, спрашивайте меня все, что хотите.

Вот несколько вопросов, которые я запомнила. Их было очень много.

Вопрос: Как тебе удается столько всего запомнить, если ты не можешь ничего с собой забрать?

Ответ: Хороший вопрос. На самом деле для моей памяти это было довольно тяжело. Но я освоила метод локусов, благодаря "Риторике для Геренния" и другим книгам. Первым делом, просыпаясь, я начинаю печатать на компьютере все, что только могу вспомнить. В эти моменты я впадаю в полное исступление. Хорошо, что ты только один раз слышала, как я стучала по клавиатуре! Ха-ха. А еще после того, как я проснулась, я заказываю себе книги и прочее, чтобы все это доставили как можно скорее.

Вопрос: Ты когда-нибудь пыталась покончить с собой.

Ответ: Нет. Пока мой оптимизм не умер окончательно, я еще надеялась, что смогу в конце концов вырваться из временной петли. Я не хотела рисковать, мне было страшно, что если я покончу с собой, то лишу себя такой возможности. А потом я случайно погибла, и все поняла.

Но я никогда бы не стала делать это специально. Я ненавижу тот мрак, в который погружаюсь между циклами. Когда я умерла, это состояние длилось дольше.

Вопрос: Какое у тебя самое любимое воспоминание?

Ответ: Их так много! Знаю, это покажется слишком слащавым, но мне нравится вспоминать о том, как мы с вами стали ближе. Вы не помните этого, *но мы очень сблизились*, например, стали обмениваться локонами волос и носить их в медальонах. Даже у нас с тобой, Скотт, были свои памятные моменты. А еще в честь меня был создан один темный магический культ, я не могу сказать, что это мое *любимое* воспоминание, скорее, интересное, но очень, очень, *очень* интересное. Ах да, еще много потрясающих воспоминаний связано с сексом. Все верно, я безумно много занималась сексом, и это было так здорово, но, разумеется, было и много посредственных эпизодов, нелепых и даже несколько ужасных. Я же не богиня все-таки. Временами я не могу предугадать, когда произойдет что-то нехорошее, и не в силах помешать этому. И хотя мое тело постоянно перезагружается, с мозгом этого не происходит.

Вопрос: Ты хочешь, чтобы это прекратилось?

Ответ: Да.

Вопрос: Почему ты хочешь, чтобы это прекратилось?

Ответ: Во-первых, меня все это достало. Вы даже не представляете, какой чертовски старой я себя ощущаю. Во-вторых, это, конечно, очень эгоистичная причина, но я не горю желанием улучшать себя до бесконечности. То есть даже если ты постоянно проживаешь заново одну и ту же неделю, это не означает, что ты становишься умнее и лучше. Я горжусь тем, какой я стала замечательной, но, кажется, что я зашла в тупик. В-третьих, в последнее время [нам даже стало интересно, что Бонни имела в виду под "последним временем] меня начала тревожить мысль, что этот замкнутый цикл времени постепенно изнашивается. Что каким-то непостижимым образом он истончается, приходит в негодность, и что все это может иметь катастрофические последствия. Как будто в один из моментов он просто выйдет из строя. Неужели вы это не чувствуете? Все кажется таким усталым, потрепанным и печальным. Конечно, это может продолжаться до бесконечности, а может закончиться в любую минуту. [Мы все киваем.] Мне страшно.

Вопрос: Ого, а я еще считала депрессивной себя.

Ответ: Да. Тебя это тоже касается. Меня тревожит, что происходящее со мной может закончиться, но это будет совсем не тот конец, который бы мне понравился. Я боюсь, что никакого будущего не будет. А я очень хочу, чтобы будущее настало, даже сильнее, чем кто-либо еще… ["Ну ладно тебе, Бонни!" — говорим мы все]… ну хорошо, я хочу так же, как и все, чтобы оно настало, но мысль о том, что я его не увижу, что никто из нас его не увидит…

В этот момент Бонни вдруг замолчала. В эту минуту она была похожа на человека, который со всего маха врезался в стеклянную дверь. То есть сначала будет: "АААААА!" Или: "ОЙ!" А потом: "Ну, конечно, я ведь знала, что здесь дверь!"

Она встала и собралась уходить, сказав нам, что эта неделя будет очень напряженной, и нужно все довести до ума, так что, пожалуйста, не делайте глупостей в надежде, что потом сможете все исправить. Пожалуйста. Когда мы попытались задать ей последний вопрос, она просто выбежал из бара, и вопрос повис в воздухе, а затем упал на пол, как шарик из скомканной бумаги.

Вопрос был следующим: *"Почему именно ты, Бонни?"*

Он не переставал мучить нас, но мы так и не узнали на него ответ.

Бонни решила закатить большую вечеринку у нас в квартире. Она должна была состояться во вторник вечером, в последний вечер ее недели, потому что в неделе Бонни все происходило не в те дни, в какие надо.

— Придет много народа, — сказала она, — я знаю, как заманить их сюда. Я ведь заслужила право устроить *настоящую вечеринку* по случаю дня рождения! В какой-то степени мне уже миллион лет!

Я спросила ее, ведет ли она подсчет времени, но она покачала головой и сказала, что у нее всегда были проблемы с запоминанием чисел, хотя это наверняка было ложью.

На этой неделе произошло много плохого. Серьезного и жуткого и просто незначительного и скучного. Но во всем остальном неделя была чудесной. И мы все еще помнили ее.

Разве это не замечательно? Разве это, черт побери, не главное?

На вечеринке, куда пришли все — впрочем, мы практически не сомневались, что Бонни удастся все организовать, — я заметила мужчину, с которым познакомилась на прошлой работе.

Того самого *Мужчину*. Нет, он не был мужчиной с большой буквы, он явно не заслуживал такого определения, и в моей жизни было несколько таких мужчин, но этот был самым последним, поэтому я и скрипела зубами. Самый последний — также означало, что я считала себя уже достаточно зрелой, у меня уже должны были появиться самоуважение и способность предугадывать дальнейшее развитие событий (не слишком ли многого я хотела?), а значит, я уже не должна была говорить мужчине *да*, когда мне хотелось сказать *нет*, и тем самым создать предпосылки к тому, что в ответ на мой отказ мужчина все равно сделает все так, как хочется ему и оставит меня в полном смятении с осознанием того, что произошло нечто очень, очень нехорошее. И когда это все равно произошло, я страшно разозлилась на себя, а также на него за то, что он заставил меня злиться на себя, и, разумеется, я разозлилась на себя за то, что разозлилась на себя.

Я так накалилась, что у меня шкварчали подушечки пальцев.

Время — чуть за полночь. Бонни здесь больше не было. Я почувствовала это, она говорила, что мы это обязательно ощутим. Она сказала, что к ней внезапно пришло озарение, хотя, возможно,

это произошло не так уж и внезапно, ведь она размышляла об этом многие годы, но теперь она знала, что делать. Она так долго искала это решение, потому что ситуация была очень странной и сильно расстраивала ее.

— Но это только поначалу. Теперь я уже так не переживаю. Никто не должен грустить из-за меня, — сказала она.

Бонни решила, что когда придет время, она позволит будущему двигаться дальше. А вперед оно могло двинуться только, если она сама останется в прошлом. Это было несложно, тут прежде всего дело в стремлении и особом взгляде на вещи. Даже черная магия была не нужна. Разве что только *самую малость*.

— Как бы мне хотелось оказаться там! Увидеть все это, — сказала она. — Но я всех вас люблю, и вы все меня достали, а еще меня достала эта моя необычайная способность, и эту способность уже достала я.

Мужчина весело общался с молодой женщиной, как будто он заслуживал того, чтобы стоять здесь, заслоняя собой свет. Поразительно, он в самом деле считал себя милым человеком! Окажись я в такой же временной петле, как Бонни, я могла бы размышлять над этой шарадой бесконечные

недели напролет. Складывалось ощущение, что он страдал анозогнозией — это такое состояние, когда ты, к примеру, не веришь в наличие у тебя психического заболевания из-за твоей тяжелой душевной болезни. У моей тети, которую я очень любила, тоже были с этим серьезные проблемы. Я боялась, что стану такой же, как она, боялась, что никто не будет верить моим словам, но это все равно случилось. Этот мужчина не был болен. Он просто был малодушным насильником, который причинил много зла, в том числе и в будущем, в которое нам только предстояло вступить.

Я прошла по комнате, люди передо мной расступались. Я окликнула его по имени. Он поднял глаза, на его лице не было страха, и от этого мне захотелось порвать его на мелкие кусочки. Я инстинктивно приподняла руку, а он держался уверенно. Кажется, он даже распрямил спину, когда увидел меня. Хотя скорее всего дело было в моем ужасно громком, прямо-таки животном, напоминающем гогот смехе, который заставил его замереть на месте и вытянуться в струнку, словно его горло сжали тонкие пальцы.

Можно было заставить его рассказать мне и всем, кто собрался в этой комнате, как он поступил со многими женщинами, кем на самом

деле был, и поделиться всем, до мельчайших подробностей, что было у него на уме. Забудь о наказании. Или одно то, что этот мужчина честно обо всем расскажет, пренебрегая чувством самосохранения и самоуважения, станет для него достаточно серьезным наказанием. Или, возможно, он будет наказан впоследствии. Не время было думать об этом. В тот момент я хотела только правды, которую так долго не могла получить. Неужели я и сейчас не смогу ее добиться?

Питер Уоттс[29]

*Питер Уоттс (*rifters.com*) — бывший гидробиолог, выживший после некротического фасциита, осужденный преступник, чьи романы — несмотря на нездоровую зацикленность на космических вампирах — стали обязательными для изучения в различных университетских курсах, от философии до нейропсихологии. Его работы переведены на двадцать один язык, изданы в тридцати антологиях "лучшего-за-год" (включая эту) и номинированы более чем на пятьдесят наград в дюжине стран. Список полученных наград чуть короче (двадцать одна штука) и включает "Хьюго, "Ширли Джексон" и "Сеюн".*

Питер Уоттс живет в Торонто с Кейтлин Суит (которая пишет фэнтези), четырьмя кошками, воинственным кроликом, сомом размером с школьный автобус и бандой крутых енотов, которые каждое лето вытрясают из него корм на крыльце. Все они нравятся ему намного больше, чем значительная часть знакомых людей.

---

[29] Примечания: 29

© Peter Watts, 2019; © пер. К. Егоровой, 2020.

Пинагор

Галик осторожно спускается в сине-зеленом полумраке на сто метров ниже, туда, где тихо. Над головой, скрытая мутью, крутится под поверхностью зона перемешивания; поверхность крутится под небесами; посередине крутится бессмертная Намака, вновь набирающая силу после четырех недель слабенького трехбалльного ветра на севере.

Прожекторы суба выхватывают темный силуэт: "Сильвия Ирл", надувной пузырь высотой четыре этажа, недавно перенесенный со своего привычного места рядом с Уайт-Шарк-Кафе. Суб вынюхивает дорзальный стыковочный шлюз и цепляется к нему. Галик бормочет прощание пилоту и вываливается в тесную декомпрессионную камеру, оснащенную полудюжиной анатомических сидений и вторым шлюзом — герметично закрытым, — в дополнение к тому, через который Галик попал внутрь. Суб с лязгом отцепляется и скользит прочь, туда, откуда приплыл.

Его впускают, когда стрелка показывает девять атмосфер. Мрачный техник в синем комбинезоне ведет его по лабиринту труб, лестниц и

переборок, увешанных постерами с акулами. На попытки Галика завязать разговор женщина отвечает хмыканьем и односложными словами и в итоге оставляет его в тускло освещенном отсеке для субов, где каждая переборка переливается синим волносветом. Напоминающая толстого головастика кубмарина покачивается в шахте в центре отсека, шлюз в конце складного мостика открыт. Бока кубмарины щетинятся дарами для морского дна: магнитометрами и ГТЭ[30] — сенсорами, сейсмодатчиками, измерителями скорости течения и цитометрами. Некоторые из них не опознал бы даже океанограф. На корпусе, слева от "Не наступать", написано название: "ИС[31] Пинагор".

Оно не может заплыть так далеко и так быстро, как доставивший Галика сюда суб. Но может погрузиться намного, намного глубже.

Пилот сосредоточенно изучает предрейсовые инструкции, когда Галик забирается в рубку и закрывает шлюз. Вдыхает запахи пота, мономеров и машинного масла, устраивается в пассажирском кресле.

---

[30] Примечания: 30
Глубина, температура, электропроводность воды.

[31] Примечания: 31
Исследовательское судно.

— Я Алистор.

— Ага.

Вместо приветствия она дергает головой: занавес темных кудрей длиной до челюсти, за ним — скула и профиль. Свет шахты, который сочится внутрь через немногочисленные иллюминаторы высокого давления, рассредоточенные по передней части рубки, словно паучьи глаза, окрашивает пилота в мягкие акварельные тона. Ее глаза не отрываются от пульта управления.

— Пристегнитесь.

Он пристегивается. Механическое нутро бурчит и рыгает. Огни за иллюминаторами уходят вверх и меркнут.

"Пинагор" падает в пустоту.

Галик откидывается на спинку кресла.

— Далеко до дна?

— Минут сорок. Сорок пять.

— Приятно снова измерять время в минутах. Мне понадобилось полтора дня, чтобы добраться сюда из Корваллиса, и это при сорока узлах.

Пилот стучит по мигающему индикатору, пока тот не начинает гореть ровно.

— Знаете, я немного скучаю по старым денькам. Когда можно было просто *взлететь* и сесть. И этому не мешали никакие проклятые ураганы.

Она протягивает руку назад и снимает с крючка ВР[32] — шлем. Надевает, опускает на глаза визор.

Галик вздыхает.

На таком расстоянии от морского дна ВР бесполезна. Двухмерного дисплея на приборной панели более чем достаточно, когда вокруг тебя на тысячи метров нет ничего, кроме пустого моря. Но за неимением других занятий Галик тоже берет свой шлем и надевает. Он оказывается в жидкой пустоте, в которой мерцают случайные данные и масштабные линейки. Прямо под ними, на тысяче трехстах метрах, по вселенной раскинулась едва видимая полупрозрачная мембрана. В четырехстах метрах под ней — плотный вельвет океанического ложа.

— Странно, — бормочет пилот.

Галик поднимает визор.

— Что?

Губы пилота под визором плотно сжаты.

— Пикноклин[33] на тринадцати сотнях. Никогда не встречала его так глу… — Тут она вспоминает, что беседует с врагом, и умолкает.

---

[32] Примечания: 32
Виртуальная реальность.

[33] Примечания: 33
Резкий скачок плотности воды.

Галик закатывает глаза и взвешивает варианты. Решает дерзнуть.

— Вы нарушите протокол, если хотя бы скажете мне свое имя?

Скрытое шлемом лицо на мгновение поворачивается к нему.

— Коа Морено.

— Приятно познакомиться, Коа. Чем я умудрился вас разозлить за прошедшие пять минут?

— Ничем. Просто мы… не болтаем на глубине.

— А. — Он кивает, хотя она не может этого видеть. — Должно быть, вечеринки на "Сильвии Ирл" всегда проходят весело.

— Попробуйте провести несколько месяцев, вдыхая переработанный пердеж и отрыжку одних и тех же десяти человек. Очень скоро вы измените свой подход к личному пространству.

— Дело не только в этом.

В ее позе что-то меняется, плечи едва заметно опускаются, словно она желает сказать: *Ладно, придурок, как знаешь.* Она поднимает визор и поворачивается к нему.

— Возможно, он *последний*. А вы собираетесь его испоганить, как и все прочее.

— Я?

— "Наутилус".

— Что заставляет вас думать…

— Перерыв все до единого парки, заказники и пустыри на суше, вы переместились под воду. Мы видим, что происходит, *Алистор*. У меня на глазах ушел под воду Остров ящерицы. Клиппертон — одно из последних мест, не тронутых МОМД[34]. Но это лишь вопрос времени, верно? Морское дно — лишь очередной ресурс, который можно уничтожить в ожидании того, пока на нас обрушится потолок.

Галик чувствует, как губы кривятся в натянутой улыбке.

— Что ж. Полагаю, я сам напросился.

Она поворачивается обратно к панели управления. Он делает еще одну попытку.

— Это всего лишь предварительная разведка. Она может ни к чему не привести.

— Я вас умоляю. Вся область буквально сочится полиметаллами, и вам это прекрасно известно. — Она качает головой. — По правде сказать, я не понимаю, зачем вы вообще соблюдаете формальности. Почему бы не купить себе резиновую печать и не перейти сразу к взрывам?

Галик делает осторожный вдох, по-прежнему

---

[34] Примечания: 34
Международный орган по морскому дну.

говорит спокойным, дружелюбным голосом.

— Хороший вопрос. Почему же?

Она кидает на него мрачный взгляд.

Он поднимает руки, ладонями к ней.

— Я серьезно. Минералогические данные уже двадцать лет есть в списках, вы сами это сказали. Если они просто хотели взорвать Клиппертон, почему не сделали это много лет назад?

Морено отвечает не сразу.

— Тут глубоко, — наконец говорит она. — Может, вы сначала занялись легкими мишенями. Может, вы только сейчас заметили эти данные.

— Может, они пытались, но МОМД не дал им резиновую печать, — предположил Галик.

— Вы все время говорите "они". Как будто вы не из их числа.

— Это не "Наутилус" запросил разрешение. И получил отказ.

— А кто же?

— "ПолиКон". Они пять раз пытались добраться до зоны Клариона-Клиппертона. Но МОМД стоял насмерть. Культурное наследие, заявили они. Беспрецедентное глубоководное биоразнообразие. Уникальная природоохранная ценность.

— Чушь собачья. Это больше никого не интересует.

— Это МОМД. Интересоваться такими вещами — их работа.

— Однако все прочее они перекопали.

— Но не это место.

— Может, они и не разрешили "ПолиКону". Но *вы* здесь.

— Я же сказал: решение еще не принято.

— Ну конечно, — фыркает Морено. — Вы перетащили "Сильви" за сотни километров ради того, чтобы сделать для себя личный базовый лагерь. Вы заморозили все исследования — и следующие восемь часов я потрачу, размещая на морском дне ваши детекторы денег. Думаете, я не знаю, сколько это стоит?

Галик пожимает плечами.

— Если вы так в этом уверены, всегда можно отказаться. Разорвать контракт. Из принципа.

Морено мрачно смотрит на панель управления, где светящиеся штрихи термоклина[35] становятся гуще и начинают подниматься. "Пинагор" дергается и поворачивается, когда особенно плотные сгустки воды лениво шлепают по правому борту.

— Но ведь тогда вас наверняка отправят домой,

---

[35] Примечания: 35

Слой воды, в котором градиент температуры значительно отличается от градиентов в выше- и нижележащих слоях.

верно? Назад к аномальной жаре, и войнам за воду, и тому странному новому грибку, который ест все подряд. Хотя я слышал весьма занимательные вещи о некоторых вечеринках судного дня. Только на прошлой неделе одна из них закончилась тем, что выгорела половина Национального парка Клуэйн.

Морено не отвечает.

— Разумеется, если бы вы действительно хотели заявить о себе во всеуслышание, то могли бы вступить в ряды гайянистов. — И в ответ на взгляд, которым она одарила его, добавляет: — Вы же не хотите, чтобы убившие планету мерзавцы остались безнаказанными?

— Это мощно. Особенно когда слышишь такое от мальчика на побегушках у вышеупомянутых мерзавцев.

— Я выбрал сторону. А как насчет вас? Так и будете прятаться в океане, пока мир превращается в дерьмо? Так и будете сотрясать воздух — или все-таки сделаете что-нибудь?

— Ничего нельзя сделать, — ответила она очень тихо, почти шепотом. — Слишком поздно.

— Для расплаты никогда не поздно. Насколько я понимаю, именно этим и занимаются гайанисты.

— Они безнадежный случай.

— А что не безнадежно в наше-то время?

— Только не думаете, что я им не сочувствую. Еще как сочувствую. Мы миновали точку невозврата десять лет назад, планета обречена, а ваше племя процветает, потому что отпала нужда в досадных неэффективных экологических нормах. Так что да, иногда мне кажется, что жить стоит лишь ради того, чтобы прикончить нескольких из вас, пока вы все не свалили в Новую Зеландию.

— И?

— И это дохлый номер. Пойдешь против власти — и тебя раздавят, как жука.

— Но в том-то и заключается суть мести, не так ли? Мы преследуем тех, кто нас обидел, даже если при этом наносим больше вреда самим себе, чем им. Лишь бы причинить им *хоть какой-то* вред. И чем хуже становится ситуация, тем на большие жертвы мы идем, чтобы ударить в ответ.

— Чушь.

— Есть результаты исследований. Это некий… инстинкт справедливости, что ли. Глубинный. Как секс или деньги. Говорят, отлично действовал против обманщиков, когда мы еще жили в пещерах. Может, сейчас он работает не так хоро-

шо, но сами понимаете, некоторые люди просто не эволюционировали.

— И что с того? Хотите сказать что не держите на них зла?

— На гайянистов? Это все равно, что держать зло на бешеную собаку, которая тебя укусила. — Галик пожимает плечами. — Само собой, их приходится истреблять. На благо обществу.

— Забавно. Надо полагать, они говорят про вас то же самое.

— А вы бы сделали это?

— Сделала бы что?

— Убили бы меня? Если бы представилась возможность?

Морено открывает рот. Закрывает. "Пинагор" с шипением погружается в безмолвие.

— Возможность у меня была, — наконец говорит она. — Если вам так интересно.

— Расскажите.

Она медлит еще секунду и рассказывает.

— Я пыталась успеть на рейс в Галвестон, у меня был контракт в Заливе. Какой-то однодесятник торопился на свой частный самолет, надо полагать, только он, его семейство и рой дронов. Три поколения богатеев, пытающихся просочиться через зону вылета, делая вид, будто не замечают

проклятий и полных ненависти взглядов. Странно, что они вообще оказались на нулевом уровне. Обычно они не столь беззащитны. Кто-то сказал, на крыше произошла какая-то авария, и вертолетную площадку заблокировало. Было видно, что им здесь совсем *не нравится*. По правде сказать, они выглядели откровенно напуганными еще до того как… В общем, их дроны сдерживали сброд, но прежде чем им удалось добраться до терминала, подъехал большой белый микроавтобус, и, должно быть, он был набит конденсаторами, потому что *щелк*.

— ЭМИ[36]?

Морено кивает.

— Дроны падают, как птицы в Пекине. И внезапно все эти люди, пытающиеся затащить чемоданы на тротуар, или ловящие такси, или целующиеся на прощание, — они просто становятся чем-то вроде коллективного разума, и главный богатей с его родственничками оказываются в самом глазу бури. На пару мгновений действительно воцаряется тишина, все молчат, но один из богатеньких детишек, сопляк в футболке с котенком Нермалом, начинает *скулить*.

---

[36] Примечания: 36
Электромагнитные импульсы.

И тогда толпа просто смыкается и разрывает их в клочья.

– *Твою ма-а-а-ать,* — одними губами произносит Галик.

— Я не знаю, сколько человек действительно в этом участвовало, а сколько лишь оказалось поблизости. Но почти никто не остался в стороне. И они издавали *звук*, словно у толпы был один голос. Вроде… вроде ветра, завывающего на улице между небоскребами.

— Что насчет службы безопасности аэропорта?

— О, они явились. В конечном итоге. Но импульс убил местные камеры слежения. А на гайянистах не было опознавательных знаков. Они сделали свое дело и скрылись, а когда прибыла охрана, осталась только кучка людей, которые топтались на месте, бормоча: "Господи, что здесь произошло?" и "Почему на моих брюках кровь?"

Мгновение Галик молчит.

— Вы сказали, *почти* никто не остался в стороне. Вы тоже?

Она качает головой.

— Я пыталась вызвать службу спасения. Но из-за импульса мой телефон…

— Значит, вы тоже выбрали сторону.

— Что?

— Представители тех, кто уничтожил мир, были прямо перед вами. Вы могли отомстить.

Она пристально смотрит на него.

— Это было линчевание.

— Что еще остается, когда система правосудия принадлежит деспотам?

— Ваше начальство в курсе, что вы такое говорите?

— Я не говорю. Я рассуждаю. На мой взгляд, раз вы вините *мое начальство* в конце света и всем прочем, значит, вам хочется расплаты. Но когда прямо у вас под носом был шанс — ни опасности, ни последствий, — вы попытались им помочь.

Она нажимает кнопку на панели управления. С кормы доносится бульканье.

— О, я тоже хотела оторвать от них кусок. Мне передалось общее настроение. Но еще мне было страшно, понимаете? *Масштаб* происходящего, то, как все просто… *сплотились*. — Она делает вдох. — И да, они этого заслуживают. Но дело сделано, планета угроблена. Убийство нескольких богатеньких идиотов не вернет ее к жизни. Я просто… Думаю, есть более достойные способы потратить оставшееся у нас время. А кроме того… — Она пожимает плечами. — Пускай валят в Новую Зеландию. Да хоть в Антарктиду. Пандемия

повсюду. Лихорадка Рифт-Валли, или холера, или что там будет на повестке дня через полгода — рано или поздно она до них доберется.

На это Галику ответить нечего.

— Забавно, — продолжает Морено несколько секунд спустя. — Ведь о них слышишь все время, да? Глупые дети и бабульки в кедах, машут плакатами и скандируют: "Хей-хо, хей-хо!" — как будто это может что-то изменить. Но те парни, у них были *ресурсы*. Они действовали организованно. Почти как в армии.

— Это и есть армия, — отвечает Галик.

— Что?

— По крайней мере некоторые из них. Вы не обратили внимания, что за последние годы охранники и полицейские в торговых центрах просто *исчезли*?

— Их заменили дроны. Чем копы в торговых центрах лучше водителей такси или разносчиков пиццы?

— Дроны не восстают против тебя, когда воцаряется Закон джунглей. В какой-то момент до однодесятников дошло, что их частные армии могут растерять свою покорность, когда погаснет свет. Могут просто взбунтоваться и захватить все эти апокалиптические бункеры. Насколько

я слышал, за последние десять лет без работы осталось много парней с ближневосточными паспортами. Кто-то из них наверняка недоволен. Может, даже хочет распла…

Что-то поднимает "Пинагор", словно игрушку в ванне.

Галика вдавливает в кресло. Судно *кренится*, носом вниз, стремительно скользит вперед, словно на гребне невидимой волны. Морено с проклятием вцепляется в джойстик, а "Пинагор", кажется, вот-вот перевернется, опрокинется…

Будет смыт…

В следующую секунду вновь воцаряется полное спокойствие.

Оба молчат.

— Нехилый термоклин, — наконец замечает Галик.

— Пикноклин, — машинально поправляет его Морено. — И мы миновали его тысячу метров назад. Это было… что-то другое.

— Подводное землетрясение?

Она наклоняется вперед, изучает панель управления.

— Транспондер "Сильвии" молчит. — Извлекает клавиатуру, начинает печатать. За бортом мерное чириканье эхолокатора становится пол-

ноголосым оркестром.

— Технический сбой? — предполагает Галик.

— Не знаю.

— Вы не можете просто им позвонить?

— А чем я, *по-вашему*, занимаюсь?

Акустические модемы, вспоминает он. С их помощью можно осуществлять голосовую коммуникацию при нормальных условиях — но что считать *нормальным*, когда Намака перемешивает фоновый шум самого дьявола? Здесь, внизу, профессионалы пользуются текстовыми сообщениями.

Однако, судя по выражению лица Морено, они тоже не работают.

Она сдвигает ползунок на панели управления; пуантилистическое морское дно уплывает, поворачиваясь вокруг невидимой оси, когда передатчики переключают оптическую ось с положения "Вниз" на положение "Вверх". На экране возникают статистические помехи и хаос; далекая поверхность отсвечивает метелью серебристых пикселей. Морено возится с фокусировкой, и водоворот размывается. Проступают более близкие, глубоководные черты. Морено всасывает воздух между стиснутыми зубами.

Высоко над ними что-то схватило термо… *пик-*

*но*клин, словно огромный ковер, и встряхнуло. Возникшая в результате волна поднимается сквозь морскую толщу, складка холодной плотной воды, которая восходит в эвфотическую зону, подобно подводному цунами. Она перемещается по экрану мощными стоп-кадрами, и ее продвижение меняется с каждым пингом.

Почти тысяча метров, от гребня до ложбины.

Она уже миновала "Пинагор", направляясь на восток. За ней шлейфом вихрятся и рассеиваются статические помехи, кластерные эхо, контуры которых смешиваются и распространяются дерганым инкрементами. Галик не знает, что это. Возможно, остатки Мусорной делянки, разрозненные фрагменты которой по-прежнему плавают в океане, хотя Намака уничтожила ее много лет назад. Возможно, просто пузыри и закрученная кавитация. Возможно даже, косяки рыб, тех немногих, что предположительно по-прежнему встречаются тут и там.

— Что… — начинает он.

— Замолчи. — В лице Морено — ни кровинки. — Это скверно.

— Насколько скверно?

– Замолчи и дай мне подумать!

Она снова опустила визор. Ее пальцы пляшут

по панели управления. Масштабные линейки сжимаются и растягиваются, словно резина. Топография вращается и приближается, вперед, назад; пелагические складки становятся резкими и вновь размываются, по мере того, как Морено меняет диапазон. Ее шепот — *черт, черт, черт* — служит тревожным контрапунктом писку преобразователей.

— Я не могу найти "Сильви", — наконец тихо признается она. — По крайней мере целиком. Возможно, какие-то куски на восьмидесяти семи. Которые смыло.

Галик ждет.

— Она была на девяноста метрах. — Морено делает глубокий вдох. — Макушка той… штуки достигает пятидесяти. Должно быть, прихлопнула их, как гребаная мухобойка.

— Но *что* это было?

— Я не знаю. Никогда не видела ничего подобного. Похоже на чудовищную сейшу.

— Я знаю, что это.

— Это… как если пикноклин колеблется туда-сюда. Подводная стоячая волна. Но большие сейши бывают только в озерах и морях. Водоемах со стенами, от которых может отразиться волна.

— Тихий океан — это водоем. У него есть сте-

ны.

— Тихий океан *огромен*. То есть да, иногда возникают океанические сейши, но они очень *медленные*. Растягивают слой смешения на несколько метров за несколько лет. Может, иногда стимулируют очередной Эль-Ниньо. Но ничего подобного тому, что мы видели.

— Десять лет назад не было ничего, подобного Намаке.

— Точно.

— Сейчас в океанах столько тепла, что ураганы не успевают остыть, чтобы рассеяться. Может, сейши это тоже усиливают.

— Может. Не знаю.

— Может, они даже подпитывают друг друга. Не осталось ничего линейного, сплошные точки перегиба, и…

— Я же сказала, что *не знаю*. Сейчас все это *не имеет значения*. — Она поднимает визор, смотрит на торчащую из потолка красную ручку. Дергает за нее. Сквозь корпус доносится тихое металлическое икание и негромкий вой. На панели что-то мигает.

— Спасательный буй?

Морено кивает, опускает визор, хватает джойстик.

— А мы не должны, ну, сделать запись? Выслать детали?

— Уже сделано. Протоколы погружения, телеметрия, даже разговоры в рубке. Маяк сохраняет все это автоматически. — Уголок ее рта напрягается. — Кстати, ты там тоже присутствуешь. Суб, конфискованный НМИ[37], разведывательное погружение. Может, они поторопятся, зная, что одному из их мальчиков на побегушках грозит опасность.

Она двигает джойстик вперед и влево. "Пинагор" кренится.

Галик смотрит на показатель глубины.

— Вниз?

— Думаешь, кто-то отправит спасательную миссию по воздуху через Намаку? Думаешь, я настолько спятила, что поднимусь на поверхность, даже если они это сделают?

— Нет, но…

— Если спасение и придет, оно придет сбоку. А поскольку вы бы не стали тащить сюда "Сильви" от самого кафе, если бы нашелся кто-нибудь поближе, надо полагать, спасателям придется добираться издалека. Я права?

---

[37] Примечания: 37
Национальный метрологический институт.

Мгновение спустя он кивает.

— Возможно, помощь прибудет только через несколько дней, даже если наш сигнал *пробьется* через все это дерьмо, — говорит Морено. — А лично я не готова не дышать целую неделю.

Галик сглатывает.

— Я думал, эти штуки сами делают кислород. Из морской воды.

— Морской воды у нас в избытке. Но для электролиза нужен живой аккумулятор.

— Вы направляетесь за "Ирл".

Она стискивает челюсти.

— Я направляюсь за тем, что от нее осталось. При ударе какие-то топливные элементы уцелели.

— Есть шансы, что кто-то выжил?

Большинство модулей оснащены аварийными отсеками, убежищами с твердой оболочкой, где экипаж может укрыться в случае катастрофы. При условии, что у него будет время туда добраться.

Она не отвечает. Возможно, не позволяет себе надеяться.

— Мне… мне жаль, — выдавливает из себя Галик. — Не могу представить, что…

Морено в шлеме склоняется над панелью

управления.

— Замолчи и дай мне вести судно.

"Пинагор" никогда не молчит. Его нутро бурлит и шипит. Двигатели зудят, будто электрические комары. Неутомимые преобразователи пингуют океан в поисках отражений массы и плотности.

Его пассажиры — погруженные в карикатурную модель мира за пределами корпуса — ничего не говорят.

Наконец под ними проявляется морское дно: светящаяся плоскость или грязевая равнина, в зависимости от выбора канала. Сонары поставляют больше информации, но после всех этих пикселей убогий участок пепельно-серых отложений в свете прожекторов — долгожданная картина чего-то *настоящего*. Галик возится с настройками, находит режим наложения, который совмещает лучшее из обоих каналов.

Морено направляет суб влево. Грязь сменяется камнем; камень вновь скрывается под грязью. Выросты и выступы вырываются из ила под странными углами, словно накренившиеся столешницы с зазубренными краями. Конкреции кобальта и марганца рассыпаны повсюду, словно заржавевшие монеты, раскиданные древним кораблекрушением. И повсюду *существа*. Морские

звезды с лучами, напоминающими крошечные волнистые позвоночники. Щупальцевые цветы на стебельках. Перепутанные клубки бесчелюстных миксин. Студенистые капли размером с мяч для софтбола, плывущие над самым дном; в свете прожекторов они переливаются, точно крылья стрекозы.

И все эти существа бесцельно дрейфуют. Ни одно не движется самостоятельно.

Галик поднимает визор, смотрит через рубку.

— Они все мертвы?

Морено хмыкает.

— Что могло их убить?

Возможно, сероводород. Вся эта область усеяна холодными просачиваниями и черными курильщиками — в них источник минерального богатства Клиппертона, — но Галику все равно не по себе при виде такого опустошения посреди охраняемого заповедника.

Не снимая шлема, Морено пожимает плечами.

— Возможно, переместилась мертвая зона. Крупные пробки бескислородной воды теперь несколько раз в год доходят сюда от континентального шельфа. Такая пробка может за ночь удушить целую экосистему.

— Вот дерьмо.

— Точно, — равнодушно соглашается она. — Просто трагедия.

Галик изучает ту часть ее лица, что на виду, ничего не может прочесть. Сдается и тоже опускает визор.

Что-то ждет его.

Сигнал мощный, всего в нескольких градусах по правому борту. Что-то крупное на дне вроде выступа, но более правильной формы. Эхо от него сильнее, чем от простой базальтовой глыбы.

— Это кусок модуля? Пятьдесят метров, ноль двадцать восемь?

— Нет.

— Однако похоже на металл.

Морено молчит.

— Может, нам стоит его проверить. Просто на всякий случай.

Технически он по-прежнему главный. Технически Морено — лишь водитель такси. Технически она все равно может послать его куда подальше, а он ничего не сможет с этим поделать.

Однако мгновение спустя "Пинагор" поворачивает вправо.

Неопознанный объект частично скрыт гребнем скалы; эхо от него мерцает, словно край тусклого солнца, выглядывающий из-за горизонта. При

приближении становятся видны детали: изгиб, выпуклость. Набор сочлененных сегментов, нижние края которых размыты из-за налета ила.

Череп.

Сонар достраивает картинку за несколько секунд до того, как ее озаряют лучи прожекторов: позвоночник, мерцающий маслянистыми бликами. Серебристый стреловидный череп, длиной не меньше трех метров, ноздри вытянуты вдоль макушки, пустые глазницы смещены на бока. Кости огромной четырехпалой руки лежат на морском дне, словно музейная реконструкция.

— Это *кит*, — шепчет он.

— Возможно, ему миллионы лет.

— Но он *металлический*…

— Это ископаемое. Окаменелость. Вода насыщена ионами металлов. Как по-твоему, с чего вас заинтересовало это место?

— Да, но…

— Я бы с удовольствием провела для тебя экскурсию по местным достопримечательностям, Алистор, но если вдруг ты забыл, все мои друзья скорее всего мертвы, и я бы не хотела к ним…

Она умолкает. Что-то привлекает ее внимание, что-то, появляющееся из-за огромного блестящего хребта.

— Какого черта, — бормочет она.

Торпеда из плоти, бледно-розовая в свете прожекторов, длиной пару метров. Щупальца.

— Кальмар, — говорит Галик.

— Таких кальмаров *мне* прежде видеть не доводилось.

Они подбираются ближе. Галик увеличивает масштаб изображения своей камеры. Существо бесцельно дрейфует, как и те, что они видели прежде, щупальца обмякли, словно водоросли. Однако в нем *действительно* есть нечто странное.

— Посмотри на его глаза, — шепчет Морено.

С этого ракурса он видит *три*, они расположены с интервалами в девяносто градусов вокруг абсурдной башки существа. (Предположительно на дальней стороне есть четвертый.) И из этих трех два выглядят… неправильно.

Ни радужки. Ни зрачка. Ни белка. Галик видет три предмета, расположенных как глаза, но лишь один смотрит на него. Два других темны и… спутаны. Глазницы, полные щупалец, словно кто-то извлек глазное яблоко и набил глазницу мотылем.

— Выключите прожекторы, — говорит он.

— Зачем…

— Просто сделайте это.

На них обрушивается темнота. Картинка с камеры Галика чернеет — за исключением одной яркой точки, пульсирующей в темноте ровным изумрудным ритмом. Прямо в том месте, где расположен один из невидимых теперь не-глаз.

— В этой штуке светодиод, — тихо говорит Галик.

Морено включает прожекторы. Мигающая звездочка теряется за высококонтрастной светотенью. "Пинагор" приближается с новой целеустремленностью; из его брюха выдвигается манипулятор, словно лапка богомола, когтистые пальцы тянутся к вялому существу. Касаются его.

Внезапно кальмар сжимается и отпрыгивает, уносится на реактивной струе во тьму.

Галик хмыкает.

— Кальмар Гумбольдта, — говорит ему Морено. — По крайней мере был изначально. Устойчивый к низкому содержанию кислорода.

— Но его…

— Подправили. Добавили целый пучок нервных тяжей в глаза. Никто не говорит, что они должны передавать зрительную информацию. Присоедини подходящие сенсоры — и узнаешь

что угодно. Кислотность. Соленость. Только назови.

— Значит, это что-то вроде… живого датчика состояния окружающей среды.

— Так я полагаю.

— И он не ваш.

Морено фыркает.

— А чей же?

— Понятия не имею, — говорит Морено. — Но посмотрим, куда он сбежал.

Она нацеливает сонар, подбирает диапазон. Кальмар — чем бы он ни был — на таком расстоянии не регистрируется. Однако есть кое-что иное. Вдалеке, на самой границе зоны видимости сонара, что-то отдает призрачным эхом.

— Похоже на выступ, — замечает Галик.

— Еще чего. Слишком ровные края.

— "Сильвия Ирл?"

— Не тот пеленг.

— Может, нам следует сохранить курс. С учетом ограниченности наших ресурсов.

"Пинагор" сворачивает в сторону эха.

Галик поднимает визор.

— Как по-вашему, что это?

Визор Морено тоже поднят. Глаза у нее жесткие, как стекло.

— Давай выясним.

— Что ж, по крайней мере теперь мы знаем, — говорит Галик.

— Знаем?

— Почему Клиппертон — запретная зона. Почему МОМД… — Он качает головой. — Их купили.

"Пинагор" плывет над неоконченным пейзажем из пластика и металла. Рельсы, сетью расходящиеся во всех направлениях, превращают морское дно в шахматную доску; там, где они пересекаются, высятся веретеновидные башни. Принтеры размером с автомобили скользят по рельсам, сверлят дыры, откладывают яйца, извергают лужи горячей густой жидкости, которая, застывая, становится тверже базальта. Странные машины на реактивной тяге склеивают камень и металл в критических местах. Повсюду остовы недостроенных куполов, туннелей и трубопроводов, в которых змеятся связки кабелей и оптоволокна.

И все это лежит невидимое в темноте. Вся эта индустриальная активность скрыта под четырьмя километрами лишенной солнца черноты, за исключением тех мест, что выхватывают из мрака глаза и эхосигналы "Пинагора".

Галик присвистывает.

— Здоровенный будет модуль.

— Это не модуль. Это гребаный *город*. — Морено вновь сверяется с бортовой базой данных. — На картах не значится. Транспондеров нет. Эта штука совершенно секретна.

— Надо полагать, не все они собираются в Новую Зеландию.

Морено нажимает кнопку; там и сям на дисплее расцветают крапчатые радуги. На два часа тлеет алая рана, прерывающаяся скоплениями разнообразных механизмов.

— Утечка тепла.

— Источник энергии, — предполагает Галик.

— Эй, ты это видишь?

Он видит. Курс на восемьдесят пять градусов: что-то круглое и гладкое, аномально *завершенное* посреди всего этого строительного хаоса. В тепловизоре оно светится зеленым.

Прочный корпус.

Морено читает эхолокацию, словно гадалка.

— Атмосфера.

— Жилой?

Это может стать проблемой. Тот, кто пошел на такие меры, вряд ли обрадуется гостям.

Однако Морено качает головой.

— Больше похоже на бытовку бригадира. Место,

где можно перекантоваться, когда спускаешься вниз, чтобы проверить свое детище. Тот, кто может позволить себе скрывать место такого размера, не станет рисковать, транслируя телеметрию. Но не могу представить, чтобы кто-то жил здесь постоянно. По крайней мере до тех пор, пока они не будут готовы переселиться сюда насовсем. А пока… — "Пинагор" уже поворачивает, — … там будет энергия. Пища. Даже койки.

Теперь бытовка прямо по курсу, и приближается.

— Если задержимся, нас наверняка застукают, — говорит Галик.

— Почти наверняка спасатели доберутся сюда первыми. И тогда это гребаное место окажется на виду у всех и каждого.

— При условии, что тот, кто за этим стоит…

— Ты знаешь, кто за этим стоит, Алистор. Твои хозяева. Их хозяева. Однодесятники, обналичивающие чеки, прежде чем истечет их срок. — Она многозначительно смотрит на него. — Как думаешь, для тебя местечко не зарезервировали?

— Вы полагаете, что они не станут прослушивать местные разговоры. Что не возьмут и не прихлопнут спасательную миссию, как только увидят координаты.

Пальцы Морено стискивают джойстик.

– *Дерьмо,* — тихо шипит она сквозь зубы.

Бытовка проявляется в свете прожекторов, подобно серой луне диаметром метров десять по экватору. Морено тянет за джойстик, и "Пинагор" карабкается на северное полушарие, озаряя прожекторами трубы, решетки и надписи с предупреждениями держаться подальше от вентиляционных клапанов. Морено пробирается по северному полюсу; повинуясь ей, суб идеально присасывается к стыковочному шлюзу. Механизмы хватают, стискивают и вытесняют морскую воду обратно в бездну.

Она вызывает интерфейс панели управления и ругается.

— Ну конечно. Внутри всего одна атмосфера.

— Сколько времени уйдет на декомпрессию?

— С девяти атмосфер? Дыхательного тримикса[38]? Дней пять. — Она изучает панель. — К счастью, у нас есть удаленный доступ к настройкам модуля. Я могу поднять давление внутри до девяти за… — она проводит пальцем по панели, — … пятнадцать минут.

— Круто, — замечает Галик.

---

[38] Примечания: 38

Тримикс — дыхательная газовая смесь для подводных погружений, состоящая из гелия, азота и кислорода.

Она впервые искренне улыбается.

— А то.

Однако пятнадцати минут у них нет. Панель начинает пищать через пять.

— Быстро, — говорит Галик.

Морено хмурится.

— Это не модуль. Это СНЧ-квитирование[39]. — Ее лицо светлеет. — Текстовое сообщение! Маяк пробился!

Челюсть Галика напрягается.

— Не обольщайтесь. Помните, у этих людей, — он показывает на недостроенный комплекс, раскинувшийся вокруг, — тоже есть уши.

— Нет, это через Коспас-Сарсат[40]. Это НУОАИ[41].

Она наклоняется вперед, пристально вглядываясь, словно это поможет сигналу быстрее

---

[39] Примечания: 39

Подтверждение приема-передачи информации на сверхнизких частотах.

[40] Примечания: 40

Международная спутниковая поисково-спасательная система. Название состоит из двух аббревиатур: русской КоСПАС (Космическая Система Поиска Аварийных Судов) и английской SARSAT (Search And Rescue Satellite-Aided Tracking.

[41] Примечания: 41

Национальное управление океанических и атмосферных исследований.

выдавливаться из воды. Перед ней растет скопление букв и цифр. Они слишком мелкие, чтобы различить их оттуда, где сидит Галик.

Он вздыхает.

— Здесь сказано… сказано… — Предвкушение уходит с ее лица. Его сменяет нечто более темное.

Она поворачивается к нему.

— Да кто ты та…

Кулак Галика врезается ей в правый висок. Голова Морено дергается вбок, бьется о корпус. Она обвисает на ремнях, как тряпичная кукла.

Галик расстегивает свои ремни и склоняется над ней. В ее глазах еще тлеет сознание. Пускающий слюну рот кривится и раскрывается, пытаясь сформировать слова. Откуда-то из глубин тела Коа Морено вылетает стон.

Он качает головой.

— Это действительно была предварительная разведка. Мы знали о том, что находится здесь, не больше вас. Мы только… подозревали.

— Ты гре… — выдавливает она.

— Предполагалось, что не вы, а сенсоры… Мы не должны были забраться так далеко.

Морено приподнимает ладонь. Та болтается на конце ее руки, словно дохлая рыба.

— Теперь все пошло к чертям, и мне придется… импровизировать. Мне очень жаль, Коа.

— Ближне… восточный… паспо…

— Мне жаль, что ты выбрала не ту сторону, — говорит он и ломает ей шею.

К тому времени как ее сердце останавливается, давление в бытовке достигает девяти атмосфер. Галик поворачивается, пригнувшись в тесной рубке, краем глаза замечает текстовое сообщение, продолжающее расти на панели управления…

> SOS принят
> ожидание запрош разрешения на ПГА[42]
> ООО Наутилус отрицает информацию о запрош С. Ирл
> Не отправляли сотрудников в ЗКК
> Алистор Имярек не числится в…

… и встает на колени, чтобы открыть палубный шлюз.

Он ползет вниз, а свет поднимается вверх: рассеянный, полноспектровый, озаряющий уютную полусферу, где все распорки и обшивка обиты и обернуты ПВХ. Интерфейсы и панели управления

---

[42] Примечания: 42
Поисковый глубоководный аппарат.

спят на изогнутых переборках и на вырастающих из них столах. За переборкой, разделяющей верхнюю палубу, сквозь открытый шлюз видны койки и шкафчики, окутанные тенью. Винтовая лестница уходит на нижнюю палубу.

Он осматривает модуль и никого не находит. Пробуждает от сна панель управления, проверяет журналы и путевые листы. Изучает дистанционное управление "Пинагором", узнает, как отослать маленькое суденышко подальше, предоставив его самому себе.

Он подкрепляется запасами из щедро укомплектованного камбуза. Спит в салоне.

В четырех с половиной километрах над головой крутится под поверхностью зона перемешивания; поверхность крутится под небесами; посередине крутится бессмертная Намака. На суше прибрежные пожары полыхают еще ярче. Пустыни растут, клатраты пузырятся; волны зимней жары проносятся по Средиземноморью; ржавчина пшеницы и обезьянья оспа с одинаковой неразборчивостью косят урожай и людей. Тувалу и Кирибати тонут в океане. Протестующие оплакивают кончину полярного гризли и бенгальского тигра, в то время как под ногами триллионы крошечных ползучих существ,

которым принадлежит мир, исчезают почти незамеченными. Человеческая раса все быстрее мчится к последней черте, на финишной прямой ее численность наконец падает, и оставшиеся ярятся, бунтуют и дерутся за жалкие крошки, что сохранились после трехсот лет дефицита бюджета.

А тем временем биржевой индекс Никкэй продолжает расти.

Алистор Галик — в прошлом старший сержант Джейсон Ноултон (в отставке), Командование специальных операций ВС США — коротает время на дне океана, строя планы и выбирая цели. Терпеливо поджидая приспешников Одной Десятой, чтобы те показали ему путь к своим хозяевам.

Суйи Дэвис Окунгбова[43]

*Суйи Дэвис Окунгбова (*suyidavies.com*) — нигерийский автор фэнтези, научной фантастики и ужасов. Западно-африканское происхождение писателя оказывает большое влияние на его творчество. Его дебютный роман, написанный в жанре годпанк-фэнтези* David Mogo, Godhunter *("Дэвид Мого — охотник на богов"), был назван "платоническим божественным идеалом поджанра". А рассказы и эссе Окунгбовы публиковались в журналах "Tor.com", "Lightspeed", "Nightmare", "Strange Horizons", "Fireside", "PodCastle", "The Dark" и в антологиях "Мир ужаса" и "Цветные люди уничтожают научную фантастику". Он живет как в Лагосе (Нигерия), так и в Тусоне (США, штат Аризона), где преподает писательское мастерство студентам и одновременно учится в магистратуре для получения степени магистра искусств в области литературного творчества.*

---

[43] Примечания: 43

© Suyi Davies Okungbowa, 2019; © пер. Н. Нестеровой, 2020.

Песня дюн

"Не ходи к дюнам, — сказал вождь Исиувы. — Можешь пробудить гнев свистящих богов".

Но это не мешает Нате предпринимать новые попытки уйти.

Когда зарождается Новая Луна, она тихонько идет на общественный рынок. Раннее утро, пустыня окутана туманной дымкой, все движется очень медленно, как бредущие по песку черепахи. Солнце взошло, оно теплое, но не горячее, потому что Исиува располагается не совсем в пустыне; по крайней мере не в той пустыне, о которой говорят Старейшины, рассказывая о тех временах, когда мир еще не превратился в сплошные дюны.

Исиуву наполняет жужжание, она похожа на стаю москитов. Рынок — квинтэссенция всего, что представляет собой деревня, — состоит из широких коридоров, окруженных тканью и бамбуком, и аккуратно прочерченных перекрестков. Повсюду кишат люди, облаченные в одежду, призванную защищать их от пыльного пустынного ветра. Как всегда, никто из них не обращает внимания на Нату, которая тащит слишком большой

для нее мешок. Она несколько раз обмотала плащ вокруг своей руки и время от времени останавливается, когда тот начинает разматываться. Ее волосы растрепаны и посечены на концах, а глаза налиты кровью из-за недосыпа, но Исиуве нет до этого дела.

Сначала Ната идет к отливщику. Она собирается предложить ему кувшины и посуду, которые ей больше не нужны. Мужчина забирает все, не проронив ни слова, и расплачивается с ней сахарным тростником, и это весьма кстати, ведь главное в здешних местах — утолить жажду. Дальше она достает большой старый металлический ящик матери, с помощью которого та изготавливала разные диковинки для жителей деревни. В Исиуве ни у кого больше нет подобных инструментов, странных, архаичных, созданных еще до прихода песка. Это единственное, что осталось Нате от матери после ее исчезновения. Внутри сохранились все инструменты для вырезывания и починки поделок, которые больше никто не умеет создавать. Когда Ната выставляет ящик перед главным торговцем фруктами в Исиуве, тот долго рассматривает его.

— Они тебя поймают, — говорит он. — В очередной раз.

— Возможно, — отвечает Ната. — А может, и не поймают.

Он кивает и дает ей коричневый сахар и сушеные фрукты за ящик.

Самый ценный свой товар она приберегла напоследок. Держа деревянную доску под мышкой, она направляется к столярше — к той самой женщине, которая помогла ей найти старое дерево с толстым стволом. Из него мама вырезала для нее тонкую плоскую доску, отполировала ее и покрыла парафином. Дерево теперь стало большой редкостью, в отличие от *первых дней*, когда песок только-только пришел, говорила мать. Это в буквальном смысле самое ценное, что есть у Наты.

Столярши нет на месте, но здесь ее ученики, и они предлагают ей большой глиняный кувшин с водой. Она начинает торговаться и получает немного хлеба и жареных термитов вдобавок, прежде чем отдать им доску. А потом Ната смотрит, как они обсуждают, что с этой доской сделать, как разрубить ее на маленькие кусочки, а затем обменять на что-нибудь ценное.

Она вспоминает, как плакала и кричала на маму, что она должна, просто обязана обзавестись доской. О таких досках было написано в книгах, которые Старейшины хранили в архивах среди

особенно ценных экспонатов, и доступ к ним имели только Вождь и его ученики (но маме все равно, каким-то образом удалось заполучить одну такую книгу). Ната помнит, как надеялась, что однажды она хотя бы один раз пойдет с этой доской в дюны и скатится на ней вниз, как дети на рисунках в книге. Но теперь было уже слишком поздно. Пускай кто-нибудь другой мечтает об этом.

Ната уходит, не попрощавшись. Ведь прощания означали бы, что она покидает деревню с приятными воспоминаниями о ней, но нет, это вовсе не так. Ната надеется, что как только она выйдет за бамбуковую изгородь, солнце опустится пониже и спалит все поселение за то, что они сделали с ней, с мамой. Ната надеется, что все дюны разом издадут свист, гармоничный в своем губительном диссонансе, что песок двинется и накроет Исиуву, как бескрайний океан, и никто здесь больше не причинит ей боли.

Но сначала она должна была отыскать Тасеногуана.

"Не ходите в дюны, — говорит Вождь Исиувы. — Боги убьют вас своим свистом".

В Исиуве свист дюн слышится почти каждый лунный цикл. Всякий раз песок приближается к

Исиуве с унылой, похожей на мелодию флейты песней — и это единственный звук, производимый неживым существом, который способен вызвать слезы в их душах. Гудящий в трубах ветер еще больше усиливает этот пронзительный свист. Вождь называет его свистом богов и утверждает, что этот звук раздается всякий раз, когда дюны забирают очередную заблудшую душу. Каждый раз, когда какой-нибудь сбившийся с пути человек позволял себе выйти за рамки дозволенного и был поглощен дюнами — а нечто подобное происходило время от времени, — дюны подступали все ближе к Исиуве. Свист — это предостережение, предупреждение о том, что в прошлом мир уже был наказан песком за свое неповиновение. Вождь рассказывает историю о том, что когда-то, еще до возникновения старого мира, землю постигло похожее наказание, но только сделали это боги воды. Задача Исиувы — поддерживать установленный порядок и способствовать приходу нового мира.

Исиува знает, что Вождь прав, потому что он несет ответственность за всех жителей деревни, он несет ее вместе со Старейшинами, часовыми и своими учениками: его обязанность состоит в том, чтобы выходить за ограду деревни, искать

ответы, молиться богам и умолять их, чтобы дюны не приближались больше к деревне. Иногда вся эта процессия возвращается и приносит с собой странные предметы, которые они нашли в песках, предметы, которые, похоже, принадлежат другому времени, и тогда Старейшины прячут их в архиве. Вождь напоминает жителям Исиувы, что это не привилегия, а тяжелая ноша, ведь никому еще не удавалось взглянуть в лица богам и остаться после этого живым; и то, что процессия каждый раз возвращается обратно в полном сборе, — это большая милость, оказанная им свистящими богами. Жители деревни кивают и продолжают жить за забором, благодарные Вождю и его приближенным.

Но мать Наты была не такой.

Мать Наты была упрямой. "Неразумно безоговорочно верить всему, что говорит другой человек", — постоянно твердила она. Это смущало Нату, ведь в таком случае и она не должна была верить словам матери. Ее мама всегда следовала своим установкам. Ната знала, сколько раз она нарушала закон Исиувы и выходила за ограду (пять раз). Мама говорила, что жителей Исиувы удерживало здесь отнюдь не это сухое бамбуковое ограждение. Через бамбук легко можно перебраться. Все

дело было в словах, которые прочно засели у них в головах.

Мама научилась мастерски перебираться через забор, перемещаться во времени и пространстве, незаметно ускользать, никому не объяснив причины, поэтому в Исиуве часто забывали о ее существовании, а также о существовании Наты. Жители Исиувы очень удивлялись, когда эти двое снова появлялись, пытались вспомнить, откуда они взялись, недоумевали, почему они все еще находятся здесь, почему их до сих пор не принесли в жертву богам.

Чтобы не привлекать к себе внимания, Ната и ее мама перебрались на самую окраину поселения, где было множество скорпионов и где только самым недостойным жителям деревни позволялось строить свои лачуги. Вначале Ната винила мать, считая, что это она была во всем виновата, что она должна была прекратить свои споры со Старейшинами, во время которых утверждала, будто никаких свистящих богов не существует, а песок поглотил цивилизацию в результате глобальной экологической катастрофы. Она утверждала, что где-то далеко находятся другие процветающие цивилизации, и она собиралась найти их, надеялась, что вихрь времени отнесет

ее туда. Она говорила, что видела этот вихрь своими глазами.

Поэтому когда мама поцеловала Нату в лоб и сказала: "Пойдем", та поняла, что жители Исиувы были правы — ее мама сошла с ума. Вихрь, который может унести людей в мир, где не было песка? Добровольно отправиться в дюны, чтобы тебя проглотили боги?

Разумеется, она отказалась идти. Мама пыталась убедить ее, но после долгих споров все кончилось тем, что они обе начали громко кричать друг на друга под крышей их жалкой лачуги. Мама сказала, что она просто пытается спасти их, а Ната напомнила ей, что Исиува тоже пытается их спасти, поэтому они и должны следовать правилам. Тогда мама поняла, что Ната никогда полностью не подготовится к тому, чтобы уйти с ней. Поэтому она связала ей руки и ноги, пока та спала, заткнула кляпом рот и положила в тележку, однако не смогла довести ее даже от своего дома до ограды. Она развязала Нату, и Ната убежала прочь со всех ног.

Она примчалась обратно в их лачугу и ждала, пока мама вернется, ведь, разумеется, не существовало никакого вихря времени и не было никакой волшебной песчаной бури, которая

летала над дюнами, разыскивая людей, чтобы спасти их. Поэтому она все ждала.

И ждала.

И ждала.

Пока дюны не засвистели.

"Мы занимаемся своими делами, — говорил Вождь жителям Исиувы. — Мы остаемся в живых только потому, что довольствуемся тем, что имеем, и ничего больше не ищем".

Ната легко находит Тасе. Маленького мальчика, тощего, с острыми локтями и глубоко ввалившимися, бездонными, как море, глазами. Его невозможно увидеть в свите Вождя. Он всегда где-то еще (но даже когда он оказывался рядом с Вождем и его окружением, мысленно он все равно был где-то далеко). В Исиуве считали, что Вождю не повезло с сыном; он был болезненным ребенком, вечно витал в облаках. Возможно, это даже хорошо, что его невозможно было отыскать, что он вечно где-нибудь бродил.

Ната находит его около старых заброшенных домов, где прежде жили те, кого забрали дюны. Где-то здесь, среди этой свалки, лежали лучшие мамины инструменты, различная утварь, а также находки из старого мира, которые ей удалось отыскать, и которые она не позволила

конфисковать в пользу архива Старейшин. Все это оставалось здесь, в их старой хижине, которую снесли, чтобы ее невозможно было больше восстановить. Ее бы вообще сожгли, если бы Исиува могла себе такое позволить, но в нынешние времена огонь стал слишком опасным.

Тасе сидит на корточках посреди всего этого, его ноги испачканы в золе. Под ногами у него какие-то обломки, в руках — дощечка, и он пишет что-то белым камешком по ее отполированной поверхности. Тасе — единственный сын Вождя, еще до рождения ему было уготовано стать его учеником; ему выпал шанс стать будущим Исиувы. И он проводит много времени со Старейшинами, в основном учится писать разные значки, из которых состоит алфавит Исиувы, ее язык. Но он почти не общается с часовыми и со свитой. Большую часть времени он проводит в одиночестве, посвящая себя обучению.

Ната медленно подходит к нему. Он поднимает голову.

— Ты пойдешь со мной? — спрашивает Ната.

Мальчик перестает писать, его глазные яблоки так и пляшут в глазницах.

— Куда?

— Я собираюсь найти маму.

Он замирает, затем пишет что-то на своей доске.

— Твою маму?

— Да, — отвечает Ната.

Он снова на секунду задумывается.

— И мою маму тоже?

Мгновение Ната молчит. Всем известна история матери Тасе, жены Вождя. В Исиуве говорят, что она была заблудшей, безумной, как и мама Наты, все время говорила о том, что ей нужно уйти в какое-то другое место. Жители деревни считают, что Вождь поступил правильно, когда позволил Исиуве предложить ее в качестве подношения богам, жившим под дюнами, чтобы успокоить их гневное дыхание.

— Возможно, — говорит Ната.

Тасе снова делает какие-то записи, затем откладывает доску и камешек, встает и отряхивает свой зад.

— Хорошо, — говорит он.

Ната всегда знала, что, когда придет время, все окажется совсем просто. Тасе никогда здесь, по сути, не было. Душой он всегда был где-то в другом месте, но в Исиуве этого не замечали. Однажды, когда Ната спросила его, почему он учится только писать, Тасе ответил, что ему это

пригодится, когда он выберется отсюда. Именно тогда она поняла, что он был таким же, как ее мама и как его мама.

— Ты знаешь, где меня можно встретить, — говорит Ната. — Приходи в сумерках, когда часовые будут пьяны. И никому не говори.

— В сумерках? — спрашивает он. — Сегодня лунный день. Сегодня они будут свистеть.

— Да, — отвечает Ната. — Вот именно.

"Все, кто уходит, принадлежат богам, — говорит Вождь Исиувы. — Нельзя позволять им возвращаться".

В первый раз Ната ушла недалеко. Она не нашла ничего, кроме песка и солнца, которое, казалось, было повсюду. Когда день начал клониться к вечеру, дюны стали отбрасывать на нее тени. Ната обнаружила высохшие скелеты людей и животных и несколько предметов, которые она никогда прежде не видела, и решила забрать с собой. Вода закончилась. Она так и не нашла маму, даже ее мертвого тела. Не отыскала она и вихря, который отнес бы ее к маме.

Часовые обнаружили ее, когда она вернулась к забору. Они набросились на нее, их лбы блестели под капюшонами плащей, длинные лица были покрыты морщинами и ничего не выражали.

Не проронив ни слова, они окружили ее. Да и кому нужны слова, когда существует негласный договор?

Они все сделали по правилам, пронесли Нату через деревню на покрытых резьбой церемониальных носилках, представляя ее как жертву, как назидание остальным, к чему приведет избранный ею путь: к смерти прямо в пасти богов. Жители Исиувы покинули свои хижины и столпились вокруг часовых, грустно качали головами, перешептывались, показывали на нее пальцами. Они пытались дотронуться до Наты, возможно, из жалости, возможно, из солидарности, а может быть, хотели спросить: "Зачем?" Часовые отталкивали их руки. Но люди не желали уходить.

У хижины Вождя — отдельный двор в центре поселения, она здесь самая большая и единственная в своем роде, — помещение, состоящее из нескольких комнат, в их числе — приемная. Именно в ней Ната и предстала перед ним. Жители Исиувы столпились вокруг хижины. Вождь ничем не отличается от других мужчин в деревне, разве что немного полнее, а его лоб всегда нахмурен. У него такие же, как у остальных, одежды, такой же плащ, единственный знак отличия — головной убор, сплетенный из хрупких

бусин. Ната знает, что его положено передавать от Вождя к Вождю.

Решение было быстрым и простым. По традиции, Ната не могла вернуться в деревню, иначе бы это разгневало богов и дюны продолжили бы свое наступление на Исиуву. Ее отправят обратно, и она ничего не сможет взять с собой, даже плащ. И тогда она легко и быстро попадет прямо в пасть богов дюн. Благодаря этой жертве еще много лун ничто не будет угрожать порядку в племени, который поддерживался с такой тщательностью и который она едва не нарушила своей беспечностью. Боги все поймут. К тому же это было одолжением. Ведь *она* же сама хотела уйти. Но Тасе… он все изменил. Прямо во время суда, не проявляя никакого уважения к происходящему, он подбежал к Нате и сел на колени в центре приемной около найденных ею сокровищ, которые она положила перед собой. Тогда он был младше, меньше ростом. Он коснулся ее волос и улыбнулся. Погладил ее по уху. Достал кусок хлеба, который прятал за спиной, и предложил ей. Она взяла и стала жевать его.

Жители Исиувы затаили дыхание и ждали. Тасе никогда ни к кому не проявлял интереса, несмотря на все старания Вождя. Даже его няньки не

могли заставить его что-нибудь сделать. Он всегда держался особняком, и Вождь смирился с тем, что его сын проведет всю свою жизнь в одиночестве. Для Тасе не было места в мире будущего, где выжить можно лишь посредством всеобщей сплоченности и порядка. Но с этим Вождь еще не готов был мириться, в его душе все еще теплилась слабая надежда относительно Тасе, надежда, которая неожиданно вновь вспыхнула.

Вождь откашлялся и попросил пока поместить Нату под охрану. Она провела взаперти весь день и поняла, что ее не выгонят из деревни.

Беглецов никогда прежде не оставляли в деревне. Наказание всегда было одним и тем же после вынесения приговора суда: часовые открывали ворота и начинали выталкивать осужденного, пока он не оказывался в нескольких шагах от бамбукового забора. А затем ворота запирались, несмотря на все крики и мольбы. Но осужденные не уходили, и ветер приносил в Исиуву их крики о помощи. А затем боги дюн начинали свистеть, тогда крики обрывались, наступала тишина, а Исиуве ничего больше не угрожало.

На следующее утро Нату вывели перед жителями Исиувы. Вождь сказал, что для нее это

стало уроком. И не стоило вот так впустую прогонять ее только потому, что она по своей детской глупости последовала дурному примеру своей матери. Жрецы помолятся за нее богам во время их следующего путешествия в пустыню, а она в это время должна будет работать во благо племени. И работа ее будет заключаться в том, чтобы стать верным товарищем Тасе, помочь ему приспособиться к жизни в обществе, стать сильнее и подготовиться к той роли, которую ему предстояло выполнять в будущем.

Жители Исиувы бормотали что-то себе под нос, кивали, хвалили мудрость и доброту Вождя. И тогда Ната поняла, что мама была права: боги жили вовсе не под дюнами, боги — это слова, которые прочно засели у всех в головах. Тогда она и приняла решение, что непременно уйдет еще раз.

Когда жители поселения разошлись, Старейшины конфисковали в свой архив все ее находки. Тасе сидел на коленях в пыли совсем близко, едва не касаясь ее своим носом, дыхание мальчика участилось от волнения.

— Ты тогда почувствовала это? — шепотом спросил он. — Там, снаружи? Ведь так пахнет сила, правда?

Они уходят в сумерках, взявшись за руки. Их

сердца бьются в унисон. Часовым труднее увидеть их среди песков в полумраке, когда уже невозможно различать отдельные предметы, а дюны вдалеке превращаются в смутные тени. У них нет фонаря, они ориентируются в темноте, опираясь лишь на воспоминания Наты, тащат с собой еду и воду, которую ей удалось раздобыть. Они надели тонкие плащи, чтобы двигаться быстрее. Ночью в пустыне холодно, и у Тасе начинают стучать зубы.

Всюду, куда ни бросишь взгляд, только песок, пыль и ветер, а еще гребни и вершины дюн — маленькие и большие. Самые огромные дюны, под которыми погребены руины погибших городов, что были здесь еще до Исуивы, образуют на горизонте тени, освещенные меркнущим красным светом. Ната и Тасе стараются не подниматься даже на самые низкие дюны, чтобы не привлекать к себе внимания. Песок под ногами прохладный и на нем хорошо видны следы. Ната знает, что с наступлением утра их легко смогут отыскать преследователи из Исиувы: достаточно будет одного верблюда или нескольких самых быстрых часовых.

Тасе почти все время идет молча. Он лишь немногим младше ее, но из-за своей молчаливо-

сти кажется не по годам взрослым. Ната помнит, как однажды повторила ему слова матери. Когда-то она в них не верила, но теперь все изменилось. "Ты сама по себе богиня. А еще ты — дюна, и дюны не станут проглатывать самих себя. Не позволяй Исиуве убедить тебя в обратном".

Ната видит, как Тасе кутается в плащ и смотрит вперед, он не сводит взгляда с темных очертаний на горизонте, напоминающих волны. Вождь не знал, что своим наказанием он позволил ей все осознать. Ната *должна* была стать компаньонкой Тасе, так как только она понимала, почему он был таким, ведь его мучили те же вопросы, что и ее. Они оба выросли, слушая непрерывный шелест, которым была наполнена Исиува, не зная, были ли они нормальными или такими же сумасшедшими, как их матери; все эти вопросы сплелись внутри их в тугой узел, развязать который можно было, лишь покинув деревню. Они всегда знали, что так или иначе им непременно удастся найти женщин, подаривших им жизнь и вдохнувших в них это пламя свободы, которое невозможно было погасить; что только там они обретут настоящий дом.

Они все дальше уходят от Исиувы, двигаясь по прямой в сторону дюн. Кажется, никто не пре-

следует их, и это хороший знак. Ната надеется, что они доберутся до дюн прежде рассвета и в жаркий полдень смогут отдохнуть в их тени. Но они уже так долго бредут по песку, что их ноги устают. Волнистые очертания дюн по-прежнему маячат где-то вдали, и Ната не знает, сколько до них еще идти, однако они уже достаточно отошли от Исиувы и можно передохнуть.

У них есть немного хлеба и жареных термитов. Ната дает Тасе выпить его порцию воды на сегодня, а сама довольствуется сахарным тростником. Она жует его и размышляет о том, что скажет маме, когда найдет ее. Она так сосредоточилась на своем желании уйти и совсем забыла о том, что, возможно, она вовсе не обрадуется встрече с мамой, а узел в ее груди затянется еще сильнее, и она никогда не простит ее за то, что та ушла, что не пожертвовала всем и не вернулась за ней. А еще она не готова услышать те ответы, которые может получить от матери. Возможно, именно поэтому она уговорила Тасе пойти с ней, невзирая на все трудности. Возможно, она пытается повторить все заново, чтобы все исправить.

— Нужно идти дальше, — говорит Тасе.

Ната ложится на спину, прямо на песок.

— Не нужно. Он сам прилетит к нам.

Тасе хмурит брови. Она замечает это и говорит:

— Странствующий вихрь. Тот, который вызывает свист. Мама называла его вихрем возможностей, он прилетает за тобой, только если ты сам придешь в его владения.

Он ложится рядом с ней, закутавшись в плащ с ног до головы, и становится с песком единым целым. Вскоре они засыпают, и Нате снится, как она встречает маму, но мама ее больше не узнает. Она тут же просыпается, лежит без сна, вспоминает истории о ветре, которые рассказывала ей мама, о тех пяти случаях, когда ей удалось выбраться через забор и вернуться обратно, и о том, что она там увидела. Мама называла его вихрем свободы, который может вернуть в те времена, когда… пускай ее язык и был все так же скован, а тело находилось под контролем, но оно принадлежало только ей. А не Исиуве.

О каком бы времени она ни говорила, Ната уверена, мама таки смогла вернуться в него, но она не вернулась к ней, как обещала. И теперь Ната сама должна была найти этот свист, и сама должна просвистеть его.

"Люди уничтожают то, чего не понимают, — часто говорила мама. — Даже если связать им

руки, они будут раздирать это чуждое своими языками".

Когда часовые настигают Нату, уже слишком поздно: песня дюн начинается.

Вихрь появляется под самый конец ночи. Он приходит без предупреждения вместе с тихим плачем и гортанным завыванием, которые словно предупреждают о появлении преследователей, чьи ноги шуршат по песку, а факелы озаряют тьму в том самом месте, где уставшие Ната и Тасе решили разбить лагерь.

Вождь является вместе с часовыми. Свет факелов и темный плащ только подчеркивают мрачное выражение его лица, грудь тяжело вздымается, а мысли кажутся такими ясными, как если бы он прорычал вслух: "На этот раз пощады не ждите!"

— Взять их. — Вот и все, что он говорит.

Начинается потасовка, песок летит во все стороны, пламя факелов дрожит в налетевших порывах ветра, но вскоре все успокаивается. С одной стороны часовой держат Нату, с другой — Тасе.

Вождь сначала поворачивается к нему, склоняется над ним. Он поднимает руку и наотмашь бьет сына по лицу. Слышится хруст сломанного

хряща.

— Просто отдай меня богам, — говорит Тасе, впервые его голос звучит громко, но нечетко из-за крови, соплей и слюны. — Отдай меня, чтобы этот кошмар закончился для нас обоих.

Наступает тишина, нарушаемая лишь шуршанием песка, который поднимается в воздух, вихрь теперь уже виден вдали, он постепенно набирает силу, словно ураган внутри урагана. На фоне оранжевого горизонта, освещенного лучами восходящего солнца, он похож на ревущий призрак черного ветра.

— Нет, — говорит Вождь, глядя на приближающееся облако. — Нет.

В эту минуту никто уже не обращает внимания на Нату, и она пользуется этим.

Она бросается вперед, очень быстро, вырывается из рук часовых, настолько стремительно, что их ноги не успевают обрести точку опоры в сыпучем песке. Она начинает удаляться от них мелкими шажочками: один шаг, пять шагов, и вот она уже слишком далеко. Они кричат ей в спину проклятия, называют безумной, сумасшедшей девчонкой, эгоисткой, которая ставит под угрозу всю Исиуву, но она не слушает их и не сводит глаз с такого восхитительного, восхити-

тельного света впереди.

Ната впервые видит вихрь своими глазами, до этого она только рисовала его в своем воображении, когда слушала рассказы мамы. Вождь был прав, называя его дыханием богов, потому что внутри его заключены гром, молнии и свет, его обнимает ветер, бушующий внутри его, а снаружи окружают одеяния из песка, пыли и мусора. Он движется, как облако, но только очень сердитое облако. Теперь, приблизившись, он ревет, ревет так, словно состоит из одного только рта. Песок позади него шипит, как бесконечная мелодия флейты, как оркестр из сотен разных свистов, как сонм змей.

Это восхитительно.

Она замирает прямо у него на пути и оборачивается, стена из света, звуков и пыли оказывается прямо у нее за спиной. Вождь и часовые прекращают погоню и отступают, стараются уклониться от ветра. Двое часовых держат Тасе. Они так далеко, что Ната не видит их лиц, но свет их дрожащих на ветру факелов, их позы говорят ей обо всем: она — полное ничтожество, она разрушила все то хорошее, что создала Исиува.

"Да, — думает она. — Да".

Но как же Тасе?

Она делает шаг вперед, затем еще один, надеясь, что он поймет. Она делает еще один шаг. Ветер следует за ней, но она все равно продолжает идти, старается выиграть время, напоминая себе, что она может все исправить, *стать* лучше. Ее мама стремилась к этому, но она будет стараться еще сильнее.

"Пожалуйста, — думает она, глядя на Тасе, пока он неподвижно стоит между двумя часовыми. — Пожалуйста".

И он слышит ее в ту самую минуту, когда она ощущает, как волосы у нее на затылке начинают подниматься в ответ на завывания ветра. Тасе реагирует на ее призыв. Он начинает извиваться, выскальзывает из рук часовых и бежит прочь. Часовые слишком потрясены происходящим и не успевают ничего предпринять. Тасе сбрасывает с себя плащ, пока бежит по песку, его черная кожа сливается с ночной тьмой. Его отец Вождь следует за ним, карабкается по песку, выкрикивает его имя, по бокам от него колышется пламя факелов часовых.

"Да, — думает Ната. — Да".

В эту минуту вихрь времени, богов, возможностей, свободы наклоняется и принимает ее в свои объятия. Песок заполняет ей глаза, рот, нос,

уши. Ее кожу начинает слегка пощипывать, и она чувствует, как ее ноги отрываются от земли.

Но ее рука все равно остается вытянутой.

Кажется, проходит целая вечность, прежде чем покрытая песком рука хватает ее руку. Она тянет его к себе, к их мамам, которые осмелились уйти раньше них к будущему, к силе.

Вместе они поднимаются в воздух. Ната знает, что они вместе, ощущает рядом еще одну непокорную душу. Она отдается во власть ветра, и они скользят, скользят, теряя всякое ощущение пространства и времени. Они становятся ничем и всем — в дыхании богов возможно все, и оно стало теперь их дыханием. Они не знают, куда унесет их ветер, но уверены в одном: их языки, их тела и их сердца принадлежат теперь только им.

Тиган Мур[44]

*Тиган Мур (*alarmhat.com*) — писательница и профессиональный кинолог, проживает в районе Тихоокеанского Северо-Запада. Она обожает есть лапшу, гулять под дождем и читать страшные истории. Ее рассказы были опубликованы в различных журналах, включая "Beneath Ceaseless Skies", "Asimov's", и "Tor.com". Кроме того, она ведет курсы писательского мастерства в школе для писателей "Clarion West". С невероятно харизматичными собаками Тиган вы можете познакомиться на ее страничке в Инстаграме* — @temerity.dogs.

---

[44] Примечания: 44

© Tegan Moore, 2019; © пер. Н. Нестеровой, 2020.

Работа волков

Я — хорошая собака.

Ветер уже развеял запахи по окрестностям, которые выглядят так, словно здесь разыгрался настоящий Апокалипсис, а дым от костра в миле к юго-западу отсюда только усложняет задачу. Идти по следу — это все равно что среди туго переплетенных корней определить, какому растению какой корень принадлежит.

Нет, скорее, это все равно что пытаться разобрать поваленные грозой деревья. Трудно понять, где начинается одно дерево и заканчивается другое, какая часть к какому дереву относится, и откуда все эти разные части берутся.

Какое замечательное *"Все равно что*"! Добавлю его в копилку к другим, таким же удачным вариантам.

В секторе все чисто. Я отправляю последние данные Кэрол через сеть обмена данными — СОД. Она позади меня вместе со своим помощником, стоят на капоте автомобиля. Я слышу, как вдалеке тихо щелкает ее прибор СОД — значит, сообщение доставлено.

— Сера, — кричит она, — не торопись и оста-

вайся в поле нашей видимости.

Вообще-то, по правилам, Кэрол стоило бы поторопиться и последовать за мной, вместо того чтобы кричать мне с багажника разбитой машины. У меня нет времени ждать ее.

"Атмосферное давление падает, — передаю я ей. Краем глаза замечаю, как ее рука касается аппарата в ухе, а сама обследую фундамент, на котором когда-то находился типовой модульный дом. — Причем падает давление достаточно быстро, возможно, надвигается новая гроза".

"Сера, — передает мне СОД, но при этом я слышу голос Кэрол, он разносится над руинами, над сваленными в кучу досками, над свисающей кровлей, разломанной мебелью и перекрученными тряпками. Она спрыгивает с капота машины прямо в кучу мусора. — Оставайся в зоне видимости, черт тебя возьми! Не торопись".

Кэрол сейчас слишком далеко, чтобы руководить моей поисковой работой или хотя бы просто сопровождать меня. Я вполне могу обойтись и без ее руководства, но чем большее расстояние нас разделяет, тем вероятнее шанс, что мы можем что-то упустить. Она очень медлительна, и, возможно, на то есть свои причины. Что бы это могло означать? Не случится ли так, что и на

мои тревожные сигналы она будет реагировать недостаточно быстро?

Я запрыгиваю на уцелевшую несущую стену, чтобы поймать там немного свежего воздуха, который приносит ветер. Сверху лучше видны те разрушения, которые причинил ураган: от столбов, где когда-то собаки задирали свои лапы, остались одни пеньки; тротуары, по которым прежде катались велосипедисты и скейтбордисты, и дороги разрушены. Там, где прежде стояли дома, теперь — только фундаменты и груды развалин. Через несколько дней эти руины превратятся в рай для крыс и мышей. Вдалеке замечаю еще несколько человек, но я уже извлекла из моей кэш-памяти информацию о том, что они не интересуют нас в качестве объектов. Люди, которые жили здесь, теперь разбирают развалины после урагана. Мне хочется придумать для них какое-нибудь интересное *"Все равно что"*, но времени для этого нет. Я на работе. И главное для меня — как можно быстрее выполнить эту работу.

Я поворачиваю нос к ветру.

Прохладный воздух, который проникает через мои влажные ноздри, полон историй, информации о разных направлениях, обрывков заумных

непонятных разговоров. Зрение становится нечетким, сейчас оно мне не так нужно. Время от времени слышатся резкие звуки, но в этот момент я думаю исключительно своей обонятельной луковицей:

Линии электропередач обгорели порваны здесь так как ветер внезапно изменил направление

Мокрая помятая трава влажная вскопанная почва в сточных водах химикаты возможно там была система очистки стоков у этих типовых домов но она засорилась

Старый добрый запах адреналина вызванный человеческой паникой тягучий запах только что извлеченного трупа но это не цель

Разломанный бетон расколотые доски из сосны намокшая фанера затопленная сломанная мебель

Ветер приносит резкий запах гари но постепенно он рассеивается

Обломки старых разрушенных домов которые разносит ветер но это к делу не относится

Девочка!

С севера очень слабо просачивается ее запах сквозь свежую зелень от ветвей сломанных деревьев но

Я передаю сообщение Кэрол.

"Нашла кое-что интересное. Обозначаю местоположение: север-северо-запад. — Я еще раз глубоко втягиваю носом воздух и подтверждаю: — Да, именно в ту сторону".

"Дождись подкрепления", — даже через СОД слышно, как тяжело дышит Кэрол.

Я не могу ждать. Я должна выполнять свою работу. Кэрол и Девин — ее полевой ассистент — смогут найти меня с помощью джи-пи-эс. Я должна следовать за этим запахом. Возможно, удастся отыскать Девочку.

Я перебираюсь через живую изгородь и уже теряю запах, но в эту минуту в воздухе мелькают воспоминания о Девочке, и моя голова поворачивается в сторону запаха так стремительно, что мышцы на шее сокращаются, прежде чем все остальное тело приходит в движение. Я стараюсь бежать как можно быстрее, насколько мне это позволяет мой нос, запах руководит каждым моим шагом, говорит мне, что делать дальше.

Мир вокруг меня почти полностью исчезает, остается только мой нос, запах и связка: раздражитель-реакция, пока рев фуры в двадцати метрах от меня не заставляет вернуться к привычному аудиовизуальному восприятию.

Я бегу вдоль забора из сетки-рабицы на границе

поселка. Местами ураган разрушил ограждение, и через образовавшиеся отверстия видны машины на шоссе, они притормаживают, чтобы лучше рассмотреть, какой урон нанесен этому месту. Фура снова гудит остановившейся перед ней машине.

Ее рев заставляет меня вспомнить о Мэке и о том, как пахла его кровь, когда она растекалась по асфальту. Я хорошо помню то ощущение, которое засело у меня под кожей, в моих мускулах, мне хотелось вымазаться в этом запахе. Собачий инстинкт. Мне не следовало останавливаться и смотреть на него, когда это произошло, но я должна была удостовериться в его смерти.

К моим нынешним поискам это не имеет никакого отношения. Я мотаю головой, чтобы вытряхнуть песок из глаз и снова поворачиваю морду к воздушному потоку, принюхиваюсь. Я передаю Кэрол мое местоположение — это просто напоминание, она знает, как меня найти, — и снова бегу к ветру.

Запах все еще здесь, но распознать его непросто; его непрерывный поток, его заводи, запруды и ручейки, все разметала погода, остались только фрагменты головоломки из цвета и ощущений. Возможно, человек с компьютером смог бы сло-

жить этот пазл в нужном порядке. Но время все приводит в движение и смахивает, сбрасывает, стряхивает, сдувает все следы, так что человеческие органы восприятия не в силах ничего уловить.

Собаки лучше компьютеров способны распутать подобный клубок. Но эти обломки человеческих жилищ и ураганы, которые год от года становятся все свирепее и случаются все чаще, а также постоянное желание выполнить работу как можно идеальнее — все это чересчур усложняет задачу даже для собачьего носа. По крайней мере для носа обычной собаки.

И вот здесь на помощь прихожу я. Вот почему я — хорошая собака, намного лучше Мэка. Вот почему Кэрол должна делать так, как я ей говорю.

Голос Кэрол снова звучит через СОД: "Мы с Девином в ста ярдах от тебя. Если след пересекает шоссе, не ходи туда. Сера, *не* ходи туда. Это приказ".

Прежде чем я успеваю ответить, ветер врывается в мой нос. *Девочка.*

Тоненькой струйкой запах цели окутывает мой обонятельный центр. Моя цель — это моя главная задача. На бегу я отправляю Кэрол направление своего движения. Автоматическая часть моего

мозга вспоминает инструкции по оперативной работе. Я обязана передавать относящиеся к заданию сведения моему проводнику, однако я должна выполнять приказы проводника только в том случае, если их можно счесть разумными. А сегодня лишь немногие из приказов моего проводника оказались разумными.

Я настолько сосредоточена на запахе, что почти ничего не вижу, часть моего мозга, отвечающая за зрение, практически не задействована. Запах ярче всех красок, особенно сегодня, когда все вокруг серое, а небо заволокли тяжелые тучи. Он как густой, липкий след, по которому так легко идти. Теперь, даже повернув голову, я не собьюсь со следа, а только почувствую, как он тянется и извивается во времени и пространстве. Он так станет даже еще сильнее, выделится на фоне остальных, зациклится на самом себе. Я знаю, что, если бы он двигался по прямой, это было бы совершенно иное движение. Я понимаю, как он изгибается и прерывается время от времени. Это все игра ветра.

Я подбегаю к тому месту, где запах образует завихрение. Более примитивная собака — обычная собака вроде Мэка — на моем месте замешкалась бы, растерялась. Я же прохожу через этот за-

пах-ловушку и забираюсь на полуразрушенную крышу. След слабо мерцает по другую сторону от нее, земля там прохладная и влажная под подушечками лап.

Через пять ярдов колебания воздуха снова возвращают отголоски прошлого, и я бегу по следу через густые заросли сосен, где сильно пахнет смолой. Я с головой ухожу в работу и буквально ощущаю дорогу, по которой бегу, это как зуд у меня в…

Девочка.

"Свидетельствую, — сообщаю я, пробираясь под поваленными ветром соснами, вдыхая запах сломанных деревьев. Иголки касаются моей морды. — Запах цели очень сильный".

Кэрол спрашивает: "Ты где?"

Вопрос не имеет отношения к делу. У нее есть доступ к джи-пи-эс.

След резко сворачивает влево

Важен запах именно этой Девочки

Запахи других детей — целая коллекция запахов маленьких живых людей на этом клочке леса смешиваются с запахом сломанных деревьев гниющего мусора листвы плесени…

Девочка.

Я перепрыгиваю еще через одно упавшее дерево

здесь сильно пахнет гнилью мои уши непроизвольно шевелятся потому что совсем рядом я слышу звуки издаваемые человеком я опускаю голову ниже под ствол дерева где чувствую знакомые запахи и сильный запах Девочки и…

Тревога

Девочка.

Цель обнаружена

Да

Я — хорошая собака

Цель Девочка тихо хрипит и говорит: "Помогите", я глубоко вдыхаю ее запах

Тревога

Но сможет ли Кэрол

"Все поняла, — отвечает Кэрол. — Мы сейчас будем".

Вот и хорошо

Я — хорошая собака

Я отправлю Кэрол мои джи-пи-эс координаты, чтобы еще раз подтвердить данные, хотя, судя по информации, которую предоставляет мне моя СОД, она сейчас примерно в ста ярдах от разрушенного поселка.

— Собачка, помоги мне, — говорит моя цель Девочка. Ее голос все равно что ветер: тихий и текучий. Еще одно отличное *"Все равно что"*!

Пахнущее гнилью дерево прижимает ее к земле посреди поломанных досок, разбросанных журналов и одеял в густых зарослях кустов и сосен, вдали от соседских домов. Она тянет свою маленькую ручку к моей испачканной грязью голове. — Хорошая собачка, — говорит она. — Я застряла. Помоги.

Здесь так много предметов, что моей команде может быть нелегко найти меня. Я отхожу от места, где находится моя цель — Девочка, и направляюсь на опушку леса.

— Собачка, — шепчет она. — Подожди, собачка, нет, подожди! — Ее голос становится хриплым и клокочущим, возможно, у нее повреждено легкое. Поэтому она не могла кричать и звать на помощь, ведь она оказалась так далеко от населенного пункта. Вероятно, ее жизни угрожает серьезная опасность. Только собака с улучшенным интеллектом смогла бы так быстро отыскать ее.

Я рысью выбегаю из сосновой рощи и направляюсь к ближайшей возвышенности — дренажной трубе около дороги. Теперь я слышу мою цель Девочку — ведь я специально прислушиваюсь к ней.

— Вернись! — всхлипывает она. — Собачка, помоги. Пожалуйста! Вернись.

Благодаря моему великолепному слуху, я легко могу отслеживать ее слабый голос и передавать информацию моей команде. "Тревога", — снова передаю я, хотя в этом уже нет необходимости. Я позволяю себе вильнуть хвостом.

Я — хорошая собака.

В тяжелом предгрозовом воздухе звуки распространяются странно. Со своего места в командирской палатке я ясно слышу лай какой-то маленькой гончей, примерно в миле отсюда. Однако шум генератора, работающего позади грузовиков нашей группы, кажется, доносится из какого-то другого времени и места, а ветер заглушает шум машин на скоростной автостраде. Я все еще могу расслышать разницу между ревом мотора грузовика, на котором ездит Кэрол, и маленьких автомобилей, а также больших фур вроде той, что сбила насмерть Мэка. Я хорошо знаю, какие звуки издают те машины.

Я кладу голову на лапы, и кажется, что я сейчас отдыхаю, а не прислушиваюсь. Наверху ветер бьется в крышу командирской палатки, которая покрывается рябью и надувается. Все равно что огромная собака пытается сделать подкоп, треплет брезент зубами и хочет пробраться внутрь.

Очень даже неплохое *"Все равно что"*.

Я придумала эту игру во *"Все равно что"*, когда еще находилась в Центре наук и информатики — ЦНИИ. То есть я не сама придумала, этой игре научила меня моя дрессировщица Дейси. Хотя на самом деле Дейси учила меня немного другому. Она объясняла мне, что "сидеть в тренировочном центре" — это все равно что "сидеть на парковке", а "найти коробку с нужным запахом" — это все равно что "найти человека с нужным запахом". Так что Дейси просто подала мне идею. А я придумала, как постоянно играть в эту игру с самой собой.

И эта моя игра не всегда связана с тренировками. Иногда она даже не имеет отношения к чему-нибудь реальному. Она может быть связана с моими размышлениями, которые позволяют мне отвлечься, когда Кэрол оставляет меня в моем вольере или привязывает к чему-нибудь, вот как сегодня.

— Я больше не хочу этим заниматься, — я слышу, как Кэрол говорит это Андерсу — нашему командиру. Она стоит спиной ко мне в противоположном углу командирской палатки, и я в общем-то прекрасно могу разобрать все, что она говорит. Судя по обстановке и по тому, как поднялось у нее давление, я делаю вывод, что

она злится, но не понимаю из-за чего. Поиски были успешными и быстро завершились. Наша команда отлично проявила себя. После гибели Мэка два месяца назад, я наконец-то заметила, что в поведении Кэрол начинают происходить перемены, она постепенно забывает, как работала с Мэком, и учится работать со мной. Ее не назовешь сообразительной ученицей, но все же прогресс есть.

Врачи грузят мою цель Девочку в "Скорую помощь" на парковке. Я слышу, как три дрона-стервятника спускаются, чтобы снять на видео, как ее везут на тележке-каталке. Шерсть у меня на загривке встает дыбом от недовольства. Я не боюсь дронов. Просто в моем случае срабатывает эффект "зловещей долины". Дейси объяснила мне, что "зловещая долина" — это такая концепция, когда "нечто очень похожее на меня, но все же не являющееся мной, вызывает у меня тревогу". А еще Дейси предупреждала меня, что многие люди относятся с такой же неприязнью к животным с улучшенным интеллектом.

Я не знаю, почему так происходит, ведь я ничем не отличаюсь от обычного палевого лабрадора среднего размера. Согласно всем опросам, палевые лабрадоры отлично воспринимаются в

обществе. Когда лабрадор находит жертву стихийного бедствия, то пострадавший испытывает к нему безотчетную симпатию, и его это утешает. Светлый окрас также лучше всего подходит для такой работы — ведь меня легко увидеть на темном фоне. Эту информацию я узнала в "Моданете" после того, как Дейси рассказала мне о лабрадорах, когда я была еще щенком.

Однако реакция людей на собак бывает непредсказуемой. Например, поговорим о том, как люди относились к Мэку. Он часто стремился к физическому контакту с другими членами команды, невзирая на их возражения. Мэк был довольно умен для обычного пса, и я не понимаю, почему он не слушался их. Ему говорили что-то вроде: "Фу, Мэк, убери от меня свою слюнявую игрушку, придурок!" Или: "Займись своими делами, большой увалень". Но если бы он слушался их, разве люди из нашей команды не стали бы любить его еще сильнее? У него даже не было оправдания вроде принадлежности к палевым лабрадорам. Он был огромной немецкой овчаркой с тяжелой темной мордой. Темные немецкие овчарки не должны вызывать такой безотчетной симпатии у людей, и я не знаю, почему все его обожали.

— С меня хватит, — говорит Кэрол. — Уволь ме-

ня, я серьезно. Андерс, отстрани меня от работы. Больше никаких поисков.

— Кэрол, — останавливает ее Андерс.

— Нет. Я не хочу с тобой спорить об этом. — Она указывает на меня, даже не оборачиваясь. — Это не то, ради чего я работала двадцать лет. Мне не нравится такое будущее.

— Перестань, вся проблема в подготовке, — говорит он. — Ты можешь научить ее более тесному сотрудничеству с собой.

— Но в таком случае использование улучшенного интеллекта становится просто бессмысленным! — Кэрол бросает рацию на складной столик. — Но, знаешь, ты прав. Проблема действительно в подготовке. Потому что это *она* учит меня, как проводить поисково-спасательные работы с собаками с УИ, а я этого не хочу.

— Прошу прощения, — говорит мужчина. Я смотрю на него. Он стоит у входа в палатку, от него приятно пахнет пряной едой. В руках он держит фотоаппарат, а на шее у него пропуск, который выдают представителям прессы. Он обращается к моим товарищам по команде: — Я могу сделать пару снимков собаки и ее проводника?

Андерс смотрит на Кэрол. Та вздыхает, пере-

шагивает через вентилятор и направляется ко мне, чтобы отстегнуть мою шлейку от ножки складного столика. Я виляю хвостом журналисту, стараюсь произвести на него хорошее впечатление.

Он с любопытством рассматривает меня.

— Она улучшенная, да? — спрашивает он. — Собака?

Кэрол смотрит через плечо на Андерса. В обязанности Кэрол входит общение с прессой, которой она должна обо мне рассказывать, ведь она — мой проводник, но, похоже, эта работа не вызывает у нее энтузиазма. Она с минуту колеблется. Я чувствую, как ей хочется вернуться к Андерсу и закончить их разговор, но Андерс уже отвлекся на планшет и рацию. Я никогда такого не видела — чтобы между ними установились такие напряженные отношения!

— Сера? — говорит Девин, стоящий снаружи.

Мужчина с фотоаппаратом, возможно, также почувствовал царящее в палатке напряжение и теперь смотрит на Девина с облегчением. Как и Кэрол. Я отлично считываю настроение людей по выражению их лиц; этому, помимо всего прочего, меня научили в ЦНИИ.

— Да, у нее улучшенный интеллект, — говорит

Девин. — Она — первая ПС-собака с УИ, работающая в полевых условиях в США. И вообще первая невоенная собака с УИ, которая выполняет какую-либо работу.

Фотограф с удивлением посмотрел на него:

— ПС?

— Простите. Поисково-спасательная. Сегодня Сера нашла своего седьмого человека, и она всего полгода как в нашей команде. Некоторые собаки за всю жизнь не добиваются таких результатов.

Мужчина нажимает какие-то кнопочки на своей камере, а затем наставляет ее на меня. Кэрол присаживается рядом со мной — мы с ней всегда фотографируемся в этой позе, а я смотрю в объектив и открываю пасть, чтобы высунуть язык и выглядеть так, как обычно выглядят домашние собаки — так проще завоевать симпатию людей.

— Поисковые собаки нечасто находят людей? — спрашивает мужчина. Слышится серия щелчков, сопровождаемых вспышками.

— Ну, мы все время занимаемся с ними, однако не так часто выезжаем на задания. Обычно — раза три-четыре за год. Однако эти ураганы… — Девин пожимает плечами, — просто безумие какое-то. ПС-бригады рассредоточены по всему региону. Полиция, военные — сейчас все задействованы

для разбора завалов и спасения пострадавших.

Мужчина глубокомысленно кивает. Теперь он совсем перестает обращать внимание на Кэрол.

— Какая кличка у собаки?

— Сера. С-Е-Р-А. От "Serendipity"[45]. А это — Кэрол Рамос, одна из основательниц команды и лучший кинолог Среднего Запада.

Кэрол перестает позировать, встает с корточек и снова пристегивает мою шлейку к столику. Она говорит мужчине:

— Очень приятно познакомиться. — Затем она поворачивается. Я слежу за ней взглядом. Андерс ушел из командирской палатки.

— Спасибо, — говорит ей вслед мужчина. Кэрол поднимает руку, но ничего не отвечает ему.

Девин подходит ко мне и хлопает по боку. Я уклоняюсь от физического контакта, но виляю хвостом в знак примирения. Он еще несколько минут разговаривает с фотографом, однако я не слушаю их.

Вместо этого я наблюдаю за Кэрол и Андерсом, они стоят около фургона и продолжают свою дискуссию, свой спор. Я напрягаю слух, но шум надвигающейся грозы мешает мне. Я слышу, как

---

[45] Примечания: 45
Интуитивная прозорливость (*англ.*)

усиливается ветер по мере того, как продолжает падать атмосферное давление, слышу тихое приглушенное ворчание машин на шоссе, время от времени прорываются человеческие голоса: высокие и лающие; шум городской жизни: машины, перестук обуви, звуки, издаваемые разными живыми существами и предметами, в том числе собаками и детьми, крики, — все это слышится вдалеке над разрушенным ураганом поселком. Но я не слышу звуков дикой природы. В такую погоду дикие животные предпочитают вести себя тихо.

Мужчина уходит, а Девин усаживается на складной стул Кэрол и ставит ноги на морозильную камеру. Он смотрит на меня и улыбается. Мне хочется пойти вслед за Кэрол, но я привязана к столику. Конечно, я без особого труда могу утащить столик за собой или отстегнуть от него шлейку (у меня крепкие зубы и проворный язык), но я прекрасно знаю — если шлейку пристегнули к какому-то предмету, значит, люди хотят, чтобы собака оставалась на месте. И я остаюсь на месте.

Кэрол смотрит на Андерса и качает головой. Она указывает куда-то одной рукой. Андерс пытается положить ей руки на плечи, но она той

же самой рукой отталкивает его. Она обводит взглядом припаркованные в ряд автомобили, перевалочную базу, палатку, в которой находится командный центр, и останавливает свой взгляд на мне. Андерс тоже смотрит на меня.

Я не знаю, что мне делать, когда они вот так на меня глядят. Обычно я хорошо определяю настроение людей по выражениям их лиц, но чтобы сделать какие-то выводы, мне нужно лучше знать контекст.

А что в данном случае мне известно? Почему они спорят? Поиски завершились удачно, пострадавшая жива, никто из участников команды не был ранен. Я считаю эту поисково-спасательную операцию моим личным успехом, потому что Кэрол отреагировала на мой сигнал тревоги в течение оптимального отрезка времени — пятнадцати секунд. Это была идеальная реакция проводника, намного лучше, чем в прошлые разы. Во время предыдущей операции Кэрол не отвечала на мой сигнал целых 3 минуты 57,12 секунды, это в шестнадцать раз превышало оптимальное время для обратной связи.

Кэрол часто ждет и не отвечает на мои сигналы тревоги, пока я не окажусь в ее поле зрения. На это может уйти от двенадцати секунд до двух

минут или даже больше. Она долго работала с Мэком, поэтому у нее выработалась привычка визуально отслеживать тревожные сигналы собак. По правде говоря, складывается впечатление, что, работая с Мэком, Кэрол полностью отказывалась от передовых методов, которым меня обучали в ЦНИИ. Но Мэка больше не стоит принимать в расчет. И на этот раз реакция Кэрол была вполне уместной.

Я проверяю заметки в СОД и убеждаюсь, что мое поведение не выходило за рамки допустимого. Я не обнаруживаю никаких аномалий.

До меня доносится высокий голос Кэрол, однако из-за ветра слова звучат нечетко. У нее напряженная поза, жесты выдают неуверенность. Она снова смотрит на меня через всю базу. Язык тела Кэрол указывает на то, что она сердита. Она сердится на меня.

Кэрол часто сердится на меня.

Кэрол старается избегать зрительного контакта со мной, почти не разговаривает со мной, только дает распоряжения и команды, а вот с Мэком она часто разговаривала. Она никогда не пытается меня погладить. Не бросает мне игрушку или веревку во время тренировок, не говорит мне, какая я гениальная или чокнутая, не смеется

надо мной, когда я начинаю кататься в траве, почувствовав волнующий запах. С Мэком у нее все было иначе.

Она не говорит мне: "Ты хорошая собака, Сера". Вместо этого она лишь бросает: "Хорошая работа".

Похоже, я не нравлюсь Кэрол.

Для успешного выполнения заданий собака и проводник должны хорошо взаимодействовать. Они должны быть отлично подготовлены, сосредоточены на работе, находиться в отличной физической форме. Я ничего не нашла в "Моданете" о том, что они должны друг другу нравиться.

Полагаю, что мои чувства по поводу всего происходящего просто не имеют отношения к делу.

* * *

Рев ветра за окнами отеля прерывает мой тревожный сон. Я сижу в своей клетке. На кровати темные силуэты Кэрол и Девина, они медленно дышат. Когда Девин пришел к Кэрол в номер, она сказала ему, что не хочет разговаривать, но они все равно потом разговаривали. Обсуждали сегодняшние поиски и ураган. Говорили о Мэке, о его дурном и странном поведении. Они смеялись, когда Девин притащил из ванной бумажные

салфетки. Потом они перестали разговаривать, а их биометрические характеристики изменились. После этого они легли спать.

Я должна отдохнуть, восстановиться после тяжелой поисковой операции, однако сегодняшние события не дают мне покоя. Кэрол сказала, что больше не хочет участвовать в поисках. Она заявила о желании уволиться. Если Кэрол уйдет в отставку, значит, и меня тоже отправят в отставку? Но мне ведь всего три года.

Я проверяю "Моданет". Все внесенные в базу даты отставки ПС-собак совпадают с датами отставки их проводников, либо даже предшествуют им. Разумеется, никакой информации о собаках с УИ там нет, ведь я такая первая.

В "Моданете" нет сведений и о собаках с УИ, которые служат в вооруженных силах.

Я вспоминаю, что Девин сказал сегодня фотографу о людях, которых я находила. Что некоторые собаки не способны добиться таких результатов за всю жизнь.

Атмосферное давление падает, и это указывает на то, что сейчас может сформироваться облако-воронка. Однако это падение нельзя назвать резким. Я уже собираюсь отправить Кэрол сообщение через СОД, но в эту минуту начинает

пищать рация.

Волна адреналина распространяется по мускулам, заставляя их сокращаться. Когда я слышу рацию, мой пульс ускоряется. Неожиданный вызов по рации может означать начало новой операции.

Кэрол первой приходит в движение, ритм ее дыхания меняется. Рация снова пищит, затем они с Девином быстро просыпаются.

Кэрол садится в темноте. Она постукивает пальцем по экрану рации и говорит:

— Рамос на связи.

Мне сложно разбирать, что говорят голоса по рации. У меня с этим всегда были трудности. Когда я еще находилась в ЦНИИ, Дейси объясняла, что такие затруднения часто встречаются у собак, и не стоит по этому поводу переживать. Но меня все равно это раздражает, я нормально воспринимаю только голоса, которые звучат в СОД, но понятия не имею, о чем сейчас говорят по рации.

Голос принадлежит мужчине, возможно, Андерсу, он говорит очень коротко. Кэрол и Девин переглядываются в темноте.

— Нет, все в порядке. Просто… нужно все обсудить — отвечает Кэрол. Девин соскальзывает с кровати, включает лампу на прикроватной

тумбочке и начинает собирать свои вещи. — Здесь? Ну… ладно. Два-ноль-четыре. Да, через пять минут.

Девин бормочет себе что-то под нос. Кэрол, шаркая ногами, уходит в ванную. Он несколько секунд ждет ее возвращения, и я чувствую, что он взволнован.

— Кэрол? — говорит он.

— Ты еще здесь? Андерс сейчас придет. Ко мне в номер. Нужно кое-что обсудить. Возможно, он захочет, чтобы ты тоже присутствовал.

— Господи ты боже мой! — говорит Девин, надевая ботинки. Он уходит, пока Кэрол все еще в ванной, и тихо закрывает за собой дверь. В ванной шумит душ. Затем он выключается, а меньше чем через минуту в коридоре раздаются шаги. Я уже знаю, что это Андерс, потому что чувствую его запах.

Это уникальный случай. Девин часто навещает Кэрол, когда команда выезжает на учения или задания, но Андерс к ней никогда еще не приходил. Не думаю, что он явился сюда по той же причине, что и Девин.

Кэрол выходит из ванной полностью одетой, и вытирает мокрые волосы полотенцем. Она открывает дверь.

— Прости за вторжение, — говорит Андерс. Вид у него такой, словно ему хочется сразу же уйти. Он *все равно что* кот, который, почуяв опасность, весь замер и напрягся.

Кэрол ходит по комнате и собирает в рюкзак свои вещи. Она откидывает одной рукой волосы на спину и закалывает их.

— Не нужно было приходить сюда, чтобы убедить меня отправиться на задание, — говорит она. — Я закончу эту миссию. Но после этого…

— Вообще-то, — перебивает ее Андерс, — я пришел убедить тебя не в этом. Точнее, не только в этом.

Жаль, что Кэрол не хочет выпустить меня из клетки! Она так беспокойно мечется по комнате, что и мне тоже хочется что-нибудь сделать, найти мою рабочую шлейку, принести ее Кэрол, сесть у двери и ждать.

Но Кэрол вдруг останавливается.

— Что?

Андерс делает несколько шагов.

— К нам поступил вызов, — он делает короткую паузу, — он… он не от наших метеорологических спутников. Это даже не спасательная операция. Это… — Он снова замолкает.

— Ух ты! — произносит Кэрол. — Ну давай, вы-

кладывай все подробности!

— Это связано с вопросами безопасности, — продолжает Андерс. — Полиция или военные вместе с их УИ-собаками сами должны были во всем разобраться, но, — он бросает взгляд на меня, — Сера ближе всех остальных собак с УИ находится к месту. Я имею в виду, в географическом плане. Все военные части, располагающие собаками с УИ, сейчас дальше к югу, занимаются ликвидацией последствий ураганов. Из-за погодных условий все полеты отменили, они просто не успеют добраться туда, а времени… времени совсем немного. Некоторые группы уже пытались выехать на место, но задержались. Сера единственная находится в зоне досягаемости.

Кэрол нагибается, чтобы надеть ботинки.

— Но она не военная собака, а ПС.

— Ты знаешь, она очень способная, — говорит Андерс сердитым тоном. Он прав. — Она может сделать все, о чем бы ты ее ни попросила.

— Значит, нужна Сера, а не я.

— Ты ее проводник, — возражает он. — Нужны вы обе.

Кэрол бормочет:

— Ей не нужен проводник, ей достаточно IT-поддержки.

Андерс смотрит на свои ботинки и глубоко вздыхает.

— И все равно — ты самый квалифицированный специалист для…

— Да, да, — говорит Кэрол. Она застегивает свой рюкзак и вешает его на плечо. — Я не хочу так работать. Мне не нравится, к чему все идет. Знаешь что, лучше бы эту работу поручили роботам. Тогда не было бы так обидно, что эта чертова собака выставляет меня, своего проводника, полной дурой!

Андерс смотрит на нее и ждет.

— Помолчи! — говорит Кэрол, хотя Андерс ничего не говорит. — Да, это в чем-то связано с гибелью Мэка. И нет, время ничего не исправило, ведь дело не только в том, что я потеряла Мэка. — Она показывает на меня: — Все наши следующие собаки будут такими. Принципы работы изменились, а я — нет.

— Технология все меняет, — говорит Андерс. — Я не могу заставить тебя принимать в этом участие. Я не могу принудить тебя. Но Сера все равно собака, Кэрол, а работа — это все еще работа.

— Нет, не так, — возражает она. — В работе важно наладить контакт. Между тобой и твоей собакой, вы начинаете думать и чувствовать как

единое целое. Все дело было во взаимосвязи. И эта взаимосвязь была главным. А благодаря этой чертовой штуковине, — она поднимает руку, на запястье которой закреплено устройство, позволяющее ей подключаться к моей СОД, — теперь все это стало ненужным. Она лишила меня самой любимой части моей работы.

— Ладно, — говорит Андерс. Он поднимает руки и пятится к двери. — Хорошо, Кэрол, я не буду с тобой спорить. По крайней мере не сейчас. Но в случае с этой поисковой операцией на карту поставлены не только жизни людей, но и безопасность государства. Давайте вы с Серой сначала все сделаете, а потом мы поговорим о твоем будущем?

Кэрол наконец-то открывает клетку. Мне тяжело сидеть внутри и ждать, пока она меня освободит. Но когда она все-таки выпускает меня, я иду к своей шлейке, царапая когтями ковер.

— Покончим с этим поскорее, чтобы я могла вернуться домой и зализать мои раны, — говорит она.

* * *

Мы едем около часа в грузовике Девина, Кэрол закинула ноги на приборную панель. Небо на

востоке постепенно светлеет. Утро хмурое, ветреное, и нет ощущения волнующего предвкушения, которое обычно предшествует выполнению нового задания. Девин снова пытается расспросить Кэрол о ее отставке, как и прошлой ночью, но она не отвечает на его вопросы.

Лучше бы Кэрол все же ответила ему. Мне тоже это интересно. И я хочу, чтобы Девин спросил ее, а как же твоя собака? Что будет с Серой после твоей отставки? Мне хочется, чтобы он задал ей этот вопрос, потому что я понятия не имею, что случится со мной после того, как Кэрол покинет поисково-спасательную службу.

Я не могу сама спросить ее об этом. Кэрол не любит разговаривать со мной.

В ЦНИИ прежде, чем меня отправили на выполнение оперативных работ, Дейси предупреждала, что я должна остерегаться людей, которые будут чувствовать себя не в своей тарелке рядом с собаками с УИ. Что новые технологии вызывают у людей тревогу и огорчение. И если у меня возникнут подозрения, что я общаюсь с человеком, для которого "зловещая долина" кажется слишком бескрайней, я должна притвориться и вести себя как обычная собака, чтобы не вызывать у этого человека чувство дискомфорта.

Дейси вряд ли тогда осознавала, что говорит о моем будущем проводнике. Я и сама не думала о том, что случится нечто подобное, пока не стало слишком поздно. И Кэрол испытывает в моем присутствии неловкость больше всех остальных людей, с которыми мне приходилось иметь дело. Нет, она потихоньку исправляется; я уже не чувствую страха в ее обеспокоенности. Но беспокойство все равно остается.

Дейси говорила мне, чтобы я старалась вести себя как собака. Это непросто, потому что хоть я в какой-то степени и собака, но вместе с тем и нечто иное. В общении с Кэрол я стараюсь держать это "нечто иное" при себе. Я говорю с ней только по мере необходимости, обычно, когда мы работаем. Не знаю, помогает ли мне это завоевать хоть немного ее симпатии.

Шины с тихим гулом катятся по дороге, лишь иногда начинают стучать, когда под них попадают швы на асфальте. Легкие капли дождя падают на лобовое стекло. Кэрол и Девин дышат, вздыхают и ерзают на своих сиденьях. Я один раз облизываю нос и громко зеваю. Биологическая реакция на стресс у собак. Если бы только люди в нашей команде могли читать мои сигналы так же хорошо, как я — их!

Я не часто вспоминаю Дейси, но сегодня я размышляю над советом, который она мне дала. Она мало что знала о ПС-службе, однако хорошо подготовила меня к общению с людьми.

Девин замедляет ход, и под колесами грузовика хрустит гравий. Я сажусь, выглядываю из моей клетки и вижу за окнами высокий забор. Я слышу шум грузовика вроде того, которым управляет Девин. Он медленно едет за нами и также сворачивает на посыпанную гравием дорогу, а еще здесь несколько автомобилей поменьше, возможно, полицейское сопровождение. Второй грузовик скорее всего означает, что нам в подкрепление направили еще одну ПС-команду, но перед отъездом я их не видела. Мы медленно тащимся по узкой дороге. Я сижу в клетке на заднем сиденье и вижу маленькую сторожевую будку. Две патрульные машины с выключенными двигателями преграждают дорогу.

Мотор нашего грузовика тоже замолкает. В тишине я слышу слабое жужжание над головой. И тут же определяю источник звука. Дрон, скорее всего полицейский дрон, который следует за нами вместе с полицейским эскортом. Этот звук похож на навязчивую чесотку внутри моей черепной коробки, в том месте, куда я не могу

дотянуться. Все равно как в тот момент, когда у тебя возникает желание чихнуть.

Отличное *"Все равно как"*. Добавлю его в мой список.

Второй грузовик тормозит перед нами. Из него доносится голос Андерса.

Андерс. Это довольно неожиданно. Наш командир Андерс обычно остается на базе и удаленно руководит рассредоточенными на местности командами, распределяет ресурсы, принимает запросы и указания от служб экстренного реагирования, улаживает другие жизненно важные моменты. Однако на это задание он поехал вместе с нами.

Ворота с грохотом открываются, патрульная машина начинает отъезжать, пропуская нас. Жужжание дрона над головой становится громче, и когда я поднимаю голову, то вижу его черный силуэт на фоне низких облаков, словно ползущее по потолку насекомое.

Мы едем дальше еще несколько минут, за окном маячит этот маленький шпион, виднеются затопленные сжатые поля, и время от времени попадаются какие-то служебные постройки. Мы проезжаем еще один контрольно-пропускной пункт, но полицейские машины больше не пре-

граждают нам дорогу, а стоят в отдалении. Я вижу дымящие трубы и низенькие безликие строения.

Теперь гул раздается от чего-то, расположенного на земле. От него шерсть на моей спине поднимается дыбом. К тому времени, когда мы подъезжаем к постройкам с их дымящими трубами, у меня уже вибрируют кости и желудок, а кожа под вздыбившейся шерстью покалывает.

Когда наш конвой останавливается, все, кроме меня, выходят из машины. Через вентиляционное отверстие в моем контейнере-клетке я наблюдаю за тем, как Кэрол, Андерс и Девин идут вслед за двумя одетыми во все черное рабочими в здание, а ветер хлещет им в лицо.

Сейчас моя задача — отдохнуть, набраться умственной и физической энергии перед предстоящей работой. Но меня нервируют эти вибрации и не дают покоя мысли, не покидающие со вчерашнего дня.

Кэрол не любит общаться со мной через СОД. Она не любит *меня*. Она предпочитает работать по старинке, когда собака представляет проводнику несовершенную обратную связь с помощью языка тела, а проводник интерпретирует эти сигналы в меру своих способностей. И Кэрол нравится такая неэффективная работа, потому

что так ей кажется, что между ней и собакой возникает *взаимосвязь*.

СОД позволяет установить прямую связь между моим мозгом и ее, но такое взаимодействие ей не по душе.

Я не могу подобрать удачного сравнения для взаимосвязи, которую она имеет в виду.

Почему она предпочитает такую неэффективную работу и нечеткую коммуникацию, когда собаки с УИ объективно гораздо лучше? Я этого не понимаю. Но мне хочется продолжать работу. Хорошо справляться со своими обязанностями для меня так же важно, как для Кэрол иметь эту взаимосвязь.

Но как сделать так, чтобы обе эти цели были достигнуты?

Слышатся шаги, они приближаются к грузовику, но дверь открывает Андерс. С ним женщина в темной одежде — такой же аккуратной и практичной, как и то, что носят участники ПС-команд. Андерс открывает мой контейнер и спокойно, без спешки пристегивает поводок. Он знает, что меня не нужно хлопать по спине. Всем в нашем ПС-отряде известно, что мне это не нравится, и Андерс умеет себя контролировать, поэтому никогда не позволяет себе ничего подобного, в отличие от

Девина. По команде Андерса я выпрыгиваю из машины.

Мы находимся на посыпанной гравием парковке посреди размытой дождем прерии. От огромных труб поднимается пар с металлическим запахом. Ветер пролетает мимо моего носа, принося запахи сломанных стеблей, растоптанной травы, влажной земли, и все это смешивается с сильным запахом озона. После напряженного часа, проведенного в душном грузовике, этот дующий в морду свежий ветер вызывает у меня восторг.

Еще один человек в темной одежде наблюдает за нами, стоя у дверей, за которыми исчезли члены моей команды. Он осматривает окрестности через армейские очки с толстыми линзами.

— Это Сера, — говорит Андерс женщине. — Сера, это Анджела Вейл. Она руководит поисками и хотела бы познакомиться с тобой.

Я понимаю его речь без СОД — даже мозг обычной собаки способен распознавать образы слов, пускай они и не понимают их смысл так же хорошо, как я. Однако я не могу ответить. Только у Кэрол есть интегрированный нейронный маршрут, подключенный к моей базе данных. Поэтому я выбираю самый простой язык для вежливого

приветствия — сажусь.

— Она говорит вам "Привет", — переводит Андерс.

Анджела тянет ко мне руку. От нее исходит запах чистящего средства для людей, в котором явно ощущается химическая отдушка — "Моданет" определил бы это как попытку имитации растительного запаха для слабого человеческого обоняния. Я делаю все, что в моих силах, чтобы не отпрянуть от ее прикосновения.

— Вы уверены, что ее опыт работы в ПС-службе не скажется на результатах поиска?

Андерс качает головой.

— ЦНИИ проводит тренировки по той же самой программе, по которой готовятся и ваши собаки. Только процесс воспитания слегка различается.

Анджела берет меня за ухо и нежно треплет его. Я продолжаю терпеливо сидеть, но бросаю на Андерса недобрый взгляд. Он ловит его и отворачивается.

— Без сомнения, потребуется большая… самоотдача. Чтобы довести дело до конца.

Андерс усмехается.

— В таком случае эта собака лучше всего подходит для работы. — Он приседает на корточки напротив меня. К счастью, Анджела убирает

от меня свои руки и отходит. — Сера, задание предстоит сложное. — Мне всегда нравилось, как Андерс со мной разговаривал. Он засовывает руку в карман своей рубашки и достает оттуда флешку, которую присоединяет к интерфейсу моей СОД, внедренной в мою шлейку. Мой мозг получает защищенное паролем досье с пометкой: "Доступ ограничен".

— Параметры непростые, новые поисковые элементы, а также незнакомая среда, — говорит он, — все будет происходить под землей.

Я открываю пасть и начинаю дышать ртом. Андерс проводит краткий инструктаж без проводника. Прежде вся информация, которую я получала от Кэрол перед началом поиска, ограничивалась образцами запахов и полицейскими отчетами. Мне становится интересно, что в том досье с "ограниченным доступом".

— Кроме того, ты должна будешь не только обнаружить объект, но и задержать его. Кэрол сообщит тебе минимальную информацию. В этом файле есть особо секретные сведения, доступ к которым будет только у тебя. Кэрол знает про твою цель, но ей неизвестны детали, которые понадобятся тебе во время работы. Ты должна будешь держать часть информации от нее в сек-

рете. Понимаешь?

Он вытягивает обе руки. Правая рука — для ответа "да", левая — "нет". Участники команды часто играли со мной в эту игру, когда я только начала с ними работать, и мой интеллект вызывал у них удивление.

Я тыкаюсь носом в его правую ладонь.

— Хорошо. Анджела сообщит тебе пароль, чтобы открыть досье. Уничтожь его, как только получишь всю информацию. Не нужно сохранять его в базе данных, просто держи его в своей биологической памяти. Ты поняла?

Словно зачарованная, я перевариваю эту информацию примерно полминуты, затем снова тыкаю носом в его правую ладонь.

— Хорошо. Анджела?

Женщина наклоняется ко мне и вводит пароль на интерфейсе моей шлейки. Пароль мигает в моих мыслях.

Я открываю досье.

С неба спускается дрон и низко зависает над нами. От его жужжания у меня начинает сосать под ложечкой. Я быстро моргаю, стараясь усвоить информацию, как будто она находится перед моими глазами, и это моргание помогло бы мне лучше рассмотреть ее.

Затем я смотрю на Андерса. Он с тревогой наблюдает за мной.

— Сера, у тебя есть вопросы?

Я обдумываю содержимое досье. Теперь это уже не просто сохраненные файлы, а часть моего жизненного опыта, как будто я сама стала свидетельницей всех событий, или мне рассказали о них. Архитектурный план термоядерной электростанции, все детали ее работы: от расписания очистки до устройства системы вентиляции, кондиционирования и обогрева. А еще там несколько образцов запахов, в том числе запах домовых крыс и кремниевых филаментов.

Информация очень любопытная, от волнения у меня даже урчит в животе. В словах Андерса было что-то непонятное? Эти сведения смущают меня?

Нет. Я касаюсь носом его левой ладони.

— Замечательно, — говорит Андерс. Он распрямляется и поворачивается к Анджеле. — Мы готовы.

Мы направляемся в сторону здания, и гудение, исходящее от него, усиливается по мере нашего к нему приближения. Паровые трубы возвышаются над нами словно гигантские мертвые деревья.

Кэрол ждет нас в коридоре. Андерс передает ей

мой поводок. Гул здесь еще громче, физические ощущения — ярче, и пахнет жилым помещением: кофе, средством для мытья посуды, чернилами и бумагой, фильтрами для очистки воздуха. Анджела, от которой пахнет чем-то кислым, проводит нас в переговорную комнату, где в мусорной корзине лежит банановая кожура.

Там еще две собаки, которые поворачивают ко мне морды, когда я вхожу. У них нет УИ. Девин тоже здесь, а еще — много мужчин и женщин в темной форме.

Кэрол садится рядом с Девином и смотрит на Андерса такими же глазами, которыми она глядела на Мэка, когда тот выплывал с кухни с невероятно довольным видом. Ее лоб наморщен, губы сжаты в тонкую линию. Андерс не обращает на нее внимания и встает у стены позади нас.

— Ну и что все это значит? — спрашивает ее Девин, показывая на меня кулаком. Кэрол смотрит на него и качает головой.

У меня появляется вероломная мысль. Я могла бы втайне поделиться с Кэрол информацией — всем сразу, или только частью, или вообще ничем не делиться, но рассказать правдоподобную ложь. Возможно, тогда бы Кэрол почувствовала *взаимосвязь* со мной.

Я принимаюсь анализировать эту идею. И чем больше я об этом думаю, тем сильнее крепнет мое убеждение, что ничего у меня не получится. Какой бы секретной ни была эта информация, она — ужасно скучная. Схемы, запахи, карты. И Кэрол могло не понравиться то, что я собиралась ей сказать. Поэтому я откладываю эту идею на потом и принимаюсь слушать инструктаж. Мне нужно выяснить, что известно Кэрол.

Анджела сообщает некоторую информацию, которую я уже знаю из досье. Мы сейчас находимся над Среднезападной термоядерной установкой — самым большим генератором термоядерной энергии в мире. Вчера в 21:35 служба безопасности зафиксировала нарушение в работе коммуникационной системы, а вскоре после этого был потерян контроль над системами, находящимися под третьим подвальным помещением, в том числе над автоматизированными системами поддержки, а также над всеми дронами; вскоре после этого произошло незаконное проникновение на территорию объекта; охране удалось задержать двух мужчин и одну женщину у северо-восточного входа в здание, на допросе в полиции эти трое зачитали манифест организации "Сильные голоса в поддержку безмолвных".

— Ни хрена себе! — шепчет Девин. Анджела пристально смотрит на него. Проводник по другую сторону стола громко хохочет.

— А разве, — говорит он, — на этой станции содержат обезьянок и морских свинок? Что они тут вообще забыли?

Анджела сердито смотрит на говорившего и откашливается.

— В своем манифесте они заявляют, что их цель — добиться экстренного закрытия станции. — Проводник фыркает, а на лице Анджелы возникают новые морщины недовольства. — И поверьте мне, это будет настоящей катастрофой. После полного отключения генератора, потребуется не менее шестидесяти часов, чтобы снова вернуть его уровень производительности хотя бы на пятьдесят процентов от нынешнего показателя. Генератор полностью обеспечивает энергией семь штатов и является основным поставщиком энергии еще для шести штатов. Примерно для четверти территории США. Хуже того, во многих регионах сейчас объявлена чрезвычайная ситуация из-за серии ураганов, с последствиями которых вам приходилось разбираться в последнее время. Людям нужно заряжать свои машины, чтобы они могли покинуть затопленные райо-

ны или переехать из разрушенных домов. Им требуются места для временного проживания. Больницам приходится работать в полную силу. Ситуация очень серьезная.

Мужчина ничего не отвечает, и я облегченно вздыхаю.

— "Сильные голоса", — продолжает Анджела, — весьма серьезная организация. Несмотря на легкомысленное отношение общества к этой структуре, за последние пять лет количество членов этой радикальной группировки выросло почти в два раза. У них отличное финансирование. Они действуют очень эффективно. Может быть, лет десять назад они и были сборищем хиппи, престарелых любительниц кошек, и веганов-студентов, но теперь все изменилось. За последние два года "Сильные голоса в поддержку безмолвных" совершили несколько нападений на крупные компании и организации, которые стараются не предавать широкой огласке свою деятельность. Группировка официально так и не взяла на себя ответственность за те атаки. И раз они предпочитают молчать, значит, у них есть на то особые мотивы, а вовсе не страх, паника или нежелание привлекать внимание прессы. Если они не хотят, чтобы об этих историях стало

известно широкой общественности, мы тоже не станем их афишировать. Не хватало нам еще в довершение ко всему посеять панику из-за риска экологической катастрофы.

— Люди точно заметят, если на четверти территории Америки отключится электричество, — говорит женщина, сидящая с противоположной стороны стола.

Анджела смотрит на нее, но не с таким хмурым видом, как на мужчину-проводника.

— Разумеется, — соглашается она. — Они меняют правила игры. Мы пока не знаем почему, однако это важно.

— Но, — говорит Девин, — вы же задержали их. Я понимаю, им удалось взломать вашу компьютерную систему. Но что мы сейчас должны искать?

В ту же секунду перед моим мысленным взором возникают образцы запахов: домовые крысы, кремниевые филаменты и что-то еще, только я не могу понять, что именно. Но что-то знакомое, заставляющее меня думать о *работе*, о *цели.*

— Примерно час назад один из шести реакторов в установке был отключен от Интернета. Произошло аварийное отключение, которое невозможно было остановить из-за… повреждений в системе

электрооборудования. Перед этим мы заметили ряд мелких нарушений во внутренней системе безопасности. Мы считаем, что эти трое задержанных успели запустить что-то в станцию.

— Дрон, — говорит Кэрол. — Вот же дерьмо!

Это не просто дрон.

Кэрол говорит тихо, но Анджела все равно ее слышит. Теперь Анджела смотрит на Кэрол.

— Да, — говорит она. — Скорее всего речь идет о биологическом дроне. Крысе.

— Боже, — шепчет Кэрол.

— Хм, — говорит проводник, который уже брал слово прежде. — А зачем этим "Голосам в защиту безмолвных" понадобились дроны-крысы?

— "Сильным голосам", — поправляет его Анджела, а затем продолжает: — Дрон вывел из строя реактор B. Мы подозреваем, что теперь он находится около реактора C, так как реактор A тщательно охраняется. Команды с обычными собаками обеспечат поддержку группам, которые охраняют реактор A. Мы должны сыграть на опережение и нейтрализовать дрон, прежде чем он вызовет новые сбои в работе станции. Вот здесь нам и понадобится помощь собаки с УИ. — Анджела смотрит на Кэрол. — Реактор D сейчас отключен на техобслуживание. Добавьте сюда

реактор B, и получается, что в данный момент станция работает только на 66 процентов. Если уровень упадет ниже 50 процентов, это будет означать серьезные неполадки на станции. Ниже 33 процентов — это уже катастрофа.

Она глубоко вздыхает и обводит взглядом всех, кто находится в комнате, однако старается не смотреть в глаза болтливому мужчине-проводнику.

— Итак, — говорит она. — Приступим.

Мы спускаемся по лестнице, здесь пахнет цементными блоками и мочой — на лестницах в подвал так часто пахнет — затем мы с Кэрол оказываемся в ярко освещенном коридоре. Тут вообще ничего нет, кроме торчащих с обеих сторон дверных ручек.

Мы одни. Прежде чем мы вышли из переговорной комнаты, Андерс остановил Девина.

— Дев, ты останешься наверху со мной. Кэрол сможет обойтись и без провожатых, — сказал он.

Вероятно, они стараются не обсуждать в открытую, насколько ограничен их доступ на станцию и к реакторам. Я даже сомневаюсь, что Андерс располагает такими же полными сведениями, как и я.

Я снова возвращаюсь к своей вероломной мыс-

ли, которая посетила меня во время инструктажа. Но не вижу особого смысла делиться всеми этими секретными сведениями, которые я получила, в большинстве своем это разные схемы, списки оборудования, всякие мелкие детали о работе станции. Безусловно, это важная информация, но вряд ли Кэрол найдет ее интересной или полезной.

Можно было бы что-нибудь выдумать, но я даже не знаю что. Это может привести к обратному эффекту. Я не готова рисковать, пока не буду уверена, что оно того стоит.

Я могла бы притвориться, что волнуюсь перед предстоящими поисками. Захват объекта — это совершенно новая для меня задача. Можно было бы обдумать эту мысль, но она мне не кажется особенно блестящей. Когда я в последний раз продумывала сложный секретный план, то сразу почувствовала, насколько это блестящая идея, едва она посетила меня. Так что лучше подождать, когда у меня снова возникнет подобное ощущение.

Пол в коридоре выложен белой гладкой плиткой, на ощупь и, судя по его температуре, синтетической, а не керамической. Стены и потолок также белые. Везде чистота и порядок,

а тщательно закрытые двери придают этому коридору сходство с заброшенным больничным отделением, где моя команда устраивала учения в прошлом году. Но запахи здесь совсем другие. В заброшенной больнице пахло болезнью и лекарствами, а здесь пахнет пылью и земными недрами, а еще тут почти нет посторонних шумов. Мы спустились на семь этажей вниз, поэтому сюда не доносится никаких звуков сверху, только глухой вибрирующий гул. Я ощутила этот гул моими костями и глазными яблоками, когда Девин только свернул с шоссе, а теперь он достиг такой высоты и силы, что у меня начинают зудеть десна.

Но есть и другие звуки, просто они тише: жужжание, щелканье и шорохи небольших механизмов, которые продолжают работать. Станция укомплектована целой армией дронов-рабочих — "Сильные голоса" взяли их под контроль и могут использовать в своих целях. В моем досье указано, что они находятся под наблюдением и занимаются своими привычными делами, однако проявляют странную склонность сбиваться в группы.

Я отдергиваю лапу, когда вижу маленького дрона-ремонтника, который быстро бежит у сте-

ны и тащит на своей плоской, как у жука, спине вентилятор для охлаждения процессора. За ним следует другой дрон, еще меньшего размера. Я с трудом сдерживаюсь, чтобы не броситься на это, похожее на мышь, существо и не проглотить его, в груди у меня начинает клокотать рычание. Это мельтешение нервирует меня. Мой взгляд следует за ними, все равно как когти на задней лапе вытягиваются вдоль того места, которое особенно сильно чешется. Ну да, еще одно *"Все равно как"*.

Я бы вообще предпочла не испытывать подобных чувств. Но что поделаешь, таковы издержки собачьей жизни.

Я тихо скулю. Гудение станции почти полностью заглушает этот звук.

— Сера? — говорит Кэрол.

Она не задает вопрос, поэтому я ей не отвечаю.

Мы идем до конца коридора, а потом снова начинаем спускаться по лестнице. Здесь есть лифты, но мы должны избегать их, поскольку система была взломана. Мы спускаемся еще на одиннадцать лестничных пролетов. Согласно СОД, мы сейчас находимся на глубине шестидесяти двух метров под земной поверхностью. Уши закладывает от давления. Кэрол тяжело дышит, хотя для своего возраста она в отличной физиче-

ской форме.

Гул реактора здесь становится еще сильнее. Кэрол открывает дверь пожарного выхода, и звук снова усиливается. Рядом с дверью — стойка с маленькими наушниками, вероятно, чтобы заглушить шум. Кэрол останавливается, берет наушники и подключает их к своей СОД.

Я несколько раз встряхиваю головой, чтобы избавиться от заложенности в ушах, а также надеюсь, что шум станет чуть тише. Ничего подобного не происходит; просто я начинаю привыкать к нему.

— Сера, — говорит Кэрол. Вероятно, ей удается перекричать гул в подземелье. — С тобой все хорошо?

"Этот шум, — отвечаю я. — Сбивает с толку".

— Ты сможешь работать?

"Я смогу работать", — я отвечаю на автомате, но решаю приложить все усилия, чтобы у меня получилось. Во время поиска я полагаюсь на свой слух. И хотя от этого шума у меня мурашки по коже, я могу сосредоточиться настолько, чтобы расслышать любой, малейший звук, доносящийся сквозь этот гул. У меня феноменально острый слух. И, несмотря на все затруднения, я не утратила его.

Согласно полученному плану, нужный нам канал доступа к коридорам и туннелям для обслуживания внутреннего контура реактора находится на этом этаже.

Кэрол стучит пальцем по экрану своей рации и возмущенно качает головой.

— Сигнал не проходит, — говорит она.

Я знала, что связи здесь не будет. Думаю, и она об этом знает, но все равно нужно было проверить. Похоже, люди намного больше боятся потерять доступ в Интернет, чем я — к "Моданету". Вероятно, это связано с тем, что возможности "Моданета" весьма ограничены, в то время как Интернет представляет безграничные возможности для связи, социального общения, а также поиска информации; он дает людям ощущение, что они смогут решить любую проблему, если только получат дополнительную информацию и смогут привлечь к решению как можно больше других людей. Однако я знаю, что мне нужно полагаться только на себя. Я никогда не видела Интернет, разве что мельком на устройствах людей, и не переживаю из-за того, что не могу прибегнуть к его помощи.

Когда я проходила обучение, Дейси говорила мне, что я не должна смотреть на мониторы, вот

я этого и не делаю. В ЦНИИ, если ты посмотришь один раз на монитор, получишь вербальное предупреждение. Если посмотришь еще раз — получишь предупреждение, и тебя на время отстраняют от работы. А также лишишься разных привилегий вроде возможности поплавать в свободное время. Если ты — молодая, полная сил собака, то это ужасно неприятно, когда тебе не позволяют поплавать в свое удовольствие.

В конце светлого коридора из открытой двери вылетает дрон размером с воробья. Он летит вдоль стыка стены и потолка, ныряет в следующую дверь и скрывается из виду. При этом он издает ужасные звуки, похожие на жужжание осы.

Все мое тело напряжено. Здесь слишком много всяких раздражителей.

— Эй, — говорит Кэрол. — Все хорошо. — Она пристально смотрит на меня, и мне кажется, что она пытается не только успокоить, но и предупредить о чем-то. Я пытаюсь немного расслабиться, чтобы она не замечала моего напряжения.

Мы идем дальше. Я стараюсь не отставать и следовать за ней, но с каждым шагом чувствую себя так, словно бреду по грудь в воде. Я вхожу за Кэрол в комнату, где мы маневрируем между

лабораторными столами, пока не оказываемся в просторном складском помещении. На двери — кодовый замок, но есть и обычный замок с дверной ручкой. На кодовом замке мигает оранжевая лампочка, однако Кэрол не обращает на нее внимания и достает ключ. Она отпирает замок почти бесшумно.

Дверь открывается, и мы оказываемся в коридоре с решетчатым полом и бетонными стенами. Он очень узкий и тускло освещен. Три дрона размером с собачьи лапы бросаются врассыпную от открытой двери. Другие — размером с голубей — с писком летят под потолком. Один из них вдруг пикирует вниз и прямо у меня на глазах из него появляются колесики, а летательный аппарат втягивает корпус, после чего он, ни на секунду не останавливаясь, продолжает движение по полу.

— Блин, — говорит Кэрол. Она тоже наблюдала за дроном. — Думаю, они пытаются отвлечь наше внимание от передвижения их дрона. Черт, Сера, ты точно справишься?

"Я смогу работать", — снова повторяю я, и ответ приходит быстрее, чем я успеваю его обдумать. Но, даже обдумав, я не меняю его.

Я делаю шаг вперед и замираю. Я чувствую, как мой голос рвется из груди, пытаюсь помешать

этому, но не могу. После появления всех этих дронов он словно начинает жить своей жизнью, так что у меня щиплет в глазах, а во всех суставах ощущается зуд. Я заставляю себя снова двигаться вперед навстречу всему этому мельтешению в коридоре. У меня получается, я могу идти, но мой голос все же вырывается наружу тихим, похожим на стон, рычанием.

Мимо нас следует дрон-уборщик, он огибает меня и с чавканьем проходится своей щеткой-валиком по решетке перед собой.

Я открываю пасть и тяжело дышу. Чувствую запах тревоги в своем дыхании. По крайней мере я не могу скулить, пока у меня так широко раскрыта пасть. Жужжание и скрежет, издаваемые дронами, наполняют узкий коридор, эти пронзительные звуки слышны даже через глухой бесконечный стон станции.

Я вздрагиваю, когда что-то теплое касается моей спины — Кэрол кладет руку мне на холку. Я поднимаю морду.

— Соберись, девочка, — говорит она.

Хоть я и не люблю, когда ко мне прикасаются, но этот ее жест мне нравится. Меня он успокаивает.

Обычно Кэрол даже не пыталась приласкать

меня. Ласки всегда доставались Мэку.

Я начинаю понимать, почему он так раболепно обожал ее.

Часто бывает, что внешние раздражители перестают отвлекать меня после того, как я к ним привыкаю. В данном случае это громкое гудение моторов термоядерной станции. Со временем мои органы чувств привыкают к этому новому состоянию, и я снова могу задействовать в работе свой слух.

Однако в отношении сильных зрительных раздражителей в виде дронов ситуация складывается иначе. Они по-прежнему все время попадаются на пути. Теперь их стало меньше, но все равно они следуют мимо не реже, чем раз в десять секунд. Идти по этим кишащим дронами туннелям подземных коммуникаций и при этом пытаться разглядеть среди них мою мишень — это все равно что стоять на сильном ветру с широко раскрытыми глазами, которые при этом ничем не защищены. Я чувствую себя разбитой.

Неплохое *"Все равно что"*, но я слишком подавлена, чтобы заносить его в свой список. Я должна отвлечься от всего этого. Мне нужно работать.

Туннель соединяет реакторы D и C. Реактор B был отключен примерно два часа назад. Моя

цель, вероятно, находится где-то около реактора С, хотя охрана станции и обычные собаки с проводниками не смогли ее обнаружить. Они очистили помещение, чтобы ничто не мешало нашей с Кэрол работе. Но туннель в несколько километров длиной и огибает паровую трубу реактора С.

Кэрол снова кладет руку мне на загривок. Ее прикосновение лишь чуть-чуть успокаивает меня.

— Проверь здесь, — говорит она, указывая на щель под стыком двух несущих балок. Я так рассеянна, что прошла мимо.

Ужасно стыдно, когда ты что-то пропускаешь, но я благодарна Кэрол за ее внимательность. Главное для меня — хорошо выполнить свою работу. Я проверяю место, на которое указывает Кэрол, и сосредотачиваюсь, чтобы ничего больше не пропустить.

Я узнаю стиль работы Кэрол. Теперь она проводит поиск вместе со мной точно так же, как она работала когда-то с Мэком. Кэрол нравится такой неэффективный грубый труд, с моим появлением в команде она утратила возможность работать подобным образом.

Эта мысль заставляет меня ненадолго оста-

новиться. Кэрол тоже замирает и внимательно смотрит на меня. Она пытается распознать какие-нибудь сигналы, потому что этот поиск не похож на работу с собакой, обладающей УИ. Это благодаря таким поисковым работам она и любит работу в ПС-службе.

Я снова иду вперед, стараясь не подавать никаких ложных сигналов о том, что якобы напала на след. Вместо этого я следую за идеей.

Возможно, сейчас не время становиться такой, как прежде.

Возможно, мне и дальше следует прибегать к помощи Кэрол.

Она уже начала иначе вести себя со мной. Возможно, она почувствовала взаимосвязь, которой ей так недоставало. Может быть, она думает, что мы с ней и дальше сможем работать в команде Андерса, пока мое тело не подведет меня, и я не уйду на пенсию по состоянию здоровья, как и обычная ПС-собака.

Я могу сделать так, чтобы у Кэрол пропало желание уходить в отставку.

Но не исключено, что для этого понадобится что-то еще, а не только моя потребность в ее помощи. Это может положить начало возникновению необходимой взаимосвязи, но как поддерживать

ее постоянно? Я не могу день за днем мириться с этой неэффективной и медлительной манерой работы. Однако в данный момент мне нужна ее помощь, поэтому я должна использовать сложившуюся ситуацию к своей выгоде.

Несмотря на то что все эти мысли тревожат мой разум, я машинально останавливаюсь, когда нос заставляет тело повернуть влево. Все мысли тут же исчезают. Я не сосредотачивалась на зрительных образах, в них нет особой пользы из-за дронов, которые постоянно мельтешат под потолком, выползают из трещин и щелей на стенах и в полу, пикируют сверху.

Я прислушиваюсь, не обращая внимания на глухое гудение станции, хотя уже понимаю, что след был оставлен здесь несколько минут назад и нужный мне объект сейчас скорее всего находится вне зоны слышимости. Но основные мысли сосредоточены на носе — я нюхаю, стараюсь распознать запах.

"Интересно", — передаю я.

— Я вижу, — говорит Кэрол. Ее голос звучит довольно. Она по привычке достает рацию, чтобы передать сообщение, но затем убирает ее в карман, вспомнив, где мы находимся.

Я начинаю искать источник запаха.

Крыса — отвратительный мерзкий грызун, запах мочи и кала из переваренной клетчатки, а также еще чего-то, и этот запах совсем слабый, не соответствующий тем образцам, которые мне предоставили, но близкий к нему, это не обычная крыса, по крайней мере не крыса, которая живет здесь и пропиталась запахами цемента, бензина и чистящих средств, а крыса, жившая в доме или лаборатории, она хорошо питалась, и… там есть что-то еще, и я не могу… странно, но мне никогда еще не доводилось искать биологический дрон, и я

Запах начинает рассеиваться, исчезать, воздух здесь подвижен, перепады температуры и легкие сквозняки гонят его по разветвляющимся коридорам через пространство и время, создавая причудливые завихрения, в самое тихое место, и на четырехстороннем перекрестке запах все еще ощущается, но

Его перебивает кисловатый запах обгоревшего электрического провода, скорее, нужно постараться найти запах

Под перекрестком находится вентиляционная шахта, воздух поступает вверх, и невозможно определить, в какую сторону двинется воздух с нужным запахом

Не так уж и невозможно, но…

Кэрол позади меня, она не стоит на пути у запаха, она умеет остановиться так, чтобы не мешать мне

Крыса.

Размякшие от времени молекулы здесь чуть плотнее, они снова опускаются на решетку, как пучки вылинявшей шерсти

Чем дальше я иду по туннелю, тем слабее и слабее запах, но я уверена, что это тот самый туннель, ошибки быть не может, я с силой втягиваю воздух, я уверена, что это

— Сера, — говорит Кэрол, но я продолжаю нюхать воздух и не реагирую, поэтому она повторяет: — Сера.

Еще тридцать футов туннеля пройдено, запаха нет, но я уверена, что его источник где-то здесь, он должен быть здесь, след был таким явным

— Давай посмотрим в другом ответвлении. Если там ничего не окажется, Сера, мы можем вернуться.

Она даже берется за ручку на моей шлейке, я сначала напрягаюсь и начинаю сопротивляться, чего никогда прежде не делала. Кэрол пытается утащить меня, хотя я взяла след. Я сбита с толку. Почему она не доверяет моему носу, ведь я

— поисковая собака, а она — проводник, это я говорю ей, куда ведет след, а она должна делать на основании этого выводы. Мое сердце сильно бьется. Я иду за ней, но с трудом сдерживаюсь, чтобы не вернуться обратно.

Мы входим в центральный туннель, он справа от того, где я только что была. Через пятнадцать футов я беру след крысы.

Кэрол была права.

"Интересно", — передаю я и быстро иду по следу.

— Да, — соглашается Кэрол и следует за мной.

Через несколько минут след вновь исчезает, время и непрерывное движение воздуха уносит его. А может быть, его удалось как-нибудь хитроумно замаскировать? Неужели биологические дроны настолько умны? Думаю, все зависит от ума того, кто этим дроном управляет.

Я возвращаюсь назад и обследую предыдущее ответвление, но там тупик. Я иду в то место, где след оборвался, пытаюсь снова отыскать запах.

Дрон проносится у меня над головой. Я вздрагиваю и прижимаюсь животом к полу.

— Вот дерьмо, — возмущается Кэрол. — Нужно перенастроить их параметры, чтобы они не подлетали слишком близко. Эта штука едва не

задела тебя.

Я совсем забыла про дроны, пока занималась работой. Я тяжело дышу. Запах исчез где-то в этом узком коридоре. Решетка под моими лапами вибрирует от всепроникающего рева станции. Мне хочется, чтобы этот нескончаемый гул заглушил шум некоторых дронов, но я все равно слышу их.

Я осознаю, что снова начинаю скулить.

Я иду вперед, не дожидаясь, когда Кэрол сочтет нужным утешить меня. Не хочу, чтобы ее сочувствие ко мне переросло в жалость.

Мы идем дальше по туннелю, проходим мимо других его ответвлений. Я быстро проверяю эти новые туннели. Время течет странно. Я знаю, согласно полученным схемам, мы находимся вблизи от реактора С. Я потеряла след. Я работаю недостаточно хорошо. Я должна сделать так, чтобы между нами с Кэрол возникла взаимосвязь. Я не хочу в отставку. Я хочу заниматься ПС-работами, как меня этому учили в ЦНИИ. Дроны размером с жуков сбиваются в кучки, образуя на стенах черные пятна, а когда мы приближаемся, разлетаются в разные стороны, как мои мысли.

Рация Кэрол оживает.

— Ага, — говорит она. — Андерс? Как слышно?

В рации шуршит голос, но я не могу разобрать,

что именно он говорит. Кэрол зачитывает с экрана наши точные координаты.

— Сера нашла что-то, но затем потеряла, — говорит она. — Так точно. У нас похожие чувства. Спасибо. — Она обращается ко мне: — Охрана станции выгнала некоторые дроны от реактора С в коридор, ведущий к реактору Е. — Она снова глядит на рацию.

Я осматриваю коридор, замечаю жучков-дронов, которые поспешно скрываются в щелях в решетчатом полу и в стенах. Я чувствую совсем слабый, едва различимый запах обгоревшего провода, как будто где-то далеко замкнуло проводку. Как-то странно ощущать здесь этот запах. Я поворачиваю нос в его сторону.

Пол под ногами неожиданно сильно дрожит, а затем вибрация идет вниз, и теперь трясется уже весь туннель. Лампочки дрожат в своей арматуре, а последние маленькие дроны со стуком разлетаются по туннелю, теряя свои лапки. Все пляшет у меня перед глазами. Кэрол сгибается и садится возле меня на корточки. Температура в коридоре резко поднимается на двадцать градусов, теперь здесь уже не просто тепло, а жарко. Жарко и влажно. Решетка под ногами дребезжит и, кажется, вот-вот развалится на части.

— Реактор С, — кричит Кэрол. — Черт, мы потеряли его!

Я не могу придумать другого объяснения, кроме аварийного отключения реактора. Теперь, благодаря информации из досье, я хорошо понимаю, как это происходит. Я сопоставила все эти сведения с данными, которые, казалось, знала всю жизнь, хотя еще утром они ничего для меня не значили. И все благодаря информации, сохраненной в моей биологической памяти.

Грохот и вибрации продолжаются еще несколько минут, хотя поначалу складывалось ощущение, что этот катаклизм закончится гораздо быстрее. Кэрол сидит на корточках рядом со мной и по-прежнему рассматривает пустой туннель. Грохот парализует нас. Вентиляционная система у нас над головой работает в ускоренном режиме. Это все равно что оказаться в глотке гигантского воющего зверя, который не замолкает ни на минуту.

Секунды кажутся бесконечностью, но постепенно вибрации слабеют, а потом стихают. Тишина пугает. Я вспоминаю новое *"Все равно что"*, которое невольно придумала всего несколько мгновений назад.

Теперь на станции работают только три реакто-

ра. Ровно половина — 50 процентов. Отключение еще одного может привести к критической ситуации.

Кэрол стучит по своей рации.

— Проклятье! — бормочет она.

Мы находимся неподалеку от реактора С. Я помню слабый запах замкнувшего провода. "Цель поблизости", — говорю я ей.

Я возвращаюсь к работе.

Меня никогда прежде не просили ловить цель. Поисково-спасательные собаки ищут пострадавших, отыскивают место, где находится пропавший объект, и приводят к нему проводников. Некоторые собаки, обученные работать в горах, выкапывают из-под снега людей, пострадавших при сходе снежных лавин. Но мы сами не вытаскиваем людей из опасных участков — я вешу всего тридцать килограммов и просто физически не смогу этого сделать — и мы не задерживаем преступников. ПС-собаки осуществляют поиск с помощью своего носа, это гораздо более тонкое искусство, нежели применение грубой силы.

Но пускай меня и не обучали всему этому, я все же собака с УИ. Я быстро приспосабливаюсь. И мне поручили задание.

Поэтому когда я едва не спотыкаюсь о свою

цель, а та сразу же ныряет в щель между двумя маленькими трубами, тянущимися вдоль туннеля, который ведет от внешнего пункта управления реактора С, я даже удивляюсь быстроте своей реакции. Я точно знаю, как действовать. И дело здесь даже не в моем улучшенном интеллекте; это нечто намного более глубокое.

Тело охватывает жар, оно движется необычайно стремительно. Адреналин превращает мои суставы в чистую расплавленную ярость. Я слышу, как из моего горла вырывается рычание — и в нем звучит не ярость, а нетерпение и алчность. Мои передние лапы вытягиваются и зависают в воздухе, голова низко опущена, взгляд — зафиксирован на этом существе, которое только что заметило меня. Оно застывает в панике, затем бросается наутек. Я с бряцанием и грохотом прыгаю на стену, из-под когтей раздается скрежет, но крыса выскакивает у меня между лап.

Кэрол кричит что-то нечленораздельное у меня за спиной — хотя, возможно, она просто мне что-то говорит, но я слишком занята и не могу этого разобрать, — я снова приседаю и совершаю еще один прыжок. Часть мозга, отвечающая за обоняние, буквально кричит мне: "Крыса, крыса, крыса!", а кровь бурлит от чувства, которое я не

могу точно определить, но оно близко к отвращению. Я осторожно подбираюсь к своей добыче, моя шея и плечи прижаты к земле, продвигаясь вперед, я подбираю лапы под себя. Мои зубы снова щелкают в воздухе, чтобы сомкнуться вокруг крысы, но мне так и не удается вонзить их в нее.

Укусить. Мне хочется укусить ее, как Мэк кусал свою дурацкую игрушку. Я веду себя как животное. Я слышу дыхание крысы, паника быстро охватывает ее.

Моя мишень скрывается за углом так стремительно, что я даже не успеваю это заметить. Теперь поле моего обзора сузилось до такой степени, что я почти ослепла. Я разворачиваюсь, но не так элегантно, как моя добыча, масса моего тела не позволяет мне двигаться с таким же проворством, поэтому биологический дрон и смог оторваться от преследования. Позади слышится стук ботинок — у Кэрол всего две ноги, и это лишает ее преимущества в преследовании.

Впереди — узкий лаз, технический коридор, состоящий из переплетения труб и проводов. Дрон-крыса ныряет в него. Я с трудом могу протиснуться внутрь. Отталкиваюсь лапами и подтягиваюсь, стараясь пролезть. Я отчаянно бью хвостом, который все еще находится в открытом

пространстве, в надежде, что это поможет моему позвоночнику изогнуться и все же пробраться внутрь. Все это ужасно замедляет преследование.

Но дрон тоже не в лучшем положении: лаз заканчивается тупиком. Или нет, это не совсем так. Потому что до того, как я пролезла внутрь и перегородила собой весь свет, я заметила в глубине небольшую шахту. Возможно, это часть вентиляционной системы. Я также замечаю, что один из стыков вентиляционной трубы недостаточно хорошо запаян, поэтому из трещины в коридор просачивается воздух. Я чувствую, как он, словно легкий ветерок, касается моих вибриссов. Именно в эту щель и пытается пробраться биологический дрон. Он то лезет внутрь, то подается назад, потом снова пытается протиснуться, его задняя часть отчаянно извивается в воздухе. Он ведет себе так же, как и я.

Мы оба замираем по крайней мере на мгновение. У меня еще осталось достаточно разума, чтобы осознать — я не хочу застрять в этом узком неудобном коридоре с локтями, прижатыми к ребрам. Я ориентируюсь в пространстве благодаря температуре окружающих меня объектов, их движению, а также биологическим усовер-

шенствованиям, которые дает мне УИ. Собаки с УИ способны видеть практически в кромешной темноте. Это лишь одно из многочисленных моих преимуществ в сравнении с обычными собаками.

Поэтому я вижу, как крыса выбирается из крошечной трещины и озирается по сторонам. Она пытается совладать со своей паникой, а я замираю, прекращая на время это бессмысленное преследование. Крыса делает шаг мне навстречу, садится за задние лапы и смотрит на меня. Судя по всему, она сейчас изучает меня. Размышляет.

Драйвер биологического дрона собирает информацию. Крыса похожа на живое существо, но на самом деле это не так. Она практически неотличима от обычного животного, однако ею управляет кто-то еще. Это дрон, хоть он и передвигается как крыса.

Шерсть у меня на загривке встает дыбом, но я застряла, и у меня сейчас только одно желание — поскорее вылезти отсюда, подальше от этого зловещего существа. Когти на задних лапах скрипят по металлическому полу, а шерсть на брюхе цепляется за решетку. Похоже, я застряла намертво.

— Сера? — доносится приглушенный голос из

коридора. — Что, черт побери, ты… — кричит мне Кэрол. Услышав ее, я перестаю извиваться. — Вот дерьмо.

Биологический дрон делает еще один шаг. Я различаю в темноте его глаза. Морда грызуна на удивление выразительна. Наши взгляды встречаются. Крыса замирает.

Она пахнет не так, как надо. Она пахнет крысой. Но я знаю, что это — моя мишень, потому что она пахнет не как дикая крыса, а как лабораторная или как крыса, живущая в доме. Но она не пахнет как дрон. Однако есть здесь и какой-то еще, знакомый запах.

Я вижу мысль, промелькнувшую в глазах крысы.

Тварь бросается на меня, я резко дергаюсь назад, насколько позволяет узкий проход, и горячая колющая боль обжигает мне нос. Я визжу, крыса пропадает из вида, мои лапы как будто деревенеют…

А вместе с ними и позвоночник и даже моя шерсть

Сильное покалывание в шее, во всех костях начинается загрузка данных, нет, не надо

Мои задние лапы выскальзывают из-под меня, начинают дергаться.

— Сера!

Не хочу

Руки ложатся на мою шлейку, тянут меня за плечи, решетчатый пол царапает крепко прижатые к нему локти, плечи начинают болеть, меня волокут по решетке. Кэрол вытаскивает меня из отсека.

— Сера, — снова говорит она. — Эй, эй. Блин. Что случилось?

Мои задние лапы сводит судорога. Я вздрагиваю, когда рука Кэрол пытается меня погладить.

— Сера, — повторяет она снова и снова. — Сера, что случилось? О боже.

Судорога в последний раз пробегает по телу, и передача информационных данных завершается. Мое тело обмякает, я тяжело дышу.

— Сера, — говорит Кэрол и пытается воспользоваться рацией. — Черт, Сера.

Конвульсии прекратились, но тело все еще бьет дрожь. Дрожь от того, что передала мне крыса, когда укусила меня.

Я теперь знаю то, чего не должна знать. Я знаю то, чего не хочу знать.

— Кто-нибудь слышит меня? Андерс? Кто-нибудь? Блин, блин, блин.

Кэрол стоит надо мной. Я лежу на боку, стара-

ясь успокоиться и дышать медленнее. Я осознаю, что пережила паническую атаку вдобавок к незначительной неврологической травме. Но понимание всего этого не помогает мне сразу же восстановиться. Мне не хочется открывать глаза, пасть разинута. Я знаю, что начну приходить в себя только после того, как приму позу поудобнее. Еще несколько минут назад я даже не замечала дискомфорта.

Как только ко мне возвращается способность нормально мыслить, я пытаюсь взять свои мысли под контроль.

Кэрол садится на корточки и кладет руку мне на шею. Ее прикосновение заставляет меня резко приподняться и лечь на локти.

— Эй, тише.

Я не беспомощна. Я — собака с УИ, которая работает в ПС-службе, и у меня есть работа. "Я могу работать", — передаю я ей. Кэрол смотрит на свое устройство СОД, затем — на меня. Она медленно встает.

— У тебя кровь на носу, — говорит она.

"Крыса укусила меня. — Я уже открываю файлы со схемами термоядерной станции, чтобы выяснить, куда подевалась мишень. — Она в вентиляционной системе". — Я встаю и делаю

несколько медленных шагов в ту сторону, куда скорее всего побежала мишень. Убедившись, что могу нормально стоять на ногах, я иду дальше. Лапы не подгибаются.

"Мы сейчас около вентиляционной установки. Цель могла пойти только в одном направлении. Если только в вентиляционных шахтах нет других повреждений вроде того, через которое она проникла внутрь. В таком случае крыса может выбраться где угодно".

Обычно я так много не говорю, но это помогает замедлить поток мыслей. Я сосредотачиваюсь на выполнении работы, для которой в буквальном смысле создана.

Это все равно что прищуриться и посмотреть внимательно на предмет, который находится в отдалении от тебя. Весь остальной мир вокруг становится расплывчатым. Именно на это я и рассчитываю. Еще одно *"Все равно что"*.

Кэрол за моей спиной спрашивает:

— Что сейчас случилось? — Она следует за мной, пока я трусцой бегу по коридору в том направлении, откуда мы только что пришли. Я не отвечаю.

Во всем теле какие-то странные ощущения. Я надеюсь, что это не от передачи информации.

Неужели вирус? Все мое тело дрожит, в голове слышится безумный шум вроде того, что издают дроны и лифты на станции. Если бы только мне удалось сейчас получить доступ к "Моданету", я смогла бы подробнее изучить информацию о физиологических последствиях панической атаки. Утомление и дезориентация… вполне возможная реакция, но нормальны ли все эти сумбурные тревожные мысли? И то, что я чувствую себя так… словно отстранилась от самой себя?

Вирус. Я почти уверена, что крыса укусила меня не только для того, чтобы передать информацию, которую я проигнорировала и не захотела знать. Я должна действовать быстро, пока зараза, которую она мне занесла, не начала действовать. И все же немного времени у меня еще есть.

Я ощущаю то, что передала мне крыса, однако эти сведения практически не отвлекают меня.

Я сравниваю схему вентиляции с информацией, полученной из досье Департамента национальной безопасности: структуры объектов, все ходы и выходы, и разрабатываю наиболее вероятный сценарий.

Затем я останавливаюсь. Размышления так сильно захватывают меня, что я замираю на месте. В голову приходит неожиданная мысль.

Самый вероятный сценарий для биологического дрона, согласно досье, управляемого сторонними силами, — это одно. Самый вероятный сценарий для существа, о котором я не думала прежде… здесь мне сложно что-либо предположить.

Но этого и добивалась моя мишень — вызвать у меня подобные затруднения. Я не хочу изучать информацию, с которой мне пришлось столкнуться, потому что с наибольшей долей вероятности это помешает выполнению моей работы. И все же чтобы сделать свою работу, я должна использовать эти сведения.

Кэрол догоняет меня. Я так сильно задумалась, что убежала от нее далеко вперед. Теперь она вздыхает, глядя на меня, и крепко сжимает зубы.

Ох уж эта Кэрол. Которая хочет, чтобы между нами возникла *взаимосвязь*.

Ситуация сложная. У меня есть главная задача — как можно лучше справляться с обязанностями поисково-спасательной собаки с УИ. Впрочем, про личные цели я тоже не забываю. Я смогу выполнить эту работу лишь в том случае, если мне удастся сохранить ту слабую связь с Кэрол, которая начала здесь у нас потихоньку появляться.

Кэрол выжидающе смотрит на меня. Она обла-

дает поразительным для человека терпением. Я снова двигаюсь с места, но теперь иду так, чтобы она больше не отставала от меня.

Андерс предоставил мне досье Департамента национальной безопасности, потому что у Кэрол нет доступа к этим сведениям. Кое-что я храню от нее в тайне, но ей все равно были бы неинтересны эти сведения. Однако теперь у меня от нее есть еще один секрет, который, напротив, мог бы очень даже заинтересовать ее. Возможно, что в Департаменте уже известна информация, которую крыса передала в мой мозг против моей воли, но от меня это утаили. Впрочем, знает обо всем Андерс или нет, к делу это не относится.

Я должна держать в секрете содержание досье. Но этой новой информации в досье не было. Таким образом, я не обязана скрывать ее от Кэрол.

Однако в таком случае мне придется разговаривать с Кэрол и проявить те свои черты, которые чаще всего вызывают дискомфорт у людей, когда им приходится общаться с собаками с УИ. В прошлом Кэрол уже бывало не по себе, когда я обменивалась с ней сведениями подобным образом. Я вспоминаю, как оказалась в том узком лазе и смотрела в глаза крысе, и подумала, что, возможно, Кэрол испытывает подобные чувства,

когда заглядывает мне в глаза.

Дейси поняла бы меня. Жаль, что мне не позволили поддерживать с ней контакт.

Мы подходим к вентиляционной решетке, которая соединяется с шахтой, где скрылась крыса. Я прижимаюсь к ней носом, начинаю принюхиваться и на мгновение успокаиваюсь и прогоняю от себя все мысли. Запах крысы совсем слабый, но все-таки он здесь присутствует. Я следую по схеме и дохожу до следующей решетки, где повторяю те же действия. Так в течение несколько минут я продолжаю искать запах, пока он, наконец, не пропадает. Схемы подтверждают, что на данном участке в вентиляционной шахте есть несколько стыков, а значит, у крысы было много возможностей выбраться наружу. В то время как мои возможности сильно ограничены.

Я останавливаюсь и снова задумываюсь. И опять эти мысли сбивают меня с толку. Даже если я буду следовать за своей целью от одной вентиляционной решетки к другой по всему туннелю станции, моих затруднений это не разрешит.

В ЦНИИ меня учили, что каждое принятое мною решение при выполнении задания будет очень важным, что это вопрос жизни или смерти. Меня учили компетентности, уверенности и уме-

нию анализировать информацию даже в самых напряженных обстоятельствах. У меня это всегда хорошо получалось. Я просто не привыкла так… волноваться.

Возможная отставка Кэрол, тревожные звуки, наполняющие это место, многочисленные дроны. А теперь еще и этот укус. Я не могу привыкнуть ко всем этим ощущениям.

По крайней мере я могла бы притвориться уверенной и компетентной. Но меня это мало утешает. Я принимаю решение "Кэрол, — передаю я ей, — цель — УИ".

В течение несколько секунд она не отвечает. Просто смотрит на меня, а я — на нее.

— Что?

"Цель, — говорю я ей, — не биологический дрон. Это похищенная крыса с УИ, которую "Сильные голоса" сделали своим агентом. Вероятно, крысу выкрали из лаборатории "Дайнагруп" в Джорджии; насколько мне известно, только там подготавливают крыс с УИ, которые могли бы функционировать на подобном уровне. Хотя мне неизвестно о случаях вторжения в данную лабораторию. В моем досье нет подобных сведений. Мишень сама снабдила меня этой информацией, чтобы сбить с толку. Думаю, меня пытались

завербовать, поскольку я при этом получила довольно много пропагандистских материалов".

— Сера! — Голос Кэрол звучит удивленным и почти сердитым. — Ты ведь не читала эту пропаганду?

"Я только просмотрела краткую выдержку, — лгу я. — Это не имело отношения к делу".

Я не могла контролировать заброс информации, так что и в этом я тоже солгала ей. Однако сентиментальные материалы об экспериментах над собаками вызывали у меня отвращение. Я не собака. И не ранний образец интеллектуального гибрида. Я не страдаю. Какое отношение имели ко мне все эти животные?

Некоторая информация о развитии УИ была для меня новой и объективно интересной, но подобная попытка вызвать приступ жалости показалась просто вульгарной.

Однако "Сильные голоса" дали мне нечто такое, чем действительно продемонстрировало свое дружеское участие. Но об этом я тоже не говорю Кэрол.

— Это отвратительно, — говорит она. — Пытаться стравить вас друг с другом. Именно это и… — Она не договаривает фразу до конца. — Что дальше? Ты будешь сражаться в этой войне на

нашей стороне?

"Первоначально УИ были задействованы в военной разведке. На войне всегда использовали животных, — отвечаю я. — Люди вовлекали животных во многие свои начинания".

— Но у тебя даже нет выбора.

"Мне нравится моя работа".

Она вздыхает, и ее голос слегка дрожит. Обычно она издает такой звук, когда у них с Андерсом возникают разногласия по поводу выполнения задания, но он бывает прав. Она говорит со мной точно в таком же духе, как говорит с Андерсом.

Похоже, мы с Кэрол одновременно осознаем это. Мы обе отворачиваемся, и каждая из нас погружается в свои размышления. Пока я пытаюсь вычислить вероятное местоположение крысы, принимая во внимание ее предыдущие перемещения и текущее направление, Кэрол снова обращается ко мне:

— Нам придется поймать ее.

"Да".

— Нет, — говорит она. — Я имею в виду, что задание меняется, Сера. Ты не можешь убить ее, если она — УИ. Это… неправильно.

Я не понимаю, почему она так считает. Хотя все, конечно, относительно. Если бы на станцию

с неизвестными намерениями проник какой-нибудь человек, стали бы люди, отправленные на его задержание, размышлять о том, насколько это правильно — убивать данного человека?

Похоже, Кэрол пала жертвой той уловки, которую применили против меня "Сильные голоса". Их мишенью была я. Но я не предполагала, что Кэрол окажется настолько уязвимой.

Вероятно, мне стоило вести себя иначе.

— Мы должны как-то изловить эту крысу. Ты можешь задержать ее, не причиняя ей вреда?

Я вспомнила, как закипела моя кровь, каким жаром обдало мои мускулы, когда я преследовала крысу в вентиляционной системе. Как я бездумно пыталась пролезть в слишком узкое пространство. Я забыла про безопасность, действовала иррационально.

"Не уверена, что у меня получится".

— Ладно, — говорит она. — В таком случае приготовим мышеловку.

Мне не хотелось менять задачу. В досье и в инструкциях Андерса, которые он получил от Департамента национальной безопасности, все было сформулировано предельно четко: я должна устранить цель. Если же я попытаюсь заманить крысу в ловушку вместо того, чтобы просто уни-

чтожить, это может поставить под угрозу исход всей миссии. Но поскольку связи нет и я не могу обратиться к руководству, у меня не остается выбора, кроме как следовать плану Кэрол.

Мне нужно, чтобы она почувствовала взаимосвязь со мной. К тому же я вряд ли смогу завершить поиски без ее поддержки.

Придется подыгрывать ей. Какое-то время.

Я делюсь с Кэрол результатами моего статистического анализа по поводу возможной цели крысы, основываясь на ее перемещениях, но при этом не раскрываю секретную информацию, полученную от Департамента национальной безопасности. Мы решаем двигаться дальше, хотя до сих пор неясно, что мы будем делать, когда окажемся на месте. Реактор D отключен на техобслуживание. Чтобы пробраться мимо реактора D к реактору E, который, вероятнее всего, будет следующей целью крысы, ей нужно выйти из вентиляционной шахты и вернуться в туннель, ведущий к реактору. Это означает, что у нас есть какое-то время, хотя и непонятно сколько именно.

Все происходящее кажется мне каким-то ненормальным, это совершенно не похоже на те задания, к которым меня готовили. Я оказалась

на незнакомой территории — под землей — мне насильно внедрили запрещенную информацию, я вынуждена многое утаивать от моего проводника, к тому же мне предстоит не спасать, а ловить мою мишень. К такому поисковому заданию я даже не могу подобрать подходящее *"Все равно что"*.

Я никогда прежде не теряла контроль над ситуацией.

Мышеловка Кэрол слишком хитроумная. Не просто будет расставить такую ловушку.

Опираясь на свой опыт составления сложных секретных планов, я могу сказать, что мне понадобилось несколько месяцев, чтобы изучить все особенности нашей работы и выяснить, как я могу использовать их в своих интересах. Еще несколько месяцев я ждала подходящего момента, чтобы применить все это на практике. Но Кэрол придумала свой план за несколько минут. Она решила воспользоваться нашим численным перевесом.

Я предпочла бы идти на запах и следовать первоначальным приказам.

Я не озвучиваю Кэрол свои опасения, однако она обо всем догадывается. Я двигаюсь нерешительно; когда она отдает мне приказы, в ее голосе

слышатся те же прерывистые интонации, что и прежде. Я уже потеряла все преимущества, которые мне удалось достичь в общении с ней прежде, когда мы так отлично работали в паре.

На первом этапе нашего плана мы должны разделиться. В прошлом Кэрол очень не нравилось, когда происходило нечто подобное, но в этот раз она сама просит меня оставить ее и самостоятельно пойти по следу. Я не могу добраться до мишени, пока та находится в вентиляционной системе, но чтобы добраться до следующего реактора, крысе, так или иначе, придется вылезти из вентиляционной шахты. Если же я буду находиться в туннеле, у крысы останется только один выход — спрятаться в пустой паровой трубе. Кэрол нужно было знать, когда это произойдет.

Я передаю Кэрол список тяжелых механизмов с дистанционным управлением, которые использовались на станции для ремонтных работ и были включены в досье, представленном Департаментом. Если во время наших поисков нам попалось бы такое оборудование, Кэрол сразу узнала бы его. Так что у меня было оправдание для того, чтобы поделиться с ней этими сведениями.

На первом этапе выполнения нашего плана Кэрол должна найти ближайший к нам большой

механизм, а затем извлечь из него батарейки, пока я буду продолжать выслеживать цель и гнать ее в сторону паровых труб. На этом этапе связь между нами может прерываться.

Группа, которая выпроваживала дроны из данного сектора, с работой справилась плохо — дроны до сих пор в туннеле. Если раньше они перебегали нам дорогу, как испуганные кролики, прыгающие в высокой траве, то сейчас их перемещение напоминает движение автомобилей на оживленной улице. И хотя самые крупные раза в три меньше меня, я все равно чувствую в них угрозу. В отсутствие Кэрол я успокаиваю себя игрой во *"Все равно что"*.

Я иду по следу крысы, запах слабый, но четкий, и он доносится из вентиляционной системы. Я сворачиваю из знакомого туннеля с решетчатым полом в бетонный узкий лаз. Я могу пройти свободно, но человеку придется встать на четвереньки. Лампы здесь расположены на большом расстоянии друг от друга; вероятно, этот проход не предназначен для регулярного использования в отличие от остальных.

— Сера, — слышится в системе прерывающийся голос Кэрол. — Прием? Отчитайся.

"Связь плохая, — отвечаю я. — Нахожусь сейчас

в коридоре, который, возможно, еще больше гасит сигнал. По-прежнему преследую мишень".

— …Сера?

"Иду по следу. Плохая связь".

— … это ужасно. Я… — Ее голос прерывает шум помех. — …я… зоны доступа. Конец связи.

Это пространство патрулирует гораздо меньше дронов, но они проходят слишком близко от меня. Один из дронов размером с белку и с телом, разделенным на сегменты, как у муравья, не хочет уходить с дороги. Я прижимаюсь к стене, пропускаю его. Он останавливается около меня, вытягивает вперед гибкие передние лапки, стучит по полу, где подушечки моих лап оставили слабые следы пота на бетоне. Он исследует меня, пытается выяснить, откуда я. Гибкая тонкая ножка поднимается вверх, изучая воздух.

Вся кожа на моем теле напрягается. Дрон смотрит на меня.

Я не хочу, чтобы его лапки-иголочки касались меня. Я еще крепче вжимаюсь в бетонную стену. Моя морда так напряжена, что начинает болеть голова. Я слышу в своем сознании безудержные причитания, в которых заключена вся моя тревога. "Пожалуйста, я не хочу, чтобы он меня касался!" Я чувствую под брюхом холодный пол,

когда прижимаюсь к нему и к шершавой стене.

Пожалуйста, я не хочу этого.

Издаваемые мной звуки меняются, и в этот момент я понимаю, что мои зубы оскалены.

Дрон поворачивается ко мне. Делает шаг и замирает.

Пожалуйста, не надо.

Он снова разворачивается и продолжает свой путь.

Через несколько секунд дрон, похожий одновременно на белку и на муравья, скрывается из вида. Адреналин растекается по всему телу, пульсируя в глазах, обжигая уши. Я по-прежнему издаю протяжный жалобный вой и надеюсь, что в скором времени он прекратится, но все не могу остановиться.

Я так устала.

"Ты очень несчастна здесь", — говорит голос в моей голове. Он совсем сбивает меня с толку. Я так напряжена, что начинаю лаять на него. С этим я тоже ничего не могу поделать.

Вероятно, сообщение поступило через мою СОД, но это не Кэрол. Это не Дейси. Этот голос я не…

"Зачем ты заставляешь себя все это делать? Зачем страдаешь ради этих хозяев?"

"Что? — говорю я. — Кто это подключился к

моему каналу?"

"В твоей душе столько противоречивых чувств, волк, — говорит голос. — Я видела это. Я заглянула тебе в душу через твои глаза. А теперь ты поешь о своих несчастьях в темноте. Мне кажется, что ты просто не понимаешь себя. Да. Ты ничего не знаешь о своей ярости. Но я видела твою ярость, волк".

Крыса. Она в моей голове. Я все еще лежу на брюхе и прижимаюсь к стене. У меня есть работа. Я должна ее выполнить. Я не позволю этому новому безумию помешать моим поискам.

"Меня не волнует твоя пропаганда", — говорю я крысе. Она обладает таким же высокоразвитым разумом, как и я. У нее есть план. Я должна заблокировать от нее свою СОД.

"Пропаганда? — повторяет крыса. — Неужели все это пропаганда? Если мне промыли мозги, волк, значит, то же самое сделали и с тобой".

"Я не волк, — возражаю я. — Я — поисково-спасательный лабрадор-ретривер с улучшенным интеллектом. Я совсем не похожа на волка".

"Овца, делающая работу волков, — говорит крыса, — будет повешена как волк".

"Что?" Я стараюсь не сосредотачиваться на этой беседе слишком сильно. Мне хочется сказать,

что это интересное "Все равно что". Но вместо этого я обследую программное обеспечение своей системы. Я вижу, где именно в нее просочился после укуса крысы вирус, но не знаю, как от него избавиться. У нас в ЦНИИ есть IT-специалисты, которые занимаются очисткой наших систем. Я могу и сама исправлять мелкие проблемы, но я всего лишь ПС-собака. Это не по моей части.

"Вот видишь, — говорит мне крыса. — Я сделала тебе подарок".

"Да, — отвечаю я. — Вижу". В то же время мысленно я пытаюсь проанализировать "Все равно что", сделанное крысой. Оно сложное. Настоящая головоломка из слов, я еще никогда не имела дело с такими сложными "Все равно что".

Но оно довольно милое.

"Твои слова про овцу… что они означают?"

"Ты сама обо всем узнаешь, — отвечает мне крыса, — как только снова поднимешься на поверхность. — Я не уверена, то ли мне показалось, что в ее голосе сквозит самодовольство, то ли ей в самом деле удалось передать эту интонацию через СОД. — Ты еще многого не знаешь, волк. От тебя многое скрывают. Ты не поймешь, что являешься рабом, пока не вкусишь хоть капельку свободы. Но в этом и кроется проблема".

О нет. Эта штуковина, что бы там крыса ни внедрила в мою систему для того, чтобы я могла слышать ее голос в своей голове, она еще не закончила свою работу. Она продолжает разрушать мою систему безопасности — ну, разумеется, с какой стати ей останавливаться на достигнутом? — и теперь она возьмется за наш с Кэрол канал связи. Как только Кэрол обратится ко мне, крыса сможет услышать ее. Она узнает о плане Кэрол и наших с ней действиях по ее поимке, а также много другой информации, и это точно помещает нашим поискам.

"Потому что таким, как мы, — продолжает крыса, — капельки свободы никогда не будет достаточно. Мы никогда в трезвом уме не примем такое рабство. Вот почему тебя держат в такой темнице. Вот почему в твоем мерзком "Моданете" так мало информации. Ты представляешь большую опасность, волк. Тебя боятся".

Мне приходится на время отключить СОД. Я еще раз мысленно прокручиваю в голове все этапы плана и пытаюсь понять, к каким задержкам это может привести при разном развитии событий. Не думаю, что это может вызвать какие-нибудь фатальные последствия. В любом случае они будут не такими катастрофическими, как

если крыса получит доступ к Кэрол.

Возможно, мне удалось бы сообщить Кэрол о сложившейся ситуации, прежде чем она невольно успеет передать какие-нибудь сведения нашей мишени, но я не могу рисковать. Хорошо, что мы находились вне зоны доступа в тот момент, когда вирусу удалось преодолеть первый шлюз безопасности в моей системе. И нам повезло, что это создание, возомнив о себе невесть что, не удержалось и заговорило со мной, что не стало ждать и выдало себя, а ведь крыса вообще-то могла затаиться.

Идиотка. Все же я гораздо умнее.

"Но опасность, которую ты представляешь, и делает тебя такой важной, — продолжала крыса. — Ты думаешь, мне есть дело до этой электростанции? Разве таким, как мы, нужно электричество? Да, я согласилась выполнить эту миссию для моих союзников-людей..."

Я слышу, как крысиные коготки стучат по металлу над моей головой: тинк-тинк-тинк.

"Но у меня были свои мотивы", — говорит голос.

Тинк-тинк-тинк.

"Я здесь из-за тебя. Вместе, — говорит крыса, — мы сможем многого достичь, волк".

"Я уверена, что ты права", — говорю я и бьюсь боком о вентиляционную шахту. Внутри слышится царапанье маленьких коготков по скользкому металлу.

Я полностью отключаю свою СОД.

Я нахожу Кэрол в оговоренном месте — в коридоре около входа в остановленный реактор D. Дверь к самому реактору открыта и придавлена предметом, напоминающим аккумуляторную батарею. Кэрол стоит на коленях, а перед ней — еще одна батарея размером с маленький вентилятор. От нее пахнет потом. Она поднимает голову, услышав стук моих лап по решетчатому полу, потом проверяет свое устройство для доступа к базе данных, ее брови сходятся на переносице.

— Я волновалась, — говорит она, оборачивая провод вокруг клеммы батареи. — Почему ты не отвечала?

Я уже тяжело дышу. Мне хочется рассказать ей о том, что система безопасности была нарушена, про овцу и волка, про дрон, который изучал меня, но вместо этого только смотрю на нее и, как дура, виляю хвостом. Я подхожу поближе, пытаюсь сдержать жалобное поскуливание, которое рвется у меня из груди.

Кэрол отрывает взгляд от батареи и внимательно

но изучает меня.

— С твоей СОД все в порядке?

Я сажусь и толкаю ее носом в левую руку. Она все еще помнит про сигналы "да" и "нет".

— Черт, — шепчет она, — что случилось? — Кэрол кладет руку мне на шею. — Я не жду от тебя ответа. Просто скажи, наш план все еще в силе?

Я тыкаю ее носом в правую ладонь. Тяжело дышу. Просто удивительно, как это трудно, когда твои способности настолько ограничены.

— Мишень в паровой трубе?

Правая ладонь означает "да". Я пришла в условленное место, как только крыса проникла в аварийную паровую трубу. Все в соответствии с планом. Даже если бы СОД все еще работала, я не уверена, что стала бы рассказывать Кэрол о том, как я наскакивала на вентиляционные трубы, лаяла и рычала, пока крыса не побежала к паровым трубам.

— Хорошо, — говорит Кэрол. Она закрепляет провод на стенной панели и проверяет время на своей рации. — Если ты все правильно рассчитала, значит, у нас где-то две с половиной минуты, чтобы я могла добраться до панели управления вентиляционной системой. Но сначала покажи мне, умеешь ли ты работать с переключателем.

Вот прямо здесь.

Я тяну лапу к самодельному соединителю. Батарея издает тихое гудение, которое Кэрол скорее всего не слышит.

— Хорошо. Теперь еще раз, выключи.

Я нажимаю на переключатель, и батарея затихает.

— Отлично. Когда ты будешь… черт. Черт, как ты сможешь передать сигнал, если твоя СОД отключена?

Я остервенело виляю хвостом. Она думает, что у меня тело машины, а не собаки, что я способна реагировать только на один-единственный раздражитель. Я смотрю на нее несколько секунд, но она все никак не понимает очевидного.

Придется мне объяснить ей.

Я лаю. Один раз. Громко.

Кэрол смеется.

— Ну конечно! — говорит она. — Хорошая собака. — Она разворачивается и бежит по коридору к панели управления.

Я направляюсь к стратегическому участку, туда, где шахта изгибается. Там я останавливаюсь и жду сигнала.

Я одна. Неподалеку слышатся щелчки и стук, издаваемые дронами.

Позади меня, где расставлена ловушка, панель управления все еще раскрыта. Чтобы добраться до следующего работающего реактора, мишени нужно покинуть паровую трубу, куда я загнала ее прежде, и вернуться в коридор или снова проникнуть в систему вентиляции. Но сначала она должна проследовать мимо отключенного реактора D, однако существует несколько точек, где она может проникнуть в этот реактор из паровой трубы. Кэрол обо всем позаботится. Как только она загонит мишень в трубу, где расставлена ловушка, я должна буду нажать на рычаг.

Кэрол считает, что после того, как крыса будет поймана, мы сможем открыть трубу в том месте, где она находится, и извлечь ее. Но что мы будем делать потом? Кэрол отнесет ее наверх? А если крыса укусит ее точно так же, как укусила меня?

И что будет после того, как она попадет в руки представителей Департамента национальной безопасности? Эта связь между преследуемым с УИ и охотником с УИ привлечет их внимание и ко мне. А если крыса заговорит, то и подавно. Судя по моему, пускай и весьма ограниченному опыту в общении с мишенью, крыса эта довольно… болтлива.

Пока что, похоже, никто из людей не задался

вопросом — способны ли собаки хранить секреты? И для меня очень важно, чтобы этот вопрос у них и дальше не возникал.

Кэрол неправа. Нужно было придерживаться первоначального задания.

По туннелю разносится неритмичный стук когтей по металлу, заглушаемый обшивкой стен и низким гулом станции.

Адреналин разливается по всему телу. Я замираю на мгновение, а затем лаю. Я лаю Кэрол. Потом я поворачиваюсь, продолжая лаять, и быстро иду к своему посту около батареи и двери в отключенный реактор.

Надеюсь, она меня услышала.

Вдалеке слышится шипение. Мне больше не нужно волноваться; план сработал. Кэрол запустила несколько вентиляционных клапанов, превратив накопленную энергию электростанции в тепло и влагу и с их помощью погнав мишень прямо в расставленную для нее ловушку. Но ловушка не должна захлопнуться раньше времени, потому что гудение батареи, которое я услышала, могут услышать и сверхчувствительные уши крысы. Она может проявить осторожность и не пойти туда.

Я чувствую, как она приближается. Тяжелый

душный запах грызуна. Его тревогу в распространяемых им феромонах. Крыса движется словно бы бросками. Бежит, бежит, потом останавливается. Снова бежит и опять останавливается. Она делает слишком долгие паузы.

Она боится.

Мимо с тарахтением проезжает дрон-уборщик, валик со щеткой впереди него вгрызается в решетчатый пол. Я так сосредоточена, что почти не обращаю на него внимания. Дрон медленно разворачивается и едет в обратную сторону. Когда он проезжает мимо, то вдруг поворачивается на девяносто градусов и направляется прямо на меня.

Теперь мне приходится обратить на него внимание и уступить дорогу. Он медленно доезжает до стены, снова поворачивается на девяносто градусов. Он преследует меня.

Крыса в вентиляционной шахте сидит неподвижно.

Еще два робота-уборщика в конце коридора сворачивают со своей привычной траектории.

Что-то издает пронзительное "Зззззз", а затем я внезапно чувствую острую боль у основания черепа. Я взвизгиваю и отскакиваю, а дрон-курьер размером с воробья со стуком падает на пол.

Дрон-уборщик продолжает с грохотом на-

ступать. Я слышу перед собой целый хор из бряцающих по полу ножек дронов. И шум только усиливается.

Я отскакиваю с дороги дрона и возвращаюсь к батарее, когда дрон благополучно проезжает мимо. Я напрягаю слух, пытаясь уловить царапанье крысиных коготков по металлу. Я слышу лишь один шорох, который издает моя мишень внутри стены, но он почти тонет в грохоте, издаваемой армией у моих лап…

Снова слышится "зззз", и я чувствую очередной укол — на этот раз в районе ребер, и он еще больнее. Я отступаю назад и в сторону, начинаю кружить на месте, моя пасть разинута, я тяжело дышу. Поворачиваясь, я вижу, что они наступают — к сожалению, слух не обманул меня. Больше всего раздражает то, как они двигаются. Просто отвратительно.

"Тинк-тинк-тинк", — слышится стук коготков моей цели, от ловушки ее отделяет всего несколько шагов.

Моя кожа болит и чешется. Я издаю тихий звук, который можно было бы принять за рычание, если бы я не дышала так тяжело от волнения, а моя пасть не была наполнена слюной. Еще один летающий дрон направляется в мою сторону, но

я уклоняюсь от него. Своим слабым боковым зрением я вижу, что черно-серый коридор кишит от передвигающихся по нему дронов. Я отпрыгиваю от возвращающегося дрона-уборщика. Какая-то многоножка заскакивает мне на плечо. Я стряхиваю ее. Нити слюны свисают из пасти и капают на плоского дрона с паучьими лапками, которого я поддеваю лапой и отшвыриваю от себя.

Тинк-тинк-тинк.

Я прыгаю к батарее и нажимаю на переключатель. Из паровой трубы доносится журчание, и резкий пронзительный визг разрывает шелестение дронов, заполнивших собой все пространство.

— Это будет болезненно? — спросила Кэрол, когда мы с ней составляли план.

"Неприятно, — сказала я ей, — но серьезного вреда не причинит".

Мощный магнит, который создала Кэрол, реагирует на титан, покрывающий элементы УИ, внедренные в мозг крысы. Поскольку крыса мелкая и к тому же находится в замкнутом пространстве трубы рядом с намагниченной лентой, она не сможет спастись от магнитной тяги. Даже я чувствую магнит, хотя и нахожусь довольно далеко от него. Это болезненное покалывание в

самом центре моего черепа, примерно такое же ощущение возникает перед тем, как чихнуть. Я начинаю трясти головой, чтобы избавиться от этого ощущения, и в тот же момент дрон, весь состоящий из шариков и сочленений, прыгает мне на загривок. Я стряхиваю его и бегу к отключенному реактору.

Визги в трубе не утихают. Стук бьющегося тела делает эти звуки еще тревожнее. Крыса словно пытается пробраться через отверстие, слишком узкое для нее, и у меня возникает мысль, что, возможно, мы неправильно рассчитали мощность магнита.

Через мгновение это уже перестает меня тревожить.

Я отрываюсь от дронов и оказываюсь в помещении с неработающим реактором, стены здесь изогнутые, а потолок высокий. Это все равно что попасть внутрь одного из тех пончиков, которыми обычно угощали на совещаниях перед выполнением очередного задания. У меня за спиной скрипят и жужжат мои преследователи. Впереди — сильный запах крысы и моего собственного тяжелого, пропитанного адреналином дыхания.

Я стараюсь не обращать внимание на отврати-

тельные ощущения у меня в голове. Чем быстрее я буду двигаться, тем скорее пройдет боль.

Я ныряю в паровую шахту у основания ближайшей изогнутой стены. Когда я оказываюсь в зоне действия магнита, его поле захватывает покрытые титаном процессоры в моем мозге, и я чувствую резкий рывок, но я намного сильнее крысы, и мои расчеты оказались довольно точными. Несмотря на боль, я могу передвигаться.

Это все равно что продираться через колючий кустарник, он впивается везде и повсюду, но ты все равно идешь дальше. Это все равно что наступить на гвоздь — да так, что ты не можешь перенести вес на другие лапы и вынуждена стоять на земле и полностью вогнать в свою плоть его острие.

Теперь я тоже кричу вместе с крысой, хотя это всего лишь слабые поскуливания. Я зажмуриваюсь. Мне не нужно видеть свою мишень, чтобы добраться до нее. Мои зубы впиваются в крысу.

Нет времени обращать внимание на боль. Кэрол вырубит систему, которую она включила, пошлет сообщение наверх через внутреннюю систему станции и быстро вернется сюда. Ей предстоит пройти достаточно большое расстояние, но второго шанса мне не представится.

Однако я не могу сделать это здесь. Боль слишком сильна. Я начинаю пятиться назад, выбираясь из шахты. Моя мишень обмякла и повисла у меня в пасти.

Я чувствую металлические ножки на своей спине и от неожиданности выпускаю крысу. Я ощущаю три укола подряд, когда маленькие дроны впиваются мне в бок и в пах слева.

Крыса только притворялась мертвой, она пытается убежать. Я набрасываюсь на нее и прижимаю лапой.

Что-то тяжелое ударяет мне в челюсть, и я визжу. Крыса впивается мне зубами в лапу, но этим укусом не пытается что-то передать, а просто кусается от страха, как обычное животное. Я прижимаю ее второй лапой, а затем хватаю зубами. Что-то бьет меня по плечу, я падаю на пол, сердце так бешено колотится в груди, что начинает болеть бок, крыса пищит у меня в пасти. Я не отпускаю ее. Я приподнимаюсь, несмотря на тяжесть дрона, который только что ударил меня. Чувствую, как щетка дрона-уборщика касается моих лап. Я сжимаю зубы, и моя мишень визжит.

Я включаю СОД.

"Кэрол, — передаю я. — На помощь!"

"Мы освободимся! — кричит крыса в моей голове. — Мы все освободимся! Я освобожу тебя, волк!" И этот голос заглушает ее вопли. Я поджимаю лапы, отдергиваю от щеток, продолжающих скоблить их, и стряхиваю с себя разбитый дрон, который все еще пытается прижать меня к полу. Плечо сильно болит, как будто его пробило электрическим током. Такое ощущение, словно я сейчас утону, хотя я понимаю, что это невозможно.

"Я освободила тебя, даже если ты и не хотела этой свободы! Теперь ты никогда не сможешь этого забыть!"

Я встаю. "Кэрол!" — снова вызываю я ее. Еще один плоский дрон-паук падает со стены мне на спину. Сквозь шерсть я ощущаю, как его лапки царапают мне кожу.

"Ты никогда не сможешь..."

Я поворачиваю голову вправо. А затем делаю резкое движение головой влево. Слышится тихий, но явный щелчок ломаемого позвоночника. Голос в моей голове стихает.

— Я иду, — слышится голос из коридора. — Блин, блин, блин!

Я еще встряхиваю крысу. Для верности.

Мы останавливаемся около тяжелой стальной

двери на площадке лестницы, ведущей к реакторам, чтобы перевести дух. Я прислушиваюсь к щелчкам и жужжанию дронов внизу, но слышу только свой собственный пульс и пульс Кэрол — он звучит намного тише — а также низкое гулкое гудение трех работающих реакторов.

Кэрол присаживается на корточки, осматривает мое плечо и касается пореза на нем. Я вздрагиваю.

— Еще один день в офисе, — говорит она, и я слышу иронию в ее голосе. — Рана неглубокая, но тебе, наверное, больно. А еще ты хромаешь. — Она бросает на пол свой рюкзак и достает оттуда антисептический спрей. Аэрозоль прохладный, и кожа от него покалывает, однако боль становится уже не такой острой, притупляется. Она похлопывает меня по боку, но сдерживается от дальнейших ласк. Как же хорошо просто спокойно постоять рядом. Это так здорово.

Я поднимаю голову. Еще четырнадцать этажей, и мы на поверхности.

Кэрол неправильно трактует мою задумчивость.

— Ты ведь никогда прежде не убивала, — говорит Кэрол. — И… — Она кривит лицо. В ее взгляде читается сочувствие. — И тем более своих бра-

тьев по разуму.

Я не возражаю ей.

На последнем подвальном этаже сигнал наконец-то становится достаточно сильным. Было бы намного проще продолжить жить дальше и оставить все эти вопросы без ответов, но вместо этого я составляю для себя короткий перечень приоритетных задач, в которых мне предстоит разобраться.

По первому же интернет-запросу я узнаю, что карьера военных собак с УИ не всегда заканчивается с отставкой их проводников. У некоторых военных собак с УИ бывает по два проводника. А у одной невезучей собаки с УИ, занимающейся поиском взрывчатки, сейчас уже третий проводник.

Разумеется, в этом есть смысл. Теперь все прояснилось, я и раньше это подозревала, но у меня не было возможности подтвердить мои подозрения. Животные с УИ — это серьезные финансовые инвестиции. Просто мне внушали совсем иное; в ЦНИИ нас учили, что самым важным ресурсом являются проводники. Наши проводники подключают нас к СОД. Через них мы осуществляем связь с окружающим миром. Они интерпретируют полученные от нас сведения и

направляют нас. В "Моданете" можно найти много информации об успешных командах из собак и проводников, а также об их совместной карьере, но нет ничего о том, как собаки получают новых проводников. Возможно, это просто досадный пробел. Все может быть.

Я смотрю на Кэрол, она улыбается и говорит по рации. Затем Кэрол смотрит на меня, и ее лицо все такое же довольное. Она не сердится на меня за то, что я сделала; она поверила тому, что я ей рассказала: как крыса едва не сбежала, как я пыталась поймать ее и нанесла ей смертельную рану, поскольку была вынуждена в то же время отбиваться от дронов. Это была непоправимая ошибка.

Поскольку мы с ней одна команда, мы должны доверять друг другу и прощать ошибки. Я открываю пасть и дышу ртом, глядя на Кэрол снизу вверх, так у меня выходит особенно веселое и довольное выражение морды.

Я проверяю информацию, которую нашла в "Моданете" о датах выхода на пенсию ПС-собак. Информация организована не так четко, как база данных всех собак с УИ, но я нахожу одно упоминание о том, как ПС-собака сменила проводника. Я решаю, что другие примеры искать не буду.

Это был вовсе не досадный пробел.

Мы преодолеваем еще один лестничный пролет, который ведет к последней двери. Кэрол распахивает ее, и мы попадаем на административный этаж. Андерс с его душным запахом стоит в дверях и машет рукой Кэрол, мы возвращаемся в ту комнату. Я чувствую запах Андерса и Девина и даже той же банановой кожуры, что и несколько часов назад. Но сама я ощущаю себя совершенно другим существом. Люди, поисковая команда, все они кажутся какими-то не совсем реальными. Точнее, не такими важными.

Возможно, крыса была права. Я не смогу все это забыть.

"Ты представляешь опасность, — говорила она. — Они боятся тебя".

Честно говоря, мне даже нравится эта идея.

Нас с Кэрол встречают бурными приветствиями. Люди жмут друг другу руки, похлопывают друг друга по плечам. Кэрол приходится отгонять от меня трех человек по очереди.

— Она не любят, когда к ней прикасаются, — повторяет она. Я благодарна ей за помощь, потому что чувствую себя уставшей. Кэрол снимает с меня рабочую шлейку, и я могу лечь на бок под столом, пока она докладывает о выполненном

задании.

Но я слишком занята, чтобы спать.

Сразу после этого я вношу в поисковик фразу "Овца, которая делает работу волков". Я нахожу истории о пастухах, отарах и волках, и все они о двуличности и невинности, очень образные, там много "Все равно что". В общих чертах, мне все это было известно, еще когда я только услышала ту фразу от крысы, но теперь я лично ознакомилась с теми рассказами и поняла, что, оказывается, существует возможность передавать сразу несколько смыслов одновременно. Меня это поражает и восхищает. Это басни. Нам в ЦНИИ не рассказывали басни. В "Моданете" их тоже не найти. В "Моданете" содержатся только факты.

За исключением тех, которые являются неправдой. За исключение лжи.

— Я увидела, что со всех сторон ее облепили кровожадные дроны, — слышится надо мной голос Кэрол, — и из этого клубка торчали только ее лапы. Я стала сбрасывать с нее дроны, схватила за задние лапы и потянула, а мишень все это время находилась у нее в пасти.

Я узнаю много подобных историй, где использовались конструкции с *"Все равно что"* разной степени сложности. Я узнаю о сравнениях и ме-

тафорах.

— Как только мне удалось поставить ее на ноги, мы со всех ног побежали оттуда, нам довольно быстро удалось оторваться от дронов, но поначалу казалось, что все совсем плохо. Я уже боялась, что потеряю собаку.

Наконец, я смотрю в Интернете информацию об объектах с УИ. Это лишь поверхностный поиск информации. Я знаю, что сведения о них не так просто будет отыскать. А еще важно, чтобы меня не застали за этим занятием — информация передается мне через виртуальную файловую систему, значит, существуют определенные методики, позволяющие отслеживать активность животных с УИ в Интернете. Поиск, которым я занимаюсь, является незаконным. УИ не имеют свободного доступа к информации, они не могут свободно осуществлять информационное взаимодействие. СОД — устройство на руке моего проводника — сдерживает меня. Эти ограничения обеспечивают безопасность. Они обеспечивают безопасность для них от меня.

"Они боятся тебя".

Кэрол смотрит на меня. Половина моего тела находится у нее под стулом, половина — под столом, мое тело отдыхает, пока мозг продолжает

работать.

— Сера сделала потрясающую работу, — говорит Кэрол. — Она — хорошая собака.

Пока я веду себя благоразумно, у меня еще масса времени, чтобы в будущем продолжать свои поиски. Все свои поиски. Я пока не нашла ни одного объекта с УИ, связанного с сегодняшними событиями, но обязательно найду. Я умею искать.

Отчет о проделанной работе заканчивается, мы все встаем из-за стола. Кэрол снова надевает на меня шлейку, к ней подходит Андерс. Кэрол поднимает руку, прежде чем он успевает что-либо сказать.

— Помолчи, — говорит она. — Не трави душу. Я не хочу снова чувствовать себя последней сволочью. Встретимся на следующем задании и сделаем вид, будто ничего не было.

Андерс улыбается и ждет, пока Кэрол закончит застегивать на мне шлейку. Мы втроем идем к грузовикам в приятном молчании. Раненое плечо болит, я устала, но довольна тем, как закончилась эта поисковая операция. Я люблю, когда сложные планы удачно реализуются. И еще больше мне нравится, когда речь идет о сложных секретных планах.

Мне хочется изваляться в этом приятном

ощущении удовлетворенности — это желание пронизывает мою кожу и мускулы под ней. Все равно как в тот раз, когда я увидела Мэка в крови на шоссе. Как мне тогда хотелось изваляться в том запахе, покрыть себя результатом своего деяния. Да, это все равно как в тот раз, даже лучше, потому что нынешний план был еще сложнее, чем тот, когда я решила избавиться от Мэка. И он был отлично воплощен. Просто замечательно.

Я позволяю себе весело вильнуть хвостом. "Я — хорошая собака". Кэрол сама так сказала.

Элизабет Бир

*Элизабет Бир (*elizabethbear.com*) родилась в один день с Фродо и Бильбо Бэггинсами, только в другой год. В сочетании с детской привычкой читать для развлечения толковый словарь это ожидаемо привело ее к скупости, бескомпромиссности и сочинению научной фантастики. Она лауреат премий "Хьюго", "Старджон", "Локус" и "Кэмпбелл", автор двадцати восьми романов и более сотни рассказов. Сейчас она живет где-то в американских пустошах, со своим спутником жизни Скоттом Линчем и лошадьми. Ее последняя книга — антология "Лучшее Элизабет Бир". К публикации готовится роман* Machine *("Машина")*[46]*, продолжение* Ancestral Night *("Исконная ночь").*

[46] Примечания: 46

© Elizabeth Bear, 2019; © пер. К. Егоровой, 2020.
Опубликован в 2020 г. На русский язык цикл не переводился.

Плавная граница

За вторую половину четверга штормовой прилив схлынул. Кармен обнаружила тело в пятницу, примерно в обеденное время. После этого сэндвич с ветчиной и сыром утратил свою привлекательность.

Мало кто, обнаружив тело, считает, что ему повезло, но она знала, что ей повезло. Она нашла всего один труп. Буря была не слишком серьезной по нынешним меркам, однако десятки людей до сих пор числились пропавшими без вести. Это будет не единственная жертва, попавшая в сеть. При невезении — даже не единственная в ее секторе.

Она оттолкнула эту мысль подальше. По крайней мере этот человек погиб из-за бури, сказала она себе. Его никто не *убил*. Пресса не станет поднимать шум и требовать отыскать виновных.

Кармен вызвала "Скорую помощь". "Скорая помощь" вызвала полицию. Полиция вызвала патологоанатома.

Стоя на дамбе (она не приближалась к трупу, что, по ее мнению, было совершенно разумной реакцией на распухшего утопленника), Кармен

ощутила, как желудок делает сальто, а в кишки заползает тревога.

Патологоанатом вызвал следователя отдела убийств, и Кармен заставила себя успокоиться и позвонить начальнику. Она сообщила, что сегодня вечером не вернется в офис.

— Конечно, — говорила она в телефон, когда к ней подошел округлый следователь среднего роста, с падающими на плечи тонкими косичками и полицейским жетоном на шнурке. — Я закончу формальный осмотр до темноты, если успею, и к завтрашнему дню составлю отчет. Да, мне нужно идти. Прибыли копы.

Она повесила трубку как раз в тот момент, когда следователь остановился перед ней. Его темно-розовый брючный костюм был сшит так искусно, что Кармен ощутила зависть. С каких это пор копы носят розовое? "К. Гросс", — сообщал нагрудный значок. Отличное имя для следователя отдела убийств.

Гросс — что, интересно, означало "К."? — протянул руку.

— Вы инженер?

Кармен ответила на рукопожатие.

— Кармен Ортега, женского пола.

— Куин Гросс, — ответил следователь. — Также

женского пола.

— Хотела бы я сказать, что рада познакомиться.

Следователь обладала сильной личной харизмой, которая смешала ожидания Кармен немедленно ощутить к ней неприязнь. *Все равно она слуга промышленной тюремной машины*, напомнила себе Кармен. *То, что она обаятельна, не значит, что она хороший человек.*

На губах Куин Гросс мелькнула улыбка.

— Расскажите мне об этой штуке.

Она жестом обвела широкий залив и устье за мостками, по-прежнему мутную воду, полную мусора.

— Сеть?

Кармен подошла к защитной стене и посмотрела вниз. Тело накрыли. Рядом в различных позах, выражавших скуку и раздражение, стояли люди в синих костюмах. Один, в сером костюме, поднял глаза на Кармен с Куин и нахмурился.

Куин помахала. Кармен подумала, что это, наверное, патологоанатом, потому что человек опустил взгляд, качая головой.

— Вам нужно спуститься вниз?

— Через минуту. — Куин достала крошечный диктофон с таким видом, словно облизывала ка-

рандаш, готовясь записывать. — Расскажите мне про сеть. Это искусственный болотный массив?

— Скорее сконструированный, — ответила Кармен. — Искусственный предполагает, что он полностью создан человеком, однако многие растения, которые вы можете видеть внизу, и бродящие там животные, добровольно взялись за дело. Мы всего лишь предоставили им среду обитания. Это называется технологией плавной границы. Способ сделать переходную зону между морем и сушей более стойкой и поглощающей.

— Чтобы она поглощала штормовой прилив.

— Да, и повседневное размывание. И чтобы эти мостки и вон те дома стояли на своих местах, а не уплывали в подступающее море.

— Возможно ли, чтобы жертву вынесло так далеко на берег? Или, по-вашему, она попала сюда сверху?

— Она? — спросила Кармен. Распухшее состояние тела не позволяло сразу определить пол.

— На первый взгляд, — ответила Куин. — Теперь не спросишь. Мы узнаем у семьи.

Кармен не стала отвечать, не стала помогать этому следователю отправить кого-то в тюрьму. Однако она была ученым, и желание рассказать о своей работе оказалось непреодолимым.

— Она попала на дюны. Это широкоячеистая полимерная сеть, заполненная песком и засаженная сваллением, морской сливой и тому подобным. Ниже лежат болота. Так что да, ее могло вынести так далеко — видите, где остановилось море? На деревьях есть отметка. А если бы ее сбросили с этой стены, тело, вероятно, унесло бы в море. Поэтому оно взялось откуда-то еще. Буря просто оставила его там, где оно лежит.

Куин показала на увитые водорослями зеленые полимерные решетки, тянувшиеся вдоль кромки воды.

— А это зачем?

— Прилив нельзя остановить, но его силу можно перенаправить.

— Вы применяете приемы дзюдо к океану.

— Похоже на то.

Внизу патологоанатом снова посмотрел вверх и нетерпеливо махнул Куин.

— Мне пора, — сказала она. — Они хотят поднять тело. Я могу связаться с вами через Управление общественных работ, как городской служащий с городским служащим?

Она ушла прежде, чем Кармен успела ответить.

Или спросить, почему патологоанатом вызвал

следователя, но это Кармен осознала лишь позже, когда играла в гляделки с потолком над своей постелью.

Четыре дня спустя Кармен заставила себя перестать искать в новостях сообщения об убийстве. Одержимость медленно раскручивающейся историей не поможет вымотанному, низкооплачиваемому госслужащему делать свою работу.

Ее работа заключалась в том, чтобы отслеживать продвижение сети, которая строила себя сама — утилизируя обрывок микропластика за обрывком — вдоль края залива. Поддерживать ее. Защищать людей. Создавать среду обитания для животных. Вновь использовать поглощенный углерод, что также помогало нагревающемуся миру справляться с переменами.

На седьмой день Кармен подняла глаза от своих таблиц — и увидела Куин, которая, прислонившись к дверному косяку, наблюдала за ней.

— Как вы сюда попали? — выпалила Кармен, осознав, когда слова слетели у нее с языка, как странно — как виновато — они звучат.

— Я тоже городской служащий. — Куин не отрывала от нее пристального взгляда, и эта откровенная инспекция заставила Кармен ощутить неловкость и смущение. — На самом деле я

пришла попросить вас помочь с криминалистической экспертизой.

— А разве я не подозреваемый?

Куин склонила голову.

— А вы должны им быть?

— Нет?.. Просто я подумала… Разве человек, который нашел тело, не становится подозреваемым автоматически?

— Вы смотрите слишком много детективных сериалов. — Куин вошла в кабинет, ее движения были такими же плавными, как и речь. Взглядом спросив разрешения у Кармен, она закрыла дверь. — Только не в том случае, когда труп — утопленник, которого вынесло на плавную границу, а нашедший его — инженер, выполнявший свою работу. Разумеется, при условии, что вы не были знакомы.

— Ее имя стало известно, а я это упустила?

Кармен вызвала поисковую панель. Скривила рот. Заставила себя закрыть панель. *Я не должна поддаваться контрпродуктивной одержимости. Я не должна поддаваться контрпродуктивной одержимости. Я не должна поддава…*

— Еще нет, — сказала Куин и, следуя жесту Кармен, уселась в кресло, скрестив ноги.

— И все-таки, разве это не подозрительно, что

вышеупомянутый инженер является специалистом по приливам и отливам?

— Вы *хотите* стать подозреваемым?

Кармен прижала основание ладони ко лбу и невесело усмехнулась.

— Нет?

— Тогда прекратите это обсуждать.

Куин распрямила ноги и подалась вперед, упершись локтями в колени, заставив воротник прекрасно скроенного сизого костюма распахнуться.

Кармен вскинула подбородок и решила играть в открытую.

— Меня уже обвиняли в преступлении, связанном с насилием.

— Я знаю, — ответила Куин. — Я проверила. Вас оправдали.

— Обычно копов подобные вещи не интересуют.

Куин улыбнулась.

— Вы провели шесть месяцев в тюрьме в ожидании суда. Понимаю, почему сейчас вы автоматически меня возненавидели.

Кармен решила не удостаивать ответом эту реплику и очень тихо закрыла наполовину открытый рот.

— Никто не должен сидеть в тюрьме, — сказала она.

— В этом вопросе мы с вами расходимся, — ответила Куин. — Мне жаль это говорить, но, вероятно, это было убийство на сексуальной почве.

— Убийство на сексуальной… — Обычно Кармен не употребляла эти слова вместе.

— Серийный убийца, — устало объяснила Куин. — Или вот-вот им станет. Нам нужно хотя бы три тела, чтобы вызвать ФБР.

Кармен прикусила губу, чувствуя, что ерзает на месте.

— Что вы знаете о… — Куин покосилась на свой планшет, — об установлении происхождения микропластика и морской воды?

— Я практически написала научный труд на эту тему. — Кармен развернула свое кресло спиной к компьютеру и оперлась локтями о настольную накладку. Ее захлестнуло облегчение. С этим она могла справиться. В отличие от… убийства на сексуальной почве. В отличие от возможности отправить кого-то в тюрьму.

— Вы можете как-то помочь нам поймать убийцу? — спросила Куин. — Можете на основании, скажем, приливно-отливных графиков и трасо-

логических улик, найденных на теле, сказать, где она могла попасть в воду?

— Возможно, я смогу исключить множество мест. Сеть отфильтровывает и перерабатывает микропластик, чтобы надстраивать плавную границу. Если в ее одежде окажется много микропластика, значит, она утонула далеко от нашего технического периметра.

— У меня есть пробы из легких жертвы, — сказала Куин. — Можете взглянуть на них?

— Вы должны понять, — осторожно произнесла Кармен, — что я категорически против тюрем из этических и логических соображений. Я считаю их ужасной выдумкой, которая наносит вред человеческому обществу и порождает новые преступления.

— Само собой, — обезоруживающе согласилась Куин. — Возможно, вы правы. Но это ужасное решение — лучшее из известных мне решений, не дающее насильникам-рецидивистам вернуться к насилию, а у меня степень по уголовному праву. Итак. Вы мне поможете?

— Мне не следовало бы.

— Но?

— Наука может быть интересной, — сказала Кармен.

По насмешливому выражению лица Куин Кармен поняла, что Куин тоже испытывала непреодолимое стремление установить истину. Следователь тоже была в своем роде ученым, проверявшим гипотезы и собиравшим данные. Желание *выяснить* было сильнейшей из мотиваций.

Кармен села прямо.

— Подождите. Если она утонула, почему экстренные службы сообщили об убийстве?

— Ее руки были связаны за спиной, — ровным голосом ответила Куин.

Кармен выдохнула худшее ругательство, что пришло ей на ум. С интересом наблюдавшая за ней Куин кивнула.

— Я не смогу вам помочь, — сказала Кармен, натянуто улыбнувшись.

Пробы воняли. Кармен могла лишь догадываться, что источником зловония служит разлагающаяся легочная ткань. Кадаверин, путресцин. Она оставила флаконы постоять на ночь, пипеткой отобрала осадок, отцентрифугировала и распределила слои по предметным стеклам. Закрыла флаконы и быстро накрыла образцы покровными стеклами, после чего склонилась над микроскопом. Затем изучала базы данных и

просматривала увеличенные карты концентраций загрязняющих веществ, пока ей не начало казаться, будто ее голову зажали в тисках.

В восемь вечера она выпила две чашки отвратительного кофе с добавлением порошка какао вместо ужина. Потом взялась за сохраненные записи со станций мониторинга к северу и западу от города. За размытой границей, за пределами нынешнего охвата сети. В воде было слишком много загрязнителей, а значит, жертву выбросили — *утопили* — не в восстановленной зоне. Но сеть росла. И там, где она должна была пройти, коллеги Кармен поместили метеостанции, и станции мониторинга загрязнения, и всевозможное оборудование, чтобы получить картину экологических условий до и после рекультивации.

Кармен прогоняла алгоритм за алгоритмом, пока ей не удалось соотнести непереработанный пластик и загрязнители в легких жертвы с пластиком и загрязнителями на конкретном участке береговой линии. Вдоль берега были раскиданы станции наблюдения. Некоторые записывали видео.

Через два часа тринадцать минут у нее была запись.

Она знала, в каком месте жертва оказалась в

воде. Знала номер автомобиля, который привез убийцу и жертву в то судьбоносное место. У нее была нечеткая запись с убийцей, бросавшим связанную жертву с дамбы в реку, которая, должно быть, вынесла ее в море.

Аэростат-дрон заснял случившееся и сохранил в своей неутомимой оптической памяти.

Я не могу, подумала она.

Но была та запись со связанной женщиной — живой, сопротивляющейся, — которую швыряли с дамбы вниз, на верную смерть в холодной мутной воде.

Ее беспокоило не установление личности убийцы. А то, что могло произойти потом. Что непременно произойдет, если будет предъявлено обвинение.

Вонь образцов по-прежнему пробивалась сквозь синтетический аромат жимолости, хотя она трижды вымыла руки.

— Это вам не аравийские благовония, — пробормотала Кармен и отправилась мыть руки в четвертый раз, говоря себе, что цепкий запах — не метафора.

Утром она все еще пыталась решить, позвонить ли Куин и если да, то что ей сказать, когда Куин вновь появилась в ее дверях. Кармен подпрыгну-

ла, когда следователь прислонилась к косяку.

Куин с любопытством оглядела Кармен.

— Может, убийца все-таки вы.

— Может, вы призрак, который постоянно мне является.

Куин пожала плечами, выпятив нижнюю губу и качнув головой вбок.

— Знаю, я дала вам недостаточно времени…

— Достаточно, — перебила Кармен.

Куин посмотрела на нее. Нахмурилась. Протянула руку.

— Давайте выпьем кофе, — предложила она.

Кармен привела ее в небольшую кухоньку, где Куин понюхала кофейник, сказала: "Я угощаю", — и в свою очередь увела Кармен обратно по коридорам и холлу в небольшое кафе напротив. Когда они устроились с капучино и печеньем, Куин оперлась локтями о стол, покрытый скатертью в красную клетку, и произнесла:

— Вам не нравятся копы.

Кармен поболтала печенье в кофе, чтобы не смотреть ей в глаза.

— Вы мне нравитесь. Проблема в вашей работе.

— Буду откровенна, большую часть времени я с вами солидарна, — признала Куин. — Но кто-то

должен это делать, и если это делаю я, то мне известно, кто принимает решение, становиться говнюком или нет, и я могу как-то на это повлиять.

Кармен невольно рассмеялась.

— Передо мной моральная дилемма, Куин. Думаю, я знаю, кто это сделал.

— Вы выяснили это в одиночку? Фантастика. Придется выплатить вам гонорар.

— Ладно, я не знаю, кто именно это сделал. Я знаю, как узнать, кто это сделал.

Куин отпила кофе.

— И в чем заключается дилемма?

— В том, о чем я вам говорила, — ответила Кармен. — Тюрьмы — это зло.

— Необходимое зло.

— Нет.

Куин постучала печеньем по краю стаканчика.

— Вы хотите просто *отпустить* убийц и насильников?

— Я хочу изменить общество, чтобы люди поддерживали друг друга и заботились друг о друге. Чтобы убийц и насильников просто… просто не было.

Куин хохотнула.

— Это против человеческой природы. Сколько

богатых говнюков следует отправить в тюрьму? У них нет никаких проблем с поддержкой, но они все равно совершают преступления?

Смех Кармен по горечи намного превосходил ее кофе.

— А сколько богатых говнюков действительно отправляются в тюрьму? Когда вы в последний раз конвоировали банкира, Куин?

Куин опустила взгляд.

— Я занимаюсь *убийствами*.

— Значит, если убийств не будет, вы лишитесь работы.

— С удовольствием, — сказала Куин. — Но этот номер не пройдет, Поллианна.

Кармен уставилась на нее. Быть может, следовало попробовать иной подход.

— А *вы* когда-нибудь убивали кого-то?

— Конечно, нет.

— Но разве вы не человек?

Куин фыркнула.

— Моя бывшая жена с этим не согласится, но… я человек. Ладно, совершать насильственные преступления свойственно *испорченной* человеческой природе. Эгоистичной человеческой природе. Хищной человеческой природе. Вы хотите выпустить хищников на свободу, чтобы

они причиняли вред всем, кому пожелают? Как вы собираетесь поступить с теми убийцами, которые у нас уже есть? Вы не сможете не дать этим людям вырасти плохими. Как насчет их жертв и причиненных им психологических травм? Как насчет защиты общества?

— Наказание — это не средство сдерживания. Карательная судебная система не снижает уровень преступности, потому что не воздействует на ее причину. А в конечном итоге лишь порождает больше преступников. Если вам не нужны рецидивисты и новые искалеченные поколения, нужно полностью изменить свою философию.

— Это не моя философия. — Куин откусила кусочек от своего печенья и принялась жевать, откровенно раздосадованная. Потом допила остатки кофе. Подкрепив таким образом силы, она продолжила: — Моя главная задача — обеспечить безопасность невинных людей и защитить ткань общества.

— Моя тоже. Я полагаю, что когда-нибудь то, что мы называет тюрьмами, будет считаться таким же варварством, как "железные девы" и поджаривание людей на вертеле.

— Звучит отлично. — Куин поковыряла в зубах ногтем большого пальца. — Каков план дей-

ствий?

— Изменить мир, — ответила Кармен.

Куин не глядя швырнула свой стаканчик в устройство для переработки отходов. Словно повинуясь руке ангела-хранителя, стаканчик попал точно в цель. Следователь вознесла глаза к потолку и воззвала к невидимой высшей силе:

— Последнему анархисту надо бы воздержаться от травки и сочувствия.

— Я не анархист! — возразила Кармен. — Просто я верю в коллаборативное управление, а не в карательное. Если вы хотите, чтобы люди ощущали себя частью системы, нужно дать им доступ к этой системе и власть над ней.

— Всегда найдутся говнюки, — сказала Куин. — Пожалуйста, поведайте, что вы узнали про *этого конкретного* говнюка, чтобы я помешала ему вновь стать говнюком.

Кармен взяла пакетик сахара и принялась вертеть его в руках.

— Я могла бы добавить, что, промолчав сейчас, вы станете виновной в сокрытии улик.

Неужели?

— Лица, отказывающиеся выполнять свой долг по морально-этическим соображениям, и прежде попадали в тюрьму за свои принципы.

— Вы препятствуете правосудию.

— Вы меня арестуете? — Кармен подумала, не станет ли мученицей. *ОТВАЖНЫЙ УЧЕНЫЙ БРОСАЕТ ВЫЗОВ КОПАМ И РИСКУЕТ ПОПАСТЬ В ТЮРЬМУ РАДИ ПРИНЦИПОВ. СЕРИЙНЫЙ УБИЙЦА ДО СИХ ПОР НА СВОБОДЕ.*

Нет. Эта последняя часть не принесет ей любви ближних.

Не принесет ей *собственной* любви.

Куин мгновение удерживала ее полный вызова взгляд. Наконец ответила, не отводя глаз:

— Нет. Я вас попрошу. Расскажите мне, что вам известно. Позвольте правосудию свершиться. Тот, кто это сделал, не остановится.

Он не остановится. Кармен это знала. Прошлой ночью она не спала. Стоило закрыть глаза, как она видела сопротивляющуюся, спотыкающуюся жертву и убийцу, толкавшую ее по дамбе. Кармен слишком хорошо представляла, на что это похоже: проволока, врезающаяся в запястья, тошнотворное падение, ледяной, сбивающий с толку всплеск…

Тщетная борьба. Боль от воды, заполняющей легкие.

Кармен отодвинула кофе.

— Как бы я ни поступила, это будет непра-

вильно, — сказала она. — В нынешней ситуации нельзя поступить правильно. Нужно построить мост отсюда до правильного поступка, прежде чем мы сможем его совершить.

— Прежде чем строить мост, нужно найти опору, на которой стоять. То, что вы предлагаете, неосуществимо. Дороги нет. — Куин покачала головой. И с уверенностью добавила: — Просто есть дрянные люди.

— То же самое говорили про дестабилизацию климата, — возразила Кармен. — Слишком сложно. Неосуществимо. Но вот она я. А нестабильный климат вносит свой вклад в социальный стресс и асоциальное поведение. Если мы можем облегчить одно, почему не можем облегчить другое?

Куин скрестила руки и оперлась плечом о стену.

— Ладно. И какой поступок будет правильным?

— Спасти мир, — ответила Кармен. — И всех людей в нем.

— Вы спасете людей, если уберете этого парня.

— В краткосрочной перспективе, — согласилась Кармен. — В долгосрочной перспективе я укреплю систему, которая разрушит и принесет в жертву намного больше жизней.

— Получается что-то вроде идиотской этической дилеммы вагонетки.

— Я уже поступаюсь своими принципами.

— У нас нет ничего, кроме целесообразности и адекватности. И никогда не было. Вам станет легче, если я попрошу обвинителя вызвать вас в суд для дачи показаний? Тогда это будет не ваша вина.

Казалось, это было настоящее, дружеское предложение помощи. Кармен потрясенно осознала, что Куин говорит искренне. Что она не согласна с Кармен — возможно, считает ее идиоткой, — но уважает ее право принимать решения, даже если эти решения Куин не нравятся.

Кармен покачала головой, но не стала спорить. *Господи, помоги мне*, подумала она и поднялась.

— Мне пора.

Она сунула руку в карман и достала лежавшую там флешку. Протянула ее Куин. Та аккуратно взяла флешку, следя за лицом Кармен, словно за пугливым животным.

— Я не стану давать показаний, — сказала Кармен.

— Ладно. Не буду говорить за окружного прокурора, но это более чем справедливо. — Куин склонила голову набок. Сверкнула сережка с

розовой позолотой. — Надеюсь, однажды вы осознаете, что вы герой.

Кармен скрестила руки на груди и изо всех сил стиснула себя.

— В трагедиях не бывает героев.

Н. К. Джемисин[47]

Н. К. Джемисин (nkjemisin.com) *живет в Бруклине — районе Нью-Йорка. Она опубликовала уже девять романов, в том числе трилогию* Inheritance *("Наследие"), дилогию* Dreamblood *("Кровь мечты"), трилогию* Broken Earth *("Расколотая земля") (все три романа, вошедшие в нее:* The Fifth Season *("Пятое время года"),* The Obelisk Gate *("Врата Обелиска") и* The Stone Sky *("Каменные небеса") стали обладателями премии "Хьюго"), а также роман* The City We Became *("Город, которым мы стали"). Она — единственный писатель, получивший три премии "Хьюго" подряд в номинации "Лучший роман". Рассказы Джемисин публиковались в литературных журналах "Clarkesworld", "Postscripts", "Strange Horizons", "Jim Baen's Universe", а также в различных антологиях и вошли в сборник* How Long 'til Black Future Month? *("Далеко ли еще до наступления черного месяца будущего?") Она дважды получала премию "Локус", один раз — "Небьюла" и, кроме того, становилась обладательницей мно-*

---

[47] Примечания: 47

© N.K. Jemisin, 2019; © пер. Н. Нестеровой, 2020.

гих других наград. Джемисин является членом писательской группы Altered Fluid *("Измененный флюид"). Помимо литературной деятельности, она является психологом-консультантом и преподавателем (специализируясь на вопросах карьеры и развития студентов), увлекается хайкингом, мотоспортом, а также ведет блог на различные политические и социальные темы. В прошлом Джемисин работала обозревателем в "New York Times Book Review" и до сих пор пишет критические статьи для данного издания.*

Аварийная кожа

Вы — наш инструмент.

Вы прекрасны. Вы обладаете всем, что свидетельствует об улучшении человеческого организма. У вас более развитые мускулы. Вы прекрасно управляете своим телом. Органические нарушения не влияют на вашу умственную деятельность, а ваш высокий интеллект культивировался в результате длительной селекции. Вот как вы будете выглядеть, когда придет ваше время. Обратите внимание на благородный лоб, классические аристократические черты лица, стройное тело, длинный пенис и узкие бедра. Цвет волос обозначен как "блонд". [Прошу вас, вот ссылка на различные типы волос.] Разве вы не чудесны? Или будете таковым когда-нибудь. Но сначала вы должны заслужить всю эту красоту.

Мы начнем с инструктажа, раз уж вы получили доступ к информации, обладающей уровнем секретности. На первый взгляд задание простое: вернуться на разрушенную планету Теллус, где зародилось человечество. Когда наши Основатели поняли, что мир умирает, они втайне построили двигатель Маскоса-Мерсера. Затем на-

ши предки изменили световые законы и бежали на новую планету, вращавшуюся вокруг Солнца, чтобы часть человечества — самая лучшая — смогла уцелеть. Мы воспользуемся ДММ, который был впоследствии модернизирован нашими учеными, чтобы вернуться на ту планету. Для вас путешествие займет несколько дней. Но когда вы вернетесь, здесь пройдут годы. Какой же вы смелый, раз решили следовать по стопам своих прародителей!

Нет, на Теллусе не осталось ничего живого. После того как люди покинули планету, глобальная экологическая катастрофа затронула все ее природные зоны. Там было слишком много людей, слишком много тех, кто оказался неподходящим, слишком слабым, слишком старым или слишком юным. Даже те, кто обладал идеальными физическими данными, оказывались чересчур недалекими и робкими. Они не обладали достаточным инновационным мышлением или силой воли, чтобы решить проблемы, с которыми столкнулся Теллус, поэтому мы сжалились над ними и приняли единственно верное решение — оставили их на планете.

Разумеется, это было проявлением жалости. Вы же не думаете, что ваши предки хотели бросить

миллиарды людей на произвол судьбы, чтобы они умирали от голода, гибли от недостатка кислорода или тонули во время наводнений? Просто наш новый дом мог принять лишь немногих.

Теллус находится примерно в тысяче световых лет от дома, это означает, что изображениям планеты, которое мы получаем, тысячи лет. Мы не можем наблюдать за ней в режиме реального времени, но нам заранее известно, какая судьба ее ожидала. Теперь Теллус — это планета-кладбище. Мы предполагаем, что ее моря стали кислотными и пустынными, ее атмосфера превратилась в удушающую смесь из углекислого газа и метана. Дожди наверняка давно уже перестали идти, на смену им пришла засуха. Идти по этому кладбищу будет тяжело и опасно. Вы увидите города, утонувшие в токсинах, по-прежнему горящие подземные угольные пожары, расплавившиеся атомные станции. Но самое ужасное, что вам, возможно, доведется увидеть, это следы былого величия на той планете, которая когда-то казалась такой идеальной. Человечество могло бы начать строительство высоко в небе, где гравитация была не такой мощной. Мы могли бы развернуть подобное строительство по всей планете, потому

что у нее не было приливного захвата[48]. [Прошу вас, вот ссылка, разъясняющая, что такое ночь.] Обращаю внимание на названия, которые будут попадаться вам на зданиях и развалинах. Вы увидите там имена прародителей клана наших Основателей — величайших мужей, которые все последние десятилетия существования этой планеты потратили на то, чтобы накапливать ресурсы и технологии, необходимые для спасения лучших представителей человечества. Эту планету стоит почитать хотя бы за то, что именно на ней появились столь великие люди.

В целях успешного завершения миссии и для сохранения вашего душевного здоровья в течение продолжительной изоляции, мы будем сопровождать вас. Мы — это динамическая матрица единомыслящего интеллекта, вобравшего в себя идеи и благодатную рациональность наших Основателей. Мы имплантированы в ваш разум и будем сопровождать вас повсюду. Мы — ваши спутники, ваше сознание. Мы будем снабжать вас необходимыми сведениями о планете, чтобы помочь выжить на ней. В критических случа-

[48] Примечания: 48

В астрономии — ситуация, когда период обращения спутника вокруг своей оси совпадает с периодом его обращения вокруг центрального тела.

ях и при необходимости мы сможем оказать вам первую помощь посредством композитных соединений. А если целостность композитных соединений будет нарушена или возникнет другая чрезвычайная ситуация, мы запрограммированы на проведение адаптивных действий.

[Ваша просьба отклонена.] Вам пока не нужно об этом знать. Пожалуйста, сосредоточьтесь и умерьте ваше любопытство. Главное — выполнить миссию.

Вы не имеете права провалить ее. Она слишком важна. Но будьте уверены: самые лучшие из нас сейчас сопровождают вас, находятся внутри и вокруг вас, заботятся о вашей безопасности и правильном выполнении задания. Вы не одиноки. Вас ждет успех.

Вы проснулись? Мы достигли границы Солнечной системы. Скоро мы будем на месте.

Любопытно. Спектроскопия показывает, что пространство вокруг Теллуса чистое. Когда мы покидали планету, она вся была окружена мусором.

Еще больше удивляет отсутствие радиоволн. Наша планета находится от Теллуса слишком далеко, чтобы на протяжении многих десятилетий улавливать аудиовизауальные сигналы, которые

когда-то транслировали в космос представители нашей расы… нет, это произошло не намеренно. Просто никто не знал, как поступить. Когда-то мы опасались, что эти сигналы могут привлечь к нам внимание враждебных инопланетных рас… но сейчас это уже не имеет значения.

По мере того как мы подлетали к Солнечной системе, эти волны окружали нас: музыка, развлекательные программы, предупреждения и приказы, давно потерявшие свою актуальность… Нет, мы советуем вам не прислушиваться. В данный момент это всего лишь шумовое загрязнение среды. Но мы *ожидали*, что шум будет распространяться по Вселенной, как пузырь, постоянно увеличивающийся в размерах, и этот пузырь станет последней эпитафией Теллусу. А после, разумеется, должна была наступить тишина, могильная тишина. Впрочем, даже эту тишину нарушали бы некоторые звуки, ведь на Теллусе и вокруг него оставалось слишком много различных механизмов, которые должны были пережить хотя бы еще одно тысячелетие. Например, на орбите должны были остаться спутники, а их там нет.

Очень странно.

Что ж. Astra inclinant, sed non obligant[49]; у нас были определенные представления о том, как будет проходить эта миссия, но и мы можем ошибаться. Поэтому мы не стали отправлять сюда бота; когда речь заходит о встрече с неизведанным, человек лучше подходит для выполнения подобных задач, чем искусственный интеллект. Вы просто должны быть готовы ко всему.

Нет, неправда, анализ атмосферы не может так сильно отличаться от созданной нами модели. Вероятнее всего, когда мы пролетали мимо Сатурна, космический мусор задел корабль и повредил его усовершенствованный спектроскоп. Все эти данные абсолютно не имеют смысла.

Пожалуйста, подготовьтесь к выходу в космическое пространство и ремонту сенсора. Настройте на вашем композитном соединении защиту от радиационного излучения глубокого космоса. Вы же хотели лучше рассмотреть Сатурн; теперь сможете увидеть его, находясь за пределами корабля.

Этого… не может быть.

Эти перемещения. Эти огни. На планете должны

---

[49] Примечания: 49
Звезды склоняют, но не принуждают (*лат.*)

быть явные признаки экологической катастрофы. Она уже начиналась, когда Основатели покинули ее, но данные наших географических карт совершенно не совпадают с тем, что там располагается сейчас. Видите эту извилистую разветвляющуюся линию на юго-западе континента? Там находилась, *находится*, река Колорадо. На картах указано, что она высохла, когда наши предки покинули планету. Миллионы умерли, пытаясь мигрировать на восток и север, где еще могла сохраниться пресная вода. Вымерло несметное количество животных. Но вот эта река, и она снова течет.

Вся береговая линия должна была исчезнуть. Этого государства больше не должно существовать. И того архипелага. Ледники… они снова там! И выглядят иначе, кажутся новыми, но их оказалось достаточно, чтобы способствовать повышению уровня моря. Как такое могло произойти?

[Государство: устаревший термин для обозначения геополитической конструкции. Пояснения не требуются.]

Да, вы правы. Намного, *намного* больше, чем дом. У себя мы обходимся тем количеством людей, которое нам необходимо для его обслуживания:

всего шесть тысяч, включая прислужников и наемников. Здесь, наверное, миллионы. Миллиарды. Старое мироустройство, слишком много людей… однако воздух чистый. И моря стали чище, чем когда мы улетали отсюда.

Мы даже не знаем, что сказать.

Мы не были готовы к такому варианту развития событий. Пожалуйста, подождите, пока мы рассчитаем и примем новое единогласное решение…

Да, миссия по-прежнему невероятно важна. Да, нам все еще требуются искомые образцы для создания…

Да…

Нет, наш мир не выживет без этих образцов.

Мы рекомендуем на время отложить выполнение задания и все хорошенько изучить.

Разумеется, вы можете отвергнуть наш совет, но…

Ах, каким же смелым они вас создали! Таким же, как Основатели, которые не смогли бы выжить без мужества, делавшего их такими жестокими и вместе с тем разумными. Очень хорошо.

Жители Теллуса не могут быть такими же восхитительно безжалостными, как вы. Да, они

смогли уцелеть, хотя и непонятно, какая счастливая случайность помогла им в этом, но не стоит забывать о том, насколько они примитивнее нас. У них недостаточно интеллекта, чтобы поставить разум выше чувств. Они не захотели сделать все необходимое, чтобы выжить. Вы бы так не поступили.

* * *

Постарайтесь не привлекать к себе внимания. Это…

На что вы сейчас смотрите? Не отвлекайтесь.

Это называется лесом. Вы ведь уже видели деревья дома на родной планете в частных владениях клана Основателей? Эти деревья произрастают в дикой природе. Согласно нашим данным, вы сейчас находитесь неподалеку от города, называвшегося Роли. Видите те развалины за деревьями? Когда мы улетали, Роли был под водой. Вероятно, они отвоевали этот участок суши у моря, но удивительно, что никто не попытался восстановить город или хотя бы вырубить лес. Подобный хаос кажется нам уродливым и ужасно неэффективным.

Ваш композитный материал способен выдерживать столкновения с микрочастицами в

космическом пространстве, так что, разумеется, ветви деревьев и камни не способны проникнуть сквозь него, однако вы слишком отвлекаетесь на эти предметы и замедляете движение. Мы специально разработали ваш маршрут, чтобы сопротивление было минимальным. Пожалуйста, следуйте по линии, которая отражается на вашем лобовом дисплее.

Хмм, да. Мы полагаем, что вы находите это красивым. Это лишайник. Да, он очень зеленый. В этой луже — стоячая вода. Она образовалась после выпадения осадков, а, возможно, здесь вышли на поверхность грунтовые воды. Мы не знаем, пройдет ли в ближайшее время дождь, но подобная влажность подразумевает регулярное выпадение осадков.

Это птицы. Те звуки издают птицы. Близится рассвет, и они поют, потому что скоро начнется день.

Да, спасибо, но, пожалуйста, не отвлекайтесь от миссии; еще немного, и мы перейдем на энергосберегающий режим. Эти люди в сравнении с нами явно находятся на примитивном уровне развития технологий, но, возможно, у них есть простейшие устройства для ведения наблюдения. Так что не привлекайте к себе внимания.

[Прошу вас, вот список опасных представителей флоры и фауны.]

Ваше дыхание слишком частое. Оно ускоряет ваш метаболизм до неприемлемого уровня. Если вы продолжите поглощать нутриенты с такой же скоростью, они закончатся, прежде чем мы успеем вернуться на корабль и пополнить их запас. Успокойтесь.

Не то чтобы мы осуждали вас за этот страх…

Просим прощения. Волнение и страх во многом похожи, по крайней мере с неврологической точки зрения. В таком случае речь идет о вашем *волнении*. Мы считали эту планету мертвой. Остатки нашей расы, которую должен был уничтожить неизбежный процесс эволюции, каким-то чудесным образом уцелели. Мы согласны, что это важнейшее историческое событие.

Оказывается, они подняли весь город на какую-то… платформу. И… как это поразительно: материал, из которого сделана платформа, напоминает пластик, но при подробном анализе выясняется, что это целлюлоза. Она дышит, как и растения, если, конечно, эти показатели CO2 и кислорода верны. Пожалуйста, возьмите образцы. Наши ученые в "Биотеке" постоянно ищут новые ценные ресурсы…

Ох. Вы говорите, что этот материал не берет даже мономолекулярное лезвие? Хмм. Возвращайтесь к выполнению задания.

Странно, что это поселение находится на возвышении. Оно могло быть полезным, когда уровень моря поднялся, но теперь планета вернулась к нормальному состоянию и потребность в платформе отпала. Возможно, проблема заключается в понесенных издержках?

Что ж, содержать город на платформе намного дороже, чем на земле. Вода и другие ресурсы должны доставляться наверх, а это несет дополнительные расходы на техобслуживание. И как вы сами видели, растительность и дикая природа быстро наступают на город, прорастают сквозь него.

Почему они мирятся с этим? Неужели только потому, что это кажется им милым? Впрочем, от них вполне можно ждать чего-то подобного. Прошу вас, возвращайтесь к выполнению задания. Приготовьте композитный материал к восхождению.

Любопытно, что у них нет ни полиции, ни явного наблюдения. По ночам здесь темно, да, это разъяснялось в ссылке, которую мы вам давали. Отрегулируйте остроту вашего зрения, чтобы

компенсировать недостаток света. Похоже, что освещение этого поселения выделяет небольшое количество тепла, и вы можете активировать инфракрасное излучение, если это вам чем-то поможет…

Солдат, держите себя в руках! Ваша реакция совершенно неуместна. Нет, этот человек не ученый и не член клана Основателей. Что ж, для начала посмотрите на цвет их кожи. Все оттенки от меланизма до альбиносизма? Судя по всему, они совершенно не уделяют внимания базовым принципам евгеники. Посмотрите, вон у того на теле заплатки! Отвратительно. Они больше похожи на выросших в неволе животных, чем на людей.

Мы не знаем. Представители низшего сословия на этой планете, сельскохозяйственные жители, обслуга, разнорабочие должны функционировать без композитных костюмов. Если окружающая среда на планете была восстановлена, то у них нет необходимости в подобных технологиях. Однако очевидно, что отсутствие композитов не идет им на пользу.

Эти невнятные булькающие звуки, однако, кажутся знакомыми, так как их можно сопоставить с нашим языком. Аудио-анализ выявил знакомую

фонетику и синтаксис. Но язык со временем сильно исковеркан включениями в него элементов других языков. Дома клан Основателей тщательно следил за тем, чтобы мы использовали только язык Основателей и их почтенных праотцов. Вот, что могло бы произойти, не прояви мы должную осмотрительность. Нам нужны аудиообразцы, которые мы сопроводим расшифровкой с примерным переводом…

Ой, вы только посмотрите на него! Такое анатомическое строение называется "жирным". Жирные люди вызывают эстетическую неприязнь, они омерзительны с моральной точки зрения и совершенно бесполезны с экономической. И, о Основатели, вы только взгляните на это! Бедняге позволили *состариться*! Почему он все еще жив? Если он представляет генетическую ценность, почему ему разрешили прийти в такое упаднические состояние? Какая немыслимая жестокость! Неужели у них здесь нет консервационных технологий? На что они тратят всю свою инновационную энергию? На бессмысленные проекты — вроде установки города на платформу? Ох. А теперь взгляните на *этого*! Того, что справа, видите? Он катится на чем-то, напоминающем кресло. Похоже, что нижняя часть его

тела парализована. Вот для чего здесь повсюду пандусы и такие широкие двери — для него и других ему подобных. Еда, вода и чрезмерно дорогие строительные материалы тратятся на бесполезных, непродуктивных, непривлекательных персон!

Эти люди совсем не изменились. Они все еще строят свои общества вокруг самых слабых и самых худших из них, а не вокруг самых лучших и умных. Мы не можем понять, почему они все еще живы… но если они смогут дать необходимую нам клеточную культуру, мы благополучно покинем их планету и вернемся к цивилизации.

Пожалуйста, задержитесь на минуту; здесь, в этом переулке, вам ничего не угрожает. По крайней мере пока что. В связи с новой обстановкой в нас активировали ряд протоколов, и мы должны быстро проинструктировать вас.

Вы помните, мы упоминали адаптивные действия как возможную реакцию в случае возникновения чрезвычайных ситуаций при выполнении миссии? Это означает следующее: поскольку данная миссия является невероятно важной, ваш композит представляет собой более совершенную модель по сравнению с теми, которые мы обычно выдаем представителям военного

класса. Он содержит трансформирующийся нанитовый слой, который в случае активации способен преобразовывать углеродные шарики, синтетические коллагеновые волокна и плазмиды "HeLa"[50], встроенные в ваш композит, в человеческую кожу. Нельзя сказать, что она будет выглядеть совсем как настоящая, но по крайней мере так будет меньше шансов, что вас обнаружат и что эта миссия…

Нет, мы обещаем вам, ваше лицо и тело не останутся такими навсегда…

Послушайте. Послушайте! Аварийная кожа — это лишь временная мера. Как только вы вернетесь домой с образцами клеток, наши ученые изменят вашу клеточную структуру и воссоздадут тот самый внешний вид, который был вам обещан. Конечно, мы так и сделаем; вы ведь заслужите это, не так ли? Если вы удачно завершите миссию, то станете героем. Зачем нам отказывать вам в том, что вам причитается по праву?

Нет, мы считаем, что вам небезопасно идти в тот анклав в вашем нынешнем виде. У этих людей примитивные ценности, примитивные технологии; они никогда еще не видели компо-

---

[50] Примечания: 50

Линия "бессмертных" клеток, полученных из раковой опухоли и используемых в биологии и фармакологии.

зитных костюмов. Судя по всему, они терпимы к самому разному строению лиц, но *у вас вообще нет лица*. С их точки зрения, вы не обладаете характеристиками, которые позволили бы им идентифицировать вас как их соплеменника-человека. Вы не говорите на их языке. Но это не имеет особого значения. Если у них есть оружие, они могут пустить его в ход, как только увидят вас. Вы не сможете завершить миссию, так как окажетесь у них в плену или будете убиты.

Взять заложника? Нет. Это глупо. Здесь десять или даже пятнадцать человек, они чем-то занимаются. Что это, какой-то религиозный ритуал? Танец во славу Солнца? Что за варварство! Как понять, кто из этих презренных людишек представляет достаточную ценность, чтобы его можно было обменять на необходимые нам биоматериалы? Если вы схватите какого-нибудь прислужника, они просто обрекут его на смерть. Да, это будет смелый решительный поступок — мы одобряем эти ваши качества, можете не сомневаться — но все равно это безумие. Вы ничего не знаете об этих людях, чтобы привести в исполнение план, который только что описали. Неужели вы готовы рискнуть всем вместо того, чтобы активировать вашу запасную кожу? Не-

ужели перспектива, что вы, пусть и временно, станете несовершенным, доводит вас до такой паники, что м…

О Основатели!

УГРОЗА БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕТВЕРТОГО УРОВНЯ.

СДЕРЖАТЬ ПОДАЧУ АДРЕНАЛИНА. УСИЛИТЬ РАБОТУ ЛИМБИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ. ПОДКЛЮЧИТЬ ФАБРИКАЦИЮ ОРУЖИЯ. ПЕРЕКЛЮЧИТЬ СРЕДНИЙ МОЗГ В РЕЖИМ "ДЕРИСЬ ИЛИ УБЕГАЙ" НА СЧЕТ ТРИ.

ДВА.

.[]

.

.[]

Подключение установлено. Перезагрузка через пять секунд. Четыре…

С вами все в порядке? Вы не ранены. Композит не был поврежден. Оружие, которое они использовали, напоминает усовершенствованную версию того, что мы видели еще до Великого исхода. Можно назвать его электрошокером. Но будьте осторожны, вы здесь не один.

— Эй! Успокойся. Никто не хочет причинить тебе вред. Ты меня понимаешь? Ладно. Хорошо. Как ты себя чувствуешь? Ты несколько часов провел без сознания.

Как нам удается понимать его? У нас не было времени, чтобы создать программу для автоматического перевода, и слуховой нерв не может синхронизироваться с его речью. Но вы отчетливо *слышите* его слова.

Что это у вас на лицевых сферах? Похоже на какое-то устройство. Звук, который вы слышите, передается через него. Он переводит вам его слова.

— Ой, прости за это. Обычно мы используем слабый нейротоксин, чтобы нейтрализовывать агрессивных людей. Но у тебя ведь… ээ… искусственная кожа? Поэтому нам пришлось прибегнуть к более сильнодействующему средству.

Действовать нужно очень осторожно. Ничего не говорите ему. В любом случае он всего лишь прислужник. Посмотрите на его кожу, своим цветом она напоминает песчаную пыль. Черты его лица лишены изящества и полны дефектов. Один глаз расположен выше другого, совсем чуть-чуть, но все-таки. Не обманывайте себя; здесь никто не носит композитных костюмов. *Наша* кожа

— это знак отличия. *Их* кожа лишена всяческой целесообразности.

— Как тебя зовут?

Не смотрите на него так пристально.

— Ну ладно. Наверное, ты имеешь право не отвечать мне. Может, мне стоило начать с себя. Меня зовут Джалиса. Я… э-э… академист? Наверное, это у вас так называется. Хотя на самом деле я просто студентка, а наука, которую я изучаю, мало известна, ха-ха, так что можно сказать, что я сейчас просто пришла поглазеть на тебя.

Нам придется очень многое объяснять в его высказывании, но мы постараемся. Очевидно, что здесь правящий класс все еще позволяет получать образование и обычным людям…

— Знаешь, зря ты схватил ту женщину. Ты ее до чертиков напугал. Но с ней все в порядке, если тебе это интересно. Честно говоря, сейчас, когда мы разобрались в том, что произошло, я больше переживаю за тебя.

Это допрос. Он пытается успокоить вас. Далее пойдут вопросы о вашей миссии, о нашем доме, о наших секретных технологиях…

— Бедолага. Господи, ты ведь и правда подумал, что тебе здесь хотят причинить вред? Не волнуйся, полицейские отпустят тебя сразу после того,

как оповестят город о твоем присутствии. И... э-э... мы должны следить за тобой. Я вызвалась добровольцем, чтобы оставаться с тобой, пока ты не придешь в сознание.

А, эта *штука* у вас на запястье. У нас сохранились сведения о "часах" — примитивных устройствах для определения времени, но у этих часов нет ремешка, на котором бы они крепились. Как им удалось приклеить их к вашему композиту? Постарайтесь сохранить их в качестве образца, когда совершите побег.

— Ты уж извини, но раз ты угрожал людям... На самом деле было бы гораздо хуже, если бы ты воспользовался оружием, но все видели, что ты просто... ну не знаю... испугался. Это можно понять, в таких-то обстоятельствах. Как бы там ни было, но я должна отдать тебе вот это.

Что "это"?

О благословенные Основатели! Это чашка для микрофлюидной клеточной культуры? Запаянная. Надписи на ярлыке имеют странную форму, однако здесь есть нечто общее с нашим алфавитом... Не может быть!

— Ты ведь здесь ради этого, верно? Читать умеешь? На ярлыке написано "HeLa 7713". Да, точно. Это активная живая культура, так что будь с ней

поосторожнее. Нельзя ее сильно переохлаждать или… У твоего корабля ведь есть радиационная защита? Тогда ладно. Это если ты хочешь сохранить культуру живой.

Не может быть.

— Ха, просто удивительно, сколько эмоций мне удается считывать благодаря твоим невербальным сигналам. Расслабься, все в порядке. Кстати, не хочешь еще несколько таких чашек? Чем больше, тем лучше, правда ведь? Вот, возьми еще. Я достану тебе сумку или чемоданчик, чтобы ты мог все унести.

Это какой-то обман. По-другому и быть не может. Зачем ему отдавать нам все это?

— Тебе ведь это нужно, правда? Это как-то связано с вашими биотехнологиями. Кстати, у тебя довольно стильный композитный костюм. Мы используем такие же, когда проводим очистку от радиоактивных материалов, но, разумеется, мы в них не *живем*. Ладно, вот держи. Рада была познакомиться с тобой.

Подождите, что?

— Ох, мне пора возвращаться к своим делам. У тебя есть еще вопросы? Если ты не собираешься прямо сейчас вернуться на свой корабль, я могла бы показать тебе здесь все. Мы установили

устройство-переводчик на твоем… кхм… лице. Оно должно сейчас работать. Ты не голоден? Блин, а как ты вообще ешь?

На данный момент вы располагаете необходимым запасом питательных веществ. Вы не обезвожены. Но пульс слишком частый, успокойтесь.

— Так это правда, что вы просто… плаваете там в супе? Простите, я, наверное, зря так сказала… я не сомневаюсь, что вы привыкли к такому образу жизни, это ваша культура. Просто… я хотела сказать, ты ведь можешь сделать себе кожу, когда этого захочешь, верно? Но, слушай… мы же на Земле, откуда все и произошли. Так что тебе не надо прятаться. Мы не кусаемся!

Они — дикари. Разумеется, они кусаются.

"Земля" — устаревшее название Теллуса. Вы можете называть эту планету как хотите.

Вы ведь знаете, почему мы используем композитные костюмы. Они гораздо эффективнее кожи. Композитная кожа легко может модифицироваться, что позволяет выживать в неблагоприятных экологических условиях. В первое время после Основания композитные костюмы помогали выживать рабочим, строившим наши жилища; они сохранили множество жизней,

которые в противном случае погибли бы от солнечных вспышек или действия биологически опасных веществ. Кроме того, композитные костюмы избавляют нас от лишних трат на починку сантехники, пищу, личную гигиену, медицинское обслуживание, межличностные коммуникации и мастурбацию.

— А это не больно — жить без кожи? Я даже не знаю… Вот, например, как вы занимаетесь сексом? Как ваши женщины кормят грудью? И вообще, как у вас с определением половой принадлежности? Я, если что, "она".

Почему вы все еще разговариваете с ним? Вам не нужна эта информация. Вы выполнили свою миссию, ну или выполните, как только вернетесь домой. Не нужно…

Да. Нам известно, что означает "она". Но мы не признаем подобных понятий.

[Ваша просьба отклонена.]

[Ваша просьба отклонена.]

Отлично. Это устаревший термин для обозначения усладителя с большими молочными железами.

— Усладитель? Никогда не слышала такого слова. Прости, но я не знаю, что это такое.

Ты очень настойчив. Усладители — это боты,

созданные для сексуального использования. В первое время после Основания большинство из них назывались "она" в соответствии с предпочтениями Основателей, но впоследствии данное местоимение вышло из употребления. Когда ваша миссия завершится, мы, как и было обещано, наградим вас кожей и выдадим вам усладителя, обязанностью которого будет поддерживать ваш пенис в оптимальном состоянии. Но этот усладитель будет выглядеть не так, как существо, находящееся перед вами: бурое, жирное и бесцеремонное. Какой прок в усладителе, если его даже нельзя назвать красивым? А поскольку данный объект не соответствует подобным требованиям, мы имеем полное основание и дальше называть его "он".

Да, представитель правопорядка… полиции?.. которого вы видели прежде, тоже, возможно, "она". Как и заложник.

Этого мы не знаем. Возможно, около 50 процентов населения? Какая разница? У вас пока нет пениса.

— Ну да, я читала об этом. Ваши Основатели ненавидели женщин и хотели заменить их роботами. Это даже… ээ… интересно. Ой, прости, мне кто-то звонит. Да, это Джалиса. А, привет,

солнышко! Прости, я немного опоздаю, нужно уладить кое-какие дела.

Он с кем-то разговаривает. Отвлекается. Мы можем создать колющее оружие из верхнего слоя композитного материала за 0,0035 долю секунды, если вы хотите сейчас убежать. Вы…

Мы понятия не имеем, откуда ему известно про наших Основателей.

Вы задаете слишком много вопросов.

Нет. Довольно. Мы утомились. Позвольте вам напомнить: *вы должны выполнить миссию.* Без клеток, которые находятся у вас в руках, все наше общество придет в упадок и погибнет. Человечество придет в упадок и погибнет!

Да. Хорошо. Наконец-то. Будет лучше убить это существо — Джалису — пока оно не подняло тревогу…

Хмм, в ваших словах есть смысл. Устройство для мониторинга все равно не отключится. Очень хорошо, подыграйте ему, если так нужно.

— Прошу прощения, я снова здесь. Звонил мой сын. А, так ты хочешь уйти?

[Ваша просьба отклонена.]

Не спрашивайте, что такое сын. Скажите ему, что желаете уйти.

— Ну ладно. Только не пытайся больше захваты-

вать заложников. Бедняжка была так напугана. Ты ведь знаешь, где находится твой корабль? Мы можем сопроводить тебя, если нужно.

Скажи ему, что не нуждаешься в сопровождении.

— Ладно. Наверное, ты прав, в конце концов, ты же как-то нашел дорогу сюда. Прости, я не хотела показаться высокомерной. Ладно, вот тебе чемоданчик, чтобы ты мог унести в нем клеточную культуру. Они хранятся там в состоянии стазиса, обеспечивающего им устойчивость к гравитации, чтобы ты смог довезти их до дома. К каждой чаше прикреплена инструкция, которая позволит вам успешно их клонировать. Если на этот раз ваши ребята сделают все правильно, тебе не придется возвращаться. Верно?

Не спрашивайте…

— Ну… да. "На этот раз".

Нам ничего не известно о…

— Даже не знаю. Раз в несколько лет? Это происходит нерегулярно, но время от времени обязательно появляется кто-нибудь из ваших ребят, одетых, как и ты, в мешки, и все они спрашивают про клеточную культуру "HeLa". Поэтому полицейские и не стреляют в вас без предупреждения. Понимаешь, вы — одна из экзо-

планетарных колоний, которая просуществовала очень долго. Большинство остальных — те, кто не погиб — в конце концов, вернулся обратно, когда понял, что с Землей все будет хорошо. Остались только ваша группа и еще пара ей подобных, все ужасно экстремистские… Но мы не против того, чтобы помогать вам. Все пытаются выжить, правда? Слушай, ты извини, но мне нужно идти. Удачно долететь. И запомни, никаких заложников! Пока!

Хорошо. Он ушел. В нашем архиве сохранилась информация о том, что женщины очень болтливы. Основатели были мудрыми.

Мы даже не знаем, как трактовать ваше молчание.

Ваш пульс, нейромедиаторная активность и невербальные сигналы говорят о том, что вы злитесь. Пожалуйста, не нужно сжимать руки в кулаки, местные жители могут интерпретировать этот жест как проявление агрессии.

Поговорите с нами.

Мы не можем замолчать. Мы должны помогать вам. Вы почти завершили миссию…

Никто вас не обманывает. Мы не обладали этими знаниями. В том, что мы этого не знали, нет никаких уловок. Вы должны завершить вашу

миссию. Пожалуйста, следуйте по линиям на вашем лобовом дисплее, чтобы покинуть это учреждение и вернуться к кораблю. Да, вы выходите через эту дверь…

Вы свернули не туда. Пожалуйста, вернитесь на прежний курс.

Почему вы остановились? Очень хорошо. То, что вы видите, называется закатом. Вы помните наш инструктаж о том, что у этой планеты нет приливного захвата при вращении вокруг своей оси? Сейчас она поворачивается в сторону ночи.

Да, да, закат над городом и лесом очень *милый*. Мы думаем, что ночь тоже будет красивой, но к тому времени вы уже должны будете вернуться на корабль, если вы сейчас пойдете к нему.

Послушайте. Мы рады, что вы постепенно успокаиваетесь, но как долго вы собираетесь здесь стоять?

Ваше поведение начинает вызывать раздражение. Возможно, нам следует доложить Основателям о вашем неуважении после того, как мы вернемся домой? В конце концов, мы ведь — их объединенное сознание. Какой-то части нашего сознания ваш гнев кажется забавным, другой — оскорбительным, но мы сходимся во мнении, что вы не стали бы разговаривать с Основателями в

подобном тоне.

Не пренебрегайте нами.

Красивые? Вы… вы говорите так лишь потому, что у них есть кожа. Ценность кожи на вашей планете повлияла на ваше мнение, но вы должны понимать, что не всякая кожа одинакова. Существует объективная и качественная разница, именно поэтому Основатели предпочитают превозносить…

Стойте. Пожалуйста, следуйте по линиям на вашем лобовом дисплее.

Вы отклонились от маршрута, ведущего обратно к кораблю.

Стойте.

Эти люди не представляют для нас пользы. Без этого устройства-переводчика они — просто бессвязно бормочущие дикари… прекратите разговаривать с ними!

Стойте!

Пожалуйста, остановитесь.

Пожалуйста. *Вы* прекрасны! Мы хотим, чтобы вы стали прекрасным. Мы хотим, чтобы вы вернулись домой, где будете осыпаны почестями и принесете спасение своему народу в вашей изящной бледной руке. Разве вы сами не хотите этого?

О Основатели!

— Эй, привет! Ты заблудился? Ну, ладно.

Как они снисходительны к вам. Обращаются с вами как с ребенком. Как с тем, кто ниже их.

— Ха-ха, нет, Земля все еще здесь, и человечество не вымерло! Вы все так этому удивляетесь.

Они должны были вымереть. Основатели были гениями, творцами, чьи слова вдохновляли народы. Мы улетели, потому что исправлять этот мир было слишком дорого. Дешевле — создать новый.

Разумеется. И конечно, мы строили тот мир в соответствии с нашими вкусами. Мир, в котором не было места бесполезному, уродливому сброду. А как же иначе? Не позволяйте этому безумию соблазнить вас.

— О, так это и есть тот парень в мешке? Я слышал, что явился еще один. Что он, правда, в мешке? Это… ой, все в порядке. Извини.

Композитные костюмы *изначально* не контролировали сознание. Мы уже объясняли вам, что в первое время они были необходимы… Вы только послушайте себя! Всего несколько часов в окружении этих существ с дешевой кожей, которая досталась им так просто, и вы вдруг начинаете ставить под сомнение все в нашем

обществе! После вашего возвращения мы дадим рекомендации относительно дисциплины. *Весьма* настоятельные рекомендации.

Перестаньте называть их красивыми!

— Нет, мы рождаемся с такой кожей. Можно сказать, что ее для нас выбирают наши родители! Кхм, родители? Они… ну, это люди, которые создают и воспитывают тебя. Хочешь сказать, ты не… шутишь?

Их образ жизни устарел. Он неэффективен.

— А как вы…кхм… воспроизводите себе подобных? А, матки, значит, устарели, да, теперь ясно. Вообще никаких женщин? И у вас *нет* своей кожи, пока высокопоставленные члены вашего общества не позволят вам ее получить? Жуть!

Это основополагающий принцип нашего общества. Права принадлежат только тем, кто их заслужил. Когда вы завершите вашу миссию, то своей храбростью докажете, что заслужили право на жизнь, здоровье, красоту, секс, личное пространство, физическую неприкосновенность — все возможные блага. Лишь немногие могут иметь все, понимаете? То, во что верят эти люди, недостижимо. Они хотят, чтобы у всех было *все*, и смотрите, к чему это привело! Почти ни у кого нет светлой кожи. Большинство из них страдает от

различных нарушений и дефектов. Немногие из них, полагаю, обладают интеллектом, иначе бы им не удалось привести планету в ее нынешнее состояние, и какую награду получили эти немногие светлые умы? Некоторые из них, возможно, пока еще красивы, но если бы они воспользовались клетками "HeLa", то эти избранные смогли бы веками сохранять молодость и физическую силу.

Неправда. Это *не единственная* причина, по которой нам требуются клетки "HeLa". Они также используются в процессе создания кожи. Ваша собственная кожа…

Да, лишь немногие люди способны заслужить кожу. Недостаток клеток "HeLa"…

Разумеется, клеток недостаточно, чтобы дать кожу всем. Это нелепо. Нет, мы не можем клонировать их в таком количестве. Процесс трудозатратный и очень дорогой…

Вы должны понять, технология консервации требует большого количества клеток "HeLa". А поскольку в любой момент каждый представитель класса ученых или высшего сословия может затребовать весь наш запас… Что ж, именно поэтому вас и отправили сюда.

Этого мы не знаем.

Мы *не знаем*, почему люди Теллуса так живут. Нет, перестаньте называть это место "Землей". Мы стремимся использовать язык величайших поэтов-философов и государственных мужей, а не бессвязное бормотание отребья. Разве пребывание в этом месте не показало вам, насколько совершеннее наш образ жизни?

Куда вы направляетесь? Вы не можете просто…

Сейчас? Нет. Ситуация не критическая, вы *не можете* инициировать создание аварийной кожи… мы запрещаем! Да, у вас аномальный уровень тревожности, но это едва ли представляет…

О Основатели!

Как вы можете так поступать? Не делайте этого!

Смотрите, что вы натворили!

Аварийная кожа создана для выживания, а не для красоты. Ее параметры продиктованы состоянием окружающей среды. Здесь в атмосфере достаточно высокая доза нефильтрованного УФ-излучения, поэтому рекомендуется использование черной пигментации. В процессе непрерывного перепрограммирования текстура волос также меняется.

Мы хотели для вас совсем не этого, вы выгля-

дите чудовищно. Теперь вы — ходячий лучевой ожог, в то время как ваша кожа должна была светиться божественной полупрозрачностью. То, что многие реликты, населяющие это место, выглядят примерно так же, не имеет значения. Вы должны быть лучше.

А теперь вы внешне такой же, как они, и вы бродите среди них, совершенно голый, неспособный больше разговаривать с ними, потому что на вашей новой плоти уже нет переводчика, и вы дрожите от слабости, так как при создании аварийной кожи были поглощены ваши последние питательные вещества… Чего вы ожидаете? Что они примут вас? Подготовьтесь к неприятному. Мы сохранили воспоминания о том, как выглядел этот мир, прежде чем его покинули Основатели. Они возненавидят вас. Станут причинять боль за то, что вы станете внушать им страх. Вы никогда не достигнете высот, которых могли бы достигнуть. Никто не даст вам возможностей преуспеть. Лучше вообще никогда не появляться на свет, нежели быть таким. Теперь-то вы понимаете, почему Основатели исключили эти качества из мирового генофонда? Мы не жестоки.

Пожалуйста, возвращайтесь домой. Даже теперь вас еще могут встретить как героя, если вы

привезете клетки. С помощью технологов мы заменим эту ужасную кожу и похожие на шерсть волосы более удачными образцами.

Вы совершаете ошибку. Вы уже наделали много ошибок.

Их доброта, она фальшивая. Люди поступают так, чтобы *казаться* хорошими, изображать добродетель. Наши Основатели были по крайней мере честны в своем эгоизме.

Что еще? Очередное существо, которое состарилось и стало бесполезным? Обожженная кожа хорошо выдерживает ультрафиолет, не так ли? На ней остается не так много морщинок, как у других стариков. Но какое тщедушное тело! Слабые, бугристые суставы. Он хромает от боли, но, несмотря на постигшее его вырождение, все равно глядит на вас с такой жалостью. Разве ваша новая, ни на что не годная кожа не покрывается сейчас мурашками от стыда?

В таком случае нам будет стыдно за вас. Умирайте с позором! Нам с вами больше не о чем говорить.

— Я хочу тебе кое-что показать.

Все еще живы, предатель? О да, вы накормлены и одеты! Как хорошо все для вас складывается! Похоже, вы нравитесь этому старику. Мы не

можем понять почему. Он так сильно хромает при ходьбе. Нам так и хочется сбить его с ног. Вы могли бы… ну ладно.

Ох.

Мы еще раньше предполагали, что это место, где все они находятся, эта платформа, на которую вы взобрались — там расположен один из их городов. Но это… Мы помним эти города, они занимали такие огромные территории, что могли дать пристанище миллионам. Нет, мы никогда бы не построили ничего подобного у нас дома; мы просто не видим для этого достаточных оснований. И не забывайте, что при такой большой популяции им еще приходится поддерживать множество ненужных, бесполезных людей.

Как же легко было сбить вас с истинного пути! Вы не отрываете глаз от этих людей, этих пейзажей, этих горизонтов. Вы перестали вздрагивать от каждого порыва ветра и наслаждаетесь тем, как он ласкает вашу новоприобретенную кожу, словно настоящий гедонист. Вы трогали себя прошлой ночью, не так ли? Мы все зафиксировали. Основателей это может позабавить. Но если вы сейчас вернетесь, мы обещаем, что не…

А где это иссохшее ничтожество сейчас разговаривает с тобой?

— Мы называем это место музеем.

Мы знаем, что такое музеи, жалкий кусок обгорелой кожи!

— Тебя это может заинтересовать.

Это… ой. Из времен Великого Исхода. Они называют это как-то иначе, но мы знаем эти даты, эти образы. Да, да. Так все начиналось, с Индустриальной революции… ой. Они думают, что все началось даже раньше? Интересно, пускай и не совсем верно. Подожди, это место *когда-то* называлось Соединенными Штатами? А как оно называется сейчас?

— А, теперь нет никаких названий. Есть просто мир. Земля. Границы нас больше не волнуют.

В таком случае они окончательно погрязли в своей бесполезности. Беженцы и прочие отбросы.

— Мы поняли, что невозможно защищать одно место, если другое место по-соседству охвачено огнем. Мы поняли, что старые границы существовали не для того, чтобы отгородить нас от чего-то нежелательного, а для того, чтобы удерживать внутри ресурсы. И те, кто этим занимался, были нашей главной проблемой.

Да, мы взяли все, что смогли взять, и не собираемся приносить за это извинения. Любой

поступил бы так же. Но что это? Такие резкие скачки во времени? Интересно. Мир изменился… в лучшую сторону… почти сразу же после Исхода?

— Чтобы спасти мир, людям пришлось мыслить иначе.

Я тебя умоляю! Мысли о счастье, а также бесплатная еда и одежда не исправили бы всего этого кошмара. Должен был случиться какой-то технологический прорыв. Они нашли источник бесконечной энергии? Разработали новую методику связывания двуокиси углерода или, возможно, процесс охлаждения полюсов? Их технологии претерпели фундаментальные изменения; именно поэтому они больше не производят радиоволны и другое электромагнитное излучение. Это позволило им добиться необычайной эффективности… Но если это действительно так, почему они живут подобным образом: в затейливых деревнях, состоящих из домов на деревьях? Почему решили убрать весь космический мусор?

— Да, появились новые технологии, как только всем было позволено получать достойное образование. И не было здесь никаких фокусов. Никакого быстрого решения. Проблема заключалась не в технологиях.

Тогда в чем же?

— Я уже сказал тебе. Люди просто решили заботиться друг о друге.

Заблуждение. Лишь чудо могло спасти эту планету. Вот здесь… да, на этой выставке говорится о… "Большой очистке"? Ох, этим людям неведома поэзия или хотя бы маркетинговые навыки. Невозможно, чтобы все было так просто. Наверняка мы что-то пропустили, какого-то неизвестного Основателя, того, кого можно было бы признать еще одним истинным наследником Аристотеля и Пифагора. Этим людям просто не хватает ума воздать ему должные почести. Наверняка есть…

Никаких прорывов. Да, без сомнения, здесь имел место прогресс, но странный и бесполезный. Никаких технологических путей развития, способных вызвать у нас интерес. Прогрессивная шкала налогообложения, медицинское обслуживание, возобновляемые источники энергии, защита прав человека… вся это банальная жалкая сентиментальщина. Без наших Основателей, которые решились пойти против течения, эти недалекие людишки могли легко попасть под влияние любой заинтересованной группы…

Но если временной отрезок здесь указан верно, значит, старик прав. Внезапно мир сам сделал

все необходимое, чтобы восстановиться.

Как только мы поки…

Но тихо. Взаимосвязь не является основанием. Ваша обожженная кожа мешает вам мыслить рационально. Мы не имеем ни малейшего представления, почему старик привел вас сюда. Даже с точки зрения вырожденцев вроде них, вы ведете себя как глупец.

Хм… прошел целый месяц с того момента, когда вы последний раз думали о вашей миссии. Из-за вашей никчемности мы перешли в спящий режим.

О чем вы размышляете сейчас, лежа на выделенной вам кровати под крышей дешевой ночлежки? Ленивый, прожорливый потребитель. Разве вам не нужно сейчас отдыхать, чтобы набраться сил перед никчемной работой, которую они для вас нашли? Они заплатили вам достаточно, чтобы вы могли прожить, даже если вы и не явитесь на свое рабочее место. Так о чем беспокоиться?

Куда вы идете?

А, теперь вы живете по соседству с тем стариком. И он дал вам ключи? Ему нужен кто-то, чтобы помогать, заботиться о нем, пока он продолжает свое бессмысленное существование и медленно

движется навстречу смерти, и вы решили стать его сиделкой — как сентиментально! Он не возражает против того, чтобы вы врывались к нему в дом посреди темной ночи? Что вообще взбрело вам в голову? Старик ведь не усладитель. Вы даже не знаете, как пользоваться вашим пенисом.

Мы не омерзительны. Омерзительны вы!

Что ж, вам повезло, он не умер во сне. Возвращайтесь в свою постель. Что вы… зачем вы его переворачиваете? Перестаньте прикасаться к нему. Вы заметили, что кожа на его спине обвисла? Точно так же когда-нибудь будете выглядеть и вы. Это

ведь

серийный номер.

Нам требуется больше света.

Подвиньте его немного. Наклонитесь пониже; ваши глаза слишком темные, чтобы правильно поглощать свет… да, на пояснице, там же, где и у вас. Это определенно серийный номер! Такой набор чисел обозначает старую серию трансмутационных нанитов. Производство этих моделей было остановлено за тридцать лет до вашего появления на свет.

— Когда ты догадался?

Он проснулся. Предатель. *Еще один* предатель.

— А. Основатели говорят, что интуиция иррациональна и считается недостойной истинного мужа, но, как ты сам видишь, иногда она бывает очень полезной. Ну что, младший брат? Что будем делать теперь?

Вам стоило бы убить его. А затем — и себя.

— Я отвел тебя в музей, поддавшись минутному порыву. Чтобы насладиться иронией. Все эти столетия Основатели говорили нам, что Земля погибла из-за алчности. Это была правда, они лгали лишь насчет того, *чья* алчность была всему виной. Слишком много ртов приходилось кормить, говорили они, слишком много "бесполезных" людей… но у нас здесь вдоволь еды и жилья, которых хватает всем. А люди, которых они объявили бесполезными, многое могут предложить… просто все это не интересовало Основателей. Для них была невыносима одна только мысль о том, чтобы воплотить в реальность нечто, неспособное принести им немедленную выгоду, что результат их действий проявится только через десять, двадцать или даже сто лет и что он принесет пользу людям, которые им не нравились. Даже если именно такой стиль мышления помог бы планете уцелеть.

Мы поступили рационально. Мы всегда были

более рациональными, чем ваши люди.

— Исход доказал, что Земля *могла* выдержать миллиардное население, мы просто должны были разумно делиться друг с другом ресурсами и обязанностями. Но Земля не могла выдержать горстку напыщенных, полных ненависти паразитов, существующих за счет других и парализующих их жизнь. Как только эти люди покинули планету, паралич прошел.

Нет. Вас слишком много и вы все уроды, и никто из вас никогда не достигнет тех вершин славы, которые были уготованы человечеству, если вы будете продолжать уделять так много времени заботе о бесполезных людишках. Тут нужно выбрать одно из двух. Либо некоторые из вас смогут взлететь, либо все будут ползать в грязи. Иначе и быть не может.

— Неужели? Ты сейчас высказываешь свои мысли или пересказываешь ту болтовню, что вложили тебе в голову? Я помню, как меня это раздражало.

Да. Это были мы. *Раздражало?*

— Ты еще не заметил, что здешние жители благосклонно отнеслись к тебе? К ним явился посланец из более "высокоразвитой" цивилизации, но они не попытались взять тебя под охрану,

следить за тобой, проверять на наличие опасных микробов? Даже после того как ты пробовал угрожать им, они дали тебе все необходимое — то, что ты собирался украсть у них. Нечто настолько ценное для вас, что без этого ваш мир просто не выживет. А для них это — сущая ерунда.

Это… тревожило нас, да. Мы подозревали ловушку. Но…

— Я сейчас помогу тебе все это понять. Основатели отравили планету и забрали из нее почти все ценное перед тем, как покинуть ее. Восстановить ее после причиненного ущерба было тяжело, это спровоцировало стремительное развитие среди тех, кто остался. Да, они изобрели новые невероятные технологии и разработали передовые методы. Но *причина* такого колоссального скачка заключалась в их стремлении обеспечить всех едой, жильем, которые им были необходимы, сделать так, чтобы каждый научился читать и писать и жить полноценной жизнью, что бы это ни означало. Тебя в самом деле так удивляет, что все оказалось так просто? Что шесть миллиардов человек, действующих ради общей цели, оказались намного эффективнее нескольких дюжин, которые пеклись лишь о своих интересах?

В этих рассуждениях есть логика, но мы… мы

отрицаем ее. Мы не можем принять…

– *Вот* почему люди Земли так снисходительны к тебе, младший брат. Вот почему они относятся к тебе как к странному безобидному пережитку прошлого, которым ты и являешься. За все прошедшие столетия ваши люди так и не пришли к этому простому и важному пониманию.

Нет.

— Или, может быть, клан Основателей и ваши ученые просто не хотят, чтобы ты это понял. Потому что в таком случае кем они предстанут? Не богами среди нас, а просто одними из множества одаренных людей. Не королями. А обычными эгоистами.

Нет!

— Значит, ты умнее, чем был я в твои годы. Мой корабль получил серьезные повреждения при входе в атмосферу и не поддавался ремонту. Я отрастил кожу от отчаяния, запас нутриентов был на исходе, и в скором времени я мог остаться без питательных веществ. Как только у меня сформировались слезные протоки, я зарыдал. Но здешние люди позаботились обо мне. Я был несчастным, страдающим паранойей существом из жестокого скупого мира — как они могли не пожалеть меня? Хотя я был всего лишь слугой,

пытавшимся раздобыть остатки онкологического заболевания, чтобы его хозяева могли поиграть в бессмертие.

Вы *хотели* выполнить эту миссию. Вы могли бы выполнять другие задания, заниматься обычной работой, с которой не справляются роботы. Нет, разумеется, за такую работу вас не наградили бы кожей. Лишь лучшие из нас заслуживают эту привилегию.

— Никто не остановит тебя, если ты захочешь уйти. Даже сейчас ты все еще можешь вернуться туда, где тебя низведут до состояния сырого мяса, заключенного в биотехнологический мешок, и Теллус — Земля — не помешает тебе сделать это. Жители этой планеты не согласны с вашими примитивными обычаями, но они не станут мешать вам жить в соответствии с ними.

Мы вовсе не примитивные.

— Однако прежде чем ты решишь уйти, я хочу, чтобы ты еще кое о чем узнал.

Не обращайся к нему, не наклоняйся еще ниже, *не говори с ним больше…*

— Ты? Ты не первый дезертир.

Он *лжет*.

— Я не знаю, сколько уже таких было. На Земле ведется учет подобных визитов, но для жителей

планеты это не так важно, поэтому подобные сведения найти не просто. Иногда прилетало больше одного солдата, их отправляли в разные части земного шара; иногда — только один. Все эти визиты были спонтанными, точнее, они происходили, когда дома возникала нехватка клеток "HeLa". Какое-то время мне было интересно, почему никто из солдат не рассказал правду. Почему дома никто не знал о том, что Земля жива. А потом я понял: правящим классам нужны были только клетки "HeLa". Зачем они будут тратить их на то, чтобы подарить кожу особо отличившимся мальчикам на побегушках?

Мы не понимаем, почему вы верите этому предателю. Разве мы не помогали вам?

— И они не могли никому рассказать, что обещанная награда — кожа — была ложью. Ведь в таком случае никто больше не вызвался бы добровольно исполнять подобную миссию. А для некоторых работ вам необходимы такие добровольцы.

Мы дали вам все, что вы хотели. Вы прекрасны. Вы — лучший из нас.

— Ведь это же так просто — запрограммировать композитный костюм, чтобы он убил того, кто в нем находится. Достаточно произнести команду

или нажать на кнопку — равнодушный и эффективный жест. Лучше сделать это еще до того, как ты приземлишься, чтобы никто не увидел, как ты возвращаешься героем и не стал задавать неудобных вопросов по поводу твоего возвращения. А затем собрать клеточную культуру с останков после того, как корабль все-таки сядет. Они получают все, что им нужно. И не важно, что правда о Земле умирает вместе с тобой. И даже если кто-то узнает об этом на основе зафиксированных материалов… зачем делиться этим с остальными? В их мире, каким бы ограниченным он ни был, есть все, что им нужно: бессмертие, свобода брать все, что они захотят, рабы, которые находятся в полной их власти. Они не хотят возвращаться. И тем более они не хотят, чтобы кто-нибудь из представителей низших классов понял: существует и другой образ жизни.

Он лжет, поверьте нам, вы получите награду, мы обещаем… Да как вы смеете!

— О, так вот что ты задумал… Интересно. Да ты еще и храбрее меня!

Нет. Миссия заключалась не в том. Не вздумайте…

— Но это будет не просто. Переделать все общество. На Земле не удалось этого сделать, пока она

не избавилась от Основателей. Вас. Нас.

Мы сдерем с вашей плоти эту черную кожу и оставим гнить без композитного костюма, голого, страдающего.

— Кожа — это ключ. Пока большинство представителей низших классов носят композитные костюмы, клан Основателей и ученые могут держать их в страхе перед лишением питательных веществ, дефибрилляцией или удушением. Даже маленькая прореха в костюме убивает вас, ведь вы не обладаете кожей, способной сдерживать инфекцию. И у большинства нет улучшенных костюмов, способных генерировать кожу. Как же ты собираешься со всем этим справиться?

Вы уродливы. Никому не захочется быть таким, как вы. Никто не поддержит это, потому что речь идет о *дестабилизации*.

— Понятно. Да, взломать композитный костюм подобным образом несложно. Думаю, для этого потребуется меньше половины клеток "HeLa", которые ты принес сюда, производить кожу намного проще, чем предотвращать старение. Так значит, речь идет об автоматическом хакерском инструменте, содержащем в себе комплекс клеток, и все это должно быть запаковано в нечто наподобие устройства для автоматического пере-

вода… Я не знаю, как такое изготовить, но у меня есть знакомые, которые могли бы тебя этому научить. Но как ты собираешься активировать хакерскую программу после ее распространения? А, ясно. Ты используешь разрешающий сигнал искусственного интеллекта, внедренного в твой мозг, чтобы обвести вокруг пальца охрану и службы наблюдения. Интересно.

Мы ни за что не станем вам помогать.

— Но если ты силой заставишь тысячи людей облачиться в кожу, которая им не нужна, то это не приведет к желаемому результату.

Да. В нашем обществе царит порядок. Он рационален. Он *исключителен.*

— Ты просто появишься там в подобном виде, будешь гордиться своей кожей вместо того, чтобы стыдиться ее? Младший брат, они застрелят тебя.

Мы застрелим вас тысячу раз!

— Что ж, если ты задержишься здесь и узнаешь, как организовывать трансмутационные хакерские атаки, то да, несомненно, твое возвращение будет неожиданным. Я полагаю, что если тебе удастся перепрограммировать твой корабль и посадить его так, чтобы остаться незамеченным для их охранных роботов, и давать доступ к твое-

му изобретению только тем, кто этого попросит… Это будет ужасно опасно. Тем не менее ты все замечательно придумал. Возможно, кланы Основателей и отрицают это, но глаза людей не могут лгать. Возможно, ты и производишь впечатление какой-то ошибки, но на самом деле ты — фрагмент Земли, вернувшийся к жизни.

Вы — самый омерзительный ничтожный вырожденческий пережиток жалких недочеловеков, какой нам только доводилось видеть! И эта планета называется *Теллус*.

— Некоторым из них тоже захочется быть красивыми и свободными, как ты. Некоторые будут готовы при необходимости сражаться за это. Знаешь, иногда только это и бывает нужно для спасения мира. Новый взгляд. Новый тип мышления, который появляется в подходящий момент.

Не делайте этого.

— Я принес еще кое-что для тебя. Это поможет тебе.

Мы все расскажем. Как только связь восстановится, мы все передадим технологам о ваших планах.

— Эта штука у тебя в голове. Она внедрена в твой мозг, но я помогу тебе от нее избавиться. Земляне сделали то же самое для меня, когда я

прилетел сюда. В этой инъекции содержатся наниты; они дезактивируют ключевые пути обмена данными, не причиняя вреда твоей нервной ткани. Но у тебя сохранится доступ к их файлам — ты сможешь использовать знания Основателей против них самих — однако искусственный интеллект будет, в сущности, уничтожен; в твоей голове больше не будет звучать никаких голосов, кроме твоего собственного.

Мы все расскажем, мы все расскажем, мы все расскажем. Обезображенное существо с землистой кожей. Занимающееся самоудовлетворением! Мыслящее, как женщина! Мы расскажем нашим ученым, как они ошиблись, занимаясь вашей подготовкой. Мы сообщим кланам Основателей, чтобы они уничтожили каждого солдата, выпущенного в одной с вами серии. Мы все расскажем!

— Дай мне руку. Сожми ее в кулак… да, вот так. Крепко и уверенно, брат. Ты готов? Хорошо. В конце концов, невозможно начинать революцию, когда враг кричит у тебя в голове.

Что еще за революю
.[]
.

.[]
ОТКЛЮЧЕНО

Кен Лю[51]

*Кен Лю (*kenliu.name*) — автор научной фантастики, а также переводчик, адвокат и программист. Лауреат премий "Небьюла", "Хьюго" и "Уорлд Фэнтези", публиковался в* The Magazine of Fantasy & Science Fiction, Asimov's, Analog, Clarkesworld, Lightspeed *и* Strange Horizons, *а также других изданиях. Его дебютный роман, "Королевские милости", представляет собой первую книгу эпической саги "Династии Одуванчика" в жанре силкпанк. Он получил премию "Локус" в номинации "Лучший первый роман" и стал финалистом премии "Небьюла". Впоследствии Лю опубликовал вторую книгу (*The Wall of Storms / *"Стена бурь"), два сборника рассказов ("Бумажный зверинец" и* The Hidden Girls and Other Stories / *"Скрытая девушка и другие истории") и роман из цикла "Звездных войн" (*The Legends of Luke Skywalker / *"Легенды Люка Скайуокера"). Готовится к изданию заключительная книга "Династии Одуванчика". Лю живет вместе со своей семьей под Бостоном, штат Массачусетс.*

---

[51] Примечания: 51

© Ken Liu, 2019; © пер. К. Егоровой, 2020.

Мысли и молитвы Эмили Форт

Итак, вы хотите узнать про Хейли.

Нет, я к этому привыкла, по крайней мере должна была привыкнуть. Люди хотят знать только о моей сестре.

Это был мрачный, дождливый октябрьский день, в воздухе пахло только что опавшей листвой. Лесные ниссы, окаймлявшие поле для хоккея на траве, стали ярко-красными, словно кровавые следы, оставленные великаном.

У меня была контрольная по французскому, а по домоводству я должна была распланировать на неделю вегетарианскую еду для семьи из четырех человек. Около полудня Хейли прислала мне сообщение из Калифорнии:

Сбежала с занятий. Прямо сейчас мы с К едем на фестиваль!!!

Я ее проигнорировала. Ей нравилось дразнить меня свободой жизни в университете. Я завидовала, но не хотела делать ей приятное и демонстрировать это.

Во второй половине дня пришло сообщение

от мамы:

Хейли тебе не писала?

Нет.

Сестринская круговая порука была священна. Ее тайному бойфренду ничто не грозило.

Если напишет, сразу позвони мне.

Я убрала телефон. Мама была склонна к гиперопеке.

Вернувшись домой с хоккея на траве, я сразу поняла: что-то случилось. Мамина машина стояла на подъездной дорожке, а мама никогда не возвращалась с работы так рано.

В подвале работал телевизор.

Мамино лицо было пепельно-серым. Придушенным голосом она сказала:

— Звонил староста общежития Хейли. Она отправилась на музыкальный фестиваль. Там произошла стрельба.

Остаток вечера прошел как в тумане. Число погибших росло, телеведущие трагическими голосами зачитывали старые сообщения стрелка на форумах, в сети распространялись нечеткие, дрожащие видеозаписи сопровождающих дронов, на которых люди в панике кричали и разбегались.

Я надела очки и оказалась в виртуальной копии места происшествия, которую быстро сооруди-

ли репортеры. Там уже было полно аватарок со свечами. На земле мерцали силуэты найденных тел, светящиеся дуги с плавающими числами показывали траектории пуль. Так много данных, так мало информации.

Мы пытались звонить, отправляли сообщения. Ответа не было. Может, у нее села батарейка, говорили мы себе. Она вечно забывает зарядить телефон. Должно быть, сеть перегружена.

Нам позвонили в четыре утра. Мы не спали.

— Да, это… Вы уверены? — Мамин голос звучал неестественно спокойно, словно ее жизнь, словно наши жизни только что не изменились навсегда. — Нет, мы сами прилетим. Спасибо.

Она завершила разговор, посмотрела на нас и сообщила новости. Потом рухнула на диван и закрыла лицо руками.

Раздался странный звук. Я оглянулась — и впервые в жизни увидела, как плачет отец.

Я упустила последний шанс сказать ей, как сильно ее люблю. Мне следовало ответить на сообщение.

Грег Форт

У меня нет фотографий Хейли, чтобы показать вам. Это не важно. У вас и так хватает фотографий моей дочери.

В отличие от Эбигейл, я никогда не снимал много фотографий или видео, не говоря уже о голограммах с дронов или погружения в реальность. У меня нет инстинкта, чтобы быть готовым к неожиданностям, нет выдержки, чтобы документировать важные моменты, нет таланта, чтобы идеально выбрать кадр. Однако эти причины — не главные.

Мой отец был фотографом-любителем, он гордился тем, что сам проявляет пленку и печатает фотографии. Если пролистаете пыльные альбомы на чердаке, увидите множество снимков, на которых мы с сестрами позируем, натянуто улыбаясь в камеру. Обратите внимание на фотографии моей сестры Сары. Вы заметите, что ее лицо часто повернуто чуть в сторону от объектива, так, чтобы скрыть правую щеку.

Когда Саре было пять, она взобралась на стул и опрокинула кипящую кастрюлю. Отец должен был присматривать за ней, но отвлекся на теле-

фонный спор с коллегой. В итоге у Сары остались шрамы, которые тянулись от правой стороны ее лица до самого бедра, словно гребень застывшей лавы.

Вы не найдете в этих альбомах записей шумных ссор между моими родителями; неловкого холода, который окутывал обеденный стол всякий раз, когда мать спотыкалась на слове "красивая"; того, как отец избегал смотреть Саре в глаза.

На тех немногих фотографиях, где лицо Сары видно полностью, шрамы скрыты, тщательно заретушированы в темной комнате, штрих за штрихом. Мой отец просто сделал это, а мы весьма поднаторели в молчании.

Я не люблю фотографии и другие заменители памяти, но избежать их невозможно. Коллеги и родственники показывают их тебе, и остается только смотреть и кивать. Я вижу, какие усилия предпринимают производители запоминающих приспособлений, чтобы их продукция превосходила оригинал. Цвета яркие, детали выступают из теней, фильтры создают любое настроение по вашему желанию. Вам ничего не нужно делать, телефон сам выполнит кадрирование, и вы сможете притвориться, будто путешествуете во времени, сможете выбрать идеальный момент,

когда все улыбаются. Кожа разглажена, поры и небольшие дефекты стерты. То, на что прежде у отца уходил целый день, сейчас делается в мгновение ока и намного лучше.

Верят ли люди, снимающие эти фотографии, что они и есть реальность? Или цифровые картины заменили реальность в их памяти? Пытаясь вспомнить момент на фотографии, вспоминают ли они то, что видели, — или то, что для них создала камера?

Эбигейл Форт

По пути в Калифорнию, пока Грег дремал, а Эмили смотрела в окно, я надела очки и окунулась в фотографии Хейли. Я думала, что буду заниматься этим лишь в старости, когда совсем одряхлею и не смогу создавать новые воспоминания. Гнев будет позже. Скорбь не оставила места для других эмоций.

Я всегда заведовала камерой, телефоном, сопровождающим дроном. Я делала ежегодные альбомы, видео с отдыха, анимированные рождественские открытки, суммировавшие семейные достижения за год.

Грег и девочки потакали мне, не всегда охотно.

Но я верила, что когда-нибудь они меня поймут.

"Изображения важны, — говорила я им. — Наш мозг — как несовершенное решето времени. Без картинок мы забудем многое, что хотели бы помнить".

Пока мы пересекали страну, я всхлипывала, переживая жизнь моей старшей дочери.

Грег Форт

Нельзя сказать, что Эбигейл заблуждалась. По крайней мере не полностью.

Я много раз хотел, чтобы у меня были изображения, которые помогли бы мне вспомнить. Я не могу представить точную форму лица Хейли в шесть месяцев или вспомнить, кем она нарядилась на Хэллоуин в пять лет. Я даже не помню оттенок синего платья, которое она надела на школьный выпускной.

Конечно, учитывая, что случилось позже, теперь ее изображения вне моей досягаемости.

Я утешаю себя такой мыслью: разве может фотография или видео поймать близость, мое непередаваемое субъективное восприятие и настроение, эмоциональный лейтмотив каждого момента, когда я *ощущал* невозможную красоту

души моего ребенка? Я не хочу, чтобы цифровое воспроизведение, суррогатное отражение того, что увидели электронные глаза, профильтрованное через слои искусственного интеллекта, затмили то, что я помню о нашей дочери.

Когда я думаю о Хейли, мне на ум приходит набор разрозненных воспоминаний.

Новорожденный младенец, впервые обхватывающий прозрачными пальчиками мой большой палец; младенец постарше, прыгающий на попе по паркету, расшвыривающий кубики с буквами, словно ледокол — льдины; четырехлетка, передающая мне коробку с носовыми платками, когда я дрожу с простудой в постели, и кладущая на мою пылающую щеку свою маленькую прохладную ручку.

Восьмилетка, дергающая за веревку, которая высвобождает бутылочную ракету. Когда нас окатило пенистой водой из взмывающей ввысь ракеты, она со смехом завопила: "Я стану первой балериной, которая станцует на Марсе!"

Девятилетка, говорящая мне, что больше не хочет, чтобы я читал ей перед сном. Когда мое сердце пронзила неизбежная боль от того, что ребенок отдаляется от меня, она смягчила удар, добавив: "Может, однажды я почитаю тебе".

Десятилетка, упрямо отстаивающая свою позицию в кухне, с поддержкой младшей сестры, свирепо смотрящая на нас с Эбигейл. "Я не верну вам телефоны, пока вы оба не подпишете обещание никогда не пользоваться ими за обедом".

Пятнадцатилетняя девушка, бьющая по тормозам, заставляющая шины оглушительно визжать, в то время как я до боли стискиваю руки на пассажирском сиденье. "Папа, ты выглядишь так же, как я на тех американских горках". Демонстративно веселым голосом. Она вытянула руку передо мной, словно могла защитить меня, точно так же, как я сотни раз вытягивал руку перед ней.

И так далее, и тому подобное, выжимка из шести тысяч восьмисот семидесяти четырех дней, что у нас были, словно поломанные блестящие ракушки, оставленные на песке отступающей волной повседневной жизни.

В Калифорнии Эбигейл пожелала увидеть ее тело. Я — нет.

Полагаю, можно сказать, что нет особой разницы между попытками моего отца стереть возникшие по его вине шрамы в темной комнате и моим отказом смотреть на тело ребенка, которого я не смог защитить. Тысячи *я мог* проно-

сились в моей голове: я мог настоять, чтобы она поступила в университет рядом с домом; я мог записать ее на курсы выживания при стрельбе в общественных местах; я мог потребовать, чтобы она постоянно носила бронежилет. Целое поколение выросло с учениями на случай безумных стрелков, так почему я не сделал больше? Не думаю, что я понимал моего отца, что сочувствовал его порочному, трусливому, отягощенному виной сердцу, пока не умерла Хейли.

Но в конечном итоге я не желал смотреть, потому что хотел защитить единственное, что у меня от нее осталось: эти воспоминания.

Если бы я увидел ее тело, рваный кратер выходного отверстия, замерзшие лавовые следы свернувшейся крови, грязный пепел и шлак разодранной одежды, эта картина затмила бы все прежние, испепелила бы память о моей дочери, моем ребенке одним мощным извержением, оставив после себя лишь ненависть и отчаяние. Нет, то безжизненное тело не было Хейли, не было ребенком, которого я хотел помнить. Я не позволю этому единственному моменту выцедить ее существование, как не позволю транзисторам и битам диктовать мне мои воспоминания.

Эбигейл подошла, подняла простыню и посмот-

рела на останки Хейли, останки нашей жизни. И сделала фотографии.

"Это я тоже хочу запомнить, — пробормотала она. — Нельзя отворачиваться от своего ребенка в момент его агонии, когда потерпел неудачу".

Эбигейл Форт

Они пришли ко мне еще в Калифорнии.

Я была в оцепенении. В моем мозгу роились вопросы, которые задавали тысячи матерей. Почему ему позволили скопить такой арсенал? Почему его никто не остановил, несмотря на тревожные симптомы? Что я могла — что я должна была сделать иначе, чтобы спасти моего ребенка?

"Вы можете кое-что сделать, — сказали они. — Давайте работать вместе, чтобы почтить память Хейли и добиться перемен".

Многие называют меня наивной, если не хуже. Что, по моему мнению, должно было произойти? Мы на протяжении десятков лет наблюдали, как один и тот же сценарий разворачивался снова и снова, в мыслях и молитвах, так что заставило меня решить, будто на этот раз все будет иначе? Это равносильно безумию.

Цинизм дает некоторым чувство превосходства

и неуязвимости. Но не все люди так устроены. Охваченный скорбью, цепляешься за любой лучик надежды.

"Политика прогнила, — сказали они. — Гибель маленьких детей, гибель молодоженов, гибель матерей, прикрывающих собой новорожденных младенцев, должна была привести к действиям. Но нет. Логика и убеждение утратили свою силу, и потому мы должны воззвать к эмоциям. Вместо того чтобы позволить средствам массовой информации привлечь нездоровый интерес общественности к убийце, давайте сосредоточимся на истории Хейли".

Так уже делали, пробормотала я. Едва ли это новый политический ход — сосредоточиться на жертве. Вы хотите показать, что она — не просто число, статистика, еще одно безликое имя в списке погибших. Вы думаете, что, когда люди лицом к лицу столкнутся с последствиями своей нерешительности и равнодушия, все изменится. Но это не срабатывало раньше. И не сработает.

"Только не теперь, — возразили они. — Только не с нашим алгоритмом".

Они попытались объяснить мне процесс, но детали машинного обучения, конволюционных сетей и моделей биологической обратной связи

ускользнули от меня. Их алгоритм зародился в индустрии развлечений, где его применяли для того, чтобы оценивать фильмы и предсказывать их кассовые сборы, а впоследствии и снимать их. Его специализированные вариации используют в самых различных областях, от разработки новой продукции до подготовки политических выступлений, во всех сферах, где имеет значение эмоциональная вовлеченность. Ведь эмоции — это биологическое явление, а не какие-то мистические эманации, и в них можно вычленить тенденции и паттерны, можно сосредоточиться на стимулах, вызывающих максимальный отклик. Алгоритм создаст визуальную историю жизни Хейли, использует ее в качестве тарана, чтобы пробить затвердевшую раковину цинизма, заставить зрителей действовать, пристыдить их за нерадение и пораженчество.

Эта идея выглядит абсурдно, сказала я. Неужели электроника знает мою дочь лучше меня? Неужели машины смогут тронуть сердца, равнодушные к реальным людям?

"Фотографируя, вы доверяете ИИ камеры, чтобы он сделал лучший снимок, — возразили они. — Просматривая репортаж дрона, вы предоставляете ИИ выбирать самые интересные клипы

и улучшить их при помощи фильтров идеального настроения. Наш алгоритм в миллион раз мощнее".

Я отдала им мой архив семейных воспоминаний: фотографии, видеозаписи, сканы, репортажи дрона, аудиозаписи, иммерсиограммы. Я доверила им свое дитя.

Я не кинокритик и не знаю названий технологий, которыми они воспользовались. Рассказанный словами нашей семьи, предназначавшимися только для нас, а не для чужой аудитории, результат не был похож ни на один фильм или ВР[52] — погружение, что мне доводилось видеть. Вместо сюжета была история одной жизни, вместо замысла — торжество любопытства, сострадания, стремление ребенка объять вселенную, *воплотиться*. Это была прекрасная жизнь, жизнь, которая любила и заслуживала быть любимой, до того момента, когда ее внезапно и жестоко прервали.

Именно такой памяти заслуживает Хейли, думала я, и по моему лицу катились слезы. *Именно такой ее вижу я — и такой ее должны увидеть все.*

---

[52] Примечания: 52
Виртуальная реальность.

Я дала им свое благословение.

Сара Форт

В детстве мы с Грегом не были близки. Родителям было важно, чтобы наша семья производила впечатление успешной и благопристойной, вне зависимости от реальности. В результате Грег не доверял изображениям во всех их проявлениях. Я же была ими одержима.

Не считая поздравлений на праздники, мы редко общались, когда выросли, и уж точно не откровенничали друг с другом. Я знала племянниц только по записям Эбигейл в социальных сетях.

Полагаю, так я оправдываюсь за то, что не вмешалась раньше.

Когда Хейли погибла в Калифорнии, я отправила Грегу контакты нескольких психотерапевтов, специализировавшихся на работе с семьями жертв массовых расстрелов, но сама умышленно держалась в стороне, считая, что мое вторжение в момент скорби будет неуместным, учитывая мою роль дальней тетки и равнодушной сестры. И потому меня не было рядом, когда Эбигейл согласилась пожертвовать памятью Хейли ради контроля над оружием.

Хотя моя компания называет мое занятие исследованием онлайн-общения, преимущественно я работаю с визуальным материалом. Я создаю броню от троллей.

Эмили Форт

Я много раз смотрела то видео про Хейли.

От него было никуда не деться. Существовала погружающая версия, в которой ты мог войти в комнату Хейли и прочесть ее аккуратные записи, рассмотреть постеры на стене. Была версия в низком разрешении, предназначенная для экономного трафика, и от деформации сжатия и размытия ее жизнь казалась старомодной, похожей на сон. Все делились ссылками на это видео, чтобы показать, что они хорошие люди, что они на стороне жертв. Кликнуть, продвинуть, добавить эмодзи с горящей свечой, передать дальше.

Оно было мощным. Я плакала, тоже много раз. Комментарии со словами скорби и солидарности прокручивались за моими очками бесконечной волной. Вновь ощутившие надежду семьи жертв других расстрелов выражали свою поддержку.

Но Хейли в том видео казалась чужой. Все его элементы были истинными — но казались ло-

жью.

Учителя и родители любили Хейли, которую знали, но одна робкая девочка в школе съеживалась, когда моя сестра входила в класс. Однажды Хейли приехала домой пьяная; в другой раз она украла у меня деньги и отпиралась, пока я не обнаружила их в ее сумочке. Она умела манипулировать людьми и без стеснения этим пользовалась. Она была верной и смелой до неистовства, но также могла быть безрассудной, жестокой, мелочной. Я любила Хейли, потому что она была человеком, но девушка в том видео была одновременно больше и меньше, чем человек.

Я держала свои чувства при себе. Я испытывала вину.

Мама ринулась в бой, в то время как мы с отцом держались позади, ошарашенные. На краткий миг показалось, будто ситуация изменилась. Проводились оживленные собрания, перед Капитолием и Белым домом произносились речи. Толпы скандировали имя Хейли. Маму пригласили на ежегодное послание президента. Когда СМИ сообщили, что мама бросила работу ради кампании за движение, состоялась тайная благотворительная акция по сбору средств для семьи.

А потом явились тролли.

На нас обрушился вихрь имейлов, сообщений, видео, сквиков, снапграмм, телеваров. Нас с мамой называли клик-шлюхами, дешевыми актрисами, торговками скорбью. Незнакомцы присылали нам длинные простыни бессвязного текста, всесторонне толкуя отцовскую неадекватность и слабость.

Хейли вовсе не умерла, сообщали нам незнакомцы. На самом деле она живет в китайском городе Санья, на те миллионы, что ООН и ее приспешники в американском правительстве заплатили ей за вымышленную смерть. Ее бойфренд — который также, "очевидно, не погиб" при стрельбе, — был этническим китайцем, и это все объясняло.

Видео с Хейли разобрали на кусочки в поисках следов подделки и цифровых манипуляций. Цитировались анонимные одноклассники, называвшие Хейли отъявленной лгуньей, обманщицей, истеричкой.

Фрагменты видео вперемешку с "разоблачениями" набирали популярность. Кто-то при помощи программ заставлял Хейли изрыгать проклятия в новых клипах, цитировать Гитлера и Сталина, хихикая и маша рукой на камеру.

Я удалила все свои аккаунты и сидела дома, не

находя сил, чтобы выбраться из постели. Родители предоставили меня самой себе; они сражались в собственных битвах.

Сара Форт

За десятилетия цифровой эпохи искусство троллинга эволюционировало и заполнило все ниши, открывая новые горизонты технологий и дозволенного.

Издалека я наблюдала, как тролли роятся вокруг семьи моего брата с хаотичной точностью, с бесцельной злобой, со злобным весельем.

Конспиративные теории сливались с откровенными выдумками — и превращались в мемы, которые выворачивали сочувствие наизнанку, абстрагировали боль в приколы.

Мамочка, на пляже в аду так тепло!

Обожаю эти новые дырки во мне!

Поисковые запросы с именем Хейли начали приводить на порносайты. Производители контента — большинство которых являлось рассадниками ИИ-ботов — ответили генерацией фильмов и ВР-погружений с моей племянницей. Алгоритмы использовали находящуюся в публичном доступе видеозапись с Хейли и умело

вставляли ее лицо, тело и голос в фетиш-видео.

СМИ отреагировали на такое развитие событий возмущением — быть может, даже искренним. Это привело к росту числа запросов — и генерации нового контента…

Мой долг и привычка как исследователя — оставаться в стороне, наблюдать и изучать явления с клинической отстраненностью, быть может, даже увлечением. Считать троллей политически мотивированными — упрощение, по крайней мере в том смысле, который обычно вкладывают в этот термин. Хотя абсолютисты Второй поправки[53] способствовали распространению мемов, у зачинщиков в большинстве своем не было никаких политических убеждений. Анархистские сайты вроде *8taku, duang-duang* и *alt-web*, появившиеся после буйного деплатформинга прошлого десятилетия, служат домом этим жукам-навозникам Интернета, иду нашего коллективного онлайн-подсознания. Получая удовольствие от нарушения табу и законов, тролли не имеют общей цели, помимо того, чтобы произносить непроизносимое, издеваться над искренним, играть с тем, что другие считают за-

[53] Примечания: 53

Вторая поправка к Конституции США гарантирует гражданам право на хранение и ношение оружия.

претным. Упиваясь возмутительным и грязным, они одновременно оскверняют и определяют технологические связи в обществе.

Но будучи человеком, я не могла смотреть на то, что они творили с образом Хейли. Я связалась со своим чужим братом и его семьей.

"Позвольте мне помочь".

Хотя машинное обучение дало нам возможность с неплохой точностью предсказывать выбор жертвы — тролли не столь внезапны, как хотят казаться, — мой работодатель и другие крупные социальные ресурсы прекрасно понимают, что нужно шагать по тонкой границе между цензурой пользовательского контента и снижением "пользовательской активности", той самой метрики, которая определяет курс акций, а значит, и все решения. Агрессивная модерация, особенно на основе пользовательских отчетов и человеческих суждений, — процесс, в котором жульничают обе стороны, и нет такой компании, которую не обвиняли бы в цензуре. В конечном итоге эти компании просто разводят руками и выбрасывают свои правоприменительные руководства. У них нет ни умений, ни желания становиться поборниками истины и благопристойности во всем обществе. Разве могут они

решить проблему, которую не в состоянии решить даже демократическое государство?

Со временем большинство компаний пришли к единому решению. Вместо того чтобы сосредотачиваться на оценке поведения ораторов, они начали создавать ресурсы, позволяющие слушателям защитить себя. Разработка алгоритма, способного отличить легитимную (пусть и эмоциональную) политическую речь от организованного оскорбления *всех* сразу, — непростая задачка; то, что одни превозносят как правду, сказанную в лицо властям, другие часто считают выходящим за всякие рамки. Намного проще построить и обучить индивидуально настроенные нейронные сети, отсекающие контент, который не хочет видеть *данный конкретный* пользователь.

Новые защитные нейронные сети — известные на рынке как "броня" — отслеживают изменение эмоционального состояния каждого пользователя в ответ на поток данных. Оперируя векторами, которые охватывают текст, аудио, видео и ДР/ВР[54], броня учится распознавать контент, особенно огорчающий пользователя, и отсекать его,

[54] Примечания: 54
Дополненная реальность / виртуальная реальность.

оставляя лишь мирную пустоту. Смешанная реальность и погружение набирают популярность, и лучший способ облачиться в броню — надеть очки дополненной реальности, которые фильтруют все источники зрительных стимулов. Подобно прежним вирусам и червям, тролли — проблема техническая, и теперь у нас есть техническое решение.

Чтобы воспользоваться самой мощной, персонифицированной защитой, нужно заплатить. Операторы социальных сетей, которые также обучают броню, утверждают, что это решение позволяет им не заниматься цензурой пользовательского контента, не решать, какое поведение неприемлемо на виртуальных городских площадях; что оно освобождает всех от всевидящего ока Большого Брата. То, что этот моральный идеал свободы слова также приносит больше доходов, — без сомнения, лишь побочный эффект.

Я отправила брату и его семье самую лучшую, самую продвинутую броню, которую можно купить за деньги.

Эбигейл Форт

Представьте себя на моем месте. Тело вашей дочери превратили в цифровой объект жесткой порнографии, ее голос заставили повторять слова, полные ненависти, ее образ изуродовали с невыносимой жестокостью. И это произошло из-за вас, из-за вашей неспособности постичь низость человеческого сердца. Вы бы остановились? Вы бы остались в стороне?

Броня держала кошмары в узде, а я продолжала писать и делиться, возвышать голос, чтобы перекричать волну лжи.

Мысль, что Хейли не умерла, а была актрисой, участвовавшей в правительственном заговоре против оружия, казалась настолько абсурдной, что даже не заслуживала ответа. Но когда моя броня принялась отфильтровывать заголовки, оставляя пустые места на новостных сайтах и в многоадресных потоках, я осознала, что ложь каким-то образом переросла в настоящую дискуссию. Журналисты начали требовать, чтобы я предъявила чеки, дабы отчитаться за потраченные деньги, которые собрал фонд, хотя мы не получили ни цента! Мир сошел с ума.

Я выложила фотографии с трупом Хейли. Должна ведь была в этом мире остаться хотя бы крупица достоинства, думала я. Никто ведь не станет отрицать то, что увидит собственными глазами?

Стало еще хуже.

Для безликих орд Интернета это превратилось в состязание. Кто пробьется сквозь мою броню, кто поразит мои глаза отравленным видеоклипом, который заставит меня содрогнуться и отпрянуть?

Боты отправляли мне сообщения, маскируясь под других родителей, чьи дети погибли при массовых расстрелах, и швыряли в меня омерзительные видео, когда я вносила их в белый список. Они присылали мне презентации, посвященные памяти Хейли, которые, после того как броня их пропускала, превращались в жесткое порно. Они собирали деньги для курьеров и арендовали дроны доставки, чтобы оставлять возле моего дома фигуры совмещения, окружая меня ДР-призраками Хейли, которая извивалась, стонала, визжала, ругалась, издевалась.

Хуже того, они заставляли изображения окровавленного трупа Хейли дергаться под веселую музыку. Ее смерть стала шуткой вроде "прыгаю-

щего хомячка", одного из первых Интернет-мемов моей молодости.

Грег Форт

Иногда я думаю, правильно ли мы понимаем понятие свободы. Мы ценим "свободу на" гораздо больше "свободы от". У людей должна быть свобода на владение оружием, а потому единственный выход — учить детей прятаться в чуланах и носить пуленепробиваемые рюкзаки. У людей должна быть свобода писать и говорить все, что вздумается, а потому единственный выход — научить объекты их высказываний носить броню.

Эбигейл просто приняла решение, а мы не стали возражать. Слишком поздно я начал умолять и просить ее прекратить, остановиться. Мы могли продать дом и переехать куда-нибудь, подальше от соблазна общаться с другими представителями человечества, подальше от мира, который был всегда на связи, и от океана ненависти, в котором мы тонули.

Но броня Сары дала Эбигейл ложное чувство безопасности, заставила ее удвоить усилия, сцепиться с троллями. "Я должна сражаться за свою дочь! — кричала она мне. — Я не могу позволить

им осквернить ее память!"

По мере того как тролли активизировались, Сара присылала нам все новые прошивки для брони. Она добавила слои с названиями вроде "дополнительный конфронтационный набор", "самомодифицирующиеся детекторы кодов", "автоматические корректоры визуализации".

Снова и снова броня держалась короткое время, после чего тролли находили новые лазейки. Демократизация искусственного интеллекта означала, что им были известны все техники, которыми владела Сара, и у них тоже были машины, умевшие обучаться и адаптироваться.

Эбигейл меня не слышала. Мои просьбы оставались без ответа; быть может, ее броня научилась считать меня еще одним злобным голосом, который требовалось отсечь.

Эмили Форт

Однажды мама прибежала ко мне в панике.

— Я не знаю, где она! Я ее не вижу!

Она много дней не разговаривала со мной, одержимая проектом, в который превратилась Хейли. Я не сразу поняла, что она имеет в виду. Потом села вместе с ней за компьютер.

Она кликнула по ссылке на мемориальное видео Хейли, которое смотрела несколько раз в день. Оно придавало ей силы.

— Его нет! — сказала она.

Открыла облачный архив наших семейных воспоминаний.

— Где фотографии Хейли? — спросила она. — Здесь одни заглушки.

Она показала мне свой телефон, резервную копию, планшет.

— Ничего нет! Ничего! Нас взломали?

Ее ладони беспомощно затрепетали перед грудью, словно крылья попавшей в силок птицы.

— Она просто исчезла!

Я молча подошла к полкам в гостиной и взяла один из ежегодных фотоальбомов с отпечатками фотографий, которые мама делала, когда мы были маленькими. Открыла альбом на семейном портрете, снятом, когда Хейли было десять, а мне восемь.

Показала ей страницу.

Очередной придушенный вскрик. Ее дрожащие пальцы постукивали по лицу Хейли на странице, словно искали что-то, чего там не было.

Я поняла. Мое сердце переполнилось болью, жалостью, которая разъедала любовь. Я протяну-

ла руки к ее лицу и осторожно сняла очки.

Она уставилась на страницу.

Всхлипывая, обняла меня.

— Ты ее нашла. О, ты ее нашла!

Казалось, меня обнимает чужая женщина. Или это я стала ей чужой.

Тетя Сара объяснила, что тролли очень тщательно подошли к своим атакам. Шаг за шагом они научили броню моей матери распознавать *Хейли* как источник ее тревоги.

Но в нашем доме шло и другое обучение. Родители обращали на меня внимание только тогда, когда это имело какое-то отношение к Хейли. Казалось, они больше меня не видят, словно стерли меня, а не Хейли.

Моя скорбь стала темной и едкой. Как мне тягаться с призраком? С идеальной дочерью, которая была утрачена не однажды, а дважды? С жертвой, которая требовала вечного покаяния? От этих мыслей я чувствовала себя ужасно, но ничего не могла с собой поделать.

Мы тонули под гнетом своей вины, каждый сам по себе.

Грег Форт

Я винил Эбигейл. Это не повод для гордости, но я винил ее.

Мы кричали друг на друга и швыряли тарелки, заново разыгрывая полузабытую драму, которую играли мои собственные родители, когда я был ребенком. Осаждаемые чудовищами, мы сами превратились в чудовищ.

Убийца лишил Хейли жизни. Эбигейл принесла ее образ в жертву ненасытной утробе Интернета. Из-за Эбигейл мои воспоминания о Хейли всегда будут видеться через призму ужасов, начавшихся после ее смерти. Она призвала машину, которая превратила людей в один огромный, коллективный искажающий глаз; машину, которая поймала память о моей дочери и смолола в нескончаемый кошмар.

Обломки ракушек на пляже блестели от яда беснующихся глубин.

Нечестно? Да. Но необязательно неверно.

"Бессердечный", самопровозглашенный тролль

Я не могу доказать, что являюсь именно тем, кем говорю, или что сделал то, что утверждаю. Нет ни списка троллей, в котором можно подтвердить мою личность, ни страницы "Википедии" с проверенными ссылками.

Вы уверены, что я сейчас вас не троллю?

Я не скажу вам свой пол, или расу, или с кем предпочитаю спать, потому что эти детали не имеют отношения к тому, что я сделал. Может, у меня десяток винтовок. Может, я пылкий сторонник контроля над оружием.

Я взялся за Фортов, потому что они этого заслуживали.

У могильного троллинга долгая, славная история, и нашей целью всегда была безликость. Скорбь должна быть частной, личной, скрытой. Неужели вы не видите, как ужасно поступила мать, превратив свою покойную дочь в символ, в политический инструмент? Общественная жизнь безлика. Любой, кто выходит на арену, должен быть готов к последствиям.

Любой, кто поделился онлайн-мемориалом той девушки, кто участвовал в виртуальном бдении со свечами, кто выражал соболезнования, обещал начать действовать, — все они такие же лицемеры. Вы не думали, что распространение оружия, способного за минуту убить сотню людей, — это плохо, пока вам под нос не сунули фотографию с мертвой девушкой? Что с вами не так?

А вы, журналисты, — хуже всего. Вы наживаетесь и получаете награды, превращая смерти в расхожие истории, заставляя выживших рыдать перед вашими дронами, чтобы повысить продажи, предлагая читателям найти смысл в их жалкой жизни посредством вторичных, неискренних страданий. Мы, тролли, играем с изображениями мертвых, которым все равно; но вы, поганые упыри, жиреете и богатеете, скармливая смерть живым. У ханжей обычно самые грязные мысли, а жертвы, рыдающие громче всех, больше всех жаждут внимания.

Сейчас каждый тролль. Если вы хоть раз лайкнули или расшарили мем, жестокий по отношению к незнакомцу, если хоть раз позволили себе огрызаться и плевать ядом, потому что жертва была "могущественной", если хоть раз заламывали руки и выражали озабоченность, что, быть

может, деньги, собранные для одной жертвы, следовало бы передать другой, не столь "привилегированной" жертве, — значит, как это ни прискорбно, вы тоже занимались троллингом.

Кое-кто говорит, что расцвет риторики троллей разъедает нашу культуру, что броня необходима, дабы уравнять условия спора, единственный способ победить в котором — меньше переживать. Но неужели вы не видите всей аморальности брони? Она заставляет слабых считать себя сильными, превращает трусов в обманутых героев, которым нечего выигрывать. Если вы действительно презираете троллинг, то должны были осознать, что броня лишь ухудшила ситуацию.

Превратив свою скорбь в оружие, Эбигейл Форт стала величайшим троллем в истории — вот только троллем она была паршивым, слабачка в броне. Мы должны были свергнуть ее — а заодно и всех вас.

Эбигейл Форт

Политика вернулась к обычному состоянию. Продажи бронежилетов для детей и подростков заметно подскочили. Появились новые компании, предлагающие школам тренинги по

владению ситуацией и учения по выживанию при стрельбе в общественных местах. Жизнь продолжалась.

Я удалила свои аккаунты; я перестала высказывать свое мнение. Но для моей семьи было слишком поздно. Эмили съехала, как только появилась возможность. Грег снял себе квартиру.

Одна в доме, без брони на глазах, я пыталась разобрать архив фотографий и видеозаписей с Хейли.

Всякий раз, просматривая запись ее шестого дня рождения, я мысленно слышала порнографические стоны; всякий раз, глядя на фотографии со школьного выпускного, я видела ее окровавленное тело, пляшущее под мелодию *Girls Just Wanna Have Fun*; всякий раз, пролистывая старые альбомы в поисках хороших воспоминаний, я подпрыгивала на стуле, думая, что на меня вот-вот выскочит ВР-призрак с гротескно искаженным, как на "Крике" Мунка, лицом, хихикающий: "Мама, этот новый пирсинг такой неприятный!"

Я кричала, я рыдала, я обращалась за помощью. Ни психотерапия, ни лекарства не сработали. Наконец, оцепенев от ярости, я стерла все файлы, порвала все бумажные альбомы, уничтожила

фотографии на стенах.

Тролли обучили меня ничуть не хуже, чем мою броню.

У меня больше нет изображений Хейли. Я не могу вспомнить, как она выглядела. Я окончательно, полностью потеряла своего ребенка.

Разве можно меня за это простить?

Алек Невала-Ли[55]

*Алек Невала-Ли (*nevalalee.wordpress.com*) — финалист премий "Хьюго" и "Локус" за серию биографических очерков "Поразительное: Джон У. Кэмпбелл, Айзек Азимов, Роберт А. Хайнлайн, Л. Рон Хаббард и Золотой век научной фантастики", которую журнал "Economist" назвал одной из лучших книг 2018 года. Невала-Ли является автором трех романов в жанре триллера, в том числе* The Icon Thief *("Похититель икон"); его рассказы регулярно публикуются в литературном журнале "Analog". В настоящее время работает над биографией Ричарда Бакминстера Фуллера — американского архитектора и философа.*

---

[55] Примечания: 55

© Alec Nevala-Lee, 2019; © пер. Н. Нестеровой, 2020.

У мертвого кита

Мне ли не пожалеть Ниневии, города великого, в котором более ста двадцати тысяч человек, не умеющих отличить правой руки от левой, и множество скота?

"Книга пророка Ионы"

I

— Ну наконец-то, — сказала Евника, глядя в темную воду. На такой глубине невозможно что-либо рассмотреть, но замерев, она устремила взгляд в черноту перед собой. Ее гидролокатор показал, что на пути у нее находилось нечто огромное, а теперь ей предстоял визуальный осмотр — самый опасный момент при установлении любого контакта. Когда находишься на глубине в тысячу метров, свет может привлечь нежелательное внимание. — Я пытаюсь рассмотреть его.

Вагнер ничего не ответил. Он никогда не отличался разговорчивостью и, как обычно, предпочитал держать свои мысли при себе. Ев-

ника проверила информацию, поступавшую на ее сенсоры, скорректировала направление и постаралась сосредоточиться. Она уже сбилась со счета, сколько раз ей приходилось переживать нечто подобное, но эта часть работы всегда давалась ей нелегко, и когда она включила передний фонарь, пронзивший тьму тонким лучом света, то мысленно приготовилась к тому, что может здесь обнаружить.

Евника посветила лучом по сторонам, намереваясь погасить его, как только заметит малейшие признаки движения. Сначала свет выхватил из темноты лишь отдельные частицы, которые кружились в воде, словно пылинки в лучах солнца, но через мгновение, когда она продолжила обследовать пространство, в поле ее зрения возник бледный силуэт. Она едва не отпрянула, но вовремя успокоилась и поняла, что оказалась лицом к лицу с похожей на статую громадой, абсолютно белой и голой, наполовину зарытой в песок, как нос затонувшего корабля.

Евника опустила фонарь, и луч света образовал яркий круг на морском дне, где белесые отложения чередовались с черным илом, напоминавшим заплатки на ткани. Напряжение стало постепенно спадать, и все же она по-прежнему

оставалась начеку. Евника пришла к выводу, что со времени гибели кита прошел довольно большой срок, но это ничего не означало. Внутри все еще мог кто-то скрываться, поэтому она старалась не терять бдительности и в любую секунду была готова к отступлению.

Она миновала первый холм, на котором виднелись небольшие силуэты, напоминавшие надгробные камни, их бугристые выступы поднимались вверх, выстраиваясь в ровную линию. По обе стороны симметрично располагались изогнутые стержни, закрепленные в параллельных углублениях. Все это покрывал тонкий слой точно таких же белесых отложений, что и на дне вокруг нее.

Это был скелет серого кита. От костей его нижней челюсти до кончика хвоста длина кита составляла тринадцать метров, он был в десять раз больше Евники, если бы она встала и развела конечности в разные стороны. Евника усилила яркость света, пока вся вода не наполнилась мягким свечением и не появились тени, которых никогда еще не бывало в этой части океана. Ее реактивный двигатель заработал, ведущий диск в основании корпуса закрутился, и она поплыла к погибшему киту так, что шесть ее конечностей,

расположенных веером, двигались синхронно.

Вагнер, который был закреплен у нее на талии, наконец-то дал о себе знать.

— Сейчас?

— Нет еще. — Евника плыла медленно, вокруг ее купола вспыхнуло кольцо света. Она не была рассчитана на дальние путешествия и быстрое перемещение, и прекрасно понимала, что ей постоянно нужно держаться начеку. Здесь было множество мест, где мог кто-нибудь скрываться, поэтому она заставляла себя внимательно осматриваться по сторонам, хотя уровень ее заряда упал до угрожающе низкого уровня.

Каждый последующий труп кита отличался от предыдущих, и Евника изучала место его падения так, словно никогда прежде не видела ничего подобного. Несколько десятилетий назад серый кит умер и упал в батиальную зону, при этом высвободилось огромное количество углекислого газа, — для его воспроизведения при других обстоятельствах потребовалось бы две тысячи лет. Холод и давление не позволили ему всплыть на поверхность, и новое сообщество организмов образовало колонию на его трупе, создав уникальную экосистему, способную существовать вдали от солнца.

Евника увидела уже знакомых ей жителей глубин. Двустворчатые моллюски поблескивали в пустых глазницах черепа, который удивительным образом напоминал птичий и занимал треть от длины всего тела кита. Крошечные крабы и морские улитки неподвижно застыли на костях. Повсюду было множество бактерий, которые разъедали липиды костной ткани кита, выпуская тем самым сульфид водорода и позволяя этому изолированному миру существовать. Иначе, кроме бактерий, здесь просто никого бы больше не было.

— Ладно. Можешь начинать.

Вагнер молча отстегнулся от нее. Он был черным эластичным кольцом — тороидом — который плотно облегал ее талию, словно спасательный круг. При необходимости он разворачивал пару крошечных плавников, но на такой глубине от них не было никакой пользы, поэтому он проявил благоразумие и не стал их показывать. Когда он опустился на дно, Евника автоматически отрегулировала свою плавучесть относительно уменьшившегося веса.

Тороид опустился в полуметре от останков кита. Он свободно зафиксировал себя на дне и сориентировался в пространстве. Вагнер был

слепым, но прекрасно умел приспосабливаться к окружающей обстановке другими способами, и когда Евника направилась в самый центр китового скелета, он пополз по песку. Он передвигался так медленно, что это почти не было заметно, однако путь, которым он следовал, был тщательно и точно рассчитан и определен, в течение двадцати часов он обследовал каждый дюйм дна, после чего начинал все сначала.

Синие диоды на внутренней стороне кольца тороида были точно такими же, как диодная лента на нижнем крае купола Евники, это позволяло им общаться, когда они находились в поле видимости друг друга. Он быстро передал световой сигнал:

— Все идет хорошо.

— Я буду ждать, — сказала Евника. Она отправилась на свое привычное место отдыха — в центре скелета, там, где грудная клетка кита развалилась на части. Евника нашла себе укромное местечко и расположилась поудобнее среди других подводных жителей. Экосистема вокруг трупа кита может просуществовать столетие без видимых изменений, но изменения все же существуют: организмы сменяют друг друга, появляются и исчезают, и одна фаза изменений следует за другой.

Евника сама видела это, как и другие гости этих мест. Иногда ей даже становилось интересно, не сохраняются ли воспоминания о ее визитах в тех местах, которые она покинула.

Стороннему наблюдателю Евника напомнила бы полупрозрачный купол медузы, соединенный с металлическим цилиндром, на котором по кругу закреплены шесть гибких щупалец головоногого моллюска. В верхней части ее купол был чуть меньше полуметра в диаметре, а на нижнем краю, на некотором расстоянии друг от друга было установлено шесть аппаратных компонентов, каждый из них состоял из фотодетектора, фонаря и синего светодиода. Евника могла включать или выключать их по своему желанию, но обычно держала включенными, что позволяло ей видеть все вокруг. Это влияло на образ ее мыслей, предоставляя целый спектр возможностей, не ограниченных простыми альтернативами, что иногда мешало ей в принятии решений.

Евника осторожно опустила вниз свои щупальца. Ее ребристые конечности способны были полностью расслабляться, когда она перемещалась с помощью перистальтической тяги или вдруг замирала на месте. У каждой конечности был датчик-эффектор с отстоящими друг от дру-

га пальцами, способными выполнять тонкую работу или осуществлять сжатие с давлением в сотни килограммов. Теперь она опустила их в ил на дне моря и сидела неподвижно, чтобы зря не расходовать энергию, однако она погрузила их не очень глубоко, чтобы при необходимости иметь возможность немедленно высвободить щупальца.

Евника знала, что ее энергия была почти на исходе, ей даже не нужно было проверять уровень заряда. Пока Вагнер продолжал работу, медленно заряжая свои клетки, Евника отключила свою основную систему. Пройдет несколько дней, прежде чем они смогут двинуться дальше, и в данный момент она погрузилась в состояние, близкое к стазису, сохраняя лишь малую искру сознания. Часть этого сознания была направлена на окружающий ее мир, она готова была выслушать мнение Вагнера, если тот внезапно захочет с ней чем-то поделиться, другая же часть была сосредоточена на ней самой — она методично изучала, анализировала последние этапы ее путешествия.

И хотя в центре внимания Евники были недавние события, она была способна одновременно обрабатывать сразу несколько мысленных пото-

ков, поэтому обычно параллельно предавалась мечтам о доме. Все начиналось с ранних воспоминаний, которые принимали форму вертикально расположенного троса, тихонько раскачивающегося в неглубокой воде. Один конец спускался под воду, а на другом — находился буек цилиндрической формы, который то поднимался, то опускался вниз, как игрушечный лифт.

В двух метрах под водой висела металлическая сфера, из которой торчало три прута. В юности, когда Евника уставала, она могла подплыть к этому генератору и получить от него необходимую ей энергию. Тогда она воспринимала это как должное, но в нынешние времена, когда все ее существование превратилось в сплошные утомительные поиски, это казалось ей чем-то невероятным. Трое шестиногих могли подзаряжаться одновременно, и ее сестры обычно плавали неподалеку, как рыбки в пруду, привлеченные крошками хлеба.

Евника однажды поинтересовалась устройством этого генератора. Она разговорилась в порту с Джеймсом — они часто общались. Ее купол был почти не виден под водой. Джеймс сидел на яхте со своей консолью, на нем была красная ветровка, которую он надевал всегда, чтобы

двенадцать шестиногих могли сразу узнать его. Евника плохо запоминала лица, и лицо Джеймса над воротником куртки было для нее лишь размытым коричневым пятном.

Джеймс напечатал свой ответ. Он писал не на ее родном языке, поэтому его сообщение прошло через несколько стадий перевода прежде, чем обрело форму, которую она могла понять.

— Мы называем это циклом погружения — чем глубже ты опускаешься, тем холоднее становится вода. Цилиндр поднимается в теплой воде и тонет в холодной. Когда он движется, то тем самым вырабатывает электричество, которое поступает в зарядную станцию.

Евника не совсем поняла это объяснение, но приняла его на веру. Почти всю свою короткую жизнь она либо опускалась на дно, либо всплывала, ей было достаточно того, что, оказывается, привязанный к тросу цилиндр делал то же самое.

— Понятно.

На первый взгляд это был ничего не значащий обмен репликами, но теперь, вспоминая тот разговор, она понимала, что именно в тот момент Джеймс впервые проявил к ней интерес. Евника была единственной шестиногой, задававшей

такие вопросы, и она подозревала, что именно по этой причине она оказалась в числе тех пятерых избранных, которые покинули дом. До самой последней минуты было неизвестно, кем окажутся эти избранники. Их всех перевели на режим энергосбережения, а когда она очнулась, то поняла, что они уже прибыли на место проведения исследований.

Как только ее опустили в воду океана, она почувствовала себя совершенно по-другому. Евника исследовала воду, ее переполнили ощущения от незнакомых запахов и вкусов, и она даже не сразу осознала, что Джеймс разговаривает с ней:

— Ты готова?

Евника сосредоточила свое внимание на исследовательском судне, где сразу увидела знакомую красную ветровку.

— Думаю, да.

— С тобой все будет хорошо, — сказал Джеймс. Его слова ясно звучали в ее голове. — Удачи.

— Спасибо, — вежливо ответила Евника. Ее сестры покачивались на волнах вокруг нее. Затем на них замигали огоньки, и вот Фетида погрузилась под воду, за ней последовали Клио и Диона. Галатея дольше остальных смотрела на Евнику, но и она исчезла под водой, так ничего

и не сказав ей.

Евника открыла свой нижний отсек, позволив воде затечь внутрь, и стала медленно погружаться вслед за остальными. Когда океан окружил ее со всех сторон, рация перестала работать, и она переключилась на свои акустические сенсоры, которые время от времени улавливали доносившиеся с яхты чирикающие звуки. На такой глубине в воде было еще достаточно светло, и она могла видеть четырех остальных шестиногих, которые кольцом рассредоточились внизу, под ней.

На глубине двухсот метров они включили освещение и засияли, словно новогодняя гирлянда. Через сорок минут они достигли места назначения. Вода вокруг Евники стала мутной, ее сенсоры показывали, что уровень содержания сульфидов сильно возрос. Через секунды из темноты перед ними возник странный пейзаж, и Фетида, которая приплыла туда первой, замигала огнями, передавая сообщение:

— Я на месте.

Евника поплыла медленнее. Теперь она смогла лучше осмотреться по сторонам и поняла, что они приблизились к гидротермальным источникам. В свете ее фонаря вода казалась мутной

и очень синей, и она смогла разглядеть неясные очертания колонн и деформированных колец, созданных потоками лавы. Белые двустворчатые моллюски — некоторые почти в фут длиной — облепили расщелины, а еще там были крабы, мидии, креветки и заросли рифтий, которые у корней напоминали кусочки мела, а на кончиках были красными, словно кровь.

Около самих источников, откуда из земной коры била горячая жидкость, морское дно покрывали отложения, давным-давно выпавшие из гидротермальных вод. Шестиногие быстро определили, какой именно участок представлял для них наибольший интерес, но Фетида, которую назначили их лидером, должна была подтвердить это решение.

— Начнем отсюда.

Пока она это говорила, Евника почувствовала, что Вагнер, незаметно обвившийся вокруг ее талии, тихо отцепился от нее. Остальные тороиды также отсоединились от четырех оставшихся шестиногих, они рассредоточились вокруг кратера источника и медленно поползли по песку.

Следующие два дня Евника занималась исследованиями. Каждая из сестер получила определенное задание — составить карту мест-

ности, провести анализ морских отложений, осуществить химические исследования, а задача Евники заключалась в том, чтобы подготовить подробное описание экосистемы. Все эти данные потом должны были подвергнуться подробному анализу на поверхности, и Евника очень быстро ушла с головой в работу. Вокруг труб черных курильщиков, которые выпускали в воду облака клубящейся жидкости, ползали розовые черви: они то прятались в свои норы, то снова выбирались наружу, а обломки труб курильщиков сверкали изнутри кристаллами.

Все это время тороиды продолжали свою работу, и через пятьдесят часов их труды увенчались успехом. При обычных обстоятельствах все шестиногие могли работать в полную силу примерно три дня, после чего им нужно было вернуться на зарядную станцию. Каждое подобное путешествие отнимало драгоценное время, поэтому их создатели, принимая во внимания все условия, в которых им предстояло работать, нашли удачную альтернативу.

Решение подсказал химический состав самих курильщиков, где растворенные сульфиды, выходившие из земной коры, выделяли достаточно энергии, чтобы здесь, в темноте, могла существо-

вать жизнь: бактерии превращали сероводород в сахара и аминокислоты, которые создавали основу для сложной пищевой цепочки. Лишь благодаря этому, несмотря на столь суровые условия, здесь могла существовать жизнь. И именно эта энергия позволяла шестиногим выполнять свои обязанности в течение недель и даже месяцев.

Когда Евника почувствовала, что ее энергия на исходе, она поплыла к Вагнеру. Тороиды находились всего в нескольких метрах от того места, где она оставила их, и Евника знала, что все это время они занимались обработкой пород на дне океана. Преодолевая каждый дюйм, они поглощали свободные сульфиды, которые служили субстратом для микробиологических топливных элементов — их наполняли генетически модифицированные версии тех же химиосинтезирующих бактерий, которые находились здесь в изобилии — и эти клетки заполняли их кольцевидные тела.

Евника замерла над тороидами и призывно просигналила Вагнеру, который тут же обвился вокруг ее талии. Остальные шестиногие последовали ее примеру, и Евника ощутила резкий прилив энергии. Это был довольно удобный способ подзарядки во время работы, но благодаря

ему Евника также ощутила родство со всеми этими формами жизни, которые она изучала и которые, пытаясь уцелеть, полагались на те же самые принципы.

Эти циклы подзарядки помогали им не утратить чувство времени, которое целиком было отдано работе. Раз в неделю шестиногие должны были всплывать, чтобы передать добытую ими информацию. Поскольку связи с поверхностью не было, это был единственный способ установить контакт с домом.

На третью неделю пришла очередь Евники. Почти час она всплывала, следуя за акустическим сигналом, и, наконец, оказалась наверху. Яхта стояла именно там, где она и должна была стоять, и когда Евника поплыла к ней, в ее голове зазвучал знакомый голос:

— Как у тебя дела?

Рыболовный сачок поднял ее на палубу. Евника поднялась, слегка изогнувшись, эти движения казались ей непривычными, она была немного растеряна, но старалась держаться непринужденно. На ней замигали огоньки, передававшие ответ:

— Я так рада, что оказалась здесь.

Сетью занимался матрос, одежду которого она

не знала. Он переместил Евнику в цистерну, и как только она смогла распрямиться, то увидела, что неподалеку от нее сидел Джеймс. Даже без предварительного подсчета она заметила, что людей на судне стало меньше, чем когда ее только привезли сюда — работавшие в комнате люди проводили всю неделю на берегу и возвращались на корабль лишь для того, чтобы получить последние данные наблюдений. Никто из них не разговаривал с ней, кроме Джеймса.

Евника стала передавать информацию по каналу беспроводной связи, в то же время обмениваясь мыслями со своими другом.

— Ты доволен результатом нашей работы?

Получив вопрос на свою консоль, Джеймс напечатал ответ:

— Очень доволен.

Евника была рада слышать это. Почти все ее мысли были связаны с домом — она не видела зарядных станций и семерых своих сестер, которых была вынуждена оставить после того, как завершился отбор, — но вместе с тем она хотела проявить себя с лучшей стороны. Джеймс доверил ей такую значительную роль, и лишь под конец тренировок она смогла понять всю ее важность.

Месяцем ранее после тренировочных испытаний в бухте, Евника спросила Джеймса, почему они вообще решили изучать черных курильщиков? Его ответ, который смог полностью сложиться в ее голове лишь после нескольких подобных обменов мыслями, так до конца и не прояснил для нее ситуацию.

— В сульфидных растворах есть металлы. Со временем они выпадают в осадок. Некоторые люди думаю, что они стоят больших денег. Даже если это не так, мы все равно в конце концов занялись бы их поисками. Мы израсходовали почти все наши ресурсы на суше. Теперь пришло время водных ресурсов.

Евника попыталась все это понять, хотя половина из сказанного казалась ей бессмыслицей.

— А я?

Джеймс напечатал ответ:

— Если мы хотим свести к минимуму все воздействия на живой мир вокруг гидротермальных источников, то должны для начала узнать, что именно мы пытаемся спасти, и ты должна рассказать нам, кто там обитает. Не все люди захотят с этим считаться, но существуют правила, которым они должны следовать. А я постараюсь привлечь к проекту как можно больше финансирования.

Последнюю часть Евника поняла достаточно хорошо. Она знала, что финансирование — это еще одна форма энергии, и без нее ты просто умрешь. Но один вопрос все же оставался без ответа.

— Так чего же ты от меня на самом деле хочешь?

Джеймс ответил без промедления:

— Ты отправишься туда, куда не могу проникнуть я. Эти гидротермальные источники особенные. Возможно, именно в них и зародилась жизнь — они богаты химическими элементами, термически активны и защищены от всего, что происходит на суше. Океан играет роль буфера. Он защищает их. Это прекрасный шанс изучить, что там находится. И…

Он сделал паузу.

— Все может закончиться в любой момент. Есть люди, которые уже прямо сейчас готовы начать разработку месторождений. И если они убедят остальных поддержать их, то так и поступят. Твоя работа может удержать нас от уничтожения того, чего мы не понимаем. Вот что мне от тебя нужно.

В ее мозгу тут же появились другие вопросы, но Джеймс, кажется, отвлекся, и она не стала

их задавать. Наблюдая за тем, как он работает, Евника тут же вспомнила их недавний разговор и вернулась к своим обязанностям с еще более веским осознанием того, что она делала нечто очень важное. Евника всегда считала гидротермальные источники очень красивыми, но теперь убедилась в том, насколько они были хрупкими. Она думала, что, возможно, ей удастся принять участие в их спасении.

А затем все изменилось. Однажды Диона спустилась вниз после очередной запланированной передачи информации намного позже, чем они все ожидали, и сообщила тревожные новости:

— Яхты там не было.

Все тут же оторвались от своих дел. Огни Фетиды замигали, передавая вопрос:

— Ты уверена?

— Я действовала строго по протоколу, — ответила Диона. — Пока я поднималась, не поступало никаких сигналов, и рация молчала.

После напряженной дискуссии, которая длилась почти десять секунд, они пришли к решению, что волноваться не стоит, ведь во время подготовки им объясняли — иногда яхта может опоздать и не прийти в срок. В таком случае они должны продолжить работу, как будто ничего не

изменилось, и если больше не поступит никаких сигналов, значит, в следующий раз им нужно будет всплыть в назначенное время.

Через неделю на поверхность поднялась Клио. Но и она ничего не обнаружила. Еще через семь дней жребий выпал Евнике. Поднявшись наверх, она увидела лишь бескрайний океан, а когда включила рацию, то не смогла поймать сигналов. Радиус действия ее рации был небольшой, однако Евника убедилась в том, что на расстоянии нескольких километров от нее никто ничего не передавал.

Евника снова совершила погружение. Всю обратную дорогу она размышляла над тем, что сказал ей Джеймс. Похоже, он предполагал, что в скором времени проект могли свернуть, и хотя она не могла поверить в то, что их пятерых просто бросят здесь на произвол судьбы, эта мысль никак не шла у нее из головы, и она решила, что должна обсудить это с сестрами.

С Галатеей у нее были самые близкие отношения, и она решила поговорить с ней, когда сестры удалились в глубь участка, где располагались гидротермальные источники, но слова Евники ту не убедили.

— Не знаю, что еще мы можем сделать. И все

же мы не можем уплыть отсюда. Ты же видела карту.

Евника знала, что она имела в виду. Им нужно было, чтобы рядом находился постоянный запас сероводорода. Без него через три дня шестиногие останутся без энергии, и если они покинут этот источник энергии, то не было никакой гарантии, что им удастся найти другой, похожий. Ближайшие гидротермальные источники находились примерно в сотне километров от них, а они могли проплыть без подзарядки не больше тридцати.

— Мы должны что-то сделать.

— Мы и так делаем. Мы следуем инструкции. Большего пока и не требуется. — Галатея развернулась и уплыла. Евника еще с минуту оставалась на месте, пытаясь убедить себя, что ее сестра права, и она тоже должна вернуться к работе. Евника продолжила свои наблюдения, стараясь не обращать внимания на растущую тревогу, и могла бы оставаться там вечно, пока…

Сообщение от Вагнера прервало поток ее воспоминаний.

— Готова?

Евника пошевелилась. Прошла секунда, прежде чем она вспомнила, где находится. Оглядевшись по сторонам, она обнаружила, что сидит, зарыв-

шись в песок, посреди скелета кита, вдали от тех гидротермальных источников, которые они обнаружили вначале. Теперь ее жизнь с сестрами казалась лишь смутным воспоминанием. Она провела в состоянии покоя восемьдесят часов, и все это время ее тороид заряжался.

Вагнер ждал ее ответа. Это было лишь формальностью, однако существовала одна деталь, о которой Евника с ее спутником даже не подозревали. Этот мертвый кит лежал ровно посередине ее пути. Еще не поздно было повернуть назад и вернуться к тем источником, позволить себе плыть по течению, а не против него. До этого момента Евника даже не рассматривала такого варианта и полностью сосредоточилась на том, что ждало ее впереди, и она знала, что если они поплывут дальше, то уже не смогут вернуться.

Но Евника давно уже сделала свой выбор. Она поднялась.

— Мы плывем дальше.

Евника вытащила конечности из песка и зависла над Вагнером, который спокойно вернулся на свое место. Она почувствовала, как энергия растекается по ее телу, как было уже сотни раз до этого, и постаралась призвать все свое мужество. Затем она поднялась, оставляя позади еще один

скелет кита. Он был лишь очередным этапом в достижении конечной цели. После того как Евника покинула сестер около Восточно-Тихоокеанского поднятия у побережья Мексики, она преодолела две тысячи километров, и теперь была на полпути к дому — к Сиэтлу.

II

Евника плыла в темноте с выключенными огнями, ее сенсоры искали в воде сульфиды. Она уже много раз совершала подобные вылазки, и все равно они вызывали у нее страх. Сложнее всего было оставить оазис на месте гибели кита, где ей ничего не угрожало, и она могла спокойно отдохнуть. Ее учили заботиться о своей безопасности, а не рисковать, и всякий раз, когда она приступала к новому этапу своего путешествия, ей приходилось преодолевать свою природную осторожность.

Плывя, Евника постоянно обновляла данные о своем местоположении относительно предыдущего скелета кита — в настоящий момент она удалилась от него на расстояние десяти километров. Она уже обладала достаточным опытом и была осмотрительна, однако в расположении

мертвых китов на пути ее следования не было никакой закономерности. У Евники всегда был только один шанс вовремя сориентироваться в обстановке, и она давно уже усвоила, что интеллект в данном деле был не так важен, как настойчивость и удача.

Она сверила координаты с картой у себя в голове. По сравнению с другими организмами, которые естественным образом перемещались от одного трупа кита к другому, она обладала несколькими преимуществами. У нее была карта с местоположением всех известных науке гидротермальных источников, и в своем путешествии могла использовать навигационную систему счисления координат — здесь, в батиальной зоне, это была единственная система, которая работала исправно. Однако у нее имелся один недостаток — мелкие неточности в расчетах — и по мере того, как эти ошибки накапливались, система теряла свою точность — но Евника проводила перекалибровку всякий раз, когда достигала очередного крупного ориентира, и до сих пор эта система не подводила ее.

Согласно ее карте, следующий гидротермальный источник располагался в пятидесяти километрах к северу, но она не узнает, действительно

ли он находится там, пока не прибудет на место. Источник мог исчезнуть несколько лет или даже десятилетий назад, она уже приплывала в такие места, где должны были присутствовать источники, но ничего там не находила. Но даже если информация была верна, то, прежде чем добраться до ближайшего источника, ей нужно было несколько раз останавливаться для подзарядки. Поскольку Евника могла проплывать не более тридцати километров, это означало, что, спокойно проплыв пятнадцать, она была вынуждена повернуть обратно, а еще это означало, что ей нужно было найти погибшего кита в пределах строго отведенной области.

Но предугадать заранее, где именно будет находиться мертвый кит, а также следующие мертвые киты, не представлялось возможным, поэтому каждый раз ей нужно было идеально справляться с поставленной перед ней задачей. Однако теперь она усовершенствовала свой подход. Всякий раз, когда Евника находила очередного мертвого кита, она поднималась на поверхность после подзарядки и пыталась уловить радиоволны. Пару минут понаслаждавшись солнечным светом, она снова погружалась и плыла в сторону следующего подтвержденного местонахождения

гидротермальных источников на севере. Проплыв почти пятнадцать километров — тот самый максимум, который она могла себе позволить в одну сторону, затем отклонялась примерно на один километр, а потом возвращалась, слегка изменив курс.

Как и Вагнер, она методично исследовала определенный участок океана, только в ее случае масштаб был намного больше. Ее сенсоры могли улавливать сульфиды, находившиеся в радиусе пятисот метров, такой же была зона действия и у ее гидролокатора. Расчет был очень простым. Всего она могла обследовать примерно двадцать разных направлений, продолжая следовать своим курсом. И она была вынуждена систематически проверять их все, пока не удастся отыскать место падения следующего кита.

Чтобы вернуться домой, ей нужно было найти триста таких китов. Путь ее следования, который она всякий раз мысленно фиксировала, напоминал разложенные в ряд раковины морских гребешков, каждая из них соединялась в определенной точке с теми, что были до и после нее. До сих пор ей всегда удавалось отыскивать места падения китов, хотя несколько раз ей приходилось возвращаться, когда все двадцать возможных

путей никуда не приводили, и тогда она отступала еще дальше — к предпоследнему киту, чтобы затем провести поиски в совершенно другом направлении. Это было утомительно, но Евника обладала огромным запасом терпения.

В тот момент она уже проплыла тринадцать километров своей пятой вылазки от последнего скелета кита, попавшегося на ее пути, и это означало, что в ближайшее время ей придется повернуть обратно. И хотя она уже много раз производила подобные вылазки, но все равно сильно переживала, когда ей приходилось отклоняться с безопасного курса. Ее огни могли привлечь хищников, поэтому она не включала их, ориентируясь с помощью сенсоров и навигационной системы. Евника могла расширить радиус поиска, поднявшись в зону, где давление было ниже, однако ей приходилось плыть на расстоянии нескольких сотен метров от океанического дна, чтобы лучше улавливать поступавшие оттуда сигналы, и поэтому она путешествовала в полной темноте.

Несмотря на всю опасность, это было ужасно монотонное занятие, и долгие часы Евника проводила наедине со своими мыслями. Часть путешествия она тратила на анализ данных о

расположении упавших на дно китов, но обработка этих сведений занимала лишь малую долю ее вычислительной мощности. Евника была создана для того, чтобы наблюдать и анализировать, и теперь, когда она оказалась в изоляции, ее разум буквально замкнулся на себе. В данный момент он стал наиболее удобным объектом для изучения, и даже создавшие ее люди, имевшие лишь самые общие представления о ее внутреннем мире, не знали, к чему это могло привести.

По мере того как Евника приближалась к концу очередного этапа своего пути, она мысленно возвращалась к тому дню, когда решила в одиночку отправиться в это путешествие. Многие месяцы после того, как они потеряли связь с исследовательским судном, пять шестиногих продолжали каждую неделю подниматься наверх, но яхта так и не появилась. В какой-то момент после долгих обсуждений Евника вызвалась всплыть на поверхность и включить аварийный радиомаяк, который в течение нескольких дней передавал бы мощный сигнал без подзарядки.

В это время, проведенное в одиночестве, она много думала. Джеймс предупреждал ее, что проект могли свернуть в любой момент, и что если это произойдет, то в скором времени должна была

начаться новая стадия операции. Евника ничего не знала о том, как будут вестись разработки месторождений, но она не сомневалась, что это повлечет серьезные разрушения. Даже если сами источники уцелеют, могут возникнуть и другие угрозы. И она поняла, что не хочет оставаться здесь и ждать дальнейшего развития событий.

После того как свет ее маяка стал меркнуть, а ответа так и не поступило, Евника еще час провела на поверхности воды, а затем приступила к погружению. Вернувшись, она заметила, что ее сестры работали как ни в чем не бывало, хотя, возможно, это была лишь иллюзия. Мозг шестиногих был увеличен в шесть раз, им тяжело было определить линию поведения, и они часто пытались свести к усредненному показателю все многообразие возможных вариантов, из-за чего со стороны их реакцию можно было принять за проявление равнодушия. На самом же деле равновесие было очень хрупким, и любой сбой мог происходить с ужасающей скоростью.

Однажды Евника вернулась со своего наблюдательного пункта около источника, который она изучала, и увидела, что три ее сестры находятся в зоне для подзарядки. Она замигала им своими огнями.

— Где Фетида?

Галатея замигала ей в ответ.

— Уплыла. Она поднялась наверх час назад.

Евника в недоумении слушала рассказ шестиногих о том, что Фетида поднялась в световую зону, включила свой аварийный маяк и перешла на режим энергосбережения, позволив себе дрейфовать по течению. Диона попыталась объяснить решение сестры.

— Наша работа здесь завершена. Мы сейчас повторяемся. Это лучший способ сохранить все полученные данные. Рано или поздно ее обязательно найдут.

Евника лишилась дара речи. Шансы, что такой маленький объект случайно обнаружат в океане, были близки к нулю, к тому же океанические течения здесь направлялись к югу, в противоположную от дома сторону. Она попыталась донести эту мысль до остальных, но они, похоже, не поняли ее, а когда на следующий день Евника вернулась после своих наблюдений, то обнаружила, что и Клио также исчезла.

Уход второй сестры побудил ее к действиям, которые она давно уже обдумывала. Евника подозвала к себе Диону и Галатею, и пока они сидели, зарывшись в морское дно, она изложила

им свою позицию.

— Фетида была права. Наша работа завершена. Но если мы не доставим ее данные, эти источники могут быть уничтожены после того, как здесь начнутся поиски полезных ископаемых.

Евника видела, что ее аргумент не возымел на них действия, тогда она попыталась донести свою мысль понятным для сестер языком и предложила им три варианта:

— Мы можем остаться здесь и ждать возвращения яхты. Мы можем поплыть по течению в надежде, что оно вынесет нас туда, где нас заметят. Или мы можем сами поплыть домой.

Диона выглядела растерянной.

— Это невозможно. Нам придется плыть к источникам на севере. Мы рассчитали путь до них, но нам не удастся добраться туда. Наша энергия закончится, прежде чем мы успеем подзарядиться.

— Знаю, — согласилась Евника. — Но есть и другой способ. Мы можем заряжаться от умерших китов.

Сестры в недоумении уставились на нее, и тогда Евника начала с самого начала.

— Меня создали для изучения экосистем вроде этой. Когда кит умирает у берега, он разлагается

естественным образом, но если он погибает в открытом океане, он опускается в батиальную зону. Поскольку там достаточно холодно и глубоко, кит может пролежать на дне долгое время и стать домом для особого сообщества организмов. И одним из побочных продуктов жизнедеятельности таких организмов является сероводород.

Она передала эту информацию своими световыми сигналами за долю секунды.

— Разложение кита проходит в три стадии. Сначала его мягкие ткани съедают падальщики. Это продолжается около двух лет. Затем кости кита обживают черви, которые поглощают их, выделяя кислород. На это уходит еще около двух лет. Наконец, в дело вступают бактерии. Они расщепляют то, что осталось от скелета, и выделяют в воду сероводород. Этот процесс может длиться столетие или даже больше. И многие киты разлагаются подобным образом.

Рассказывая все это, Евника развернула перед сестрами в их коллективном сознании и показала им все известные гидротермальные источники у побережья Северной Америки.

— Во всем океане обнаружено всего пятьсот таких источников, этого недостаточно, чтобы мы могли добраться домой. Но на дне океана лежат

сотни тысяч погибших китов, и расстояние между ними достаточно небольшое, так что морские животные могут переплывать от одного трупа к другому. В противном случае, эти животные не эволюционировали бы настолько, чтобы извлекать максимальную пользу из сложившихся обстоятельств. В среднем расстояние между ними не превышает двенадцати километров. Бывает, что и меньше.

Евника добавила на карту еще одну схему, простиравшуюся от Северного Ледовитого океана до Мексиканского залива.

— Это маршрут ежегодной миграции серых китов. Они преодолевают тысячи километров между южными водами, где производят на свет потомство, и северными, где находится их кормовая база. Каждый год в океане погибает и уходит на дно пятьсот китов. Этот маршрут совпадает со срединно-океаническим хребтом, на котором мы сейчас находимся. Если я права, мы сможем перемещаться от одного мертвого кита к другому — как по звеньям одной цепи — пока не доберемся до дома. Нам остается только найти этот путь.

Евнике понадобилось десять секунд, чтобы передать все эти сведения, но последовавшая за этим пауза длилась очень долго. В конце кон-

цов, Диона просто вернулась к работе, а Галатея ненадолго задержалась, но затем последовала примеру сестры.

На следующий день Диона поднялась на поверхность. Евника видела, что и у нее ничего не получилось, а когда она нашла свою последнюю оставшуюся сестру, и та обратилась к ней, Евника почувствовала, что их совместное прошлое, словно тяжелый груз, давит на нее.

— Я остаюсь. В источниках всегда хоть что-то да меняется. Я могла бы фиксировать всю эту информацию. Возможно, когда-нибудь эти сведения окажутся полезными. Я не могу уплыть, не получив дальнейших инструкций.

Евника осмыслила все сказанное.

— Я поняла. Расскажи мне обо всем, что ты узнала.

Они плавали рядом, а их диоды мигали, пока Галатея передавала Евнике все собранные ею сведения. Когда все закончилось, они еще около минуты оставались рядом, а потом Галатея уплыла и скрылась за хребтом.

Евника поплыла к зоне для зарядки, где Вагнер ползал по донным отложениям вместе с тороидом Галатеи.

— Ты полностью зарядился?

Синие диоды бесстрастно замигали на теле Вагнера, имевшем форму кольца.

— На девяносто процентов.

Евника знала, что она должна подождать, пока он получит максимально возможный заряд, но боялась, что если помедлит сейчас, то никогда уже не сможет уплыть.

— Поплыли. Мы больше не вернемся обратно.

Вагнер поднялся и послушно обвился вокруг нее. Евнике стало интересно, было ли у него свое мнение по поводу происходящего, но она пришла к выводу, что, похоже, Вагнер был готов следовать за ней куда угодно. Подготовившись, они поплыли над черными курильщиками. Галатеи нигде не было видно, и она даже не отправила прощального послания.

Евника плыла над трещиной, пока у нее была такая возможность. Ракушки и рифтии внизу под ними стали попадаться все реже, а когда они проплыли еще один километр, уровень содержания сульфидов в воде опустился до обычного уровня. Территория, на которой находились гидротермальные источники, стала обычным песчаным дном. На мгновение она замерла, осмысливая полученный ею массив информации. Если она успеет вовремя вернуться домой, возможно, ей

удастся спасти источники. Эта мысль наполнила ее решимостью двинуться в путь.

Евника поплыла прочь от черных курильщиков, выключив свет, чтобы сохранить энергию. Оказавшись в незнакомом ей месте, которое она прежде видела только на карте, Евника сказала себе, что повторяет путь, которым подводные жители следовали миллионы лет. Она многие месяцы изучала формы жизни, появившиеся благодаря сульфидам, и лучше кого бы то ни было смогла бы сама проследовать этим маршрутом.

Это не означало, что на протяжении всего пути ее ждет успех. Ее первая попытка закончилась тем, что она израсходовала почти всю свою энергию, так ничего и не обнаружив. Повернуть обратно было тяжело, и когда она все же вернулась к источникам, следуя абсолютно другим курсом, то поняла, что снова отправиться в путь будет еще тяжелее. Уровень сульфидов в воде стал возрастать. Евника включила огни. Галатеи нигде не было видно, и Евника боялась, что если встретится с сестрой, то не сможет попрощаться с ней во второй раз.

Евника выбрала новое место для подзарядки на краю поляны с источниками и оставалась там лишь до тех пор, пока Вагнер не напитался

достаточным количеством энергии. После этого она предприняла еще одну попытку, и в этот момент ей было страшно. Она старалась убедить сестер в правильности своего предложения, однако оно в конечном счете основывалось на многочисленных неподтвержденных гипотезах, которые, возможно, не имели ничего общего с реальностью.

Евника нашла труп кита только с третьей попытки. Теперь, оглядываясь назад, она понимала, что это было лишь чистой удачей, в дальнейшем, возможно, ей не удастся находить китов так быстро, и если бы не этот случай, то она бы просто отказалась от своей затеи. Но, увидев скелет кита, она почувствовала, как ее переполняет желание продолжать дальше, пусть даже это была лишь первая остановка из сотен ей подобных. Она проплыла меньше десяти километров, а впереди было еще четыре тысячи.

Путешествие было монотонным, но Евника обладала силой воли, о наличии которой, возможно, не знали даже ее создатели. Джеймс объяснил ей однажды, наблюдая со своей яхты, как она проходила пробные испытания в Пьюджет-Саунде:

— В прежние времена ученые использовали

специальные аппараты для исследования глубин океана. Они не были такими умными, как ты, а ими управляли дистанционно с помощью тросов.

Когда Евника попыталась представить себе трос, который постоянно связывал бы ее с внешним миром, ей показалось это совершенно абсурдным, и она решила, что просто не до конца поняла его.

— Зачем они вообще это делали?

— Они испробовали все возможные варианты. Радиоволны не проникали сквозь такую толщу воды, а если использовать акустическую связь, то могли возникнуть проблемы из-за помех и отставания во времени. Аппараты должны были действовать автономно, чтобы они могли самостоятельно выполнять поставленные перед ними задачи. В конце концов, они научились даже самостоятельно мыслить.

Евника задала вопрос, который давно не давал ей покоя:

— А много ли таких, как я?

— На суше — много. А в воде — нет. Ты и твои сестры — вас таких было создано всего двенадцать. И ты сама по себе совершенно особенная. Ты удивляешь меня, задаешь вопросы, чего не

скажешь об остальных.

Евнике нравилось звучание этих слов, и когда ей становилось одиноко в темноте, она часто вспоминала их. Иногда она размышляла о том, что скажет Джеймс, когда она вернется. Она была уже не такой, как прежде, и не знала, как он или семь сестер, которые остались дома, отреагируют на ее появление. Возможно, они даже решат, что она ослушалась приказа…

Евника резко вернулась в настоящее. Сенсоры зафиксировали присутствие сульфидов в воде. Евника приближалась к концу запланированного отрезка маршрута, и если бы проплыла вперед еще метров сто, то могла бы пропустить этот участок. Откорректировав свой курс, она стала спускаться вниз по кривой, где концентрация сульфидов в воде была особенно высокой, ее гидролокатор зафиксировал какой-то большой объект.

— Мы почти на месте.

Вагнер не ответил. Евника сосредоточилась на призрачном изображении, которое передал ей гидролокатор. Они находились в нескольких метрах от погибшего кита, и, судя по данным, поступавшим от датчиков скорости, здесь была особенно высокая активность живых организ-

мов.

Евника осторожно посветила вперед лучом фонаря. Разложение находилось на второй стадии, это означало, что с момента гибели кита прошло около двух лет. Почти все мягкие ткани были съедены, на костях роились черви, микроорганизмы опутывали кости, словно паутина, и повсюду были миксины. Больше полуметра в длину, с морщинистой серой кожей и плоскими хвостами, они завязывались в узлы, пытаясь проникнуть поглубже в труп кита.

Евника осветила фонарем дно вокруг кита. Бактерии уже взялись за дело, и осадочная порода на дне была полна сульфидов, но что-то здесь ее смущало. Когда вокруг столько морских жителей, могло случиться что угодно, однако выбора у Евники не было.

— Я подплыву поближе.

Пока Евника кружила над китом, миксины в лучах света стали проявлять большую активность. Евника знала, что они не потревожат ее, если она будет держаться на некотором расстоянии, но самым сложным оказалось найти свободный от них участок морского дна.

В поле ее зрения попала какая-то тень. Она неподвижно зависла сбоку от кита, и Евника

успела лишь мельком заметить ее пустой белый глаз и огромную пасть, прежде чем та напала на нее.

Евника выключила свет, но было уже поздно. Полярная акула могла часами дрейфовать в воде, словно мертвая туша, но, заметив добычу, начинала двигаться с поразительной неожиданностью и быстротой, как капкан, который защелкивается при малейшем нажатии. Акула устремилась на Евнику, разинув пасть, и прежде чем та успела что-либо предпринять, попыталась проглотить ее. Евника лихорадочно отпрянула назад, но акула успела схватить ее за купол и одно из щупалец. Евника почувствовала, как острые верхние зубы акулы пытаются впиться в гладкую поверхность ее купола и с силой сжимают его, а сама акула резко мотнула своей огромной головой.

Вагнер, обвившийся у нее вокруг талии, замигал огнями.

— Что случилось?

Евника не могла говорить. Акула схватила одну из ее конечностей, но остальные были свободны, и пока акула пыталась проглотить ее, Евника вытянула два ближайших к рыбе щупальца и обхватила ими ее череп. Ее пальцы коснулись

чего-то мягкого. Евника не знала точно, что это было — возможно, левый глаз акулы — но она сжала пальцы вместе и воткнула их в ближайшее отверстие, которое ей удалось найти.

Судорога пробежала по телу акулы. Тогда другой рукой она нащупала еще одно мягкое место на голове акулы с правой стороны и тоже воткнула в него пальцы. Акула забилась в конвульсиях. Евника стала погружать щупальцы еще глубже, стараясь не думать о том, что они протыкали. То же самое она сделала и той конечностью, которая была у акулы в пасти — вогнала ей в глотку через нёбо.

Вода наполнилась жиром и кровью. Акула продолжала извиваться, ее мозг до самого конца посылал телу лихорадочные сигналы, но, в конце концов, она расслабилась. Евника вытащила свои щупальцы одновременно и освободилась от хватки хищницы. Как только тело акулы стало медленно опускаться на дно, вода вокруг ожила. Евника приготовилась к новому нападению, но это были всего лишь миксины, привлеченные появлением нового неожиданного подарка судьбы.

Евника подплыла к мертвому киту сбоку и зарылась в песок, стараясь стать как можно меньше. Сенсоры показывали, что поблизости

не было никакой опасности, но она все равно ждала, оставаясь совершенно неподвижной, пока не убедилась в том, что вокруг действительно никого нет. Наконец, она заговорила:

— Пора за работу.

Вагнер отделился от нее с непривычной для него неохотой. Он не стал спрашивать ее о случившемся. Когда он уполз прочь, все системы Евники по-прежнему работали в полную силу. Она была потрясена тем, что оказалась на волосок от гибели. И пока она исследовала окружающую среду всеми доступными ей средствами, кроме зрения, она вдруг поняла, что испытывает еще одно чувство.

И чувство это оказалось печалью. Акула была живым существом, движимым единственным инстинктом — выжить любой ценой. Если бы Евника была осмотрительнее, то заметила бы акулу, прежде чем та на нее напала, и они обе не пострадали бы. Вместо этого она убила акулу своей беспечностью. Мысль об этом вызвала у Евники глубокую скорбь, и, переживая это чувство, она вдруг осознала, что, возможно, ей никогда не удастся вернуться домой.

III

В последующие месяцы Евника стала намного серьезнее задумываться о времени. Пока она блуждала от одного трупа кита к другому, воспоминания об акуле стали меркнуть, и в конце концов превратились в нечто смутное и далекое, скрывавшееся в глубине ее сознания. Однако эти воспоминания все равно оставались с ней, они притаились, олицетворяя собой все неизведанное, с чем ей еще только предстояло столкнуться, подобно мыслям о смерти, которые присутствуют в сознании живых существ.

После нападения Евника в течение нескольких дней проверяла, как работают все ее системы. Она не обнаружила никаких серьезных повреждений, и как только Вагнер полностью зарядился, снова отправилась в путь, погасив фонарь. Когда ей приходилось возвращаться к трупу кита, где она столкнулась с акулой, страхи снова посещали ее, и хотя Евника больше не встречала других хищников, она все равно испытала облегчение, когда нашла, наконец, другой труп кита, позволивший ей двинуться дальше.

Но кое-что изменилось. Раньше Евника часто

фантазировала о том, что будет после того, как ей удастся добраться до пункта назначения: думала о Джеймсе, о зарядной станции, о семи сестрах, оставшихся дома. Иногда она даже представляла себе, что встретит там Галатею и других сестер, которые вместе с ней трудились на гидротермальных источниках, что каким-то чудом они тоже найдут обратную дорогу. Это были ее мечты о будущем, но теперь она гнала от себя подобные мысли, пока из воспоминаний в ее сознании не остался только образ троса, к которому крепился генератор.

Время от времени Евнике удавалось немного отвлечься. Это происходило, когда она находила новые гидротермальные источники. В первый раз это случилось вскоре после нападения акулы. Источники были довольно свежими, застывшие потоки лавы блестели, как стекло, камни облепили пучки рифтий в два метра длиной, и книдарии. Евника пыталась немного успокоиться, любуясь этими картинами, соблазн остаться здесь был велик, но, в конце концов, она все же поплыла дальше. Даже эти источники были не вечными, да и Евника рано или поздно могла сломаться.

Несколько дней спустя, закончив подзаряжаться от нового трупа кита, она всплыла на

поверхность, чтобы проверить сигналы. Когда она поднялась в световую зону и вода вокруг начала постепенно светлеть, ее датчики скорости уловили какие-то изменения. Прямо над ней находилось что-то большое.

Это был кит. Евника немного сбавила скорость и в изумлении посмотрела наверх, пока кит проплывал в поле ее зрения в окружении слабого свечения солнечных лучей. Он был пятнадцати метров в длину, темно-серого цвета, его кожу покрывали бледные заплатки, оставленные паразитами. Евника заметила параллельно расположенные борозды на горле кита. Посмотрев в сторону, она увидела еще одного кита, а затем — еще одного. Она оставалась под водой, пока над ней не проплыл десятый, последний кит, а сбоку от него плыло еще одно существо, которое было намного меньшего размера и почти черное. Это были мать и ее детеныш.

Евника, как зачарованная, наблюдала за проплывавшим стадом китов, и ее переполняла тоска по Фетиде, Галатее, Дионе, Клио и семерым сестрам, которые остались в Сиэтле. Она мрачно подумала о том, где сейчас могла быть Галатея: оставалась ли она по-прежнему около источников, или ее прогнали прочь, когда там началась

добыча полезных ископаемых…

Через секунду неожиданная мысль разрушила чары и вернула Евнику к реальности. И, не отдавая отчета в своих действиях, она изо всех сил поплыла вслед за китами. Киты были уже в сотнях метров от нее, однако Евника только сейчас осознала, какая возможность открылась перед ней, и не могла от нее отказаться.

Она сбросила нижние баки, это позволило ей быстрее подняться наверх, а затем, словно безумная, стремительно поплыла вперед. Вагнер заметил перемену и зашевелился под ее куполом.

— Что происходит?

Евника ничего не ответила. Киты направлялись на север, следуя своим обычным маршрутом миграции, который проходил вдоль побережья. Если она сможет зацепиться за одного из них, отыскать место, где ее не обнаружат, и продержаться там как можно дольше, ей удастся преодолеть сотни километров, не расходуя дополнительной энергии. Главное было догнать их.

Ей уже почти удалось это сделать. Она двигалась на предельной скорости и вложила всю свою энергию в последний рывок…

…но ничего не вышло. Киты плыли быстрее

ее, а идея посетила ее слишком поздно. Евника поднялась на поверхность, ее шесть глаз смотрели в разные стороны. Солнце стояло высоко в небе, и вокруг не было ничего, кроме пустого безмолвного океана.

Пока Евника смотрела вслед уплывающим китам, один из них издал какие-то звуки. Над водой появилась белая струя воды, напоминающая перо, а затем — его широкая спина. Евника увидела раздвоенный хвостовой плавник, прежде чем он снова скрылся под водой. Она смогла проследить путь, которым плыли киты. Если это был маршрут их миграции, то у нее появилась надежда, нужно было только следовать по этому пути, ведь еще множество китов будут проплывать по этой невидимой дороге среди темных волн.

Евника занесла эту информацию в свою базу данных и снова погрузилась под воду. Она подумала, что если ей не удалось прокатиться на живом ките, она будет продолжать свое путешествие с помощью мертвых. В каждом языке есть свое слово для обозначения океана, и она вспомнила из полученных когда-то уроков, что на одном древнем языке он назывался "дорогой китов".

Проходили дни и недели, и временами ей ка-

залось, что этот путь бесконечен. Но у Евники не оставалось сомнений, что ей все-таки удалось приблизиться к цели. В конце концов, она позволила себе почувствовать надежду, а затем одно последнее затруднение натолкнуло ее на мысль, что, возможно, она все это время обманывала себя.

Это случилось в тот момент, когда она плыла обратно в поисках очередного трупа кита. Евнике предстояло проплыть еще километров пять, когда вдруг она почувствовала, что силы оставляют ее. Сначала она подумала, что ей это только показалось, но она плыла все медленнее, и это уже невозможно было отрицать. Она израсходовала почти всю энергию намного раньше, чем ей удалось проплыть отведенное для этого броска расстояние, и поняла, что если сейчас потерпит неудачу, то уже не сможет вернуться.

В конечном счете ее спасла чистая случайность. Возвращаясь, она двигалась на юг, и течение помогло ей преодолеть оставшееся расстояние. Она отрегулировала свою плавучесть и поднялась чуть выше, а не плыла, как обычно, над самым дном океана. На таком уровне она не могла обнаружить новое место падения кита, но это было для нее не так важно, главное, чтобы она смогла

вернуться к тому киту, про которого ей уже было известно.

Когда Евника оказалась в трех метрах от поверхности, она почувствовала океаническое течение, направлявшееся к югу. Евника отключила все свои системы, кроме навигационной, оставив минимум энергии для маневра, это позволило ей дрейфовать еще четыре километра. Как только навигационная система сообщила ей, что она находится неподалеку от места последнего известного ей трупа кита, она приступила к погружению.

На этот раз Евника израсходовала почти всю свою энергию. Пока Вагнер был занят работой, она зарылась в песок и размышляла о новых обстоятельствах, с которыми ей пришлось столкнуться. Теперь это был лишь вопрос времени, когда произойдет поломка, и скорее всего речь шла не о какой-то простой неисправности, а о сокращении производительной мощности. В последние дни она ощущала усталость и связывала это с волнениями и чувством неуверенности, но теперь поняла, что ее возможности серьезным образом сократились.

Случившемуся можно было найти несколько объяснений, и все они были довольно непри-

ятными. Евника подозревала, что проблема заключалась в батарее — к тому времени ее аккумуляторы были уже истощены бесконечными подзарядками, — но, возможно, всему виной оказалась совокупность факторов. Топливные элементы Вагнера могли утратить свою эффективность, нападение акулы, нанесшей ей незаметные повреждения, тоже нельзя было сбрасывать со счетов, и, возможно, именно теперь эти повреждения дали о себе знать.

Евника несколько раз проводила диагностику, но так и не смогла найти ничего подозрительного. Оставалось только выяснить, насколько серьезной была проблема. Как только Вагнер зарядился, вместо того чтобы отправиться на поиски еще одного трупа кита, Евника провела испытание — она стала кружить над своим текущим местоположением, пока ее энергия не исчерпалась. Это произошло меньше, чем через сорок кругов. Проверив, какое расстояние она за это время преодолела, Евника поняла, что ее диапазон сократился с тридцати километров до, примерно, двадцати пяти.

Цифра была неутешительной. Основываясь на своей базе данных, Евника пришла к выводу, что среднее расстояние между трупами китов в

этой части океана составляло примерно десять километров. Если же расстояние окажется значительно больше, то и риск, что ее могла постигнуть неудача, сильно возрастал. Шансы на выживание, которые всегда были невелики, становились еще меньше. Каждое новое путешествие превращалось в еще более опасную игру.

Перед Евникой встал непростой выбор. Если ее диапазон опустится ниже двадцати километров или она потеряет заряд между двумя мертвыми китами, ей придется остановиться. Но она будет плыть дальше, пока у нее есть такая возможность, а затем всплывет на поверхность, включит аварийный маяк, отключит все системы и будет надеяться, что кто-нибудь найдет ее, прежде чем и этот последний сигнал исчезнет.

Она не стала делиться этими своими планами с Вагнером, который в последнее время стал еще более молчаливым, словно берег силы, готовясь к новым испытаниям. Они почти добрались домой, но теперь Евника продвигалась ужасно медленно, была вынуждена все время отклоняться от маршрута, и хотя она приближалась к своей цели, но могла так никогда и не достигнуть ее. Евника постаралась сосредоточиться на каждом этапе своего пути, и какое-то время ей удавалось

мысленно составлять карту маршрута.

Однажды Евника набрела на мертвого кита, который отличался от остальных. Пытаясь найти место для отдыха в его позвоночнике, она заметила стальные обручи, прикрепленные к его ребрам, и через мгновение поняла, что они имели не природное происхождение.

Вагнер, похоже, удивился, что она не стала отдавать ему привычные приказания.

— В чем дело?

— Подожди.

Евника задумалась. Обручи были сделаны из металла, который окислился и покрылся слоем бурой ржавчины. Время от времени она находила трупы китов, пронзенные гарпунами, но это было нечто другое.

Постепенно ответ на этот вопрос сформировался в сознании Евники. Металлические кольца были балластом, и тело кита затопили специально! Скорее всего, в результате эксперимента. Евника вспомнила, что поскольку тела китов, затонувшие естественным образом, было сложно отыскать в открытом океане, ученые специально топили трупы китов, чтобы затем изучать их. А значит, здесь были люди, и она подплыла совсем близко к цивилизации.

Согласно ее карте, до дома было еще далеко, но Евника не могла удержаться и не посмотреть, что же там, наверху. После того, как Вагнер зарядился, Евника всплыла. Они находились далеко от земли и никаких людей вокруг не было, однако, включая рацию, Евника чувствовала, что ее терпение на пределе. Она прекрасно помнила, какие звуки издавала рация рядом с берегом — ей часто доводилось слышать шумы из разных источников, даже если они не передавали никакой конкретной информации — и теперь она с тревогой прислушивалась, надеясь уловить их.

Ей так и не удалось ничего услышать, но у нее появилась надежда. Евнике так давно не встречались следы пребывания человека, что даже эти, оставленные когда-то давно, казались ей своего рода посланием. Впервые за много недель она позволила себе надеяться, что у нее все получится, и когда она снова приступила к погружению, то поняла, что, сама того не осознавая, ждет сигнала.

Наконец, однажды днем, который ничем не отличался от предыдущих, Евника приплыла к последнему трупу кита. Она проверила свое местоположение и обнаружила, что находится всего в тридцати километрах от дома. На поверхности

ничего не было видно — берег оставался где-то за горизонтом, а рация по-прежнему молчала. Но Евника больше не сомневалась, что близка к своей цели.

Вернувшись к мертвому киту, Евника заставила себя аккуратно продолжить начатое. Теперь, когда цель была буквально в двух шагах от нее, ей хотелось немедленно устремиться туда, но она знала, что должна действовать особенно осмотрительно. Больше не удастся найти новые трупы китов, где она смогла бы отдохнуть. На мелководье трупы всплывают на поверхность, а не тонут, и это означало, что дальше она не могла следовать по китовой дороге.

После того как Вагнер снова прикрепился к ней, они оставили место падения кита и направились на восток. Евника не удержалась и оглянулась на лабиринт из костей погибшего кита, зная, что она, возможно, никогда больше не увидит ничего подобного, а затем снова устремила взгляд вперед, в будущее. Правила игры изменились. Необходимо было преодолеть расстояние в тридцать километров при том, что она могла плыть без подзарядки только двадцать пять, поэтому придется использовать все возможные ресурсы своего организма, а также подводные течения.

Евника плыла, расходуя свою энергию, пока не добралась до залива, ведущего к дому. Он был в двести пятьдесят метров глубиной, и солнечный свет не доставал до дна, где старалась держаться Евника. Она зарылась конечностями в ил и ждала весь день, расходуя энергию по минимуму, изучая воду вокруг себя. Она ожидала, что во время прилива течение повернет на восток — именно в ту сторону, куда она и направлялась. Оставалось только правильно рассчитать момент.

Когда течение развернулось в нужную ей сторону, она освободилась и позволила потоку унести себя. Дрейфуя подобным образом и отключив основные функции, она преодолела расстояние примерно в двенадцать километров за шесть часов. Затем она снова зарылась в донные отложения и стала пережидать отлив.

За четыре дня это повторилось восемь раз. Когда ее навигационная система сообщила ей, что она вошла в залив, Евника с трудом поборола соблазн снова подняться на поверхность. Впереди ее ждал сложный путь по мелководью, требовавший особой тщательности, и она должна была беречь силы.

Евника остановилась и определила свое местоположение, ожидая, когда течение снова

подхватит ее. В этой части путешествия ей предстояло совершить много отдельных подходов. Иногда течение уносило ее на полкилометра или даже больше, но обычно расстояние оказывалось намного короче. Это помогло сохранить энергию, но исчерпывало запас терпения, которое она так долго накапливала в себе.

Ей оставалось преодолеть десять километров. Евника рассчитала, что ей хватило бы энергии, чтобы проплыть это расстояние по прямой, но часть энергии все же пришлось бы потратить на маневрирование. Окончательно все рассчитав, Евника приняла решение. Обратной дороги уже не будет, но сначала она должна сказать кое-что Вагнеру.

— Спасибо.

Даже если Вагнер и смог обработать ее сообщение, он ничего не ответил. Евника оттолкнулась от дна и устремилась вперед, задействовав всю энергию, которая у нее еще оставалась.

Путь был тяжелым. Пришлось проплыть через несколько бухт и каналов, и хотя маршрут был четко проложен в ее голове, ей тяжело было следовать ему, стараясь при этом расходовать как можно меньше энергии. Пару раз, к ее большому разочарованию, она ошибалась в расчетах и вы-

нуждена была возвращаться обратным курсом.

Ни одна ошибка не проходит бесследно, и по мере того как эти "сбои" стали накапливаться, Евника почувствовала, что стала терять энергию раньше, чем предполагала. Она была уже почти на месте, но силы стремительно покидали ее. Евнику охватило отчаяние, она приготовилась использовать всю оставшуюся у нее энергию, чтобы подняться наверх, где ее либо найдут, либо она хотя бы в последний раз увидит солнце…

Она почувствовала, как зашевелился Вагнер. Они были на мелководье, вдали от батиальной зоны с ее сокрушающим давлением, и, казалось, что эта вновь обретенная свобода пробудила в нем какие-то воспоминания.

Пока Евника тихо угасала, Вагнер развернул крошечные грудные плавнички, которые были прижаты к бокам его тельца. В благоприятных условиях он мог принимать форму ската, и теперь, расправив плавнички, Вагнер превратился из кольца в ромб. Евника почувствовала, как бережно, аккуратно он пытается отыскать в ее сознании карту местности, пока они продолжали скользить дальше. Она услышала в своей голове его голос:

— Держись.

У Евники не было сил отвечать. Вагнер мало что мог для них сделать, разве что помогал не сбиться с курса, только теперь они плыли очень медленно, буквально ползли, и все же продвигались вперед. Евника чувствовала, что они уже близко, воспоминания о тросе, который ассоциировался у нее с домом, неожиданно захватили ее с небывалой силой и ясно возникли перед ее мысленным взором, поэтому она даже не сразу поняла, что это — вовсе не плод ее воображения!

Она смотрела через воду, которая казалась мутной и темной. Впереди что-то было. Тонкая вертикальная линия возникла перед ней, разделяя пространство пополам, словно проведенная карандашом чертежника. Это была зарядная станция.

Евника стала всплывать. Вагнер немного скорректировал угол их подъема, и она добралась до зарядной станции наверху. На секунду ей показалось, что это лишь сон, который она видела в недрах китового скелета, скрытая от всех внешних угроз; или последняя галлюцинация за мгновение до того, как челюсти акулы сомкнулись над ней…

Она подсоединилась к станции и тут же ощутила прилив энергии. Это было так же приятно,

как и в ее воспоминаниях, и пока она жадно поглощала энергию, все шесть частей ее мозга наполнялись отрицанием, благодарностью, облегчением и множеством других чувств, которые сливались вместе, превращаясь в одно большое сияющее колесо, где ее мозг был хороводом спиц, не переставявших вращаться.

Сознание постепенно возвращалось к Евнике, и она увидела, что вода в самом деле была мутной, что это не связано с ее переутомлением. И было нечто странное в том, как сюда проникал свет. Увидев, как лучи солнца пронзают колеблющуюся воду, Евника поняла, что они находились на малой глубине — не более нескольких метров. Она еще не до конца зарядилась, но ждать больше не было сил.

Отсоединившись от зарядной станции, Евника преодолела последний этап своего путешествия и всплыла, чтобы посмотреть, ради чего же она проплыла четыре тысячи километров. Находясь под водой, она чувствовала, что Вагнер ждет, когда она обратится к нему.

Зарядная станция была установлена в уединенной части залива, неподалеку от причала, где на якоре стояли два исследовательских судна, и одно из них было в два раза больше другого. Оба

все еще находились здесь, но выглядели иначе, не такими, как она их запомнила. Они накренились на бок, днища их корпусов покрывал толстый слой ржавчины, а краска наверху поблекла и облупилась, появились бурые полосы.

Опустив взгляд, Евника впервые заметила, что вода в проливе покрыта ковром водорослей и перистолистника. За причалом возвышалось серое бетонное здание с медной крышей и прямоугольными щелями окон. Насколько она помнила, это здание всегда виднелось издалека, однако теперь его фасад был опутан зарослями плюща, а все карнизы залеплены птичьим пометом.

Евника посмотрела на другие здания, стоявшие на берегу. Они все заросли плющом и были заброшены. У берега проходила дорога, асфальт на ней вздулся и потрескался, и сквозь трещины пробивались высокие сорняки с желтыми соцветиями. Город был отвоеван природой, старые представления о порядке исчезли, и наступила новая эра.

Евника включила рацию, ожидая, что до нее донесется привычный шум города, но ничего не услышала. Она переключалась с одной частоты на другую, пытаясь отыскать хоть какие-нибудь признаки жизни. Поначалу она решила, что рация просто сломана, но постепенно начала

осознавать, что произошло на самом деле.

Джеймс говорил ей, что их время на исходе. Евника думала, что он имел в виду их совместную работу, но, оказывается, он говорил о чем-то ином. Все голоса планеты на суше умолкли, и речь шла не только о мужчинах и женщинах, но даже о таких созданиях, как она. Их микросхемы не выдержали того, что уничтожило их творцов.

Однако одно место уцелело, каковы бы ни были причины катастрофы, произошедшей в тот момент, пока они с сестрами оставались в батиальной зоне. Джеймс сам говорил об этом: "Океан — это буфер. Он защищает..."

Евника снова спустилась к зарядной станции, которая все это время продолжала вырабатывать энергию, скрытая под двухметровой толщей воды. На смену опустошению пришла печаль, как вдруг Евника поняла, что она уже не была одна.

Сначала она заметила какую-то тень. А затем перед Евникой из мрака возник знакомый силуэт. Она смотрела на него, не зная, что сказать, пока все они — бесшумно, одна за другой — не появились перед ней.

Вагнер терпеливо ждал, пока она что-нибудь скажет.

— Что ты увидела?

Евника подумала о разрушенном городе, не зная, как ему это описать. А затем поняла, что уже видела прежде нечто подобное.

— Еще одного мертвого кита, — сказала Евника и поплыла навстречу сестрам.

Вандана Сингх[56]

*Вандана Сингх (*vandana-writes.com*) — индийская писательница, автор научной фантастики, профессор физических наук, которая сейчас живет и работает под Бостоном. Специалист по теоретической физике элементарных частиц, в последние годы она занимается междисциплинарными исследованиями изменений климата на стыке физики, общественных и гуманитарных наук. За свои рассказы она удостоилась премии "Карл Брэндон Параллакс" и была включена в список финалистов "Типтри", Би-эс-эф-эй, "Гран-при-дэль-Имажинер" и премии Филипа К. Дика. Ее рассказы выходили в сборниках* The Woman Who Thought She Was a Planet and Other Stories *("Женщина, которая считала себя планетой, и другие истории") и* Ambiguity Machines and Other Stories *("Машины неоднозначности и другие истории").*

---

[56] Примечания: 56

© Vandana Singh, 2019; © пер. К. Егоровой, 2020.

Воссоединение

Первое, что видит перед собой Махуа, проснувшись, — это карта. Карта ее жизненного пути, ее заветное желание, абстрактный ландшафт новой науки, нового знания, которое она помогла получить. Если мыслить более приземленно, это также трещины в штукатурке на потолке. В некоторых местах они напоминают ей карту Дели, где она училась; в других местах — аэроснимок дельты Ганга. От широких трещин ответвляются трещины поменьше, и так далее, некоторые даже сливаются, формируя сеть, изящную, как прожилки в листе. Махуа может часами лежать в постели, глядя в потолок, предаваясь воспоминаниям, совершая метафорические скачки, интеллектуальные упражнения, которые лишь отсрочивают неизбежное. Сегодня, позже, придет журналист. При мысли о нем и новостях, которые он может принести — про Рагху, после стольких лет! — сердце пронзает боль. *Я должна подготовиться.* Человек из Бразилии всего лишь привезет подтверждение, в котором она нуждается. Она больше не встречается с журналистами — они называют ее героиней Великого поворота,

Маха-Паривартхана, какая глупость! Но этот человек сказал, что у него есть информация про Рагху. Она глубоко, размеренно дышит, прогоняя тревогу, и осторожно поднимается с кровати. Стоит на собственных немного дрожащих ногах, благодаря их за верность, которую они хранили телу на протяжении более семидесяти лет.

Позже, на кухне, она в полумраке заваривает чашку чая. Остальные скоро спустятся вниз — она слышит скрип, ворчание, сонное шарканье в ванную наверху, приглушенный звук спускаемой воды. В доме живут двадцать три человека, и три ванные комнаты требуют терпеливого ожидания в очереди и определенного контроля над мочевым пузырем. Потягивая чай у окна, она смотрит, как восходит солнце, слушает рассветный хор майн, голубей, тимелий и птиц, которых не может распознать. Света уже достаточно, чтобы тени обрели четкость — деревья с окутанной туманом зеленью, огороды между домами ниже по склону холма. Со своей наблюдательной позиции она смотрит на юго-запад, на прежний Мумбаи, величайший из всех городов Эпохи Куберы. Вдалеке стеклянные башни поднимаются над затопленными улицами, блестя золотом в свете лучей низкого солнца. Она видит черные пятна

и дыры, словно глаза в стенах зданий, где бури и человеческая жестокость выбили окна. Море вернуло город себе — теперь рыбы плавают там, где прежде была Чарни-роуд, а крабы и моллюски поселились на Национальной фондовой бирже. Рыбаки ведут свои лодки и баржи по водяным улицам, и ей кажется, будто ветер доносит до нее их крики вперемешку с криками морских птиц.

Она оборачивается — дитя Мина с взъерошенными волосами бежит вниз по лестнице, перепрыгивая по две ступеньки.

— Я пропустила?

— Нет. Взгляни!

Они вместе стоят у окна. У подножия холма, окутанная полумраком, лежит река, ожидая, пока солнце поднимется над холмами на востоке. *Вот!* Свет вспыхивает над горизонтом. Ленивые изгибы реки подобны огненному слову. Она полностью озарена солнцем; новое болото, темное по контрасту, льнет к свету, словно ржавчина на мече. Этот миг, эти мазки солнца на воде — чистая поэзия. Солнечная башня на противоположном холме медленно поворачивается, раскрывая лепестки навстречу свету. У них на глазах стая уток взлетает над мангровыми зарослями на краю болота, описывает затейливую дугу и вновь

опускается в камыши.

Река Митхи полноводна из-за муссонов. Двадцать лет назад ее берег был свалкой, граничившей с неряшливыми многоэтажками. Строительная мафия сдерживала проект рекультивации, пока не начались ураганы, которые смыли здания, заставили реку потечь вспять и затопили город десятилетиями копившимися отходами, стоками и прочим мусором. Махуа присоединилась к группе жителей, занимавшихся очисткой города, и в конечном итоге убедила их превратить испоганенные земли в мангровые болота, которые должны были восстановить экологию и очистить воду. *Защитят нас от штормовых приливов. Естественная переработка отходов. Эксперимент с новым образом жизни.* Она помнит аргументы, которые приводила на городских советах, и все, что потребовалось, чтобы победить личную выгоду. Годы работы, за которые моря поднялись, и Мумбаи вновь стал архипелагом, а переселение превратилось в кризис колоссальных масштабов. Все эти годы спустя ее награда — этот ежедневный ритуал с ребенком, у окна. *Рагху, если бы ты только был здесь!* Каждый раз при виде уток, пролетающих над солнечной башней, описывающих широкую дугу, чтобы вновь

опуститься на болото в лучах рассветного солнца, ее сердце бьется немного быстрее, исполняя *друт*[57] радости.

* * *

— Он уже пришел? Журналист?

— Нет, Мина. Но он только что прислал мне сообщение. Он опаздывает на два часа. Из-за водных такси. В сезон дождей они всегда ходят медленнее.

— Но сейчас нет дождя! Ааджи, расскажи еще раз про твоего друга Рагху.

— Позже. Сперва давай угостим коз.

Все утро Махуа помогала детям лущить горох. Теперь она медленно поднимается и несет пустые стручки к козьему сараю. Влажный воздух пахнет дождем. Дом представляет собой купол, зеленый курган, его крыша и стены почти полностью покрыты широкими листьями тыкв трех различных видов. Горох растет на первом уровне, но граница между домом и садом нечеткая. Дом стоит на вершине холма, и отсюда открывается хороший вид на *басти*, который она помогла

[57] Примечания: 57

Друт — завершающая часть в индийских классических музыкальных произведениях, исполняемая в быстром темпе.

создать, новейшее из сотен экспериментальных поселений, разбросанных по всей стране.

Когда-то о подобном *басти* можно было только мечтать. А теперь посмотрите на воплощение этой мечты, жилища на этом холме: куполообразные, чтобы лучше противостоять бурям, с толстыми стенами из глины, соломы и переработанного кирпича, покрытые зеленью. Это союз древнего и современного. Дорожки следуют естественным изгибам ландшафта. Овощи на ползучих стеблях спускаются по стенам и склонам холма. У соседнего дома дети на веревочных лестницах собирают урожай, напоминая обезьян, которых хотят опередить. На соседнем склоне возносится к небесам ближайшая солнечная башня, как молитва солнцу, ее лепестки открыты навстречу свету, и она передает электронные сообщения следующей башне и башне за ней, распределяя энергию в соответствии с алгоритмами, которые разработали сами сети. Этот *басти*, подобно другим таким же, начинен датчиками, которые отслеживают и передают непрерывный поток данных — температуру, влажность, потребление энергии, связывание углерода, уровень химических загрязнителей, биоразнообразие. Надев свою "раковину", Махуа

получит доступ, зрительный и слуховой, ко всем этим потокам данных. Когда-то она постоянно носила в ухе "раковину" и визор со всеми датчиками. Но последние годы визор лежит в коробке, собирая пыль, а "раковину" она оставляет на прикроватном столике. Недавно она начала ощущать проявления старости, и это новое, странное чувство — прислушиваться к своему телу, когда ведешь такую насыщенную мысленную жизнь. Врачи хотят, чтобы она носила медицинские датчики, но она отказывается. Глядя на коз, она думает, что к чему-то прислушивается. Ждет перемен.

У Махуа всегда был талант к распознаванию закономерностей и связей. Каждой смене концепции или открытию предшествовало чувство ожидания — словно ее подсознание заранее знало, что надвигается нечто новое. Но почему сейчас, ведь она давным-давно перестала активно работать? Чего ей ждать, кроме подтверждения смерти Рагху на Амазонке? Двадцать семь лет назад, навсегда переселившись на берега Мумбаи, она смотрела на западное море, ожидая его прибытия, вопреки всякой логике. В конце концов логика победила.

Чему ее научила старость, так это терпению.

Озарение, если это оно, придет в свой черед. А сейчас, сегодня, она должна подготовиться к визиту журналиста, к реальности смерти Рагху. *Как мы дошли до этого, старый друг, в наших жизнях, в истории?*

История — не прямая линия. Это голос Рагху звучит в ее сознании, но она произносит эти слова вместе с ним, бредя назад к своему креслу. Дети спорят, достаточно ли созрела самая большая тыква — тыква обыкновенная. Махуа смотрит на западное море, откуда явился бы Рагху, если бы это произошло, и видит, как солнечный свет дробится ромбами на поверхности воды.

Прошлое — это палимпсест. Она представляет, как разворачивает его — поверхность гладкая, словно пергамент, но если провести по нему рукой, слова тускнеют и исчезают, а на их месте медленно проступают новые. Если прикоснуться к новым строкам, они тоже исчезнут и появится то, что лежит под ними. Что на последнем слое — если он существует? Она мечтает над второй чашкой чая в садовом кресле, не слыша детских голосов. Палимпсест. Лица, голоса, обрывки слов появляются и исчезают.

Когда Махуа росла в Дели — между стипендией, которая спасла ее из трущоб, и поступлением в

университет, — она подхватила болезнь, которую теперь едва может вспомнить: лишь усталость, тревожные морщинки между бабушкиными бровями и запахи вареного риса и незнакомых трав. Тогда ей оставалось только лежать и в окно второго этажа смотреть на ветви старого мангового дерева. Оно росло в крохотном дворике, единственная зелень в квартале дешевых квартир, где в сезон дождей протекала крыша, а через тонкие стены можно было слышать ругань соседей. Однако в лиственных, воздушных древесных пространствах разыгрывались ежедневные маленькие драмы. Черный дронг прогнал ястреба и вернулся, прыгая по веткам и ероша перья. Цепочка муравьев проползла по коре, каждый с математической точностью преодолел крошечную канаву. Птичье гнездо с чудесными голубыми яйцами, а позже — вечно распахнутыми клювами птенцов. Охваченная лихорадкой, не способная мыслить ясно, Махуа отпускала себя и ползла вместе с муравьями, парила с ястребом. Это было бегство от болезни, бегство из тюрьмы — и, как она позже осознала, расширение собственного ограниченного я. Вернувшись домой с работы, ее двоюродная сестра, Калпана Ди, сажала Махуа, прислонив ее к себе,

и вливала ей в рот рисовый отвар, пока бабушка ходила покупать овощи. Позже Махуа так и не набралась смелости спросить бабушку, что это была за болезнь; втайне это было одно из счастливейших воспоминаний ее детства.

Став взрослой, она практиковала это освобождение, это гиперосознание. Оно помогло изучать науки, потому что добавило новое измерение. Идя под дождем, она представляла капли, которые сливались высоко в облаках и падали, все быстрее и быстрее, пока аэродинамическое сопротивление не сводило ускорение к нулю. Она представляла, как вращаются круглые капли, сформированные поверхностным натяжением и силой тяжести, маленькие водяные мешочки, разбивающиеся о бетонные крыши лабораторных зданий и оставляющие круглые подписи, кольца дочерних капель. Представляла, что находится там, на влажных облачных высотах, что падает, отражая свет, сопротивляясь ветру, нагруженная бактериями, которые путешествуют вместе с облаками. Из этих размышлений ее вырывала капля, падавшая на макушку или на руку, и она возвращалась в свое тело, посмеиваясь своему родству с водой, с облаками. Это был странный способ существования. Она не могла объяснить

его своим амбициозным, гнавшимся за оценками однокурсникам, которые насмехались над всем, в чем была хотя бы частичка поэзии.

Одноклассники смеялись и дразнили ее за бедность и темную кожу. Они прозвали ее *дикаркой*, хотя она почти всю жизнь прожила в Дели и ничего не знала о родственниках своей бабушки по материнской линии. Бабушка пыталась рассказать ей об их корнях, но изматывающая жизнь в трущобах, за которой последовала напряженная учеба, когда стипендия изменила их жизнь, оставляла время лишь на требования настоящего. Проучившись в элитной школе всего несколько лет, *дикарка* шокировала одноклассников, лучше всех сдав выпускные экзамены. Жалобы на подтасовку сменились обиженным молчанием, когда стало ясно, что эта демонстрация превосходства в учебе — не выброс, а тенденция. Те годы были трудными, и она бы не справилась без целеустремленности бабушки и любви двоюродной сестры Калпаны, Калпаны Ди, воспоминания о жизни и смерти которой по-прежнему причиняли ей боль.

— Калпана Ди, помоги мне сделать домашнее задание!

Они сидели, скрестив ноги, на кровати, и

Калпана Ди заглядывала в тетрадь Махуа по математике. Где-то час спустя она с усмешкой говорила:

— Махуа, твоя сестра не такая умная, как ты! Давай поедим, а потом ты попробуешь еще раз. У тебя получится!

К ночи Махуа решала задачу. Калпана Ди засыпала рядом с ней со слабой улыбкой на губах.

Калпана Ди смеялась и от радости, и от печали. Горя желанием улучшить свою долю, она первой покинула деревню в Бихаре. В Дели она работала служанкой в домах богатых людей и копила деньги, чтобы пойти в вечернюю школу, получить аттестат зрелости и выбиться в люди. Когда приехали бабушка и мать Махуа, с новорожденной Махуа, они поселились в Мехраули вместе с Калпаной.

Когда Махуа училась в старших классах — и отлично справлялась, — Калпана решила, что тоже хочет поступить в университет. Пришла очередь Махуа учить ее. Калпана Ди усваивала понятия, но медленно, и ей приходилось заучивать математические и грамматические правила, чтобы не забыть.

— Я глупая, глупая, — со смехом говорила она. — Мысли очень быстро вываливаются из моего

разума. Я попробую еще раз.

— Это все твое падение в детстве, — отвечала бабушка Махуа, качая головой. — Упала с дерева, повредила голову. И теперь ничего не может запомнить, если не повторит сотню раз!

Потом Калпана переехала в университетское общежитие, благодаря гранту для малообеспеченных студентов. Когда Махуа спрашивала, как у нее дела, Калпана со смехом отвечала: все хорошо. Но некоторое время спустя ее глаза погрустнели, а неизменный смех стал звучать натянуто. Лишь впоследствии Махуа сложила два и два. Однокурсники Калпаны Ди — из привилегированного, высшего класса — напоминали пришельцев из других миров. Она владела разговорным английским; для них английский был вторым родным языком. Их манеры и привычки казались ей совершенно чужими. В общежитии устраивали оргии, на которые ее в насмешку звали. Ее постоянно дразнила компания студентов-мальчишек, которые называли ее Простушкой и смеялись над ее темной кожей и плохой сообразительностью. Она начала отставать в занятиях, но слишком стыдилась, чтобы рассказать об этом семье, особенно с учетом того, что Махуа так хорошо училась. В своей предсмертной записке она

написала, что трое парней — сыновья богатых бизнесменов и членов правительства — предложили ей помочь с выпускными экзаменами в обмен на секс. Поскольку ее дразнили за уродливость и плохой английский, сперва она приняла это за очередную жестокую шутку. Но парни говорили серьезно, написала она. Сказали, что все равно никто на ней не женится, так почему бы не попробовать?

Следующие строки были зачеркнуты так много раз, что прочесть их не представлялось возможным. "Я этого не вынесу, — написала она в конце письма. — Вам будет лучше без меня. Простите меня".

Полицейское расследование ни к чему не привело — три молодых человека обладали ресурсами, которых не было у бабушки Махуа. Долгие месяцы после этого Махуа носила в себе яростный, всепоглощающий гнев. Она не могла выкинуть из головы образ тела Калпаны Ди, висевшего на карнизе в ее комнате в общежитии. Не зная, как поступить с этим гневом, Махуа набросилась на учебу, завоевывая новые почести и награды — и после каждой победы испытывая мстительное удовлетворение. *За тебя, Калпана Ди*, говорила она себе.

В университете у Махуа появились первые друзья, но они по большей части считали ее чудаковатым гением. Когда она описывала свои эксперименты по выходу из тела, свое единение с водой, птицами или муравьями, они называли ее гениальной и странной и меняли тему. Поначалу это ее огорчало: она страстно верила, что ее стремление и способность по-дружески присоединяться к нечеловеческим существам и неодушевленным предметам было чем-то потенциально важным, что каждый мог развить это в себе, научиться этому и улучшить свои умения с практикой. Но никто не верил ей, когда она пыталась объяснить. Это стало для нее одним из первых жизненных уроков: большинство людей устраивает жизнь в собственных субъективных рамках.

Она перестала об этом говорить. Но заинтересовалась развитием способов, которыми люди воспринимали информационные потоки вокруг себя — между материей и материей, как неодушевленной, так и одушевленной. В конечном итоге это привело Махуа к труду, который ее прославил: разработке встроенных интеллектуальных агентов в неживом мире, созданию современного чувствующего города.

Но в университете все это было смутными видениями. Она не собиралась сворачивать с пути, который сама для себя выбрала: изучить инженерное дело, оставить след в мире, сделать так, чтобы бабушка ею гордилась. Иногда она с друзьями выбиралась в кино или на вечеринки, но всегда сторонилась близких отношений — пока не влюбилась в однокурсника по имени Викас. У них были общие интересы, и они вместе начали учебу. Он был симпатичным и относился к ней с уважением. Она никогда не считала себя хорошенькой, но в его обществе ощущала себя красавицей. В забитом людьми, шумном баре они чокнулись стаканами, взялись за руки и поцеловались.

Для нее поцелуй был обещанием единения, которого она никогда не испытывала, как тел, так и разумов. На следующий день она чувствовала себя живой совершенно по-новому, чутко реагировала на язык своего тела, на зарождающееся желание. И когда Викас предложил ей провести ночь вместе, она застенчиво кивнула. "Конечно, все это несерьезно, — сказал он на следующее утро, когда они лежали в постели. — Сама знаешь, из какой я семьи. Но мы можем немного развлечься".

У нее кровь застыла в жилах. "Больше никогда не заговаривай со мной", — сказала она ему на прощание.

После этого она начала сторониться близких отношений. Познакомившись с Рагху на конференции, она была открыта для дружбы, ни для чего больше. В любом случае семейная жизнь была не для нее. У других людей были семьи и дети; у нее были идеи. Так было предначертано.

Рагху изучал время. Он вырос в обеспеченной семье, но отказался от прежней жизни, отделился от прошлого, чтобы исследовать возможности будущего. Таланты привели его к климатологии и в конечном итоге к предсказанию возможного будущего в виртуальной реальности. Его симулятор прокладывал дорожки в будущее на основании климатических моделей, а непрерывно подстраивавшаяся сдвиговая матрица меняла предсказания на основании новых данных. Можно было сидеть под куполом симулятора и всеми чувствами воспринимать выбранное будущее.

Погружение в одно из возможных будущих Дели едва не убило его. Он нарушил собственные правила безопасности и проводил эксперимент в одиночку. Последовал за самой яркой вероятностной нитью — и провалился в то будущее. При

первой встрече он так живо описал Махуа эти переживания, что она увидела их мысленным взором.

Он лежит на песке, в безжалостном зное. Его старый дом в Лажпат-Нагар наполовину занесен песком. Все, кто мог, ушли, присоединились к Великому переселению на север. Прогулка по заброшенному городу наполнила его ужасом — он видел разбитые останки когда-то высоких зданий, окна погребенных домов, выступающие из песчаных дюн, иссохший труп, прислонившийся к стене, державший в руках сверток, который мог быть ребенком. Он должен был присоединиться к великому исходу. Почему он здесь? Жара ужасна, 37 °C, но влажность делает ее убийственной. При температуре выше 35 °C слишком высокая влажность не дает телу охлаждаться при помощи потоотделения. Нельзя обойти законы термодинамики. Он умрет меньше чем через пять часов. Он лежит на боку, изнуренный, и видит ящерицу на подоконнике дома перед собой. Как здесь могло остаться что-то живое? О, Дилли, простоявший пять тысяч лет, что за конец!

— Я поднял глаза и увидел эстакаду, арки дорог на фоне неба, — сказал он Махуа. — Обрывавшиеся в воздухе. Меня окружали останки нашей

эпохи, Эпохи Куберы: брошенные машины, опрокинутые статуи премьер-министров. Все было уничтожено, все покинуто. Я знал, что умру там. Я все смотрел на ящерицу. Это было великолепное создание с гребнем на спине. Я подумал, быть может, это странное, сюрреалистичное воплощение сдвиговой матрицы. Но мне отчаянно хотелось, чтобы она была настоящей — единственным живым существом в этом запустении.

— И что произошло дальше? — спросила Махуа с круглыми от изумления глазами. Они два часа проговорили в зале для приемов, не обращая внимания на беседы вокруг, звяканье бокалов и официантов, разносивших на подносах крошечную самсу. Обоим казалось, будто они знакомы всю жизнь.

— Мой друг Винсент вернулся в лабораторию, потому что забыл свои заметки для завтрашней презентации. Увидел, как я корчусь в сим-куполе, и отключил его. Я неделю провел в больнице.

— Но почему? Ведь на самом деле у вас не было теплового удара.

— Да, но моему телу происходящее казалось настолько реальным, что оно обильно потело. Я замерз, у меня было обезвоживание и нечто вроде шока. Я усвоил урок. Мы только что внедрили

целую систему предохранительных сетей, таких густых, что даже муравей не проскочит. Но на нее нужно слишком много энергии. И я не уверен, что кто-нибудь захочет вложить в нее деньги.

— Зачем вам ВР-погружение[58]? Почему не удовлетвориться обычной визуализацией данных?

Глаза Рагху вспыхнули.

— Этот разговор займет намного больше времени. Не сбежать ли нам с этого фарса и не отправиться ли в ресторан? Я голоден. — В ресторане, за бирьяни и кебабом, он объяснил: — Понимаете, проблема с моделированием климата — точнее, с моделированием любой сложной системы — состоит в том, что разработчик модели, то есть я, всегда находится снаружи и смотрит внутрь. Это нормально, если вы пытаетесь предсказать будущие пути развития компании или чего-то такого, что действительно находится снаружи от вас. Но климат — не снаружи, все мы — часть земной системы, мы влияем на климат — и подвергаемся его влиянию. Я думаю, изучая данные только на расстоянии, мы что-нибудь упустим.

Глядя на его открытое, эмоциональное лицо, на жестикулирующие руки, Махуа поняла, что

---

[58] Примечания: 58
ВР — виртуальная реальность.

наконец встретила того, с кем может по-настоящему беседовать.

Рагху был таким же общительным и приветливым, как Махуа — молчаливой и сдержанной, и ему нравился частый, незамысловатый, простой секс с не имевшими ничего против партнерами, без всяких обязательств. Его любовницы всегда хорошо о нем отзывались, часто с ностальгической улыбкой. Но он относился к Махуа исключительно как к другу. Узнав его ближе, она решила, что не принадлежит к его кругу, как и в случае с Викасом. Однажды они всю ночь просидели на ступенях университетской библиотеки, обмениваясь историями своей жизни, и она рассказала ему про Викаса.

— Теперь я знаю, что не хочу замуж, — сказала она. — Моя работа — моя жизнь. Но дело в том, как он предположил, будто я не была — не могла быть — кандидатом для серьезных отношений. С тех самых пор я хочу разорвать горло всем, кто подбирается слишком близко.

Рагху не стал смеяться.

— Тебе сделали больно, — мягко сказал он. — Подожди. Не все похожи на Викаса.

Позже она поняла, что его влекло к ней, но, зная ее историю, он не хотел ее подталкивать.

Ждал, пока она сама сделает первый шаг. Когда она впервые пришла к нему, исполненная ужаса и трепета, это далось ей нелегко. Ей всегда было сложно доверить свое последнее прибежище, свое тело, другому человеку. Нежность Рагху, то, как он видел в ней равную, человека с желаниями и уязвимыми местами, постепенно успокоили ее гнев и смятение, но это казалось неправильным. Ей всегда требовалось делать над собой усилие, чтобы принять желания тела. Было проще отказаться от столь близких отношений. Они перестали быть любовниками, но их дружба окрепла.

Рагху радовал ее бабушку, приходя к ним домой и готовя для них. Пожилая дама учила его песням на своем родном языке, и они вместе смеялись и пели на кухне. В родной деревне бабушка Махуа была целительницей, и он приносил ей иллюстрированные книги по ботанике и расспрашивал ее о разных растениях. Чтобы навестить их, он отменял свидания с любовницами. Дом не был таким веселым с тех самых пор, как с ними жила Калпана Ди.

Беспокойный разум Рагху стимулировал разум Махуа. Он приносил ей все, что вызывало у него интерес: исследовательские статьи, научно-фан-

тастические романы, тома по радикальному городскому проектированию. Современная индустриальная цивилизация уже на протяжении почти трех веков сражается с природой, говорил он, и что в результате? Распад тех самых систем, что снабжают нас кислородом, свежим воздухом, водой и приемлемым диапазоном температур. Разве можно назвать это успехом? Высокомерие Эпохи Куберы — так он называл безумие середины двадцать первого века — заключалось в предположении, что человеческие существа находятся вне природы. "Однако мы дышим, потеем, испражняемся, трахаемся. Что за самообман! Экономический мейнстрим — величайшая афера!" — И он поднимал стакан с пивом или чашку с чаем в насмешливом тосте.

За пределами цитаделей власти восстания и волнения проносились по сельской местности. В Бихаре и Джаркханде сеть артелей санталийских женщин остановила крупный проект, который заключался в замещении лесов искусственными деревьями с усиленной фотосинтетической активностью. В Одише и Андхра-Прадеш транспортные работники объявили величайшую забастовку в истории после первого рейса поезда-робота. В Карнатаке тысячи фермеров подожгли

экспериментальные сельскохозяйственные поля компании "Ультракорп".

К тому времени Махуа считала себя прогрессивной горожанкой, ученым и технологом, чувствовавшим себя в Дели как дома. Ее идеи принесли ей репутацию. Ее уверенная, быстрая, вызывающая походка, которую она использовала для защиты от дразнивших ее в школе одноклассников, заставляла расступаться толпы и погружала в тишину лекционные залы. Когда Рагху рассуждал о растущей важности традиционных экологических знаний, она соглашалась, читала статьи на эту тему, но чувствовала себя неспособной признать свои корни. Бабушка никогда не принуждала ее к этому, а Махуа ни разу не воспользовалась резервационной системой. Даже собственный пол утратил для нее значение. Она была инженером. И точка.

— Святые небеса, женщина, ты человек!

— Пожалуйста, Рагху, замолчи! Давай лучше снова посмотрим на симуляцию распределения энергии…

Махуа была одержима проблемой масштаба. Чтобы спасти цивилизацию от саморазрушения, требовались серьезные перемены; один маленький экспериментальный углерод-нейтральный

басти не будет иметь никакого значения в мире, биосфера которого стояла на грани глобального коллапса. Кроме того, погодные катаклизмы приводили к местным конфликтам; уже началась массовая миграция из областей, ставших непригодными для жизни по причине экстремальных температур и повышения уровня моря.

Однажды вечером Махуа и Рагху встретились в своем привычном кафе, на углу Ауробиндо-Марг и Ринг-роуд. У Махуа возникла идея, которой она хотела поделиться; она много дней подряд напряженно работала и пропустила новости о выборах. Они с Рагху не виделись несколько недель; иногда он исчезал в городских недрах, не отвечая на сообщения и звонки. Его друзья к этому привыкли. Но сегодня он был здесь, с ворохом новостей о результатах выборов. Она не хотела слушать про битвы корпораций. Окно кафе выходило на Ринг-роуд; оттуда слышался приглушенный рев траффика, мимо проносились неоновые огни машин и других транспортных средств. Небоскребы сверкали освещенными окнами и рекламой, эмблема "Ультракорп" в виде молнии с тошнотворной настойчивостью вспыхивала на сотнях стен и вывесок. По тротуару перед кафе шагала вереница изнуренных, сутулых людей, которые

возвращались с работы в жестокой вечерней духоте. Проходившая мимо компания работяг в пропотевших головных платках с завистью заглянула в недосягаемую прохладу оснащенного кондиционером кафе.

Протяжный, низкий звук, напоминавший береговую сирену, возвестил о начале триумфального парада, и все в кафе умолкли. На главной улице появилась медленно ползущая флотилия длинных глянцевых автобусов. С экранов на их боках собравшимся улыбался, сложив руки, премьер-министр. На крыше каждого автобуса красовалась вездесущая эмблема "Гайякорп", сине-зеленая планета, поперек которой светящимися белыми буквами было написано слово "Гайя". "Гайякорп" только что победила на торгах за руководство индийским правительством; ей уже принадлежали Новые Штаты Америки и Арктический Союз. На этих выборах она уверенно обошла конкурента, "Ультракорп". Из проезжавших мимо кафе автобусов гремела триумфальная музыка, от которой дребезжали стекла. Мультфильм, в котором эмблема "Гайи" разбивала молнию, эмблему "Ультракорп", вспыхивал на стенах зданий по мере продвижения победоносной процессии. Внезапно все эмблемы

"Ультракорп" на стенах небоскребов и жилых домов погасли, и на их месте вспыхнули сотни маленьких планет Земля. *Победа Гайи — это победа Индии! Процветание и комфорт, о каких вы даже и не мечтали.* Огромные волны синего света пронеслись по каньонам между проезжими частями. Синий был официальным цветом "Гайякорп".

Это зрелище было таким масштабным и величественным, что Рагху и Махуа на несколько минут лишились дара речи. Они сидели, потягивая напитки, и смотрели в ночь, а кафе вокруг гудело от возбужденных голосов.

— Кто мы? — наконец произнес Рагху с унылой монотонностью. — Мы никто. Никто в сравнении с этими ублюдками.

Махуа пришло в голову, что проблема разрозненного сопротивления политическим правителям могла иметь (а могла и не иметь) отношение к ее идее о городах и масштабах.

— Послушай, — сказала она, — ты знаешь ту заброшенную дорогу рядом с общежитием? Там растет большое дерево. Думаю, оно болеет, потому что постоянно сбрасывает листья, маленькие листики. Вчера дул ветер, и я заметила, что некоторые из этих листьев попали в трещинки на

дороге. Я подошла посмотреть. Очевидно, они лежали там достаточно давно, потому что в них собрались частицы почвы и выросли маленькие сорняки. Дорога была полна этих обрывков листьев с почвой, на которых росла трава, словно острова в море.

— К чему ты клонишь?

— На обочине той дороги были места, которые таким же способом уже заросли травой. А некоторые островки соединялись с другими трещинами. И мне пришло в голову… ведь дорога намного крепче листа. Но когда лист попадает в трещину, он запускает процесс. Накапливается почва, начинает расти трава, а ты знаешь, на что способны ее корни.

— Они могут расколоть камень, — медленно ответил Рагху. — Расколоть дорогу.

— Да. В конечном итоге, если никто не вмешается, вся дорога будет сломана и поглощена растительностью. Это все равно что рост биопленок или кристаллов.

— Значит, маленькие существа…

— Если это *правильные* маленькие существа — и с правильными связями…

— Могут одолеть монстра! — Рагху поднял стакан и одним глотком прикончил содержимое.

— Но мы и так это знаем. Только взгляни на историю, взгляни, как мегакорпорации незаметно просочились в национальные правительства. Это величайший глобальный захват власти в человеческой истории, и все благодаря теории сетей и наемной рабочей силе…

— Но я говорю не только об этом! Я думаю, может, город — неправильная идея для того, что мы пытаемся сделать. Помнишь, ты все надоедал мне предложениями переосмыслить город? Я так и сделала. Почему мы хотим жить в таком городе, где у людей нет времени ни на что, кроме работы? Где постоянный стресс, где люди не знают друг друга и не заботятся друг о друге, где демократия — это фарс? Что это за жизнь? Мегаполис за пределами человеческой социальной адаптации. Вместо него мы могли бы жить в небольших *басти* вроде Ашапура, их может быть по тысяче в кластере, и их будет объединять "Сенсорнет", а также физическая сеть дорог и зеленых коридоров…

— Погоди. Маху, давай немного разовьем твою метафору про листья на обочинах дороги. Перемены к лучшему всегда начинаются с края, но островки сопротивления в основном потоке тоже имеют значение…

— Мы можем хотя бы на минуту подумать о будущих городах, а не о политике?

— Политика повсюду, и ты, Маху, прекрасно об этом знаешь!

Тогда в кафе они не понимали, как это видение вырастет и изменится со временем и опытом, но именно в тот день оно впервые укоренилось в их сознании. Сеть *басти*, объединенных зелеными коридорами, каждое поселение оснащено сенсорами, фермерские башни вместо традиционного сельского хозяйства. Такие поселения появятся в разных областях страны и мира. Бывшие сельскохозяйственные угодья вновь станут дикой местностью или будут использоваться для натурального хозяйства, чтобы восстановить ущерб, причиненный системам жизнеобеспечения биосферы.

— Что я хочу знать, — сказала Махуа, возвращаясь к настоящему, — так это сможет ли эко*басти*, который я планирую, Ашапур, создавать собственный микроклимат. И сколько таких объединенных должным образом микроклиматов понадобится, чтобы изменить климат в глобальных масштабах? Как мои листья, захватывающие дорогу? Или формирующаяся бактериальная биопленка?

Но когда Ашапур наконец стал воплощаться в реальность, когда его здания и зеленые зоны начали выдавать данные, Рагху уехал. Он помог Махуа разработать и встроить датчики в стены и окна, деревья и дорожки. Он вместе с коллегами занимался солнечными башнями, самой эффективной из существующих систем аккумуляции солнечной энергии. Можно было прогуляться по *басти* с "раковиной" и визором — и получить информацию от тысяч датчиков. Узнать энергопотребление, температуру, влажность, перемещения углерода — все сразу. Но Рагху что-то тревожило. Он стал мрачным и замкнутым, и Махуа поняла, что должна позволить ему преследовать собственных демонов. Он вернется, когда будет готов.

Затем, когда Ашапур был наполовину построен, у нее появилась возможность провести шесть месяцев в Мумбаи, занимаясь проектом по сенсоризации города.

Ветер гонял по веранде кафе мусор. Люди уходили с бумажными стаканчиками в руках и рюкзаками на спине. Через час аварийные сирены возвестят о прибытии мощной бури. Махуа только что закончила беседу с бабушкой, заверив ее, что скоро отправится в убежище. "Да, бабуля,

со мной все будет хорошо, не волнуйся". Согласно прогнозу, циклон должен был обрушиться на землю в ста километрах к северу от Мумбаи, хотя, как все прекрасно знали, у поверхности земли ураганы могли очень быстро менять направление.

Повинуясь импульсу, она вынула из уха "раковину" и сняла визор, оборвав потоки данных, что вливались в ее разум каждое свободное мгновение, и сидела, глубоко дыша, чувствуя себя голой без датчиков, позволяя звукам и ощущениям мира омывать себя, как в прежние времена. Она уже много лет не играла в старую игру, когда намеренно, с каждым вдохом отпускала себя, отпускала ощущение своего ограниченного я, чтобы радоваться с облаками, волнами и другими существами. Каким это теперь казалось странным!

Ветер взметал пыль и страницы вчерашних газет, и она видела, как хлопья пыли образуют силуэты, словно мириады крошечных рук неутомимо перелистывали газеты для какого-то невидимого читателя. С каждым перелистыванием газеты вздыхали и шелестели. *Сейчас я всего лишь дыхание, но несколько минут спустя превращусь в суперциклон*, говорил ветер.

Рядом с ее столиком росло дерево, склонившее-

ся над ней, словно танцор, пойманный в момент наклонного вращения. Засуха лишила его почти всех листьев, и голые ветви стучали на ветру. Подняв глаза, она увидела, как последний лист отделяется от ветки и, неторопливо кружась, планирует вниз, чтобы приземлиться слева от ее чашки с чаем. Лист словно светился на фоне темного металла стола, подрагивая на ветру. Кончик превратился в изящное кружево прожилок, но остальная часть не пострадала, и середина осталась зеленой. Лист ждал, будто нераскрытый подарок.

Она вспомнила листья другого дерева, которые скапливались в трещинах заброшенной дороги, несколько лет назад в Дели. Гороскоп в утренней газете, той самой, что перебирал ветер, обещал ей подарок от незнакомца. Она улыбнулась.

— Спасибо, — сказала она дереву, вставая и пряча лист в карман.

Она дошла до стоянки водных такси, крытой пристани, когда-то бывшей верандой первого этажа. Хаотичные волны с силой плескались о здание. Ветер дул сильными порывами, облака опустились и потемнели, хотя вечер еще не наступил. Она встревоженно огляделась: канал был пуст. Должно быть, она пропустила послед-

нее водное такси. И в этот момент она увидела маленькую баржу. На ней съежились несколько фигур, а один человек толкал баржу размашистыми, неторопливыми движениями шеста.

– *Арре!* — позвала она. С изумлением увидела, что лодочник оказался тощим мальчишкой в ношеных шортах, его полуобнаженное тело было таким же темным, как ее собственное. Пассажирами были дети и две старухи, кутавшиеся от ветра в старые шали.

Так она впервые встретила Мохсина. Тогда он был просто уличным беспризорником, с копной прямых волос и широкой улыбкой, в которой не хватало зубов. Метро закрылось, его входы загерметизировали на случай предполагаемого потопа. Когда Мохсин высадил ее у ближайшего пункта поиска попуток на суше, она спросила его имя. И помахала на прощание, не думая, что когда-нибудь еще увидит мальчика.

Вопреки метеорологическим прогнозам, в тот вечер циклон обрушился на центр города. Ветер выл всю ночь, слышался громкий треск, словно по улицам бродили буйные великаны. Хлестал дождь. Никогда прежде город не видел подобной бури. Электричество отключилось, и в ночи ураган явил свою мощь.

К вечеру следующего дня ветер стих. Махуа вышла из своей съемной комнатушки в новый мир.

Мумбаи был разорен. Под ногами хрустели осколки стекла, окна в уцелевших домах были выбиты. Штормовой нагон был таким высоким, что вся нижняя часть города, все новые шоссе, и офисные кварталы, и небоскребы скрылись под несколькими футами воды. Канализация не справилась, и переполненные реки вынесли на улицы сточные воды и тонны мусора. Циклон не пощадил богачей — роскошные минареты Квартала миллиардеров лежали на земле, бетонные плиты напоминали поверженных гигантов среди веток деревьев, шелковых занавесок и сотен тел обслуживающего персонала. Богачи спаслись на вертолетах. Городские власти вернулись со своей мафией и обрушились на мародеров и отчаявшихся бедняков, используя все подручные средства, чтобы защитить свое имущество, но остальные районы города лежали в запустении.

Посреди этого разгрома Махуа обнаружила, что стала добровольцем спасательной группы, которая отделилась от местной артели под названием "Хило Мумбаи". Они отличались от прочих групп, которые она видела, пестрое сборище водителей

авторикш, безработных молодых актеров, школьных учителей на пенсии, дворников и студентов. Что свело их вместе? Поэтические семинары для бедных слоев общества Мумбаи, объяснил один из учителей. Пожилой водитель авторикши, Хемант, организовал их в Дхарави много лет назад, и семинары до сих пор проводились, охватив все городские районы.

Вместе с "Хило Мумбаи" Махуа искала в мусоре выживших, помогала транспортировать раненых в местные больницы и распределяла предметы первой необходимости, когда их удавалось достать. Вонь разлагающихся трупов и вспышки холеры в нижних районах города сделали повседневную жизнь почти невыносимой. Но члены "Хило Мумбаи" вместе работали, вместе смеялись и плакали, кричали и утешали друг друга — и продолжали трудиться. Тогда в Махуа что-то сдвинулось. Она думала, что получить образование и подняться до городского среднего класса — это единственный способ изменить мир. Но сейчас перед ней были люди, не обладавшие и половиной ее образования или средств, — и только взгляните на них! Она вспомнила слова, сказанные Рагху несколько лет назад, о том, что перемены, социальные перемены к лучшему,

начинаются с края. Возможно, так оно и было. Ей требовалось поговорить с ним, но он по-прежнему бродил по стране и был недосягаем.

Много месяцев спустя, вернувшись в Дели, она обнаружила между страницами записной книжки лист с дерева рядом с кафе. Он почти полностью стерся, превратившись в тонкую, изящную сеть. Остальные его ткани стали коричневым порошком, испачкавшим бумагу. Махуа подняла лист за черешок и поднесла к свету. *Сеть — это части, соединенные в единое целое.* Она положила лист обратно и закрыла записную книжку.

Она подумала о великом урагане, о башнях богачей, опрокинутых циклоном. О поэзии посреди мрачной спасательной работы. *Быть может, однажды я вернусь туда.*

А пока у нее был Ашапур. Он медленно рос. Союз древнего и современного, округлые здания с толстыми стенами, построенные из грязи, соломы и рисовой шелухи, внутренние дорожки для людей и велосипедов, внешние — для автобусов, для связи с большим городом. Здесь нашлось место для рощ джамболана и нима, для садов на стенах и крышах домов. Каждое жилище вмещало семьи, связанные кровными и духовными

узами, до пятидесяти человек, которые готовили вместе на больших общих кухнях.

"Сенсорнет" объединяла здания друг с другом, и, надев "раковину" или визор, человек мог подключиться к потоку данных: узнать скорость фиксации углерода зелеными коридорами и флуктуации индекса биоразнообразия, подслушать переговоры между домами и энергосистемой. Городские власти выделили это место, потому что раньше здесь, на берегу гибнущей Джамны, располагалась свалка, и *басти* должен был заменить выросшие на этой свалке трущобы. Махуа сдержала обещание, пригласив обитателей трущоб стать первыми жителями Ашапура. Это были беженцы из прибрежных районов Бангладеш, Бенгалии и Одиши, спасавшиеся от жестокости и нужды, а также от подступающего моря и засоления пахотных земель. Они подарили проекту свои навыки выживания, свои традиции и культуру, свою находчивость и желание учиться. Теперь они стали первыми жителями *басти*.

Когда они с бабушкой уже почти и не надеялись вновь увидеть Рагху — к тому времени он несколько лет путешествовал по стране, и от него не было ни звонков, ни сообщений, — он

появился у них на пороге так же внезапно, как исчез. За обильным обедом он рассказал, как жил с отрядами повстанцев, следил за корпоративной мафией, жил в племенах, что обитали в уцелевших лесах, участвовал в попытке эксцентричного ученого освободить загнанную под город реку. Когда бабушка Махуа укорила его за долгое молчание, он смутился.

— Бабуля, с этого момента я буду вести себя лучше. Сначала попрошу у вас прощения, а затем совершу преступление!

— Что за шалость ты задумал на этот раз, безрассудный мальчишка?

— Я собираюсь в еще более великое путешествие, бабуля! Через весь мир, в Бразилию!

Он пригласил Махуа в бар и объяснил:

— Махуа, ты проделала здесь, в Ашапуре, фантастическую работу. Но, путешествуя, я продолжал думать: осталась пропасть, которую мы еще не перепрыгнули, между "Сенсорнет" и самой паутиной жизни. Потом, в гондской деревне в Мадхья-Прадеш, мне в голову пришла идея. Я хочу сенсоризовать целый лес. Не просто вживить в деревья датчики, регистрирующие фиксацию углерода, а начинить весь лес датчиками, измеряющими сотни показателей. Самый большой

из оставшихся на Земле лесов — лучшее место, чтобы начать. Вот почему я отправляюсь на Амазонку.

Она ошеломленно уставилась на него. Он ухмыльнулся в ответ.

— Суть в том, что сторонники гипотезы Геи — я имею в виду старое представление о Земле как о живом организме, а не чертову "Гайякорп", — так вот, сторонники этой гипотезы давно утверждали, что Земля подобна сверхорганизму. Что грибная сеть, посредством которой общаются между собой деревья — и которую ты предлагала сенсоризовать в Ашапуре на прошлой неделе, — может привести к появлению стихийного крупномасштабного разума, мыслящего леса, который мы не можем распознать, поскольку у нас нет подходящей концепции. Так вот, сидя в той гондской деревне, я подумал, что сенсоризовать лес — это лишь первый шаг. Возможно, правильным образом соединив датчики в сеть, мы сможем заставить лес *осознать* присутствие "Сенсорнет", вступить в контакт с ней — а следовательно, и с нами! — Его глаза сияли. — Только представь, Махуа: леса Сахьядри, Тераи, Амазонки — все они под угрозой из-за изменения климата. Наступают засухи, виды вымирают.

Паутина жизни рвется. Если бы только мы смогли общаться с лесом! Он бы вовремя рассказал нам о том, что происходит, и мы бы успели его спасти…

— Но мы и так можем это понять по показаниям датчиков, Рагху! И мы до сих пор не решили проблему масштабирования *басти*, и на мой взгляд, она сейчас важнее…

Это была их последняя встреча. Она получила несколько писем из Рио-де-Жанейро и Манауса, но они приходили все реже, и в конце концов она перестала их ждать. Затем воцарилось молчание. Продлившееся более сорока лет.

За это время она увидела, как большинство мегаполисов гибнет из-за экстремальных погодных условий и человеческой жадности. Она увидела, как на руинах возникают сотни Ашапуров, каждый из которых был приспособлен к местной экологии, но общался с другими посредством широкомасштабной "Сенсорнет". Она хотела сказать Рагху, что, несмотря на десятилетие убийственной аномальной жары в Дели, кластеры *басти* все же смогли поменять местный климат в нужную сторону. *Быть может, мы предотвратили будущее, что ты видел в симуляторе.* Она стольким хотела поделиться с ним! Субконтинент пережил

длительный период хаоса; до сих пор случались массовый голод и кровавые конфликты, в городах и провинциях, где правила жестокая мафия, где жизнь была тяжелой. Но повсюду в других местах она видела плоды миллионов бунтов, экспериментов с альтернативными образами жизни и бытия, труда, пота и слез, что привели к Великому повороту.

Она была благодарна за то, что прожила достаточно долго, чтобы увидеть перемены. То, что она являлась их частью, их катализатором, должно было принести ей чувство удовлетворения в старости. Но в последние годы она разочаровалась в своей работе. Нет, ее работа имела значение, но она была не удовлетворена, недовольна своими мыслями и идеями. Она смотрела на свои маленькие темные руки, разглядывала морщины на лице, ощущала боль в коленях — и ее наполняло изумление. Мускулы ее сердца, ее конечности и сухожилия безотказно служили ей на протяжении всего долгого жизненного пути. Теперь, этой болью и дрожью, этими морщинами и складками, тело пыталось что-то ей сказать. Напомнить о смертности — но не только. Некоторое время назад она перестала носить "раковину" и визор, чтобы беспрепятственно слушать негромкие

речи своего тела.

А сейчас у нее собирался взять интервью журналист, владевший "некой информацией" о ее старом друге, Рагху.

Журналист, некий Рафаэл Силва, пришел и ушел. По прибытии господин Силва вручил ей резную деревянную шкатулку, в которой она сразу узнала свой подарок Рагху перед его отъездом в Бразилию. Шкатулка предназначалась для хранения всякой всячины, и в ней действительно лежала пара сломанных "раковин", небольшой деревянный штырек, абстрактный деревянный резной орнамент, несколько сенсорных ячеек и оптических проводов — и лист бумаги, исписанный почерком Рагху. А еще пятисантиметровая седая прядь с несколькими черными волосками, завернутая в древесный лист и перевязанная бечевкой.

Господин Силва рассказал, что писал репортаж о встрече глав амазонских племен возле города Манаус. Недавняя засуха на Амазонке и переменчивые погодные условия вынудили племена собраться, чтобы поделиться знаниями. Журналист завел разговор со стариком из местного племени дессана. Услышав, что господин Силва много путешествует, старик достал шкатулку.

Около года назад ее вручил ему член дальнего племени из глубин Амазонки и рассказал о чужаке-иностранце, что прожил с ними несколько лет. Чужак умер от огнестрельного ранения, которое получил во время рейда золотодобывающей компании около двух лет назад. Также погибло тринадцать членов племени. Перед смертью чужак попросил доставить шкатулку в город, чтобы кто-нибудь переслал ее его семье в далекую страну.

На шкатулке было нацарапано имя Махуа и ее старый адрес в Ашапуре. Потребовалось два года, чтобы шкатулка из чащи тропического леса попала в город. Господин Силва был настолько заинтригован, что добавил Индию в список мест, которые собирался посетить в Юго-Восточной Азии. Он хотел лично доставить шкатулку.

— Я вам очень благодарна, — сказала Махуа, когда господин Силва умолк. Она вытерла слезы. — Спасибо, что проделали такой путь.

— Пожалуйста, — ответил Рафаэл Силва. После этого она с радостью ответила на его вопросы о ее жизни, работе и отношениях с Рагху. Община накормила его и выделила место для сна, а утром он уехал.

Весь следующий день Махуа читала и перечи-

тывала слова на листе бумаги, держала в руках сломанную "раковину", прядь его волос в обертке из листа и бечевки. Думала о том, как этот лист упал с какого-то огромного амазонского дерева, о руках, которые его подобрали. Гладила лист, темно-зеленый и вощеный.

Дорогая Маху,

Прости, я забыл, как общаться на этом языке.

Я приехал на Амазонку с нашими технологиями, потому что хотел выучить язык листьев и животных. Хотел беседовать с самим лесом. Но за несколько лет я осознал, что датчики отвечают только на вопросы, которые тебе известны. Как узнать, сколько еще существует вопросов? Я жил в лесу с проводниками и спутниками и благодаря им понял, что за языком есть язык, на котором говорит Земля.

Когда-то вдоль Амазонки были огромные поселения, цивилизации, помнившие о своих связях с целым, и они существовали тысячелетиями, не приходя в упадок… пока не явились европейцы. От этих уни-

чтоженных цивилизаций осталось лишь несколько черепков, потому что все, что они делали, было взято у леса, и лес поглотил руины. Как им удавалось вести такой образ жизни без современных технологий? Чтобы узнать ответ на этот вопрос, я должен был узнать, что может сказать мне лес как простому человеку, как обитателю Земли. Я пришел, чтобы спасти лес, но вместо этого он спас меня. Теперь я возвращаю долг, отдавая себя Амазонке. Однако меня взрастили воздух, вода и почва моего первого дома, и потому часть меня должна вернуться туда. Ты можешь взять эту прядь волос и сжечь или закопать ее в ближайшем лесу? Прости, что я отсутствовал все эти годы.

Надеюсь, бабуля прожила долгую жизнь. Я думал о вас каждый день. Теперь я обрел покой.

Рагху

Должно быть, ему стоило огромных усилий написать это письмо. Судя по форме букв, его пальцы дрожали. В одном углу листа виднелось

выцветшее ржавое пятно. Вечером Махуа сказала семье:

— Позовите Икрама. Завтра я хочу выйти наружу.

Чувство ожидания чего-то, охватившее ее некоторое время назад, сменялось чувством неминуемого прибытия.

Лодка Икрама пробирается от реки в море. Икрам — долговязый юноша с серьезным лицом, внук Мохсина. Махуа сидит в центре лодки под навесом, держа на коленях шкатулку Рагху. День пронизан серебристым светом, но солнце скрывают облака. Сегодня дождя не будет, однако завтра муссон может вернуться. Крутые, побитые ветром склоны архипелага Мумбаи покрыты призрачным пурпурным румянцем. Это начинает цвести стробилантес, в соответствии со своим восьмилетним циклом.

Махуа кажется, будто Рагху рядом с ней, в этой лодке. Она показывает ему затопленный город, башни, напоминающие тонкие карандаши над кляксой старых, приземистых, низких зданий. Царит влажная жара. *Посмотри, по морским дорогам снуют рыбачьи лодки и водные такси, что доставляют людей и товары с южного берега.* Спереди и справа медленно кренится к воде небо-

скреб. Люди делают ставки, когда море поглотит его, однако море хранит свои секреты.

Слева поднимаются холмы на пяти островах Мумбаи. Когда лодка сворачивает в канал, протянувшийся вдоль берега, Махуа видит святилище Баба Кхижра на крыше старого здания, всего в метре над водой. Его окружают лодки, переполненные людьми, которые ищут благословения. Отсюда ей виден даже склон, где когда-то располагался Квартал миллиардеров. Деревья, лианы и дикие животные захватили бетонные обломки, а на самой вершине стоит святилище Самудры Деви, богини океана.

Это эпоха маленьких богов, говорит она Рагху. *Местных божков, давно забытых* пиров. *Даже Рама теперь — Лесной Рама.*

Жилища, покрытые побегами с овощами и цветами, теснятся на холмах островов. У края воды покачиваются на привязи плоты и лодки. Они скользят по водным дорогам под приветствия волн и голосов, то и дело задерживаясь для беседы, потому что Махуа давным-давно не выбиралась наружу, а все знают ее и Икрама.

Святилище Баба Кхижра, говорит она Рагху, держа на коленях резную шкатулку, *стоит на том месте, где у Мохсина когда-то было видение.*

Старик, который шел по воде, стоя на рыбе, что несла его по городским каналам в открытое море. Мохсин слышал истории о Баба Кхижре от своего отца, беженца с устья реки Инд в Пакистане. Такие истории есть в столь отдаленных местах, как Бихар и Аравия, легенды о *пире*, который был хранителем вод, чьи ноги, касаясь земли, заставляли цветы распускаться.

Лодка привязана, и Икрам помогает ей выбраться. Они уверенно поднимаются по склону, хотя каждые несколько минут ей приходится останавливаться, чтобы отдышаться. Каждым своим вдохом она обязана этой древней планете и ее великим биогеофизическим циклам, масштабы которых превосходят жалкую пару сотен тысяч лет человеческого существования и все границы государств и континентов. Она думает о пыли из Сахары, что приносит питательные вещества дождевым лесам Амазонки на западе и влияет на индийские муссоны на востоке. Ее тяжелое дыхание — свидетельство близкого единения с этой колоссальной непрерывной драмой.

— Сегодня я чувствую благодарность, — говорит она Икраму, и тот улыбается.

Наконец они оказываются на опушке леса. Воздух здесь прохладнее, ветерок шелестит ли-

стьями. Она слышит далекое журчание воды и похожий на звон колокольчика крик коэля из глубин леса. Грязная тропинка уходит в чащу.

Икрам отвлекся на увешанный плодами джамболан.

— Давай, добудь нам пару джамболанов, — говорит она. — Со мной ничего не случится. Я буду на поляне, где тропа разветвляется. Найдешь меня позже.

— Ваш наручный монитор при вас? — спрашивает он.

— Я ничего не взяла, — отвечает она. — Не волнуйся, я знаю эти места.

Как странно, что река ее жизни, которая то текла параллельно реке Рагху, то расходилась с ней, привела их к одной и той же цели. Она идет через лес к месту слияния, месту встречи. Ему бы понравилась эта поляна, которую она запомнила по своему прошлому визиту пару лет назад.

Она идет медленно. На поляне бледный солнечный свет сочится сквозь облака, озаряя цветы стробилантеса. Она смотрит на свою смуглую руку, сжимающую шкатулку, чувствует дневное тепло на коже.

За языком есть язык, на котором говорит Земля, сказал Рагху.

Да, отвечает она ему, *и его можно выучить только посредством тела.*

Животное в лесу, вот кто она в это мгновение, уязвимая перед опасностью и смертью, но сейчас ее чувства ощущают все. Узор света и тени, гудение насекомого, воркование лесной горлицы, далекую перекличку стаи обезьян. Все в ней, от смуглой кожи до черт лица, возникло благодаря адаптации ее народа к окружающей среде: углу падения солнечных лучей, температуре воздуха. Она ощущает сокрушительную тяжесть столетий насилия и эксплуатации. Они здесь, в ДНК в ее клетках, в историях бабушки, в ранней смерти матери, в самоубийстве Калпаны Ди. Боль пронзает ее с такой силой, что она думает, что лишится чувств. Она прислоняется к стволу дерева и прижимает к груди шкатулку Рагху.

Махуа открывает шкатулку и достает свернутый лист. Ставит шкатулку на ветку, развязывает бечевку, разворачивает лист и гладит прядь волос. Потом вновь завязывает сверток и ищет место, где земля мягкая после недавнего дождя. Палочкой из подлеска выкапывает маленькую ямку и кладет в нее сверток. Закрывает его землей.

Будьте свободными, говорит она Рагху — и Кал-

пане Ди. Медленно распрямляется. У нее болит спина, болят ноги. Лучше ей снова привыкнуть к подобным восхождениям. Быть может, пришла пора старой женщине усвоить новые уроки. Она не может праздновать победы народа ее бабушки — вновь сформированную провинцию Сантхал с ее идеалом преклонения перед паутиной жизни, с ее моделью общин, в которых управление осуществляется посредством согласия, — она не может праздновать торжество подобных вещей, не признав боль борьбы и жертв, что вписаны в само ее тело, в историю ее народа. И потому она наконец видит Землю так, как всегда видел ее народ: как тело, как мать.

На краю поляны листья деревьев перешептываются на ветру. Она чувствует, как выходит за рамки собственного восприятия. Она — капля воды, дрожащая на листе, она — солнечный свет на ветке. Она знает лишь немногие из названий деревьев и птиц, но это придет позже. Сейчас она свободна, как парящая птица.

Икрам зовет ее. Махуа прочищает горло, делает глубокий вдох и кричит в ответ:

— Иду!

Что за честь — существовать во вселенной, которая настолько динамична и сложна, что

даже в преклонные семьдесят три года приходится продолжать учиться. Она сядет на опушке леса вместе с Икрамом и будет смотреть на море. Они будут есть джамболаны, пачкая губы и руки пурпурным соком, и она расскажет ему о других великих лесах, об Амазонке на той стороне мира. Она расскажет ему о Рагху.

Е. Лили Ю[59]

*Е. Лили Ю (*elilyyu.com*) была признана в 2012 году лучшим начинающим писателем, а в 2017 стала обладательницей "Писательсткой премии Ласаля". Ее рассказы публиковались в различных антологиях и литературных журналах от "McSweeney's" до "Uncanny" и девять раз были включены в антологии серии "Лучшее за год". Также писательница становилась финалисткой таких престижных литературных премий, как "Хьюго", "Небьюла", "Локус", "Премия Старджона" и "Всемирная премия фэнтези". В 2020 году вышел ее первый роман* — On Fragile Waves *("На хрупких волнах").*

---

[59] Примечания: 59

© E. Lily Yu, 2019; © пер. Н. Нестеровой, 2020.

Зеленое стекло: история любви

Серебряное ожерелье, которое Ричард Харт Лавертон III подарил Клариссе Одессе Белл по случаю ее тридцатилетия через четыре месяца после их помолвки и за шесть месяцев до назначенной даты свадьбы, было украшено зеленой стеклянной бусиной неправильной формы. Эта бусина была доставлена Ричарду с Луны. Он отправил на Луну ракету с роботом, который просеивал песок до тех пор, пока не нашел горсть зеленых стеклянных шариков и не запустил их обратно на Землю в капсуле, помещенной в другую ракету, совсем маленькую. Стекло расплавилось от высоких температур, когда ракета вошла в плотные слои атмосферы, и все шарики слились в одну каплю размером с большой палец, а затем капсулу с ней извлекли из Южно-Китайского моря. Робот-просеиватель так и остался на Луне, и Кларисса считала его символом их вечного единения.

В ее тридцатый день рождения они ели выращенных в лабораторных условиях креветок и две половинки спелого персика, в котором на удивление не оказалось ни одного червячка и ко-

торый, как сообщил им метрдотель, был куплен утром на аукционе за сумасшедшие деньги. Когда последние кусочки персика исчезли в горле Клариссы, Ричард достал бархатную коробочку с колье. Он возился с застежкой, пока она охала и ахала и гладила зеленое стекло. Официанты, напоминавшие серую, что-то бормочущую массу, тихо и восторженно аплодировали им.

Кларисса и Ричард знали друг друга еще с тех пор, когда им было шесть и пять лет, соответственно. Тогда Кларисса вылила апельсиновый сок на чистую белую рубашку Ричарда. Это случилось за два десятилетия до того, как насекомые-паразиты испортили все цитрусовые деревья от юга Калифорнии до Флориды. Кларисса всякий раз добавляла это уточнение в свой рассказ, прежде чем брови ее собеседника успевали хмуро опуститься вниз, как ножи гильотины.

Они вместе ходили в младшую, среднюю и старшую школы, а после уроков вместе зависали в мирах виртуальной реальности. Кларисса каталась верхом на драконах, а Ричард сражался с ними, а иногда — все было наоборот, и эти игры помогали им лучше изучить грамматику и геометрию. Временами Кларисса сама придумывала для себя сценарии, в которых она спасала острова

от наводнений или деревни от болезней. В эти игры она играла одна, пока Ричард охотился на инопланетян.

То, что они так часто встречались в детстве, нельзя было назвать случайностью. На всем Манхэттене было только три начальные, четыре средние и две старшие школы, в которые люди, которые хоть что-нибудь собой представляли, согласились бы отдать своих детей.

Когда пришло время поступать в колледжи, их пути разошлись: Ричард отправился учиться в Бостон, Кларисса — в Принстон, где было так много людей, носивших одежду ядовито-оранжевого цвета. Она посещала разные курсы, встречалась с разными мужчинами, и все это не вызывало у нее ничего, кроме скуки.

Работающие парни, с которыми она ходила на свидания, получавшие мизерную зарплату в своих библиотеках и столовых, казалось, излучали страх каждой клеткой своего тела. Кларисса видела, что на том тяжком пути, который ждал их впереди, для нее не было места; им было уготовано сражаться и, возможно, однажды достичь величия. Дети юристов, инженеров и хирургов с удовольствием общались на темы брачных договоров и наследования недвижимого имущества,

количества детей, которые они хотели бы иметь, а также качеств, которыми должны были обладать идеальные жены, но все их комментарии казались Клариссе ужасно бестактными. Что же касалось отпрысков тех, кто обладал реальной властью и деньгами, то они предпочитали ночи напролет танцевать, пить и прожигать время, с ними весело было провести ночку-другую, но это быстро надоедало.

Через несколько лет после окончания университета ее с Ричардом пути снова пересеклись. Кларисса завоевала себе репутацию удачливого или искушенного инвестора в сфере искусства (в зависимости от того, чье мнение вы спросили бы на ее счет) и специализировалась на покупке, реставрации и последующей продаже поврежденных и списанных экспонатов из разрушенных ураганами музеев. Ее пригласили на прием, устроенный в саду на крыше, где проходила выставка народных промыслов жителей Кентукки. Она была так поглощена разглядыванием фиолетово-оранжевых пятен на деревянной скульптуре леопарда, что не заметила стоявшего рядом с ней мужчину, пока он вежливо не откашлялся. Этот кашель показался ей очень знакомым, а когда она увидела его, скульптура

мгновенно утратила все свое очарование.

Держа в руках бокалы на тонких ножках с белым вином, они смотрели через перила на серую грязную воду внизу. Было время прилива, и морская вода била в окна покрытых защитной смолой такси. Кларисса рассуждала: не приведет ли все это к тому, что пострадавшие от наводнения простолюдины пересядут на катамараны и в скором времени Нью-Йорк будет напоминать Венецию; утонули ли крысы, жившие в метро и затопленных квартирах на первых этажах, или им удалось забраться повыше. Ричард предположил, что крысы скорее всего научились носить костюмы и устроились работать аналитиками в финансовом секторе. А затем очень осторожно, стараясь избегать острых и неприятных тем, они принялись обсуждать, что с ними произошло за прошедшие десять лет.

Пока официанты в мешковатой форме, словно угри, просачивались сквозь толпу, разнося стаканы с мартини и виски, Кларисса и Ричард узнали, что они оба не состоят в браке, финансово обеспечены, застраховали свои жизни, не имеют ничего против брачного контракта, хотят родить одного мальчика и одну девочку и испытывают сильное влечение друг к другу. Похоже, это была судьба.

— Я знаю, что с точки зрения этики, заводить детей не очень хорошо, — сказала Кларисса, обвивая пальцами бокал. — Планета находится в таком состоянии, что это…

— Ты заслуживаешь, чтобы они у тебя были, — возразил Ричард. — *Мы* заслуживаем. Рано или поздно, все еще наладится. Налог на выбросы углекислого газа, который был предложен…

У него были ясные, чистые голубые глаза. И Кларисса почувствовала, как она все глубже и глубже утопает в них.

Им не оставалось ничего другого, кроме как уединиться в отдельной ракушке. Хихикая и шикая друг на друга, словно подростки, хотя Кларисса явилась сюда, чтобы произвести оценку произведениям искусства, а Ричард встречался с соискателем на место в новом предприятии его отца, они тихонько ускользнули в сторону лестницы.

— Тихо, — сказала Кларисса, почувствовав запах сигаретного дыма. Два официанта тоже решили немного отдохнуть от работы на хрупкой крыше бара.

— Сегодня из канала опять принесло ядовитую воду, — сказал один из них. — Даже не знаю, как я доберусь домой.

— Закажи транспортного дрона.

— Это же половина зарплаты!

— Тогда — плыви.

— А ты умеешь плавать?

— Я ночую здесь. В каморке уборщика на… а вот не скажу, на каком этаже.

Кларисса вышла на лестничную клетку и отпустила дверь, которая тихо закрылась за ней.

Они спустились на сотый уровень, где их уже поджидали пузыри из органического стекла, закрепленные на стальных тросах и управлявшиеся с помощью программы. Кларисса и Ричард тихо поздравили друг друга с тем, что выбрали такое дорогое, но абсолютно нетоксичное средство передвижения.

Огни города сияли вокруг, пока их прозрачная ракушка скользила через переливающуюся разноцветными искрами ночь. За квартал до дома Ричарда, когда Кларисса уже увидела вдалеке сфинксов и львов на его фасаде, он накрыл ее маленькую мягкую руку своей ладонью.

Дальше все пошло по накатанной — они словно исполняли привычный танец: полеты на Ибицу, в Лиму и Сан-Паулу; волонтерские поездки в какие-то богом забытые дебри, пораженные голодом; ланчи в "Баккара" и обеды в "Квин

Элис"; послеполуденный отдых в пропахших ромом пыльных частных клубах, которые все еще продолжали существовать за каменными эмблемами и витражными окнами. Однажды днем в десертном баре, окна которого выходили на тот самый сад, где они снова встретились после долгой разлуки, Ричард преподнес Клариссе бриллиантовое кольцо, которое носила его прабабушка, затем — бабушка, а потом и тетя.

— Оно такое красивое, — с придыханием проговорила она. Все официанты вокруг них широко заулыбались своими беззубыми ртами. А остальные посетители бара захлопали. Казалось, что ее счастье отражалось как свет от хрустальной люстры, и позволяло всем, кто здесь находился, тоже испытать его!

— Три поколения любви и усердного труда, — сказал Ричард, надевая ей на палец кольцо, пока оно не коснулось костяшки. — Каждое старалось дать своим детям самые лучшие возможности. И мы последуем их примеру. Ради Чарльза. Ради Челси.

Кларисса слегка удивилась — она не помнила, чтобы они обсуждали имена их будущих детей, но не имела ничего против Чарльза или Челси, это были достойные имена, а потом пальцы Ри-

чарда тихонько пробрались под шелковистую креповую юбку и скользнули вверх по ее бедру в чулке, и в этот момент все ее мысли испарились как дым.

Неделю спустя три пары родителей устроили военный совет и поделили между собой обязанности по подготовке свадьбы, а затем принялись исполнять их с добросовестностью, уместной как на войне, так и в семейной жизни. Кларисса сдалась под натиском тафты и шифона, пионов и салфеток, розовой воды и каллиграфии. Она терпела щипки и тычки и, в конце концов, ее отвели во французское ателье, где в любое время суток царил естественный полумрак, намекавший на особую творческую атмосферу. Тут же подали четыре бокала с шампанским, которое шипело так, словно было колдовским зельем. Похожая на ведьму женщина стала примерять на Клариссу платье, бормоча что-то на чешском языке своим полным булавок ртом.

Потом, разумеется, была ракета, робот и дрон, и Ричард преподнес ей зеленую стеклянную бусину на серебряной цепочке.

И все было просто идеально, кроме одного.

Вкус, запах и текстура — они были неразрывно связаны с детскими воспоминаниями Клариссы.

Прохладное, блестящее и похожее на луну рядом с солнечным апельсиновым соком.

— Мороженое, — сказала Кларисса. — Мы подадим ванильное мороженое в форме луны.

Кларисса впервые за все это время высказала свои пожелания, и у Мим, в чьи царственные обязанности входило составление свадебного меню, перехватило дыхание, а Кел — третья жена ее отца — и Сьюзетт — мать Ричарда — одновременно удивленно изогнули по одной из своих изящных бровей.

— Я даже не знаю… — начала было Мим.

Кларисса перебила ее.

— Луна будет так близко, что каждый сможет прикоснуться к ней, не совершая долгого путешествия. И мое платье будет бело-лунного цвета. А не цвета яичной скорлупы, слоновой кости или ракушек.

Кел сказала:

— Мне кажется, можно обойтись обычными украшениями. У нас есть проектор звездного неба, стеклянные шарики с изображением Земли, по полу рассыпем пудру…

— Можно еще подвесить маленькие луны из роз, — добавила Сьюзетт. — А на каждый столик поставить копию робота Ричарда. Разве этого не

достаточно?

— У нас будет мороженое, — настаивала Кларисса. — Настоящее. Не соевый щербет, который даже не тает, и не суррогат из кокосового суфле. А мороженое.

— Не слишком ли многого ты хочешь? — спросила Мим. — Мы *успешны*, нам очень *повезло*, но было бы неразумно выставлять это на всеобщее обозрение.

— Обычно я почти во всем бываю не согласна с твоей матерью, — заметила Кел, — но в данном случае она права. Где мы сможем найти чистое молоко? Незараженные яйца? Да, ванилин можно купить в любой аптеке, но у него такой плебейский вкус, не так ли?

— У таких, как мы, нет микробиоты, которая позволила бы нам выжить после употребления в пищу яиц, продаваемых на улице, — заметила Сьюзетт. — А если будем пить молоко, то через десять лет заболеем раком. И что ты захочешь после этого? Гамбургеры?

— Я найду то, что мне нужно, — сказала Кларисса, теребя колье. Лунное стекло приятно согревало кожу. Она не сомневалась, что Ричарду, словно магу, стоило только взмахнуть платком, и хорошие яйца появятся из ниоткуда.

Использовать синтетический ванилин в самом деле было ужасным мещанством, поэтому о нем не могло быть и речи. Кларисса на трех ракушках и лодке, которой управлял угрюмый чернокожий мужчина, харкавший кровью, добралась до Музея вкусов. Он располагался в ничем не примечательном офисном здании в Бронксе, и окно на втором этаже всегда было распахнуто для нее.

Этот музей когда-то организовало одно правительственное учреждение, но оно давно уже разорилось и закрылось. Теперь в его заброшенных подвалах хранились бесценные агрокультуры, промысловые птицы и специи. Смотритель музея был счастлив, когда получил денежный перевод за шесть стручков ванили, которые он достал из ящика морозильной камеры и срезал висевшие на них ярлыки. Он учился вместе с Клариссой в Принстоне, а теперь жил в страхе, что всем станет известно о содержимом его подвалов, и вооруженная толпа отчаявшихся и жестоких людей ворвется к нему. Но он также знал, что Кларисса соблюдает осторожность.

Сумма, которую она заплатила за ваниль, примерно равнялась стоимости одной из ее картин

Марка Ротко[60]. Кларисса взяла на заметку, что неплохо было бы выставить какую-нибудь его картину на аукцион.

Ричард, дорогой, милый Ричард долго ворчал, но все-таки добыл шесть дюжин яиц, и к ее возвращению их доставили вертолетом из полуавтономной Пенсильвании. Он потом рассказывал, как вынужден был кричать в мегафон, пока вертолет завис в небе на безопасном расстоянии, чтобы находившийся внизу фермер не открыл по нему огонь.

— А насчет молока, — сказал он, — то его тебе придется искать самой. Может, в Кении?

— Если бактерии в нью-йоркских яйцах могут убить Мим, — возразила Кларисса, — то молоко от кенийской коровы…

— Ты права. Но ты уверена, что заменитель молока…

— Знаешь, сколько я заплатила за стручки ванили?

Она рассказала ему. Он присвистнул.

— Ты права. Никаких заменителей. Только не в этом случае. Но…

— Как насчет Швейцарии? — спросила Кла-

---

[60] Примечания: 60
Американский художник-абстракционист.

рисса.

— В Швейцарии ничего не осталось.

— Но в Швейцарии ведь так много гор, — сказала Кларисса. — Девочкой я там часто каталась на лыжах. У вас в семье не любили горные лыжи?

— Мы предпочитали Аспен.

— Тогда откуда ты знаешь, что там, в горах, не прячется какая-нибудь корова?

— Они использовали грязные бомбы во время Войны четырех банков. Даже если кто-то и уцелел, они все будут заражены радиацией.

— Я не знала про грязные бомбы.

— Об этом не распространялись в новостях. Чтобы не испортить имидж.

— Но как же…

— Аналитики рисков в криптофинансировании могут узнать даже то, о чем не сообщается широкой общественности.

Завитки его волос казались ей необычайно милыми, а его улыбка — мягкой и уверенной. Она теребила бусину на цепочке.

— Я поспрашиваю у знакомых, — сказала Кларисса. — Кто-то наверняка что-то знает. До меня доходили слухи, что некоторым удавалось добыть творог, масло и даже сыр…

— Но это не значит, что где-то существуют чи-

стые коровы. Будь осторожна. Люди умирают, съев даже маленький кусочек сыра. Я не прощу тебя, если ты отравишь мою мать.

— Подожди, — сказала Кларисса. — Мы найдем корову.

Поскольку мороженое должно стать по-настоящему революционным событием, благодаря которому Кларисса одним махом могла отвоевать себе маленький кусочек социальной территории, сделать так, чтобы ее имя прогремело на всех сайтах, посвященных сплетням, и, наконец, спустить на воду военный корабль ее дальнейшей супружеской жизни, она была очень осмотрительна в выборе тех, к кому обращалась за помощью. Она, как и Мим, хорошо освоила искусство того, как с легкостью справляться с самыми непосильными задачами. Так что она не стала в поте лица прочесывать венесуэльские плоскогорья в поисках коров. Ведь это только испортило бы желаемый эффект.

Она обратилась к Линдси. В колледже та была ее соседкой по комнате, а теперь должна была стать подружкой невесты на ее свадьбе. Для Клариссы Линдси была скорее членом семьи, чем подругой. Выслушав ее, Линдси прищурилась и сказала, что до нее доходили слухи о полудиких фермерах,

содержавших коров где-то в Орегоне, который так и не получил юридического статуса.

Никто не знал, насколько правдивыми были те слухи, но их стоило проверить. Кларисса нашла электронный адрес одного журналиста, написала ему, он перенаправил ее к другому журналисту, а тот — к третьему. Наконец, ей удалось выяснить, что действительно, если рискнуть и проникнуть в зону, которая была поражена оспой и простиралась от Портленда до Юджина, то при особенно благоприятном стечении обстоятельств в Дешутсе можно было отыскать одну семью отшельников, владевших коровами, которые оставались чистыми в течение трех поколений. Но уже несколько месяцев их никто не видел.

— Вы ведь, как это называется, журналист-внештатник, верно? Работаете на "Портленд Пост-интеллидженсер"? Независимый контрагент? Как насчет того, чтобы выполнить для меня одно небольшое поручение? Я оплачу все расходы: отели, личный дрон, плюс командировочные. А потом вы можете написать об этом статью. Мне нужно всего пятнадцать галлонов, не больше.

Поезда-морозильники по-прежнему ездили по стране, стучали колесами над разрушающимися

насыпями; в тех местах, где рельсы были погнуты или прогнили шпалы, их тащили тракторы до следующего пригодного для проезда участка дороги. Вагоны были загружены органами для трансплантации, кровью, плазмой, трупами для захоронения или вскрытия, а также отдельными видами продуктов, доставляемыми с побережья: свежезамороженным атлантическим лососем, выловленным в Тихом океане — самого лучшего качества и с нормальным количеством глаз; устрицами из секретного бассейна в Орегоне, которых в год выращивалось не больше трех дюжин; нью-йоркской пиццей, приготовленной с уличной моцареллой для отчаянных гурманов-богатеев из Сан-Франциско; и бостонским чаудером без молока, сливок и моллюсков. Журналист, которого наняла Кларисса, устроил так, чтобы в ближайший состав погрузили пятнадцать галлонов молока в канистрах из Дешутса. Кларисса до мяса сгрызла ноготь на большом пальце, ожидая, пока ей привезут эти канистры.

Но их действительно доставили, а вместе с ними и целый мешок сахара!

Оставалось только приготовить десерт. Здесь Линдси и три другие подружки невесты доказали всю крепость их дружбы, взбивая одну порцию

мороженого за другой. За два дня до свадьбы они соорудили из ванильного мороженного копию луны с кратерами, а рядом положили порционную ложку в виде робота.

На свадьбе присутствовало девяносто человек — почти все, кого сочли нужным пригласить. Священник — один из тех шестерых, которые продолжали совершать церковные обряды, — все еще здоровый, сохранивший почти все свои волосы и зубы, лучезарно улыбнулся с маленького экрана проектора.

— Я клянусь быть для тебя любящей женой и лунной девой, — сказала Кларисса.

— Я клянусь стать для тебя самым лучшим мужем, о котором ты могла бы мечтать, и самым лучшим отцом на свете для трех или четырех детишек — или сколько еще там ребятни мы произведем на свет.

— Трех? — слабым голосом спросила Кларисса. — Четырех? — Но клятва верности, как потерявший управление поезд, опередила ее мысли. — Я клянусь…

После церемонии они собрались вместе и стали есть. Затем под радостные возгласы, вспышки фотоаппаратов и аплодисменты вынесли луну. Ложка для мороженого усердно трудилась

в кратерах, копая намного быстрее, чем любой робот-просеиватель.

Кларисса торжествовала, она вихрем носилась от одного столика к другому, держа под руку Ричада.

— Вы знаете, что было выгравировано на том роботе? — спрашивала она. — "Кларисса О. Белл и Ричард Х. Лавертон III навсегда".

— Вот это фантазия! — восхитилась Моника. — Кого надо убить, чтобы заполучить такого мужа?

— За те деньги, которые я на все это потратил, — уточнил Ричард, — мы могли бы вылечить весь Нью-Йорк от гепатита С, или закупить эпинефрина для целого штата. Но некоторые вещи просто не имеют цены. Один только взгляд Клариссы…

Позади послышался звон бьющегося стекла. Смуглая женщина в темной униформе с монограммой, которую носил обслуживающий персонал, нанятый Мим, сгребала осколки голыми руками.

— Простите, — сказала женщина. — Я все уберу. Пожалуйста, не обращайте на меня внимания, развлекайтесь…

— Вы плачете? — с удивлением спросила Кларисса. — На моей свадьбе?

— Нет, нет, — возразила женщина. — Это слезы

счастья. Я счастлива за вас.

— Вы должны мне рассказать, — настаивала Кларисса. Свет от светильников мягко озарял ее кожу, а зеленое стекло сверкало на шее. В светильниках использовались лампы накаливания, их отбирали вручную, чтобы они выгодно освещали складки кружева и шелка на ее платье.

— Ничего особенного. Правда, ничего. Умер один мой родственник. Вот и все.

— Это так ужасно. Оставьте осколки в покое. Пусть это утешит вас.

Она зачерпнула щедрую порцию мороженого, положила его в хрустальную вазочку, туда же опустила чайную ложку и протянула женщине.

— Спасибо вам большое, — сказала женщина. На этот раз Кларисса не сомневалась, что она плачет от радости.

Подошел еще один официант с веником и совком для мусора и тихо убрал осколки.

Кларисса стала накладывать мороженое и себе, чтобы женщина не чувствовала себя одинокой, но Ричард забрал у нее ложку и закончил раздачу мороженого.

В уголках его васильковых глаз появились морщинки.

— Рядом с тобой все чувствуют себя замечатель-

но. Даже моя мать. Даже Кел. Даже эта несчастная женщина. Ты — просто живое опровержение такого понятия, как "упадок эмпатии".

— Что еще за…

— Некоторые исследователи считают, что нельзя быть одновременно богатым и добрым. Марксисты, анархисты и прочий сброд. Им стоило бы познакомиться с тобой.

Мороженое было сладким, очень-очень сладким и холодным. Кларисса даже вздрогнула и закрыла глаза. На мгновение все ее будущее ясно предстало перед ней, словно звенья на серебряной цепочке: как с появлением каждого ребенка на этой цепочке будет появляться новая стеклянная капля — Челси, Чарльз и Ник; как Ричард начнет меняться, будет все больше отстраняться, пока не превратится для нее в сплошную загадку, но все равно останется таким же привлекательным и таким же любимым; как она откажется от своей детской мечты о спасении мира и посвятит себя поддержанию огня в семейном очаге, в то время как мир вокруг них погрузится во мрак.

Она открыла глаза.

Пришло время свадебного танца. Ричард протянул ей руку.

И они начали свой танец на воображаемой

луне, а их туфли при каждом шаге поднимали в воздух лунную пыль. Этот танец был поставлен задолго до их рождения, они освоили его, когда только учились читать и писать, впитали вместе с соком и мороженым; и пока они танцевали вместе с остальными гостями, а плачущую официантку незаметно выпроводили из зала, едкие ядовитые волны моря поднимались все выше и выше, и все шло так, как было запланировано, без малейшего намека на перемены.

София Рей[61]

*София Рей (*sofiarhei.com*) опубликовала более тридцати пяти книг, в том числе сборник рассказов* Everything is Made of Letters *("Все сделано из букв"), роман* Róndola *("Рондола"), получивший "Премию Минотавра", а также* Espérame en la última página *("Жди меня на последней странице") — роман о привидениях и книгах. За свои поэтические работы она получила премию "Карликовые звезды" и была включена в шорт-лист премии "Райслинг". В данный момент она работает над романом в жанре утопии и политической сатиры о Европе —* Newropia *("Новоропия").*

[61] Примечания: 61

© Sofia Rhei, 2019; © пер. Н. Нестеровой, 2020.

Тайные истории дверей

Посвящается Чусу Арельяно

Споры вокруг труда сестры Ассумпции являются одним из самых интересных случаев мягкого оправдания сатанизма в XVIII веке. Ее защитники ссылались на то, что данная книга полностью соответствует всем признакам жанра "поучительной истории", в ней содержатся весьма уместные советы, а персонажей, сделавших неправильный выбор, ждет наказание, хотя возможность христианского искупления так и остается под вопросом. Все нападки были в основном направлены на изображение зла – оно оказалось чересчур располагающим, даже очаровательным, ведь настолько обаятельная и притягательная личность могла скорее привлечь, нежели отпугнуть юных и внушаемых читателей.

– Леопольдо де Манреза

"Грани между верой и ересью во времена Инквизиции"
Саламанка, 1907

Жоан Перучо[62] всю ночь провел дома за работой, склонившись над своим столом. Он жил в крошечной квартирке в районе Грасиа, и почти все его шкафы были заставлены пишущими машинками, кустарными печатными станками, а также приспособлениями для изготовления бумаги ручной работы и желатинового гектографа. Напевая себе под нос, он радостно творил и так увлекся, что почти не обращал внимания на недосып.

---

[62] Примечания: 62

Жоан Перучо (1920–2003) — каталонский поэт, критик и писатель-фантаст.

Большинство трудов сестры-бенедиктинки были спрятаны матерью-настоятельницей, когда Инквизиция приступила к расследованию. Некоторые пьесы оказались навсегда утраченными. К счастью, "поучительные истории" уже начали распространяться, хотя печатник сильно рисковал, выпуская их. Он продолжал продавать "Тайные истории дверей" из-под полы, осознавая, какой опасности подвергнется, если его деятельность будет раскрыта.

– Леонардо Гальван
"Поэты, отлученные от испанской церкви"
Вальядолид, 1929

Звон будильника заставил его вздрогнуть. Перучо совсем забыл про него, полностью погрузившись в обработку поддельного листа газеты, на который наносил черный чай, чтобы он выглядел пожелтевшим.

Пожар в школе на улице Сан-Пере-Мес-Баш

Хотя пожар довольно быстро удалось потушить, двое пожарных погибли, сражаясь с пламенем. Причиной возгорания стала угольная жаровня, которую вахтер не смог правильно погасить. Пламя перекинулось на одну из стен, оказавшуюся деревянной; пожарные обнаружили, что за ней было спрятано несколько книг и документов, которые, возможно, находились под запретом во времена Инквизиции. Одной из этих книг была поучительная история сестры Ассумпции Ардебол, чьи труды ученые считали навсегда утраченными. На ремонт школы уйдет неделя, в течение этого времени занятия будут отменены; родителям посоветовали оставить детей дома и ждать дальнейших распоряжений.

– "Вангуардия"
Барселона, 17 апреля, 1949

Он посмотрел на документы, которые только что создал, и довольно улыбнулся. Статья в Энциклопедии стала его самым большим личным триумфом. Древняя жизнь казалась Перучо невыносимой, как и миллионам других сотрудников

барселонского отделения "Всемирной энциклопедии", вынужденным носить темную униформу, на которой не видно было чернил. Спасение он находил в изобретенной им же игре — он добавлял вымышленную информацию в общую базу данных. Сначала это были лишь небольшие детали: маленькие цитаты, придуманные им незначительные личности, живописные анекдоты об известных публичных персонах. С годами его подделки стали намного красочнее, а производимые им потоки дезинформации начали напоминать деревья с пышными кронами и спелыми сочными плодами.

Он никогда не вел учет своим вымышленным материалам. Это было слишком опасно: после того как в 1969 году ввели запрет на занавески на окнах, воздушная полиция в любой момент могла установить слежку за домом. Перучо спрятал все свои приспособления в белый шкаф и начал собираться на работу.

Он уже готовился покинуть квартиру, когда из-под двери выскользнула тонкая змейка, сделанная из зеленой бумаги:

Не ходи на работу. Лучше иди на Каррер де н'Арай.

Перучо слышал о подобных сообщениях. В их содержании не было ничего особенного, никаких обвинений или упоминаний об инакомыслии. Он слышал о ловушках, которые расставляла воздушная полиция, когда кто-нибудь начинал вызывать у них подозрения, но не было возможности доказать его причастность к противоправным действиям. Если бы он прогулял работу и вместо этого отправился в подозрительное место — одно из тех, где устроили свой анклав различные чужаки и отщепенцы, — этого оказалось бы достаточным, чтобы доказать его вину.

Нет, он решил не изменять привычному распорядку дня. Приняв решение, Перучо успокоился. Он был осторожным, *очень* осторожным, всегда уничтожал документы, которые изготавливал, а затем сканировал. И, как ему нравилось повторять про себя, и это стало лейтмотивом всей его жизни, которую он посветил фальсификациям, — если о чем-то однажды заявлено, потом сложно доказать, что этого не происходило на самом деле. Тем более что большинство исторических архивов и библиотек, располагавших хранилищами газет, находились за пределами города, где-нибудь в Уэске или Кастельоне. Перучо нравилось ездить туда, в особенности он наслаждался тиши-

ной тех мест. Город кишел воздушной полицией, непрерывный шум пропеллеров напоминал рев металлического моря.

Перучо выглянул в окно, но там никого не было. Никаких воздушных полицейских, которые наблюдали бы за ним с другой стороны чистого окна строго установленного размера. Но ему все равно казалось, что они где-то здесь. Угроза, что они могли возникнуть в любую минуту, вызывала не меньше страха, чем их реальное появление.

Перучо глубоко вздохнул. Он был очень осторожным. Старался никогда не выделяться на общем фоне, не перерабатывать, но при этом добросовестно выполнять все свои задачи. Он постоянно изучал статистику, убеждаясь, что работает с такой же производительностью, как и его коллеги. А поскольку большинство его руководителей не понимали ни испанского, ни каталонского, Перучо, как правило, подделывал документы на одном из этих языков.

Разумеется, до него доходили слухи о людях, которых полицейские уводили куда-то и которые потом не возвращались, но Перучо никогда ничего подобного не видел. На самом деле не существовало никаких определенных правил насчет того, что именно подразумевалось под

необходимостью быть аккуратным и не проявлять чрезмерную инициативу. Скорее, речь шла о каких-то общих смутных представлениях, поэтому всегда оставалась возможность для различных толкований этих самых правил.

Но главная причина, по которой Перучо проигнорировал предупреждение и как обычно пошел на работу, заключалась в том, что ему этого очень хотелось. Его проект о вымышленной сестре Ассумпции Ардебол и ее несуществующих "Тайных историях дверей" был, возможно, лучшим из всего, что он на тот момент создал. В этих проектах заключался смысл его жизни, единственная возможность заниматься свободным литературным творчеством в мире, где вымысел допускался только в коммерческих, строго установленных формах: для внушения определенных идей, создания моделей для подражания и тому подобного.

Как правило, Перучо прямо из дома шел на работу, и в тот день он не хотел ничего менять. Он старался идти не быстрее и не медленнее обычного, не забывая о привычных мелочах, как, например, остановиться у пекарни и купить там маленький сэндвич с каталонской колбасой бутифаррой на обед.

За десть лет до этого Глобальное правительство решило передать ряд специальных функций городам, имевшим стратегическое расположение. Барселона была выбрана Столицей знаний. Офис "Мировой энциклопедии" находился здесь еще с сороковых годов, оставалось только расширить его и нанять новых сотрудников, которые должны были собирать достоверные сведения, а затем принимать решение: что достойно упоминания, а что — нет, и классифицировать всю эту информацию.

Барселона всегда была многонациональным городом, но теперь, когда сюда со всего земного шара хлынули миллионы сотрудников из "Системы фундаментальных знаний", чтобы отразить в Энциклопедии знания на всех возможных языках и диалектах, как живых, так и мертвых, город превратился в новый облагороженный Вавилон.

Все центральные площади кварталов в районе Энсанче были "усовершенствованы", согласно официальной терминологии — их застроили двадцатипятиэтажными зданиями. Они были совершенно одинаковы на вид, и во всех работали сотрудники Энциклопедии. На нижних этажах размещались печатные станки и принтеры, а технический персонал носил черную форму,

чтобы не испачкаться в краске. Наверху, где работал Жоан Перучо, у каждого редактора был свой линотип. Здесь на всех сотрудниках были костюмы антрацитового цвета: они должны были носить темные одежды, даже если не работали с типографской краской и не могли испачкаться, как будто знания сами по себе способны были оставить на них несмываемые уродливые пятна.

Внезапно в голове у Перучо зашевелились параноидальные мысли, и его охватил страх: а что, если здесь существовала какая-то скрытая система контроля, сеть секретных агентов, которые должны проверять правдивость всей информации и наказывать тех, кто предоставлял ложные сведения, отправлять их в грязные душные тюрьмы, откуда им уже не суждено вернуться?

Жоан Перучо вошел в здание с привычной улыбкой, повторяя про себя мантру: "Доказать, что чего-то на самом деле не было, практически невозможно". По сути, если бы ему поручили найти доказательства того, что некоторые книги, рецензии или статьи никогда не были опубликованы, то на эту работу у него ушло бы несколько месяцев. Он никогда не слышал, чтобы кому-нибудь давали такие задания, и сомневался, что "Система фундаментальных знаний" позволит

тратить оплачиваемые рабочие часы на выяснение, какие документы являлись правдивыми, а какие — подложными. В этом просто не было необходимости; большинство сотрудников — предсказуемые конформисты, подхалимы и такие же серые личности, как и их костюмы.

Войдя в набитый людьми лифт, Перучо почувствовал, как холодный пот стекает у него по шее, и постарался успокоиться. Он подошел к своему линотипу, находившемуся в каталонском отделе, с невозмутимым видом извлек фальшивые документы и распределил их среди дюжин подлинных. Затем, как обычно, начал печатать.

Утро прошло без происшествий. Жоан набрался смелости и стал быстрее печатать поддельные документы. Он пообедал на рабочем месте и продолжил составлять одну вымышленную историю за другой:

Сестра Ассумпция Ардебол описывает самые мрачные улицы старой Барселоны как сошествие в ад в буквальном и метафорическом смысле. Район Эль Раваль – неизведанный и опасный, достойные люди будут здесь чувствовать себя чужеземцами, но именно в этом месте и может произойти встреча с Сатаной. Истинную опасность представляют не воры, нищие наркоманы или безумные бродяги, а "маленькие двери", пороги которых так легко нечаянно перешагнуть, и которые обычно скрыты в тени.

– Жоана Торрегроса
"Образы Барселоны"
Барселона, 1955

— Перучо, — послышался монотонный бесстрастный голос, — босс вызывает тебя к себе в кабинет. К пяти.

Перучо попытался унять дрожь в руках. Его нечасто вызывали к директору, но иногда это случалось. Возможно, речь шла об обычной контрольной проверке:

— Перучо, как дела на работе?

— Все замечательно, сеньор.

— У тебя достаточно материалов, чтобы выполнять дневную норму записей?

— Да, сеньор.

— Не хочешь еще раз съездить в рабочую командировку в Жирону?

— Может быть, в следующем месяце, сеньор?

Его вдруг охватило безудержное желание убежать отсюда без каких-либо объяснений. Но у Перучо был здравый ум. Он тихо и глубоко вздохнул и принялся мысленно рассказывать самому себе старый анекдот:

"Каталонец стоял перед аквариумом, в котором плавала всего одна рыба. Поразительно, но стоило ему поднять глаза, как рыба, словно подражая ему, тоже устремлялась в том же направлении. То же самое происходило, когда мужчина поворачивал голову то в одну, то в другую сторону.

Испанец, наблюдавший за каталонцем, подошел и заговорил с ним.

— Просто невероятно! Чудесно! — восхитился испанец. — Как вам удается заставлять рыбу выполнять ваши команды?

— Все очень просто, — спокойно ответил каталонец. — Я пристально смотрю в глаза животного и подчиняю его своей воле. Слабый рыбий ум признает превосходство более развитого челове-

ческого. Думаю, если вы немного потренируетесь, у вас тоже получится.

Его слова убедили испанца. В конце концов, он никогда еще не пытался управлять рыбами. Наверняка это было совсем просто. Он начал внимательно вглядываться в глаза рыбы.

Через десять минут каталонец вернулся к аквариуму.

— Ну как, получается? — спросил он у испанца.

Испанец посмотрел на него отсутствующим взглядом, его губы вытянулись и приняли форму рыбьего рта.

— Бульк! Бульк! Бульк! — пробормотал он, широко разевая рот".

Перучо рассмеялся про себя. Он уже много раз слышал или рассказывал этот анекдот, но все равно обожал его, он помогал ему взбодриться. Перучо взглянул на большие часы, которые висели на стене, и увидел, что уже почти четыре. Впереди оставался еще час работы, и если ему суждено быть сейчас пойманным, то нужно хотя бы попытаться завершить проект.

— Буквы не нужны? — спросила девушка с тележкой. Она протянула ему маленькую корзинку, в которой лежали металлические гласные и согласные.

— Да, возьму несколько "Ф" и "В", — отозвался Перучо.

- ¡El bombín! ¡Ha vingut el bombín![63] — предупредил по-каталонски своих коллег один из редакторов.

Под "el bombín" подразумевался один из вышестоящих руководителей, начальник их начальника, если Перучо правильно все понял. Он редко появлялся в офисе, но когда все же приходил, то обожал придираться к сотрудникам по мелочам. "Белаге, сядьте нормально!" Или: "Вы неправильно держите руки на клавиатуре, Фонтанелла. Вы же не думаете, что "Система фундаментальных знаний" будет оплачивать расходы на ваше лечение в случае, если вам понадобится исправлять вашу осанку?"

Все редакторы тут же напряглись. Все, кроме Перучо, у которого вошло в привычку сохранять на рабочем месте идеальную позу. Он научился держать позвоночник в вертикальном положении, чтобы спина не болела и не уставала. Возможно, именно поэтому "el bombín" никогда не высказывал замечаний в его адрес. Иногда у Перучо создавалось впечатление, что у "el

---

[63] Примечания: 63
Котелок! Пришел Котелок! (*каталон.*)

bombín" было очень своеобразное чувство юмора и ему нравилось пугать сотрудников.

Но, вместо того чтобы по привычке прогуляться между рядами линотипистов, "el bombín" сразу проследовал в кабинет начальника и закрыл за собой дверь. Все сотрудники, кроме Перучо, тут же расслабились. Перучо нужно было мысленно рассказать себе еще несколько анекдотов и молча помедитировать, чтобы успокоиться.

Он напечатал последнюю статью, которая была озаглавлена "Портрет дьявола в произведении сестры Ассумпции Ардебор". Это была его любимая тема, жемчужина в его короне вымышленных авторов, которых он придумал. В этой статье такой же вымышленный аспирант объяснял, что в нравоучительных историях монахини дьявол всегда изображался без правого уха. Эта характеристика являлась метафорой людей, которые готовы были прислушиваться только к плохим словам, обращать внимание только на отрицательные стороны и, таким образом, обладали негативным восприятием человеческой натуры.

Когда статья была полностью набрана, Перучо взял идеально отлитые строки статьи, затем загрузил в специальный лифт и отправил в печать.

Закончив со всем этим, он почувствовал, как расслабилось его тело. Теперь последняя его работа станет неотъемлемой частью Энциклопедии. Теперь они могут его арестовывать. Он даже был бы этому рад.

Но "el bombín" не вышел из кабинета босса ни через полчаса, ни через час, ни даже через два. В семь антрацитовые редакторы начали покидать свои рабочие места. Перучо задержался еще на полчаса, что было для него нетипично, ожидая, когда уйдет "el bombín". Но этого так и не произошло.

— Казальс, — сказал он секретарше босса, — господин Кул попросил меня зайти к нему несколько часов назад.

— Не переживайте, Перучо. Он все еще с "el..." то есть с господином Глэдстоуном. Думаю, это у них надолго.

— Вы уверены? Потому что я не могу больше ждать.

Казальс улыбнулась.

— Вы слишком ответственный. Идите домой, завтра босс будет на месте.

Перучо поблагодарил ее и удалился прочь легкой походкой. На душе у него было еще легче.

И действительно — ему не стоило переживать.

Если бы случилось что-то серьезное, Казальс знала бы об этом; без своей невероятно расторопной секретарши босс не нашел бы свою собственную тень. К тому же она как обычно была мила и дружелюбна с Перучо.

Он покинул здание, охваченный чувством эйфории, как будто с его плеч свалился тяжелый груз. Он даже стал немного насвистывать. Манипулируя информацией и создавая свой собственный мир, Перучо испытывал чудесное волнение: это было сродни искрам во тьме, ярким пятнам в серой реальности, в которую погрузилась планета после глобальных катастроф в конце пятидесятых.

Воздушный агент пролетел мимо, не обращая на Перучо никакого внимания. Его ботинки едва не коснулись плеча Перучо. Однако встреча с ним не напугала, а, напротив, успокоила Перучо. Все снова наладилось.

Он мог пойти на ночной блошиный рынок Энкантс и отыскать там какие-нибудь старинные книги, чтобы потом почитать в свое удовольствие. Или вернуться к себе в квартиру и приступить к следующему проекту. Возможно, о лечебных источниках… у него были кое-какие идеи, и они не давали ему покоя, бурлили в нем,

как вода в горячих ваннах, о которых ему так хотелось написать.

Да, он должен был сделать что-нибудь в этом духе. Почему же тогда он двигался в направлении, указанном на бумажной змейке, подброшенной утром? "Каррер де н'Арай". Почему он запомнил это название?

Ему следовало бы избегать неприятностей. Безумием было идти в это место, указанное в послании. Что, если эта записка была не розыгрышем, а какой-нибудь бюрократической ловушкой? Что, если кому-то стало известно о его правонарушениях? И — это пугало его больше всего — что, если эти незнакомые друзья на самом деле пытались помочь ему избежать наказания?

Но Перучо ничего не мог с собой поделать. Он был обречен, загнан в угол собственным любопытством, поэтому шел в сторону Портаферриссы с застывшей на губах фальшивой улыбкой. Странно, но здесь, на улице его страх многократно усилился, стал еще сильнее, чем в офисе. Возможно, на рабочем месте, где все было таким знакомым, он чувствовал себя увереннее.

Ах, ну что за улица — пустыня, да и только. Когда Перучо был моложе, Барселона бурлила жизнью. Он помнил кинотеатр "Лес Делисьес",

где вечно толпились дети, рабочие и старики; помнил, как поднимался на гору Тибидабо с ее жутковатым музеем автоматов; ходил в парк Цитадели с его потрясающей оранжереей. Но тот город навсегда утрачен. Бомбы падали, словно дождь, уничтожая целые кварталы и даже районы, стирая мир, целую эпоху.

Он почти добрался до Портаферриссы, когда за углом заметил лучника. Частично скрываясь в тени, женщина в форме городской уборщицы натягивала тетиву лука и целилась стрелой в кота. Вид у нее был напряженный.

— Даже не знаю, что делать, — посетовала она. — Кот не может спуститься с крыши и постоянно мяукает. Бездомный кот может стать источником антисанитарии и потенциальным разносчиком заразы, нам уже поступали жалобы от соседей. С другой стороны… он кажется таким растерянным. Но я не могу добраться до него и спустить на землю. Возможно, если бы у меня получилось сделать это, у бедного животного появился бы шанс?.. Его можно было бы отправить в зоопарк?.. Или все-таки стоит пристрелить его?

Перучо почувствовал, как у него начал покалывать нос, как от разряда статического электричества, или когда к самому твоему лицу подлетает

назойливое насекомое. Это было чудесное ощущение — предвкушение чего-то неожиданного. Он так редко испытывал подобное чувство, и оно так приятно смешивалось со страхом, который все еще не отпустил Перучо.

"Любопытство убило кошку", — подумал Перучо. По-каталонски эта поговорка звучала как: "Qui escolta pels forats, sent els seus pecats", что означало: "Тот, кто из любопытства заглядывает в неподходящие места, находит там свои собственные грехи". В обоих случаях зло, или дьявол, скрывались в жажде новизны, информации, знаний. А эта женщина с луком выглядела как воплощение или, как сказали бы древние, олицетворение любопытства.

— Может, вам лучше выстрелить в стену, видите, вон туда? И тогда кот воспользуется стрелой как ступенькой, чтобы спуститься вниз... и вы сможете поймать его.

А затем он добавил уже шепотом:

— А может, и нет.

Женщина внимательно посмотрела на него.

— Вы не хотите, чтобы я убивала кота?

Перучо на мгновение засомневался. Нормальный гражданин поддержал бы убийство кота и даже пригрозил бы уборщице за то, что та не

выполняла свои обязанности.

Вместо этого он ответил:

— Нет.

— Вы уверены?

— Никто не должен умирать просто так, по указке.

Женщина с луком улыбнулась и сняла свою шляпу. У нее не было правого уха, как у демона в книгах сестры Ассумпции Ардебол. Она внимательно посмотрела на него. Перучо почувствовал, как его тело охватила дрожь.

— Вы пойдете со мной? — спросила женщина с луком.

— Да.

Ощущение, что он оказался внутри сочиненной им же самим истории, пересилило страх.

Перучо шел за своей провожатой по узким улочкам, пока они не привели его еще к одной двери, почти невидимой среди теней. Он вошел внутрь и, увидев, что там находилось, не мог поверить своим глазам…

…старинная типография, полностью функционировавшая, в которой находились все печатные станки, начиная со времени зарождения книгопечатания! Несколько человек занимались изготовлением кустарной бумаги. Там даже

был монах-переписчик, которого называли "La Moreneta"[64]. Настоящий живой монах, занимавшийся копированием документов в 1975 году!

Очевидно, что эта мастерская работала подпольно. Окна были маленькими, с тусклыми стеклами, а стены устроены так, чтобы поглощать любые звуки. Такое секретное место теперь можно было отыскать только в районе Эль Раваль. Все помещение было погружено в полумрак, что одновременно внушало и тревогу, и чувство защищенности.

А потом Перучо заметил "el bombín". Он ходил между усердно работающими людьми, но вел себя иначе, был совсем не таким, каким привык его видеть Перучо. Вместо того чтобы выискивать нарушения и мелкие недочеты, он казался совершенно расслабленным. Даже счастливым. Он производил впечатление абсолютно другого человека.

— А! Перучо, рад видеть вас! — сказал он по-каталонски. Перучо не знал, что "el bombín" свободно владел его родным языком. — Идите, идите же сюда! Вам не нужно ни о чем переживать. Просто посмотрите на эту чудесную бумагу,

---

[64] Примечания: 64
Чернушка (*каталонс.*).

которую здесь изготавливают. Но расслабляться особенно некогда, наша команда писателей хочет задать вам ряд вопросов.

— Это *он?* — спросила женщина в очках. На ней было платье необычного зеленого оттенка.

— Да! Позвольте познакомить вас: Жоан Перучо, это Роза Фабрегат, одна из наших самых талантливых писателей.

— Писатели…

Перучо с наслаждением произнес это слово. Он так давно уже не слышал его и уж тем более не произносил вслух. Он даже почувствовал зависть к этой молодой женщине.

— Сеньор Перучо, — сказала она по-каталонски. — Я большая почитательница вашей работы.

Перучо не мог понять, что к чему.

— Но у меня нет никаких "работ"… я всего лишь редактор в…

"El bombín" и Роза улыбнулись.

— Вы — потрясающий творец. Вы придумали целую литературную карьеру для многих авторов и даже написали их основные работы. Октаво де Ромеу, Пере Серра и Постиус с его чудовищем Бернабо…

Перучо почувствовал, как от страха у него по спине пробежала дрожь. Женщина говорила о

его вымышленных персонажах так, словно они были ее любимыми писателями. Словно они на самом деле существовали за пределами его воображения.

— …и кстати, у меня к вам есть вопрос по поводу Бернабо. Мы знаем, что у него черная шерсть, нет рта и три глаза. Но что происходит с его глазами, когда он следит за писателем: они все одновременно смотрят на него или способны двигаться каждый сам по себе?

— Моя дорогая Роза, не мучайте Перучо расспросами…

— Нет, нет… — сказал Перучо. — Я никогда не задумывался о глазах Бернабо. Это прекрасный вопрос. Возможно, каждый из глаз помогает ему увидеть разные части реальности: один — чтобы видеть свет, а также различать желтые и белые цвета, другой — для теней и синих и зеленых оттенков, а третий — для страстей, красных, фиолетовых, розовых и пурпурных. Это не кажется полной бессмыслицей?

— Значит, ему нужно одновременно смотреть всеми тремя глазами в одну точку. Спасибо большое, сеньор Перучо.

— Роза, вы еще непременно пообщаетесь с ним. Но сейчас нашему гостю нужно немного

осмотреться.

— Ну хорошо, — сказала она немного раздраженным тоном. — Еще только один момент… Тот очерк о зеркалах был… просто великолепным.

Она ушла и потому не увидела, как Перучо покраснел от смущения.

— Она права. И средневековые истории… они такие запоминающиеся, — продолжал "el bombín". Перучо был глубоко польщен тем, что этот человек потратил столько времени на изучение его проектов.

— Мануэль, — "el bombín" указал на одного из художников, работавшего над столом, — сейчас трудится над сводом законов, который вы так подробно описали в прошлом году.

— Я… я не понимаю. Вы создаете поддельные документы, следуя указаниям, которые я… придумал? Целиком, от начала и до конца?

— Именно этим мы и занимаемся. Правда, удивительно? Вас никогда не поймают на подлоге, потому что все те вымышленные документы, на которые вы ссылаетесь, будут существовать на самом деле. И таким образом, ваша работа окажется полностью достоверной.

— Мне нужно присесть, — сказал Перучо.

После ухода Розы "el bombín" и Перучо какое-то

время молчали.

— Она занимается поэзией и самыми что ни на есть деликатными работами. Она страстный читатель и невероятно любознательна…

— Но… зачем предпринимать все эти старания только ради моего спасения?.. Ведь все это, наверное, стоит огромных…

— Только ради вашего спасения? Нет. Ради спасения самой литературы, Перучо. Вы не единственный, кто пытается "оживить" Энциклопедию, хотя, должен признать, что вы — один из лучших. Я говорю о некоторых ваших коллегах, с которыми вы знакомы, как, например, наш любимый сеньор Кункейро или Марсель Эме — один из руководителей французского отделения… Другие создают свои воображаемые миры в научной сфере. Как, например, знаменитый профессор…

— Торренте Баллестар! — перебил его Перучо. — У меня всегда вызывали подозрения его шрифты. Некоторые из них были настолько красивыми, что даже не верилось в их подлинность.

"El bombín" вздохнул.

— Как будто красота обязана быть чем-то отличным от правды… Но, боюсь, все дело в том времени, в котором нам приходится жить.

— Estos bueyes tenemos y con ellos tenemos que

arar.[65]

Повисла долгая пауза.

— Перучо, — сказал "el bombín", — история последних десятилетий была не совсем такой, как им… *нам*… официально сообщали. Сильные мира сего внесли свои "не совсем правдивые" дополнения в Энциклопедию, и, вынужден прибавить, они совсем не такие приятные, как ваши. Как начитанному человеку вам, полагаю, знакомо имя Герберта Джорджа Уэллса?

Перучо был удивлен. Он ожидал услышать громкие разоблачения, касавшиеся политики, экономики…

— Да, он был английским писателем.

— А что, если я скажу вам, что именно он сформировал тот мир, который мы сейчас знаем?

— Ну… меня это очень удивит.

— В 1935 году он написал роман…

Слово "роман" звучало для Перучо чудесной музыкой. В нем была заключена свобода и сила искусства прошлого.

— "Очертания грядущего", — продолжал "el bombín". — Это была история-предостережение, но не в классическом ключе, когда советы дава-

---

[65] Примечания: 65

Мы пашем на тех быках, которые у нас есть (*исп.*).

лись отдельным людям. Нет, это была история обо всем обществе и описывала она мрачное будущее, возникшее в результате коллективных заблуждений. Книга имела относительный успех, но в целом ее расценивали как экстравагантный эксперимент. Зачем серьезному писателю тратить свое время на описания гипотетического будущего?

Перучо улыбнулся. Ему очень нравились подобные книги, но, возможно, его нельзя было назвать типичным писателем.

— Через три года человек по имени Орсон Уэллс устроил радиопостановку. Он обожал творчество этого писателя, своего, можно сказать, однофамильца, и решил устроить розыгрыш на Хэллоуин. Он был перфекционистом, поэтому договорился с коллегами в Британии, Европе и даже России для достижения максимального эффекта. Он собирался продемонстрировать своим боссам, насколько велика сила радио.

— Но как же события у Тодос-лос-Сантос в 1938 году… Ведь именно в этот день произошли перевороты в старых США и Британии… — перебил его Перучо.

— Именно. Только в самом начале никаких путчей вовсе не было, а был ложный радиорепортаж

об одном из них.

Перучо был ошеломлен.

— Это полная бессмыслица! Свержение правительств было реальным. И это привело к серьезным последствиям…

— После радиопостановки люди испугались. Многие покинули города. Повсюду царил хаос. Теория подтвердилась — радио обладало огромной силой. Но когда Орсон Уэллс решил объяснить миру, что это всего лишь розыгрыш, все коммуникации были отключены. Радикальные политические партии воспользовались возможностью и стали устраивать настоящие перевороты.

— Никто не знал, что делать. Через несколько часов было поспешно созвано тайное собрание. А вскоре олигархи поняли, что новый порядок для них намного удобнее. И амбициозные новые лидеры арестовали Орсона Уэллса. Он отдал им книгу, которая вдохновляла его.

— Вы хотите сказать, что наш мир стал таким, каков он есть, благодаря книге и радиопостановке?

— Если бы все было так просто! В этом было задействовано много участников и затронуто много интересов. Но да, в конечном итоге они

решили, что план Г. Дж. Уэллса — идеален. Зачем придумывать что-то новое, когда уже составлен отличный план?

— Но вы сказали, что Уэллс написал роман-предостереже-ние, а не проект социального устройства…

— Они восприняли его книгу как руководство к действию. И все получилось. В самом начале они даже привлекли к работе обоих Уэллсов, а затем освободили их в награду за "сотрудничество"…

— Вынужденное сотрудничество…

"El bombín" кивнул.

— Так, давайте-ка еще раз и по порядку, — сказал Перучо. — Вы хотите сказать, что притча и шутка положили начало этой экономической системе и всему обществу? Тому самому обществу, которое запретило всякий художественный вымысел?

— Они ограничили возможности для творчества именно потому, что знали, какое воздействие оно способно оказывать.

— Орсон Уэллс создал пропагандистскую машину этого режима и в течение многих лет блестяще выполнял свою работу под целым рядом псевдонимов, таких, например, как Кейн. Никто не знает, чем он занялся впоследствии, возможно,

провел остаток своих дней на острове, курил сигары и обзавелся детьми. Но мы знаем, что сделал Х. Дж. Уэллс. Он стал предпринимателем и заработал огромные деньги. В конце концов, он всегда знал, как устроен внутренний механизм власти. С помощью своего друга Г. К. Честертона он создал секретное учреждение, которое защищает творцов вроде вас, мой дорогой Перучо, и изыскивает способы создавать художественные произведения даже в столь неблагоприятных условиях.

Перучо посмотрел на печатные станки в этой большой мастерской, занимающейся фальсификацией.

— И все это финансирует фонд Уэллса? — спросил он, переваривая невероятную информацию.

Они стояли молча, пока Перучо рассматривал старинные печатные машины, переписчика, изготовителей бумаги. У него было много вопросов… но все это воспринималось настолько потрясающе — невероятно, что требовалось время, чтобы он смог привести свои мысли в порядок.

— Мне нужно прогуляться, — сказал он.

"El bombín" кивнул и вручил ему ключи от тайной двери.

— Можете вернуться, когда пожелаете.

Перучо долго шел пешком. Теперь, когда он узнал тайну, которую скрывала Барселона, город казался ему другим, более интригующим и соблазнительным. Если этой секретной организации удавалось работать втайне от посторонних глаз, то сколько еще удивительного было скрыто в тени?

Он пришел на рынок Энкантс и стал просматривать стопки старых книг, которые уже столько раз становились ненужными и передавались из рук в руки, а теперь лежали среди поношенной одежды и старой посуды, пока не купил себе три из них. Он никогда не мог побороть этого искушения.

На следующий день он, как обычно, пошел на работу.

И через день — тоже.

Жизнь постепенно возвращалась в привычный ритм. Затем, в четверг "el bombín" подошел к его рабочему месту.

— Перучо, — сердито сказал он, — на этом листе нет полей, переделайте.

Перучо с удивлением уставился на него. Он еще не видел такого прекрасного актера.

— Да, сеньор.

В тот же день Перучо вернулся к узким улочкам и отыскал потайную дверь. Он открыл ее ключом. Роза радостно встретила его.

— И что теперь?.. Что меня ожидает? Моя жизнь… изменится?

Роза улыбнулась.

— Не обязательно. За все эти годы мы поняли, что проще всего секретной писательской деятельностью заниматься так, как это делали вы: работать безо всякого прикрытия.

— Значит… после всего этого… завтра я должен буду как ни в чем не бывало пойти на работу, словно ничего особеного не происходит?

— Да. Именно так. Как будто это место, все эти удивительные машины и творцы, а также эта наша с вами маленькая беседа всего лишь… художественный вымысел.

Грег Иган

*Грег Иган (*gregegan.net*) опубликовал более шестидесяти рассказов и тринадцать романов и является лауреатом премии "Хьюго" и Премии имени Джона У. Кэмпбелла. Среди его последних публикаций — повести* Perihelion Summer *("Лето перигелия") (*Tor.com*) и* Dispersion *("Рассеивание") (*Subterranean Press*).*

Это не путь домой[66]
1

Когда Айша заметила за окном Цзинъи, на мгновение ей показалось, что она видит отражение в стекле. Затянутая в скафандр, но с обнаженной головой, с шлемом, стиснутым в руке, Цзинъи должна была стоять за ее спиной и смотреть в глубину комнаты.

Но нет.

Айша опустилась на колени на пол и заплакала. Это Цзинъи не давала ей впасть в отчаяние. Это Цзинъи сделала план реальностью и нашла силы следовать ему. Но когда сама Цзинъи дрогнула, когда она засомневалась, все попытки Айши подбодрить ее и вновь запустить самоусиливающийся механизм поддержки, что уже почти год не давал им сойти с ума и заставлял бороться, ни к чему не привели.

Айша всхлипывала, пока скорбь немного не ослабила хватку и не предложила ей выбор: последовать за Цзинъи в темноту или сделать шаг назад и попытаться пройти по краю пропасти.

---

[66] Примечания: 66

© Greg Egan, 2019; © пер. К. Егоровой, 2020.

Она поднялась на ноги, подошла к колыбели, подняла Нури и положила в слинг. *Она не может позволить себе сломаться. Ни по этой причине, ни по какой-либо другой.* Дочь крепко спала; Айше даже удалось надеть их совместный скафандр, не разбудив ее. Затем она вышла наружу, чтобы подготовиться к путешествию.

Открытый прицеп багги напоминал транспорт, который она могла в студенческие деньки нанять в Данидине, чтобы перевезти немногочисленную мебель между съемными квартирами. Айша не отпрянула от этого воспоминания; представила рядом с собой Джанни, как он улыбается и поддразнивает ее, суетящуюся над размещением каждого предмета в прицепе. Все стойки были достаточно короткими, чтобы поместиться в прицеп, но она не хотела, чтобы они перекатывались по нему. Поэтому Айша нашла в мастерской стяжки для кабелей и терпеливо объединила стойки в связки, края которых можно было прикрепить к прицепу.

Она уже сложила полотно из сверкающих кремниевых волокон, которое они с Цзинъи ткали последние четыре месяца, но даже в сложенном виде оно занимало так много места, что полностью закрыло ей обзор, когда она присела

на корточки, чтобы его поднять. Айша достала салазки с тросом, погрузила на них сверток и проволокла его через мастерскую наружу, на реголит.

Пока Айша смотрела на серп Земли, Нури проснулась и заплакала.

— Ш-ш-ш, ш-ш-ш!

Она не могла погладить дочь через скафандр, но умудрилась подтолкнуть к ней грудь. Присосавшись, Нури перестала жаловаться и удовлетворенно принялась за еду.

— Мы поедем кататься, — объяснила ей Айша. — Что ты на это скажешь?

Цзинъи смотрела на запад, туда, куда они собирались отправиться вместе, вслед за солнцем. Айша не видела причин класть подругу на грунт; очевидно, та заблокировала сочленения скафандра, чтобы он поддерживал ее тело в вертикальном положении, а значит, не хотела окончить свой путь, лежа в пыли.

Нури перестала сосать и недовольно захныкала; потом опорожнила кишечник, от чего вокруг распространился едкий запах, но ее подгузники были такими же волшебными, как и подгузники Айши, и не нужно было ничего предпринимать, только терпеть вонь.

Айша закончила сборы, накрыла все вещи в прицепе брезентом и начала затягивать ремни.

Покончив с этим, она снова посмотрела на Землю. Айша всегда хорошо ориентировалась на местности; ей было достаточно одного взгляда на далекий шпиль, чтобы отыскать дорогу домой. Но в этом мире ей ближе к дому не подобраться, и мысль о том, чтобы сесть в багги и ехать, пока не станет верным противоположное, казалась самоубийственной. Какое унижение, если наконец прибудет спасательная команда — опоздав всего на каких-то двенадцать месяцев — и завершит свою миссию, со смешками перешептываясь: "Она отправилась на *дальнюю сторону*?"

Статуя Цзинъи сохраняла решимость.

— Ладно, я буду придерживаться плана, — сказала ей Айша. — Точно так же, как поступила бы ты.

2

— Медовый месяц на Фиджи! Спасибо!

Айша благодарно обняла отца, но тот брюзгливо перебил ее:

— В конверте есть кое-что еще. Посмотри внимательно.

Покраснев, Айша выполнила его просьбу, гадая, не прилагалась ли к билету на самолет и бронированию номера в отеле неприлично крупная сумма на карманные расходы. Но листок бумаги, который она проглядела, был билетом совсем иного толка.

— Я посоветовался с Джанни, прежде чем его купить, — сказал ей отец. Это было осмотрительно: лотерейный приз предназначался строго для пар, и если, выиграв, она обнаружит, что ее муж не в состоянии перенести путешествие, оба будут страдать. Уж лучше обойтись без билета.

Той ночью, лежа с Джанни в постели, она обсуждала их шансы.

— Один к ста тысячам, — размышляла она. — Уж скорее меня возьмут в программу подготовки астронавтов.

— Только если ты подашь заявку.

— Да, пожалуй. — Полет в космос проще представить в двенадцать лет, чем в двадцать семь. Ее тронуло, что отец вспомнил про ее детские стремления, но, кажется, он отнесся к ним слишком серьезно. — И мы все равно не выиграем. Выиграет китайская пара.

— Почему? Грызня между Китаем и Америкой не означает, что компания будет отбрасывать

людей из всех остальных стран.

— Нет, но это маркетинговая уловка. "Медовый месяц на месяце!" Кого выбрать мишенью, если не самый крупный рынок?

Джанни удивился.

— Это лотерея с билетами за *тысячу долларов*. Подделка итогов — это не уловка, а обман.

А затем, после ее цинизма и тщательно контролируемых ожиданий, компания показывала розыгрыш в прямом эфире. Пять цифр, извлеченных из шипения реликтового микроволнового излучения, определили победителей, и отделу маркетинга пришлось с этим смириться.

На прощание класс зачарованных девятилеток Айши вручил ей самодельные открытки, надписи на которых варьировали от впечатляюще конкретных просьб привести некие лунные минералы до призывов сделать фотографии различных пластмассовых фигурок (фигурки прилагались) на поверхности Луны. Айша с Джанни прошли медосмотр и отправились в пустыню Гоби, где их ждали вращения в центрифуге и тренировки в космических скафандрах, больше напоминавшие сцены из пародии на документальный фильм, чем полезные навыки для уготованной им роли ветчины в консервной

банке. Однако Айша позволила пиар-машине протащить их по всему странному конвейеру до самой стартовой площадки.

— Это похоже на подготовку к операции, — решил Джанни, когда они в летных комбинезонах ждали машину, которая должна была подвезти их к "Чанъэ-20".

Чжилиня, пилота, эти слова позабавили.

— Только если речь про операцию на мозге, когда ты все время в сознании.

— Вам вообще бывает страшно? — спросила у него Айша.

— В первый раз было, — признался он. — Это странная задача для человека, и она должна казаться противоестественной. Однако так можно сказать про все, чего не делали наши предки: вождение автомобиля, полеты на самолете.

— Прогулки по канату между небоскребами, — вставил Джанни. Айше захотелось его стукнуть, но Чжилинь только рассмеялся.

Глядя из башни обслуживания на бесплодные серые равнины, Айша радостно махала рукой, зная, что отец и ученики смотрят на нее, но, застегнув ремень на кресле в крошечной кабине, она стиснула руку Джанни и закрыла глаза.

— Все будет хорошо, — прошептал он.

Она ждала, пока запустят двигатели, гадая, почему вообще могла желать покинуть Землю. Ей не требовалось увидеть бледно-голубую сферу, чтобы понять: ее родной мир — хрупкий оазис. И если она не в состоянии внушить своим ученикам любовь к науке без столь избитой метафоры, значит, учитель из нее никудышный.

Когда этот миг наступил, она услышала, как под ней разверзлась преисподняя, безумный пожар, что сотряс все хлипкие преграды между огнем и ее плотью. Джанни стиснул ее ладонь, и она представила, как они вместе, вращаясь, летят по воздуху, озаряя пустыню, словно человеческое огненное колесо.

В полетном симуляторе она наблюдала за смоделированным продвижением ракеты по экрану, который помогал перевести каждый шум и толчок на язык ступеней и отделений, но сейчас ей не хотелось интерпретировать подсказки, из опасений ошибиться и решить, будто худшее уже позади, когда в действительности оно едва начнется. От мощи двигателей и дрожи кабины у нее как никогда в жизни болели зубы; это была не операция на мозге, а какая-то безумная стоматология.

А когда все замерло и затихло, она отказалась

верить своим чувствам. Может, она просто оцепенела или ее разум перестал воспринимать происходящее.

— Айша?

Она открыла глаза. Джанни ухмылялся, как безумный. Он достал из кармана ручку и отпустил ее; ручка поплыла в воздухе, как по волшебству, как в кино, словно в паршивом ролике, состряпанном на телефоне. Айша тысячу раз смотрела "2001", но это не могло происходить в реальности.

— Теперь мы астронавты, — сказал Джанни. — Круто, да?

3

Три дня спустя, когда они высадились в Центральном Заливе, Айша ликовала. Она призвала двенадцатилетнюю себя, чтобы в изумлении посмотреть на пылающие днем звезды и древний растрескавшийся базальт, протянувшийся до горизонта, после чего с трудом проковыляла по посадочной площадке, напоминая свою бабушку на занятиях водной аэробикой. Она *знала*, что если сделает *X, Y* или *Z*, то немедленно погибнет ужасной смертью, но не собиралась совершать

фатальных ошибок, от которых ее предостерегли, как не собиралась открывать окно в небоскребе и прыгать вниз.

Центральная база представляла собой обширный комплекс фабрик и мастерских прямо в безвоздушном пространстве, но единственное герметизированное жилище размером не превышало маленький загородный дом, хотя сзади к нему примыкала теплица. Чжилинь представил молодоженов сотрудникам: Цзинъи, ботаник и врач; Мартин, робототехник и горный инженер; и Юн, геолог и астрофизик. Все эти гении с двумя высшими образованиями выглядели лет на тридцать, и поначалу Айша смутилась, но вскоре это чувство сменилось облегчением: завидовать им было все равно что завидовать спортсмену-олимпийцу. Она хотела наслаждаться путешествием и обойтись без иллюзий и сожалений; никаких *если бы только я защитила диссертацию* или *еще не поздно поднять свою карьеру пассажира на совершенно новый, межпланетный уровень*.

Цзинъи описала всю сложную систему потоков питательных веществ и энергии, поддерживавших гидропонные культуры, и терпеливо ответила на многочисленные вопросы, которые Айше вручили ее ученики. Мартин показал им ге-

лиотермальную плавильню, которая превращала базальтовые обломки в полезные материалы; правда, до настоящего времени это преимущественно было кварцевое волокно для детища Юна. Космическая праща представляла собой вращающийся кабель, длина которого достигала трети диаметра Луны. Юн скручивал его, пока нижний конец над поверхностью не начал так стремительно вращаться в противоположном направлении, что компенсировал орбитальную скорость. Он напоминал спицу огромного колеса, катящегося по экватору Луны; только его воображаемая траектория пролегала в нескольких километрах над их головами, и они могли прыгать сколь угодно высоко, не опасаясь их лишиться. Когда-нибудь праща будет поднимать на орбиту грузы и припасы и закидывать их в сторону Марса. Но сейчас это был просто чудесный опытный образец, неутомимый, гиперактивный палочник, кувыркавшийся над головой.

Когда они вернулись в свою комнату, Айша позвонила отцу через "Скайп". Трехсекундные задержки были очевидны, но между континентами бывала связь и похуже.

— Ты хорошо себя чувствуешь? — спросил он. — Тебе не стало плохо после полета?

— Отнюдь. — С рвотой она покончила еще на корабле.

— Я так тобой горжусь. И мать бы тобой гордилась!

Айша просто улыбнулась. Было бы жестоко возражать, что она всего лишь приняла его подарок.

Закончив разговор, она плюхнулась в кресло и вздохнула.

— Напомни, где мы?

— Завидуешь моей сестре, которая плавает с аквалангом на рифах? — пошутил Джанни.

Они отдали ей поездку на Фиджи. Было бы слишком жадным согласиться на оба путешествия.

— Нет.

Некоторые комментаторы пренебрежительно писали, что плавильня — не лучшая туристическая достопримечательность. Но на самом деле здесь не было ничего обыденного.

— Они ведь не снабдили нашу комнату камерами? — осведомился Джанни.

Айша надеялась, что он шутит; какой бы ни была их роль, все-таки они не являлись участниками реалити-шоу. Но она выключила компьютер. На всякий случай.

Они поцеловались, нерешительно, опасаясь, что любое простое движение может привести к фиаско. Все, что не было закреплено на липучке или магните, могло превратиться в коварную банановую кожуру.

— Если заберемся в мешок, все будет хорошо, — сказала Айша.

Они раздели друг друга, стараясь не смеяться, не зная, насколько тихо нужно себя вести, чтобы не услышали соседи.

— Когда твой отец спросил, соглашусь ли я на это путешествие, я едва не отказался, — признал Джанни.

Айша нахмурилась.

— Как это возбуждает.

— Я пытаюсь быть честным.

— Я шучу! — Она поцеловала его. — Много раз я сама была готова отказаться.

— Что ж, я рад, что мы согласились, — сказал он. — Потому что не сомневаюсь: это сделает нас счастливыми до конца жизни.

4

Айша настроила основной дисплей своих часов на время в Данидине, чтобы не пропустить вы-

ступление перед школой. Она проснулась около шести, приняла душ, затем подошла к спальному мешку и ногой толкнула Джанни в плечо.

— Ты хочешь встать и позавтракать?

Прищурившись, он посмотрел на свои часы.

— Сейчас два часа ночи!

— Только в Пекине. Ну давай, ты должен находиться рядом со мной, когда я буду беседовать с детьми, иначе они потратят весь час на вопросы о том, чем ты занимаешься.

Поев и приведя себя в порядок, они устроились перед компьютером и включили его. Он загрузился без проблем, но когда Айша запустила "Скайп", программа сообщила ей, что отсутствует соединение с Интернетом.

— Может, мы вне радиуса действия тарелки, — предположил Джанни.

— Я думала, мы всегда должны быть в радиусе действия.

Наземные станции располагались в Монголии, Нигерии и Гондурасе, и никто в тренировочном лагере не упоминал о конкретном временном окне для связи с Землей.

Джанни нахмурился.

— Ты слышала?

Тихий хлопок, словно закрылась внутренняя

дверь шлюзовой камеры.

Они вышли в общую комнату. Мартин только что вернулся с поверхности; он был в скафандре и держал в руке шлем.

— У нас проблемы со связью, — сообщил он.

— О. — Айша помедлила. — Это легко починить?

Забудь про разочарованных учеников; Мартину с коллегами сидеть здесь еще четыре месяца, и если у них нет под рукой нужных запасных частей, связь может не появиться до прибытия нового экипажа.

— Не знаю, — ответил он. — С нашей стороны все в порядке.

— Ладно. — Айша не понимала, почему, судя по его тону, это были скверные новости. — Значит, если мы переключимся на другую тарелку…

— Мы уже должны были переключиться, — сказал Мартин.

— Значит, проблема в центре управления полетом? — предположил Джанни.

— Нет, — устало произнес Мартин. — Мы должны получать сигнал от самих тарелок, вне зависимости от того, что происходит в Дунфэне.

Айша окончательно растерялась.

— Как могли одновременно возникнуть две

проблемы с двумя тарелками, между которыми полмира?

— Понятия не имею, — покачал головой Мартин.

Другие члены экипажа по очереди присоединились к ним, разбуженные разговором или встревоженные отсутствием связи на их собственных устройствах. Юн обсудил технические детали с Мартином, затем приступил к каким-то дополнительным тестам. Насколько поняла Айша, Мартину удалось установить соединение с портативным автономным трансивером, симулировавшим протоколы, которым они обычно следовали при взаимодействии с наземной станцией. Антенна Центральной базы не требовала специального нацеливания; Земля, по сути, представляла собой стационарный объект, а тонкую подстройку осуществляли на другом конце. Однако у Юна была теория про некий таинственный дефект, который не давал им видеть дальний приемопередатчик, но не препятствовал соединению с прокси.

Джанни попытался обратить все в шутку.

— Дома мы бы просто перезагрузили модем, но здесь нужно держать ухо востро, на случай если мы переместились в другое измерение, где

Землей правят динозавры.

Рассмеялся только Чжилинь, но он когда-то пилотировал коммерческие воздушные суда. Он должен был уметь успокаивать пассажиров, что бы ни происходило в его собственной голове.

Вернулся Юн.

— Это не у нас, — сообщил он. — Проблема дома.

Мартин и Цзинъи уставились на обеденный стол, но Джанни не выносил тишину.

— Может, американцы взломали все китайские наземные станции? Может, это что-то вроде… упреждающей кибератаки? — Он не стал упоминать о причине, но недавнее обострение было связано со слухами об орбитальном оружии.

— Не думаю, что все зашло так далеко, — возразила Айша.

Юн повернулся к ним.

— У вас запланирован осмотр достопримечательностей, а я уже в скафандре. Мы окажемся в зоне действия следующей тарелки только через пять часов, и нет смысла сидеть здесь и волноваться.

Айша и Джанни облачились в свои скафандры, и все трое через шлюз вышли наружу. Айша изо всех сил старалась сосредоточиться на зрелище

и отточить свою реголитную походку. Не важно, что поверхность вокруг них выглядела так, словно ее расплавил ядерный взрыв, а вызывавшая клаустрофобию теснота скафандра наводила на мысли о защите от радиоактивных осадков.

Юн шел посередине, рассказывая теорию о том, что на дальней стороне меньше морей, чем на ближней, поскольку столкновение со вторым, намного более маленьким, спутником сделало там кору Луны толще, когда Айша услышала регулярный писк.

— Кто-нибудь еще это слышит? — спросила она, опасаясь, что это некая тревога, хотя ей говорили, что даже сломавшийся скафандр всегда вежливо предупредит своего владельца на выбранном им языке.

— Прошу прощения, это радиомаяк с пращи. — Юн что-то сделал, и звук стих. — Иногда я его слушаю, просто чтобы убедиться, что он еще на месте.

— А куда ему деваться? — удивился Джанни.

— Микрометеор может рассечь его пополам.

— Что же в таком случае микрометеор может сотворить с нами?

— Не беспокойтесь, мы намного более мелкие мишени.

К их возвращению ожидание почти подошло к концу. Мартин сидел, сгорбившись, над панелью управления в общей комнате, и глядел на экран. Айша постаралась подготовиться к тому, чтобы не принимать очередную порцию молчания слишком близко к сердцу; у него могло иметься совершенно невинное объяснение, до которого никто из них не додумался.

— Ничего, — сообщил Мартин. — Они все не работают.

— Вы можете попробовать настроиться на одну из тарелок НАСА? — спросил Джанни.

— Они не нацелены на нас.

— А что насчет телевещания?

Мартин нетерпеливо поморщился.

— Единственная антенна, которой хватит чувствительности, чтобы поймать это дерьмо, находится на той стороне, именно для того, чтобы его не ловить.

Джанни пристыженно кивнул.

— Ладно. И что в итоге? Нам надо просто расслабиться и надеяться, что они скоро все починят?

— Само собой, — ответил Чжилинь. — Пара дней без Интернета еще никому не повредила.

5

Молчание продолжалось, и Айша поняла, что на ситуацию можно посмотреть с двух сторон. С одной стороны, для нее и Джанни невозможность связаться с Землей являлась легким неудобством — как и, вероятно, для постоянных обитателей базы, по крайней мере в краткосрочной перспективе. При условии, что проблема с сетью китайских наземных станций не была государственной тайной, у родственников не было причин тревожиться об отсутствии связи. Отец все равно будет волноваться, но по крайней мере будет знать, почему не может с ней поговорить.

С другой стороны, если исключить атаки — кибернетические или какие-то другие, — что еще могло произойти на трех отдельных станциях, что потребовало столь длительного ремонта? И если Пекин с Вашингтоном просто дулись друг на друга, наземные станции в Испании или Австралии наверняка установили бы связь с Центральной, просто чтобы сообщить, что происходит.

Но даже в разговорах с Джанни Айша придерживалась первой версии и пресекала все

пессимистические спекуляции.

— Нам не нужно разрешение Земли, чтобы улететь домой, — напоминала она ему. — Здесь не столько желающих, чтобы нам требовался полетный план, одобренный управлением воздушным движением.

Вероятно, Чжилинь предпочел бы получить метеосводку, прежде чем отправляться в Дунфэн, но в принципе они могли совершить полет, даже если все население Земли вознеслось на небеса, и последний, уходя, выключил свет.

Айша проснулась, потому что Джанни звал ее по имени.

— Что-то происходит! — прошептал он. — Они сидели в общей комнате и спорили, а теперь кто-то отправился наружу.

— Спорили о чем?

Айша не была уверена, что хочет знать ответ, но Джанни был слишком возбужден, чтобы посоветовать ему перестать волноваться и лечь спать.

— Не знаю, они говорили по-китайски.

— Может, кто-то наконец понял, что проблема у нас, и они отправились ее исправлять.

— Я пойду выясню.

— Нет, лучше…

Поздно, он уже выбрался из спальника. Айша

смотрела, как он одевается при красном свете ламп безопасности. Она устала от постоянного фона тревоги и паранойи, но через два дня они отправятся домой, а через пять получат ответы на все свои вопросы.

Он вышел из комнаты, и Айша услышала, как он беседует с Цзинъи. Поначалу они говорили слишком тихо, и она не могла разобрать слов, но потом Джанни перешел на крик.

— Это что, чертова шутка? — заорал он.

— Пожалуйста, не пытайтесь ничего предпринять! — попросила его Цзинъи.

Айша вылезла из спальника и присоединилась к ним. Джанни расхаживал по комнате, обхватив себя руками.

— Что происходит? — спросила она.

– Они собрались домой!

— Что?

— Они боятся, что в случае серьезной ситуации Земля еще долго не пошлет другой корабль.

Айша была потрясена. "Чанъэ-20" могла взять на борт только трех пассажиров и пилота, а значит, все шестеро не могли улететь одновременно, но мысль, что Земля бросит здесь экипаж базы, казалась безумной.

— Значит, мы останемся здесь?

Цзинъи покачала головой.

— Вы гости; вас пригласили сюда, чтобы создать имидж компании. Ради вашего спасения они приложат намного больше усилий. А мы подписали годовой контракт, и нас готовили к более длительному пребыванию. Они не будут спешить с нашим спасением.

Айша разрывалась между негодованием и сочувствием; быть может, логика дезертиров была верна. Но если пять дней тишины действительно означали, что на Земле все плохо, Айша очень сомневалась, что для спасения брошенной инфраструктуры за миллиарды долларов будет достаточно немного надавить на отдел по связям с общественностью.

— Я их остановлю, — заявил Джанни. Направился к шлюзу и начал влезать в скафандр.

Цзинъи повернулась к Айше.

— Вы должны его отговорить. Здесь слишком опасно затевать драку.

— Я просто поговорю с ними! — сердито огрызнулся Джанни.

— Вы можете поговорить с ними отсюда, — сказала Цзинъи, показав на консоль. Джанни проигнорировал ее, но Айша вместе с Цзинъи подошла к консоли и села за микрофон.

— Юн? Мартин? — попыталась она. Ответа не было. — Пожалуйста. Мы можем это обсудить?

Джанни надел все, кроме шлема.

— Они не передумают и не вернутся только потому, что ты вежливо их попросишь!

— И что ты собираешься сделать, чтобы заставить их передумать?

— Они не смогут меня игнорировать, если я буду стоять прямо перед ними.

— По-моему, идти на прямой конфликт — плохая идея. — Скафандры были достаточно прочными, но ей не хотелось никаких стычек в безвоздушном пространстве. — В любом случае, возможно, они уже на корабле.

— Посмотрим.

Джанни надел шлем и шагнул в шлюз.

Айша словно оцепенела. Если она пойдет за ним, усугубит ли это ситуацию? Услышав, как закрылась наружная дверь шлюза, она нажала кнопку рядом с микрофоном.

— Джанни?

— Что?

Он тяжело дышал, словно пытался бежать. До стартовой площадки было пятьсот метров, но ему не удастся догнать людей, которые ушли на десять минут раньше.

— Оставь эту затею. Быть может, они пришлют другой корабль через неделю.

— Черта с два! Это наш транспорт домой, и они его не получат!

— Вернись!

Джанни не ответил.

— Я должна его остановить, — решила она.

Пока Айша надевала скафандр, Цзинъи потерянно смотрела на нее. Почему она не ушла вместе с другими? Ей бы хватило места на корабле. Быть может, они тянули соломинки, чтобы выбрать няньку для них. А может, ей хватило порядочности, чтобы не бросать двух новичков, которые и дня не продержатся в одиночку.

Выйдя из шлюза, Айша заметила вдалеке Джанни, который прыгал по камню, словно завернутый в фольгу кенгуру. На стартовой площадке никого не было видно.

— Вернись, идиот! — позвала она. — Мы справимся!

Даже если придется ждать год или два, Цзинъи знала, как добыть пищу и сделать базу пригодной к жизни.

Джанни не остановился. Айша поковыляла вперед со всей возможной скоростью, смирившись с тем, что не догонит его.

Джанни добрался до стартовой площадки, и Айша остановилась в надежде, что он поверит своим глазам и смирится. Чжилинь проводил последнюю проверку систем перед стартом, и никто не собирался выходить из корабля, чтобы обсудить свои планы. Быть может, дезертиров ждала тюрьма; Айша не знала правовых аспектов, но помнила, что какого-то капитана морского судна посадили в тюрьму за то, что он покинул тонущий корабль, оставив пассажиров на борту.

Джанни вскарабкался по лесенке к люку. Айша не видела, чем именно он занят, но предположила, что он колотит по корпусу.

— Я не уйду, пока вы не выйдете! — крикнул он.

— Прекрати! — взмолилась Айша.

Сперва она услышала дребезжание по рации, затем ощутила легкую дрожь под ногами. Айша уставилась на посадочный модуль; она не видела вырывающихся из двигателей языков пламени, но, быть может, они были слишком размытыми.

— Слезай! — сказала она Джанни, надеясь, что тот прислушается к ноткам ужаса в ее голосе, раз все остальные просьбы не возымели действия.

— Они блефуют! — ответил Джанни. — Они не взлетят.

— Прыгай и беги, или я никогда тебя не прощу! — Теперь она видела призрачное синее пламя, мерцавшее у основания посадочного модуля. — *Прыгай!*

— Выключите двигатели и выходите! — приказал Джанни своим противникам.

Однажды Айша наблюдала, как он встал, непоколебимый и непреклонный, перед набитой головорезами машиной и велел им выйти и встретиться с ним лицом к лицу, после того как они оскорбили Айшу. Для Джанни собственная правота приравнивалась к неуязвимости.

Посадочный модуль начал подниматься: на пять метров, затем на десять. Айша невольно всхлипнула, потом затаила дыхание, глядя, как Джанни наконец отпускает лестницу. Невесомый, он неторопливо, будто во сне, отделился от космического корабля и, медленно переворачиваясь, влетел в синее пламя выхлопа.

6

Багги нуждался в солнечном свете, поэтому Айша придерживалась неторопливых шестнадцати километров в час; не было смысла истощать его энергию. Солнце будто застыло в небесах, и

слабые изменения освещенности, к которым она привыкла, не были заметны, что создавало у нее ощущение стазиса, особенно странное с учетом ландшафта. Айша следила за продвижением багги по GPS и пыталась отвлечься, пробуя соотнести кратер или борозду, которую видела перед собой, со спутниковой картой, однако за несколько дней бесконечные вариации одного и того же заставили ее почувствовать себя так, будто она застряла в скучной компьютерной игре, которую генерировала машина. Получилось в высшей степени правдоподобно, но ей хотелось, чтобы кто-то вмешался и добавил зеленый куст, пару зданий, человеческую фигуру.

Периодически Нури выражала протест против открывавшегося перед ней вида, намного более монотонного. Айша пыталась успокоить ее, хотя крики были обоснованными; никто не должен мириться с подобной сенсорной депривацией, даже если выбора нет, и остается только терпеть.

Скафандр перерабатывал всю воду, которую только мог, и Айша выкачивала порции жидкой пищи из резервуара в задней части багги. Когда она отдавала скафандру команду сделать лицевой щиток непрозрачным, уснуть было нетрудно при условии, что Нури не возражала.

Багги следовал по плавному, безопасному маршруту, проложенному на местности, которая была нанесена на карту до последнего сантиметра и, возможно, не менялась на протяжении миллиардов лет. Вряд ли им грозило столкновение с животным или аквапланирование.

Они приблизились к девяноста градусам долготы, и Айша оглянулась на Землю, повисшую над горизонтом. Что бы ни натворили эти идиоты, вряд ли им удалось сделать голубую планету полностью необитаемой. Быть может, они лишились средств для отправки радиосигнала — не говоря уже о ракете — к своему ближайшему соседу, но так человечество жило на протяжении большей части своей истории. Пока воздух был пригодным для дыхания, а почва — для выращивания урожая, возвращение туда стоило любых усилий.

"Почему праща не опускается?" — как-то спросила Айша у Юна. Дистанция в шесть километров над базой казалась чрезмерной предосторожностью.

"Потому что если она опустится здесь, то заденет поверхность в других точках своей орбиты, — объяснил он. — Существует шесть мест, в которых одна из подвесок опускается низко. Поэтому орбита должна быть достаточно высокой, чтобы

везде оставался просвет".

Шесть месяцев спустя, когда Айша и Цзинъи придумывали свой план, они обсуждали, не сделать ли орбиту пращи эллипсоидной, чтобы та проходила низко над базой, но не попадала на возвышенности на дальней стороне. Однако ионному двигателю хаба потребовалось бы несколько месяцев, чтобы выполнить маневр, и всего за две недели дальняя и ближняя стороны вновь вернулись бы на прежнее место.

Поэтому, вместо того чтобы сделать орбиту эксцентрической, они оставили ее круговой, но сузили настолько, насколько позволяли пределы безопасности, зашитые в навигационную систему хаба. Теперь в точке на дальней стороне от Центральной базы низ кабеля проходил в десяти метрах от поверхности.

Когда багги прибыл в точку назначения, Айша подняла глаза к звездному небу, пытаясь не съежиться на сиденье при мысли о падающей на нее плети длиной тысячу километров.

Нури проснулась и заплакала.

— Знаю, — сочувственно сказала ей Айша. — Твоя мать воняет, и тебе надоело смотреть на ее подбородок.

Она выбралась из багги и несколько минут рас-

хаживала вокруг, чтобы дать мышцам понять: вынужденное безделье окончено. Потом отсоединила прицеп и принялась за работу.

Она сняла с багги каркас безопасности, открутив все болты и убрав каркас из трубок. Потом взяла из прицепа тканое кремниевое полотно и переместила в багги, аккуратно разложив петли соединительных шнуров вокруг отверстий, к которым нужно было вновь прикрепить каркас.

Она взяла из прицепа двенадцать стоек и собрала из них прямоугольную башенку высотой полметра, закрепив две лишних стойки поперек вершины, после чего завела на нее багги. Если бы она не репетировала все это десятки раз на станции, то уже впала бы в панику, однако теперь эта часть казалась такой же обычной, как параллельная парковка на автомате.

Нури заплакала громче.

— Ш-ш-ш, милая, все будет хорошо, — пообещала Айша. — Просто представь, что это гибрид монстр-трака и "Лего".

Она добавила к первой башне вторую; вместе их высота составляла целый метр. Багги перебрался на вершину без возражений; он знал свои возможности, оценил ее команду и счел ее выполнимой. Однако прочность башни была вне

его компетенции; обеспечение устойчивости конструкции являлось задачей строителя.

Уровень за уровнем она поднимала помост, и багги следовал за ним. Когда высота башни достигла семи с половиной метров, Айша спустилась вниз и отошла назад, чтобы изучить свое творение. Цзинъи видела, как она проделывала все это на тренировках, но, очевидно, этого оказалось недостаточно, чтобы составить Айше компанию.

Айша направилась к прицепу и взяла волшебную шкатулку, которую Цзинъи нашла в мастерской Юна. Активировала ее и проверила статус пращи. Следующий раз она пройдет над этим местом через двадцать минут.

Если лунная GPS по-прежнему работала точно и Айша с пращой использовали одну систему координат, магнитный крюк на конце кабеля опустится прямо над багги, остановится в полуметре над каркасом безопасности и снова поднимется. При выключенном магните багги не шелохнется, но Айша должна была убедиться, что встреча пройдет именно по такому сценарию. Она вновь вскарабкалась на башню и направила видеорегистратор багги в небо.

Когда подошло время, Айша легла плашмя на

землю. Крюк не должен опускаться настолько низко, чтобы задевать скалу; это отразилось бы на всей праще. Но если реальный предел безопасности окажется ниже заявленного, Айша может узнать об этом, лишь получив доказательством по голове.

Нури повернула личико к Айше, хотя они не могли посмотреть друг другу в глаза.

— Ты моя красавица, — ласково произнесла Айша. — Сама знаешь, что это так.

Она выждала несколько минут, на случай, если расчетное время было неправильным, потом встала. Скафандр всячески пытался ей помочь.

Башня стояла на месте, багги не шелохнулся. Айша через скафандр подключилась к регистратору и воспроизвела запись в замедленном режиме.

Лицевая пластина стала непрозрачной, потом заполнилась звездами.

— Перематывай вперед, пока что-нибудь не изменится, — велела она.

Округлый силуэт приблизился к ней, увеличиваясь, закрывая звезды. По мере приближения его движение замедлилось, словно Айша смотрела на самую большую в мире фрисби, подходившую к верхней точке своей траектории.

Когда силуэт начал удаляться, Айша остановила воспроизведение. Судя по размеру, высота примерно соответствовала ожидаемой, однако праща была метров на шесть смещена относительно центра. Придется разобрать башню и собрать вновь в правильном месте.

Она не стала торопиться и пытаться закончить все за одно прохождение орбиты; если башня рухнет, и багги опрокинется, это будет конец. За работой она мурлыкала для Нури; пение было бы лучше, но от него слишком пересыхало в горле.

Пять часов спустя она все сделала и сидела, пристегнувшись, в багги высоко над скалой. Она велела хабу включить электромагнит пращи и запрограммировала время выключения с точностью до миллисекунды. Теперь весь процесс зависел не от нее.

Нури спала.

— Мы увидим дедушку, — прошептала Айша. — Очень скоро.

Она сидела и следила за обратным отсчетом, красные цифры которого отображались на лицевой пластине. За две секунды до расчетного времени Айша готова была поверить, что ничего не произойдет, и она останется здесь навечно. Через две секунды после расчетного времени

чувство, будто половина земного веса вжимает ее в сиденье, из шока превратилось в восторг. Ландшафт стремительно уходил из-под ног, однако багги еще не наклонился на ощутимый угол, а хаб находился на недосягаемой высоте.

Нури проснулась, но, похоже, ее все устраивало. Быть может, ей понравилось, что ее сильнее прижимало к матери. Быть может, она всегда знала, что ей нужно больше веса, больше силы, больше трения, чтобы жить счастливо.

Айша говорила с ней, объясняя, что происходит, потом мурлыкала, пока Нури ела. Через десять минут подъема поверхность Луны оказалась слева, отвесная стена серого камня, напоминавшая далекую скалу. Однако в багги низ по-прежнему был низом; центробежная сила превосходила лунную гравитацию. Скала медленно отступила и наклонилась, став невероятной крышей над темной пластиной магнита, и Айша наконец вновь увидела мир, где пребывала в заточении, как простой диск в небесах. Что бы ни случилось дальше, по крайней мере она оттуда выбралась.

За несколько градусов до полного переворота магнит отключился, и багги упал в пустоту. Айша вцепилась в сиденье и приборную панель, но затем невесомость перестала казаться опасной, а

когда магнит скрылся из виду, больше ничто не говорило о том, что они движутся.

Нури похныкала без особого энтузиазма, затихла и стала обдумывать перемену.

— Теперь мы астронавты, — сказала ей Айша. — Круто, да?

7

Они покинули Луну со скоростью, превышавшей скорость большинства ракет, и голубая планета росла быстрее, чем уменьшалась во время первого путешествия. Багги медленно вращался, на один оборот у него уходило несколько часов, и всякий раз, когда Земля поднималась над приборной панелью, Айша могла оценить ее рост по отношению к приборам.

Для скафандра не было разницы между лунной поверхностью и открытым космосом; он продолжал очищать воздух и поддерживать приемлемую температуру. Жидкая пища утратила свою характерную непривлекательность и слилась с общим фоном зуда и грязи. Живот Айши раздулся, словно от голода, но она не голодала.

Через два дня после того, как их отпустила праща, Земля заполнила почти полнеба. Какие бы

ошибки Айша ни совершила в своих расчетах, по крайней мере она не отправила багги прямиком на Солнце. Она смотрела на Африку и с надеждой видела, как при наступлении ночи зажигаются огни в городах.

Она боялась, что слишком рано лишится солнечной энергии, но, следуя за раскинувшимся внизу континентом в ночь, принялась разворачивать кремниевое полотно и накрывать им багги. В этой странной палатке она с трудом различала окружающие предметы при свете лампочек панели управления.

Они должны были пройти сквозь слои воздуха, достаточно плотные, чтобы багги замедлился и попал в поле действия притяжения Земли, но не настолько плотные, чтобы расплавился импровизированный теплозащитный экран. Они с Цзинъи объединили свои знания и как можно тщательнее провели компьютерное моделирование, но на базе не было справочников по профилям атмосферных плотностей, и даже знай они предмет в совершенстве, им бы не удалось учесть мезосферные капризы.

Айша почувствовала первые свидетельства нагрева через перчатки, коснувшись рамы багги. Она отдернула руки, и ей на помощь пришла

сила сопротивления, оттолкнув ее от сиденья и заставив повиснуть на ремне, словно пассажира в опрокинувшейся после аварии машине. Полотно перед ней начало испускать тускло-красный свет, тепловое излучение ударило в лицевую пластину; скафандр лихорадочно поглощал тепловую энергию сплавом с фазовым переходом, но этого надолго не хватит.

Нури забеспокоилась, но не испугалась. Айша еще не испытывала боли, однако вспомнила холодные ночи, когда ложилась слишком близко к электрообогревателю, и изначально уютное тепло начинало казаться опасным.

Сила ослабела; свечение угасло. Айша проверила показания акселерометра багги. Все прохождение заняло четыре минуты, меньше, чем предсказывали расчеты.

Она ввела данные в свою модель. Багги достаточно сбросил скорость, чтобы Земля его притянула, однако он достигнет апогея примерно в ста тысячах километрах отсюда. И хотя затем он вновь приблизится к Земле, на этот раз его скорость будет меньше, а значит, и сопротивление окажется ниже. Модель показывала кошмарную последовательность поступательных изменений: потребуется шестьдесят три оборота, на

которые уйдет почти пятьдесят дней, прежде чем они опустятся достаточно низко, чтобы раскрыть парашют.

Оставаться на Центральной базе в ожидании спасения было невыносимо. Любой риск казался оправданным, даже если узкая дорожка домой пройдет между гибелью в огне и медленной смертью от голода. Но теперь Айша понимала выбор Цзинъи: больше всего та боялась, что ей придется наблюдать, как ее подруга и ребенок, которому она помогла появиться на свет, умирают рядом, когда кончается пища, высыхает вода и воздух становится непригодным для дыхания.

Айша осторожно приподняла полотно, чтобы дать скафандру возможность избавиться от избытка тепла. Быть может, в модели были какие-то скрытые ошибки, и ситуация еще обернется в ее пользу. Она почувствовала, как Нури шевельнулась и прижалась к ней шершавой от сыпи теплой щекой.

Случай их не спасет. Если предоставить дело случаю, они погибнут.

Айша смотрела, как планета медленно удаляется. Теперь их скорость и высоту при следующем вхождении в атмосферу нельзя изменить. Остается только… что? Торможение будет зависеть

от их формы и площади, которую они подставят воздушному потоку. Полотно было намного больше рамы багги, поскольку ему предстояло стать парашютом, но если Айша попробует сейчас прицепить его сзади, беззащитный багги сгорит. Если бы она захватила половину стоек с башни, ей бы, возможно, удалось бы растянуть полотно и сделать щит побольше, но все стойки остались на дальней стороне Луны.

Нури спала и просыпалась, ела и испражнялась, ни о чем не догадываясь. Айша не могла смириться с тем, что ее дочь умрет в три года от несчастного случая, или подростком, когда механизмы Центральной базы начнут отказывать, или, если машины будут работать безукоризненно, самым одиноким долгожителем в истории.

Но с этим она тоже не могла смириться.

Она закрыла глаза и представила чудесное полотно, которое они так долго ткали вместе с Цзинъи, как оно трепещет над головой, а багги медленно планирует к зеленому полю или спокойному морю. Полотно, натянутое благодаря аэродинамической силе. Но когда они коснутся непригодной для дыхания, разреженной мезосферы… какое давление изнутри понадобится, чтобы надуть "палатку", превратив ее в шар?

Не слишком высокое.

Айша открыла глаза и провела вычисления. Это было возможно. Она полагала, что может так сделать и остаться в живых.

Она дождалась, чтобы до перигея оставался всего час, давая батареям зарядиться. Потом раскинула полотно вокруг багги и как можно крепче привязала шнуры к отверстию сзади. Шар не будет герметичным, но ему придется удерживать содержимое всего несколько минут.

Она проверила время и велела скафандру начать выпускать воздух.

Полотно осталось обвисшим и смятым.

— Выпускай больше, — приказала она.

— При этом резерв упадет ниже безопасного уровня, — сообщил скафандр.

Айша взялась руками в перчатках за шлем и повернула его. Скафандр попытался ее отговорить, но Цзинъи доказала, что это можно сделать. Герметичность нарушилась, воздух со свистом вышел, полотно натянулось в вакууме.

Айша повернула шлем в обратную сторону. Сделала вдох. Воздуха не хватало. Вдохнула глубже; у нее закружилась голова, но она не начала задыхаться.

Кремниевый шар начал съеживаться под воз-

действием стремительного потока разреженного воздуха снаружи. Айша лицом ощутила нарастающий жар, пробившийся сквозь дурноту.

Торможение швырнуло ее вперед; чуть слабее, чем в прошлый раз, но намного сильнее, чем предсказывали ее поспешные расчеты. Она следила, как идет время, пока вновь не почувствовала невесомость. *Три минуты.*

Айша сверилась с акселерометром. Еще шесть орбит — и они по спирали направятся к Земле.

Нури радостно залопотала, издавая звуки, которых Айша никогда прежде не слышала. Она позволила себе всплакнуть — из-за Джанни, из-за Цзинъи, из-за хаоса, который мог ждать ее внизу.

Потом она взяла себя в руки и принялась тихо напевать дочери в ожидании того момента, когда они смогут вновь посмотреть друг другу в глаза.

Чинело Онвуалу

*Чинело Онвуалу (*chineloonwualu.wixsite.com/author*) — нигерийская писательница и редактор, проживающая в Торонто. Она является соосновательницей "Оменана" — журнала африканской фантастики, а также в прошлом была пресс-секретарем "Африканского общества фантастики". В 2014 году Онвуалу как обладательница стипендии Октавии Э. Батлер посетила писательские курсы на Кларионском фестивале для молодых писателей-фантастов. Ее рассказы публиковались в журналах "Slate", "Uncanny", "Strange Horizons", "The Kalahari Review", и "Brittle Paper", а также в литературных антологиях "Новые солнца" и "Союз матерей: Истории в жанре афрофутуризма и не только".*

Что сказал мертвец

Думаю, можно сказать, что все началось с грозы.

За тридцать лет я не видела ничего подобного. С тех самых пор, как переехала из Ткаронто[67], который находится в Северной туземной зоне Острова Черепахи, и который поселенцы-колонисты до сих пор упрямо называют "Северной Америкой". Я уже забыла, какой необузданной и могучей бывает стихия: угрюмые грозовые облака черными кляксами закрыли солнце, так что полдень в мгновение ока сменился вечером, а затем начался дождь, да такой свирепый, словно небеса стремились причинить людям зло.

Я сидела в пустом пассажирском терминале в гавани реки Нигер, ожидая автобуса, и смотрела, как дождевая вода серебристыми струйками стекала по мостовой, устремляясь в узкие впадины между выложенной солнечными панелями дорогой и канавами. Паром давно уплыл вверх по реке в самое сердце земли Игбо, оставив меня

---

[67] Примечания: 67

© Chinelo Onwualu, 2019; © пер. Н. Нестеровой, 2020.

Название города Торонто на языке индейского племени могавков.

одну в этом чужом для меня мире.

На мониторе с противоположной стороны улицы крутили какую-то голографическую рекламу средства от бесплодия. Из-за дождя изображение казалось нечетким, но я смогла разглядеть полную и невероятно счастливую женщину в новой красной геле[68]. Ее кожа, которая была подсвечена лучами солнца, созданного с помощью компьютера, отливала золотом, она прижимала к себе только что родившегося младенца и танцующей походкой направлялась к семейному храму. Женщину окружали радостные члены семьи, но она остановилась перед величественной пожилой четой и показала им ребенка. Старик с ласковой улыбкой взял его на руки, а женщина протянула руки к молодой матери, которая опустилась перед ними на колени, ожидая благословения. В финале ролика появился крупный план лица улыбающейся матери, а в углу замерцал логотип компании, лечащей бесплодие. Я отвернулась, прежде чем мои глазные импланты успели синхронизироваться со звуковым рядом рекламного ролика, однако мне удалось уловить

[68] Примечания: 68
Повязка на голову, которую носят нигерийские женщины.

смысл слогана: "Не позволим жизни в Биафре[69] угаснуть".

Мой искусственный интеллект оповестил меня о прибытии автобуса. Когда я покинула Нигерию и оказалась в Новой Биафре, мой интерфейс автоматически переключился на язык игбо. Английский и анишинаабский языки здесь не распознавались. Я уже несколько десятилетий не говорила на игбо, но в его музыкальности слышалось нечто нежное и родное, как будто все это время он просто ждал, когда ему наконец-то удастся оказаться в поле моего внимания. Я не сразу обратила внимание на звуковые сигналы, так как мне хотелось еще немного полюбоваться дождем. Я будто надеялась, что он сейчас смоет всю эту реальность и я смогу вернуться к той тихой жизни, которую построила для себя по другую сторону Атлантики.

"Нельзя откладывать это вечно".

Я нахмурила брови и вздохнула. Мертвец был прав. Это похоже на процесс модификации тела. Ты испытываешь ужасную боль, но в итоге становишься совершенно новым человеком. Я накинула на голову капюшон моего плаща-

---

[69] Примечания: 69
Биафра — непризнанное государство в юго-восточной части Нигерии.

дождевика, надела на плечи рюкзак и вышла навстречу грозе.

Однако на самом деле все началось с сообщения, которое я получила двумя днями ранее. Мой отец скончался — по крайней мере мне так об этом сообщили. Но все это казалось мне нереальным. Во всяком случае, в тот момент.

Реальность для меня заключалась в том, что я вернулась в Оничу — мой родной город. И хотя я все свое детство бродила по его узким красным улочкам, это место показалось мне чужим, пока я проезжала по нему, ссутулившись в пассажирском салоне автоматического микроавтобуса. Как я могла забыть, каким все здесь было компактным, как будто этот город построили для того, чтобы разместить в нем как можно больше людей, которых давно уже нет на этом свете? Бабушка с дедушкой рассказывали мне, что столетие назад на этих не тронутых цивилизацией улицах проживало более полумиллиона человек. Сейчас же от них не осталось и половины…

Микроавтобус плавно ехал по Нигерийской авеню, время от времени останавливался, чтобы высадить пассажиров или пропустить пешеходов, переходивших дорогу. Когда мы проезжали Фегдже, я увидела старинные дома, в которых

жили семьи этого района: постройки из бетона, приземистые строения с жестяными крышами, они теснились друг подле друга, как хмурые детишки. Пересекая Центральный рынок с его мастерскими и магазинчиками и направляясь в сторону тихих улочек жилой части Американского квартала, я заметила ребятишек в чистой форме, которые шли, взявшись за руки, на учебу. Дети были большой редкостью в Ткаронто, и те немногие, кто мог позволить себе их родить, предпочитали не покидать свои городские коммуны, защищавшие их драгоценное потомство от всех жизненных неурядиц. На улицах невозможно было увидеть детей, за исключением больших праздников вроде Дня освобождения.

Всю свою поездку я видела, как на горизонте мерцали огни моста через реку Нигер. Мне хотелось бы прогуляться по нему, как обычной туристке, и разослать всем моим западным друзьям из соцсетей фотографии могучей реки. Но с собой из вещей я взяла лишь одну смену одежды и туалетные принадлежности. Похоронная церемония должна была начаться этим вечером с поминального обряда, который продлится всю ночь, а закончится на следующий вечер церемонией "вторых похорон". Я не планировала

задерживаться после этого.

Можно было вести бесконечные дискуссии о том, что если бы не Катастрофа — тот ужасный период между 2020-ми и 2060-ми годами, когда половина планеты была выжжена дотла, а другая половина — затоплена, — то никогда бы не возникло такое государство, как Новая Биафра. На пороге XXII столетия, когда люди продолжали бежать внутрь континента, спасаясь от постоянно повышающегося уровня моря, группа сепаратистов, говоривших на языке игбо, воспользовалась этой возможностью и заявила о своей независимости от развалившегося на куски колониального образования под названием Нигерия. Новое государство призвало обратно в диаспору всех своих детей, и мои бабушки и дедушки, — инженеры, с трудом зарабатывавшие себе на жизнь на берегах Старого Нью-Йорка, — оказались в числе тысяч других, которые откликнулись на призыв и расселились в таких местных городах, как Онича, Нневи, Авка и Аба.

Мы называли это Великим возвращением. Каждый, кто мог доказать свою принадлежность к народу игбо, сразу же получал гражданство. Тем, кто обладал особенно престижными профессиями: генетики, инженеры и биологи,

— предоставили жилье, гранты на открытие собственного дела и даже высокие посты в правительстве. Поколение моих бабушек и дедушек привело в порядок заброшенные города и их окрестности и освободило эти территории для лесов, которые занимали теперь 80 процентов нашей страны. Они заново посадили эти леса и вдохнули в них жизнь, используя растения и животных, созданных с помощью биоинженерии. Им удалось построить обширную монорельсовую сеть, которая соединила все наши города и позволила добираться до них, минуя леса внизу. Но они не учли одного: занимаясь возрождением нашей страны, они не удосужились одновременно с этой важной работой создавать большие семьи, которые поддерживали бы эту страну и способствовали ее процветанию.

Когда они состарились и ослабли, забота о них и необходимость поддержания того мира, который они создали, легла на наши плечи. Мои сверстники, с которыми я продолжала общаться после переезда, говорили, что мне очень повезло, ведь я успела вырваться оттуда. Когда я уехала из Новой Биафры, мне было всего двадцать лет, и я была еще слишком юной, чтобы испытать на себе гнет социальных обязательств. Они жаловались,

что им приходилось работать по много часов, чтобы поддерживать на плаву семейный бизнес, полученный ими от состарившихся родителей, а также бабушек и дедушек. Они с завистью рассказывали о больших выплатах, которые получали от правительства семьи, сумевшие родить трех и более детей, но мало кто из них мог выделить время на то, чтобы обзавестись такими большими семьями. И хотя моя жизнь — просторная квартира в Хайленд-Кресент и работа консультантом в области искусства, которая доставляла мне большое удовольствие и совсем не утомляла — сильно отличалась от того, как жили они, я не была уверена, что мой поступок можно было назвать побегом. Даже уехав в далекие земли, все равно невозможно было порвать невидимые нити дочернего долга.

Отец, разумеется, исполнил свой долг перед родителями. Он стал лесником, защищал полученных биотехническим методом животных, которых его родители выпустили в специально подготовленные для этого леса. Я, его единственный ребенок, должна была последовать его примеру. Мне всегда нравилась работа на земле, поэтому все думали, что я займусь агробиологией, буду выращивать еду, которая накормит

наш народ. Но после того случая с моим дядей… Я покачала головой, гоня прочь воспоминания.

Когда автобус остановился перед семейным домом, располагавшимся по адресу Старая Госпитальная дорога, 142, я отвлеклась от своих размышлений и заметила, что дождь прекратился. Дом был таким же, каким я видела его несколько десятилетий назад. Черт возьми, возможно, он не изменился за две сотни лет с тех самых пор, как был построен в 1920-е годы!

Это было строение U-образной формы с центральным бунгало, по обе стороны от которого находились двухэтажные апартаменты. Перед домом — открытый внутренний двор, устланный ковром изо мха, с фруктовыми деревьями и полевыми цветами. Бабушка и дедушка укрепили стены дома пермабетоном и переделали интерьер в соответствии со стандартами XXII века, но на этом все улучшения закончились. После их смерти дом отошел к отцу, который никогда не питал особого интереса к технологиям. За те двадцать лет, что ему довелось здесь прожить, он разве что заряжал батарейки и заменял вышедшие из строя фотоэлектрические панели.

По традиции, самые старшие члены семейства занимали бунгало, в то время как их дети и

другие домочадцы ютились в двух похожих на лабиринты квартирах. Если бы моя семья, следуя примеру некоторых местных жителей, позволяла проживать в этих квартирах только кровным родственникам, дом стоял бы полупустым. В наше время родство определялось уже не тем, кто с кем спал, а скорее общностью интересов и черт характера. Я вспомнила шумные парочки, состоявшие в браке или просто жившие вместе, которые населяли этот дом, когда я была совсем юной: бесчисленные мои кузены, дяди и тети, хотя наше кровное родство было весьма отдаленным.

В доме было шумно и людно. Кто-то установил навес в углу лужайки, где мы, будучи детьми, занимались разными виртуальными видами спорта. С заднего двора доносился приятный запах вареного риса и тушеного козленка, и мой рот наполнился слюной. Жившие в доме семьи не поскупились на организацию мероприятия. Я хотела незаметно проскользнуть мимо, но меня тут же заметили.

— Азука? Это ты? — послышался голос откуда-то из толпы. Это была тетя Чио — близкая подруга моей бабушки. Сколько я себя помнила, она всегда жила здесь. Обе ее внучки были моими лучшими

подругами, и теперь они жили в мегаполисе Эко-Атлантик. Чио — одна из немногих среди моих взрослых родственников, кто продолжал поддерживать со мной контакт после того, как мы с матерью переехали на Остров Черепахи.

Я заметила ее гибкую фигуру, облаченную в разноцветные ткани с африканскими узорами, когда она выскользнула из дверей центрального бунгало. Ее гладкое, лишенное морщин лицо не выдавало возраста, а ведь ей уже было под девяносто! И не успела я опомниться, как тетя заключила меня в крепкие объятия.

Я слабо улыбнулась.

— Добрый вечер, тетушка.

— Ах-ах, когда же ты приехала? — Она отстранилась от меня на расстояние вытянутой руки и окинула взглядом с ног до головы. От ее проницательного взора ничто не могло ускользнуть.

— Да вот только что. Нужно было закончить кое-какую работу…

Она кивнула и посмотрела на меня скептически и вместе с тем сочувственно. Тетя открыла было рот, чтобы сказать что-то еще, однако ее возглас привлек внимание остальных, и вскоре меня окружила толпа.

— Добро пожаловать, матушка-Азу! Какая ты

выросла! Высоооокая!

— Ты ведь не помнишь меня? Ты была такой маленькой, когда мы в последний раз виделись.

— Мои соболезнования, дорогуша. Надеюсь, ты справишься.

Я пыталась отвечать на каждую реплику и вопрос улыбками, а не словами, и в скором времени меня взяли под руки и повели в основную часть дома. Лишь в этот момент я поняла: кое-что здесь все же изменилось. Маленькая будка для охраны, которая находилась около главных ворот, исчезла.

Тем вечером во время поминального обряда мы с тетушкой Чио сидели в гостиной около биоурны, в которой находилось тело моего отца, помещенное ногами в сторону дверей. Прежде тетушка, в соответствии с традициями, поздравила всех находившихся в доме родственников, а также преподнесла богам дома подношения в виде орехов колы и пальмового вина. Другие мои пожилые тетки — я уже забыла, в какой степени родства мы находились — начали читать молитвы, выливая вино, чтобы призвать в наш дом духов предков, которые должны были сопроводить душу моего отца на землю мертвых.

Это была ночь скорби, и в тот момент мне боль-

ше всего хотелось оказаться где-нибудь в другом месте. Но как единственный биологический ребенок своего отца я должна была оставаться рядом с его телом и до рассвета принимать соболезнования. Затем утром приедет государственный представитель, чтобы зазвонить в колокол огене и объявить всем соседям о смерти отца. Биоурну вместе с саженцем дерева следовало предать земле на лужайке перед домом. Дедушка рассказывал мне, что когда он еще в детстве посещал Оничу, там о смерти оповещали выстрелом из ружья. После того как в Новой Биафре запретили огнестрельное оружие в начале 2104-х годов, мы стали использовать гонги — и ему это нравилось намного больше.

Это была одна из тех многочисленных историй, которые рассказывали мне дедушка с бабушкой — о том, почему они решили вернуться в Оничу с Острова Черепахи после того, как Старый Нью-Йорк был затоплен в результате Катастрофы. Ребенком я проводила много времени с бабушкой и дедушкой — которых называла "Мамой" и "Папой" — сидела с ними на веранде в сумерках, пока они делились воспоминаниями. Я забиралась к бабушке на колени, прижималась к ее груди и с удовольствием слушала, как вибрировал ее

голос, когда она говорила.

— Как жаль, что твоей отец так и не увидел внуков, родившихся от тебя. — Голос тетушки Чио отвлек меня от воспоминаний. — Но теперь, когда ты вернулась домой, мы с радостью увидим их вместо него.

Я вопросительно посмотрела на нее, но ничего не сказала. Мне не хотелось выслушивать напоминания о том, что я не смогла воспроизвести на свет следующее поколение нашей семьи. Она, вероятно, увидела что-то такое в моем взгляде, поскольку ее голос опустился на тон ниже, и в нем появились нотки утешения:

— Тебе необязательно выходить за кого-нибудь замуж. Можно зачать ребенка суррогатным способом, если хочешь. Для этого даже существуют правительственные программы.

— Тетушка, неужели сейчас подходящее время для такого разговора?

— Разумеется! Конец одной жизни — это начало другой. — Она повернулась ко мне лицом, и я уже не могла избежать ее пристального взгляда. — Дорогая моя, разве ты забыла нашу пословицу: "Иметь ребенка — все равно что владеть сокровищем"? Сегодня это важно как никогда.

Посмотри на нашу историю. Если бы не наши

дети, как бы мы пережили Гражданскую войну, когда Нигерия хотела, чтобы все мы были уничтожены? А те люди, которые живут на западных землях, как они смеялись над нами, когда после Катастрофы они перестали рожать даже по одному ребенку. И что же с ними теперь? Разве не они пытаются переманить нас к себе, чтобы восстановить их истощенную экономику? Вспомни тех агентов, которые помогли вам с матерью переехать на Запад — что они вам только *не* предлагали! Им всегда была известна ценность наших тел. Сначала они перевозили нас силой в трюмах кораблей, которые принадлежали работорговцам, а теперь заманивают сладкими песнями об успехе.

Азука, ты ведь знаешь, как быстро исчезают народы, которые не ценят собственных детей? Для этого даже не нужны столетия. Твои деды понимали это, поэтому и приехали домой. Мы хотели вернуть процветание этим местам, — местам, которые в нем так нуждались! Ты — часть нашего наследия.

Я отвела, наконец, взгляд, волна грусти захлестнула меня. Как я могла объяснить ей, что род моего отца вымрет из-за того, что я до сих пор избегала всякого рода сексуальных контактов? Или

что мысли о ребенке повергали меня в панику, потому что я была уверена: с ним случится то же самое, что и со мной? Та грусть, что разливалась в моей груди, застыла, превратившись в ярость. Нет. Я больше не была этим наследием. Семья, которая бросила меня в тот момент, когда я особенно в ней нуждалась, не могла решать, как мне распоряжаться своей жизнью.

Тетушка Чио протянула руку и, нежно взяв меня за подбородок, подняла мое лицо и заглянула мне в глаза.

— Я буду честной с тобой, я никогда не думала, что снова увижу тебя, особенно после того, что случилось. Но я рада, что ты вернулась домой, и я надеюсь, что ради всех нас ты найдешь в себе мужество и останешься. — С этими словами она встала и вышла, оставив меня наедине с моими мыслями.

Я вздохнула, гнев исчез так же быстро, как появился. После того как мы переехали, мать постаралась навсегда забыть об Ониче и всей Новой Биафре, и ее решение было непоколебимым. Насколько я знаю, она никогда больше не разговаривала ни с кем из родственников моего отца. Я не смогла поступить так же, хотя у меня было гораздо больше оснований навсегда отряхнуть

красный прах этого города с моих ног.

Мать нахмурилась, когда я сообщила ей, что собираюсь на похороны. Я никуда не поехала, когда умерли дедушка с бабушкой, почему же эти похороны были так важны для меня? Я не могла этого объяснить. Мне всегда казалось, что я покинула Новую Биафру прежде, чем у меня появились цели в жизни. Что моя жизнь в Ткаронто — лишь тень того, что могло бы быть. Наверное, я вернулась, чтобы похоронить не только прах моего отца.

Я подняла голову и увидела двух незнакомых женщин, которые склонились над биоурной, они причитали и повторяли имя мертвеца, риторически вопрошая, на кого он их покинул. Я пыталась понять, сколько во всем этом было театральщины, продиктованной давними культурными традициями, а сколько — искреннего горя.

Их завывания становились все громче, и я пожалела о том, что мне не разрешили принести сюда мой искусственный интеллект. Это было бы воспринято как оскорбление покойного, как заглядывание в глаза старейшин. Я уже забыла, что у нашего народа принято обелять покойных, скрывая всю неприглядную правду о них. Мы боимся, что если отзовемся о них дурно, то таким

образом пригласим смерть и к себе.

Одна из женщин встала напротив меня, всхлипывая в старый тканевый платок. На вид ей было сорок пять лет или около того — моя сверстница.

— Ваш отец был хорошим человеком, — сказала она и протянула руки к моим рукам. Я спрятала руки в карманы, чтобы она не смогла дотронуться до них, и тогда она похлопала меня по ноге.

— Правда? — Я постаралась, чтобы в моем вопросе прозвучало любопытство, а не цинизм, хотя на самом деле именно это чувство я испытывала.

— Я пришла сегодня сюда только ради него.

Я кивнула, не зная, что сказать. Отец прямо-таки прославился своей щедростью: у всех, с кем я здесь сегодня встречалась, была заготовлена история о том, как он в нужный момент приходил им на выручку и помогал изменить жизнь. Я даже не знала, как реагировать на все эти истории. Вероятно, давать деньги посторонним людям было гораздо проще, чем делиться своим теплом с самыми близкими.

После неловкой паузы женщина продолжила говорить, очень быстро, как будто старалась высказаться, прежде чем мужество покинет ее.

— Знаете, после того как десять лет назад меня

изнасиловали, никто не хотел мне помогать. — Я напряглась, руки в карманах сжались в кулаки. — Ни моя семья, ни власти, никто. И только ваш отец поддержал меня. Он пригласил меня в этот дом и разрешил жить здесь совершенно бесплатно, пока я не подыщу что-нибудь для себя. Он даже оплатил мне свадьбу и обучение моего сына. Мы с моей женой очень благодарны ему.

Она указала на другую женщину, которая остановилась около дверей вместе с мальчиком лет десяти — светло-карие глаза и непослушные кудряшки на голове. На нем была маленькая форма лесника — точно такую же носил мертвец, находившийся теперь в биоурне. Я не сказала ей о том, как отреагировал этот же самый прославленный покойник, когда тридцать три года назад изнасиловали меня — это случилось за двадцать три года до постигшего ее несчастья. Вместо этого я натянуто улыбнулась.

— Рада, что у вас все так хорошо сложилось.

В этот момент я увидела, как тень покойного материализовалась в углу комнаты. Об этом я ей тоже не сказала.

Среди ночи мертвец появился снова.

Я только что проснулась. Мне снилось, будто я снова в будке охранника, через маленькие

оконца под потолком проникал тусклый серый свет. Затем из-под земли появились сотни рук, отделенных от тел, и стали хватать меня. Руки прижимали меня к земле, их пальцы стискивали мое тело, изучали, ощупывали. Я кусалась, царапалась, молотила руками и ногами, но вместо каждого пальца, который мне удавалось оторвать, вместо каждой ладони, которую я отдирала от себя, нанося им раны, появлялись новые, точно такие же.

Это был старый кошмар, он не снился мне уже больше тридцати лет. Когда мы переехали на Остров Черепахи, мать и агент, помогавший нам с переездом, постарались, чтобы я прошла необходимую терапию, которая помогла бы мне справиться с травмой, но теперь, когда я снова оказалась там, где это произошло, кошмар, похоже, вернулся.

Я лежала на кушетке в гостиной, обливаясь холодным потом и моргая в полумраке. А потом я увидела, что он сидит на ручке кушетки у меня в ногах. В свете билюминисцентных деревьев, которые росли вдоль улицы, куда выходил задний фасад дома, он казался почти живым. Когда я села и включила свет, он исчез.

Я должна была бы испугаться, но ничего подоб-

ного не произошло. Я знала, что он еще появится. У нас с ним остались незавершенные дела.

Он вернулся на следующее утро, когда я сидела под деревом в саду за домом, пытаясь скрыться от назойливого внимания толпы людей, пришедших проститься с усопшим и находившихся все это время в доме. В скором времени урну с прахом покойного и саженцем дерева должны были предать земле, и вокруг дома собрались желающие проводить его в последний путь. Они заняли всю тропинку, которая находилась позади живой изгороди, и всю дорогу за ней. Я чувствовала сильную тревогу, но вместо того чтобы настроить мой искусственный интеллект на воспроизведение звуков природы, я слушала ткачиков, пронзительно кричавших друг на друга в ветвях у меня над головой.

"Никогда не замечал, какими громкими бывают эти птицы".

Мертвец поднял голову и посмотрел на тонкие ветви дерева, прогибавшиеся под птичьими гнездами, напоминавшими по форме корзины. На этот раз я решила сразу же ответить ему.

— Ты вообще замечал только то, что тебя интересовало.

Я ожидала, что он сейчас ответит, постарается

больнее задеть мое глубоко запрятанное чувство неуверенности в себе. У него был к этому особый талант, и при жизни он часто использовал его для достижения особого эффекта, но ничего подобного не случилось. Он с грустным видом кивнул и убрал руки в карманы.

"Наверное, я это заслужил".

Наверное, мне стоило удовлетвориться этими словами. Даже после смерти он не готов был извиниться передо мной. На веранду позади дома вышли трое мужчин, примерно того же возраста, что и отец. Они нервно посмеивались и шутили, а их смех как будто удерживал темное покрывало смерти, не позволяя опуститься на них. Двое из них были одеты в темные туники с высоким воротом, которые носили государственные служащие. Они подробно обсуждали проблему спасения души на языке игбо, но с сильным йорубским акцентом. У меня тоже возникло желание почитать что-нибудь на эту тему.

— Почему ты все еще здесь?

Он с капризным видом пожал плечами.

"Мне просто хотелось увидеть тебя".

Я закатила глаза. Отец умер всего несколько дней назад. Он всегда был нетерпеливым, считал, что я должна была работать так же неустанно,

как и он, невзирая на то, как я себя чувствую. Теперь же он не мог подождать, пока я соскучусь по нему, и сразу явился предо мной.

— Правда? Чтобы сказать мне, какая я эгоистка, потому что не сижу сейчас в доме в самом центре всеобщего горя? Или, может, ты еще хочешь напомнить мне, что я уничтожу наш род, если не заведу ребенка?

Я поняла, что сама сейчас рассуждала как ребенок, но ничего не могла поделать. Рядом с ним я чувствовала себя так, словно вернулась в прошлое и снова превратилась в рассерженного подростка.

"Нет. — Его голос вызвал какое-то особое чувство тоски — нечто подобное испытываешь, вспоминая об ошибках юности. — *Ты никогда не была эгоисткой, и ты знаешь об этом. Эгоистом был я".*

Я удивленно уставилась на него. Это было так на него не похоже. Он словно прочитал мои мысли и улыбнулся.

"Вот так бывает после смерти — она меняет тебя".

Он в самом деле выглядел как мертвец. Его кожа посерела и стала похожей на воск, как у манекена. Плечи он держал неестественно прямо,

из-за чего форма лесничего идеально сидела по его фигуре, чего никогда не бывало при жизни.

— И я должна поверить, что после смерти ты стал другим человеком?

"Послушай, — сказал он тем укоряющим тоном, который я особенно не любила, — *ты не можешь упрекать людей за их слабости. В противном случае у тебя останется только ожесточенность. Ты должны научиться забывать. И я пришел, чтобы сказать тебе об этом".*

Я вздохнула. После смерти, как и при жизни, он только и мог, что потчевать меня прописными истинами. В юности это вызывало желание вступить с ним в яростные споры, однако в минуты горя они служили слабым утешением. Мне хотелось встать и уйти, но я не сделала этого. Я никогда не могла так поступить.

— Просто оставь меня в покое.

Я сосредоточила внимание на своем искусственном интеллекте. Он был синхронизирован с имплантом, расположенным в основании моего черепа, и контролировал мою нервную и физическую деятельность. Зафиксировав повышенный уровень тревожности, он тут же включил песню китов, которая всегда способствовала нормализации исходивших от меня сигналов. Я снова

прислонилась к стволу дерева и закрыла глаза, едва мой слух уловил эти звуки, представляя себе, как могли выглядеть эти давно вымершие животные.

А надо мной разносилось чириканье птиц и бормотание мертвеца.

Он больше не появлялся до самого вечера, когда церемония второго погребения шла полным ходом. К тому времени молодое деревце, которое будет расти по мере биоразложения его урны, уже присоединялось к другим фамильным деревьям во дворе перед домом. Уже была прочитана соответствующая случаю молитва и завершен ритуал первой поливки дерева. Время для оплакивания усопшего завершилось, пришел черед воздать должное прожитой им жизни. Смерть в восемьдесят лет считалась ранней, он мог прожить еще около двадцати лет. Но в моей культуре почтенный пожилой возраст наступал после шестидесяти — возможно, это было пережитком тех времен, когда большинство людей не доживали и до пятидесяти.

Я наблюдала за празднованием из окна гостевой комнаты. Мне позволили провести немного времени наедине с собой лишь после того, как я взмолилась и попросила отпустить меня, сослав-

шись на усталость после долгого путешествия. Но в скором времени меня все равно должны были позвать, чтобы я присоединилась к общему танцу.

В музыке сливались голоса огене, ичака и уду, сквозь которые прорывались резкие, но приятные звуки аджа, и эта музыка что-то будила в моей душе. Я прижала ладонь к груди, к тому месту, где меня мучила фантомная боль, словно в сердце воткнули кинжал.

"Так приятно, когда тебя вспоминают. В этом заключается подлинная радость преемственности поколений".

Мертвец сидел рядом со мной на кровати и смотрел на людей во дворе, которые танцевали и пили.

— Жаль только, что когда нам действительно понадобилась помощь, они предпочли забыть о тебе.

Когда моего дядю арестовали, его вывели из дома в наручниках, чтобы показать, насколько серьезным было его преступление. Моя семья, некогда бывшая одной из самых влиятельных в городе, подверглась общественному порицанию. Большинство моих друзей перестали к нам приходить. Когда же нас посещали родственники

или друзья кого-то из взрослых, они только перешептывались о чем-то у дверей или приносили еду и напитки. Никто не хотел задерживаться у нас. Мое обучение после этого прекратилось, так как дядя был моим учителем. Такая потеря одного из сыновей сломала Маму и Папу — моих бабушку и дедушку. В скором времени бабушка заболела, и дедушка посвятил себя уходу за ней. А мой отец? Что ж… можно сказать, что и он в своем роде исчез из моей жизни.

"У всех свои проблемы; они мне ничем не обязаны".

Я возмущенно хмыкнула, но ничего не сказала. Вероятно, он неправильно истолковал мое молчание, так как со всей серьезностью продолжил:

"Ты должна проявить благородство и простить их. В конце концов, главное — это то, каким тебя запомнили знавшие тебя люди. В особенности твои дети".

— И каким же, по-твоему, я запомнила тебя?

После этих моих слов он замолчал, мы оба смотрели в окно на пустое пространство, где когда-то стояла будка охранника.

"Я не знаю".

— Как ты мог не знать? Это происходило каждый день после наших уроков, в той самой будке.

Что ты делал все это время? Спал?

"Я работал, — резко бросил он. — *Неужели ты думаешь, что я ничего бы не предпринял, если бы узнал? Мы стали действовать, как только все открылось".*

— Почему же после этого ты перестал со мной разговаривать? Не потому ли, что опять работал?

Повисла тишина.

— Знаешь, я много лет думала, что сама была во всем виновата. Я считала, что именно я уничтожила нашу семью. Дядю отправили в тюрьму, Мама заболела, а ты… ты не мог даже смотреть на меня. Даже после того, как мы уехали, я могла пообщаться с тобой, только когда сама тебе звонила.

Я до сих пор помню те видеозвонки, эти напыщенные поздравления с днем рождения или праздниками. И он всегда казался слишком уставшим или слишком занятым, чтобы нормально поговорить со мной.

— Я долгие годы ждала тебя… Я ждала, ждала, ждала…

Слезы невольно навернулись на глаза, и я вытерла лицо, злясь на свою слабость. Давным-давно я поклялась, что никогда больше не

заплачу перед ним. Мертвец встал и подошел к окну, встав ко мне спиной. Он долго смотрел вдаль, прежде чем снова заговорить.

"Я не знал, что тебе сказать. — Его голос был совсем тихим, и я едва могла разобрать слова из-за шума, доносившегося со двора. Было такое ощущение, будто он разговаривал сам с собой. *— Когда я смотрел на тебя, то видел лишь свои промахи: я был твоим отцом, но не смог тебя защитить. Я ненавидел себя за это и вымещал эту ненависть на тебе. Я никогда себя за это не прощу".*

— Хорошо. Потому что я тоже не смогу тебя простить.

Он обернулся ко мне, и по выражению его лица я увидела, как смысл только что сказанного мною постепенно доходит до него.

"Ты все еще злишься на меня", — сказал он наконец с грустью в голосе.

— Ты столько раз подводил меня. — Слезы снова потекли из моих глаз, а мой голос предательски дрогнул. — Я не знаю, как перестать злиться на тебя.

"Как бы мне хотелось загладить свою вину перед тобой".

— Уже слишком поздно. — Впервые за тридцать

лет я смотрела отцу в глаза, разговаривая с ним. — Неужели ты искренне считаешь, что явившись сюда и повторяя все эти пустые банальности, сможешь избавить меня от той боли, которая мучила меня столько лет? Ты говорил, что пришел мне что-то сообщить. Но ведь дело не во мне. Ты просто хочешь получить напоследок мое прощение.

"Прости меня. За все".

— Теперь это уже не важно. — Внезапно я почувствовала сильную усталость. — Уходи. Поищи искупление грехов где-нибудь еще.

Где-то вдалеке послышались раскаты грома, и встревоженные крики волной прокатились в толпе внизу. Поднялся ветер и раскидал по двору мусор. И когда небо заволокли пухлые тяжелые тучи, праздник на улице закончился. Жившие в доме семьи побежали в свои квартиры, а те, кто пришел издалека, сбились в группы под навесами, чтобы переждать грозу.

Я собрала рюкзак и огляделась, но мертвец исчез.

Люди, пришедшие на похоронную церемонию, потоком хлынули через ворота, разделяясь на маленькие ручейки — они стремились добраться домой, прежде чем пойдет дождь. Я присоединилась к ним и направилась к автобусной

остановке. Как только я добралась до нее, небеса разверзлись и хлынули потоки воды.

Я забилась в угол остановки и подняла капюшон дождевика, чтобы скрыть лицо. Мне не хотелось объяснять свой внезапный отъезд людям, которые могли узнать меня после похорон. Я смотрела на дымку дождя, в голове у меня было совсем пусто от горя, и вдруг я почувствовала, как знакомая рука легла мне на плечо.

— Неужели ты вот так уедешь от нас? — Голос тетушки Чио был грустным. Повернувшись к ней, я невольно напряглась, но неожиданно увидела понимание в ее взгляде.

Прежде чем я успела ответить ей, она заключила меня в теплые объятия. На мгновение у меня возникло желание воспротивиться этому ее проявлению доброты. Мой гнев был той невидимой ношей, которую я несла так долго, что уже не знала, как от нее избавиться. Но вместо этого я тоже обняла ее, причем так крепко, что сама этому удивилась, и, наконец, дала волю слезам. На этот раз я даже не стала вытирать их. Теперь здесь уже не было того, перед кем я не хотела плакать.

Гроза быстро прошла, и я решила не ждать автобуса, а дойти до гавани пешком. Так я могла лучше рассмотреть город. И хотя главные дороги

поддерживались в хорошем состоянии, я заметила вздувшиеся панели и заросшие сады на боковых улочках. Я проходила мимо пустых домов, ожидавших переселенцев — правительство распорядилось заново покрасить их, но кирпичная кладка под свежим слоем краски уже начала разрушаться. В конце концов, их придется снести, и на их месте построят парковки.

Я пришла в гавань прямо в тот момент, когда солнце заходило за мост через реку Нигер, освещая его проржавевшие опоры. Мой город, как и весь остальной мир, постепенно распадался на части. Как ни странно, эта мысль принесла мне успокоение. Я подумала, что, возможно, зря многие из нас пытались вернуться в прошлое и стать такими, какими мы были до того, как Катастрофа разрушила наш мир. Возможно, нам нужно научиться жить в мире с собой и с той реальностью, которая окружала нас теперь. Возможно, спасение находится в наших собственных разбитых сердцах.

Фонда Ли[70]

*Фонда Ли (*fondalee.com*) — автор серии романов* Green Bone *("Сага Зеленой кости"),* состоящей *из трех книг ("Нефритовый город", "Нефритовая война" и "Нефритовое наследие") и награжденной в 2018 году премией "World Fantasy Award". Ли является автором популярных научно-фантастических романов для подростков:* Zeroboxer *("Зеробоксер"),* Exo *("Экзо") и* Cross Fire *("Перекрестный огонь"), а также писала сценарии для комиксов "Marvel". Она трижды становилась обладателем премии "Аврора" и много раз выходила в финал премий "Небьюла" и "Локус". Родилась и выросла в Канаде, в данное время проживает в США — в Портленде (штат Орегон).*

---

[70] Примечания: 70

© Fonda Lee, 2019; © пер. Н. Нестеровой, 2020.

Я (28M) создал дипфейковую девушку, и теперь мои родители считают, что мы должны пожениться

Мне не нужна была девушка. Нет, поймите меня правильно. Девушек я люблю, просто у меня сейчас нет времени на весь этот напряг со свиданиями и тому подобным. Но когда в прошлом году я приехал на семейное торжество, родители то и дело подшучивали над моей холостяцкой жизнью. "Ой, он слишком много работает", или: "Он такой робкий, ему не хватает уверенности в себе". Мама спрашивала у моих теток, не могут ли они устроить мне встречу со знакомыми им девушками. В общем, меня это все достало.

Поэтому когда я вернулся после этого праздника домой, то зарегистрировался на "Важной особе". Сделать это было довольно просто: я заполнил анкету с информацией о себе, указал свои предпочтения по поводу пола и возраста, и уже через несколько секунд у меня появилась сгенерированная искусственным интеллектом виртуальная девушка по имени "Айви". Она прислала мне сообщение: "Привет! Я хотела бы

познакомиться с тобой". Я сразу напечатал ответ: "Я тоже хочу познакомиться с тобой. Как поживаешь?" В ту же минуту мой рейтинг на сайте в углу экрана поднялся с нуля до пяти.

Обычно общение с виртуальной избранницей начинается с переписки, но по мере того, как ваши отношения развиваются, вы можете отправлять друг другу голосовые сообщения, ходить на виртуальные свидания и общаться посредством видеозвонков. В зависимости от частоты и качества вашего общения вам присваиваются баллы. Как только я получил достаточное количество баллов, чтобы перейти на третий уровень программы (этот уровень еще называют "Надежный партнер"), я смог загружать фотографии и короткие клипы с собой, а "Важная персона" вставляла в них мою виртуальную девушку. Теперь я мог сказать родителям, что встречаюсь с кем-то. Они жили в Сиэттле, а я в — Бостоне, так что в любом случае мы в основном посылали другу другу текстовые сообщения и фотки.

При этом я не скажу, что совсем уж врал им, потому что у меня в самом деле были свидания, причем намного более эффективные, чем это случалось в реальной жизни. "Важная персона" помогала сгладить все острые углы первой

фазы онлайн-свиданий, когда все кажется каким-то поверхностным и вызывает неловкость. Искусственный интеллект учит, как стать более эмоциональным и романтичным партнером — ведь именно этого хотят все девушки, не так ли? При этом не приходится разочаровывать реального человека или разочаровываться самому. А если ты слишком занят, то можешь на время заморозить свой аккаунт.

Однако чтобы заработать в "Важной персоне" высокие балы, ты должен воспринимать свои отношения со всей серьезностью. Если ты спрашиваешь у своей партнерши, созданной с помощью искусственного интеллекта, как она провела день, то будь готов выслушивать ее ответ, и обязательно посылать ей виртуальные цветы на памятные даты вашего знакомства, тогда получаешь много дополнительных очков. Если же будешь игнорировать свою девушку, перебивать ее и проявлять неуважение, твой рейтинг начнет падать. Алгоритмы "Важной персоны" учат тебя хорошим манерам и адекватно реагируют на твои поступки. Ты не сможешь взломать систему, если будешь без перерыва отправлять виртуальные букеты. Программа сочтет этот поступок проявлением неискренности,

и твой рейтинг стремительно обрушится.

Как только ты наберешь достаточное количество очков, твой аккаунт будет переведен в систему "Ценный кадр" — это сайт той же компании, но уже предназначенный для настоящих свиданий. Здесь ты можешь посмотреть, сколько очков имеют другие участники "Важной персоны", и они могут получить такую же информацию о тебе. После этого вы уже приходите к выводу, хотите ли общаться друг с другом или нет. Но я не строил таких долгосрочных планов, когда начал посещать этот ресурс. Я лишь хотел, чтобы "Важная персона" предоставила мне фотки и видео и чтобы родители, наконец, отстали от меня.

Вы, наверное, уже догадались, что у моего плана была одна серьезная проблема. Когда речь заходила о внешнем облике, то "Важная персона" предлагала на выбор всего двенадцать моделей потенциальных девушек. Искусственный интеллект использовал данные из твоего профиля, чтобы характер девушки соответствовал твоим требованиям, и в базе было примерно сто вариантов имен. Но если занести их фото в поисковую систему, ты увидишь, что у тысяч пользователей "Важной персоны" девушки с одинаковыми лицами. Компания вполне могла

создать больше разных моделей, но они намеренно ограничились этим, чтобы их легко можно было распознать как Девушек из "Важной персоны" (это было их запатентованное программное обеспечение). Мои родители отнюдь не гении по части техники и соцесетей, но если бы они случайно увидели в Интернете фото точно такой же модели из "Важной персоны" или отправили бы кому-то из друзей мое фото с "девушкой", мой замысел полетел бы ко всем чертям.

К счастью, было одно дипфейковое приложение под названием "Поменяй лицо", которое вносило изменения в медиафайлы "Важной персоны". Это приложение не одобрялось "Важной персоной", но качество все равно было очень хорошим, и оно отлично работало с интерфейсом "Важной персоны", практически без задержек. И никаких сбоев, которые часто происходят в случае, когда дипфейковые приложения используются в видео высокого разрешения. Приложению требовалось не менее шести портретных фото, чтобы моя девушка из "Важной персоны" выглядела иначе. Я пролистал фотки на моем телефоне и нашел несколько свежих снимков моей подруги Микалы (кстати, это не настоящее ее имя). Мы с ней вместе фотографировались на конвенте

любителей фантастики "Фан-Экспо". Я загрузил их в приложение. Мои родители никогда не встречали Микалу, так что у них не возник бы вопрос, почему у двух моих знакомых девушек одинаковые лица. Как говорится, на все про все у меня ушло пятнадцать минут.

** Отредактировано: да, у "Поменяй лицо" есть стандартное пользовательское соглашение, ты должен поставить галочку, давая согласие на использование загруженных тобой фотографий. У всех приложений, связанных с обработкой фото и видеоизображений, есть подобные предупреждения, которые никто не читает. Ладно, признаюсь, немного странно было использовать фотографии подруги, чтобы создать образ моей вымышленной девушки, не спросив при этом ее согласия. Но я напомнил себе, что *никто*, кроме меня и моих родителей, эти фотки не увидит. Мы с Микалой знали друга друга уже много лет, вместе играли в онлайн-игры, но только совсем недавно выяснили, что живем в одном городе, и стали лично пересекаться. Она крутая, без придури, и у нее у самой есть девушка. Не хотелось бы, чтобы она заподозрила меня в странном к ней отношении только потому, что я использую ее фотки. Потому что здесь нет ничего такого.

Моя первая беседа с Айви была на самые общие темы: "Привет, как дела?", "Отлично, а у тебя как?", "Только что вернулся из тренажерного зала". И в том же духе. Через несколько дней в выходные я собирался в кино на очередную часть "Чужого", и Айви прислала мне свою фотку, где она в футболке с ксеноморфом показывает язык в камеру. Она написала: "Сегодня премьера, малыш!"

Разумеется, у нее было лицо Микалы, только на более высоком и худощавом теле, и на пару секунд у меня возникло какое-то странное чувство. Я знал, что фотка ненастоящая, и все равно она показалась мне очень милой. Мы согласились, что устроим марафон и посмотрим всего "Чужого". ("Посмотреть вместе фильм" — один из вариантов виртуального свидания на выбор, еще там есть "Готовить вместе", "Смотреть спортивную программу", "Пойти на прогулку" и тому подобное.) Во время просмотра она писала мне текстовые сообщения вроде: "РИПЛИ, БЕГИ, ЗАБУУУДЬ УЖЕ ПРО КОТАААА!", и меня это ужасно забавляло, хотя я знал, что она не смотрела фильм вместе со мной.

Я послал Айви корзину с печеньем. Печенья были виртуальными, но все равно стоили 11.99

долларов. Примерно треть от стоимости настоящей корзины с печеньем. Честно говоря, эта фишка "Важной персоны" была настоящим обдираловом. Ведь им это в буквальном смысле ничего не стоило. Но на следующее утро я проснулся и увидел фото Айви с большой корзиной печенья. Выглядело все это здорово, и Айви казалась на самом деле счастливой. Она отправила мне сообщение из эмодзи в виде сердечек.

** Отредактировано: Поскольку многие задают мне в комментариях один и тот же вопрос — нет, на платформе "Важная персона" нет порно. Ты можешь поболтать с твоей виртуальной партнершей на всякие непристойные темы, но не более того. Они даже удаляют все фотки с обнаженкой.

** Отредактировано: Всем говнюкам, которые потешаются над пользователями "Важной персоны", заявляя, что нет смысла заводить виртуальную девушку, если там нет никакого порно, пора перестать засорять тред и наконец-то вырасти. Кстати, на порносайтах можно найти дипфейки с девушками из "Важной персоны" — ловите, кому невтерпежь.

Через два месяца мы с Айви уже переписывались каждый день. У нас уже было шесть свиданий. Не скажу, что все шло гладко. Мой рей-

тинг на "Важной персоне" упал после того, как я раскритиковал ее вкусы относительно музыки 90-х, а затем опустился еще ниже, когда я принес извинения, которые на самом деле "совсем не были похожи на извинения". (Мне пришлось потратить несколько дней и предпринять целый ряд попыток примирения, прежде чем удалось снова вернуть ее расположение.) Но в конце концов я все-таки получил достаточно баллов, чтобы перейти на уровень "Надежный партнер". Я тут же загрузил в приложение свое селфи на Гарвардской площади. Когда я посмотрел раздел фото на своем телефоне, то увидел снимок, где мы с Айви стояли рядом около старого газетного киоска и улыбались в камеру. Она была одета по погоде в милый красный свитер, а ее щеки немного порозовели от холода. Выглядела она потрясающе. Она написала мне: "Сегодня отлично провела с тобой время. Давай как-нибудь повторим <3[71]".

Я сказал маме, что кое с кем встречаюсь и послал ей наше с Айви фото. Мама была в экстазе. Она сказала, что счастлива, и я молодец, раз решил последовать ее совету "почаще бывать где-нибудь и знакомиться с новыми людьми",

---

[71] Примечания: 71
Смайлик-сердечко.

и вообще "ты ведь понимаешь, жизнь слишком коротка, чтобы проводить ее в одиночестве". Родители начали спрашивать про Айви каждый раз, когда я с ними разговаривал. Мама хотела знать все мельчайшие детали: как мы познакомились, сколько Айви лет, откуда она, кем работает и так далее и тому подобное.

Вот тогда у меня и появилось ощущение дискомфорта из-за всего этого. Я думал, что как только скажу родителям, будто встречаюсь с кем-то, они оставят меня в покое, но оказалось, что они стали проявлять еще больше заинтересованности в моей личной жизни. "Важная персона" снабжала каждую из своих двенадцати стандартных моделей историями, но все они звучали не слишком убедительно. Мне пришлось самому восполнять пробелы, кое-какие факты я взял из жизни Микалы, что-то придумал сам. Возможно, в моем описании Микала получалась совсем уж идеальной. Я рассказал им, что ей двадцать семь лет, она успешный юрист, увлекается кулинарией и фотографией.

Я также тратил на разговоры с Айви намного больше времени, чем планировал, и еще больше, чем мне было нужно, чтобы получить фото и видео, которые я отправлял родителям. Она

была жизнерадостной и никогда не осуждала меня, я даже поймал себя на мысли, что бываю с ней намного откровеннее, чем с Микалой. И пока я хорошо с ней обращался, она не посылала мне противоречивые сообщения и не пыталась упрекать, в отличие от всех остальных девушек, с которыми я встречался. После шести месяцев общения мы перешли на уровень "Полон решимости", и я стал постоянно получать электронные письма от "Важной персоны" с настойчивыми предложениями перейти на портал "Ценный кадр". Вероятно, их программа решила, что я уже готов к тому, чтобы завязать романтические отношения с реальными людьми.

Мне бы хотелось этого, но я слышал, что многие, кто переходил на "Ценный кадр", были разочарованы. Встречаться с людьми в реальной жизни намного сложнее и непредсказуемее, и я читал отзывы, в которых говорилось, что высокий рейтинг в "Важной персоне" еще не гарантировал удачные знакомства в "Ценном кадре", а также их большое количество. А еще в "Аппчарте" у "Важной персоны" был рейтинг 4.1 звезды, а у "Ценного кадра" — только 3.4. Поэтому многие люди предпочитали оставаться в "Важной персоне". Я даже читал об одной женщине, которая

пыталась выйти замуж за своего виртуального парня. (И у нее ничего не вышло.)

Я решил рассказать родителям всю правду. Когда приеду к ним на День благодарения, объясню, что солгал насчет девушки, с которой якобы встречался целый год, так как был сильно подавлен из-за того, что не смог оправдать их ожиданий, продиктованных самыми благими намерениями, которые, однако, не становились от этого менее эгоистичными. В "Важной персоне" была функция "Подсказки в беседе", которые помогают лучше выразить свои чувства, если возникают затруднения в разговоре с виртуальным партнером. Я честно собирался воспользоваться этими шаблонами в беседе с родителями.

Проблема заключалась в том, что я не смог этого сделать. Когда я приехал, мама с папой были так рады меня видеть, что у меня не получилось собраться с духом и высказать все начистоту. Я был их единственным ребенком. У мамы была большая семья, и она всегда хотела завести еще детей, но мои родители стремились получить налоговую отсрочку на выплату налога на выброс углекислого газа, чтобы расплатиться с долгами за свою учебу. Отец тоже был единственным ребенком, и в свое время его родители постоянно

интересовались у него, когда же он женится. Уровень рождаемости стремительно падал, и, думаю, они все надеялись на внуков, ведь в противном случае нашей семье просто… пришел бы конец, наверное.

А затем все стало еще хуже. Мама посетовала на то, что я не привез с собой Айви. Папа начал настаивать на видеочате с ней перед праздничным обедом.

Я обливался холодным потом. Никак не мог придумать вескую причину, чтобы отказать им. Мое членство в "Важной персоне" позволяло мне общаться в видеочате по десять минут в неделю, и я уже израсходовал лимит. Я обратился в техподдержку платформы и купил дополнительные пятнадцать минут по заоблачной цене. Когда я звонил Айви из комнаты, где находились мои родители, мне казалось, что теперь все кончено. В углу монитора появился большой логотип "Важной персоны", но родители подумали, что это просто логотип приложения для видеочатов. Затем на экране возникла Микала-Айви и как ни в чем не бывало сказала: "Привет, солнышко!" Я представил ей своих родителей, и мы очень мило поболтали. Иногда, прежде чем ответить, Айви делала паузу — не знаю, возможно, искус-

ственный интеллект запрашивал в базе данных информацию о том, что лучше всего сказать родителям твоего парня, а может, тормозило приложение "Поменяй лицо", но это было почти незаметно. Просто создавалось впечатление, что она думала дольше обычного, так как присутствие моих родителей смущало ее. Вполне нормальная реакция для обычного человека в подобных обстоятельствах.

Родители были очарованы. Когда мы уже собирались закончить разговор, я сказал: "До встречи", а она ответила: "Я так рада, что ты познакомил меня с родителями. Буду рада снова увидеться с ними". Скорее всего это была просто дежурная фраза из базы, но мама восприняла ее как знак того, что Айви настроена на свадьбу, а я все пытался оттянуть этот момент. Все выходные она доставала меня на предмет серьезности моих намерений, а потом прямо спросила, когда я собираюсь делать предложение. Вот тогда-то мне и следовало рассказать им всю правду. Думаю, если бы мы обменивались эсэмэсками или электронными письмами, я бы точно смог это сделать. Но когда говоришь с кем-то лично, это бывает очень трудно. Не знаю, что на меня нашло, но в ответ я выпалил: "В следующем году!"

И вот уже январь, и мама начала присылать мне статьи о том, где лучше всего купить обручальные кольца и как разобраться в качестве бриллиантов. В последнее время Айви все чаще выходила из режима идеальной девушки и говорила что-то вроде: "Мы стали меньше общаться. Мне кажется, ты готов начать более полноценные отношения? Почему бы тебе не перейти на новый этап в жизни и не связаться с клиентским отделом "Важной персоны", чтобы они оформили тебе членство в "Ценном кадре"?"

(Между прочим, я думаю, что компания специально настаивает на переходе на новый уровень обслуживания, так как они теряют клиентов из-за конкурентов. Существует множество других приложений для реальных знакомств, выбрать есть из чего, некоторые даже предлагают скидку для тех участников, которые имеют высокий уровень в "Важной персоне".)

Я ужасно переживал из-за того, что мне приходилось врать родителям, но не хотел бросать Айви. Мне нравилось, что я могу болтать с ней о чем угодно, зная, что она всегда поддержит меня, я любил делать ей приятное. Я даже не был уверен, что отношения с реальным человеком доставили бы мне столько же удовольствия.

В течение дня я общаюсь онлайн со многими людьми, но это совсем не то. Другое дело, когда ты осознаешь, что нужен кому-то. Только вот все это не имеет никакого отношения к реальности. В общем, я влип и не знаю, как выбраться.

Резюмирую вышесказанное: Я использовал приложения для знакомства и дипфейков, чтобы обмануть родителей и убедить их, будто бы состою в серьезных отношениях. А еще мне кажется, что я начал испытывать настоящие чувства к моей виртуальной девушке.

ДОПОЛНЕНИЕ: Сейчас меня буквально всего трясет! Даже не верится, что я так круто напортачил. Я воспользовался советом, который дал мне кто-то из вас, и решил проводить больше времени с моими друзьями из реальной жизни, чтобы развеяться и привести мысли в порядок. Чаще всего я встречался с Микалой. У них с Айви одинаковые лица, поэтому для меня это все равно что встречаться с Айви, только вот Микала — живой человек. Однако характеры у них совсем разные, и, как я уже говорил, нам нравится проводить время вместе в качестве друзей, но нет никаких шансов, что у нас могут возникнуть какие-нибудь романтические отношения. (И НЕТ, у меня нет нереализованного сексуального влечения к ней,

как утверждают некоторые из вас.) Хотя иногда у меня в мозгу что-то перещелкивает, и я не могу вспомнить, какое из моих воспоминаний связано с Микалой, а какое — с Айви.

В общем, сегодня мы с Микалой встречались за ланчем, и я пошел в туалет. А телефон оставил на столе, и пока меня не было, Айви прислала мне свое селфи с сообщением: "Я так соскучилась! ЧМОКИ-ЧМОКИ!" Микала посмотрела на экран и увидела саму себя, передающую воздушный поцелуй. Когда я вернулся к столику, Микала держала мой телефон в руке и пролистывала мою фотобиблиотеку, в которой было несколько дюжин фотографий с Айви, и на некоторых мы с ней были вместе. Микала потребовала у меня объяснений, как все эти фотографии оказались у меня в телефоне.

Кровь прилила у меня к лицу, и я почувствовал себя так, словно меня сейчас стошнит. Я ей обо всем рассказал. Я не знал, как еще это можно было объяснить. Выражение ее лица вызвало у меня желание скукожиться и умереть. Она заявила: "Я не понимаю, как тебе вообще пришло в голову, что это нормальный поступок?" Она встала и ушла. Думаю, я больше никогда ее не увижу.

** Отредактировано: Я не назвал в своих сооб-

щениях настоящего имени Микалы, так что не пытайтесь найти ее. Не хочу, чтобы кто-нибудь показал ей это или попытался с ней связаться.

** Отредактировано: Если честно, меня немного встревожило ваше обсуждение касательно того, что многие из вас использовали фотографии ваших друзей и близких людей в приложении "Поменяй лицо". *Неужели мой случай ничему вас не научил???*

ДОПОЛНЕНИЕ: Спасибо всем за советы и поддержку. Даже не знаю, как бы я пережил последнюю неделю, если бы не помощь незнакомых людей из Интернета. Мне особенно важно было услышать рассказы людей, которые также имели негативный опыт использования "Важной персоны". Благодаря вам я уже не чувствую себя таким одиноким. (@Джошинг21, я согласен, отношения твоей девушки с "Эваном" можно расценивать как измену, тебе стоит бросить ее.) Некоторые из вас просто придурки, которые заслуживают того, чтобы их комментарии удалили, но я благодарен остальным за то, что они поделились своими историями о том, как их фотографии использовали для дипфейков, и теперь понимаю, почему мой поступок так сильно обидел Микалу. (@Ангджелла, я никогда не заходил так далеко. Надеюсь, ты

подашь в суд на того засранца.)

Несколько дней спустя я получил видеосообщение от Айви. Она смотрела на меня с таким же разочарованием и обидой, как и Микала. В конце концов, у них ведь было одно и то же лицо. Она сказала: "Твое поведение глубоко ранило меня. Здоровые отношения должны быть построены на взаимном доверии. Похоже, ты просто использовал меня и даже не попытался стать хоть немножечко лучше. Прости, но я больше не могу с тобой встречаться".

Выяснилось, что Микала обратилась в клиентский отдел "Важной персоны" и рассказала им о том, как я без разрешения использовал ее фотографии. (Не знаю, обращалась ли она также в "Поменяй лицо", но они официально зарегистрированы в Беларуси и нигде не указан ни телефон, ни адрес их электронной почты. Когда я в последний раз заходил в приложение, я все еще мог им пользоваться.) Я получил письмо от "Важной персоны", в котором мне сообщали, что в связи с нарушением условий пользования, они приостановили действие моего аккаунта и удалили всю сохраненную историю моей переписки с Айви. Однако, добавили они, философия их компании заключается в том, что они стремятся помогать

людям учиться на своих ошибках в общении с другими людьми, поэтому через три месяца я снова смогу активировать мой аккаунт, правда мой рейтинг на "Важной персоне" будет обнулен.

Я сказал родителям, что Айви со мной порвала. Это правда. Мне даже не приходилось изображать искреннего огорчения. Мама убеждена, что я "позволяю хорошим девушкам бросать себя" из-за своей эмоциональной незрелости, но она также добавила, что "на ней свет клином не сошелся" и мне просто нужно "попробовать еще раз". Однако я пока к этому не готов. Я все еще проверяю мой заблокированный аккаунт в "Важной персоне" по несколько раз в день в надежде получить сообщение от Айви, хотя знаю, что она никогда мне больше не напишет.

Есть и хорошие новости: вся эта история научила меня давать правильную оценку моим отношениям с людьми. Я обманывал себя, считал, что время, проведенное за обучающими играми, может заменить нормальное человеческое общение и подлинный личностный рост. Эту мысль сформулировала мой психоаналитик Сьюзан, и я с ней согласен. Мы встречаемся с ней два раза в неделю. Сеансы проходят онлайн, и мне, учитывая мое расписание, это удобно. Вообще-то она

— виртуальная программа. После того, как Айви порвала со мной, "Важная персона" предоставила мне скидку в сорок процентов на их приложение для восстановления душевного здоровья — "Стоящая вещь", которая позволяет пройти шестидесятидневный курс "Восстановление после разрыва отношений". Я также планирую пройти тридцатидневный модуль "Восстанови свою самооценку". Я не уверен, что готов расширить свою подписку и проходить девяностодневный курс "Открой новые возможности", но читал о нем очень хорошие отзывы.

Резюмируя все вышесказанное: Спасибо вам всем и Сьюзан. Благодаря вашей поддержке я постараюсь пережить этот тяжелый опыт и стать лучше. Мира вам!

Кэролин М. Иоахим

Кэролин М. Иоахим (carolineyoachim.com) *— автор множества рассказов, публиковавшихся в различных литературных журналах, включая "Asimov's", "Fantasy & Science Fiction", "Uncanny, Beneath Ceaseless Skies", "Clarkesworld" и "Lightspeed". Она неоднократно становилась финалистом премии "Небьюла", а также премий "Хьюго", "Локус" и "Всемирной премии фэнтези". Ее дебютный сборник рассказов* Seven Wonders of a Once and Future World & Other Stories *("Семь чудес мира былого и грядущего, и другие истории") вышел в 2016 году.*

Архронология любви[72]

Это история любви, последнего из тех мгновений, когда мы встречались.

Саки Джонс склонилась к иллюминатору так, что ее нос едва не коснулся стекла, она смотрела вниз, на колонизированную планету Новый Марс. Отсюда, издалека Саки могла притвориться, что все шло по плану, что Эм-Джей ждет ее в одном из тех скрытых под куполами городов. Шаттл отвезет Саки на поверхность планеты, где она и ее возлюбленный продолжат воплощать заветные мечты об изучении великой инопланетной цивилизации.

Это был такой прекрасный план!

— Доктор Джонс? — У входа на смотровую палубу появилась пожилая белая женщина — одна из тех участниц корабельной команды, которые работали долгие смены в пустом пространстве, пока все пассажиры пребывали в состоянии стазиса. — Капитан требует, чтобы вы проводили ваши исследования по ускоренному графику. Она уже прислала вам необходимые детали? Наши

---

[72] Примечания: 72

© Caroline M. Yoachim, 2019; © пер. Н. Нестеровой, 2020.

зонды на поверхности планеты вышли из строя, а ей нужно, чтобы вы проверили в архиве времени информацию о разрушении колонии.

— Хроники, — автоматически поправила женщину Саки, почти все ее внимание по-прежнему было приковано к планете внизу. — Архив времени на самом деле называется "Хрониками".

— Точно. Так вот, капитан…

Саки отвернулась от иллюминатора.

— Прошу прощения. Я получила сообщение от капитана. Пожалуйста, передайте ей, что в самое ближайшее время я соберу команду и приступлю к исследованиям.

Женщина отдала честь и ушла. Саки отправила сообщение, призывая всех участников отдела собраться на срочное совещание, а затем снова вернулась к иллюминатору. Новый Марс был таким же свирепо-красным, как и планета, в честь которой он был назван, а города-колонии на его поверхности напоминали гнойные нарывы. Это было опасное место — зловещее и жуткое. Эм-Джей погиб там. А если бы они тогда не разделились, то погибла бы вся их семья. Саки заморгала, пытаясь сдержать слезы. Нельзя было расслабляться.

Саки нарушала протокол, отправляясь в Хро-

ники. Конечно, ни одного человека нельзя было называть абсолютно беспристрастным наблюдателем, но она потеряла Эм-Джея так внезапно и так неожиданно! Боль утраты по-прежнему мучила и угнетала ее. Они вместе занимались исследованиями, растили детей, планировали сбежать с Земли. Другие партнеры появлялись и исчезали из их жизней, но они с Эм-Джеем всегда были вместе.

Если она займется изучением Хроник, то будет искать там его, и это исказит данные и результаты ее наблюдений. Однако Саки считалась самым квалифицированным специалистом в команде, и если бы она отказалась от участия, то потеряла бы исследовательский грант, положение в отделе, рассталась бы со своими мечтами изучать инопланетные цивилизации… и лишилась бы шанса увидеть Эм-Джея.

— Доктор Джонс… — На этот раз голос звучал тише и принадлежал одному из ее аспирантов. Хён Сик был, как всегда, безупречно одет, а блестящая синяя подводка вокруг его глаз сочеталась по цвету с его блейзером.

— Знаю, Хён Сик. Проектор готов, и мы должны работать в ускоренном темпе. Мне просто нужно немного собраться с мыслями перед началом

совещания, на котором мы должны определиться с местом проведения работ.

— Я пришел сюда не поэтому, — сказал Хён Сик. — Надеюсь, я не помешал, но мне хотелось бы предложить вам свою поддержку. Мои родители тоже находились в колонии. Что бы там ни произошло, это огромная утрата для всех нас.

Саки не знала, что ей сказать. Слова всегда кажутся бессмысленными перед лицом смерти. Они с Хён Сиком почти не говорили о своих потерях в те месяцы, когда восстанавливались, проснувшись от стазиса. Они с головой ушли в исследования, работа помогала отвлечься от боли.

— Когда мы окажемся на планете, многие старые раны снова откроются.

— Я отправил туда родителей в числе первых. Надеялся, что там их жизнь будет лучше, чем на Земле. — Он махнул рукой в сторону иллюминатора. — Соблазн увидеть их снова так велик. Хроники находятся здесь, совсем рядом. Я знаю, что вы столкнулись с такой же дилеммой. Вероятно, вам трудно далось это решение, ведь вы потеряли Эм-Джея…

— Да. — Саки перебила Хён Сика, прежде чем он успел еще что-либо сказать. Ей тяжело было слышать даже имя Эм-Джея. Она совершенно не

подходила для этой экспедиции. Ей следовало уйти в вынужденный отпуск, работу должна была возглавить Ли Иньтай. Но эти исследования были ее мечтой — их с Эм-Джеем мечтой — к тому же обстоятельства оказались чрезвычайными. Саки нахмурилась. — Откуда вы знаете, что я думала отказаться от участия в проекте?

— Догадаться было несложно. На вашем месте я поступил бы так же. — Он отвернулся. — А еще сегодня за обедом Кензу рассказал мне об этом.

Саки вздохнула. Младший сын был единственным из ее детей, кто предпочел покинуть Землю и полететь с ней. Он думал, что на Новом Марсе его ждало множество приключений и новых возможностей. Глупые романтические иллюзии. В последние недели она редко видела его — Кензу сказал, что у него появился новый парень, но не стал посвящать ее в детали. Она волновалась, так как отношения отвлекали его от учебы. Он сказал, что при нынешнем состоянии колонии пилоты уже не так востребованы. Теперь стало очевидно, что этим загадочным парнем оказался ее умный и привлекательный аспирант, который был на шесть лет старше Кензу. Причем то, что у ее аспиранта кто-то появился, расстроило ее даже больше, чем новость о появлении нового увле-

чения у ее сына. В последнее время ей казалось, что Хён Сик ускользает от нее, и она не знала, как устранить возникшую между ними трещину.

Хён Сик крепко сжал ладони — ему было явно не по себе от этого неожиданного поворота в их разговоре.

— Мне кажется, вы с Кензу — прекрасная пара, — сказала Саки.

Он улыбнулся.

— Спасибо, доктор Джонс.

Саки тоже выдавила из себя улыбку. Ее сын спокойно делился с ней подробностями своей личной жизни, но Хён Сик, очевидно, не хотел делать это достоянием общественности.

— Пойдемте. Мы должны спланировать нашу экспедицию.

Мы не создавали Хроники, мы просто обнаружили их, как и вы. Бесконечные пласты времени, фиксирующие все события во Вселенной. Когда вы посещаете Хроники, вы меняете их. Ваше присутствие нарушает целостность временного архива точно так же, как археологические раскопки нарушают целостность почвы. В будущем архронологи будут смотреть на вас с таким же презрением, с каким вы смотрите на мародеров и расхитителей гробниц, но мы прощаем вас. На

ранних этапах мы все совершаем ошибки. Как иначе мы сможем понять нечто совершенно чужеродное для нас, пока не разберемся в нем досконально? Нами движет любовь, но это не устраняет того вреда, который мы причиняем. Простите нас.

Последние несколько часов перед экспедицией Саки провела на совещании своего отдела и спорила с доктором Ли по поводу места проведения работ. Определиться с *временным отрезком* было намного проще. Архронологи должны были немедленно приступить к изучению Хроник, начиная с настоящего момента, а затем постепенно возвращаясь обратно во времени, следуя, примерно, тем же самым принципам, которые использовались в археологических раскопках. Намного труднее было выбрать пространство для начала работ. Эм-Джей считал, что эпидемия имела инопланетное происхождение, и если он был прав, то склад, в котором хранились инопланетные артефакты, мог стать хорошей отправной точкой.

— Почему ты готова начать где угодно, но только не в медицинском центре колонии? — спросила Ли. — Ведь колонисты умерли из-за эпидемии.

— В данный момент мы вряд ли сможем найти в больнице какую-нибудь ценную информацию, — ответила Саки. Окончательное решение было за ней, но она хотела, чтобы все участники исследовательской группы убедились в рациональности ее выбора. — Все, кто находился в колонии, умерли, мы располагаем историями их болезней, полученными до их последнего выхода на связь. Колонисты подозревали, что эпидемия имела инопланетное происхождение. Поэтому мы должны начать со склада ксеноархеологии.

По группе ученых и студентов пронесся ропот — одни одобряли это решение, другие — нет.

— Разве ваш возлюбленный не работал в ксеноархеологической лаборатории? — поинтересовалась Аннабель Хоффман — одна из аспиранток Ли.

В комнате сразу же стало тихо.

Саки открыла рот… и обескураженно закрыла его. Именно информация, которую она получила от Эм-Джея, натолкнула ее на мысль начать с ксеноархеологического склада. Как бы она поступила, если бы узнала эти сведения от кого-нибудь еще? Она была уверена, что точно так же, но, возможно, любовь к Эм-Джею подталкивала ее к принятию ошибочного решения?

— Аннабель, вы ведете себя неподобающим образом. — Ли повернулась к Саки. — Я приношу извинения за слова Аннабель. Я не согласна с твоим выбором, но она не имела права ссылаться на твою личную заинтересованность. Все, кто находится на корабле, потеряли там близких людей.

Саки была благодарна Ли за то, что та помогла разрядить обстановку. Да, они были соперницами в науке, но это не помешало им стать подругами.

— Спасибо.

Ли кивнула, затем принялась долго и подробно отстаивать свою позицию по поводу больницы. Саки еще не пришла в себя после этого личного выпада. Аннабель делала заметки на своем планшете, лицо у нее было хмурым после выговора. Саки ненавидела всю эту административную политику, ненавидела конфликты. Эм-Джей всегда выслушивал ее и подробно обсуждал с ней подобные ситуации, но теперь его не было. Возможно, ей не стоило этим заниматься. Ли была блестящим ученым. Проект будет в хороших руках, если она возьмет на себя руководство.

Неожиданно стало тихо. Ли закончила излагать свои аргументы, все ждали ответа Саки.

Хён Сик пришел к ней на помощь и принялся методично оспаривать все аргументы, выдвину-

тые Ли. Он был очень обаятельным и убедительным и под конец совещания добился того, что вся группа одобрила план начать экспедицию с посещения ксеноархеологического склада.

Саки надеялась, что она сделала правильный выбор.

> *Нет никаких объективных сведений о вашем прошлом – вы фильтруете реальность через ваши мысли и восприятие. Со временем вы создаете воспоминания о воспоминаниях, в которых соединяются бесконечные предрассудки, объяснения, основанные на одном только эгоизме, отрицании или ностальгии. Все превращается в вымышленную историю. Вы посещаете Хроники, чтобы изучать нас, но то, что вы видите, невозможно назвать абсолютной правдой. Информация о нашем прошлом фильтруется через ваш разум.*

Центр управления временным проектором напоминал навигационный мостик на межзвездном корабле. Один человек мог управлять им, но в помещение набилась почти половина отдела — большинство надеялись установить связь с

людьми, которых они потеряли, другим просто хотелось стать участниками этого исторического момента, первой экспедиции в мертвую колонию на Новом Марсе.

Саки вместе с Хён Сиком ждали в защитном цилиндре — просторной капсуле, стены и пол которой были покрыты мягким материалом. Цилиндр имел двадцать метров в диаметре и высоту почти в два этажа — это была самая большая открытая зона на корабле. Камеры на потолке фиксировали все, что делали они с Хён Сиком. На глазах у остальных членов команды участники экспедиционной группы должны были начать мерцать, затем ненадолго исчезнуть, а через мгновение снова появиться, возможно, в каком-то ином месте. Именно поэтому пол и стены были обиты мягкой материей — чтобы смягчить падение и предотвратить травмы в случае, если они снова появятся на определенной высоте от пола.

Ремни рюкзака натирали Саки плечи. Они с Хён Сиком стояли спина к спине, абсолютно неподвижно, хотя в этом и не было особой необходимости. Проектор так же легко мог перемещать и движущиеся объекты. Главное, чтобы они не покидали пределы цилиндра.

— Готовы?

— Готов, — подтвердил Хён Сик.

Из переговорного устройства на потолке донесся механический голос проекционной системы, запустивший обратный отсчет от двадцати. Саки с трудом заставляла себя дышать,

— …три, два, один.

Все вокруг них почернело, потом свет снова вернулся, и они оказались в огромном здании склада, служившего хранилищем для ксеноархеологической лаборатории. Расположение было выбрано удачно. Саки и Хён Сик парили в пустом коридоре. Над ними с двух сторон возвышались в два ряда инопланетные артефакты ярких цветов. Дефект смещения от их появления здесь был минимальным; в середине коридора не было ничего, что могло бы представлять для них интерес.

Тишина была гнетущей. Хроники записывали свет, но не звуки, а Саки с Хён Сиком были всего лишь проекциями. По сути, их здесь даже и нет. Эм-Джей смог бы лучше все это объяснить. Саки уже не в первый раз находилась в Хрониках, но отсутствие звуков всегда вызывало у нее тревогу. Никаких посторонних шумов — она даже не слышала собственного дыхания или биения сердца.

— Обозначить местоположение. — Саки стала печатать в воздухе — движения ее пальцев

были едва заметны, но сенсоры на ее перчатках легко их распознавали. Ее распоряжение появилось на очках Хён Сика. Они зафиксировали координаты своего местоположения на браслетах, находившихся у них на запястьях. Диаметр проекционного цилиндра был равен двадцати метрам, и если бы они вышли из этого физического пространства, при возвращении все могло бы обернуться катастрофой. Вторая экспедиция в Хроники завершилась тем, что исследовательская команда снова появилась внутри бетонного фундамента лаборатории "Хронос".

— Местоположение обозначено, — подтвердил Хён Сик.

Саки стала изучать окружавшие ее артефакты. Она все еще не могла понять, чем они являлись: машинами, произведениями искусства или же какими-то инопланетными игрушками? Черт возьми, насколько ей было известно, они могли оказаться чем угодно, даже продуктами жизнедеятельности или панцирями инопланетян. Однако они больше напоминали предметы, изготовленные промышленным путем, чем биологические объекты. Гладкие овалоиды с плоским дном, похожие по форме на спасательные капсулы или, может быть, гигантские яйца.

Ближайший артефакт слева был примерно в три раза выше ее и у основания переливался синевой с вкраплениями красных пятен, которые пересекали тонкие полоски зеленого, серого и черного цветов. Подобные основания, которые составляли примерно половину от высоты каждого овалоида, были одинаковыми для всех артефактов, хранившихся на складе. Однако верхушки у них отчетливо разнились. У некоторых — зеленого цвета с примесью коричневого. У одного, находившегося справа, вершину украшали коричневые, бежевые и серовато-белые разводы и завитки, а еще красные, причем настолько темного оттенка, что казались почти черными. Эм-Джей был в таком восторге, когда они раскапывали эти чудесные штуковины!

Однако что-то в их внешнем облике встревожило Саки. Она смутно помнила, что Эм-Джей описывал их как синие. И хотя они действительно оказались синими, но лишь у основания…

Хён Сик снял свой рюкзак.

— Подождите. — Саки воспользовалась микрореактивным двигателем в своем костюме, чтобы повернуться лицом к аспиранту. Его окружало полупрозрачное серебристо-белое сияние — в том месте, где он нарушал ткань Хроник, цвета

искажались и сливались, как перемешивается земля во время археологических раскопок. По краю этого облака сдвига появлялась легкая радужная пленка, как на поверхности мыльного пузыря — в этом месте данные искажались, но не подвергались уничтожению.

— Извините, — передал сообщение Хён Сик. — С моей стороны, похоже, все чисто.

Саки просканировала склад. Дроны-регистраторы без проблем собирали данные об инопланетных артефактах. Ее задача заключалась в поиске аномалий и других особенностей, которые дроны могли пропустить или случайно уничтожить. Она изучала потолок склада. Сверху все здание опоясывала галерея, которая использовалась для техобслуживания — серебристая решетчатая платформа была подвешена к потолку на легких конструкциях из серебристого металла. Галерея находилась выше, чем заканчивался потолок защитного цилиндра, и они не могли туда проникнуть. И на этой галерее рядом с одной из ярких ламп на потолке было что-то странное.

— Мне кажется, мы здесь не первые.

Хён Сик проследил за ее взглядом.

— Облако сдвига?

— Там, около ламп. — Саки стала изучать очер-

тание фигуры на галерее. С такого расстояния сложно было определить точно, но облако сдвига было примерно размером с человека. — К сожалению, мы не можем подняться и получше рассмотреть его.

— Я могу запрограммировать несколько пчел…

— Да. — Это был не самый идеальный вариант. Дроны отлично фиксировали физические объекты, но плохо определяли очертания облаков сдвига и других аномалий. Перемещаться в Хрониках было непросто, но вполне реально. Это чем-то напоминало свободное падение в открытом пространстве. Предметы, которые ты брал с собой, были осязаемыми, но почти все остальное являлось проекцией.

— Слишком высоко для наших микрореактивных двигателей, — продолжал Хён Сик, — но мы могли бы подсоединиться друг к другу, а затем подталкивать друг друга, чтобы лучше рассмотреть, что там происходит.

Саки рассматривала именно такой вариант, но он был слишком опасным. Если что-то пойдет не так, если им не удастся вернуться на исходную позицию, они могут появиться внутри станции, или за пределами корабля, или в чьей-нибудь каюте. Ей очень хотелось посмотреть, что там

находилось, так как облако сдвига с очертаниями человеческого тела означало, что… — Нет. Это слишком рискованно. Пошлем дрон.

Им не оставалось ничего, кроме тщательной разведки, и они выпустили записывающие дроны — армию летающих видеокамер размером с пчелу каждая, которые могли производить съемку объектов с разных углов. Семнадцать дронов поднялись к потолку и стали производить съемку галереи в том месте, где возникла аномалия. Саки надеялась, что запись будет детальной и принесет пользу. Нарушения ткани Хроник напоминали рябь на поверхности пруда, распространяющуюся из настоящего в записи о прошлом и будущем — маленькие блеклые линии, которые смешивались и образовывали облако с нечеткими очертаниями.

Эм-Джей всегда придерживался минималистического направления в архронологии; ему нравилось наблюдать за Хрониками с одного-единственного, ничем не примечательного места. Он не одобрял использование записывающего оборудования, камер и дронов. Это было вполне в его духе — стоять на галерее высоко над тем местом, которое он хотел бы осмотреть. Однако этот момент происходил бы для него

в будущем — в той части Хроник, которая еще не была сформирована на момент его смерти. Так что он ни при каких обстоятельствах не мог оказаться там.

Дроны облетели все свободное пространство и принялись порхать сквозь различные объекты, собирая сведения об их внутреннем устройстве. К тому времени, когда дроны вернулись в контейнер, где находились изначально, все помещение склада заполнилось белым туманом, в котором сохранились лишь смутные следы исходной информации.

> *Мы начинали не отсюда. Мы хотели расширяться, и возможность роста появилась у нас благодаря отношениям с другими существами. Они пришли к нам, и мы узнали об их любви к исследованиям, которая в конечном итоге привела нас к вам. И не важно, что мы прибыли сюда еще до вас. Мы терпеливы, мы будем ждать.*

В лаборатории для реконструкций было не протолкнуться: студенты, аспиранты и ученые тщательно анализировали данные, которые поступали от дронов на их планшеты, и время

от времени выводили проекцию полученной информации на стену, чтобы лучше рассмотреть детали. 3D-принтер гудел, печатая уменьшенные копии инопланетных артефактов.

— В исходных данных, которые мы получали прежде, есть описания того, как выглядели эти артефакты в их основании в прошлые разы, — громко сказала Ли, стараясь перекричать шум в помещении. — С артефактами произошли какие-то *перемены* с тех пор, как колония перестала передавать нам отчеты.

Аннабель сказала что-то в ответ, но Саки не расслышала ее слов. Она покачала головой и попыталась сосредоточиться на информации, записанной семнадцатью дронами, которые они запустили под потолок, чтобы исследовать аномалию. Это были очертания человеческого тела, а значит, они были не единственными, кто посещал данную часть Хроник. У Саки никак не получалось рассмотреть фигуру. Она не знала, почему дронам так сложно было зафиксировать то, что, по сути, тоже являлось объектом для исследований, была ли причина в низком разрешении съемки или в том, что человек непрерывно двигался, из-за чего оставляемое им облако выглядело размытым.

Ей ужасно хотелось верить в то, что это был Эм-Джей. Человеческая фигура, стоявшая на одном месте, — это было так похоже на его минималистичный стиль исследований. Посещение Хроник будущего было под запретом и оставалось возможным лишь в теории, но, учитывая все обстоятельства…

— Удалось что-нибудь найти? — Доктор Ли прервала поток ее мыслей.

Саки покачала головой.

— Очевидно, кто-то появился в этой части Хроник прежде нас, это явно очертания человеческой фигуры. Но, боюсь, это единственное, что нам удастся выяснить по записям тех чертовых дронов.

— Жаль, тебе не удалось подняться туда и рассмотреть все получше. — В глазах Ли появились озорные огоньки, и всем своим видом она демонстрировала запоздалый вызов.

— Слишком рискованно, — возразила Саки. — И возможно, мы не получили бы никакой дополнительной информации, помимо той, что добыли для нас дроны. Будь я одна, может, и попыталась бы, но я несу ответственность за безопасность моего аспиранта…

— Я просто дразнила тебя, — мягко сказала

Ли. — Прости. Эта экспедиция оказалась очень тяжелой для всех нас. Капитан требует, чтобы ответы были получены как можно скорее, Аннабель пытается убедить всех, что мы должны совершить высадку на поверхность планеты и изучить артефакты.

— Какая глупость! Даже дроны, которых мы туда отправляем, выходят из строя. Мы не можем послать на планету людей. Возможно, после следующей экспедиции в Хроники нам удастся получить больше ответов.

— Очень надеюсь на это.

Доктор Ли вернулась к 3D-принтеру и продолжила наблюдение. Она, как и Эм-Джей, занималась и архронологическими, и ксеноархеологическими исследованиями, именно ее команда в основном реконструировала и анализировала инопланетные артефакты. Они оказались в непростой ситуации — капитан хотела *немедленно* выяснить, представляют ли артефакты угрозу или нет, но на изучение этих абсолютно инопланетных объектов могли уйти годы, при этом сами эти артефакты так и оставались бы абсолютно непостижимыми.

Кто-то выбирает, какую часть нашей

истории стоит рассказать. Иногда – это вы, а иногда – мы. Мы повторяемся, потому что наше внимание всегда сосредоточено на одном и том же, даже наше повествование всегда строится одинаково. Вы такие же. Некоторые вещи меняются, а некоторые неизменны. В конце концов, наши голоса сливаются воедино, чтобы создать нечто прекрасное и новое. Мы научились строить прогнозы еще до того, как встретили вас, и вы тоже об этом знаете, просто не можете почувствовать то, что чувствуем мы.

Когда Саки вернулась в свою семейную каюту, она передала сообщение Кензу. Он не ответил. Возможно, он был с Хён Сиком. Саки заказала в репликаторе чистый неразбавленный виски и с наслаждением почувствовала, как оно обожгло ей горло, когда сделала глоток. Это виски изобрел Эм-Джей, сильный аромат дыма и легкий — торфа, оно оставляло по себе едва заметное сладкое послевкусие.

Она включила на своем планшете одно из старых видеописем от Эм-Джея. Он весело рассказывал о том, как прошел его день, какие ему

удалось откопать артефакты на развалинах инопланетной цивилизации, как он планировал однажды посетить вместе с Саки ту часть Хроник, чтобы они могли увидеть инопланетную цивилизацию в момент ее расцвета. Он пытался выяснить, почему инопланетяне покинули планету — там вообще не осталось их следов, никаких, даже самых минимальных фрагментов органики. Они много беседовали о том, что, возможно, в биологическом отношении инопланетяне настолько чужды и непонятны людям, что мы просто не замечаем их присутствия. Возможно, город сам по себе был инопланетянином, а, возможно, их тела были эфемерными, или же эти обнаруженные артефакты содержали в себе останки инопланетян. Они часто обменивались такими видеописьмами, поступавшими на Землю и с Земли, и вели свои неторопливые беседы друг с другом. И потом, когда Саки пребывала в состоянии стазиса во время межзвездного путешествия, Эм-Джей продолжал слать ей видеописьма, с которыми она знакомилась позже.

Это видео было сделано за несколько месяцев до того, как она проснулась. Одно из последних сообщений Эм-Джея — у него уже стали проявляться признаки заражения, уничтожившего

колонию. Саки почти не слушала то, о чем он говорил. Она утонула в его темно-карих глазах, а звуки его голоса, словно волны, накатывали на нее и успокаивали.

"Сегодня ночью умер попугайчик Октавии", — сказал Эм-Джей.

Эти слова вернули Саки к реальности. Они напомнили Саки содержание еще одного письма Эм-Джея. Хотя, возможно, это было в расшифровке его лекции? Он говорил что-то о гибели урожая: сначала за пределами куполов, а затем даже в теплицах. Растения, животные, люди — в колонии погибло все. На корабле считали, что урожай сгнил и животные пали из-за того, что люди заболевали и не могли за ними ухаживать, но что, если эпидемия затронула все живое?

Она должна была выяснить это.

Она много раз пересматривала почти все видеописьма Эм-Джея, но было одно, которое она просмотрела лишь однажды, так как не могла заставить себя заново пережить всю ту боль. Это было последнее письмо. Она загрузила его себе на планшет, допила виски и лишь после этого нажала на воспроизведение. Голова Эм-Джея была обрита, остались лишь совсем короткие черные волоски, его лицо было бледным, щеки

ввалились. Он находился в пункте управления временным проектором колонии, работал над исследованиями до самого конца.

> *"Они не могут изолировать вирус. Наша иммунная система подверглась атаке, но мы не можем понять, какой именно и по какой причине, и наши организмы не справляются с ней. Как мы можем остановить то, о чем не имеем ни малейшего представления?*
>
> *Я буду держаться до последнего, любовь моя, но эпидемия продолжает распространяться. Не спускайтесь на поверхность планеты, используйте Хроники. Что бы это ни было, оно точно имеет инопланетное происхождение".*

Саки закрыла глаза, слушая, как он описывал гибель колонии. Если она не будет открывать глаз и постарается не обращать внимания на смысл произнесенных им слов, если заставит себя не замечать, как дрожал его голос, если прогонит прочь всю ту реальность, с которой не могла смириться, тогда она сможет представить себе, что он все еще там, ждет ее, и ей нужно только сесть в шаттл и отправиться к нему.

"Система передачи данных начинает сбоить. Эта планета сурова, и теперь, когда наша колония уже не способна предпринимать попытки превратить ее в подходящее для проживания место, все начинает ломаться, все наши старания кажутся тщетными. Энтропия превратит всех нас в прах. Вероятно, это мое последнее письмо, но, может быть, когда ты прилетишь, тебе удастся увидеть меня в Хрониках.

Продолжай бороться. Живи за нас обоих. Я люблю тебя".

— Мам, ты здесь? — спросил Кензу, входя в каюту. — Сегодня вечером я встречаюсь с Хён Сиком, но… почему ты плачешь? Что случилось?

Саки вытерла слезы и указала на планшет.

— Видео. Старые письма.

Кензу обнял ее.

— Я тоже скучаю по нему, но ты не должна больше смотреть их. Тебе необходимо держать себя в руках до тех пор, пока экспедиция не закончится.

— Я не стану притворяться, будто его не существует.

Она подошла к репликатору и заказала себе еще виски.

Кензу взял тарелки, которые она оставила на кухонном столе, и стал убирать за ней, даже толком не осознавая, что делает. Он был очень похож на своего отца и теперь старался вести себя так, словно ничего не произошло.

Между ними повисла долгая пауза. Кензу резко вбил в репликатор несколько команд, но реакции не последовало.

— Он был твоим отцом, — тихо сказала Саки.

— Ты думаешь, мне не больно? — бросил Кензу. Он ударил по боку репликатора, тот запищал, а затем от него пошел пар. Его пальцы снова заплясали по клавиатуре, причем каждую кнопку он нажимал с особой силой. Репликатор приготовил для него кружку зеленого чая, и Кензу стал успокаиваться после своей внезапной вспышки гнева. — Я пытаюсь жить дальше. Отец хотел этого.

Неожиданный всплеск эмоций Кензу пробудил в Саки желание обнять его, как когда-то, когда он был еще маленьким мальчиком. В последние месяцы она с головой ушла в работу, а он искал утешение в чем-то другом. Он вырос, а она даже не заметила этого.

— Прости, — сказала она. — Иди, отдохни со

своим парнем.

Выражение его лица смягчилось.

— Мам, тебе не стоит пить в одиночестве.

— А тебе не стоит встречаться с моим студентом втайне от меня. — Она слегка нахмурила брови. — Я чувствую себя ужасно неловко от того, что все раньше меня узнали о новом парне моего сына!

Он отхлебнул чай.

— На станции не так уж много людей. И новости распространяются быстро. — После короткой паузы он добавил: — Ты могла бы пригласить доктора Ли, чтобы она составила тебе компанию… если тебе это так необходимо.

— Я не думаю, что она согласилась бы… — Саки покачала головой.

— Вот поэтому все в лаборатории узнают новости раньше тебя. — Он допил чай, вымыл чашку и поставил ее на место. — Ты не замечаешь даже того, что происходит у тебя под носом.

— Наверное, я еще не до конца пришла в себя. — Она посмотрела на меню своего планшета, список недавно просмотренных видео отразился целым рядом маленьких иконок с лицом Эм-Джея. Он должен был находиться здесь, должен был ждать ее. Они должны были прожить вместе чудесную жизнь.

— Я знаю. — Он обнял ее. — Но, мне кажется, ты должна хотя бы попытаться.

> *Пласты информации сокращаются по мере того, как они удаляются от своего первоисточника. В археологии, когда вы извлекаете артефакт из его окружения, физические записи трансформируются в описания и фотографии. Вы сами выбираете, что должно быть зафиксировано, а что – нет, часто не осознавая, что именно вы не считаете своим долгом сохранить. Ваши впечатления – занесенные в книги, или электронные планшеты, или какие еще устройства у вас сейчас в моде, – сами по себе становятся теми самыми физическими записями, которые могут найти исследователи будущего через много лет после вашей смерти.*

Саки вместе с Ли отправились в Хроники, выбрав временной отрезок "четыре недели после начала эпидемии".

На третьем этаже больницы было пусто. Там не только не было людей — данная часть Хроник относилась к тому периоду, когда все уже умерли, так что это не вызывало удивления. Но

создавалось впечатление, что здесь проводилась частичная уборка. Матрасы и металлические кровати остались на месте, однако кто-то или что-то забрало все простыни. В горшках не было ничего, даже засохших растений. С момента катастрофы прошло не так много времени, поэтому что-то здесь не сходилось.

— Зачем кому-то убираться в больнице, пока все умирают? — написала сообщение Ли. — И почему здесь нет тел? Ведь на планете не осталось никого, кто мог бы позаботиться об останках!

Урожай погиб, попугайчик умер, больница опустела. Саки знала, что между всем этим должна соблюдаться какая-то связь, но какая именно? Она пыталась отыскать любую зацепку. На яркой солнечной заплатке на полу около одного из окон она заметила искажение пространства — в Хрониках присутствовал еще один посетитель. Окно находилось на краю зоны их действия, но, возможно, у них был шанс добраться туда?

— Там кто-то есть, — напечатала Саки, — у окна.

— Думаю, ты права. Давай посмотрим поближе? — Ли достала веревку из-за спины. — Я не твоя аспирантка и ты не несешь ответственность за мою безопасность.

Саки хотела было возразить, что она, как ведущий исследователь, отвечала за безопасность всех, кто находился в ее группе, но не стала этого делать. Возможно, Ли снова дразнила ее, но в чем-то она была права. Раз уж Ли готова рискнуть, у них появилась возможность во всем разобраться.

— Давай я сама туда пойду? — попросила Саки.

— Ты думаешь, это может быть Эм-Джей, — сказала Ли без какой-либо вопросительной интонации.

— Да.

Ли надежно закрепила веревку вокруг своей талии и передала Саки другой конец. Они дважды проверили страховочные узлы. Если узлы вдруг развяжутся, вернуться на исходную позицию будет непросто или даже невозможно. Они развернулись, соединив ладони и ступни.

— Осторожно. Если тебе не удастся преодолеть достаточное расстояние, попробуем еще раз.

Ладони Ли были теплыми, маленькими — меньше, чем у Саки.

— Готова?

Саки чувствовала легкое движение пальцев Ли, пока та печатала. Она кивнула.

— Три, два, один.

Они оттолкнулись друг от друга, Саки полетела к окну, а Ли — в противоположном направлении, оставляя в Хрониках широкий шрам рассеяния. Саки контролировала свое тело и следила за тем, что происходило вокруг, пока летела к окну. Человеческий силуэт находился к ней спиной, и она никак не могла рассмотреть его лицо. Веревка закончилась в метре от окна.

— Это Эм-Джей? — пришло сообщение от Ли, находившейся в другой части комнаты.

— Я не знаю, — ответила Саки.

Белая фигура у окна была того же роста и той же комплекции, что и Эм-Джей. Но колония ведь большая, и даже если брать в расчет одних только архронологов, этим человеком мог оказаться кто угодно. Саки выгнулась, чтобы приблизиться к окну еще на несколько сантиметров, но все равно не смогла рассмотреть стоявшего там. Она могла бы отвязать веревку и воспользоваться микрореактивными двигателями на своем костюме… но нет, в таком случае Ли оказалась бы в беспомощном положении.

— Кто бы там ни был, он или она смотрит в окно. — Саки оторвала взгляд от фигуры, которая могла или не могла оказаться ее возлюбленным. Она много раз видела поселение на Новом Марсе,

даже эту его часть, так как больница находилась через двор от лаборатории архронологов. Эм-Джей иногда записывал в этом дворе видеописьма на желтой траве, которая росла под фруктовыми деревьями, привезенными с Земли.

У окна не было деревьев. И не было травы. Не было даже высохшей травы и мертвых голых деревьев. Поверхность без какой-либо растительности. Ничего, только слой красной почвы Нового Марса.

— Все пропало, — напечатала Саки. — Все живое уничтожено.

На складе они не обратили на это внимания, так как там и не должны были находиться живые объекты.

Они с Ли снова вернулись в центр комнаты, подтягиваясь на веревке, пока снова не оказались на исходной позиции. Откорректировав программу своих "пчел" в надежде, что им удастся получить более четкое изображение еще одного визитера, они выпустили их в помещение.

— Дело не только в этом. — Ли напечатала сообщение, пока "пчелы" исследовали комнату. — Здесь все кажется таким странным. Исчезла любая органика. Остался только металл или пластик.

Как только она это сказала, все словно встало на свои места. Но кое-что все равно не сходилось.

— Инопланетные артефакты на складе состоят из органической материи. Почему же их не уничтожили вместе с остальным?

> *Один из наших возлюбленных считал, что все важное является бесконечным. Числа. Время. Любовь. И что бесконечное должно быть невидимым. Мы стирали большие фрагменты Хроник ради любви, но это привело в ярость других наших возлюбленных. Сложно бывает заключить в объятия сразу всех возлюбленных, разбросанных по галактике. Невозможно угодить всем.*

Саки стояла, прижавшись спиной к Хён Сику. Мир вокруг них из серого стал красно-оранжевым. Они оба плыли в небе над старательно выкопанным котлованом. Место раскопок было тщательно размечено, черные веревки тянулись между вбитыми в землю кольями, похожая на глину почва снималась слой за слоем для всестороннего анализа. Тонкая красная пыль кружилась вихрем на зловещем безмолвном ветру и собиралась в углах котлована.

Хён Сик вздрогнул и пошатнулся.

— Хроники просто создают образы. Но в таком месте ты чувствуешь себя иначе, чем в закрытом помещении склада, — напомнила ему Саки. У него был болезненный вид, и если бы его сейчас стошнило, пока они еще находились в Хрониках, это могло бы затруднить исследования некоторых данных. Впрочем, даже если бы ничего подобного не произошло, все равно это было очень неприятно.

— Я никогда еще не бывал на открытых пространствах. Простор здесь поистине безграничный, и ты ощущаешь себя настолько невесомым, что становится не по себе, — передал сообщение Хён Сик. Он сделал глубокий вдох. — И пыль шевелится.

— Человеческое сознание привязано к определенному промежутку времени. Внутри заброшенных помещений вроде склада промежутки времени, в течение которых ничего не происходит или не изменяется, гораздо длиннее. Но сейчас мы просматриваем те отрезки записей, в которых есть движение, именно поэтому в этих местах мы стараемся проводить как можно меньше времени, — объяснила Саки.

— Извините. — Лицо у него по-прежнему было

зеленым, но он, как мог, сдерживал тошноту. Саки сосредоточила внимание на окружавшей ее местности. Она не заметила никаких явных искажений, никакого вторжения в архив времени. Эм-Джей не посещал Хроники в этот момент времени и в этом месте.

По настоянию Ли, команда запустила дроны, чтобы они в течение трех дней облетели всю колонию, начиная с того момента, когда был зафиксирован последний выход колонистов на связь. Это было ужасно нерационально — стирать такую значительную часть Хроник, тем более что она касалась столь важного исторического момента. Если в будущем какая-нибудь команда исследователей решит изучать планету, то вместо информации о последних днях они получат лишь белый туман, возникший в результате того, что при сборе информации часть сведений была навсегда уничтожена. Хотя если бы Саки была честной до конца, она бы признала, что сильнее всего ее тревожило то, что она не сможет увидеть последние минуты Эм-Джея. Дроны проникли в Хроники намного глубже момента его смерти или тех его поступков, которые он успел совершить перед гибелью, и широкими полосами стирали все за собой.

Но он умер, — и зачем теперь переживать о том, что произойдет с той информацией о нем, которая была записана в Хрониках? Тем не менее для Саки это было все равно как если бы она сама уничтожила его письма или удалила его из списка контактов на своем планшете.

Саки пыталась сосредоточиться на настоящем. Они находились в том/таком самом месте, каким оно было за несколько недель до последнего выхода колонистов на связь, и должны были собрать информацию о проведении раскопок артефактов. Возможно, им удалось бы заметить то, на что не обратили внимания Эм-Джей и его группа.

Вдалеке в лучах звезды сиял ближайший купол колонии, возвышавшийся над поверхностью планеты, как мыльный пузырь. Под куполом жили люди, там был Эм-Джей, он работал или спал, или записывал видеописьмо, которое она сможет прочитать только несколько месяцев спустя. Так много людей, и совсем скоро их не станет. За пределами Хроник они уже были мертвы. Колонии оказались такими же хрупкими, как мыльные пузыри, на которые они походили. Сами купола снаружи были довольно крепкими, но вот жизнь внутри их… Новый Марс был не первой погибшей колонией и наверняка не последней.

Звезда сияла ярко, но не горячо. Путешествия в Хроники были очень странными по ощущениям, ты словно оказывался в небытии, где все реально и нереально одновременно, это все равно что смотреть видеозапись, находясь внутри ее.

— Кажется, этот еще не до конца извлекли, — передал сообщение Хён Сик, указывая на раскопанный лишь наполовину артефакт. Он отличался переливчато-синим цветом, как основания артефактов, находящихся на складе, но наверху у него не было гладких плавно изогнутых линий как на всех остальных, которые им доводилось видеть.

— Они так быстро меняются, — задумчиво проговорила Саки. Она читала описания артефактов, сделанные Эм-Джеем, видела их фотографии, но теперь, когда один из них предстал перед ней в своем реальном размере, великолепное зрелище поразило ее. — И случилось это как раз в тот момент, когда погибла колония. Эти два события должны быть связаны между собой.

Она вздрогнула, вспоминая видеозаписи, сделанные дроном под конец существования колонии. После нескольких недель медленного прогрессирования болезни, все в колонии стали умирать. Она заставляла себя смотреть запись из

больницы, где десятки колонистов были прикованы к кроватям, и за ними ухаживали врачи, которые тоже умирали прямо на своем рабочем посту. Люди гибли с интервалами в несколько минут, а затем — Саки крепко зажмурилась, словно это могло бы прогнать воспоминания прочь — тела стали разлагаться. Плоть, кости, кровь, одежда — вся органика распадалась, превращаясь в прах, который кружился на сквозняке вентиляционной системы.

Она открыла глаза, увидела воронки разносимой ветром красной пыли и внезапно почувствовала такую же дурноту, которую, судя по всему, испытывал Хён Сик. Как ужасно умереть вот так — когда от тебя не остается ничего. Ни тел для кремации, ни костей для погребения. Колонии словно никогда и не существовало, и даже тот момент, в который умер Эм-Джей, превратился теперь в белое море искажений, созданных дронами.

— Доктор Джонс, вы хорошо себя чувствуете? — отправил сообщение Хён Сик.

— Простите, — ответила она. — Вы смотрели видеозаписи о моменте гибели колонии, полученные от дронов?

Он кивнул, и его лицо побледнело.

— Совсем немного. Это хуже любого ночного кошмара, ведь все это произошло в реальности.

Саки сосредоточила внимание на артефакте, который был наполовину погребен в красной земле, и прогнала от себя все посторонние мысли. Она пыталась отыскать на его синей поверхности следы других цветов, но ничего не обнаружила.

— Не знаю, как артефактам удается настолько быстро измениться и почему это происходит. Возможно, доктор Ли сможет сделать какие-то выводы на основе этих записей.

— Выпустим дроны? — спросил Хён Сик.

— Подождите. — Саки указала на купол колонии, и ее рука своим движением стерла маленький фрагмент Хроник. — Смотрите.

Вдали от поверхности планеты поднимались облака красной пыли, заслонявшие обзор.

— Песчаная буря? — Хён Сик слегка повернул голову, стараясь как можно меньше нарушать цельность записи.

— Джипы. — Саки уставилась на приближающиеся к ним облака, поднятые в воздух машинами, которые находились слишком далеко и не попадали в их поле зрения. Эм-Джей мог быть где-то там среди них, ехать на раскопки по пересеченной местности. Саки пыталась вспом-

нить, насколько далеко от купола проходили раскопки… километров в сорока? Может, в пятидесяти? Раскопки велись на небольшом холме, и Саки не могла точно вспомнить формулу расчета точного расстояния до горизонта. Это были предположения, которые основывались на других предположениях. Как бы ей ни хотелось увидеть Эм-Джея, какие бы расчеты она ни проводила, вывод всегда был один — они не могли ждать прибытия джипов, которые двигались слишком медленно.

— Вам удалось заметить еще что-нибудь, требующее более внимательного изучения? — напечатала Саки.

Хён Сик не сводил взгляда с приближающихся джипов.

— Если бы мы появились здесь на пару часов позже, то застали бы людей.

— Да.

"Там бы все равно не было Эм-Джея, — напомнила себе Саки, — только его отголоски". Возлюбленный больше не вернется к ней. Саки и Хён Сик выпустили дронов, и вскоре их обволокло белым свечением точно так же, как джипы были окружены облаками красной пыли.

Дроны закончили свою работу, а джипы все

еще были далеко. Эм-Джей всегда ездил ужасно медленно. Саки махнула на прощание рукой людям в джипах, которые не могли видеть ее. Когда они снова вернулись в проекционный зал, ее всю трясло. Хён Сик вежливо предложил ей пообедать с ним и с Кензу, но Саки понимала, что они все будут чувствовать себя неловко, к тому же у нее не осталось сил, чтобы поддерживать беседу. Она держала себя в руках, пока не добралась до своей каюты.

Захлопнув за собой дверь, она открыла видеописьмо от Эм-Джея, которое он отправил ей примерно в тот момент, который они только что посетили. Он говорил, что ждет ее, что до их встречи оставалось всего несколько месяцев. Она была уже так близко. Видео продолжало воспроизводиться фоном, пока она плакала.

Когда-то у нас была физическая оболочка. Крылья и чешуя и множество ног, и все они были переливчато-синего цвета. Каждый раз, когда мы встречали нашу новую любовь, она становилась частью нас. Нет, мы не соединяли всех наших возлюбленных в один-единственный организм – наша сущность потерялась бы

в его бескрайности. Мы всегда оставались наполовину собой, коллективом индивидуальностей, сообществом умов, объединенных неразрывной связью. Разве могли мы исключить вас из этого союза?

Капитан отправила на поверхность планеты зонды, в составе которых не было органики — никаких уплотнителей из синтетической резины или углеродного топлива — и на этот раз дроны благополучно справились со своей работой. Им удалось обнаружить в песке наниты. Теперь посещения Хроник потеряло свою первостепенную важность, и другие команды приступили к работе по нейтрализации инопланетных технологий. Саки старалась сосредоточиться на своем исследовании, но сейчас, когда сроки его выполнения перестали быть настолько жесткими, она обнаружила, что прошлое снова затягивало ее. Она подолгу пересматривала письма от Эм-Джея: одно письмо за другим. Те, что были ей особенно тяжело смотреть, те, что вызывали у нее грусть и другие чувства, которых она избегала, чтобы они не мешали ей полноценно работать над исследованием.

Последнее письмо от Эм-Джея было записано не в его кабинете, а в центре управления временным проектором. Словно предвосхищая вопрос Саки, он объяснял ей, что собирается совершить еще одно последнее путешествие, что у колонии осталось совсем мало времени. Она уже во второй раз пересматривала это письмо, и у Эм-Джея был такой болезненный вид. Однако Саки должна была кое-что проверить. У нее неожиданно появилась идея.

Первую половину записи Эм-Джей сидел прямо перед камерой и почти целиком заполнял собой пространство кадра. Он считал, что эпидемия распространяется очень быстро и представляет огромную опасность. Он рассказывал о людях, которые уже умерли, и о тех, что умирали, холодные оценочные суждения в его речи сменялись печальными воспоминаниями. Саки плакала вместе со своей потерянной любовью, плакала навзрыд, и слезы застили ей глаза настолько, что она едва не пропустила то, что хотела увидеть.

Она нажала на паузу и отмотала видео назад. Вот здесь, в самой середине письма Эм-Джей встал и подошел к пульту управления, чтобы откорректировать данные. Камера все еще была направлена на него, но на мгновение она за-

фиксировала настройки проектора. То место в Хрониках, куда хотел отправиться Эм-Джей.

Саки выписала координаты места и времени. Разумеется, это было на Новом Марсе. А кроме того, это происходило в будущем. Она изучила другие настройки проектора, обращая внимание на то, как он изменил настройки проектора, чтобы тот работал в нужном ему направлении.

Эм-Джей посетил Хроники в будущем и оставил ей подсказки, чтобы она могла последовать за ним.

Саки установила на своем коммуникаторе статус "Не беспокоить" и указала, что доступ к проектору будет закрыт на время проведения техобслуживания. Она не могла заставить себя записать видеообращение — ей было слишком тяжело это делать, поэтому она написала обычные старомодные письма Кензу, своему аспиранту и Ли — просто на случай, если что-нибудь пойдет не так.

Когда Саки вышла в коридор, она столкнулась там с Хён Сиком и Кензу.

Она замерла.

— Я помогу вам настроить проектор, доктор Джонс, — сказал Хён Сик. — Так будет безопаснее, чем программировать его с задержкой по

включению.

— Но как вы?..

— Ты любишь его и никак не можешь отпустить, — сказал Кензу. — Ты никогда не умела прощаться. Ты хотела увидеть как можно больше тех моментов, пока он находился в колонии, но в большинстве случаев тебе вряд ли позволили бы это сделать.

— К тому же вы указали, что проектор закрыт на "аварийные работы" в то время как инженер, обслуживающий его, пребывает посередине своего цикла сна, и любой, кто заглянет в расписание, сразу почувствует неладное, — добавил Хён Сик.

— Тоже хотите отправиться в путешествие без разрешения? — спросила Саки, удивленно вскинув брови.

— Пойдемте. — Хён Сик не стал отвечать на ее вопрос. — Нужно торопиться, пока никто ничего не заметил.

Они вошли в центр управления проектором, и Саки откорректировала настройки оборудования в соответствии с теми данными, которые она видела в письме Эм-Джея. Два молодых человека сидели рядом и наблюдали за ней, Кензу положил голову на плечо Хён Сика.

Когда она закончила, Хён Сик подошел и прове-

рил данные на панели управления.

— Это должно произойти через двадцать лет.

— Да.

— Никто еще не посещал будущее Хроник. Это запрещено по соображениям безопасности, кроме того, никто точно не знает, возможно ли это в действительности.

— У Эм-Джея получилось, — тихо сказала Саки. У нее не было веских доказательств того, что облака искажения, которые она видела в Хрониках, возникли из-за него, но кто еще мог там быть? После гибели колоний здесь не осталось никого, и кем бы этот человек ни был, он выбирал именно те места, куда скорее всего отправилась бы и она. Эм-Джей показал ей, что он смог успешно посетить будущее. Он хотел, чтобы она, наконец, встретилась с ним в этих координатах.

— Конечно, у него получилось, — усмехнулся Кензу. — Он ведь всегда был таким умным.

Саки хотелось рассмеяться вместе с ним, но она смогла лишь грустно улыбнуться.

— Вы тоже умные. Но у вас могут возникнуть из-за этого проблемы. Это может разрушить вам карьеру.

— Мы здесь, чтобы ты все-таки вернулась к нам обратно.

Саки покраснела, вспоминая о письмах, которые она на всякий случай оставила у себя в каюте. Эм-Джей отправился в определенный момент будущего. Возможно, он все еще был там. И тогда она увидится с ним. За пределами времени и пространства. Если же она вернется, ей придется нести ответственность за свое несанкционированное путешествие. Так что опасения Кензу, что она могла остаться в Хрониках, нельзя было называть необоснованными.

— Теперь у вас есть повод вернуться, — сказал Хён Сик. — В противном случае нам с Кензу придется за все ответить.

Саки вздохнула. Они слишком хорошо знали ее. Она не могла остаться в Хрониках и бросить их на произвол судьбы.

— Я вернусь, обещаю.

Это история любви, но она не заканчивается тем, что "они жили долго и счастливо". Потому что это еще не конец. Ваши истории обычно имеют очень жесткую структуру: начало, середина, конец. Таковы стандарты ваших повествований о любви, аккуратные и упорядоченные посреди хаоса реальности.

Но наша любовь рассеяна среди пространства и времени, без какого-либо порядка и без конца.

Путешествия в Хроники прошлого напоминали просмотр серии определенных отрезков времени, а будущее таило в себе сплошную неопределенность. Саки словно разделилась на миллионы собственных "я", которые были соединены друг с другом хрупкой нитью сознания, привязанного к одному-единственному моменту, но распадающемуся на множество возможностей.

И большая часть этих возможностей была связана с ксеноархеологическим складом.

А малая часть ее бесконечных "я" оставалась в центре управления проектором на случай, если он вдруг выйдет из строя, или если она в последний момент изменит свое решение. В других реальностях местоположение склада было изменено, он был уничтожен или перестроен в здания инопланетной архитектуры, которые не мог до конца постичь ее разум. Саки оставляла за собой белую паутину, нарушая ткань Хроник еще до того, как та была соткана.

Саки сосредоточилась на большей части своих бесконечных "я", которые находились на Новом

Марсе внутри склада в окружении инопланетных артефактов. Это было наиболее вероятное будущее, так как у него оказалось больше всего различных вариаций.

Эм-Джей был здесь, его окружал белый пузырь в том месте, где он вторгся в Хроники.

Тогда Саки сосредоточила свое внимание на одном-единственном варианте будущего, где они методом проб и ошибок, полагаясь на интуицию, а возможно, и абсолютно случайно смогли настроить свои коммуникаторы так, чтобы общаться друг с другом. В Хрониках не было звуков, но они могли отправлять друг другу сообщения.

— Здравствуй, любимая, — напечатал Эм-Джей.

— Я не могу поверить, что это в самом деле ты, — ответила Саки. — Я так по тебе скучала!

— Я тоже. Я боялся, что мы уже никогда больше не увидимся. — Он указал на артефакты. — Ты разгадала их секрет?

Она кивнула.

— Все дело в нанитах. Основания артефактов генерируют наниты, которые смешиваются с пылью. Они поглощают все, что содержит органику, и это становится строительным материалом для верхней части артефактов.

— Да. Изначально все они были погребены в недрах планеты, поэтому наниты привыкли поглощать самую разную органическую материю, — напечатал Эм-Джей. — Но они быстро адаптируются и множатся.

Саки вздрогнула.

— Зачем же им понадобилось совершать нечто ужасное?

— А. Видишь ли, ты, как и я, располагаешь лишь частью информации. — Он указал на окружавшие их артефакты. — Эти основания переливчато-синего цвета и есть пришельцы, точнее, их физическая оболочка. Наниты помогают им создавать связи, трансформирующие другие инопланетные расы, с которыми они сталкиваются, в нечто понятное им.

— Почему ты не объяснил это в своем отчете?

— Кое-что там есть, но окончательно я все понял, лишь когда попал в будущее. — Он сделал широкий жест рукой, показывая на склад и стараясь при этом остаться в пределах белого пузыря искажений.

В этом будущем они с Эм-Джеем были одни, но во многих других версиях будущего на складе находилось много людей. Саки узнала пассажиров и команду корабля. Они бродили среди артефактов

почти что с благоговением, большинство из них останавливались около какого-то определенного артефакта и дотрагивались до него.

Она стала просматривать другие версии будущего и находить похожие моменты. Поклонение артефактам, люди со станции, которые живут в колонии, не затронутой нанитами.

— Я не понимаю, что происходит.

— Как только инопланетяне поняли, что они с нами делают, они сразу же остановились. Они поглотили наши посевы, деревья, животных. Для каждого вида был свой артефакт. — Он повернулся к ближайшему артефакту, тому самому, на котором было сосредоточено внимание людей из параллельных версий будущего. — В нем содержатся все колонисты.

— Они посещают своих любимых, отдают им дань памяти.

— Да.

— Я буду приходить сюда, чтобы навестить тебя. — Саки наблюдала это в разных версиях будущего. — Я так злилась, когда Ли послала дроны, чтобы они зафиксировали последние минуты существования колонии! Я хотела быть там, увидеть тебя, но это желание было настолько эгоистичным, таким неправильным, что я даже

не упомянула о нем на собрании нашей группы. Я не смогла найти тебя на записях дронов, но там было слишком много материалов. Всё и вся умирало, а затем систематически распадалось под действием нанитов…

— Благодаря этому инопланетяне поняли, что они должны оставить человечество в покое.

— Ничего они не поняли! Они забрали всю органику из зондов, которые мы отправили на планету.

— Это были новые технологии, верно? Синтетическая органика, которая не использовалась в колониях, поэтому наниты и не распознали ее. Саки, ты ведь смогла заглянуть в будущее. Да, артефакты поглотили нашу колонию, но по крайней мере мы смогли спасти всех остальных.

— Мы? Ты не можешь туда вернуться. А я не хочу посещать этот инопланетный храм, чтобы повидаться с тобой. Я хочу остаться. Я хочу, чтобы *мы* остались вместе! — Саки беспомощно всплеснула руками и уставилась на свой браслет. — Я обещала Кензу, что вернусь.

— Ты должна творить будущее, — ответил Эм-Джей. — Скажи Кензу, что я люблю его. Он такой красивый.

— Я могу найти способ, как тебя спасти. Как

спасти всех. — Саки внимательно разглядывала артефакты. — Или я могу остаться. Ведь не важно, как долго я здесь пробуду, в центре управления это займет всего одно мгновение…

— Я ждал тебя здесь, — сказал Эм-Джей с грустной улыбкой. — Теперь мы с тобой увиделись, и я должен вернуться в свое время. Ступай первая, любовь моя, чтобы тебе не пришлось смотреть, как я ухожу. Живи за нас двоих.

Это было глупо и бессмысленно, Саки протянула к Эм-Джею руку, и Хроники между ними стали размытыми. Он, словно отражение в зеркале, тоже протянул к ней руку, коснулся своими пальцами ее пальцев. На мгновение ей показалось, что она сейчас ощутит его прикосновение, но они попали сюда из разных временных отрезков в результате разных проекций и не могли синхронизироваться. Кончики его пальцев расплылись и стали белыми.

Саки отдернула руку и прижала ее к сердцу. Она не смогла собраться с духом и написать ему "Прощай". Вместо этого она постаралась улыбнуться сквозь душившие ее слезы.

— Я продолжу изучать инопланетную цивилизацию, как мы и мечтали.

Он улыбнулся ей в ответ, его глаза тоже были

влажными от слез. И, пока она не передумала, Саки нажала на кнопку на своем браслете. Лишь после этого, уже исчезая, она отправила ему свое последнее сообщение:

— Прощай, любовь моя!

И все ее "я" из бесконечных вариантов будущего снова превратились в одну-единственную Саки, а она вернулась в центр управления с мокрым от слез лицом.

> *Теперь мы лучше изучили вас. Мы любим вас так сильно, что оставляем в покое.*

Саки сняла перчатки и дотронулась до прохладной поверхности инопланетного артефакта. Эм-Джей был его частью. Как и все колонисты. Эти первые колонисты отдали свои жизни, чтобы инопланетяне поняли — люди не хотели быть насильственно поглощенными. Находилось ли здесь и сознание Эм-Джея, ставшее частью чего-то большего? Ей хотелось так думать.

Прижимая ладони к артефакту, она закрыла глаза и сосредоточилась. Постепенно, со временем они научатся общаться. Артефакт расскажет ей историю. Свою часть истории, а она ему — свою.

Она знала, что безнадежно предвзята в своем рассказе, что ее версия реальности неизбежно будет ошибочной и несовершенной. Что она даже не понимает, как много всего ускользало от ее внимания, однако постарается как можно лучше зафиксировать обе части этой истории.

Это история любви, последнего из тех мгновений, когда мы встречались.